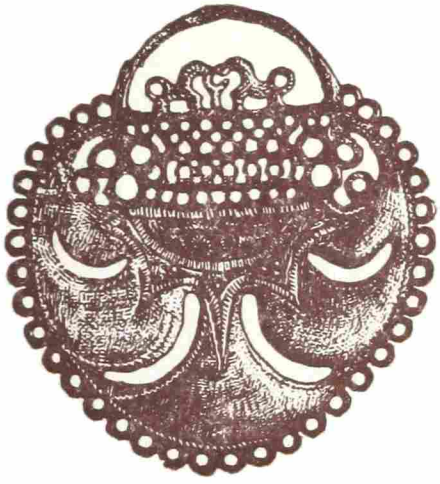
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1981

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р. М. (Москва). XXVI съезд КПСС и задачи советской археологической науки 5
Синюк А. Т. (Воронеж). Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона 8
Блаватский В. Д. Феодосия VI—IV вв. до н. э. и ее название 21
Федоров Б. Н. (Ленинград). Пьедесталы надгробий с узкими высокими стелами (Херсонес, IV—III вв. до н. э.) 30
Мирошина Т. В. (Москва). Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. 46
Чернай И. Л. (г. Бронницы Моск. обл.). Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) 70
Голубева Л. А. (Москва). Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—XI вв. 87
Гуревич Ф. Д. (Ленинград). Поливная керамика Новогрудского детинца 99
Красильников К. И. (Ворошиловград). Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья 110
Немцева Н. Б. (Ташкент). Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда 126

Публикации

Заверняев Ф. М. (Брянск). Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки 141
Сорокин А. Н. (Москва). Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера) 159
Мошкова М. Г. (Москва). Комплекс находок с ритоном из Уральской области 171
Оболдуева Т. Г. (Москва). О датировке стен Эйлатана 186
Козенкова В. И., Ложкин М. Н. (Москва, станица Отрадная). Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани . . . 196
Бёттгер Б. (Берлин, ГДР). Амфоры с надписями из Танаиса 206
Островерхов А. С. (Одесса). Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье 214

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1981 г.

Акишев А. К., Байпаков К. М. (Алма-Ата). Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара 229
Кашкин А. В. (Москва). О гончарстве в Непале 238

Заметки

Журавлев А. П., Девятова Э. И., Врублевская Э. Л. (Петрозаводск). Медные изделия стоянки Залавруга IV 247
Татаринов С. И. (Артемовск). Новые сосуды эпохи бронзы со знаками (Донбасс) 250
Медведев А. П. (Воронеж). Сарматское погребение близ Воронежа . . . 253
Макаров Н. А. (Москва). Магические обряды при сокрытии клада на Руси 261
Волкайте-Куликаускене Р., Лухтан А. (Вильнюс). Редкие монеты из Восточной Литвы 265

Критика и библиография

Егоров В. Л. (Москва). Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975 271
Литичевский Г. С. (Москва). Vallet G., Villard F., Auberson P. Mégara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaïque. EFR. Rome, 1976 . . . 274

Хроника

Бибиков С. Н. (Киев). Ленинские идеи в археологической науке 281
Голубева Л. А. (Москва). XVI Всесоюзная конференция финноугроведов 287
Письмо в редакцию 289

Памяти Владимира Дмитриевича Блаватского 296

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1981 год 301

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1981

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Munchaev R. M. (Moscow). The 26th CPSU Congress and Soviet Archaeology 5
Sinyuk A. T. (Voronezh). The Eneolithic-Bronze Age Repino Culture in the Don Basin . . . 8
Blavatsky V. D. 6th-4th-Century Theodosia and Its Name . . . 21
Fedorov B. N. (Leningrad). Chersonese Pedestals for Narrow High Stellas on 4th-3rd-Century B. C. Graves . . . 30
Miroshina T. V. (Moscow). Some Types of Scythian Women's Headdress of the 4th-3rd Centuries B. C. . . . 46
Chernai I. L. (Bronnitsy, Moscow Region). Textile Production among the Dyakovo Culture Tribes (on the Materials of the Seletskoye Settlement) . . 70
Golubeva L. A. (Moscow). Horse Burials in 8th-9th-Century Mounds in North-Eastern Rus . . . 87
Gurevich F. D. (Leningrad). Glazed Pottery from the Citadel of Novogrudok 99
Krasilnikov K. I. (Voroshilovgrad). The Transition to a Settled Way of Life of the Proto-Bulgarians in the Middle Reaches of the Seversky Donets . . . 110
Nemtseva N. B. (Tashkent). New View on the Kazy-Zädeh Rumi Tomb in Samarkand . . . 126

Publications

Zavernyaev F. M. (Bryansk). Bone and Stone Engravings from the Khotylevo Upper Palaeolithic Site . . . 141
Sorokin A. N. (Moscow). The Petrushino Mesolithic Site in Meshchera (Vladimir Region) . . . 159
Moshkova M. G. (Moscow). Burial Complex with a Rhyton in Uralsk Region 171
Oboldueva T. G. (Moscow). On Dating the Eilatan Walls . . . 186
Kozenkova V. I., Lozhkin M. N. (Moscow, stanitsa Otradnaya). Late Koban Culture Findings in the Upper Kuban . . . 196
Böttger B. (Berlin, the GDR). Amphorae with Inscriptions from Tanais . . 206
Ostroverkhov A. S. (Odessa). Ancient Production of Glass Beads in the Northern Black Sea Area . . . 214
Akishev A. K., Baipakov K. M. (Alma-Ata). An Otrar Knight-and-Dragon Medallion . . . 229
Kashkin A. V. (Moscow). Pottery-Making in Nepal . . . 238

Notes

Zhuravlev A. P., Devyatova E. I., Vrublevskaya E. L. (Petrozavodsk). Copper Artifacts from Zalavruga IV Site . . . 247
Tatarinov S. I. (Artemovsk). New Vessels with Signs of the Bronze Age (Donbass) . . . 250
Medvedev A. P. (Voronezh). A Sarmatae Burial at Voronezh . . . 253
Makarov N. A. (Moscow). Russian Magic Rites Used When Hiding a Hoard 261
Volkaitė-Kulikauskienė R., Luhtan A. (Vilnius). Rare Coins from Eastern Lithuania . . . 265

Reviews and Bibliography

Egorov V. L. (Moscow). Fakhrutdinov R. G. Archaeological Monuments of the Volga-Kama Bulgaria and its Territory (Kazan, 1975) 271
Litichevsky G. S. (Moscow). Vallet G., Villard F., Auberson P. Mégara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaïque. EFR. (Rome, 1976) 274

Chronicle

Bibikov S. N. (Kiev). Lenin's Ideas in Archaeology 281
Golubeva L. A. (Moscow). The 16th All-Union Conference of Finno-Ugrian Scholars 287

A Letter to the Editors 289

In Memory of V. D. Blavatsky 296

К сведению читателей!

С 1 января 1982 г. цена за экземпляр нашего журнала устанавливается в размере 2 р. 80 к. Стоимость годовой подписки 11 р. 20 к. Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение журнала, расходов на подготовку рукописей и художественно-графическое оформление издания.

МУНЧАЕВ Р. М.

XXVI СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

XXVI съезд КПСС, ознаменовавший собой новый и важный исторический рубеж в развитии нашей страны, явился событием огромного международного значения. Съезд дал широкую и всестороннюю оценку современному этапу общественного развития, сделал глубокий и развернутый анализ положения внутри страны и на международной арене, разработал величественную программу созидательной работы, продемонстрировал монолитное единство партии и народа, всего советского общества.

Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, единодушно одобренный и принятый съездом к руководству, представляет собой документ поистине программного значения и вносит крупный вклад в теорию и практику коммунистического строительства.

В Отчетном докладе ЦК КПСС, в утвержденных съездом «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» исчерпывающе проанализированы результаты развития нашего социалистического государства во всех сферах общественной жизни — экономической, социально-политической и духовной, определены главные направления его внутренней и внешней политики. «Сегодня, заглядывая вперед на пять, на десять лет,— говорил на XXVI съезде партии товарищ Л. И. Брежнев,— мы не можем забывать, что именно в эти годы будет закладываться и создаваться народнохозяйственная структура, с которой страна вступит в двадцать первый век. Она должна воплощать основные черты и идеалы нового общества, быть в авангарде прогресса, олицетворять собой интеграцию науки и производства, нерушимый союз творческой мысли и творческого труда».

Решения съезда имеют огромное теоретическое и политическое значение. В них намечена обширная программа дальнейшего строительства коммунизма в СССР, раскрыты основные проблемы, которые предстоит решить, указаны пути их решения.

XXVI съезд КПСС уделил большое внимание дальнейшему развитию науки и ускорению на этой основе научно-технического прогресса. «Партия коммунистов,— сказал на съезде Л. И. Брежнев,— исходит из того, что строительство нового общества без науки просто немыслимо». Поэтому съезд поставил перед советской наукой большие и ответственные задачи, указав на необходимость дальнейшего повышения эффективности исследований, ускорения внедрения достижений науки и техники в производство, обеспечения опережающего развития фундаментальных и повышения результативности прикладных исследований.

Советские археологи, как и все ученые нашей страны, весь советский народ, активно включились в общенародную борьбу за выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС. Многонациональному коллективу советских археологов предстоит осуществить в новой, XI пятилетке большой объем экспедиционных и исследовательских работ, включая разработку ряда фундаментальных проблем исторической науки.

Важное научное значение имеет исследование таких комплексных проблем, как происхождение человека, процесс становления человеческого общества и начальных этапов истории человечества. Советские археологи совместно с историками, философами, этнографами, лингвистами и представителями других наук будут по-прежнему активно изучать общенаучную проблему закономерностей развития и истории докапиталистических формаций, обосновывая новейшими данными археологической науки марксистско-ленинскую концепцию общественно-исторического развития народов СССР. При этом особое внимание необходимо уделять разработке вопросов методики и методологии археологических исследований. В этом большую роль должны сыграть методологические (философские) семинары. Л. И. Брежнев указывал на XXVI съезде КПСС, что «заслуженное признание получил опыт проведения семинаров по методологическим проблемам общественных и естественных наук в Новосибирском научном центре». Методологические семинары активно действуют в Институте археологии АН СССР, в Ленинградском отделении Института археологии и других учреждениях. Результаты работы методологических семинаров опубликованы в специальных выпусках Кратких сообщений ИА АН СССР «Торговля и обмен в древности» (№ 138, 1974) и «Вопросы теории и методологии археологической науки» (№ 152, 1978), а также в других изданиях. Важное значение для разработки теоретических проблем археологии имели конференции «Историзм археологии» (Москва, 1976) и «Идеологические представления древнейших обществ» (Москва, 1980). Серьезное внимание будет уделено разработке этногенетических проблем, в частности происхождения и ранней истории славян и других народов СССР. Вместе с учеными смежных специальностей археологи, как и прежде, будут активно исследовать проблемы истории и культуры ранее бесписьменных народов нашей страны. Ответственные задачи стоят и в области изучения древнего искусства, религиозных представлений и духовной культуры в целом. Советские археологи широко участвуют в развернувшейся в нашей стране большой работе по составлению «Сводов памятников истории и культуры» отдельных республик, краев и областей Советского Союза. Можно с удовлетворением отметить в данной связи, что Институтом археологии АН СССР уже подготовлены соответствующие разделы Сводов по Брянской, Вологодской, Владимирской, Ивановской, Ярославской и некоторым другим областям РСФСР.

Безусловно, к числу важнейших задач, стоящих перед советскими археологами, относится создание 20-томной «Археологии СССР». Это будет фундаментальный труд, рассчитанный на специалистов и широкий круг научной общественности, в котором на уровне достижений современной науки будет обобщен весь накопленный обширный и многообразный археологический материал. Работа по написанию «Археологии СССР», ведущаяся Институтом археологии АН СССР с привлечением ученых из академий наук союзных республик, высших учебных заведений и ряда музеев страны, начата в десятой пятилетке и будет завершена к 1985 г. Уже подготовлены к печати восемь томов этого подписного издания, в том числе «Палеолит СССР», «Неолит юга СССР», «Энеолит юга СССР», «Бронзовый век Кавказа и Средней Азии» и др. В этом году подписчики получат такие тома «Археологии СССР», как «Степи Евразии в эпоху средневековья» и «Восточные славяне в VI—XIII вв.». К выпуску в 1982 г. готовятся «Энеолит юга СССР» и «Античные государства Северно-

го Причерноморья». Каждый выпуск «Археологии СССР» запланирован в объеме до 50 печатных листов, он будет снабжен большим иллюстративным материалом, включая карты, типологические и синхронистические таблицы, планы археологических памятников и т. д. и т. п. Подобного исследования в области археологии наука до сих пор не знала. 20-томная «Археология СССР» явится поистине уникальным изданием.

Наряду с подготовкой и изданием «Археологии СССР» и «Свода памятников истории и культуры» коллектив Института археологии АН СССР совместно с учеными других научно-исследовательских учреждений и музеев страны продолжит работу по подготовке капитального издания «Свод археологических источников СССР», рассчитанного на 350—400 выпусков. Издано уже около 70 выпусков данной серии. Наши ученые будут разрабатывать и ряд узловых проблем археологии Старого и Нового Света, в том числе вопросы становления и развития древнейших цивилизаций на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Южной Америке.

Для осуществления стоящих перед советскими археологами исследовательских задач будут продолжены большие полевые работы по изучению древних и средневековых памятников культуры на территории нашей страны; продолжат работу и советские экспедиции за рубежом. Принятая XXVI съездом КПСС программа дальнейшего развития народного хозяйства предусматривает осуществление в XI пятилетке и будущем во всех регионах страны крупномасштабного строительства — сооружения ГЭС, проведение широких мелиоративных работ, создание новых промышленных и иных объектов и т. д.

В зоне этих новостроек страны находится немалое количество разнообразных археологических памятников — поселений, городищ, курганов и т. д. Почетный долг советских археологов — на основе Закона об охране памятников, закрепленного в Конституции СССР, исследовать в возможно короткие сроки эти памятники и тем самым способствовать своевременному завершению народнохозяйственного строительства.

В XI пятилетке наиболее крупные работы на новостройках Институт археологии АН СССР проведет в зонах гидротехнического и мелиоративного строительства на Северном Кавказе, в Ставропольском и Краснодарском краях. В соответствии с «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г.» будут начаты подготовительные работы по переброске части стока северных рек в бассейн Волги и продолжены проектные изыскания по переброске части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Учеными Академии наук СССР и ряда союзных республик начаты уже археологические исследования в зонах проектирования этих грандиозных строек коммунизма.

Большие работы по спасению памятников в новой пятилетке предстоит выполнить археологам в связи со строительством гидроэлектростанций и водохранилищ в центральных районах РСФСР, в Среднем и Нижнем Поволжье, Алтайском крае и других республиках нашей страны.

Советские археологи накопили уже значительный опыт организации исследований памятников в зонах новостроек. Во всех крупных научных учреждениях страны созданы специальные научно-организационные подразделения — сектора или отделы новостроечных экспедиций.

Коллектив советских археологов, как и все советские ученые, горячо поддерживают решения XXVI съезда КПСС. Вдохновляемые постоянной заботой партии и правительства о развитии отечественной науки, они преисполнены решимости выполнить ответственные задачи, поставленные съездом Коммунистической партии Советского Союза перед советской наукой.

СИНЮК А. Т.

РЕПИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА

Поселение у хут. Репина неизменно находится в поле зрения исследователей, занимающихся проблемами древнеямной общности, хотя материалы его и остаются в значительной степени неопубликованными. Вместе с тем в бассейне Дона сейчас известна группа памятников, являющихся ближайшими аналогами Репинскому поселению, в связи с чем рассмотрение их приобретает важность для конкретизации культурно-хронологических характеристик памятников так называемого репинского типа в восточном (Доно-Волжском) регионе их распространения.

Прежде всего напомним признаки главного источника — глиняной посуды самого Репинского поселения [1]. Это круглодонные горшки с высоким желобчатым или утолщенным в средней части венчиком, четко отделенным от яйцевидного тулова (рис. 1; 2). В тесте их — ракушечная примесь, на поверхности имеются крупные косовертикальные расчесы; венчики некоторых сосудов несут следы лощения. На венчике, чаще в его средней части, обязателен ряд ямок или жемчужин (выпуклости от вдавлений с внутренней стороны), причем ряды из ямок преобладают (около 74%). В орнаментации господствует гребенчатый штамп (свыше 70%), насечки которого обычно составляют горизонтальные пояски. У 70% сосудов имеется горизонтальный зигзаг. Другие элементы орнамента не составляют абсолютного преобладания, но при сравнительном анализе дают важные результаты. Среди них необходимо назвать шнуровой элемент, присутствующий в орнаментации трети сосудов (шнур, как правило, сочетается с другими элементами). Прочерченный орнамент составляет 15% от всех других, и примерно столько же — отступающий штамп. Известен прием украшения косого среза венчика. Единичны сосуды с ямчатыми вдавлениями и защипами, а также с елочным и другими, более сложными орнаментальными композициями. Большинство названных орнаментов выступает во взаимосвязи, однако улавливаются и некоторые устойчивые их комбинации. Например, прочерченный орнамент встречен главным образом на сосудах с ямками по венчику. На сосудах с жемчужинами чаще присутствует шнуровой элемент. Важно отметить наличие сосудов со слабо выраженным венчиком, а также фрагментов от баночного сосуда и двух мисок, у которых нет под верхом ямок или жемчужин, но другие признаки репинских сосудов сохранены. В коллекции имеются также два миниатюрных сосудика яйцевидной формы с непрофилированным верхом.

---

[1] Материал хранится в Саратовском областном краеведческом музее, инв. № 2458—2464. Он включает развалы (частично восстановленные) и фрагменты горшковидных сосудов в количестве 34 экз. С любезного согласия И. С. Синицына автор в свое время работал с коллекцией, и некоторые сведения о ней приводятся в данной статье.

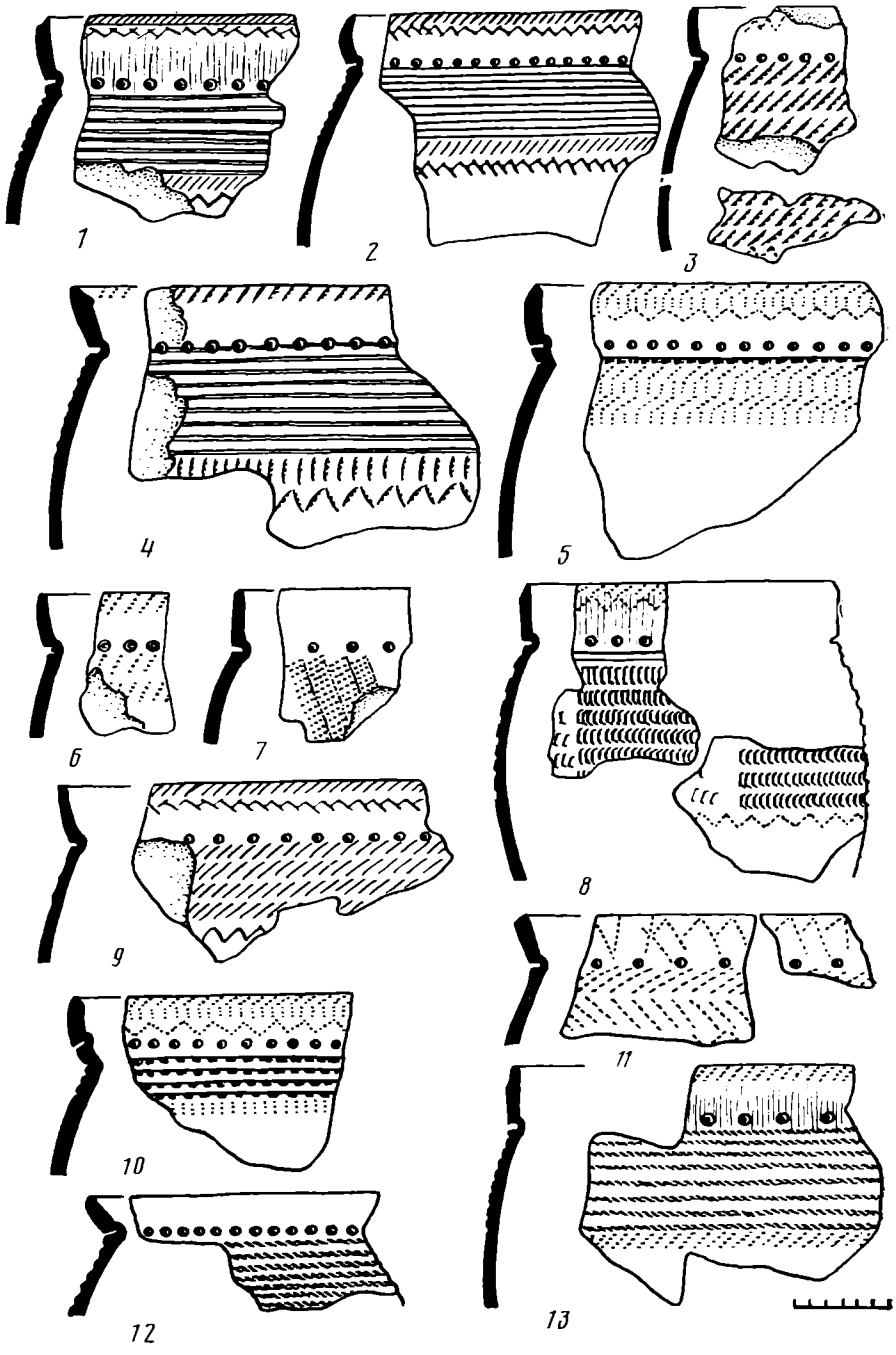


Рис. 1. Керамика Репинского поселения

Для определения хронологического соотношения материалов Репинского поселения большое значение имеют данные другого среднедонского памятника — стоянки Университетской-3,— которые позволяют сопоставить аналогичные сосуды [2] по уровню залегания (репинский материал располагался в нижнем и верхнем горизонтах среднего слоя стоянки) [1, с. 18—21]. Общая их характеристика отличается от сосудов из Репинского поселения лишь иным процентным соотношением тех же признаков. Например, здесь следует отметить преобладание жемчужного орнамента (на 80% сосудов), иногда образующего двойные, тройные ряды и

[2] Стоянка исследовалась автором в 1968—1970 гг. Здесь выявлены развалы и фрагменты от 85 горшков репинского типа.

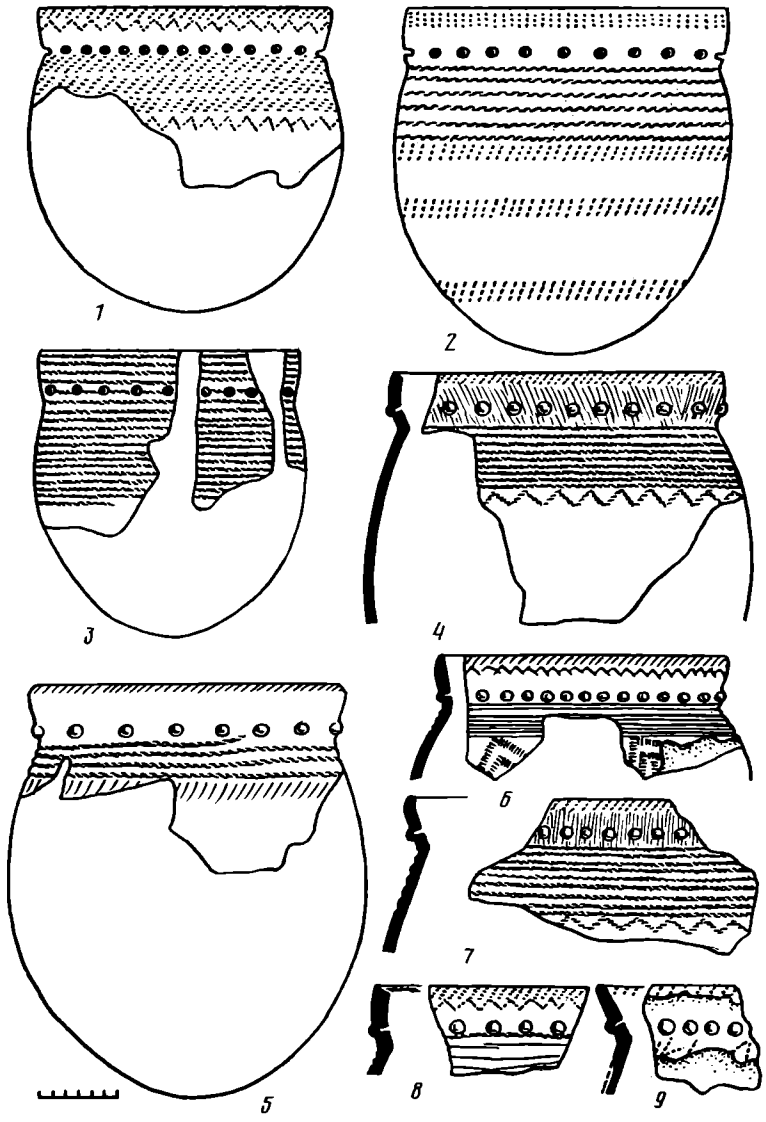


Рис. 2. Керамика Репинского поселения

больше (рис. 3; 4). Орнаментальный зигзаг имеется только у 22% сосудов. Преобладает мелкий гребенчатый штамп (около 63%), затем идут отступающий штамп и наколы (более 20%), простой и перевитый шнур (15%), а прочерченный, защипной и прочие элементы орнамента единичны. Как и в материалах Репинского поселения, здесь обнаруживается устойчивое сочетание шнура и жемчужин. На Университетской стоянке значительно больше репинских сосудов располагалось в верхнем горизонте. Они отличаются от нижележащих преобладанием жемчужного орнамента, чаще встречаемым шнуровым элементом, уменьшением применения отступающего штампа и наколов. Хронологический характер этих отличий подкрепляется и преобладанием в верхнем горизонте сосудов со слабо выделенным желобчатым венчиком, орнаментированных только жемчужинами и насечками по срезу, а также сосудов яйцевидной формы с прямым или несколько стянутым вовнутрь верхом, но во всем остальном сохраняющих признаки репинских горшков. В этом же горизонте найдена округлодонная мелкая миска, выполненная в «репинской» манере (рис. 4, *12*).

Приведенные статистико-стратиграфические данные стоянки позволяют, таким образом, более определенно говорить о хронологической

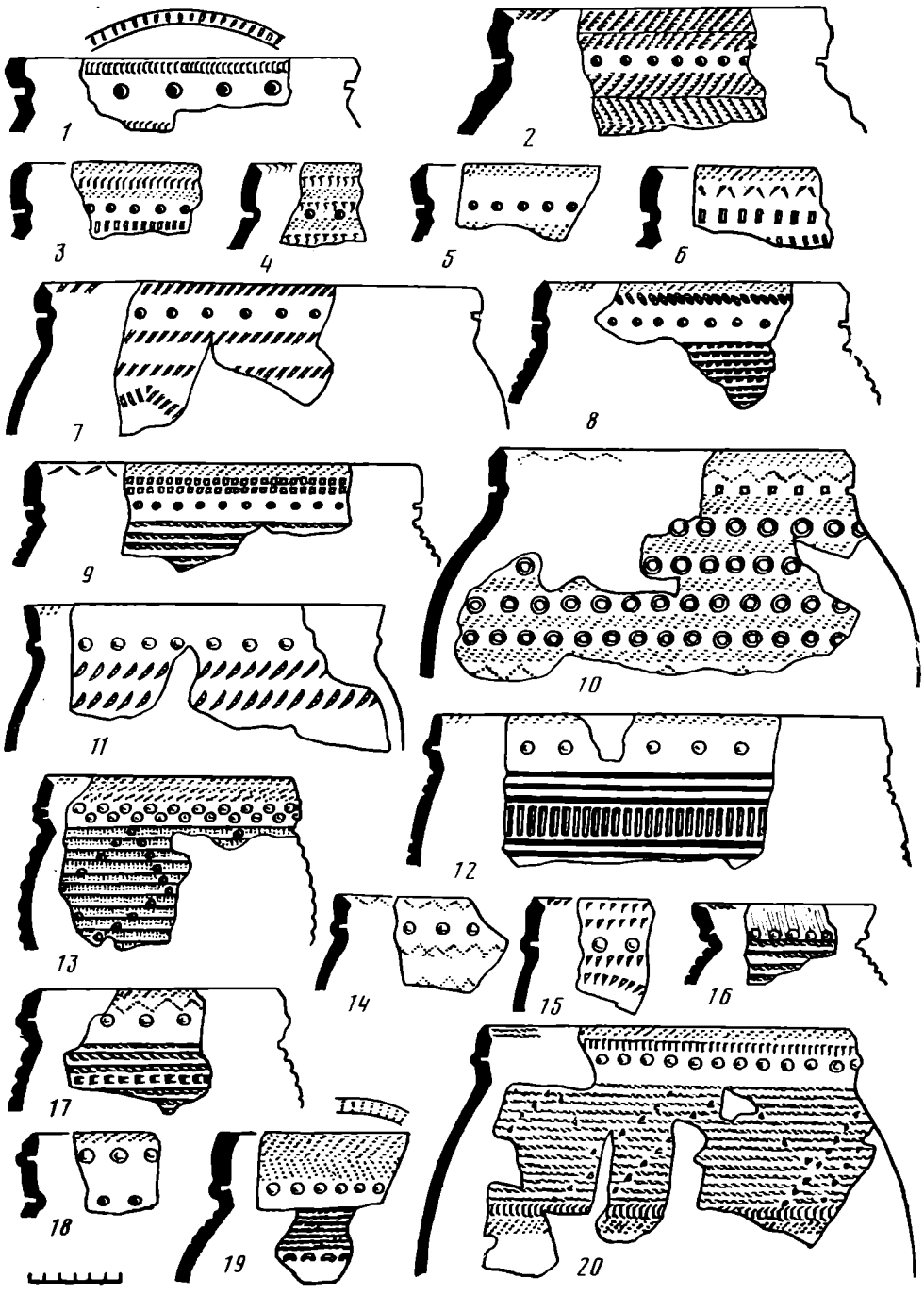


Рис. 3. Репинская керамика из низовий р. Воронежа (*1—18* — стоянка Университетская-3; *19* — стоянка Северо-восточная-1; *20* — Шиловское поселение)

неоднородности репинских материалов. Очевидно, критерием хронологического членения пока служит преобладание тех или иных признаков и сочетаний, а не каждый из них в отдельности. Поэтому установление периодизации пока возможно лишь применительно к памятникам с большими группами материалов. В частности, на Среднем Дону наряду со стоянкой Университетской-3 ранние и поздние признаки репинской керамики фиксируются в материалах таких стоянок, как Дармодехинская, Копанищенская, Черкасская. То же можно сказать и о материалах Репинского поселения, хотя там ранние признаки, как показывает анализ, явно преобладают. На Нижнем Дону ранних памятников репинского типа

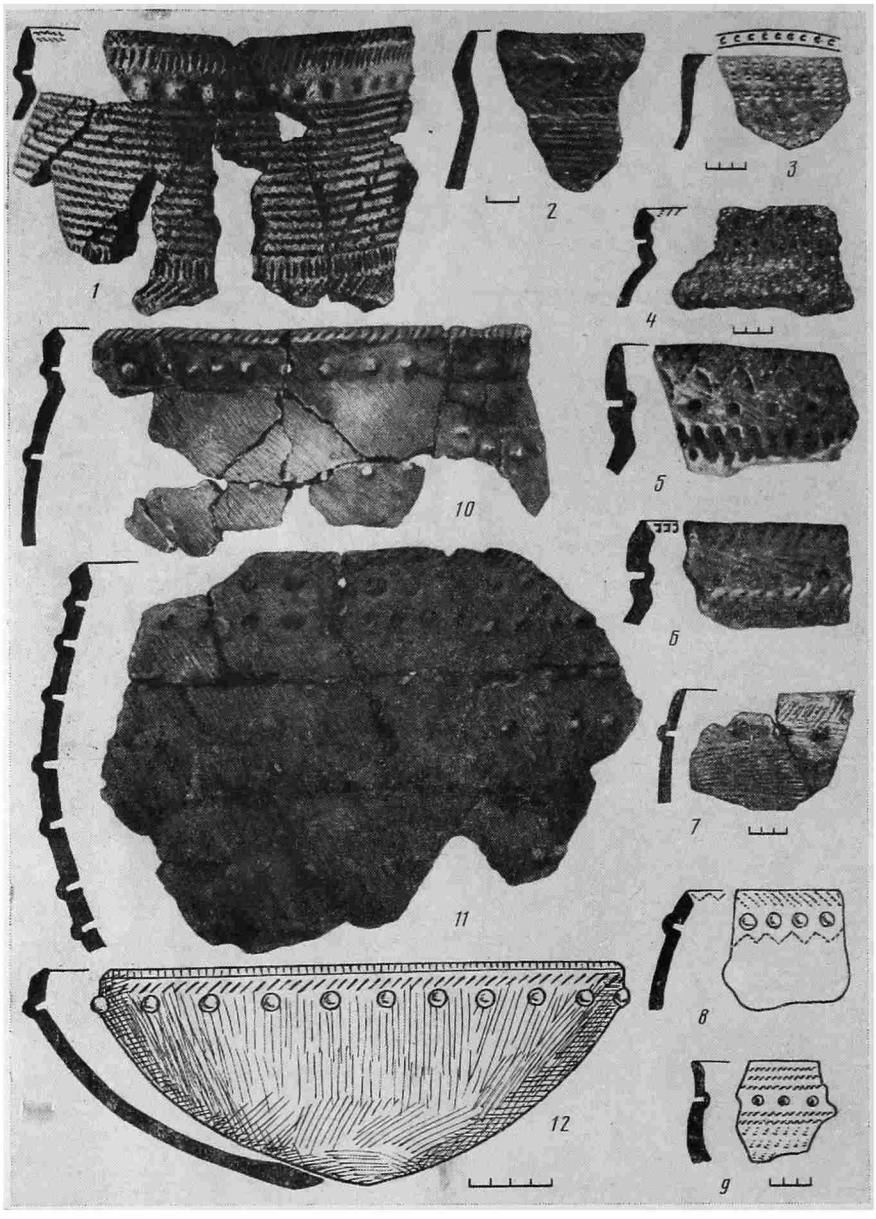


Рис. 4. Керамика нижнедонской (*2*), среднестоговской (*3*), репинской (*4—6, 10*) культур и ямно-репинского типа (*7—9, 11, 12*). *1* — Шиловское поселение; *2—9* — Дармодехинская стоянка; *10—12* — стоянка Университетская-3

пока не обнаружено, материалы же поселения Ливенцовка (2-й слой) в основном отражают поздний хронологический этап, поскольку сосуды редко содержат ракушечную примесь, венчики их невысокие, иногда слабо профилированы и, как правило, украшались жемчужинами [2, с. 214, 215, рис. 4, *1—5*]. В западном (Днепровском) регионе выделяется Михайловское поселение, где в орнаментации сосудов (группа «а» из 2-го слоя) господствуют шнур и жемчужины [3, с. 81—88] — признаки, объединяющие эти сосуды с поздними донскими материалами. Для последних в целом отмечается меньшая роль шнурового орнамента и одновременно широкое распространение баночных сосудов — свидетельство преимущественного взаимодействия на Дону репинских традиций с позднеямными.

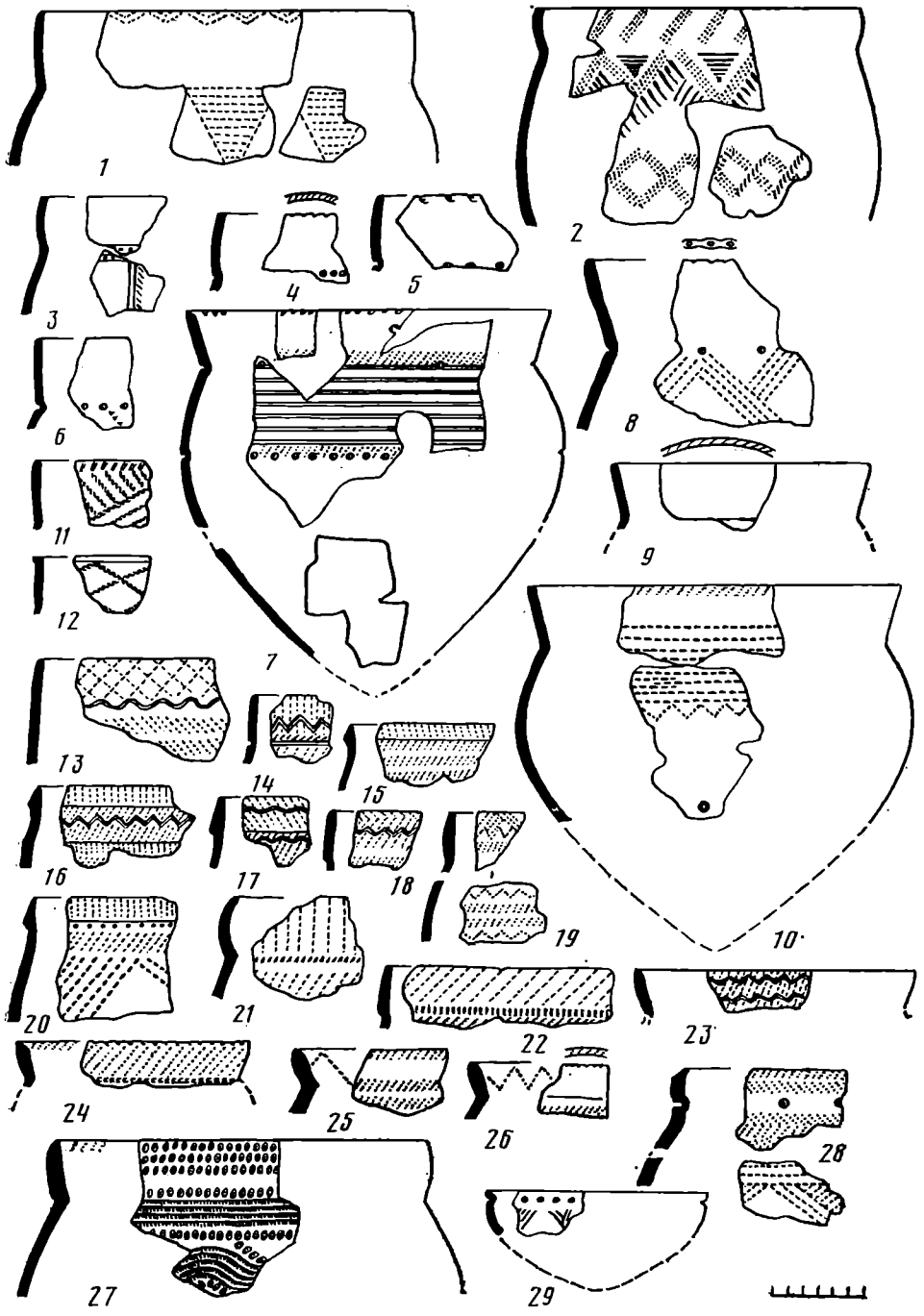


Рис. 5. Керамика среднестоговской (*1—12*), нижнедонской (*13—20*) культур и смешанного «проторепинского» типа (*21—28*). *1—18, 21—26, 28* — стоянка Университетская-3; *19, 20* — стоянка Университетская-1; *27* — Шиловское поселение; *29* — Дармодехинская стоянка

Типологические сопоставления репинских сосудов обнаруживают общие черты с материалами нескольких культур, среди которых важное место занимает среднестоговская энеолитическая культура. Отметим, что на Среднем Дону репинские и среднестоговские материалы, как правило, встречаются на одних памятниках. В частности, на стоянке Университетская-3 выявлены фрагменты от 33 среднестоговских сосудов (в отличие от репинских их больше в нижнем горизонте среднего слоя стоянки). Сосуды эти (рис. 5, *1—12*) остродонные, средних размеров, сравнительно толстостенные и легкие, с ракушечной примесью. Высокие венчики четко

отделены от тулова и нередко имеют следы лощения. Орнамент наносился только в верхней части тулова и по верху венчика. Преобладает мелкая гребенка, а прочерченный, накольчатый и шнуровой элементы немногочисленны. У ряда сосудов в основании венчика имеются ямочные вдавления. Иногда встречается орнаментальный зигзаг (рис. 5, *10*). Такой материал находит аналогии прежде всего в памятниках раннего, дошнурового периода среднестоговской культуры Поднепровья типа Квитяной, Игрень-8 и др. [4, с. 81—101], но в то же время именно он несет на себе ряд признаков, присущих и донским репинским сосудам (раковинная примесь, высокий венчик и прием его лощения, система построения орнамента и т. д.). Интересно, что поздние приднепровские и донецкие материалы среднестоговской культуры (Молюхов Бугор, Александрия) такого рода сходства совсем не имеют. О хронологическом (и в определенной степени культурном) смыкании ранних среднестоговских и репинских материалов красноречиво свидетельствуют и данные еще одного донского памятника — Дармодехинской стоянки [5, с. 146—155]. Здесь оба типа сосудов объединены довольно своеобразным признаком: поверхности их серого и черного цвета, «скользкие» от обилия ракушечной примеси. Такие же технологические показатели были зафиксированы в материалах из района Цимлянского водохранилища, безусловно, ранних, интерпретированных в свое время как доямные [6, с. 138].

Некоторые другие признаки репинских сосудов (обработка поверхности расчесами, составление насечек гребенчатого штампа в пояски, зигзаг, волнисто-прочерченный орнамент и т. д.) находят аналогии в памятниках типа Ракушечный Яр (соответствующие слои) [7] и др., в широком смысле вырастающих на базе нижнедонской неолитической культуры. Такого рода памятники сейчас известны не только на Нижнем Дону и Волге, но и в районах среднего течения этих рек [8, с. 73—96; 9, с. 63—72]. Характерно, что на Среднем Дону встречены материалы смешанного, среднестоговского-нижнедонского типа (рис. 5, *18—28*), который может одновременно рассматриваться и как переходный к репинскому. Этот материал весьма красноречиво свидетельствует, во-первых, о существенной роли двух названных культур в формировании репинской, во-вторых, об их хронологическом смыкании и, в-третьих, позволяет считать Средний Дон основной областью формирования репинской культуры. Не исключено также, что процесс этого формирования мог протекать более широко, с подключением тех сопредельных территорий, где была вероятность взаимодействия нижнедонских и ранних среднестоговских традиций. В частности, смешанный, или «проторепинский», тип керамики встречен на Нижней Волге в уроч. Мартышкино (сборы С. А. Щеглова в 1912 г., материалы хранятся в Саратовском краеведческом музее, инв. № 441), в насыпи кургана № 9 2-го Бережновского могильника (раскопки И. В. Синицына, хранятся там же, инв. № 2109) и восточнее, у сёл Болхуны (сборы П. С. Рыкова в 1928 г., хранятся там же, инв. № 1117), Досанга, Исекея (сборы В. Д. Белецкого) [10] и в ряде других мест. Не менее показательны и материалы Нижнего Дона — сосуды из курганов у хут. Мокрый Чалтырь [11, рис. XXIV, *2*], у хут. Попова [12, с. 387, рис. 27, *6*] и др. Область распространения репинских памятников в основном совпадает с указанными районами, что, видимо, не является случайным. В целом же процесс формирования репинской культуры протекал не только во взаимоотношениях нижнедонских и среднестоговских традиций — он был значительно более сложен. Так, например, отражением специфики днепродонецкой и среднедонской неолитических культур можно считать наколы и ямки по венчику; распространение шнура — следствие контактов уже с поздней среднестоговской культурой; появление яйцевидных сосудов баночной формы — результат взаимодействия с собственно ямными традициями на поздних этапах развития и т. д.

Большинством исследователей, начиная с И. В. Синицына [13, с. 31—35], репинский материал рассматривался как собственно ямный. Вместе с тем ряд исследователей, отдавая должное специфике репинских сосудов, объединяют сходные материалы (не выводя, правда, их за рамки ямной общности) в самостоятельные группу [14, с. 18], тип [15, с. 44—51], этап культуры [16, с. 280] и даже культуру [17, с. 56]. Напомним, что Н. Я. Мерперт не отождествляет с ямными материалы, названные нами в качестве основных, слагающих репинскую культуру. Среднестоговские материалы он, как и Д. Я. Телегин [18], склонен рассматривать в рамках самостоятельной культуры [19, с. 839—844; 20, с. 105]; типологически увязав сосуд из Бережновки с нижнедонским неолитическим материалом (Ракушечный Яр) [20, с. 55, 56], Н. Я. Мерперт говорит об экстраординарном для подкурганных погребений характере признаков этого сосуда, а сам нижнедонской неолит и его традиции, в том числе традиции вытянутых погребений, считает чуждыми культуре древнеямных племен [19, с. 353]. Но немногочисленные пока случаи обнаружения репинских сосудов в курганах Доно-Волжского региона связаны именно с вытянутыми погребениями [21, с. 227, рис. 22, *3*; с. 200, рис. 13, *3а, 3б*]. Можно присовокупить и сведения о находках сосудов, аналогичных и бережновскому, и репинским, в подкурганных погребениях с вытянутыми костяками у станиц Кубанская и Усть-Лабинская в Предкавказье (раскопки Н. И. Веселовского в 1902—1903 гг. [17, с. 68, 69, рис. 42; 22, с. 66, рис. 65]). Создается впечатление, что племена, оставившие памятники репинского типа, в основном придерживались бескурганного обряда захоронения, с положением умерших вытянуто на спине. Если это так, то племена эти составляли особый этнокультурный мир, со специфичными культовыми представлениями, бытом и хозяйствованием. Специфика последнего особенно рельефно выступает в связи с данными могильника у с. Съезжее в Среднем Поволжье, в котором наряду с керамикой нижнедонского типа выявлена жертвенная площадка с черепами лошадей [8, с. 74, 75], что перекликается с находкой из среднестоговского поселения Дереивки [4, с. 44—47], а все вместе взятое объясняет истоки утверждения коневодства как ведущей отрасли хозяйства жителей Репинского поселения [4, с. 173] (в отличие от ямных племен Доно-Волжского региона, специализировавшихся на овцеводстве и оставивших многочисленные подкурганные скорченные захоронения). Важно отметить, что грунтовой могильник у с. Съезжее содержал вытянутые погребения [8, с. 87, рис. 3]. Все сказанное выше убеждает нас в правомерности объединения репинских памятников в особую археологическую культуру. Следует ли ее рассматривать в рамках древнеямной общности или нет — вопрос этот находится в тесной связи со сложной проблемой происхождения и конкретного содержания самой древнеямной культуры. Сложность этой проблемы отражена и в позиции В. Н. Даниленко, включающего среднестоговские материалы, как и материалы бережновского типа, в один из периодов формирования древнеямной культуры. Бережновские материалы, по мнению этого исследователя, послужили основой для появления памятников репинского типа, включенных им в следующий период развития ямной культуры [17, с. 66—79]. Не затрагивая всех сторон этой концепции, отметим, что признание генетической связи репинских и бережновских материалов верно, на наш взгляд, лишь в той части, где сравнивается керамический материал. Определенно пока можно говорить лишь о тесных контактах, возникших еще на ранних стадиях развития репинской и нижневолжской ямных культур, что иллюстрируется памятниками смешанного типа как в Доно-Волжском регионе (Бережновка, Быково и др.), как и в Днепровском [23, с. 59, 60]. Такого рода взаимодействия особенно широко стали осуществляться на позднем этапе репинской культуры, но, как вытекает из рассмотренных данных, полного культурного слияния не произошло (рис. 6).

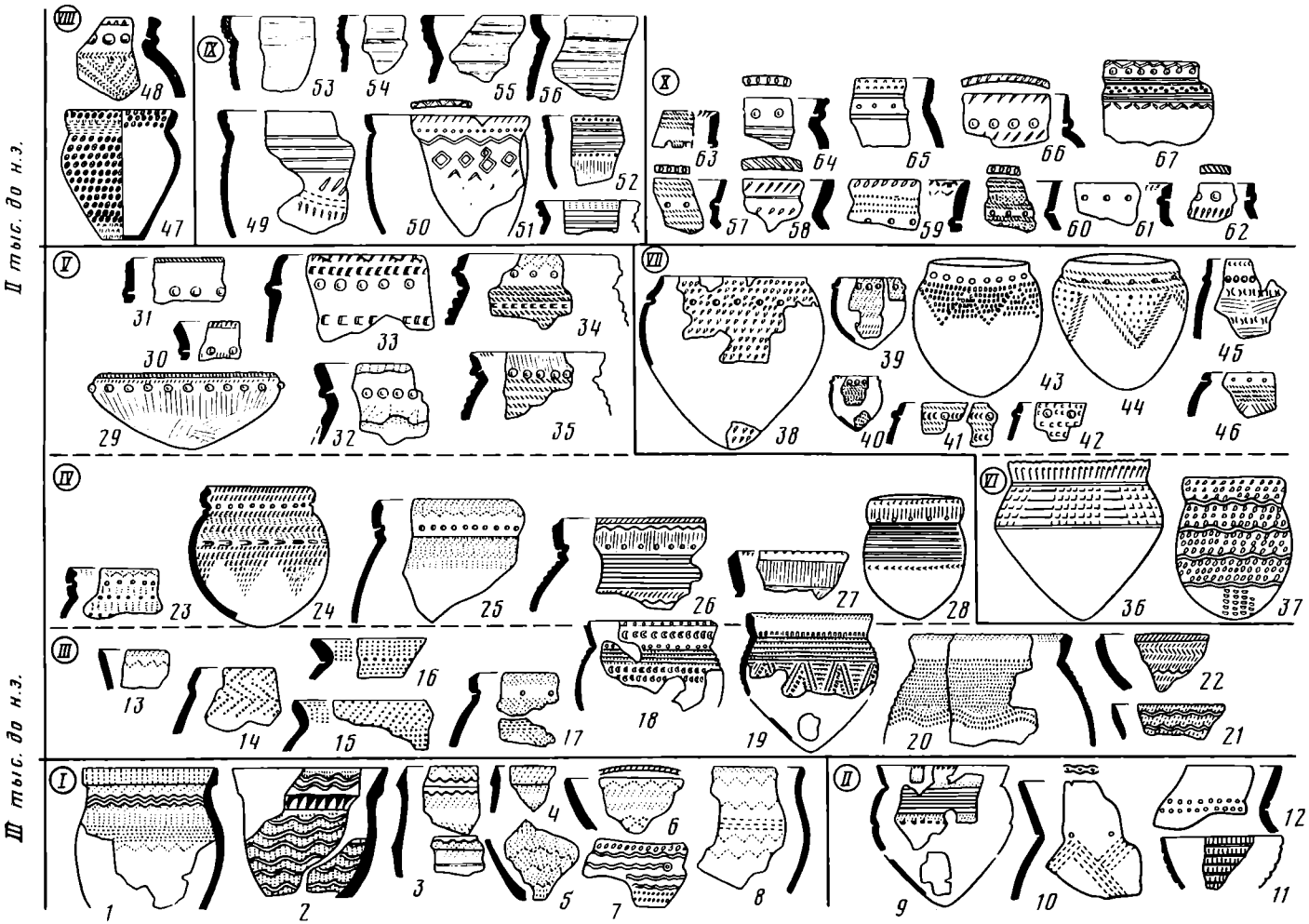


Рис. 6. Развитие репинской керамики и отражение ее признаков в материалах синхронных и более поздних культур Доно-Волжского региона. I — нижнедонская культура; II — среднестоговская культура; III — «проторепинский» этап; IV — 1-й период репинской культуры; V — 2-й период репинской культуры; VI — сосуды с «проторепинскими» признаками из древнейших подкурганных погребений; VII — ямпо-репинская керамика; VIII — катакомбная культура; IX — абашевская культура; X — поздняковская культура. *1, 2* — Съезжее; *3* — Университетская-1; *4—6, 9—11, 17—19, 21, 24, 29, 33—35, 38—42* — Университетская-3; *7, 8, 12, 30, 45, 46* — Рын-Пески; *13, 14* — Мартышкино; *15* — Болхуны; *16, 37* — Бережновка; *20* — Большой Липяг; *22, 25, 26, 32* — хут. Репин; *23* — Дармодехинская; *27* — Новая Казанка; *28* — Быково; *31* — Куриловка — Ерховка; *36* — хут. Попов; *43* — Верхнепогромное; *44* — Новочеркасск; *47* — Желдаковка; *48* — Рыбное Озеро-2; *49—52* — Шилово; *53, 54* — Сокольское; *55—56* — Барковское; *57, 64* — Засеченская-III; *65, 66* — Коренец-2; *67* — Погостище (использованы публикации В. А. Афонюшкина, И. Б. Васильева и Г. И. Матвеевой, В. Н. Данилепко, В. П. Левенка, Н. Я. Мерперта, Т. Б. Поповой, А. Д. Пряхина, Д. Я. Телегина

Для определения хронологических рамок репинской культуры важное значение имеет установление факта смыкания ее с первым периодом среднестоговской культуры, который датируется временем от третьей четверти IV тысячелетия до н. э. до конца этого тысячелетия [4, с. 124, 125]. Но, учитывая в целом хронологический приоритет последней (данные стоянки Университетская-3), формирование репинской культуры следует относить, видимо, к концу первого периода среднестоговской культуры, т. е. к рубежу IV—III тысячелетия до н. э. Такая дата находится в соответствии и с хронологией древнейших подкурганных погребений (в том числе и Быково-1), предложенной Н. Я. Мерпертом [20, с. 59, 60]. В противоречии со сказанным находится предложенная им же датировка Репинского поселения не ранее чем серединой III тысячелетия до н. э. [20, с. 63]. Хронологическое единство основной (большей) части материалов Репинского поселения и Быкова-1 представляется нам вслед за К. Ф. Смирновым [21, с. 235] более доказательным, поскольку Н. Я. Мерперт при сопоставлении этих материалов привел лишь поздние аналогии общим признакам, взятым к тому же по отдельности [20, с. 49], тогда как важно сопоставление их взаимосочетаний. Отдельные же признаки, включая и ямки под верхом сосудов, действительно, распространены во времени, но не исключено, что даже в позднем проявлении они представляют собой отголосок гончарной традиции репинской культуры. Видимо, с середины III тысячелетия до н. э. или несколько позднее начинают распространяться репинские материалы позднего этапа. Трудно пока наметить верхнюю хронологическую границу репинской культуры, но по аналогии с Михайловским поселением [24, с. 280, 281] она может лежать в пределах рубежа III—II тысячелетий до н. э. Репинские традиции находят продолжение и во II тысячелетии до н. э., в материалах донской абашевской культуры. Интересно, что наряду с поразительным сходством керамических признаков (ракушечная примесь в тесте, крупные косовертикальные расчесы на поверхностях, желобчатые венчики, орнаментальные композиции и т. д.) в абашевском погребальном обряде фиксируется положение умерших вытянуто на спине, а в отдельных случаях прослежен и бескурганный обряд захоронений [25, с. 165]. Надо полагать, что и эти черты являются отражением репинских погребальных традиций [25, с. 168, 169; 26, с. 38—40; 27, с. 124—127]. Приведенное сопоставление — не единственный мостик, соединяющий репинскую культуру со II тысячелетием до н. э. Можно, например, увидеть сочетание катакомбных и репинских элементов на сосуде из с. Желдаковки (Павловский р-н Воронежской обл.) [28, с. 19] и в катакомбной керамике архангельского типа с донских поселений [29, с. 154, табл. II, *5, 10, 11* и др.]. Наконец, интересно обратиться к материалам раннего периода поздняковской культуры на средней Оке. Среди специфических «поздняковских» признаков называются округлодонность сосудов, орнаментация жемчужинами и ямками, завершение орнаментального пояса «бахромой», широкое применение шнурового элемента и т. д. [30, с. 169], а их появление связывается с приходом срубного населения из Донского бассейна [30, с. 171]. Но эти признаки как раз нехарактерны для срубной керамики, а если и встречаются в ней, то рассматриваются как привнесенные. Вместе с тем указание Т. Б. Поповой на аналогии отмеченным признакам в области Подонья вполне справедливо и, с нашей точки зрения, показательно. Добавим, что в поздняковских могильниках имеются и вытянутые захоронения. Т. Б. Попова увязывает их с абашевскими традициями [30, с. 175]. Но, как было сказано выше, сам абашевский обряд складывался в значительной степени на репинской основе.

Рассмотренные линии поздних проявлений репинской культуры еще раз указывают на возможность определения ее верхнего хронологического рубежа концом III — началом II тысячелетия до н. э. Репинская культура в своем развитии предполагает не только качественные изменения,

но и изменения границ распространения. В начальный период своего бытования она занимала в основном среднее течение Дона. Именно здесь наблюдается наибольшая концентрация репинских памятников: по берегам Дона и его притоков — Тихой Сосны, низовьев Воронежа, Битюга, а также по течению р. Матыры. Исследователь матырских стоянок В. П. Левенок считал возможным говорить о раннем появлении репинских памятников в бассейне этой реки, с чем нельзя не согласиться [31, с. 34]. Несколько местонахождений репинской керамики известно к востоку от названного района, в частности в Поволжье: у сел Куриловка и Елховка бывш. Вольского уезда Саратовской обл. (сборы С. А. Щеглова в 1914 г., материалы хранятся в Саратовском краеведческом музее); из кургана № 29 I Бережновского могильника (раскопки И. В. Синицына в 1952 г., хранятся там же, инв. № 2012), а также в уже упоминавшемся уроч. Мартышкино (хранятся там же, инв. № 441). В зону формирования репинской культуры предположительно можно включить и Нижний Дон, хотя ранних материалов там пока не известно. На втором (позднем) этапе развития племена репинской культуры начали продвижение на другие, иногда значительно удаленные от первоначального центра территории. Одной из важнейших побудительных причин этого процесса явилась активность древнеямных группировок. На Дону часть репинского населения испытала ассимилирующее воздействие со стороны этих группировок, а другая часть была вынуждена искать новые жизненные пространства. Материалы показывают, что поиски эти имели несколько направлений. Одно из них — юго-западное, в Поднепровье (Михайловское поселение и др.), а второе — северное, в ходе которого осваивался Верхний Дон (Долговская стоянка) [32, с. 245] и даже отдельные районы средней Оки. В этой связи можно указать на материалы стоянки Засеченской-III и некоторых других пунктов под Рязанью [3], подтверждающие высказанную мысль о возможности связи репинской и поздняковской культур, опосредованных через «предпоздняковские» материалы.

Распространение репинской культуры на значительно удаленные друг от друга территории проходило под сильным воздействием тех синхронных культур, которые являлись господствующими на данных территориях: в Поднепровье (как, возможно, и на Северном Донце) — поздней среднестоговской и древнеямной культур, в ряде районов Поволжья — древнеямной, в верховьях Дона и на средней Оке — местных позднеолитических культурных групп.

В заключение еще раз отметим основные положения статьи. 1. Памятники репинского типа должны рассматриваться в рамках особой репинской культуры, отличной от культур древнеямных. 2. В процессе ее формирования приняли участие племена энеолитической нижнедонской (Ракушечный Яр — Съезжее) и ранней среднестоговской культур. 3. Намечается возможность выделения двух этапов в периодизации репинской культуры: первый этап (рубеж IV—III тысячелетий до н. э. до середины III тысячелетия до н. э.) определяется ранними материалами типа Репина и Университетской-3, распространенными главным образом в Доно-Волжском регионе. Синхронизируется с концом первого этапа среднестоговской культуры и древнейшими памятниками ямной культурной общности. Второй этап (середина III — рубеж III и II тысячелетий до н. э.) представлен поздними группами материалов Доно-Волжского региона, а также Поднепровья (поселение Михайловское и др.). 4. На протяжении своего существования репинская культура имела разные территориальные рубежи. Наибольшие изменения их, связанные с передвижением репинских племен, наметились на втором этапе развития куль-

[3] Пользуясь случаем, приношу благодарность сотруднику Рязанского краеведческого музея В. П. Челяпову за предоставленную возможность использовать в этой статье образцы керамики со стоянки Засеченской-III.

туры. 5. Репинская культура приобретает важное значение в связи с вопросами формирования и взаимоотношений донской абашевской, катакомбной, а также поздняковской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синюк А. Т.* Неолитический материал многослойной нижневоронежской стоянки Университетской-III.— В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
2. *Братченко С. Н.* Богатошарове поселення Лівенцівка на Дону.— Археологія, 1969, т. XXII.
3. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Д.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.
4. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
5. *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1972. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2100.
6. *Формозов А. А.* Неолитическая керамика Нижнего Подонья.— КСИИМК, 1954, № 53.
7. *Белановская Т. Д.* Отчет за 1969 год. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2139.
8. *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Поселение и могильник у с. Съезжее.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976.
9. *Синюк А. Т.* У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979.
10. *Белецкий В. Д.* Отчет за 1957 год. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2536.
11. *Жибура В. М.* Отчет о раскопках в 1961 году. Архив ИА АН СССР. р-1, № 2276-а.
12. *Столяр А. Д.* Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.— МИА, 1958, № 62.
13. *Синицын И. В.* Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем.— КСИА АН УССР, 1957, № 7.
14. *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
15. *Ковалева И. Ф., Марина З. П.* Раннеямные погребения «репинского» типа в степном Поднепровье.— В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976.
16. *Левенок В. П.* Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1969. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2057.
17. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1973.
18. *Телегин Д. Я.* Основні риси та хронологія середньостогівскоі культури.— Археологія, 1970, т. XXIII.
19. *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.). Докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1968. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2010—2012.
20. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
21. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
22. *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.— АСб.ГЭ, 1967, № 9.
23. *Марина З. П.* Периодизация и хронология погребений ямной культуры в междуречье Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978.
24. *Шапошникова О. Г.* Ямна культура.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1971.
25. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у села Введенки на Дону.— СА, 1976, № 1.
26. *Пряхин А. Д.* История древних скотоводов II тысячелетия до н. э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность). Докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1976. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2223.
27. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
28. *Афонюшкин В. А.* Сосуд из села Желдаковки.— Тр. Воронежского областного краеведческого музея, 1960, вып. 1.
29. *Пряхин А. Д.* К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж, 1966.
30. *Попова Т. Б.* Племена поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
31. *Левенок В. П.* Исследования в зоне Липецкого моря.— АО — 1967. М., 1968.
32. *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону.— МИА, 1965, № 131.

A. T. Sinyuk

THE ENEOLITHIC — BRONZE AGE REPINO CULTURE IN THE DON BASIN

Summary

The article analyses materials from Repino and several analogous settlements in the middle reaches of the Don and establishes their genetic affiliation to the early Eneolithic Sredniy Stog culture and cultures along the lower reaches of the Don (Rakushechny Yar, Universitetskaya, Syezzheye). It is generally accepted that Repino-type monuments belong to the pit-grave culture, but the character of the pottery, economic life (based mainly on horse-breeding) and burial customs (extended ground burials) suggest that it is a distinctive archaeological culture. Geographically the Repino culture extends to the middle reaches of the Don, some Volga areas and, possibly, to the lower Don. Chronologically it covers the 3rd millennium B. C., being synchronous, at the first stage of its development, with the later Sredniy Stog and the earliest pit-grave culture. In its second stage, from the mid-3rd millennium B. C., the Repino culture extended to the west and south-west (the Dnieper region) and to the north (the upper reaches of the Don). In general throughout their history the Repino tribes lived in close contact with the pit-grave culture population which is evidenced by mixed-type monuments. The Repino traditions were continued in the 2nd millennium B. C. by the Abashevo culture on the Don, catacomb-grave and Pozdnyakovo cultures in the middle Oka areas.

БЛАВАТСКИЙ В. Д.

ФЕОДОСИЯ VI—IV ВВ. ДО Н. Э. И ЕЕ НАЗВАНИЕ

Письменные источники лишь косвенным образом освещают вопрос о времени возникновения Феодосии. Арриан [Arr., Per. 30] и анонимный автор перипла по Понту Евксинскому [Anon. Per. Pont. Eux. 77 (51)] говорят об основании этого полиса милетянами, что могло произойти только до восстания Милета в 500 г. до. н. э. Находки при раскопках феодосийского курганного некрополя в 50-х годах XIX в. [1, с. IV; 2, с. 121—128] и особенно при работах на городище, произведенных А. Л. Бертье-Делагардом в 1894 г. [3, с. 2—4, табл. II], позволяют заключить, что город был основан не раньше середины VI в. до н. э. Последующие раскопки И. Б. Зеест [4, с. 185—190; 5, с.143—148] и Б. Г. Петерса [6, с. 377—379; 7, с. 353, 354] не внесли каких-либо изменений в намеченную датировку. Исследование обнаруженных в Феодосии терракотовых статуэток [8, с. 79—82, № 1—21, табл. 21—25] показало, что среди этих памятников нет ни одного ранее конца VI — начала V в. до н. э. [8, с. 80, № 6, табл. 23, *1*].

В течение V в. до н. э. Феодосия существовала как независимый полис, история которого не освещена доступными нам письменными источниками. События на Боспоре этого времени вряд ли затрагивали Феодосию, если не считать появления там боспорских беглецов или изгнанников (φυγάδας ἐκ τοῦ Βοσπόρου), как это отмечено в Анонимном перипле [Anon. Per. Pont. Eux., 77 (51)], и, вероятно, о них бегло упомянул Исократ в трапезитской речи, сказанной в 394 г. до н. э. [Isocrat., Trapedz., XVII, 3, 5].

Наличие этих антибоспорских элементов, конечно, не могло быть причиной войны Боспора с Феодосией. Плодородие земли между Феодосией и Пантикапеем [Strab., VII, 4, 4 (310)], а также благоприятная для гавани двуякорная бухта привлекали внимание боспорских правящих групп. Точно не известно, когда началась война за Феодосию,— возможно, в конце первого — начале второго десятилетия IV в. до н. э. Согласно свидетельству Гарпократиона [Harpocrat., Lexic., s. v. Θευδοσία] и схолиям Ульпиана [Schol., Demosth. in Lacr., s. v. Θευδοσία] известно, что архонт Боспора Сатир I умер во время осады Феодосии, т. е. в 389/8 г. до н. э., как это можно установить, опираясь на указания Диодора [Diod. Bibl. XIV, 93, 1].

Как известно, в борьбу за Феодосию включилась и Гераклея. Древние авторы неоднократно говорят о войне гераклиотов против Боспора, совершенно не касаясь вопроса о том, какими мотивами руководствовалась Гераклея в своих действиях. В современной литературе обычно принята следующая точка зрения: Боспор выступает в роли агрессора, стремящегося захватить Феодосию. Это обстоятельство должно было вызвать «обоснованную» тревогу Гераклеи за судьбу ее апойкии Херсонеса, которому присоединение Феодосии к Боспору якобы создавало большую угрозу.

Так ли велика была возможность нападения на Херсонес, опираясь на Феодосию? Расстояние между Феодосией и Херсонесом по прямой линии около 160 км, а по морю — 220 км. Никаких сколько-нибудь приличных дорог в древности в этих местах не было. Эта местность представляет сильно пересеченные склоны Крымских гор, заросшие лесом и колючими кустарниками. Да и после присоединения к Боспору Феодосии, ни при Левконе I и Перисаде I, а равно и других Спартокидах не известно каких-либо попыток завоевать Херсонес.

К тому же весьма сомнительно, чтобы Гераклея вступила в войну с Боспором, руководствуясь только альтруистическими намерениями. Гораздо более вероятно, что Гераклея, основавшая две апойкии: во второй половине VI в. до н. э.— Каллатию, а в последней четверти V в. до н. э.— Херсонес, могла в свою очередь стремиться к захвату Феодосии. Война, о которой очень отрывочно рассказал Полиэн, это не борьба захватчика и защитника, а столкновение двух сильных хищников для захвата плодородной территории и хорошей гавани. Весьма примечательно, что в отрывках, относящихся к войне Левкона I (389/8—349/8 гг. до н. э.) [Diod. Bibl. XIV, 93, 1; XVI, 31, 6] с Гераклеей, Полиэн [Polyaen., Strat., VI, 9, 1 et 3—4] даже не упоминает о Феодосии.

Еще более убеждают в заинтересованности Гераклеи масштабы вмешательства ее в феодосийские дела. В Псевдо-Аристотелевой «Экономике» [Pseud.-Aristot., Oecon., II, 2, 8] имеется весьма важное сообщение об отправке гераклеотами 40 кораблей против «Боспорских тиранов». Аналогичное число кораблей послали афиняне под Потидею [Thucyd., I, 61], вместе с ними было около 2 тыс. гоплитов — количество, весьма внушительное для Боспора того времени.

«Конкретные» сведения Полиена о боспоро-гераклейской войне носят анекдотический характер. Таков рассказ о трех [Polyaen, Strat., V, 23] гераклейских трубачах Тинниха, побудивших боспорян снять осаду Феодосии (вероятно, относящийся ко временам Сатира I). Весьма мало вероятно, чтобы наемные гоплиты Левкона I [Polyaen., Strat., VI, 9, 4], сражавшиеся под страхом стоявших за ними скифов, могли одержать победу над гераклеотами.

Другое свидетельство Полиэна [Polyaen., Strat., VI, 9, 1] говорит о подготовке к военным действиям против Боспорского тирана Левкона (очевидно, Первого). В нем упомянута военная хитрость [Polyaen., Strat., VI, 9, 1] наемного полководца Мемнона [9, S. 652, 653, 964, 965] — родосца, пославшего на Боспор ложное посольство для выяснения числа тамошних жителей. В этом посольстве был и прославленный олинфский кифаред Аристоник [10, S. 961]. Мемнон вместе с братом Ментором с 366/5 г. находился на службе у персов. Аристоник был придворным музыкантом македонских царей, а также учил музыке Филиппа II (359—336 гг. до н. э.). Обучал он, конечно, не царей, а их наследников в отроческом возрасте. Филипп II родился около 382 г. до н. э., следовательно, служба Аристоника в Македонии началась примерно в 374—370 гг. до н. э.

Все сказанное приводит к мысли, что войны за Феодосию происходили в 70-х, а может быть, даже в конце 80-х годов IV в. до н. э. Длительная борьба Боспора с Гераклеей не могла помешать Левкону I присоединить Феодосию в 70-х или даже 80-х годах IV в. до н. э.

Попытки некоторых исследователей (например, Э. Р. Штерна) [3, с. 10] отнести участие Мемнона в войне за Феодосию примерно к 355 г. до н. э. не выдерживают критики. В это время Аристоник состоял придворным музыкантом в Македонии.

Еще важнее свидетельство Демосфена [Demosth., in Lept., XX, 33] в его речи против Лептина о беспошлинности, сказанной в 355/4 г. до н. э. Демосфен отметил, что Левкон соорудил в Феодосии эмпорий не хуже Боспорского, т. е. Пантикапейского. Принимая во внимание, что сооружение эмпория, а главное, освоение новых земель для заготовки большего коли-

чества зерна должно было потребовать лет 10—15, да и Демосфен явно говорил через несколько лет после сооружения эмпория, приходим к тому же выводу о присоединении Феодосии не позднее 70-х, а возможно, и в 80-х годах IV в. до н. э.

К тому же признав войну за Феодосию (и ее хору) столкновением двух соперников, нельзя считать установленным, что сразу после захвата этого полиса Боспором Гераклея полностью прекратила свои домогательства. В равной мере вероятно, что все сообщения Полиэна относятся ко времени, когда Феодосия подчинилась Боспору, или же ко времени до ее присоединения к государству Левкона I. Если последнее справедливо, то встает вопрос, не произошло ли это завоевание еще в начале правления Левкона I, т. е. во втором десятилетии IV в. до н. э.

Боспорская лапидарная эпиграфика не может решить этого вопроса. Первое упоминание о Феодосии имеется в надписи, найденной на Таманском полуострове на берегу Цукурского лимана [IOSPE, II, № 343; aspice: IOSPE, II, № 6, 10]. В этой надписи упомянут Левкон I, архонт Боспора и Феодосии.

В упомянутой уже речи Демосфена [Demosth., in Lept., 33] против Лептина говорится, что Левкон I устроил Феодосийский эмпорий (ἐμπόριον Θευδοσίαν), который, по словам мореплавателей, не хуже Боспорского, т. е. Пантикапейского. Вероятно, феодосийский эмпорий уже в это время вмещал 100 кораблей, о чем упомянул Страбон [Strab. VII, 4, 4 (310)]. Тот же автор говорит о богатстве Феодосии хлебом.

Оживленная торговля хлебом способствовала расцвету Феодосии [11, с. 253; 12, S. 230] в IV в. до н. э., как об этом свидетельствуют археологические находки. Таким образом, утрата Феодосией полисной независимости не только не помешала, но даже способствовала ее экономическому подъему.

Сведения, сообщаемые другими авторами, довольно скудны. Псевдо-Скилак [Ps.-Scyl., Peripl. 68] и Помпоний Мела [Pomp. Mela, Chorogr. II, 3] свидетельствуют только о существовании Феодосии. Плиний Старший [Plin., NH., IV, 12 (26), 86, 87 (Maykoff)] и Клавдий Птолемей [Ptol. Geogr., III, 6, 2; VIII, 10, 4] упоминают только о местоположении Феодосии, а последний еще о продолжительности в ней самого длинного дня (15 ч 50 мин). Аппиан [Appian. Mithr., 108, 120] ограничивается только рассказом о военно-политических событиях I в. до н. э.: об отпадении Феодосии от Митридата Евпатора и о захвате города Фарнаком. Наконец, отметим свидетельство Анонимного перипла [Anon. Per. Pont. Eux. 77 (51)] V в. н. э. о новом наименовании Феодосии — Ἀρδάβδα.

В научной литературе уже довольно давно встал вопрос об изначальном наименовании Феодосии, поднятый Б. Кёне [13, с. 275, 276]. Сказанное было вызвано тем обстоятельством, что среди легенд, означающих ἐθνικόν на северопонтийских монетах, особое место принадлежит чеканке Феодосии. Там имеются легенды ΘΕΟΔΕΟ и ΘΕΟΔΕΩ [2, с. 125], которые, как справедливо отметил Б. Кёне, нельзя непосредственно связать с обычным начертанием названия полиса (а позднее города) Феодосии.

В наиболее ранних боспорских лапидарных надписях [IOSPE II, № 343; № 6, 10] засвидетельствованы как форма Θεοδοσίη, так и отвечающая вульгате Θευδοσίη [14, 292].

Равным образом древние авторы Средиземноморья употребляют обе формы этого имени — Θεοδοσία [Strab., VII, 4, 4 (310); Pomp. Mela, Chorogr. II, 3; Plin., NH, IV (26), 86, 87] и Θευδοσίη [Demosth., in Lacr., 31—32; Demosth., In Lept., 33; Ps.-Scyl., Peripl. 68; Appian. Mithr., 108, 120].

Таким образом, монетные легенды Феодосии являются единственными свидетельствами того, как феодосийцы именовали свой полис (а затем город) в V—III вв. до н. э., если не считать косвенного указания милетской надписи, датируемой около 200 г. до н. э. [15, S. 215, № 75]. Эта надпись вырезана на обломке колонны, найденном в гимнасии к северу от Ним-

фея. В ней упомянут некий [.... ω]ν Δ[ι]φ[ίλου] Θευδοσι[εύς], что явно передает орфографию названия города в вульгарной форме — Θευδοσίη [14, p. 292]. Это начертание находится в полном соответствии с легендами ΘΕΥ [2, с. 125] на феодосийских монетах второй половины III в. до н. э. [16, с. 162, 163].

Вернемся к загадочным легендам. Б. Кёне [13, с. 271—276] искал объяснение формы ΘΕΟΔΕΟ в том, что на месте будущей Феодосии существовал другой город, именовавшийся Θεοδέα, Θεοδία или Θεοδεῖα. Опираясь на свидетельство Ульпиана [Schol. Ulpian in Demosth., c. Lept. XX, 33] в его схолиях к Демосфену, Б. Кёне [13, с. 272, 273] высказал мнение, что Левкон I, завоевав Феодосию, изменил ее наименование на созвучное имя жены или сестры.

Э. Миннс [17, p. 555] принял мнение Б. Кёне о доэллинском городе на месте Феодосии, утверждая, что наименование Θεοδεῖα негреческое (ungreek name). А. Н. Зограф [16, с. 162, 163] высказался против мнения Б. Кёне и Э. Миннса, считая, что монеты с легендою ΘΕΟΔΕΩ датируются рубежом IV и III вв. до н. э., т. е. значительно позднее правления Левкона I, когда Феодосия уже длительное время принадлежала Боспору.

Д. Б. Шелов [18, с. 40—42] оспаривал датировку монет с легендой ΘΕΟΔΕΩ, предложенную А. Н. Зографом, считая, что эту группу следует отнести к рубежу V и IV вв. до н. э. Это мнение Д. Б. Шелов высказал, поддерживая точку зрения Б. Кёне и Э. Миннса о первоначальном названии города Θεοδία или Θεοδεῖα, которое было изменено Левконом I, в свою очередь ссылаясь на показание Ульпиана.

Остановимся сначала на последнем свидетельстве. Прежде всего следует отметить, что грамматик Ульпиан жил в III в. н. э., т. е. от времени Левкона I его отделяет примерно 600 лет. Далее, текст грамматика излагали неправильно. Ульпиан не говорил, что Левкон I дал наименование Феодосии: Θευδοσία χωρίον Βοσπόρου. τὸ μὲν ὄνομα τῷ ἐμπορίῳ ἢ ἀπὸ τῆς ἀδελφῆς ἢ ἀπὸ τῆς γαμετῆς· διαφωνεῖται γάρ ... «Феодосия (это) Боспорское местечко. Имя торжища по сестре или по жене; (об этом) разногласие...».

Таким образом, в этом свидетельстве Ульпиана отсутствуют упоминания как о Левконе I, так и о перемене имени Феодосии. Между тем Ульпиан не мог не знать о существовании Левкона I, ибо о нем много говорится в речи Демосфена [Demosth., in Lept., 29—40] против Лептина, которой он посвятил свои схолии. Сказанное побуждает нас выдвинуть предположение, что Ульпиан, упоминая о наименовании Феодосии, имел в виду сестру или жену неизвестного ему ктиста полиса, а не Левкона I. Слова Ульпиана показывают, что его предшественники спорили о том, по сестре или по жене была названа изначальная Феодосия. Невольно встает вопрос, не была ли навеяна эта полемика досужими домыслами поздних комментаторов.

Отметим, что термин Θεοδόσιος засвидетельствован только весьма поздно — около V в. н. э. (у Гесихия), но собственное имя Феодосий изредка встречается со второй половины II в. до н. э. [19, S. 1952]. Таковы: 1 — бронзолитейщик, работавший вместе с Боэфом в 126/5 г. до н. э.; 2 — математик из Вифинии второй половины II—I в. до н. э.; 3 — афинский архонт 99/8 г. до н. э.; 4 — посол, вероятно, Хиоса в Риме — около 56 г. до н. э. [19, S. 1952, № 5, 1, 2]. В римское и особенно в византийское время это имя встречается много чаще, особенно среди христианского духовенства [19, S. 1952].

Термин Θεοδοσία был употреблен Страбоном [Strab., XVII, 1, 37 (811)] в главе о Египте. Существование этого термина в тексте Страбона ставилось под сомнение гиперкритиками, но, по-видимому, без достаточных оснований. У античных авторов это имя, по всей видимости, не было засвидетельствовано ранее начала IV в. н. э. [20, с. 917]. Имя Феодосия

носили две христианки, замученные одна в Кесарии в 308 г. н. э., другая в Канопе в 311 г.

Также и обширный словарь «Thesaurus Graecae Linguae» под термином Θεοδοσία говорит: «город в Херсонесе Таврическом, упомянутый Страбоном и Демосфеном, и имя многих женщин, упомянутых византийскими писателями» [14, IV, p. 292].

Однако такое женское имя или, может быть, прозвище все же существовало в Афинах в IV в. до н. э. Раскопками на афинской агоре обнаружен фрагмент чернолакового скифоса (инв. № 6153) с граффито, середины IV в. до н. э. [21, p. 220, 221], в котором говорится: Θειοδοσία λαικαίδε[ι] εὖ. Упомянутое там имя несомненно гетеры; возможно, прозванная «дар бога», нужно думать, Эрота.

Более вероятным представляется иное объяснение загадочных феодосийских легенд: ΘΕΟΔΕΟ и ΘΕΟΔΕΩ. Ключом к решению этой задачи является нередко наблюдаемая склонность греков к употреблению сокращенных слов, в том числе собственных имен. Так, согласно свидетельству Геродота [Herod., VII, 201; Diod., XVII, 4, 2], местные обитатели района Фермопил именовали их не как должно, Θερμοπύλαι, а просто Πυλαί. Далее амфиктэония, собиравшаяся в Дельфах или в Фермопилах, называлось Πυλαία [Herod., VII, 213; Theoph., Hist. plant., IX, 10, 2].

Еще более заслуживает внимания экскурс Страбона [Strab., VIII, 5, 3 (364)] в главе о Греции. Этот географ назвал 14 примеров употребления в греческом языке самых различных сокращенных слов. 10 из них засвидетельствованы древними авторами, творческая деятельность которых относится к более раннему времени, чем рассматриваемые феодосийские монетные легенды (Гомер, Гесиод, Софокл, Эпихарм и Эмпедокл). Перечислим эти термины:

Древний автор	Обычный термин	Сокращенная форма	Перевод
1	2	3	4
Гомер	Μεσσήνη	Μέσση	Мессена
	κριθή	κρῖ	ячмень
	δῶμα	δῶ	дом
	μαψίδιον	μάψ	напрасно
Гесиод	βριαρόν	βρῖ	тяжелое
	βριθύ		сильное
			твердое
Софокл	ῥᾳδιον	ῥᾴ	легкое
Ион			готовое
Эпихарм	λίαν	λῖ	очень
	Συρακοῦσαι	Συρακώ	Сиракузы
Эмпедокл	ὄψις	ὄψ	взгляд
Антимах			зрение
Антимах	ἄλφιτον	ἄλφι	ячменная мука
Евфорион	ἦλος	ἦλ	гвоздь
Филет	ἔριον	ἔρι	шерсть
Арат	πηδάλια	πηδά	рулевые весла
Симмий	Δωδώνη	Δωδώ	Додона

Из этого списка видно, что сокращенные термины были весьма разнообразны [1], охватывая и географические названия. Среди них важны наименования трех городов: засвидетельствованное Гомером Μέσση вме-

[1] На Крите известно очень древнее сокращенное наименование Деметры: Δημήτηρ—Δηώ. См. Etymologicum Magnum. s. v. Δηώ. Следует заметить, что сокращенные формы в греческом языке не ограничиваются только словами, они не чужды и греческому синтаксису [22, S. 687, 688].

сто Μεσσήνη, упомянутое Эпихармом Συρακώ взамен Συρακοῦσαι и отмеченное Симмием Δωδώ, заменяющее Δωδώνη. Сказанное наводит на мысль, что изначальное название полиса и города было Θεοδοσία (или Θευδοσίη), что, кстати сказать, полностью согласуется со свидетельством Ульпиана.

Существовало ли на месте будущей Феодосии какое-либо догреческое поселение, сказать трудно, однако нет ничего невозможного в том, что такое поселение могло там находиться. Во всяком случае, с этим населенным пунктом (если он существовал) совершенно невозможно связывать рассматриваемые монетные легенды [17, p. 555], которые звучат явно по-гречески.

Нужно думать, что подобно сокращенным наименованиям Мессены, Сиракуз и Додоны в повседневном быту феодосийцев получило распространение более короткое, отголоском которого явились легенды ΘΕΟΔΕΟ ΘΕΟΔΕΩ. Недостаток места на небольшом монетном кружке, по-видимому, побудил феодосийских денежных магистратов избрать сокращенное наименование своего полиса; вероятно, Θεοδέα. При наименовании ее гражданина Θεοδεύς [Steph., Byz. Ethnic., passim.] gen. pl. должно быть Θεοδέων, что и породило необычную легенду.

Подведем кратко итоги нашим наблюдениям. Вопрос о существовании догреческого поселения на месте Феодосии остается открытым. Милетская апойкия Феодосия была основана не ранее середины VI в. до н. э. Название города изначально было Θεοδοσία — «богом данная», что вполне уместно для полиса, возникшего на весьма плодородной земле. Бог, который в данном случае был упомянут, очевидно, Аполлон — покровитель переселенцев, основателей новой апойкии, а также патрон их метрополии Милета.

Наряду с полным наименованием полиса очень рано, возможно, вскоре после его основания, в разговорном языке появилось сокращенное название Θεοδέα, что и отразилось в монетной легенде ΘΕΟΔΕΟ.

Феодосия просуществовала как независимый полис до второго или третьего десятилетия IV в. до н. э., когда она была включена в Боспорское государство. За обладание ею Боспору пришлось выдержать длительную войну с Гераклеей Понтийской, которая была также заинтересована в обладании Феодосией и ее плодородной хорой. Не исключена возможность того, что Гераклея продолжала войну и после подчинения Феодосии Левконом I.

Название «Феодосия» не связано с женским именем. Левкон I, присоединивший этот полис к Боспорскому государству, не изменял его названия. Наряду с правильной формой наименования — Феодосия, во всяком случае, с IV в. до н. э. и в Средиземноморье, и на Боспоре засвидетельствована и вульгарная Θευδοσία. С III в. до н. э. она известна и в Феодосии.

Проведем небольшой экскурс о времени появления двух версий [2] наименования Феодосии. В доэллинистическое время названия и переименования древних городов именами жен или сестер ктистов были необычны. Иное положение наблюдается в период эллинизма, особенно раннего. Тогда цари новых больших держав, основывавшие многочисленные города, нередко называли их женскими именами представительных македонских династий. Равным образом некоторые древние города были переименованы в честь близких царям женщин. Приведем краткий обзор некоторых из этих городов.

Так, по имени Апамы, супруги Селевка Никатора и матери Антиоха I, было названо семь городов [Steph. Byz., Ἀπάμεια (Meinekii, I p. 103); 23, s. 2663—2665]. Назовем некоторые из них. К их числу принадлежит Апамея, Ἀπάμεια, в Сирии [Strab., XVI, 2, 4 (749—750)], основанная

[2] Вопрос о времени возникновения у схолиастов спора о происхождении названия Феодосии был поставлен Т. В. Блаватской и поддержан Г. А. Кошеленко на заседании Сектора античной археологии ИА АН СССР 5 сентября 1979 г.

Селевком; им же была основана другая Апамея в восточной части Малой Азии [Plin., NH., V, 33, 4 (Littré)]. Третья Апамея находилась на Евфрате [Plin., NH., V, 21, 2 (Littré)], четвертая — в Мидии [Strab., XI, 13, 6, (524)].

Антиох I Сотер в честь матери основал Апамеи во Фригии [Strab., XII, 8, 15 (577—578); Plin., NH., V, 29, 4, (Littré)], в Месопотамии [Plin., NH, VI, 31, 6 (Littré)], на Тигре [Plin., NH, VI, 31, 3 (Littré)]. Еще один одноименный город был в Вифинии [Strab., XII, 4, 3 (564)], названный царем Прусием I (236—185 гг. до н. э.) именем его жены. Антиохом IV была основана Филадельфия в Трахейской Киликии, названная в честь его сестры, бывшей его женой [24, s. 2093].

Птолемей II Филадельф основал и переименовал изрядное число городов, называя их именами своих родственниц. На Красном море был основан город Филадельфия или Филотера [Strab., XVI, 4, 5. (769); Steph. Byz., s. v. Φιλαδέλφεια], носящий имя одной из его сестер. После его брака с другой сестрой, Арсиноей, появился ряд городов, названных ее именем. Один из них [Strab., XVI, 4, 5 (769); Steph. Byz., s. v. Φιλαδέλφεια] находился на том же берегу Аравийского залива при Красном море; без достаточных оснований его считают переименованным в Клеопатриду, Κλεοπατρίς [Strab., XVI, 4, 22 (780)]. Древний египетский город на Ниле — Крокодилополь при Птолемее II получил новое имя Арсинои [Strab., XVI, 10, 38 (811)]. Из других так же названных городов назовем Арсиною в Киренаике [Plin., NH., V, 5, 1, 2 (Littré)], на Кипре [Strab., XIV, 6, 3 (682)] и в Киликии [Strab., XIV, 5, 3 (670)]. Общее число городов, называвшихся Арсиноями, достигает 15 [25, S. 1278, 1279]; далеко не для всех известно имя ктиста.

Имя Береника было значительно распространено среди эллинистических цариц, преимущественно связанных с династией Птолемеев. Береника была сестрой и женой Птолемея I. Первым мужем этой Береники был Филипп, сын которого Магас Киренайский основал [Strab., XVI, 4, 23 (780); XVII, 3, 20, 21 (836—837)] город на берегу залива Большой Сирт, назвав его именем матери. Птолемей II положил начало городу Беренике на Красном море [Strab., XVII, 1, 24, (804)], наименовав его также в честь своей матери.

Не останавливаясь на еще нескольких известных Бериниках [Steph., Byz., s. v. Βερενῖκαι πόλεις ἕξ], перейдем к Клеопатриде [26, p. 225, 634]. Существует мнение, что так была переименована [Strab., XVII, 1, 26 (804)] Арсиноя, расположенная на берегу северной части Аравийского залива. Однако тот же Страбон [Strab., XVII, 1, 26 (804—805)] говорит о двух городах — Арсиное и Клеопатриде — на берегу Аравийского залива в самой его глубине. В пользу такого истолкования высказался И. Г. Дройзен [27, с. 426], ссылаясь как на Страбона, так и на Клавдия Птолемея.

Время основания Клеопатриды установить довольно трудно. Имя Клеопатра [Platon. Gorg., 471c] известно среди македонских цариц еще в V в. до н. э. Значительно позднее оно засвидетельствовано у семи египетских цариц, начиная с Клеопатры I (215—176 гг. до н. э.), дочери Антиоха III и жены Птолемея V, правившей Египтом после его смерти вместо малолетнего Птолемея VI. Последней была Клеопатра VII (69—30 гг. до н. э.). В честь одной из этих носительниц имени Клеопатры была основана на берегу Аравийского залива гавань Клеопатрида [Strab., XVI, 4, 23 [780)].

Следующее династическое имя, которое пытались увековечить эллинистические правители, было Лаодика. Античные авторы [28, S. 712] засвидетельствовали восемь или девять Лаодикей (Λαοδίκεια). Пять [Appian., Syr., 57 (295)] из них были основаны Селевком I Никатором в честь своей матери. Один из этих городов [Strab., XVI, 2, 4 (749—750)] находился в Северной Сирии, на берегу моря.

Во Фригии Эпиктет на р. Лике находился город Диосполис (позднее Роас); он был переименован в Лаодикею [Strab., XII, 8, 13 (576); XII, 8, 19 (579—580) Plin., NH., V, 29, 3 (Littré)]. Это сделал Антиох II в честь своей жены Лаодики [Steph. Byz., s. v. Λαοδίκεια]. Наконец, упомянем Стратоникею [Strab., XIV, 2, 25 (660); Steph. Byz., s. v. Στρατονίκεια], основанную Антиохом I Сотером и названную именем его жены Стратоники.

Таковы примеры наименования новых и изменения названий старых городов, которые производились с целью увековечить представительниц эллинистических династий. Среди них нужно прежде всего отметить имена цариц. Затем следует лишь немного уступающие по числу первой группе имена царских матерей. Значительно реже встречаются имена сестер царей, если к ним не добавлять наименования сестер-жен.

Все сказанное приводит к выводу, что упомянутое Ульпианом разногласие схолиастов по поводу надуманного вопроса, по сестре или жене была названа Феодосия, не могло происходить в эллинистическое время. Тогда были бы споры о том, имя жены или матери носит тот или иной город. Поэтому имеются основания утверждать, что упомянутые разногласия комментаторов вряд ли возникли ранее времени Римской империи, вероятнее всего, во II, может быть, в III в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древности Босфора Киммерийского. Т. 1. СПб., 1854.
2. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855.
3. *Штерн Э. Р.* Музей императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. III. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.
4. *Зеест И. Б.* Разведочные раскопки в Феодосии. — КСИИМК, 1951, № 37.
5. *Зеест И. Б.* Раскопки в Феодосии.— КСИИМК, 1953, № 51.
6. *Петерс Б. Г., Айбабина Е. А., Катюшин Е. А.* Раскопки Феодосийской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976.
7. *Петерс Б.* Феодосийская экспедиция.— АО — 1976. М., 1977.
8. Терракоты Северного Причерноморья. Т. III / Ред. Кобылина М. М.— САИ, вып. Г 1—11. М., 1970.
9. P.-W. RE, Halbb. XXIX. Stuttgart, 1931, s. v. Memnon; s. v. Mentor. (Kahrstedt).
10 P.-W. RE. Halbb. III. Stuttgart, 1906, s. v. Aristonikos.
11. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
12. *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.
13. *Кёне Б.* Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея. Исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств Понтийского и Боспора Киммерийского. Т. I. СПб., 1857.
14. Thesaurus Graecae Linguae ab Henr. Stephano, IV, Parisiis. 1829. (Didot).
15. *Wiegand Th.* Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. H. III. Delphinion in Milet von G. Kawerau und Alb. Rehm. Berlin, 1914.
16. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
17. *Minns Ell. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
18. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора в VI—II вв. до нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
19. P.-W. RE, II Beilage. Halbb. X. Stuttgart, 1937, s. v. Theodosios № 72 (G. Lippold).
20. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Т. XLI А. СПб., 1904.
21. *Milne M. J., Bothmer D. V.* ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ.— Hesperia, 1953, v. XXII, n. 5a.
22. *Schwyzer Ed.* Griechische Grammatik. Bd II. München, 1950.
23. P.-W. RE, I, 1894, s. v. Apameia (Benzinger, etc.).
24. P.-W. RE, 38 Halbb. s. v. Philadelphia (W. Ruge).
25. P.-W. RE, II, 1896, s. v. Arsinoe (Benzinger etc.).
26. *Smith W.* Dictionary of Greek and Roman Geography. V. I. London, 1856, s. v. Arsinoe I, s. v. Cleopatris.
27. *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. III. М., 1893.
28. P.-W. RE, Halbb. XXIII. Stuttgart, 1924; s. v. Λαοδίκεια (Honigmann).

V. D. Blavatsky

6th-4th-CENTURY THEODOSIA AND ITS NAME

Summary

Judging from archaeological data Theodosia, an apoikia of the Milesians, was founded not earlier than the mid-6th century B. C. and its history in the 5th century is practically unknown to us. In 389-388 B. C. there was a war between Theodosia and Bosporus with the participation of Heraclea Pontica whose aim in the war, according to modern historians, was to defend its apoikia, Chersonese, which would be threatened by a Bosporus' victory. However, there is another, more probable supposition: the aim of Heraclea Pontica in the war was not the defence of Theodosia and Chersonese, but the capture of Theodosia and its fertile chora. This version is supported by the scale of military operations: Heraclea sent against «the Bosporan tyrants» 40 vessels (Pseudo-Aristot., Oecon., 11, 2,8), the same number, carrying about two thousand hoplitai, had been sent by Athens at Potidea. Heraclea perhaps continued its war against Bosporus even after Leucon I's seizure of Theodosia in the 380s or 370s B. C.

The problem of the original name of Theodosia was raised by B. Koehne in connection with two legends on its coins (ΘΕΟΔΕΟ and ΘΕΟΔΕΩ) which did not correspond to its usual name Θεοδοσίη or Θενδοσίη. Koehne's assumption based on Ulpian's text from Schol. in Demosth. c. Lept., XX, § 33, was that the name of the town conquered by Leucon I had been Θεοδέα, Θεοδία or Θεοδεῖα and that having conquered it he renamed it Theodosia. However, Ulpian mentioned neither Leucon I nor his renaming the town. An explanation of the mysterious legends is connected with the frequent use of abbreviated words and geographic names by the Greeks, a fact mentioned by Herodotus, Strabo, Theophrastus. This suggests that the original name of the polis and town was Θεοδοσία or Θευδοσίη, which later was abbreviated into, probably, Θεοδ, name of its citisens in gen. pl. being Θεοδέων, which led to an unusual legend ΘΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΕΩ.

The concluding part of the article considers the time of the emergence of the two versions of the origin of Theodosia's name reported by Ulpian. An analysis of names of towns given in honour of relatives of Hellenistic monarchs reveals a following regularity: more frequently towns were named in honour of their wives, then their mothers and considerably less frequently in honour of their sisters so it may be assumed that the above-mentioned disagreement — whether the town was named after the ktistus' sister or wife—emerged in the 2nd-3rd centuries A. D. and not in the Hellenistic period.

ФЕДОРОВ Б. Н.

ПЬЕДЕСТАЛЫ НАДГРОБИЙ С УЗКИМИ ВЫСОКИМИ СТЕЛАМИ (ХЕРСОНЕС, IV—III ВВ. ДО Н. Э.)

Фланговая башня оборонительных стен Херсонеса, так называемая башня Зенона, расположенная на юго-восточной границе города, давно привлекала внимание археологов. Раскопки ее начали в конце XIX в. (1897 и 1898 гг.) К. К. Косцюшко-Валюжинич [1, 2], а в начале XX в. (1910—1911 гг.) — Р.-Х. Лепер [3, с. 45, 99]. Уже на этом раннем этапе исследования сооружения в верхних слоях внутреннего ядра башни Р.-Х. Лепером были обнаружены фрагменты надгробий греческого античного некрополя [4, с. 59] [1].

50 лет спустя, в 1960—1961 гг., группа научных работников Херсонесского музея под руководством С. Ф. Стржелецкого предприняла новые раскопки башни. Центральная часть ее, как и предполагали ранее ученые, дала науке уникальные находки. Ядро башни оказалось в основном сложенным из нагробий некрополя IV—III вв. до н. э., который был расположен рядом с башней Зенона (XVII) за пределами стен города.

Археологами было найдено: 151 фрагмент узких высоких стел [5, с. 29], изготовленных из известняка сарматского ряда; многочисленные детали монументальных надгробий (антамблементы, архитравы, карнизы, анты и пр.). Из обнаруженных фрагментов надгробий зафиксирован 71 образец с полихромной росписью [6, с. 77]. В числе последних были найдены куски больших живописных стел с изображением фигур в натуральную величину [7, с. 3; 8, с. 345].

Многолетнее комплексное изучение всего этого богатейшего материала дало возможность автору настоящей статьи реконструировать значительный ряд надгробий херсонесского некрополя IV—III вв. до н. э. [9, с. 348], а также предложить классификацию этих памятников [10, с. 75].

Анализируя материал, раскопанный в башне XVII, нельзя не обратить внимание на наличие довольно большого числа пьедесталов под надгробные высокие узкие стелы. Из кладки ядра был извлечен 31 пьедестал и «почти столько же зафиксировано в кладке наружной облицовки ядра башни» [5, с. 44]. Кроме того, 10 пьедесталов было найдено в античной протейхизме напротив куртин 16 и 17 во время раскопок, проведенных И. А. Антоновой в 1970 г.[2]

Несомненно, что пьедестал под стелу является важнейшей составной частью единой композиции надгробия, и для того чтобы понять художественно-образную сторону памятника, следует изучить не только верхнюю

[1] За № 3727, 3747, 3752, 3753, 3767, 3770—3772 значатся куски полихромных карнизов; за № 3745, 3746, 3750, 3751 записаны фрагменты узких высоких надгробных стел.

[2] Пьедесталы под стелы встречаются также в раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича. См. [11, лист. 110*б*, фотогр. 39; 12, лист 240*б*; 13, фотогр. 10] и в раскопках В. В. Борисовой 1959 г. в цитадели около башни XVI и куртины 18. См. [14, с. 15, рис. 10 и 11].

Рис. 1. Трехступенчатое основание надгробия около городских ворот IV—III в. до н. э.

часть его — стелу, но и основание — пьедестал. Надгробные стелы Херсонеса не раз описывались и изучались исследователями [5, с. 29; 15, с. 44; 16], но никто из них не сделал даже попытки рассмотреть основания надгробных стел. Классификация и анализ пьедесталов надгробий с узкими высокими стелами херсонесского некрополя IV—III вв. до н. э. и является целью настоящей работы.

Даже беглое рассмотрение пьедесталов надгробных монументов, найденных археологами в Херсонесе, свидетельствует о разнообразии их размеров, форм объемов, а также характере профилей и обработки поверхностей. Пьедесталы херсонесских намогильных узких высоких стел можно разделить на четыре группы: а — ступенчатые, б — беспрофильные прямоугольные, в — композитные, г — профилированные.

Первую группу пьедесталов представляет один, открытый К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1900 г. Это — трехступенчатое основание, находящееся перед древнегреческими городскими воротами IV—III вв. до н. э. (куртина 16) [17, с. 1] (рис. 1). Пьедестал хорошо сохранился. Сложен он из отесанных известняковых плит прямо на скале. Размеры его при основании 2,40×2,18 м, высота 0,62 м. Завершающая пьедестал плита 0,98×0,80 м имеет гнездо под стелу 0,36×0,27 м. Херсонесский ступенчатый пьедестал выполнен таким образом, что внутри него оставлена камера прямоугольной формы, имеющая размеры в плане 0,89×0,58 м и глубину 0,55 м. Очевидно, что эта камера являлась склепом, куда помещалась урна с прахом покойного.

Аналогичные ступенчатые пьедесталы под стелы нередко встречаются и в Греции. Таким чрезвычайно близким образцом является надгробие Пифагора, афинского проксена в Селимбрии, на некрополе Керамик в Афинах [18, с. 145] (вторая четверть V в. до н. э.), нижняя часть которого представляет собой четырехступенчатый пьедестал [3]. Двухступенчатое основание под стелу имеет другой памятник Керамика, поставленный над могилой послов с острова Керкиры — Терсандра и Симила [19, с. 307] (ок. 375 г. до н. э.).

[3] Пьедестал надгробия сложен на фундаменте, с основанием несколько меньшим, чем в Херсонесе (1,748×1,747 м); размер верхней плиты под стелу близки 0,855×0,754 м. Пьедестал, как и херсонесский, имеет камеру при габаритах в плане 0,570×0,567 м и высоте 0,728 м. Следует заметить, что обе камеры имеют почти равные объемы, отличающиеся только на 0,05 м³.

Рис. 2. Композитный пьедестал

Существование в Греции большого количества надгробий, у которых под стелами пьедестальная часть была ступенчатой, подтверждает нам и роспись на греческих белофонных лекифах, в изобилии дошедших до наших дней [4]. Таким образом, ступенчатая группа пьедесталов под стелы в античных греческих надгробиях классического времени, к которым принадлежит, вероятно, и херсонесский памятник, представляет собой традиционный образец пьедестала под стелу, характерный для некрополей Греции.

Вторую группу пьедесталов, найденных в Херсонесе, составляют беспрофильные прямоугольные основания, образованные отдельными большими стесанными каменными блоками с гнездами под стелы. Таких камней-параллелепипедов зафиксировано шесть. Из них четыре — с одним гнездом под стелу (П-12 — П-15) [5] и два — с двумя.

Все пьедесталы носят фрагментарный характер, и поэтому некоторые размеры их можно определить только приблизительно. Габариты первых четырех пьедесталов в среднем определяются следующими параметрами (м): длина и ширина — соответственно 0,800×0,580, высота — 0,250; пьедесталы для двух стел больше: длина превышает 1 м, ширина — 0,570, высота — 0,320 м. Гнезда для шипов стел также различны, их величина колеблется в пределах (м): длина 0,360—0,415, ширина 0,160—0,215, глубина 0,080—0,130.

Данная группа пьедесталов является, как и первая, традиционной для греческих надгробий. Подавляющее большинство таких оснований под стелы мы встречаем в некрополе Керамика. Этому же мы находим подтверждение и в надгробиях, изображенных на белофонных лекифах [20, табл. 26, *1*; 38, *3*, *4*; 22, табл. 41b].

Третью группу надгробных пьедесталов Херсонеса составляют особого вида образцы, аналогий которым в античном греческом мире назвать

---

[4] Как правило, на них обычно изображался ритуал почитания предков у их надгробия. На таких изображениях надгробие чаще всего имеет вид стелы, покоящейся на двухступенчатом пьедестале (см. [20, с. 77—113, табл.: 26, *5*; 30, *1—2*; 32, *2*; 34, *3—4*; 36, *1—2*; 38, *1—2*; 39, *2—3* и др.]. Однако встречается немало лекифов, где художники изображают и многоступенчатые пьедесталы. Так, на тулове лекифа, хранящегося в Национальном музее в Афинах, изображено надгробие, имеющее шесть ступеней (см. [21, с. 210]).

[5] Поскольку в Херсонесском музее большинство пьедесталов надгробий не имеет инвентарных номеров, нами были проставлены временные номера с индексом П.

пока не представляется возможным. Это пьедесталы, определенные нами как композитные [23, с. 33]. Они сочетают в одном блоке пьедестал под стелу с профилированными верхом и низом, а также глубокий паиск, крепованный вперед на главный фасад пьедестала (рис. 2).

Найдено 15 экз. композитных оснований [6]. Габаритные размеры блоков различные (м): длина от 0,470 до 1,200; ширина от 0,385 до 1,000; высота в среднем 0,300—0,340. Средние размеры гнезда под стелу составляют (0,250—0,360) × (0,140—0,215) м, глубина — 0,100—0,140 м.

Все пьедесталы выполнены из мелкозернистого золотистого известняка сарматского ряда. Блоки чисто стесаны и весьма точно обработаны, особенно тщательно мастера относились к профилировке и деталям изделия. Эта группа композитных пьедесталов представляется нам как явление своеобразное, встретившееся пока только на некрополе Херсонеса [7].

Наиболее многочисленную группу херсонесских оснований под стелы составляют профилированные пьедесталы прямоугольной в плане формы. В этой четвертой группе зафиксировано 33 пьедестала (в основном это фрагменты).

Все пьедесталы имеют одинаковую структуру. Каждый состоит из нижней профилированной цокольной части, основной средней (тела пьедестала) и венчающей части, также имеющей профилировку. Все обломы оснований пьедесталов представляют собой одинаковый характер: прямоугольный поясковый профиль, сопрягающийся с обратным каблучком, который или переходит непосредственно в тело пьедестала, или имеет еще невысокую полочку с выкружкой. Исключение составляют только 3 экз., которые вместо каблучкового профиля имеют полувал. Венчающую часть пьедесталов образуют также прямоугольные обломы в сочетании либо с прямым каблучком, либо с валиком различного геометрического очертания.

Значительное различие между пьедесталами рассматриваемой четвертой группы наблюдается лишь в профиле их тела. По этому признаку пьедесталы можно разделить на три характерные типа: прямоугольные, криволинейные и пирамидальные.

Наибольшее количество обнаруженных в Херсонесе пьедесталов относится к первому типу. Их насчитывается 21 экз. Зафиксировано девять пьедесталов второго типа и три — третьего.

Все эти пьедесталы выполнены из светлого золотистого местного известняка различной твердости. Блоки очень тщательно обработаны. Поверхность многих из них поражает несвойственной, казалось бы, камню бархатистостью отески, а профили отличаются изысканностью рисунка и красотой найденных отношений.

Следует также отметить, что обломы пьедесталов всегда расписывались: в венчающей части на криволинейный профиль (каблучок или вал) синей и желтой красками по красному фону наносился рисунок ов, а в цокольной части на каблучок, тоже по красному фону, чаще всего желтой и черной красками,— рисунок киматия [8] (рис. 3). Таким образом, над созданием пьедесталов трудились не только камнетесы высокой квалификации, но и художники. По тому, как тонко сделаны эти пьедесталы, чувствуется, что мастера вкладывали в их создание все свое умение, весь свой опыт. Очевидно, эти пьедесталы были изделиями очень дорогими и доступными лишь состоятельным гражданам.

Особенно поражают своей чеканной проработкой форм, изяществом линий и красотой пропорционального строя постаменты криволинейного

[6] № П-41—П-47; П-49; П-50; П-52; № 151 (полевой); два пьедестала из гробниц — № 1021 и 1009; два без номера (один из них сильно фрагментирован).

[7] Группа композитных пьедесталов херсонесского некрополя тщательно изучена автором. Анализу этих уникальных оснований будет посвящена отдельная публикация.

[8] Примером может служить пьедестал прямоугольного типа, находящийся в экспозиции ХМ, инв. № 572, а также фрагмент пьедестала криволинейного типа из фонда № 3 ХМ под полевым номером 292.

Рис. 3. Прямоугольный пьедестал профилированной группы с росписью

Рис. 4. Криволинейные пьедесталы профилированной группы: *а* — пьедестал П-35, *б* — пьедестал П-36

типа (рис. 4), где выполнение изысканной скоцеобразной кривой тела пьедестала, сходной с аналогичным профилем аттической базы ионического ордера, могло быть под силу только самым умелым каменотесам, владевшим своим мастерством в совершенстве. Поэтому можно с уверенностью предположить, что эти «ионические» экземпляры постаментов были самыми дорогими и, видимо, не случайно в Херсонесе их обнаружено только девять штук (три из них сильно сколоты).

Габаритные размеры херсонесских профилированных пьедесталов точно определить удается не всегда ввиду их значительной фрагментарности. Однако приблизительную величину длины и ширины блоков с определенной допустимой точностью назвать возможно.

Так, для прямоугольного типа длина в среднем (по верхней грани) колеблется в пределах 0,550—0,750 м, а ширина — 0,500—0,570 м; для пьедесталов криволинейного типа — соответственно 1,000—1,300 и 0,450—0,560 м; для пирамидальных длина (также по верхней плоскости) 0,700—0,800 м, ширина 0,400—0,600 м.

Высота пьедесталов, за небольшим исключением, определяется точно. Из табл. 1 видно[9], что наибольшее количество пьедесталов профилированной группы имеет среднюю высоту 0,290—0,340 м.

Гнезда под стелы колеблются в следующих пределах (м): длина 0,240—0,380, ширина 0,140—0,220, глубина 0,070—0,150.

Однако если внимательно рассмотреть гнезда под шипы стел, то можно заметить, что на многих пьедесталах четвертой группы гнезда были вырублены другими мастерами и позднее, чем был выполнен сам пьедестал. Об этом свидетельствует и характер рубки широкими неровными плоскостями, говорящий о применении грубого инструмента, и часто неправильная форма отверстия гнезда, выполненная без разметки, и общая неряшливость обработки, так не соответствующая мастерской пластике изделия.

Чем можно объяснить выполнение гнезда под стелу в пьедестале малоквалифицированным мастером, в то время как само основание надгробия и стела всегда отличались высокохудожественными качествами? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим несколько пьедесталов четвертой группы, и в первую очередь П-19, П-27*а* и П-36. Первые два принадлежат к типу прямоугольных, а П-36 — к криволинейным. Все эти пьедесталы отличает от других оснований данной группы отсутствие гнезда под стелу; следовательно, верхняя их плоскость была гладкой и на ней стела не стояла. Однако не вызывает сомнения то, что данные пьедесталы происходят с некрополя IV—III вв. до н. э. Отсутствие стел на пьедесталах может привести к мысли о том, что перед нами алтари.

Чтобы убедиться в справедливости наших предположений, сопоставим пьедестал П-36 (рис. 4, *б*) с другим пьедесталом профилированной группы криволинейного типа (но с гнездом) — П-35 (рис. 4, *а*). В них мы обнаружим полную идентичность рисунка профилей и характера кривых тела постаментов. Помимо величины блоков разница ощущается только в размерах и отношениях обломов, а также высот, разнящихся на 3 см. Пьедестал П-35 меньше всех криволинейных постаментов, найденных в Херсонесе. Его ширина по верху равна 0,280 м, а длина может быть определена около 0,450 м. Гнездо под стелу составляет 0,250×0,140 м при весьма незначительной глубине — 0,045 м.

Таблица 1

Тип пьедесталов	Высота, м											Общее количество пьедесталов
	0,285	0,290	0,300	0,305	0,310	0,315	0,320	0,330	0,340	0,365	0,380	0,400	0,470	
Прямоугольные	1	1	3	3	2	2	—	1	1	—	1	—	1	16
Криволинейные	—	—	3	—	1	—	1	—	1	1	—	1	—	7
Пирамидальные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего	1	1	6	3	3	2	1	1	2	1	1	1	1	24

[9] В табл. 1 не учтены пьедесталы, высоту которых невозможно точно определить из-за их фрагментарности или утраты памятника.

Если на этот пьедестал поставить узкую высокую стелу, которая, судя по вырезанному гнезду, должна иметь большие размеры, чем длина и ширина гнезда (длина около 0,300—0,330 м, ширина около 0,150 м [10]), то стела по отношению к пьедесталу, при средней ее высоте 1,600 м, будет восприниматься весьма громоздкой, а вся композиция — неустойчивой и негармоничной. Однако несомненно, что именно такое сочетание высокой стелы с данным пьедесталом существовало.

Некоторое подобное же композиционное несовершенство постановки стелы можно заметить и на примере другого постамента криволинейного типа — П-33, от которого автору настоящей статьи удалось обнаружить стелу (полевой номер 269) [11]. При совмещении ее с пьедесталом оказалось, что стела слишком сдвинулась к краю пьедестала, причем настолько, что боковая плоскость основания стелы частично нависла над скоцеобразной кривой тела постамента, также несколько нарушив архитектонику памятника.

Все рассмотренные нами примеры позволяют заключить, что стелы и пьедесталы в херсонесских надгробиях выполнялись разными мастерами и, видимо, часто создавались вне связи друг с другом. Об этом свидетельствуют: а — грубая и небрежная обработка гнезд под стелы; б — различная сохранность поверхности камня в гнезде и на верхней грани блока, непосредственно примыкающей к гнезду, которая также была закрыта от выветривания основанием стелы (но идентична с сохранностью соседних участков, находящихся за пределами последнего); в — в ряде случаев явные композиционные несоответствия частей памятников — стелы и пьедестала. Поэтому не исключено, что многие пьедесталы изготовлялись первоначально не для надгробий, а приспосабливались под основания намогильных монументов после, спустя некоторое время.

Удивительная тщательность отески блоков, изысканность форм и пропорций, профилировка, роспись, габаритные размеры позволяют говорить о том, что блоки первоначально могли служить домашними алтарями, которые были непременным элементом в любом античном греческом жилом доме [24, с. 321]. Алтари размещались как во дворах домов, пастадах, так и в больших комнатах [25, с. 175]. Такие стационарные алтари известны по раскопкам Олинфа [12], на островах Делос [27, с. 34] и Фера [28, с. 253], Колофона [25, с. 175] и других районов греческого мира. Домашние стационарные алтари обнаружены и в Херсонесе при раскопках эллинистических жилых домов на северном берегу в кварталах XIV (раскопки 1936 г.) [29, с. 218] и XIX (раскопки 1951—1953 гг.) [30, с. 141; 31, с. 144]. Эти алтари располагались в жилых комнатах и были сложены из отесанных известняковых плит, но без профилей. Размеры их близки к 1,100×1,200 м, 1,100×1,100 м, высота 0,150—0,250 м. Алтари были найдены в жилых домах ремесленно-торгового населения среднего достатка, которое, очевидно, не могло иметь дорогих (профилированных) алтарей. Но зато маленькие каменные переносные алтари — арулы, высотой до 10 см, подчас весьма разнообразной формы и тонкой резной работы, здесь обнаруживались часто [13]. Среди арул есть и такие, которые в миниатюре повторяют большие плоские, огражденные с двух сторон стенками-фронтонами алтари с профилями, идентичными

---

[10] На основании многочисленных обмеров узких высоких стел, проведенных автором в Херсонесе, можно констатировать, что в большинстве случаев ширина самой стелы больше ширины ее шипа на 7—10 см, а ее толщина — в пределах 1—2 см.

[11] Это пока в Херсонесе единственный случай бесспорного совпадения стелы и гнезда пьедестала. В гнезде обнаружен обломок шипа, полностью совпавший с недостающим куском шипа на стеле № 269.

[12] Местоположение и размеры таких домашних алтарей обнаружены в 10 наиболее богатых домах города. См. [24, табл. 85, 87—89, 95, 97; 26, табл. 28, *2*; 29, *5*, *158*, *162*].

[13] Арул IV—III вв. до н. э. в Херсонесе найдено более 20 [32, с. 165].

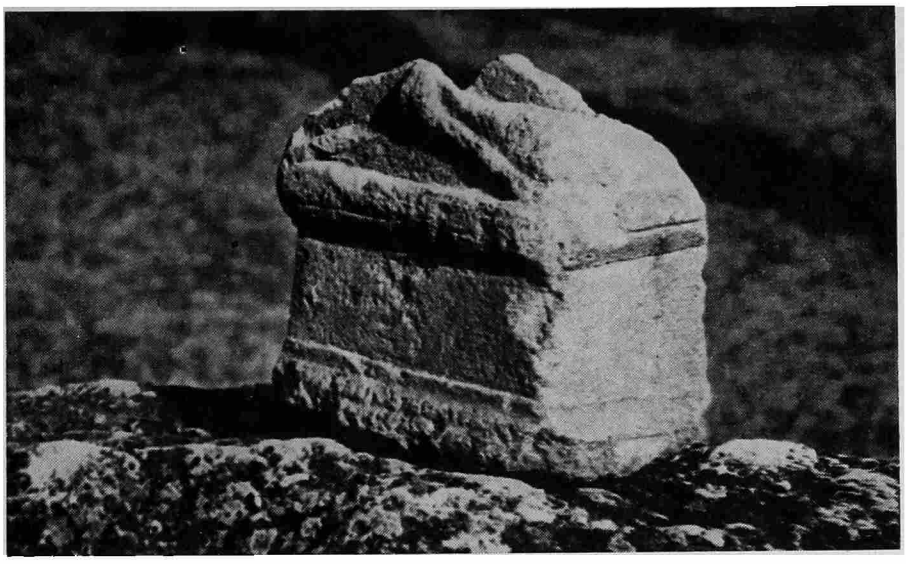


Рис. 5. Арула; высота — 0,095 м (ХМ, инв. № 6/36061)

надгробным пьедесталам прямоугольного типа [14] (рис. 5). Это было замечено и археологом Ю. А. Бабиновым, который писал: «Подобный вид имеют херсонесские надгробные памятники местного производства IV—III вв. до н. э.» [33, с. 22]. Таким образом, логично предположить, что арулы были своеобразными моделями существовавших в богатых домах больших дорогих алтарей, имевших в качестве ограждения жертвенного места камни-стенки в виде фронтона. Аналогичный камень от домашнего алтаря длиной 0,620 м был найден в 1928 г. в Олинфе в жилом доме А 10, а также в доме Fii9 [24, 26].

Если теперь мы снова обратимся к пьедесталам П-19, П-27*а* и П-36, которые, как мы отметили, не имели гнезд под стелы, то вполне возможно предположить, что перед нами алтари, могущие также ограничиваться камнями-стенками в виде фронтонов [15]. При внимательном осмотре верхней поверхности пьедестала П-36 в том месте, где у края вырезано гнездо под пирон (он более позднего происхождения; не исключено, что он применялся для крепления камня в конструкции башни XVII), параллельно его длинной стороне можно заметить два отчетливые следа-линии (рис. 6). Возможно, что эти параллельные линии определяют ширину камня, ограничивающего жертвенное место. Измерение показывает, что эта величина равна 0,100 м. Второго камня-стенки, очевидно, не было, так как алтарь этим местом стоял у стены, о чем свидетельствует гладкая, без профилей, его сторона (рис. 7). Можно предположить, что подобными же алтарями были и пьедесталы П-19 и П-27*а* [16].

---

[14] Таковы арулы с фронтонами-стенками, выполненные из известняка: а) ХМ, инв. № 24/36061, найденный Г. Д. Беловым на северном берегу в 1940 г., б) ХМ, инв. № 6/36583 — случайная находка 1963 г. там же, в) ХМ, инв. № 807/253/09, обнаружен Р.-Х. Лепером в северно-восточном районе в 1909 г.

[15] В хранилищах ХМ есть фронтоны, которые могли служить такими ограждающими стенками-навершиями алтаря. Например, инв. № 131/36579; 35192; 4587.

[16] На вопрос о том, по какой причине на рассмотренных нами трех пьедестальных блоках отсутствуют гнезда под стелы, можно ответить двояко: 1 — домашний алтарь мог быть перенесен из дома покойного в некрополь и установлен без стелы как поминальный алтарь, например в надгробии портальной группы, в единой композиции с монументальной живописной стелой, в открытом наиске (вместо высокой узкой стелы на пьедестале) [9, с. 348]. Подобные алтари-надгробия ставились и прямо на могилах, что подтверждают изображения на белофонных лекифах [см. 34, с. 100, табл. 20]. 2 — домашний алтарь также был перенесен на место захоронения, но в нем по каким-либо причинам еще не успели вырубить гнездо под стелу и установить ее.

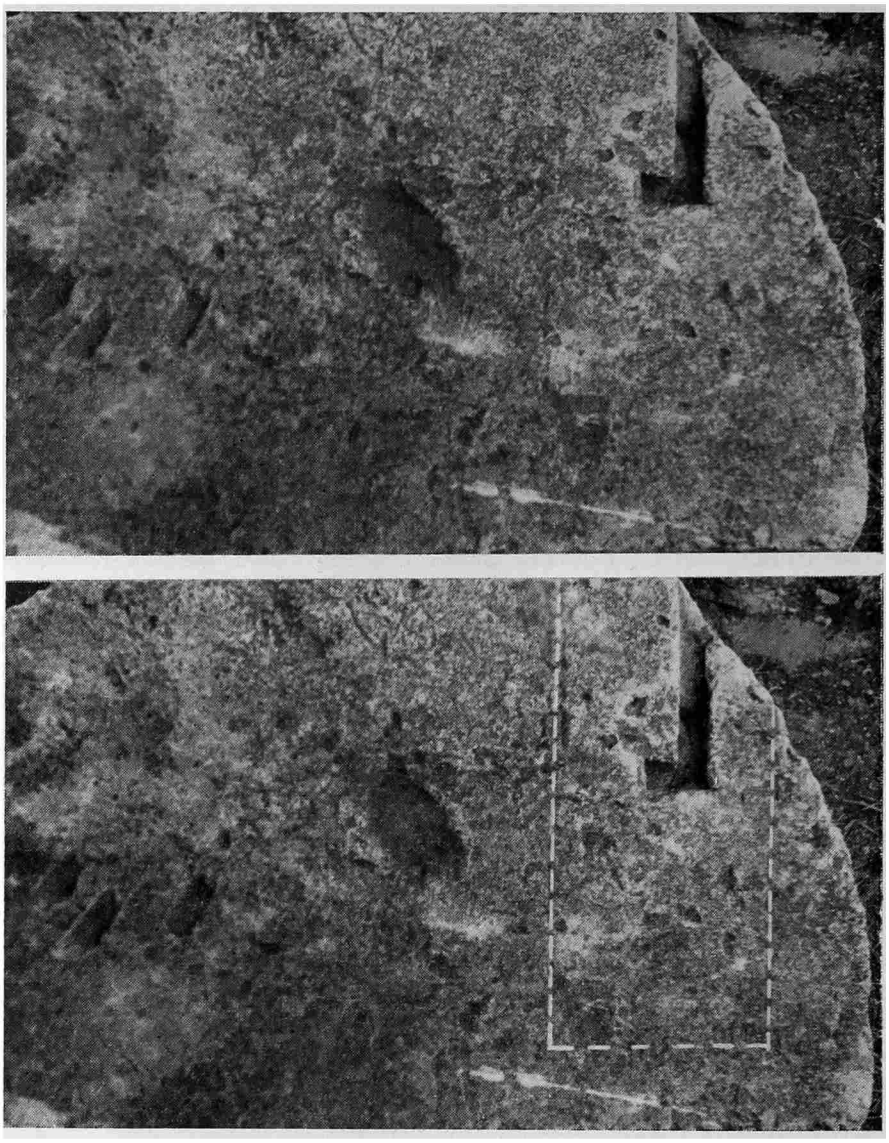


Рис. 6. Пьедестал П-36. Верхняя его поверхность со следами, ограничивающими габариты камня-стенки

Таким образом, напрашивается вывод, что и большинство других пьедесталов профилированной группы, найденных в Херсонесе, первоначально также служили алтарями в богатых домах. Когда же умирал кто-либо из обитателей этого дома, возможно глава семьи, то на место его погребения в соответствии с культом мертвых, как олицетворение дома, родственники покойного ставили в качестве основания под надгробие домашний алтарь. И это логично, так как алтарь-пьедестал и в этом случае продолжал сохранять свою прежнюю функцию, оставаясь алтарем, но только теперь алтарем поминальным. Вероятно, около него приносили погребальную жертву, на него ставили лекифы с маслом, производили возлияния, укладывали корзины с поминальными дарами, развешивали венки. Все эти ритуальные действия отражены на многочисленных погребальных и белофонных лекифах, хранящихся в Национальном музее в Афинах и в музее Керамика, а также на апулийских амфорах и кратерах Гос. Эрмитажа.

Следует заметить, что поскольку дорогие стационарные профилированные алтари в доме могли иметь только богатые граждане, то и надгро-

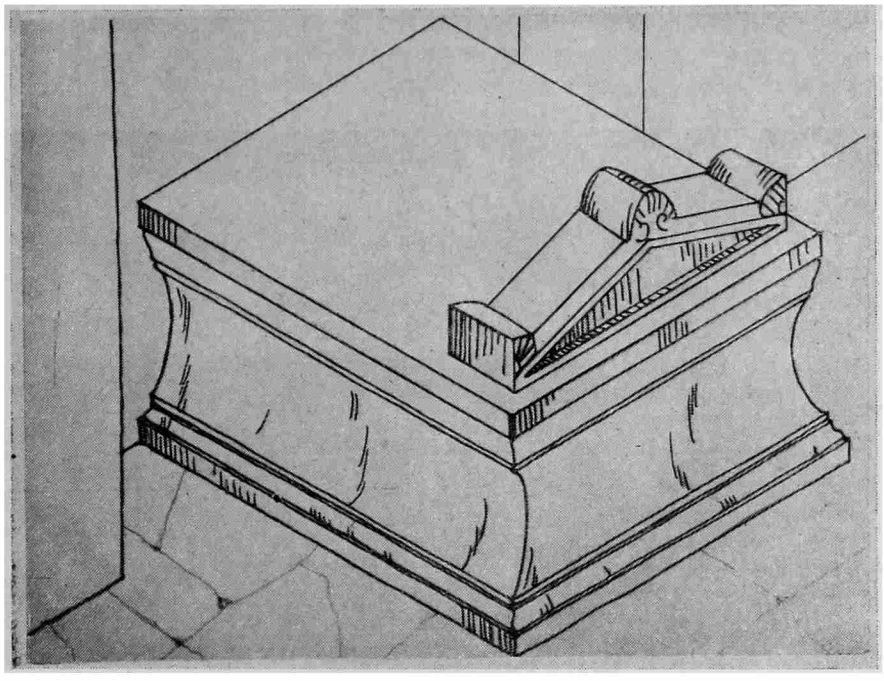


Рис. 7. Реконструкция домашнего алтаря по пьедесталу П-36

бий со стелами, в сравнении с общим количеством раскопанных греческих могил на некрополе немного. Особенно это ощутимо при наличии такой редчайшей «сокровищницы» надгробий, как башня XVII. Ведь здесь было обнаружено, как говорилось выше, всего 151 фрагмент стел, разбитых на два-три куска. А это составляет лишь около 60—70 экз. Однако бедные надгробия, состоящие из антропоморфа, вставленного в плоскую плитку, в херсонеском некрополе обнаружены (судя по плиткам) в количестве около 160 [35, с. 37].

Не исключено, что бóльшая часть могил некрополя, где была похоронена беднейшая часть горожан, вообще не имела монументальных памятников. Такого же мнения придерживается М. Парович-Пешикан, исследуя некрополь Ольвии эллинистического времени. Автор утверждает, что монументальные надгробия ставили над могилами заслуженных граждан [36, с. 64].

Убедительным, на наш взгляд, доказательством постановки домашних алтарей на могилах может служить пьедестал пирамидального типа П-56, найденный К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1898 г. на южном некрополе Херсонеса [17] (рис. 8). Пьедестал выполнен из твердого известняка с крупными вкраплениями, одна из вертикальных стенок его гладкая, три остальные имеют специфические обломы: основание составляет плинт, на котором покоится полувал с полочкой и выкружкой; венчает камень широкая полочка, под которой идет клювообразный профиль с шейкой, отделенной от тела пьедестала неглубокой канавкой. Именно такой профиль часто встречается в алтарях типа известнякового алтаря, найденного в жилом доме Tiled Prothyron в Олинфе [26]. В пьедестале П-56 между верхним и нижним профилями, на $^1/_3$ от верха располагается очень тоненький полувалик [18]. Размер всего блока пьедестала равен 0,740×0,390 м (по низу), высота — 0,400 м [19].

[17] ХМ, инв. № 144/36579. Задняя стенка гнезда сколота и утрачена в XX в.

[18] Точно такие же профили свойственны и остальным пирамидальным пьедесталам, найденным в Херсонесе (П-39 и П-40). Венчающие обломы у них стесаны.

[19] Размеры даны по обмерам автора и расходятся с приблизительными размерами, приведенными в археологическом отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Рис. 8. Пьедестал профилированной группы пирамидального типа П-56

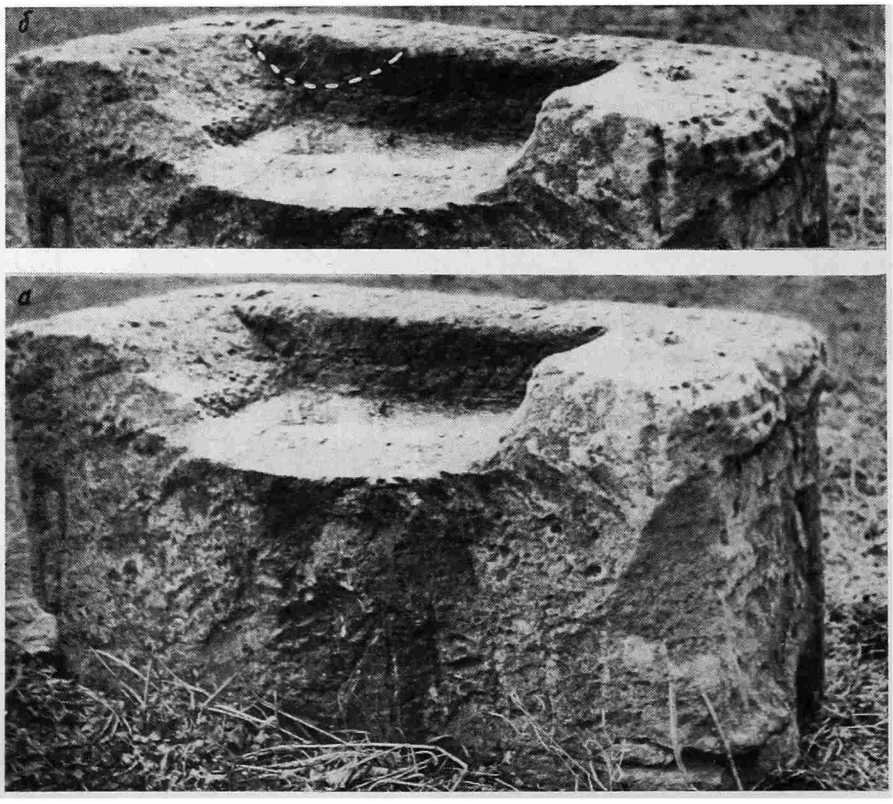


Рис. 9. Пьедестал П-56: *а* — задний фасад; *б* — пунктиром показано жертвенное углубление, вправо от которого видна грубая рубка гнезда под стелу

Большой интерес представляет верхняя плоскость камня — она необычна. Как пишет в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинич: «...сверху памятника вырублено продолговатое корытце до 0,09 м глубины, причем левая прямолинейная сторона отвесно обрублена, а правая, округленная, скошена» [2, с. 122]. В архиве Херсонесского музея хранится рисунок этого пьедестала, сделанный самим археологом сразу после находки [12, с. 24]. На нем видна необычная форма гнезда, расположенного асимметрично. Несомненно, что гнездо такой корытообразной формы не могло быть исполнено для установки высокой узкой стелы. Внимательное изучение обработки боковых поверхностей гнезда позволяет установить следы вторичной его обработки. Четкая граница частей более ранней — гладкой поверхности гнезда и более поздней — грубой, сколотой, со следами инструмента — дает возможность установить его первоначальное сечение и форму, когда гнездо представляло собой небольшую воронкообразную выемку глубиной 0,07 м и с габаритными размерами 0,180× ×0,180 м. По большему размеру выемка имела плавный переход к верхней плоскости блока с помощью скосов, один из которых сохранился и составляет правую часть гнезда. Выемка располагалась асимметрично — она была смещена к одной стороне (по фасаду вправо — рис. 9). Воронкообразный характер углубления, его асимметричное размещение на верхней плоскости блока, а также габариты, форма и профилировка пьедестала позволяют утверждать, что это был алтарь с жертвенным углублением.

После того как камень стал выполнять функцию надгробия, в нем вырубили гнездо под стелу, частично использовав и жертвенное углубление, для чего пришлось срубить левый скос «воронки». Глубину гнезда увеличили до 0,095 м для большей устойчивости в нем стелы. Гнездо было вырублено таким образом, что постановленная в него стела могла бы занять осевое положение, создав тем самым симметричную композицию надгробия. Поэтому правый скос жертвенного углубления и остался нетронутым. Его, видимо, предполагалось при постановке стелы закрыть нависающим над шипом стелы базовым профилем.

О том, что этот камень первоначально не выполнял функции надгробия, свидетельствует и вырезанное на лицевом фасаде блока гнездо под антропоморф, несомненно, позднего происхождения. К. К. Косцюшко-Валюжинич в том же отчете за 1898 г. отмечал, что «вырезка на лицевой стороне сделана небрежно и пересекает средний карниз (полувалик.— *Б. Ф.*), что указывает на приспособление этого камня для надгробия...» [2]. Традиционный для херсонесских надгробий с узкими высокими стелами антропоморф, обычно стоящий на постаменте впереди стелы, в данном случае располагался под ней в глубокой нише, вырезанной в теле пьедестала.

В 1961 г. в башне XVII был обнаружен еще один аналогичный пьедестал (полевой номер 214), который остался в кладке ядра башни (рис. 10). Пьедестал — обычного прямоугольного типа. Верхний профиль сбит, нижний, красивого рисунка (каблучок между двумя полочками), частично сохранился. Однако и этот пьедестал имеет позднюю нишу под объемный антропоморф, грубо и небрежно вырезанный явно другим мастером. Таким образом, надо полагать, что и этот алтарь был приспособлен под надгробие.

Немаловажным фактором, лишний раз подтверждающим справедливость нашего предположения о «приспособлении» алтарей, являются и чисто формальные признаки сходства между домашними алтарями и херсонесскими пьедесталами под надгробия. Достаточно сравнить профили, пропорции, материал пьедесталов, например Херсонесского музея под стелой Кинолиса (П-30) и под стелой Санниона (П-31), с небольшим каменным алтарем, найденным в доме Aiv 9 в Олинфе [24, табл. 83, *3*], чтобы ощутить очевидную близость этих памятников. Поражают также

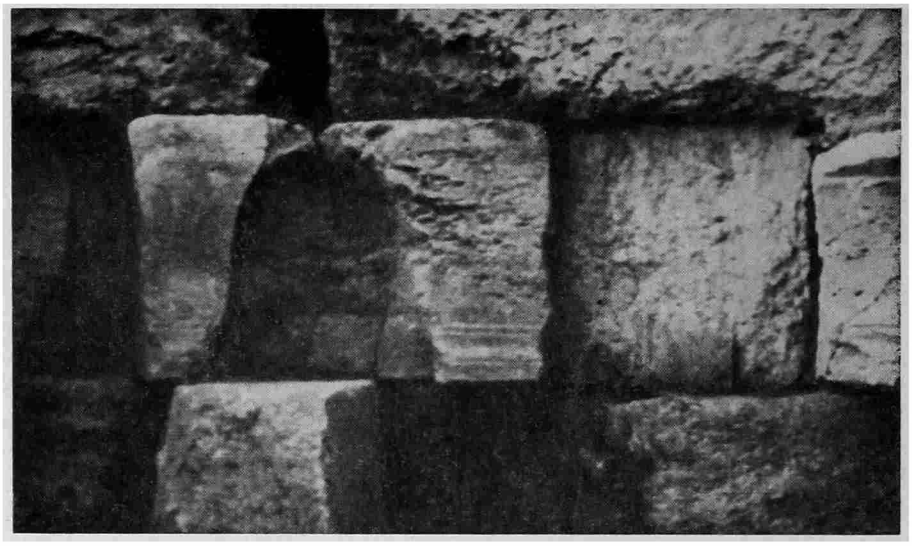


Рис. 10. Пьедестал профилированой группы прямоугольного типа, полевой номер 214

идентичностью и херсонесские пьедесталы криволинейного типа, особенно П-35, который при сопоставлении с терракотовым алтарем, обнаруженным при раскопках Олинфа [24, табл. 81, *1*], выявляет одинаковый характер профилей бокового фасада. Если сравнивать указанный терракотовый алтарь из Олинфа с херсонесскими пьедесталами криволинейного типа в целом, то обнаружится полное сходство кривой их тела, частичное — профилей и высот. Так, средняя высота херсонесских образцов равна 0,300—0,320 м, в то время как олинфского — 0,289 м. Если же рассмотреть размеры некоторых домашних прямоугольных алтарей, встречающихся в греческом мире классического — эллинистического периода, то они окажутся очень близкими к херсонесским пьедесталам, имеющим средние размеры в плане в пределах: 0,450—1,000×0,550—1,000 м при высоте 0,290—0,340 м. Эти данные представлены в табл. 2.

Одной из особенностей подавляющего большинства херсонесских пьедесталов является то, что обычно одна из вертикальных сторон оставлена гладкой и не имеет профилей, причем весьма часто и эта гладкая сторона тщательно отесана. Это можно объяснить тем, что они некогда выполняя функцию домашних интимных алтарей, стояли не посредине двора, как церемониальные алтари в Олинфе, а находясь в помещениях прислоненными к стене (возможно, даже в нишах) [20], составляли с отделкой интерьера единое гармоническое целое. Постановка такого алтаря, сверкающего белизной камня, с яркой росписью профилей, на фоне более темной цветной штукатуренной стены комнаты усиливала его значение для обитателей дома, в то время как постановка алтаря во дворе имела всегда официальный церемониальный характер. Поэтому, видимо, не случайны находки в одном доме как торжественных церемониальных алтарей, так и других алтарей, более интимных [21], связанных с поклонением другим божествам, в том числе и хтоническим.

В этой связи следует заметить, что в Херсонесе почитали многих из хтонических богов, и в первую очередь Гею, Диониса, Кибелу, Деметру,

---

[20] Постановку домашних алтарей в нишах констатируют: Джавис [25, с. 175], Д. Робинзон [24, с. 323], К. Гриневич [37, с. 45].

[21] В Олинфе в доме Fii9, кроме стоящего во дворе церемониального алтаря в пастаде, было найдено еще два небольших ярко расписанных, несомненно более интимного характера [см. 26, табл. 168—170; 172, *2*, *3*]. Подобные алтари обнаружены и на о. Делос.

Таблица 2

Местонахождение	Время	Размеры в плане, м	Высота, м	Место находки
Кацуя	Эллинизм	0,260×0,260	0,360	
Колофон	»	0,800×0,800	–	В доме Ditto
»	»	0,650×0,650	–	»
Милет	»	0,230×...	0,340	
»	»	0,770×0,300	0,420	
Олинф	Конец V–IV в. до н. э.	0,210×0,210	0,350	В доме Fii 9
»	»	0,645×0,940	–	В доме Tiled Prothyron
»	»	1,000×0,600	–	В доме Актера
»	»	1,100×1,100	–	В доме Avi 3
»	»	0,930×0,690	–	В доме Avi 5
»	»	0,800×0,500	–	В доме Av 6
»	»	0,480×0,670	0,420	В доме Aviii 8

Персефону. Из эпиграфического памятника конца IV — начала III в. до н. э. (присяга) мы узнаем, что одним из главных божеств для херсонеситов была Гея; большое количество культовой пластики посвящено изображениям Диониса и Кибелы, большинство из них найдено в погребениях [22], встречаются и статуэтки Деметры [32, с. 40], также на некрополе найдены скульптурные бюсты, изображающие Персефону-Кору [38, с. 235].

Поэтому логично предположить, что именно те домашние алтари, которые посвящались богам, связанным, по представлениям греков, с подземным миром, т. е. богам хтоническим, и могли быть перенесены из жилого дома на могилу умершего [23], где продолжали функционировать и как алтари и обретали новое значение как основание надгробия.

Таким образом, рассмотрев все четыре группы пьедесталов под высокие узкие стелы надгробий херсонесского некрополя IV—III вв. до н. э., мы убедились в их многообразии, определяющем большие композиционные возможности для создания разнообразных по своему образному строю и архитектуре памятников. Мы также отметили наряду с чертами традиционными, характерными для надгробий античного греческого мира, черты и специфические, свойственные только Херсонесу.

Анализ памятников херсонесского некрополя позволил выдвинуть гипотезу о том, что в Херсонесе наряду с пьедесталами, изготовленными специально для подножий надгробий с узкими высокими стелами, применялись домашние алтари. Эти алтари, очевидно, принадлежали богатым гражданам города и располагались в помещениях жилых домов. После смерти одного из членов семьи, вероятнее всего ее главы, они приспосабливались в качестве основания под надгробие. Вот почему, изучая пьедесталы херсонесского некрополя, мы часто удивляемся вопиющему несоответствию качества работы двух мастеров. С одной стороны, мы видим руку художника, сумевшего изваять совершенную пластическую форму, любовно и тончайше обработать камень, а с другой стороны, поражаемся грубому вмешательству руки равнодушного ремесленника, выру-

---

[22] Маска Диониса (инв. № 605) найдена в насыпи некрополя (см. опись раскопок 1909 г., № 3892); другая маска Диониса обнаружена в гробнице № 611, раскопки 1896 г. Терракотовая статуэтка Кибелы (инв. № 658) найдена в XX могиле у Карантинной бухты во время раскопок 1910 г. [32, с. 14—20; 38, с. 218].

[23] В этой мысли утверждает и убедительная гипотеза Л. Г. Колесниковой о том, что на многих могилах херсонеситов установленные антропоморфы являлись изображением воскресающей Персефоны [39].

бающего насыпи и как придется, на глазок, нишу под антропоморф или гнездо под стелу. По той же причине мы нередко ощущаем и несоответствие масс пьедестала и стелы, что подчас нарушает гармонию и архитектонику памятника в целом. Однако, несмотря на трудности, обусловленные переделкой алтарей под постаменты стел и каноническим размерам последних, талантливые херсонесские мастера сумели создать на некрополе много высокохудожественных, совершенных по композиции и глубоко эмоциональных надгробий — великолепные произведения архитектуры малых форм IV—III вв. до н. э.

На вопрос, является ли использование домашних алтарей под основания надгробий специфической чертой, присущей только Херсонесу, может дать ответ лишь специальное изучение этой проблемы, проведенное относительно других районов античного греческого мира, что выходит за пределы задачи, поставленной настоящей статьей.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
2. ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
3. ХСб., 1927, вып. II.
4. Опись древностей. Архив ХМ, д. 101.
5. *Даниленко В. Н.* Надгробные стелы.— СХМ, 1969, IV.
6. *Стржелецкий С. Ф.* Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э.— СХМ. 1969, IV.
7. *Чубова А. П., Федоров Б. Н.* Вопросы реконструкции живописных надгробий Херсонеса.— КСИА АН СССР, 1976, № 145.
8. *Чубова А. П.* Расписные стелы Херсонеса IV—III вв. до н. э.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1976.
9. *Федоров Б. Н.* Три монументальных надгробия Херсонеса IV—III вв. до н. э.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1976.
10. *Федоров Б. Н.* Специфические черты памятников некрополя Херсонеса IV—III вв. до н. э.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, ч. II.
11. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1900 год. Архив ХМ, д. 9.
12. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1898 год. Архив ХМ, д. 7.
13. Альбом фотографий. Архив ХМ, д. 58.
14. *Борисова В. В.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1958—1959 гг. (Цитадель). Архив ХМ, д. 758.
15. *Колесникова Л. Г.* Воинские надгробия.— СХМ, 1969, IV.
16. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1973.
17. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом.— ИАК, 1902, вып. 2.
18. *Hoepfner W.* Das Grabmonument des Pythagors aus Selymbria.— AMiTT, 1973, № 88.
19. *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
20. *Felten F.* Weissgrundige Lekythen aus Athener Kerameikos.— AMiTT, 1976, № 91.
21. *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М.: Изд-во МГУ, 1953.
22. *Kardara C. P.* Four white lekythoi in the National Museum of Athens.— BSA, 1960, № 55.
23. *Чубова А. П., Федоров Б. Н.* Некрополь Херсонеса IV—II вв. до н. э.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов к научной конференции. Л., 1973.
24. *Robinson D. M.* Excavations of Olynthus. Baltimore, 1938, pt VIII.
25. *Yavis C. G.* Greek altars. S. Louis, 1949.
26. *Robinson D. M.* Excavations at Olymthus. Baltimore, 1946, pt XII.
27. *Chamonard M. J.* Exploration archeologique de Délos. Paris, 1922—1924. Fasc. VIII.
28. Hiller von Gärtringen Thera, Untersudungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895—1902. Berlin, B. I.
29. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938.
30. *Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3.
31. *Белов Г. Д.* Эллинистический дом в Херсонесе.— Тр. ГЭ, 1962, вып. 7.
32. Античная скульптура Херсонеса (каталог). Киев: Наукова думка, 1976.
33. *Бабинов Ю. А.* Эллинистические домашние алтари.— В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев: Наукова думка, 1974.
34. *Riezler W.* Weissgrundige attische Lekythen. München, 1914, t. I.
35. *Колесникова Л. Г.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? — СА. 1973, № 3.

36. *Паровић-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974.
37. *Гриневич К. Э.* Социологические проблемы исследования Севастопольского района.— Крым, 1929, 2 (10).
38. *Белов Г. Д.* Терракоты Херсонеса из раскопок 1909—1914 гг.— ХСб., 1930, вып. III.
39. *Колесникова Л. Г.* Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса.— СА, 1977, № 2.

B. N. Fedorov

CHERSONESE PEDESTALS FOR NARROW HIGH STELLAS ON 4th-3rd-CENTURY B. C. GRAVES

Summary

The article discusses and tentatively classifies pedestals for narrow high stellas on 4th-3rd-century Chersonese necropolis. The author singles out four types of the pedestals: stepped pedestals (Fig. 1); rectangular non-profiled composite ones (Fig. 2); profiled (Figs. 3, 4), the latter being the largest group, subdivided into rectangular, curvilinear and pyramidal pedestals. Along with traditional Greek antique forms there are pedestals of specific Chersonese forms: composite, pedestals with anthropomorphic images or with places for them (Figs. 8, 10). The author advances the hypothesis that alongside pedestals made specially for stellas, domestic altars were adapted for this purpose (Figs. 8, 9), and in some cases they were probably used as gravestones and sacrificial altars (Figs. 6, 7).

МИРОШИНА Т. В.

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ СКИФСКИХ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Находки последних лет на Украине позволили выделить новый тип женского убора — тиары и в связи с этим переосмыслить некоторые старые находки.

В кургане 22 погр. 2 на земле совхоза Красный Перекоп раскрыто нерабленное женское погребение, в котором скелет совершенно истлел. Расположение пластин головного убора во время раскопок было зафиксировано [1, S. 41, Abb. 14] (рис. 1, *а*). Состав пластин следующий: метопида, стленгида [1], пластинки с середины убора двух типов (по табл. IV, типы PI*а* и ЗI*з*), полоски с зерновидными подвесками (табл. 1—4). Характерным признаком тиары (в отличие от калафа) является наличие в одном уборе только одного вида узких пластинок с подвесками или без них.

А. М. Лесков приводит две реконструкции тиары (рис. 2), третья реконструкция находится в Золотой кладовой в Киеве. При восстановлении он исходит из расположения пластин в погребении, а также использует изображения цилиндрических уборов хеттских женщин. Он считает, что это был цилиндрический убор (по реконструкции I его высота ≃30 см [1, S. 44, Abb. 17], по реконструкции II≈21 см [3, с. 92, 93]) с плоским закрытым верхом, обрамленным полосками с зерновидным подвесками длиной 60 см (4 по 15 см). В реконструкции I (рис. 2, *а*) нет выреза для лица, убор цилиндрический, без боковых и задней лопастей, а в реконструкции II (рис. 2, *б*) есть вырез и лопасти.

Общая форма убора представляется верной, так как она диктуется сильно изогнутой стленгидой и окружностью, составленной из пластинок с подвесками. Расположение пластин в реконструкциях I и II одинаково, но пластинки стленгиды в реконструкции I прикреплены отвесно, образуя почти прямой угол, за счет чего убор при этой реконструкции выше (рис. 2, *а*) и слегка сужался кверху. Пластинки размещены так: верх обрамляют пластинки с зерновидными подвесками, ниже их, спереди, пришита метопида, пластинки стленгиды идут дугой, пластинки с середины убора типа ЗI*з* были расположены попарно с боков убора на середине и внизу, между ними внизу шел ряд пластинок типа PI*а*, с боков и сзади.

В реконструкции в Золотой кладовой в Киеве убор сужался кверху. Пластинки стленгиды обрамляют лицо, метопида и пластинки с зерновидными подвесками нашиты так же, как и в предыдущих реконструкциях, пластинки типа PI*а* пришиты в самом низу убора сзади, а типа ЗI*з* — попарно пришиты сзади на середине убора (выше, чем в реконструкциях I и II).

[1] В тиаре стленгидой называются пластинки, обрамляющие лицо, как в реконструкции убора М. И. Ростовцева [2, с. 96], а в скифском калафе — верхний ряд убора.

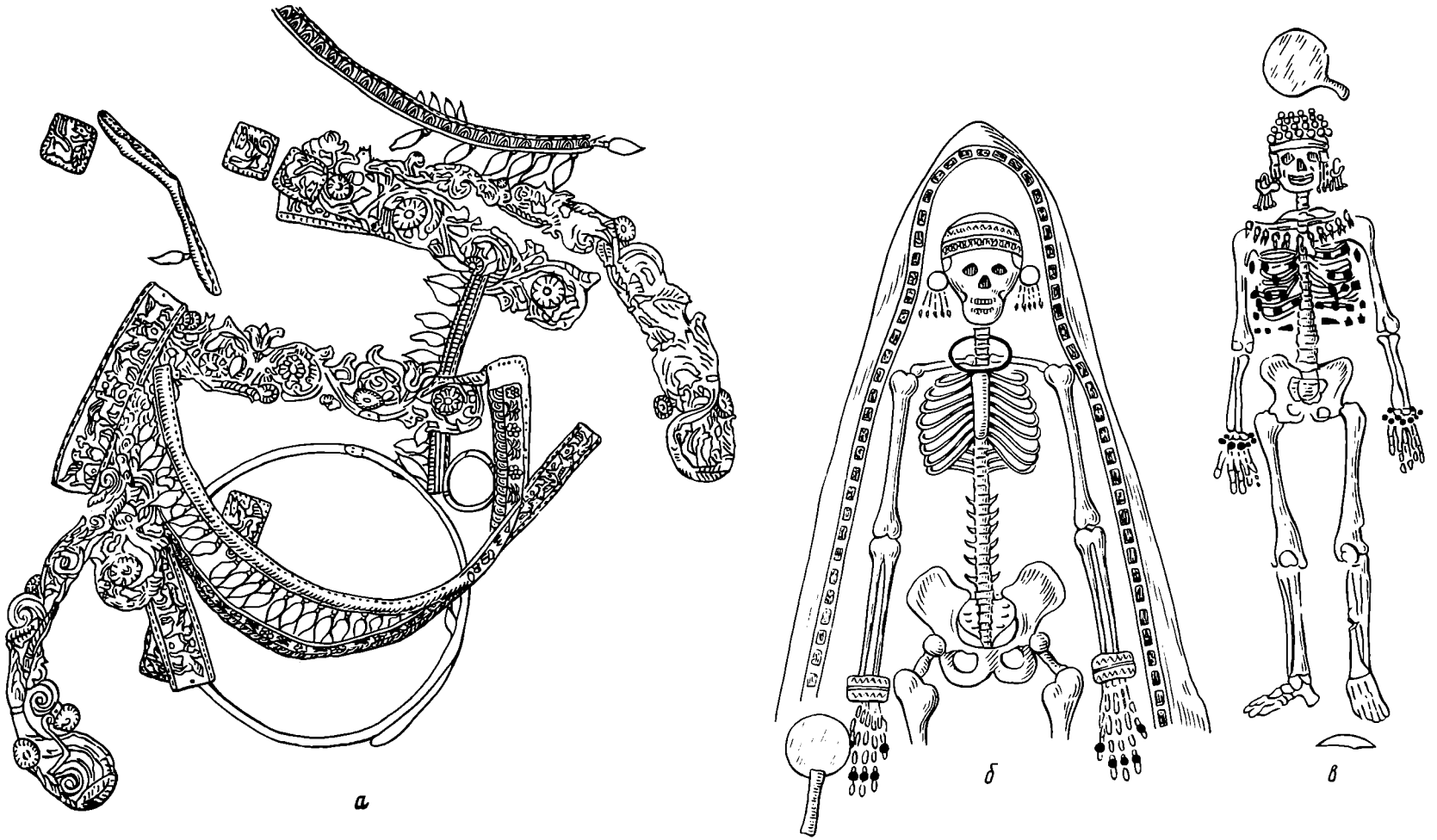


Рис. 1. Расположение пластин и бляшек в погребениях: *а* — погр. 2 кург. 22 у совхоза Красный Перекоп, *б* — «царица» из Чертомлыка (частичная реконструкция), *в* — кург. 4 в Новоселках (частичная реконструкция)

Таблица 1

Размеры отдельных пластин и рядов скифских тиар, см

1. Совхоз Красный Перекоп, кург. 2, погр. 1

№	М	С		П				Пс	Бп	Вп	Ву(1)
1	34,5	12	12,5	15,9	4,8	15,1	5,6	15	2,8		8,8
2	3	2,6—1,7	2,6—1,7	3	3	2,2	2,2		2,2		спереди
3		2	2	2	2	2	2	4	59		25
4		49		41,4		41,4		60		2	всего
5				1		1					
6									Грифон влево	Кольцевидные с 9 подвесками	
8									75		

2. Совхоз Красный Перекоп, кург. 22, погр. 2

№	М	С	П		Пс	Вп	Бп	Ву
1	32	24,5	11	14,5	15			10
2	2,5	2,8—1,7	2,1	3				спереди
3		2	4	3	4	2		26
4		49	44	43,5	60			всего
5			1	1				
6						Кольцевидные	Покрывало?	

3. Пять братьев, кург. 9

№	М	С									П				Пс		Ву
1	33,2	8,9	9,5	10	7,5	6	15	13	7,7	9,8	6,8	5,5	2		19,8	20	11,6
2	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,9	3,9	3,9	3,9	2,2	2,2	2,2	2,2			спереди
3		1	2	1	1	1	1	1	2	1	4	1	2	3фр	2	1	
4		51,4					53,2				50				59,6		28
5							1				1						всего

К сожалению, расположение пластин в погребении мало дает для размещения их на уборе. Пластинки, видимо, падали в разное время, поэтому они по-разному перекрывали друг друга (рис. 1, *а*), а для их верного размещения нужно применить логическое обоснование. Две дугообразные пластины стленгиды[2] в реконструкциях А. М. Лескова обращены дугой вверх, хотя естественнее предположить, что они обрамляли лицо (длина их по 24,5 см, вполне достаточна для этого), как и сделано на

[2] Характерная особенность стленгид тиар — сильная изогнутость. Эти пластинки сильно сужаются к концам, у них нет обрезанных краев. В тиарах в отличие от стленгид калафов нет обрезков пластин.

4. Совхоз Суворова, кург. 2, погр. 3

№	П
1	6
2	2,1

5. с. Аксютинцы, кург. 5

№	Пс	Ср
3	5 фр	2
4	40	
6		Кольцевидные

6. Александрополь, IV камера

№	Пс
1	7
3	1

7. Вольная Украина, кург. 2(2)

№	М	Ср. (3)	Бп	
1	32,5			3
2	4			2,5
3		2	60	13
6		Кольцевидные	Пуговка с петелькой	Грифон влево
7			0,4	
8			32	

Сокращения: М — метопида, С — стленгида, П — полоски с середины убора, Пс — полоски со стойками (с подвесками, без них), Ср — серьги, Вп — височные подвески, Бп — бляшки от покрывала, Ву — высота убора, 1 — длина, 2 — ширина, 3 — количество, 4 — длина ряда, 5 — количество рядов, 6 — описание, 7 — диаметр, 8 — длина покрывала.

Примечания. (1) — высота дается с учетом высоты полосок с подвесками и стойками; (2) — убор может относиться и к калафам; (3) — серьги в уборе бронзовые.

Таблица 2

Размеры тиар с бляшками и конусовидных уборов (в см) и состав бляшек в них

Тиары с бляшками

1. Гайманова могила, мог. 4, погр. 3

№	М	Бу		Ву
1	32			20
2	2,6			
3		5	20	
4		Ажурная 4-лепестковая розетка	Цветок аканфа и пальметка	

2. с. Златополь, кург. 5, погр. 5

№	М	Бу		Ср	Ву
1	30				15
2	2,5				
3		22	28	2	
4		Пуговка с петелькой	Розетка	Кольцевидные, с серебряной проволокой	

Конусовидные уборы

3. Карагодеуашх

№	Бу	Ср		Бп	Ву
1	7,5			2	21
2	21			2	
3		2	50	16	
4	Пластина	Розетка с перевернутой пирамидой	Медуза	Летящий голубь	
5			1 1,4		
6				46	

4. Чертомлык, «царица»

№	М	Бу			Вп	Бп	Ву
1	28					4	21–28
2	2,5					4	
3		29	20	7	2	50	
4		Пальметка	Розетка	Пуговка	Кольцевидные, с 7 подвесками	Богиня с факелом и скифом	
6						100	

5. Новоселки, кург. 4

№	М	Бу	Ср	Вп	Ву
1	25,5				12–15
2	3,5				
3		26	2	2	
4		Сфинкс с двойным туловищем	Калачик с 6 подвесками	Прямоугольные, грифон терзает человека	

6. Мордвиновский курган I

№	Бу	Вп	Бп	Ву
3	?	2	10	21
4	Одного типа, втулка с голубем на цветке	Кольцевидные с козлом	Богиня с зеркалом	

7. с. Кут. кург. 7, погр. 9

№	М
1	22,5
2	2,3

8. с. Будки

№	М
1	25
2	4

9. Дорт-Оба, кург. 2

№	Бу				Вп
3	38	9	18	2	2
4	Лежащий заяц	Сфинкс	Химера	Два лежащих льва	Калачик с грифоном

10. Александрополь, XI катакомба

№	Бу				
3	7	5	3	3	1
4	Продолговатая с узором	Круглая с бордюром	Цилиндрик	Пуговка с ушками	Крестообразная

11. Казенная могила, погр. 3

№	М	Бу					Ср	Бп		Ву
1	33,2									16
2	2,6	18	12	19	12	21	2	639	121	
3		Бегущий заяц	Морда кошачьего хищника	Скиф с луком	Идущий скиф	Свернувшийся грифон	Калачик с пирамидками зерни	Пуговка с петелькой	Пуговка с петелькой	
5								0,2	0,4–0,6	
6									94	

12. Носаки, кург. 4, погр. 1

№	Бу	Ву
3	296	27
4	Круглые бусы: коричневые, синие, голубые	

Сокращения. М — метопида, Бу — бляшки от убора, Ср — серьги, Вп — височные подвески, Бп — бляшки от покрывала, Ву — высота убора. 1 — длина, 2 — ширина, 3 — количество, 4 — описание, 5 — диаметр, 6 — длина покрывала.

Примечания. В уборах под номерами 1, 2, 9, 10 найдены еще бляшки, но неизвестно, относятся ли какие-нибудь к покрывалу. В уборе под номером 11 часть бляшек, возможно, была пришита на платье.

реконструкции убора в Золотой кладовой в Киеве. Метопида у А. М. Лескова пришита на самом уборе, надо лбом. По аналогии с другими скифскими уборами, вероятно, метопида была все же на лбу, пришитая на отдельную ленту.

Для восстановления формы убора нужно прежде всего обратить внимание на общую длину пластин с середины убора. Она почти одинакова у четырех пластин типа ЗI*з* (44 см) и у трех пластинок типа РI*а* (43,5 см) (табл. 1—4). Вероятно, пластины были расположены в два ряда, один над другим. По аналогии со скифскими калафами, с которыми совпадает длина рядов пластинок, мы помещаем пластинки на передней стороне убора двумя рядами (рис. 3). На схеме расположения

Типы сюжетов пластин головных уборов

Растительные

PI. От центральной пальметки идут побеги аканфа с пальметками и цветами лотоса:
1) побеги аканфа с бутонами и цветами, две птицы;
а) пластины ажурные,
2) от дерева-пальметки с двумя птичками отходят побеги аканфа с бутонами и цветами.
PII. На побегах аканфа цветы, цветы лотоса и пальметки.
PIII. Цветы лотоса и пальметки.
PIV. Лотосовые пальметки и семилепестковые розетки.

Зооморфные

ZI. Геральдические сфинкс и грифон с поднятой передней лапой,
а) пластины ажурные,
б) под поднятыми лапами – куст.
1) штампы крупнее и совершеннее,
2) сфинкс с рогатой человеческой головой,
3) три пары, над каждой – восьмилучевой солярный знак, под львиным и орлиным грифонами – кузнечик, под сфинксом и львиным грифоном – скарабей, под рогатым львиным грифоном и сфинксом – еж,
4) лев и львица с поднятой передней лапой.
ZII. Два орлиных грифона терзают оленя, борятся лев и крылатый кабан, на спине их – лучи,
а) пластины ажурные,
1) четыре грифона терзают оленя.
ZIII. Сфинкс с двойным туловищем,
а) пластины ажурные.
ZIV. К центральной пальметке идут друг за другом орлиный и львицеобразный грифоны, олень, львиный грифон с длинными ушами.
ZV. Пары бодающихся козлов.
ZVI. Головы лосей.

Антропоморфные

AI. Богиня на троне, юноша слева держит вместе с богиней ритон, юноша справа подает ей шаровидный сосуд, сзади стоят слуги – юноша (?) и девушка. Выше Митра на колеснице, богиня Тюхе. Там же – букрании, женские маски, грифоны.
AII. Сидящая богиня с зеркалом. Справа скиф с ритоном, музыкант, два слуги с ритоном и амфорой. Слева – слуга с опахалом, побратимы пьют из ритона, два слуги с бараном.
AIII. Менады двух типов: с тирсом в правой руке или ножом и задней ногой козла,
а) вырезанные фигурки.

Смешанные

CI. От крылатого гиппокампа отходят волютообразные растительные побеги с бутонами и четырьмя птицами.
CII. От аканфовой пальметки отходят крылатый гиппокамп, лотосовая пальметка, крылатый лев.
CIII. Крылатые гиппокампы чередуются с пальметкой с цветами по бокам.
CIV. От крылатой змееногой богини-пальметки отходят побеги аканфа с цветком и головой гиппокампа.
CV. Орлиный грифон, львица, крылатый гиппокамп, между ними – лотосы и пальметки.

Орнаментальные

OI. Полуовы,
а) в центре каждой – пальметка.

Примечания. Римские цифры обозначают типы, арабские — подтипы, буквы — варианты. Метопиды обычно украшены внизу полуовами независимо от типа сюжета на самой пластине. Иногда внутри полуов — пальметки, а на метопиде из кург. 8 группы Пять братьев внутри полуов изображены человеческие личины.

Таблица 4

Сюжеты частей женских скифских головных уборов

№	Курган	М	С	П
	Скифские калафы			
1	Толстая могила	PI	ЗII	ЗIб ЗII
2	Чертомлык, I убор	ЗIV	PI	ЗIIа
3	» II убор	ЗIа	ЗIII	ЗIIIа
4	» III убор	PI	PI_1	$ЗI_2$
5	» IV убор	CI	PI	ЗV
6	Деев курган	CII	PI_1	PI_1 AIIIа
7	Рыжановка	CIII	PI_1	AIII
8	Мелитополь	OI	PI_1	
9	Куль-Оба	CIV		
10	Сахновка	Пластина	AII	
11	Старший Трехбратний курган	»	$ЗI_4$	
	Тиары			
1	Совхоз Красный Перекоп, к. 22, п. 1	PIII	ЗI	PI_2 ЗIа
2	» к. 22, п. 2	PIV	$PI_1{}^a$	PIа ЗIз
3	Пять братьев, к. 8	CV	PI	$ЗI_1$ ЗIII
4	С. Вольная Украина, к. 2, п. 2	PI		
5	Совхоз им. Суворова, к. 2, п. 3			ЗIз
6	Гайманова могила, мог. 4, п. 3	OIа		
7	С. Златополь, к. 5, п. 5	OI		
	Конусовидные уборы			
1	Чертомлык, «царица»		PII	
2	Новоселки, к. 4		ЗVI	
3	Кут, к. 7, п. 9		OI	
4	Будки		ЗII	
5	Казенная могила, п. 3		OIа	

Примечания. Тиары (4). Этот убор может относиться и к скифским калафам. В конусовидных уборах тип AI составляет пластина из Карагодеуашского кургана.

частей убора (рис. 1, *а*) в двух случаях пластинки типа PI*а* перекрывают пластинки типа ЗI*з*, поэтому можно предположить, что первые из них составляли верхний ряд. Убор, видимо, имел цилиндрическую, а не суживающуюся кверху форму, так как длина рядов пластинок с середины убора одинакова. Диаметр верха 19 см, длина окружности убора 60 см. Высота этой тиары спереди 10 см, а общая ее высота 26 см. Кольцевидные серьги, возможно, прикреплялись к метопиде, как в скифских калафах, или к самому убору на висках, или к волосам. Спереди у тиары был вырез для лица, обрамленный дугообразными, сужающимися к концам пластинками стленгиды длиной 49 см. С боков и снизу не было золотых пластинок, да они и не нужны, поскольку их закрыло бы покрывало, наличие которого предполагается по аналогии с убором из погр. 1 того же кургана [1, S. 42] (рис. 3). Сзади и с боков были лопасти, доходившие почти до плеч. Сверху плоский убор, как отмечалось выше, обрамляли полоски с зерновидными подвесками.

Реконструкция Л. С. Клочко [4, с. 24, рис. 3] близка к предложенной нами по форме, но с расположением пластин согласиться трудно. Дугообразность части пластин, а также совпадение размеров двух рядов украшений с середины убора Л. С. Клочко совершенно не учитывает, поэтому предложенная ею схема представляется произвольной.

Убор из погр. 1 этого же кургана 22, судя по составу входивших в него пластин, восстанавливается аналогично, хотя его пластинки не сохранили своего первоначального расположения на черепе — они были растащены грызунами [1, S. 46] (табл. 1—4). Стленгиду здесь состав-

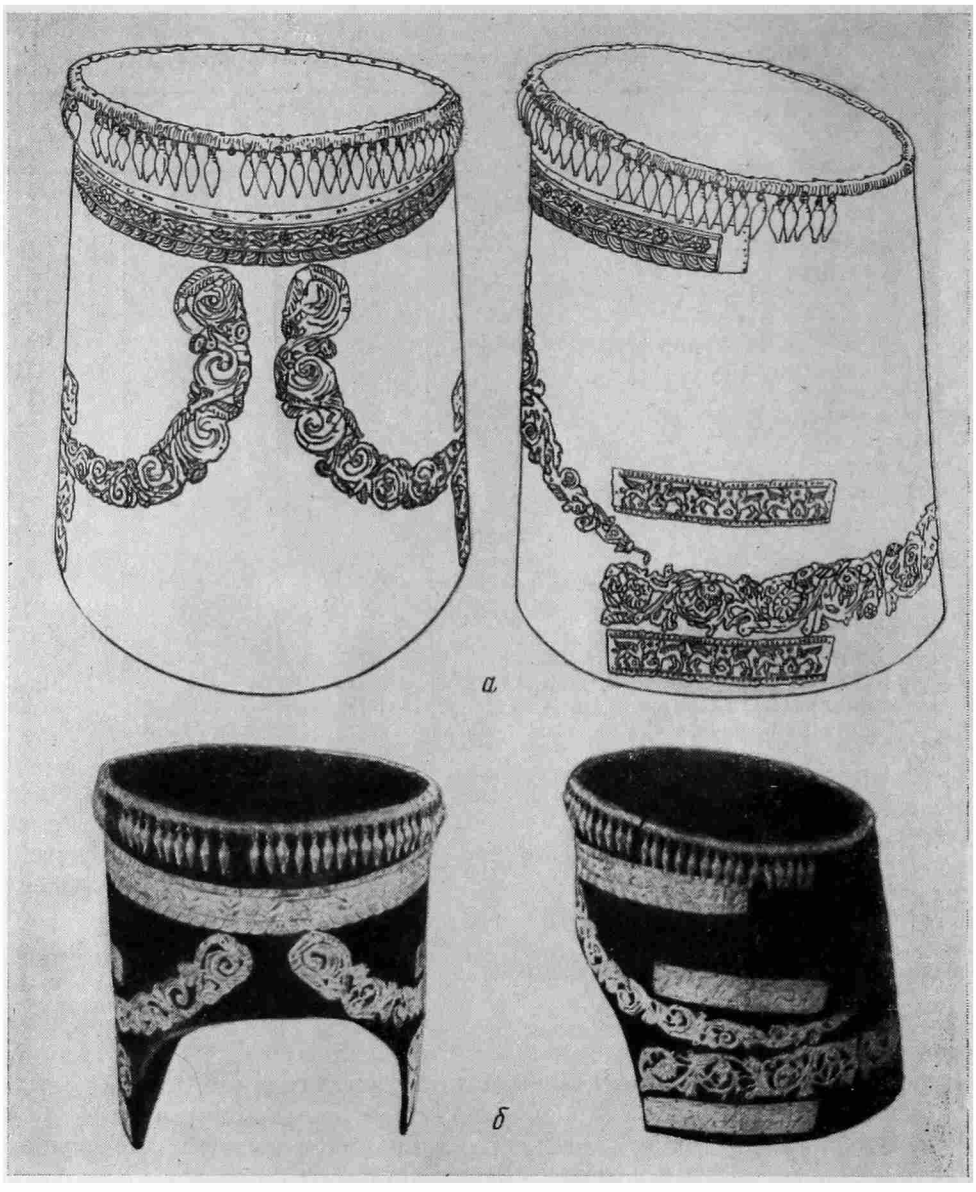


Рис. 2. Реконструкции А. М. Лескова. Тиары из погр. 2 кург. 22 у совхоза Красный Перекоп: *а* — реконструкция I, *б* — реконструкция II

ляли четыре изогнутые пластинки типа ЗI (общая длина их — 49 см — совпадает с длиной стленгиды предыдущей тиары). Два ряда пластинок с середины убора имеют равную длину (по 41,3 см), ряд пластинок типа РI*2* — наверху, а типа ЗI*а* — внизу (по аналогии с выше рассмотренным убором). Наверху убора были нашиты полоски с овами длиной 60 см[3] (4 по 15 см). Это пока единственный случай, когда в головной убор входят узкие пластинки без подвесок.

Возможно, к тиарам можно отнести пластинки от головного убора из кург. 8 группы Пять братьев на Дону. Они были найдены в куче золотых пластинок и бус, лежавших в ногах у погребенного у входа в дромос [5, с. 62; 6, с. 44—52] (табл. 1—4). Слегка изогнутые пластинки типа РI общей длиной 51 см, вероятно, составляли стленгиду (длина ее близка к длине стленгид предыдущих тиар). Два ряда пластинок с се-

[3] Л. М. Лесков считал эти пластинки обивкой зеркала [3, с. 87], но по аналогии с предыдущим убором мы относим их к тиаре, так как они были найдены недалеко от пластинок убора.

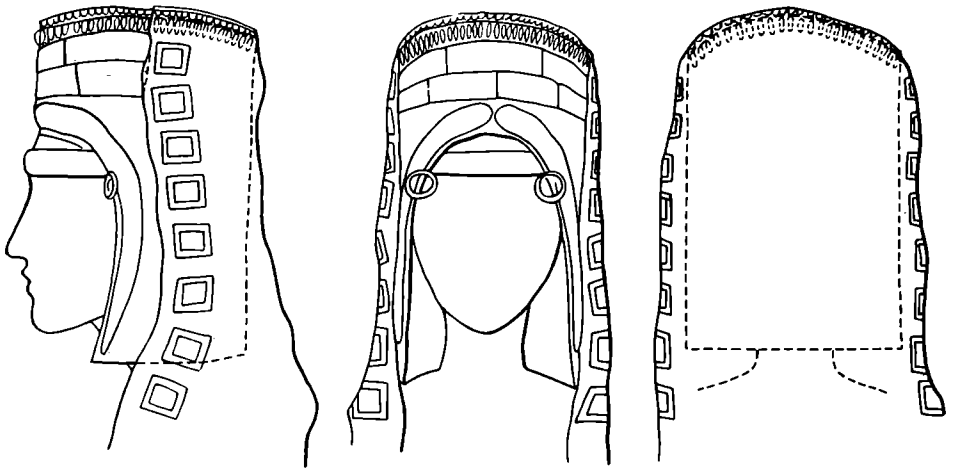


Рис. 3. Скифская тиара (реконструкция автора)

редины убора типов ЗІ *1* и ЗІІІ имеют длину 53 и 50 см. Плоский верх этой тиары обрамляли полоски со стойками и подвесками-бутонами длиной 60 см (3 по 20 см) [4], как в уборах из кург. 22 у Красного Перекопа. Удивляет присутствие женского убора в мужском погребении. Однако связать эти пластинки с мужским убором — башлыком и колпаком — вряд ли возможно.

Нам известны остатки головных уборов, которые можно лишь предположительно отнести к тиаре. В кург. 2 погр. 3 у совхоза им. Суворова была найдена одна пластинка [7, табл. V] типа ЗІ*з*, аналогичная пластинкам убора из погр. 2 кург. 22 у Красного Перекопа. В кург. 5 у с. Аксютинцы [5] [8, табл. I, рис. 1; табл. II, рис. 21] и в IV камере Александропольского кургана [9, табл. XI, рис. 5] (табл. 1) были найдены узкие пластинки с зерновидными подвесками. Предположительно их можно отнести к тиарам, так как полоски с подвесками одного типа в одном уборе встречаются только в тиарах. На лбу погребенной в погр. 2 кург. 2 у с. Вольная Украина найдена метопида, рядом с черепом — две бронзовые серьги и бляшки от покрывала двух типов [3, с. 77, 83· с. 76, рис. 64]. Все это может относиться и к калафу, и к тиаре. Бляшки-пуговки (60 экз.), найденные на черепе, может быть, украшали головной убор, а 13 бляшек с грифоном — покрывало. А. Лесков считает головной убор в этом погребении накидкой, обшитой по краю бляшками с грифонами [3, с. 83]. Нам представляется, что правильнее отнести его к упомянутым выше типам, так как бляшки с грифоном доходили до плеч, а в рассматриваемых ниже уборах-покрывалах бляшки шли ниже плеч.

Таким образом, к тиарам можно отнести с уверенностью три убора и три предположительно. Размеры составных частей тиары таковы (табл. 1): метопида длиной 32—34,5, шириной 2,5—3,5 см; стленгида длиной 49—51,4, шириной 2,6—3,5 см; длина рядов полосок с середины убора 41,5—53 см, ширина 2,1—3,9 см; узкие полоски с подвесками, со стойками или без подвесок имеют длину 60 см. Размеры всех частей, кроме полосок с подвесками, близки к размерам частей скифских калафов. Высота тиар спереди 8,8—10 см, а общая их высота 25—28 см. Серьги найдены в одном предполагаемом уборе, височные подвески —

[4] В отчете упоминаются четыре пластинки длиной по 20 см, т. е. всего 80 см [6, с. 44]. Дается также фотография каждой пластинки. На этих фотографиях одна и та же пластинка представлена два раза (табл. XXXV, рис. 1, 2). Видимо, здесь допущена ошибка и было найдено всего три пластинки по 20 см.

[5] Может быть, можно отнести их к калафу, так как длина их (40 см) близка к размерам пластинок с подвесками у калафов.

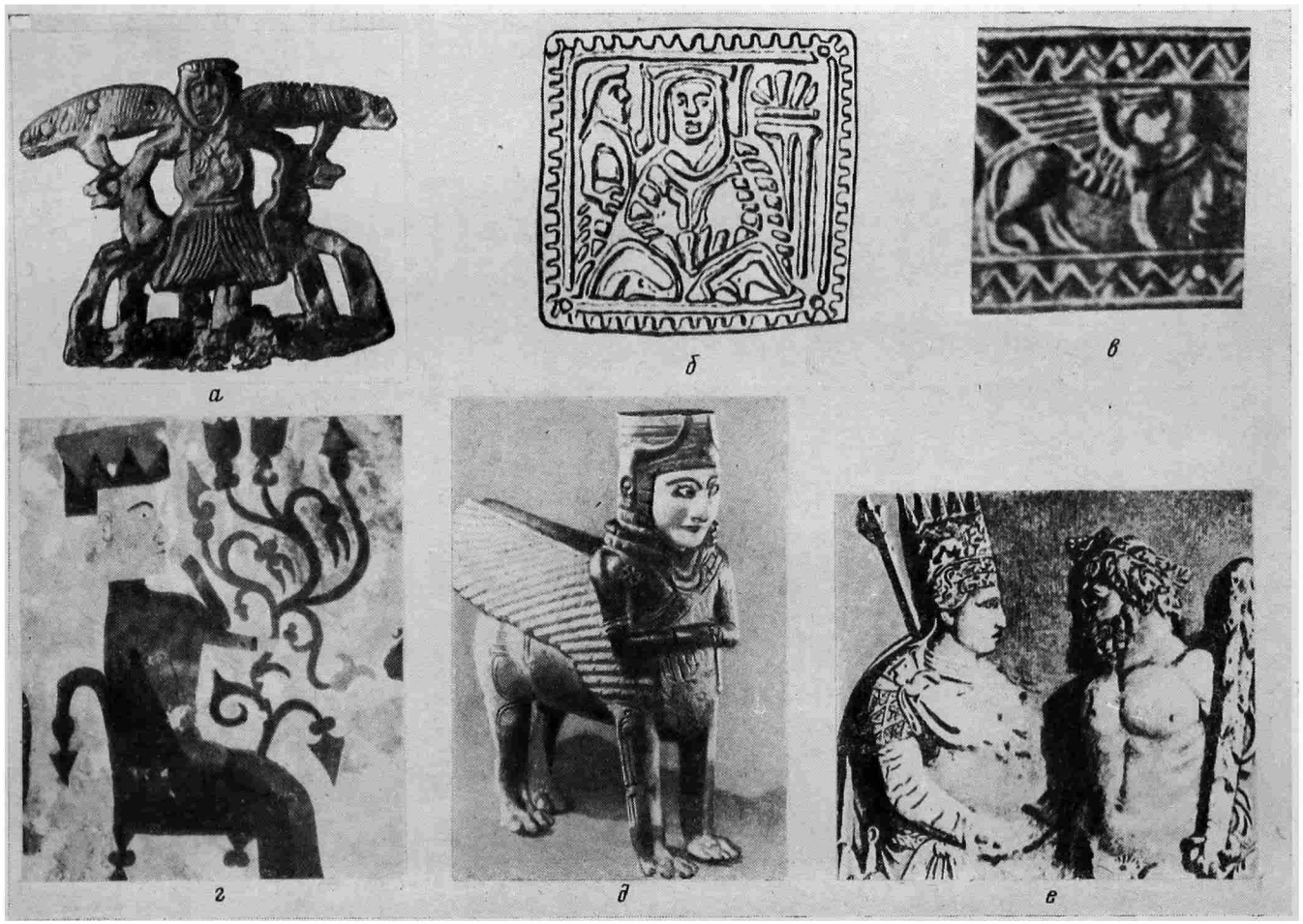


Рис. 4. Изображения скифской тиары и аналогии ей: *а* — навершие из Александропольского кургана, *б* — бляшки с покрывала «царицы» из Чертомлыка, *в* — сфинкс с пластинок типа ЗІ, *г* — богиня с ковра из Пазырыка, *д* — фигурка сфинкса из Топрак-Кала, *е* — рельеф с гробницы Антиоха Коммагенского

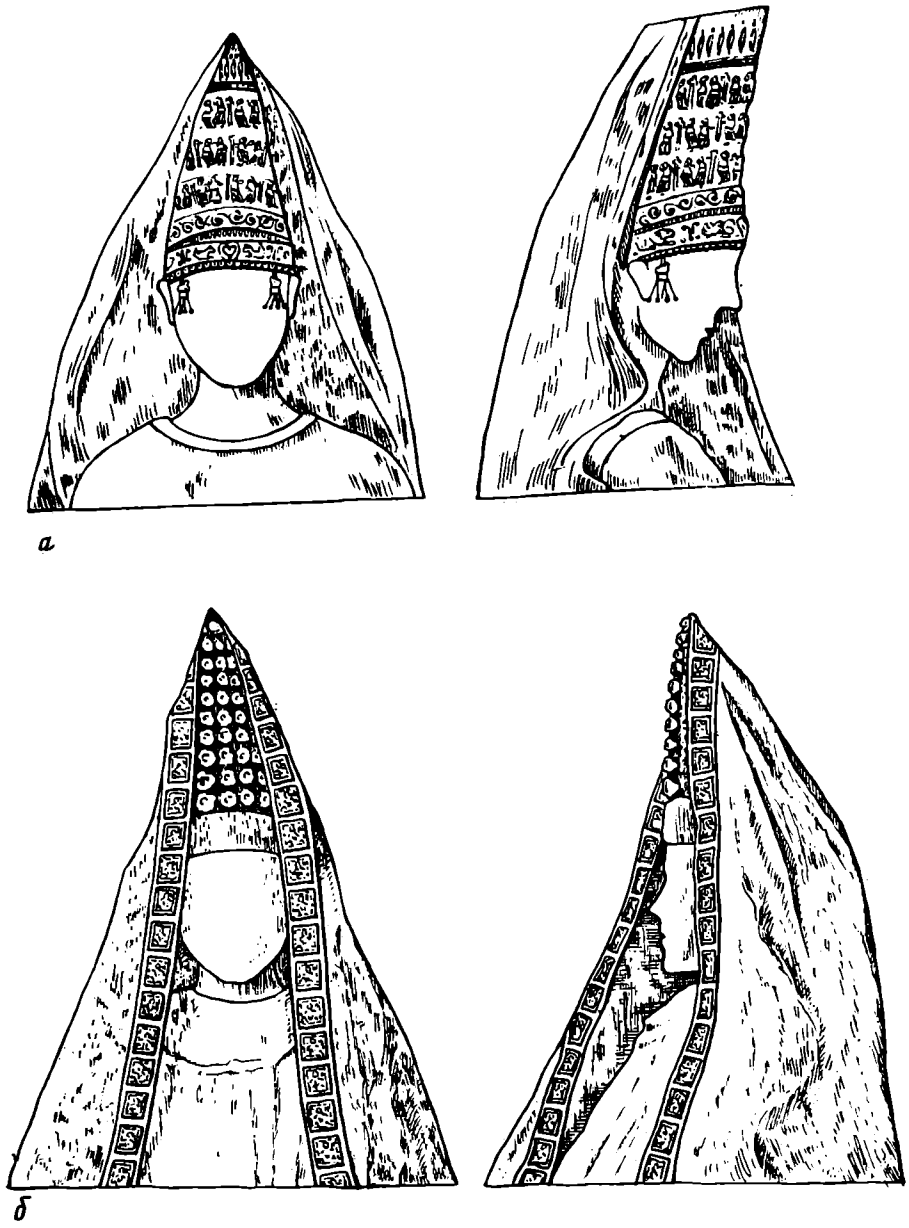


Рис. 5. Реконструкции конусовидных уборов: *а* — М. И. Ростовцева (эллино-скифский убор), *б* — Г. И. Боровки

в двух тиарах; покрывала, может быть, в трех уборах [6]. Длину покрывала можно определить в уборе из погр. 1 кург. 22 (Красный Перекоп) — 59 бляшек шириной 2,3 см дают длину в 75 см (до пояса). Бляшки от покрывала из убора у с. Вольная Украина составляют его длину ≈20 см, т. е. оно очень короткое. Возможно, длина была больше за счет бляшек-пуговок (32 см).

Возможно, тиары спереди могли украшаться бляшками, о чем говорят последние находки на Украине. В эти уборы входит метопида, но нет стленгиды и узких полосок с подвесками и со стойками. Л. С. Клочко [10] описывает два-три таких убора [7], называя этот тип «калафом», поскольку она считает, что существовал только один тип скифского жен-

[6] Видимо, покрывала были во всех тиарах — бляшки найдены во всех упомянутых погребениях, но трудно сказать, какие именно относятся к покрывалу.

[7] Может быть, их было больше, если считать тиарами некоторые конусовидные уборы.

ского головного убора, что мало вероятно. Такие уборы были найдены в мог. 4 погр. 3 Гайматовой могилы (25 бляшек двух типов, расположенных пятью рядами, четыре серебряные булавки, метопида), в кург. 5 погр. 5 у Златополя (50 бляшек двух типов, метопида). Размеры их метопид близки метопидам тиар ≈32 см. Относить эти уборы к тиарам позволяет расположение бляшек прямоугольником (Гайманова могила), хотя не исключено, что это были конусовидные уборы. В кург. 16 соор. 2, погр. 2 у с. Златополь около черепа погребенной найдено 26 бляшек одного типа. Л. С. Клочко относит их к «калафу», но скорее это башлык, конусовидный убор или покрывало — здесь нет метопиды, обязательной для тиар.

Тиары известны в нескольких областях: в Нижнем Приднепровье (6 экз.), Подонье (1 экз.), в Посулье (1 экз.). Изображения их происходят из Нижнего Приднепровья. Может быть, изображения тиары можно видеть на богине с навершия из Александропольского кургана (Аргимпаса?) [11, табл. XII, вверху] (рис. 4, *а*). Ее убор имеет плоский верх, передняя его часть украшена насечками (как пластинки тиары), боковые лопасти тянутся вдоль лица и сходятся под подбородком. Довольно близок тиаре убор богини (Табити?) на бляшке из Чертомлыка с покрывала царицы [12, с. 44, рис. 31] (рис. 4, *б*). На ней низкий головной убор с боковыми лопастями. Примерной аналогией тиаре может служить головной убор сфинксов из группы геральдических сфинксов и грифонов, часто встречающихся на пластинках головных уборов (тип 3I, табл. 3,4, рис. 4, *в*). Это низкая тиара с назатыльной лопастью. Такая же тиара на бронзовом сфинксе из Топрак-Калы (рис. 4, *д*), на богине на троне с ковра из Пазырыка [13, с. 52, рис. 77] (рис. 4, *г*), а также у Антиоха Коммагенского с рельефов Немруд-Дага [2, табл. X, рис. 2,3] (рис. 4, *е*). Последний убор имел зубчатый венец наверху, под которым расположен растительный мотив — лавровая ветвь. Поверхность тиары украшена двумя львами, внизу тиары — дугообразный начельник с растительными побегами. Все мотивы и составные части особенно похожи на убор из погр. 2 кург. 22 у Красного Перекопа.

Высокие цилиндрические шапки с длинным покрывалом известны у хеттских женщин [14, p. 556, fig. 280]. Очень похожи на них греческие по́лосы [15, табл. 35, рис. 2; 16, с. 287, рис. 15], видимо, пришедшие с Востока. Таким образом, в основном у тиары восточные аналогии. Спереди тиара слегка похожа на скифский калаф, боковые и задние лопасти напоминают о башлыке — самом распространенном мужском и, возможно, женском [17, с. 82] уборе иранского мира, а также о конусовидном уборе. Видимо, на ее форму влияли восточные головные уборы и греческие по́лосы.

Еще одним типом женских скифских головных уборов является конусовидный убор. Реконструкцию конусовидного убора из Чертомлыка впервые дал И. Е. Забелин, а несколько уточнил ее П. К. Степанов [18, табл. IX, с. 24, 25] (рис. 1, *б*). М. И. Ростовцев и П. К. Степанов предложили один тип головного убора — эллино-скифский[8], т. е. высокую шапку со сходящимися боковыми плоскостями и углом спереди [2, табл. IX] (рис. 5, *а*).

Самый известный конусовидный убор происходит из кургана Карагодеуашх [19, табл. III, рис. 1—5]. На передней части его была прикреплена треугольная золотая пластинка с тремя ярусами изображений, нижний ее край дугообразный (табл. 1—4, рис. 7, *а*). Угол, который предполагал в этом уборе М. И. Ростовцев [2, табл. IX, рис. 2], невозможно себе представить на плоской пластинке. Г. И. Боровка считал, что

[8] Об ошибочности такой реконструкции применительно к скифским калафам говорилось в нашей предыдущей статье «Скифские калафы», опубликованной в № 1 журнала «Советская археология» за 1980 г. Трудно ее применить и к конусовидным уборам.

дугообразный край убора нельзя согласовать с прямой метопидой [20, с. 177]. Он предполагал, что передняя часть убора была наклонена вперед, т. е. вершина убора должна была находиться за пределами охвата головы [20, табл. XV] (рис. 5, *б*). Но мы уже видели, что в тиарах с плоской вершиной метопида вполне могла сочетаться с дугообразными пластинами стленгиды, нашитыми на боковые лопасти. Видимо, карагодеуашхский убор имел форму островерхого колпака с боковыми и задней лопастями (рис. 6), которые как будто видны на уборе богини, изображенной на пластине (рис. 7, *а*). Такой вариант реконструкции предлагал еще Э. Миннс [21, p. 63]. На реконструкции убора в Эрмитаже [22, табл. 320] бляшки с Медузой обрамляют лицо и вполне могли быть нашиты на боковые лопасти. Богиня на пластинке — Афродита-Апатура [23, с. 61; 24, с. 28].

Убор царицы из Чертомлыка обычно связывают с карагодеуашхским. Раскопки дали следующую картину: череп царицы обрамлялся рядом золотых бляшек, образовывавших над головой округленный четырехугольник высотой 28—32 см [25, с. 104; с. 30, рис. 20; рис. XI, *2*; рис. XXXVI, *24*; рис. XXXVIII, *15*]. Вдоль рук бляшки от покрывала опускались до кистей (рис. 1, *б*). Найденные у головы 56 бляшек трех типов (табл. 1—4) Г. И. Боровка размещает на модели карагодеуашхской пластинки [20, с. 176], что вполне убедительно, хотя часть этих бляшек могла украшать лопасти. В этом уборе была метопида длиной 28 см, лежавшая на лбу царицы. К ней или к волосам на висках были прикреплены кольцевидные височные подвески (рис. 1, *б*; 6). Не исключено, однако, что это убор типа тиары, украшенной бляшками.

Может быть, аналогичным карагодеуашхскому был убор из кург. 4 у дер. Новоселки. На черепе в четыре ряда лежали 26 бляшек, ряды кверху сужались [26, S. 53, fig. IV] (табл. 1—4, рис. 1, *в*). Эти бляшки могли заполнять треугольник на передней части конического убора [2, с. 92, прим. 1], хотя возможно, что они могли быть нашиты и на тиару с плоским верхом.

По расположению бляшек убор из Новоселок очень близок к убору из I Мордвиновского кургана [27, с. 487] (четыре суживающихся кверху ряда?) [9]. Верх головного убора украшала конусообразная золотая втулка с фигуркой голубя на цветке [3, с. 51, рис. 41]. От нее вниз идет несколько рядов нашитых на кожу круглых бляшек, кончающихся на линии лба, а по бокам продолжающихся несколько ниже [2, с. 90]. Втулка говорит о том, что убор был остроконечным, а бляшки сбоку, возможно, о боковых лопастях. Интересно, что высота убора совпадает с высотой пластины Карагодеуашха [2, с. 90].

М. И. Ростовцев предполагал присутствие таких же головных уборов еще в нескольких курганах, так как там были найдены птички или другие фигурки, которые могли увенчивать убор [2, с. 91, 92, прим. 1]. Других указаний на наличие головных уборов в этих погребениях нет, в погребении на Тамани таких фигурок было найдено всего шесть, поэтому предположение М. И. Ростовцева представляется маловероятным.

Из двух курганов происходят метопиды, которые можно условно отнести к конусовидным уборам — они короткие (короче метопид калафов и тиар). Одна из них найдена в погр. 9 кург. 7 у с. Кут [28, с. 54, рис. 12,1] (в публикации изображение ее перевернуто дырочками вниз), вторая — в кургане у с. Будки [29, с. 7, табл. XXXV, № 426] (табл. 1—4).

В скифских женских погребениях у черепа или на нем нередко находят бляшки, которые не сохранили первоначального расположения. Бляшки более чем двух штампов, найденные в одном погребении, мы

---

[9] М. И. Ростовцев считал, что часть бляшек была нашита на «диадеме» из легкой материи, а часть — на самой тиаре [2, с. 92].

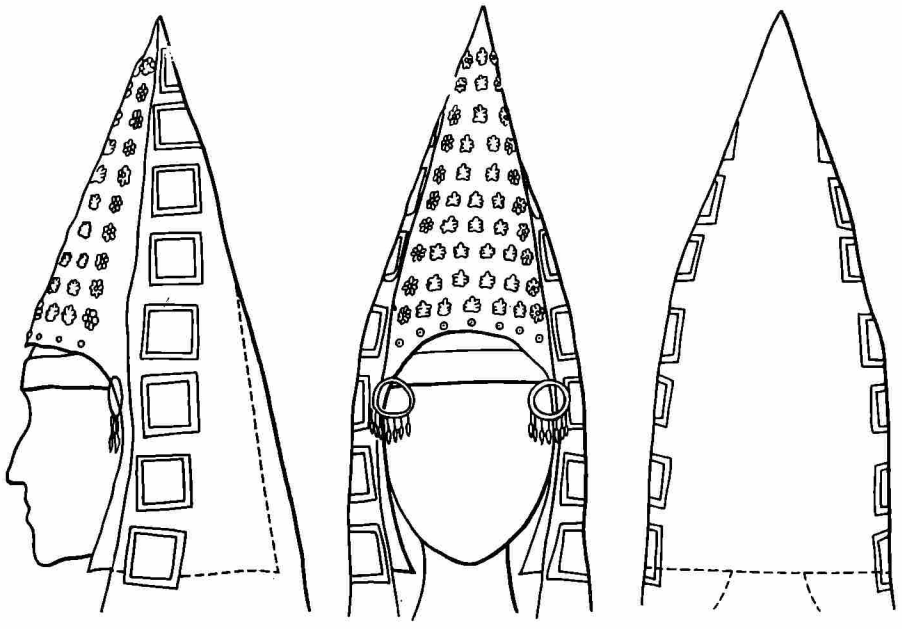


Рис. 6. Конусовидный убор (реконструкция автора)

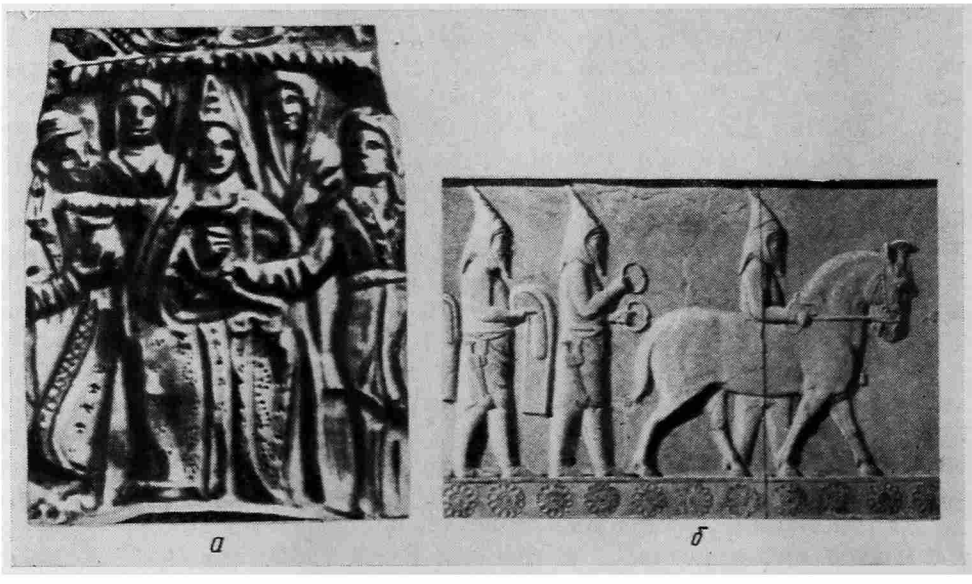


Рис. 7. Изображение конусовидного убора и аналогия ему: *а* — нижняя часть пластинки убора из Карагодеуашха, *б* — саки на рельефе из Персеполя

условно относим к конусовидным уборам. Такие находки сделаны в кург. 2 группы Дорт-Оба (67 бляшек четырех штампов) [30, с. 11] и в XI катакомбе Александропольского кургана (18 бляшек пяти штампов) [9, с. 23, рис. IX, 13, 18, 23, 24] (табл. 1—4).

Видимо, к конусовидным относятся и восстановленные Л. С. Клочко «две остроконечные шапочки» из Бердянского кургана [31; с. 95]. Их украшают бляшки четырех типов с изображением женской головы в фас и профиль, треугольники зерни, бляшки со свернувшимся хищником. Один из уборов дополняло покрывало с бляшками со сценой побратимства. Другой — украшали еще 10 золотых цепочек с подвесками. Л. С. Клочко [10] приводит находки остатков еще двух-трех уборов, считая их «калафами», которые, по нашему мнению, можно предположительно от-

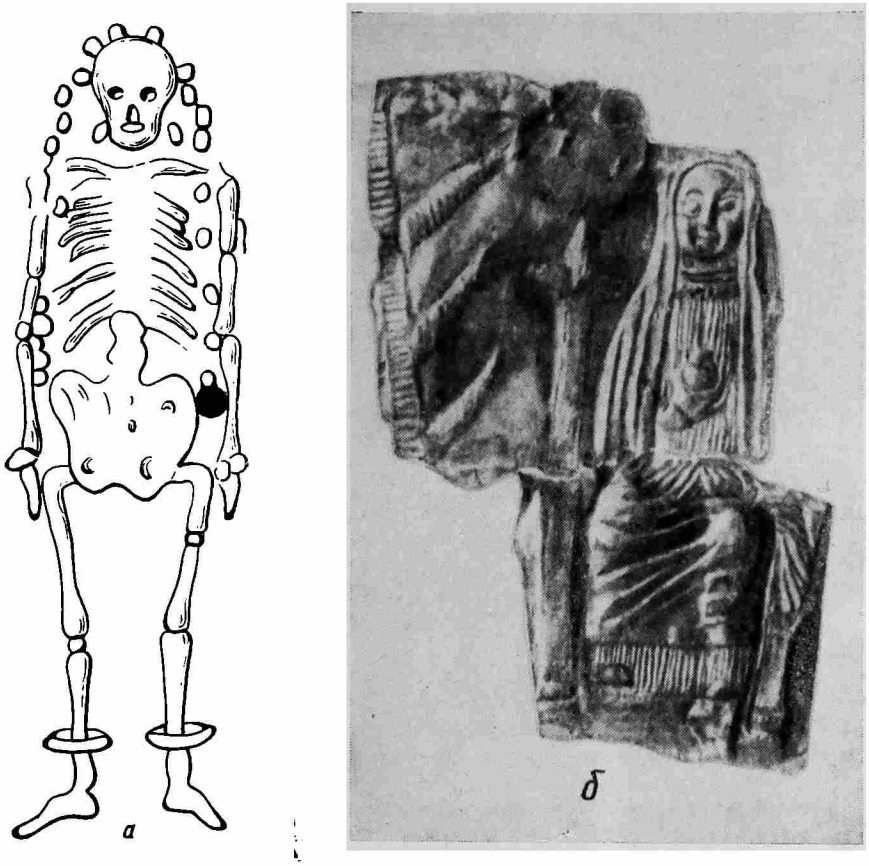


Рис. 8. Скифские покрывала: *а* — расположение бляшек из погребения в кург. 3 у с. Аксютинцы, *б* — богиня с ритона из Мерджан

нести к конусовидным. Это 42 бляшки пяти типов и метопида на погр. 3 в Казенной могиле; 269 бус и бронзовое кольцо с бусиной наверху (что напоминает втулку наверху из Мордвиновского кургана) из мог. 3 погр. 1 кург. 4 у Носаков. Автор считает, что убор сначала расширялся, потом сужался. Вероятнее, все же он был коническим. В кург. 16 погр. 3 у Златополя 35 бус, расположенные углом, могли украшать или конусовидный убор, или, что вероятнее, башлык. В двух последних погребениях были похоронены девочки, что позволяет Л. Клочко сделать интересный вывод: детские уборы в отличие от женских были украшены бусами.

Таблица 5

Соотношение сюжетов в отдельных типах скифских женских головных уборов и их частях, %

Тип уборов	Метопида					Стленгида					Полоски с середины убора				
	Р	З	А	С	О	Р	З	А	С	О	Р	З	А	С	О
Скифский калаф	22	22	—	44	12	75	25	—	—	—	14	71	29	—	—
Тиара	50	—	—	17	33	67	23	—	—	—	50	100	—	—	—
Конусовидный убор	20	40	—	—	40										

Примечание. Буквами обозначены виды сюжетов: Р — растительные, З — зооморфные, А — антропоморфные, С — смешанные, О — орнаментальные. Во всех смешанных типах сюжетов есть растительные мотивы, поэтому в какой-то степени смешанные сюжеты близки по значению к растительным. В полосках с середины убора в скифских калафах сочетаются сюжеты Р и А. В полосках с середины убора тиар есть виды сюжетов Р и З.

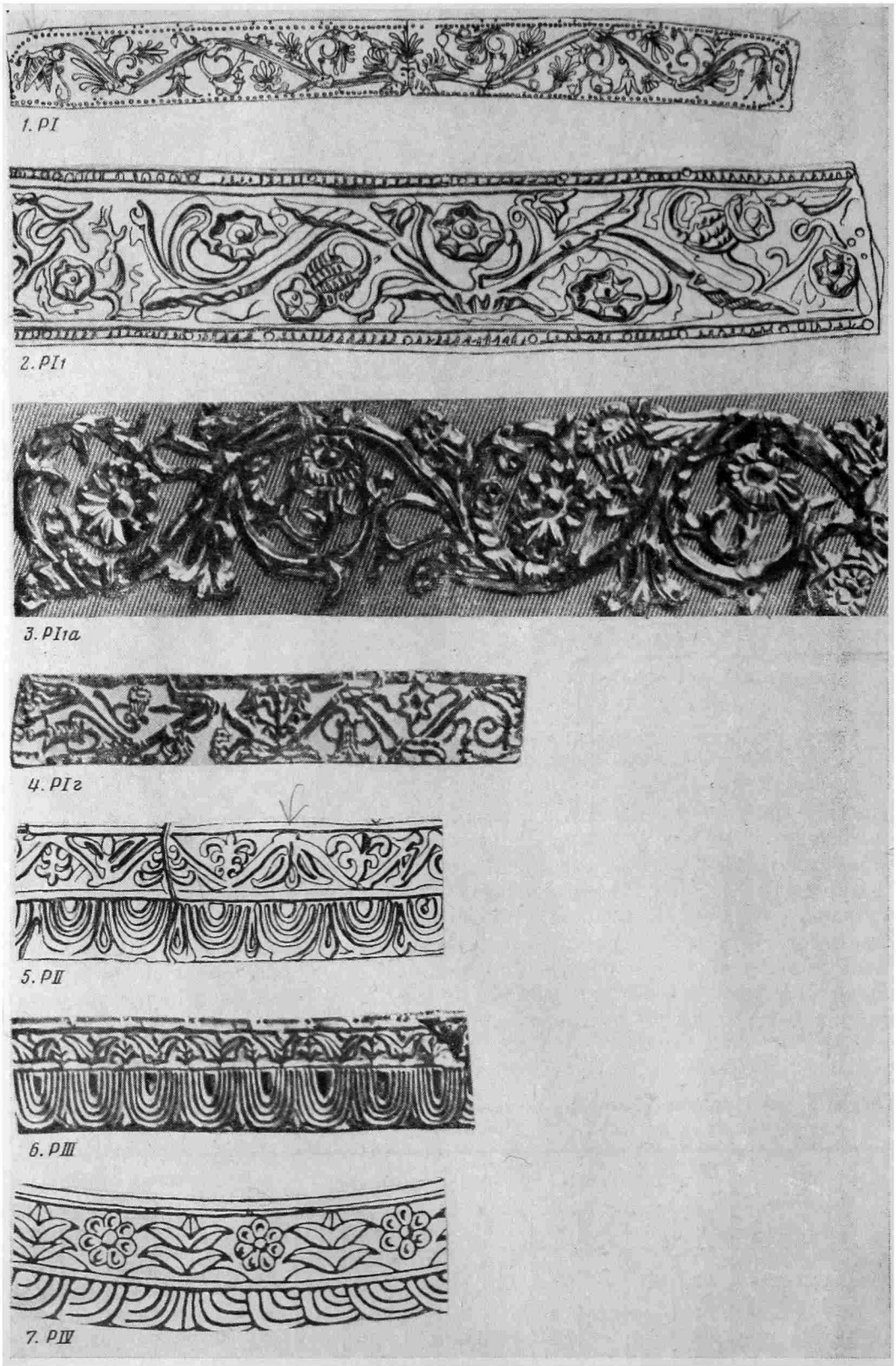
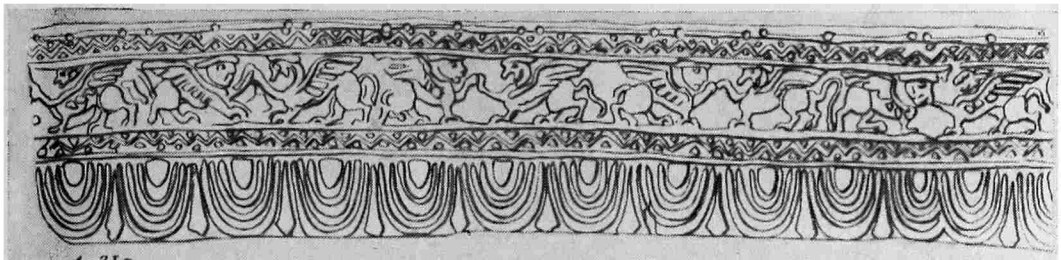


Рис. 9. Сюжеты пластин скифских женских головных уборов (по И. Е. Забелину, А. М. Лескову, В. П. Шилову, Д. С. Кирилину, Б. И. и В. Н. Ханенко, А. Быдловскому, Д. С. Раевскому и С. С. Бессоновой, А. А. Спицыну, М. И. Артамонову, Д. Т. Березовцу): *1* — растительные сюжеты, *2* — зооморфные сюжеты, *3* — антропоморфные сюжеты, *4* — смешанные и орнаментальные сюжеты (обозначения типов изображений даны по табл. 3)



1. 31а

2. 31б

3. 31г

4. 31д

5. 31з

6. 31и

Рис. 9, *2*

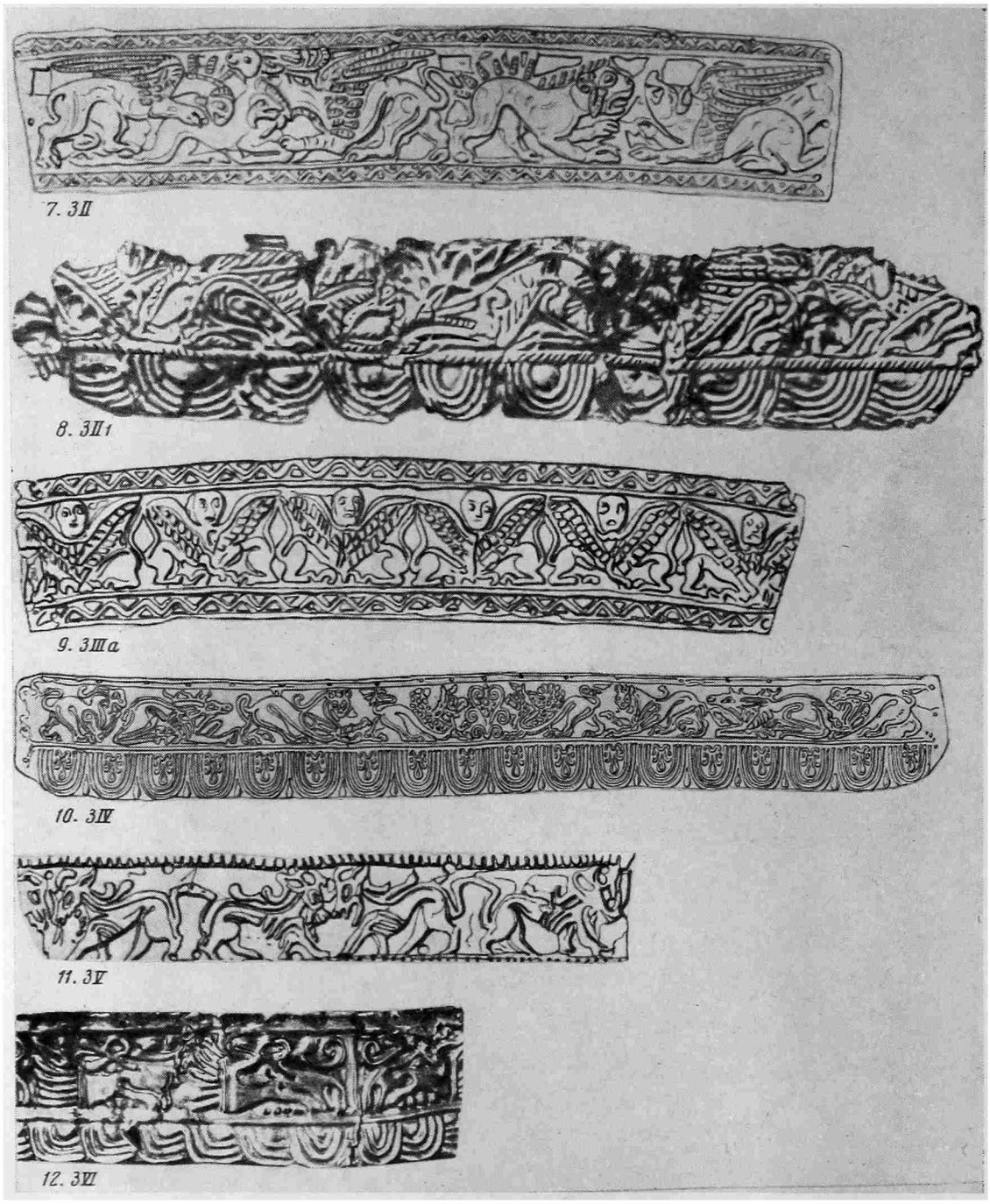


Рис. 9, *2* (продолжение)

В двух погребениях Л. Клочко предполагает наличие вертикальных лент, свисавших на плечи: в кург. 5 погр. 5, у Златополя на серьгах были остатки ткани, а в кург. 4 мог. 3 погр. 1 в области шеи шли четыре вертикальные ряда пронизок и золотых пуговок с петелькой. Нам кажется, что скорее это остатки покрывал.

Таким образом, мы, видимо, можем отнести четыре убора (а вместе с предположительными 13) к конусовидным. Метопиды есть в четырех из них, длина их 22—28 см. Пять (или 8) уборов украшено бляшками различных штампов, один — пластиной, два — бусами. Высота уборов ≈21 см. Не во всех конусовидных уборах есть метопида (в отличие

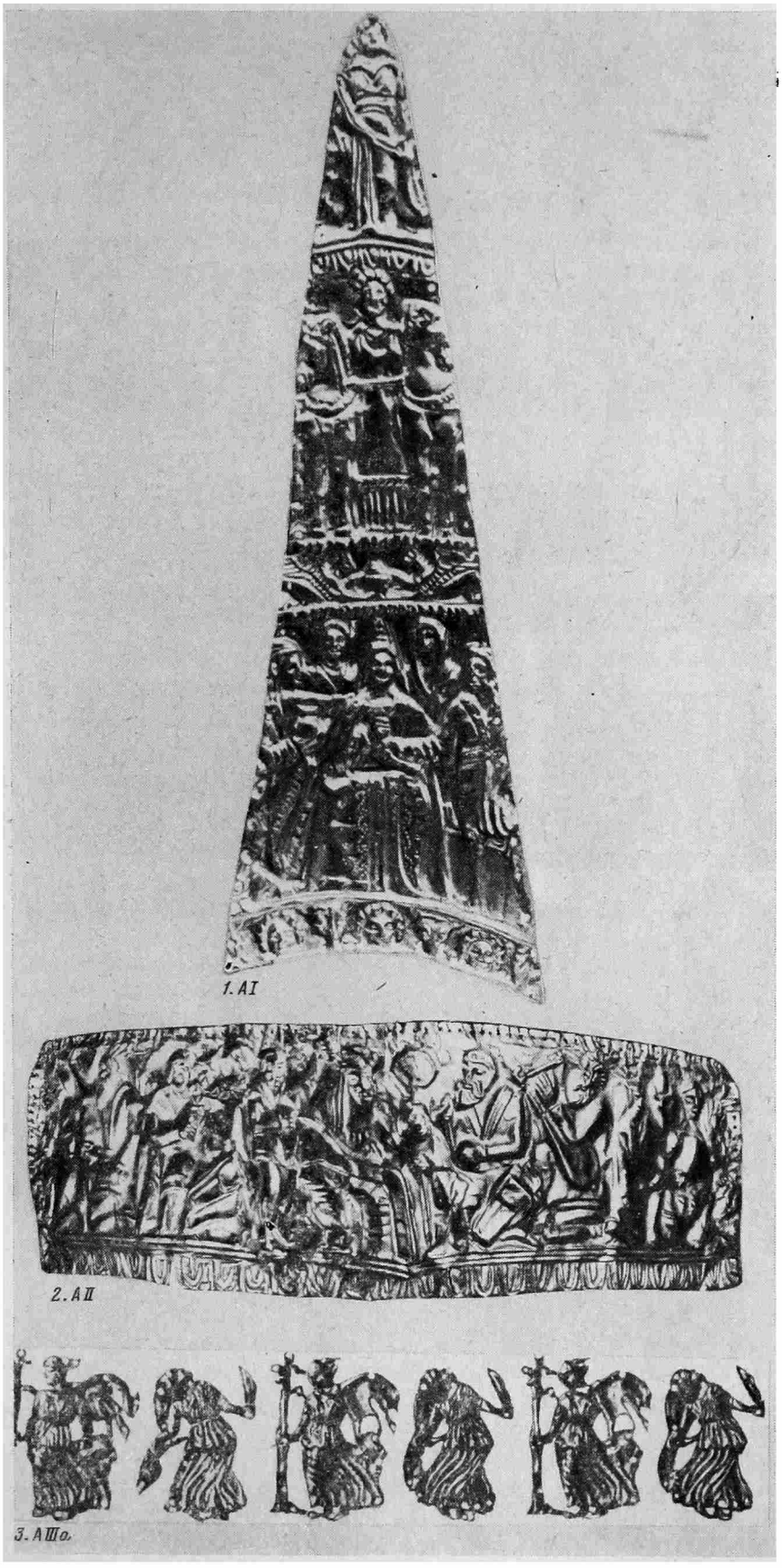


Рис. 9, *3*

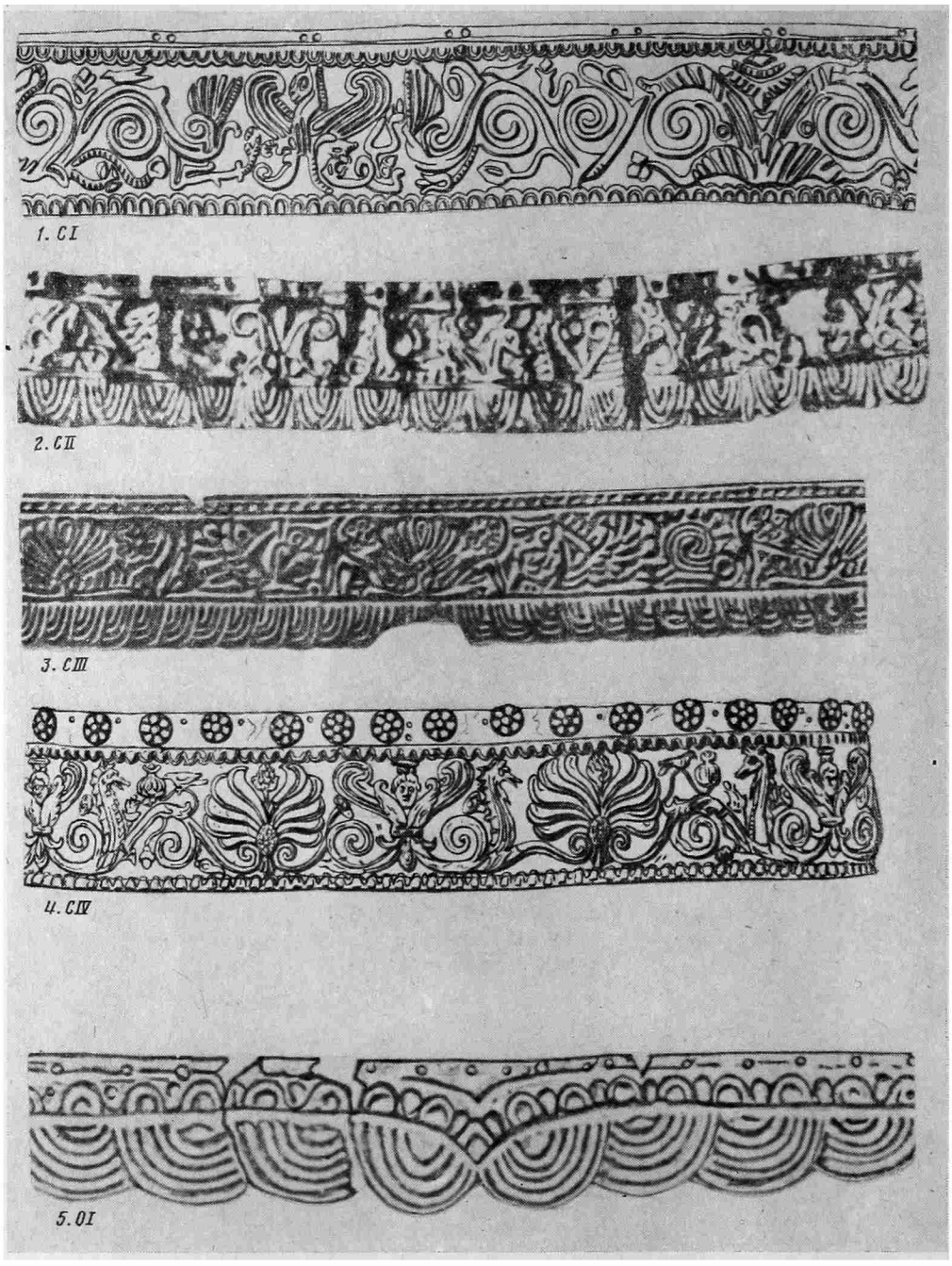


Рис. 9, *4*

от скифских калафов и тиар), многие уборы украшены многочисленными бляшками более чем двух типов. Длина покрывала в Карагодеуашхе 46 см, т. е. до плеч (при учете обоих типов бляшек), в Чертомлыке — 100 см, чуть ниже талии, как в тиаре из погр. 1 кург. 22 у совхоза Красный Перекоп, а в уборе из погр. 3 Казенной могилы — 94 см. Видимо, покрывала тиар и конусовидных уборов были двух типов — до плеч и до талии. Богиня на карагодеуашхской пластинке изображена в покрывале длиной приблизительно до пояса (рис. 7, *а*). Встречаются конусовидные уборы (в том числе предположительные) в Нижнем Приднепровье (9 экз.), Прикубанье (1 экз.), Западной Подолии (1 экз.), Посулье (1 экз.), Крыму (1 экз.). Изображение конусовидного убора происходит из Прикубанья.

Главная аналогия конусовидным уборам — изображение на карагодеуашхской пластине (рис. 7, *а*). Женщины в таких уборах встречаются среди терракот [20, с. 185; 32, табл. 9, рис. 3], на синдском надгробии (Н. И. Сокольский сближает его с карагодеуашхским убором) [10] [33, с. 252, 253; рис. 5]. Конусовидные уборы, правда у мужчин, встречаются на Востоке: у хеттов на рельефах Богазкёя [14, p. 645, fig. 321], Язы-ли-Кая и Фрактина [20, табл. XVIII], у саков — в Бехистуне [21, p. 59, fig. 12] и Персеполе [13, с. 9, рис. 3] (эти уборы особенно похожи — у них есть боковые и задние лопасти) (рис. 7, *б*). В Греции такие уборы редки: у кабиров [15, табл. 9, рис. 5], жрецов Деметры [12, с. 64, рис. 47], Эрота [32, табл. 32, рис. 2,3].

Погребение кург. 3 у с. Аксютинцы относится к концу V — началу IV в. до н. э. Здесь вокруг головы и предплечий женщины было найдено 37 бляшек (лев? влево) [34, табл. 129, № 1530]. Судя по рисунку, сделанному во время раскопок [34, с. 103, рис. 51] (рис. 8, *а*), они обрамляли лицо и спускались ниже пояса. Видимо, бляшками было обшито покрывало, единственный здесь головной убор (как у богини с ритона из Мерджан) [35, с. 173, рис. 8] (рис. 8, *б*). Возможно, такое же покрывало с бляшками было в кург. 45 у с. Любимовка [11], количество бляшек (38 штук) и их штамп (лев с раскрытой пастью) очень похожи на убор из Аксютинцев [36, рис. 16]. Покрывала были найдены в Нижнем Приднепровье (1 экз.) и Посулье (1 экз.), а изображение покрывала происходит из Прикубанья.

В Вишневой могиле у с. Поповка (Нижнее Приднепровье) авторами раскопок прослежена на черепе девочки кожаная тесемка с бусиной посередине и, видимо, с височными кольцами на висках [37]. Возможно, существовали и еще уборы подобного типа — бусы в районе черепа находят часто.

Некоторые детали женских головных уборов встречаются и в мужских уборах — островерхих колпаках. Это бляшка со втулкой, с побратимами (как в уборе из Мордвиновского кургана) и метопида из погребения «царя» из Куль-Обы [12, с. 61, рис. 44; 38; табл. II, рис. 2], а также метопида из кург. 5 у с. Аксютинцы [8, с. 15, рис. 2; с. 16, 17; табл. I, рис. 15].

Таким образом, в метопидах калафов и тиар преобладают растительные и смешанные сюжеты, а конусовидных уборов — зооморфные. В стленгидах преобладают растительные сюжеты, в полосках с середины убора — зооморфные. Антропоморфные сюжеты встречаются в основном в калафах (исключение составляет пластина карагодеуашхского убора). Орнаментальные сюжеты мы видим только в метопидах, что вполне понятно, так как для метопид характерна внизу полоса из полуов.

Распространены типы сюжетов неодинаково (табл. 4). Наиболее часто встречаются типы: PI (в скифских калафах и тиарах по 29%, всего 25,6%); 3I (в скифских калафах 17%, в тиарах 29%, всего 18,5%) и OI (в тиарах 14%, в конусовидных уборах 40%, всего 12%).

Одни и те же типы пластин могли выполнять роль метопиды, стленгиды или полосок с середины убора (табл. 3,4; рис. 9, например PI и 3I). Типы пластин схожи в скифских калифах, тиарах и конусовидных уборах. Видимо, важен был определенный круг сюжетов, а не место сюжета в уборе или тип убора.

Отдельные сюжеты пока не поддаются точному определению из-за присущей иранскому искусству многозначности [39, с. 58], но связаны,

---

[10] Можно видеть в этом уборе и башлык [17, с. 84], что указывает на большую близость этих уборов.

[11] Вслед за А. М. Лесковым [36, с. 53] мы считали погребение мужским, поэтому отнесли этот убор к башлыкам [17, с. 89]. Но, по определению С. И. Круц, здесь похоронена женщина 50—60 лет, следовательно, правильнее будет предположить покрывало.

вероятно, с иранской, а не греческой мифологией, с культом солнца, богини-матери и т. д. [39, с. 58—67]. В уборах эти изображения выполняли и функции апотропеев.

Сюжеты пластин (табл. 3, рис. 9) связаны с культом богинь Аргимпасы и Табити. Возможно, женщины, погребенные в таких уборах, имели отношение к культу этих богинь.

Часть украшений нередко ошибочно относят к головным уборам [40, с. 28]: Яблоновка, кург. 2 — в основном это шейные уборы; Журовка, кург. 402, 404; Турья, кург. 463 — подвески могут относиться к ожерелью. Золотые ободки с овами из Чмыревой могилы [41, с. 306], видимо, относятся к обивке футляра зеркала.

Некоторые бляшки и бусы из женских погребений трудно отнести к определенным типам уборов (может быть, это башлыки). В кург. 27 погр. 4 у Верхнетарасовки у головы погребенной было 12 бронзовых полусферических бляшек [42, с. 67]; в Репяховатой могиле у с. Матусов в погр. 1 на черепе найдена «повязка из двух рядов бус» — 39 пастовых и 32 янтарных [43, с. 35]; в кург. 17 погр. 3 у с. Нововасильевка «дугой вокруг головы» лежали 22 бляшки с зайцем [44, с. 62].

Из раскопок последних лет (1976—1979 гг.) также происходят остатки головных уборов. В с. Марьевка в кург. 6 погр. 2 на лбу погребенной прослежено пять полусферических бляшек и сохранились остатки кожи. Это кожаный колпачок (*D* 4 см) от верхушки головного убора, видимо башлыка [45, с. 22]. Скифская тиара со всеми разновидностями золотых украшений впервые найдена в лесостепи (на Северском Донце) — в кург. 8 погр. 1 у хут. Песочин [46, с. 306]. В него входят полоски с подвесками, метопида типа PI, пластины с середины убора типов ЗIII, AIII, а также нового типа — с всадниками. Может быть, к тиаре относятся находки в кург. 29 погр. 3 у Большой Белозерки, где встречены полоски с амфоровидными подвесками и бляшки трех типов (20 треугольников зерни, 78 пуговок полусферических, 50 золотых пронизей), хотя бляшками могли обшивать и верхнюю часть одежды [47, с. 13]. Здесь же найдены куски кожи от головного убора. От калафа или тиары происходит метопида типа ЗIV из кург. 18 погр. 1 у с. Львово [48, с. 8]. Здесь впервые археологически прослежена кожаная основа метопиды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Leskov A., Rolle R.* Neue Funde skythischer Schätze.— Antike Welt. Berlin, 1973, № 1.
2. *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор.— ИАК, 1917, № 63.
3. *Лесков О.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974.
4. *Клочко Л. С.* Реконструкция скіфських головних жіночих уборів.— Археологія, 1979, № 31.
5. *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону; Изд-во Ростовск. ун-та, 1962.
6. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1959 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1975.
7. *Бидзиля В. И.* Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1970, 1972 гг.— Архив ИА АН УССР, 1970, 1972/36.
8. ОРИМ за 1906 г. М., 1907.
9. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866, вып. 1.
10. *Клочко Л. С.* Новые материалы к реконструкции головного убора.— В кн.: Древности Степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1981.
11. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1974.
12. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, вып. II.
13. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
14. *Perrot G.* et *Chipiez Ch.* Histoire de L'art dans L'antiquite. Paris, 1887, v. IV.
15. Терракоты Северного Причерноморья.— САИ, вып. Р1-11. М., 1970, I.
16. *Сидорова Н. А.* Археологические открытия в Средиземноморье в 1960—1961 гг.— СА, 1963, № 2.

17. *Мирошина Т. В.* Об одном типе скифских головных уборов.— СА, 1977, № 3.
18. *Степанов П. К.* История русской одежды. Пг., 1916, т. I.
19. *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Курган Карагодеуашх.— МАР, 1894, № 13.
20. *Боровка Г. И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана.— ИРАИМК, 1921, № 1.
21. *Minns E.* Scythians and Greeks. London, 1913.
22. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград: Артия, Советский художник, 1961.
23. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСбГЭ, 1961, № 2.
24. *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья.— СА, 1961, № 4.
25. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872, вып. II.
26. *Bydlowski A.* Moqily w Nowosiolke.— Swiatowit. Warszawa, 1904, V.
27. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
28. *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут.— АП, 1960, IX.
29. *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности Приднепровья. Киев, 1899, вып. II.
30. ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
31. *Клочко Л. С.* Реконструкция элементов скифского костюма из Бердянского кургана.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1980.
32. Терракотовые статуэтки.— САИ, вып. Г1-11. М., 1974.
33. *Сокольский Н. И.* К вопросу о синдской скульптуре.— В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
34. *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
35. *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
36. *Лесков А.* Новые сокровища курганов Украины. Л.: Аврора, 1972.
37. *Отрощенко В. В.* Отчет Запорожской археологической экспедиции за 1976 г.— Архив ИА АН УССР, 1976/6.
38. Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1894.
39. *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М.: Наука, 1977.
40. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-4. М., 1967.
41. *Веселовский Н. И.* Чмырев курган.— Гермес, 1910, т. 7.
42. *Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю.* Скифский могильник у с. Верхнетарасовка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наукова думка, 1980.
43. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
44. *Шапошникова О. Г.* Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 г.— Архив ИА АН УССР, 1975/3.
45. *Чередниченко Н. Н.* и др. Отчет Верхнетарасовской экспедиции за 1976 г.— Архив ИА АН УССР, 1976/2.
46. *Бородулин В. Г.* Исследования курганов скифского времени в Харьковской области.— АО — 1978. М., 1979.
47. *Отрощенко В. В.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1979 г. (Белозерский отряд).— Архив ИА АН УССР, 1979/4а.
48. *Кубышев А. И.* и др. Отчет о работе Херсонской экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы.— Архив ИА АН УССР, 1977/23.

T. V. Miroshina

SOME TYPES OF SCYTHIAN WOMEN'S HEADDRESS OF THE 4th-3rd CENTURIES B. C.

Summary

The article describes flat-topped tiaras (eight, including a few tentatively determined), 13 conical headdresses, both types having Oriental analogies; two shawls and a leather strap with a bead common among the Scythians of the lower Dnieper. The author offers new reconstructions, gives sizes of the headdresses and their details. Most of the tiaras had gold ornamentation, while the conical headdresses had plates of two or more designs. Women's headdresses resembled men's conical caps. The author classifies the plates according to the subjects determined by the Iranian mythology: vegetable (which predominated), animal, anthropomorphic, mixed and ornamentational, not depended on the place on the headdress. The ornaments served as apotropaia and were connected with the cult of Argimpasa and Tabity, being worn, probably, by their priestesses.

ЧЕРНАЙ И. Л.

ВЫРАБОТКА ТЕКСТИЛЯ У ПЛЕМЕН ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам Селецкого городища)

Одним из крупнейших достижений древности явилось изобретение искусственных материалов для одежды — текстиля. Выделяя в доисторической эпохе стадии дикости и варварства, Ф. Энгельс подчеркивал значение текстильного дела уже на низшей ступени варварства: «Из всех достижений этой ступени в области промышленной деятельности особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — плавка металлических руд и обработка металлов» [1, с. 161]. Однако, несмотря на столь важное значение ткачества в развитии производительных сил, древнее текстильное производство по сравнению с другими ремеслами из-за крайней ограниченности источников изучено значительно слабее. Особенно скудными источниками мы располагаем о древнем текстильном производстве лесной полосы Восточной Европы, где обнаружены лишь единичные образцы текстиля и его отпечатки на глине. В связи с этим особое значение для изучения ткачества может иметь выявление новых источников. В материальной культуре дьяковских племен такими источниками нам представляется текстильная керамика и другие предположительно связываемые с ткачеством находки.

Текстильная (сетчатая) керамика до сих пор остается одним из загадочных и трудных для изучения памятников древности. Эта керамика получила свое название из-за сходства фактуры ее поверхности с отпечатками текстиля или мелкой сетки. Текстильная керамика особенно широко распространена на памятниках эпохи бронзы — раннего железа Волго-Окского междуречья и в меньшей степени на территории Прибалтики, Южной Финляндии, Карелии, Каргополья, Среднего Дона, Казанского Поволжья. Столь широкое хронологическое и территориальное распространение текстильной керамики придает этому источнику особое значение в изучении истории племен лесной полосы Восточной Европы.

Поэтому неслучайно текстильной керамике и ее фактуре был посвящен ряд высказываний и публикаций, отражающих различные взгляды на характер происхождения и назначение текстильной фактуры. Все разнообразие мнений исследователей оказалось возможным свести к четырем точкам зрения. Согласно первой (П. Н. Третьяков, А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер, А. П. Смирнов), текстильная фактура является отпечатками текстиля различного строения [2, с. 103; 3, с. 74, 75; 4, с. 101; 5, с. 287—305; 6, с. 245]; согласно второй (С. А. Семенов, И. Лозе, Б. А. Фоломеев), результатом обработки поверхности сосудов ударами или прокатыванием обмотанными нитями или шнурами предметами [7, с. 141; 8, с. 21; 9, с. 164]. Сторонники третьей точки зрения (А. Л. Никитин, Н. В. Трубникова, Н. К. Артюзов, М. Е. Фосс, А. В. Успенская, Ю. А. и Н. А. Красновы) полагают, что фактура является имитацией текстильных отпечатков, нанесенной гребенчатыми или многорядными штампами [10, с. 205; 11, с. 128; 12, с. 125; 13; 14; 15, с. 67,

16, с. 118; 17, с. 213). По мнению сторонников четвертой точки зрения (Н. Н. Гурина, А. Х. Халиков, И. Г. Розенфельдт), на керамике наблюдаются как отпечатки текстиля, так и их имитации [18, с. 136—187; 19, с. 98—102; 20, с. 151—153].

Различие мнений, с одной стороны, объясняется отсутствием аналогий среди известных в настоящее время тканей, с другой — большим разнообразием текстильной фактуры, затрудняющим ее систематизацию и однозначное решение вопроса о ее природе. Из всей массы текстильных отпечатков В. А. Городцов выделял две основные группы: «ниточные» отпечатки, схожие с оттисками нитей или шнуров, и «рябчатые» — в виде ячеек разнообразной формы, расположенных регулярно или бессистемно. Первые чаще всего связываются с текстилем, вторые — с воздействием твердого штампа (поэтому они нередко называются «ложнотекстильными») [21, с. 26].

Отдельные виды текстильных отпечатков рассматриваются рядом исследователей как разновременные. Древнейшими при этом считаются мелкие поверхностные отпечатки. Для середины — второй половины I тысячелетия до н. э. характерными считаются «правильные» отпечатки, а для I—III вв. н. э.— «беспорядочные», «крапчатые» [2, с. 43; 4, с. 95; 14, с. 67; 22, с. 120—127]. Однако отсутствие представления о природе текстильных отпечатков или же о строении образовавшего их текстиля затрудняет дальнейшее изучение текстильной фактуры. Для решения этого вопроса оказалось недостаточно только визуальных наблюдений, требуется разработка новых методов на достаточном количестве керамического материала с четкой стратиграфией.

Этим требованиям отвечает коллекция керамики Селецкого городища дьяковской культуры, насчитывающая более 10 тыс. обломков и полтора десятка целых сосудов. Городище находится в Раменском р-не Московской обл., в 6 км выше по течению р. Москвы от г. Бронницы. На городище выявлено шесть напластований культурного слоя, что позволяет изучать вещевой и керамический материал в хронологической последовательности [23]. С наиболее четких образцов на глиняных пластинах, с последующим обжигом, было получено 1500 эталонных оттисков, а остальной части керамики получены оттиски на пластилине. Со слепков под различными углами и направлением освещения произведена фотосъемка в натуральную величину и с увеличением в 3—4 и 10—30 раз, в результате чего получено около 4000 изображений фактуры, по которым удалось проследить общие для большинства образцов закономерности.

На подавляющем количестве оттисков прослеживаются образцы фактуры с однотипными элементами овальной, полулунчатой, подпрямоугольной, подтреугольной формы, в виде двойного штриха, стежков или параллельных жгутов (рис. 1). На большинстве образцов элементы ориентированы в одном направлении и располагаются в порядке как бы на местах узлов сетки с ячейками в виде параллелограмма, образуя перекрещивающиеся под острым углом ряды (рис. 1, IV, *5*).

В ряде образцов прослеживается постепенное видоизменение элементов одной формы в другую или переход в беспорядочную фактуру, вследствие чего образуется большое количество вариаций (рис. 1, IV).

Фактуры, резко отличающиеся формой элементов и не имеющие между собой промежуточных вариаций, представилось возможным выделить в типы, а имеющие вариации — в подтипы. По различиям в расположении элементов в пределах типов и подтипов удается выделить отдельные виды, а по небольшим изменениям формы элементов — разновидности.

Первый тип — «овально-ячеистая» фактура — характеризуется овальной формой элементов, расположенных по порядку сетки с ячейками в форме параллелограмма. Этот тип включает в себя три вида: первый — равномерно-регулярное расположение элементов, второй — расположение

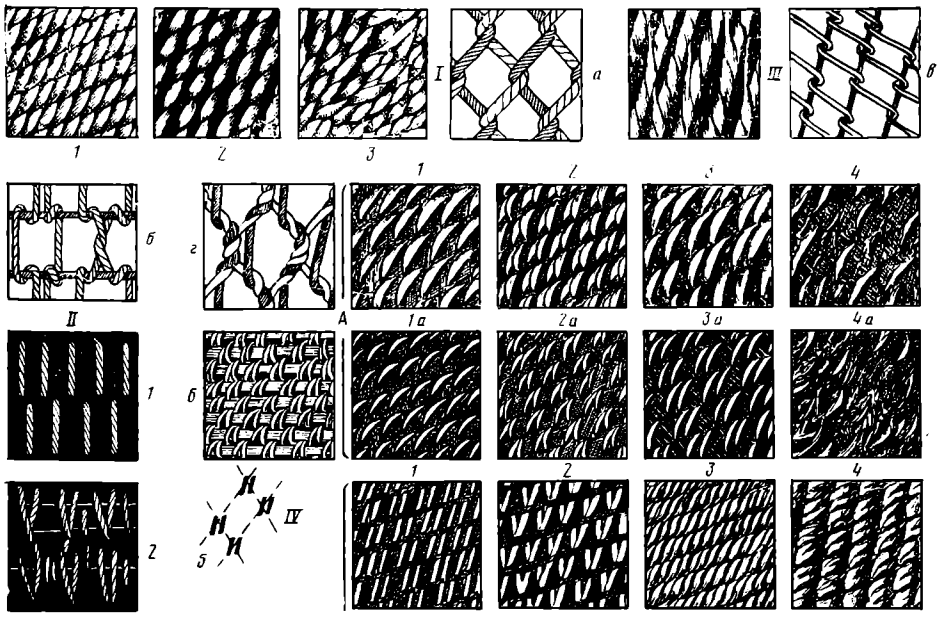


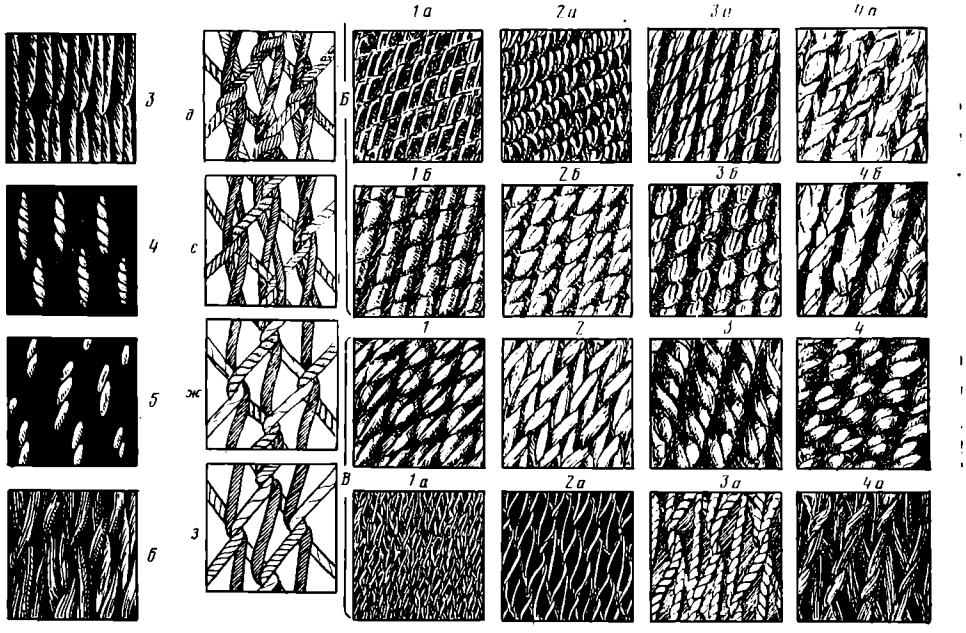
Рис. 1. Типы текстильной фактуры керамики Селецкого городища. I — «овально-ячеистая», II — «стежковая», III — «жгутовая», IV — «рябчатая» с подтипами: *А* — «полулунчатая», *Б* — «двойной штрих», *В* — «беспорядочная»

элементов параллельными рядами наподобие отпечатков шнура, третий имеет менее регулярное расположение элементов и нестабильную их ориентировку (рис. 1: I, *1—3*).

Второй тип — «стежковая» фактура — имеет более длинные, напоминающие стежки элементы, располагающиеся рядами, в порядке сетки с ячейками прямоугольной или ромбической формы. В «стежковой» фактуре возможно выделить три вида с двумя разновидностями в каждом. Первый представлен горизонтальными рядами разреженных вертикальных или слегка наклонных «стежков». В первой его разновидности «стежки» напоминают отпечатки толстой нити, во второй — шнура (рис. 1: II, *1*, *4*). Второй вид характеризуется расположением «стежков» парами. В первой его разновидности «стежки» располагаются параллельно друг другу, во второй — под углом, слегка нахлестываясь друг на друга (рис. 1: II, *2*, *3*). Третий вид отличается беспорядочным расположением «стежков»: в первой разновидности «стежки» напоминают группы витков шнура, во второй — перевивающиеся пучки тонких нитей (рис. 1: II, *5*, *6*).

Третий тип — «жгутовая» фактура — напоминает отпечатки параллельных разветвляющихся жгутов, свитых из тонких нитей (рис. 1, III).

Четвертый тип — «рябчатая» фактура — характеризуется элементами различной формы, имеющими между собой переходные вариации и располагающиеся по схеме параллелограмма. По относительно резким различиям элементов в «рябчатой» фактуре можно выделить три подтипа. К первому относятся отпечатки с элементами полулунчатой формы, напоминающие след ногтя или запятую. «Полулунчатая» фактура в свою очередь представлена пятью видами. В первом — элементы располагаются равномерно-регулярно и ориентированы в одном направлении (рис. 1: А, *1*; 2; *11*), во втором — парами, параллельно друг другу (рис. 1: А, *3*, *4*; 2; *12*, *16*). В третьем — элементы в парах расположены под углом друг к другу, слегка нахлестываясь один на другой (рис. 1: А, *2*, *2а*; 2, *13*, *17*, *20*). Четвертый вид характеризуется наличием под рядами элементов параллельных пучков тонких нитей (рис. 1: А, *6*; 2, *15*). Пятый



вид отличается менее определенной формой элементов и отсутствием видимого порядка в их расположении (рис. 1: А, *4*, *4а*; 2, *14*, *18*, *19*). Второй подтип — «двойной штрих» — характеризуется элементами в виде двойного короткого штриха, прямого или слегка искривленного. В зависимости от формы и взаимного расположения «штрихов» удается выделить четыре вида фактуры «двойной штрих». В первом «штрихи» прямые параллельные, во втором расположены под углом друг к другу, в третьем S-образно искривлены, в четвертом «штрихи» сливаются в ряды в виде параллельных жгутов (рис. 1: *Б*, *1*, *1а*, *1б*, *2*, *2а*, *2б*, *3*, *3а*, *3б*, *4*, *4а*, *4б*; 2, *4*, *6—8*, *17*). При искривлении «штрихов» в одном направлении фактура «двойной штрих» переходит в «полулунчатую» (рис. 1: *Б*, *1а*, *2а;* 2 *1*, *А*).

Третий подтип — «беспорядочная» фактура — не имеет четко выраженных элементов определенной формы и порядка в их расположении. Представляется возможным выделить два вида «беспорядочной» фактуры: полурегулярную и иррегулярную. В первом форма и порядок в расположении сохраняются частично, во втором отсутствуют вовсе (рис. 1: *В*, *1—4*; 2, *21*, *28*, *30* и 1: *В*, *1а—4а*; 2, *22—27*). В отпечатках с керамики прослеживается переход фактур первых двух подтипов в «беспорядочную» (рис. 2, *1*, *В*).

Разновидности фактур описанных подтипов представляют образцы с крупными элементами, в которых полулунчатые элементы или «двойные штрихи», сливаясь в парах, образуют крупные элементы полулунчатой, подквадратной, подтреугольной формы, а «беспорядочная» фактура напоминает бессистемно перевитые шнуры или жгуты (рис. 1: *Б*, *1б—4б*; 2, *9*, *10*, *17*, *20*, *21*, *25—30*). Наблюдаемый переход одних фактур в другие говорит о единстве природы «рябчатых» отпечатков, а на близость их с фактурами других типов указывают общие закономерности в расположении элементов.

Эти предположения подкрепляются общими для всех типов фактуры закономерностями в их расположении на целых сосудах. Прослеживаются пять групп сосудов, на которых наблюдаются зоны с различной ориентацией элементов или их рядов по отношению ко дну. К первой группе относятся сосуды со стабильным по всей поверхности направлением элементов. У сосудов со «стежковой» фактурой направление элементов вертикальное, а на сосудах с другими типами фактуры элементы или их

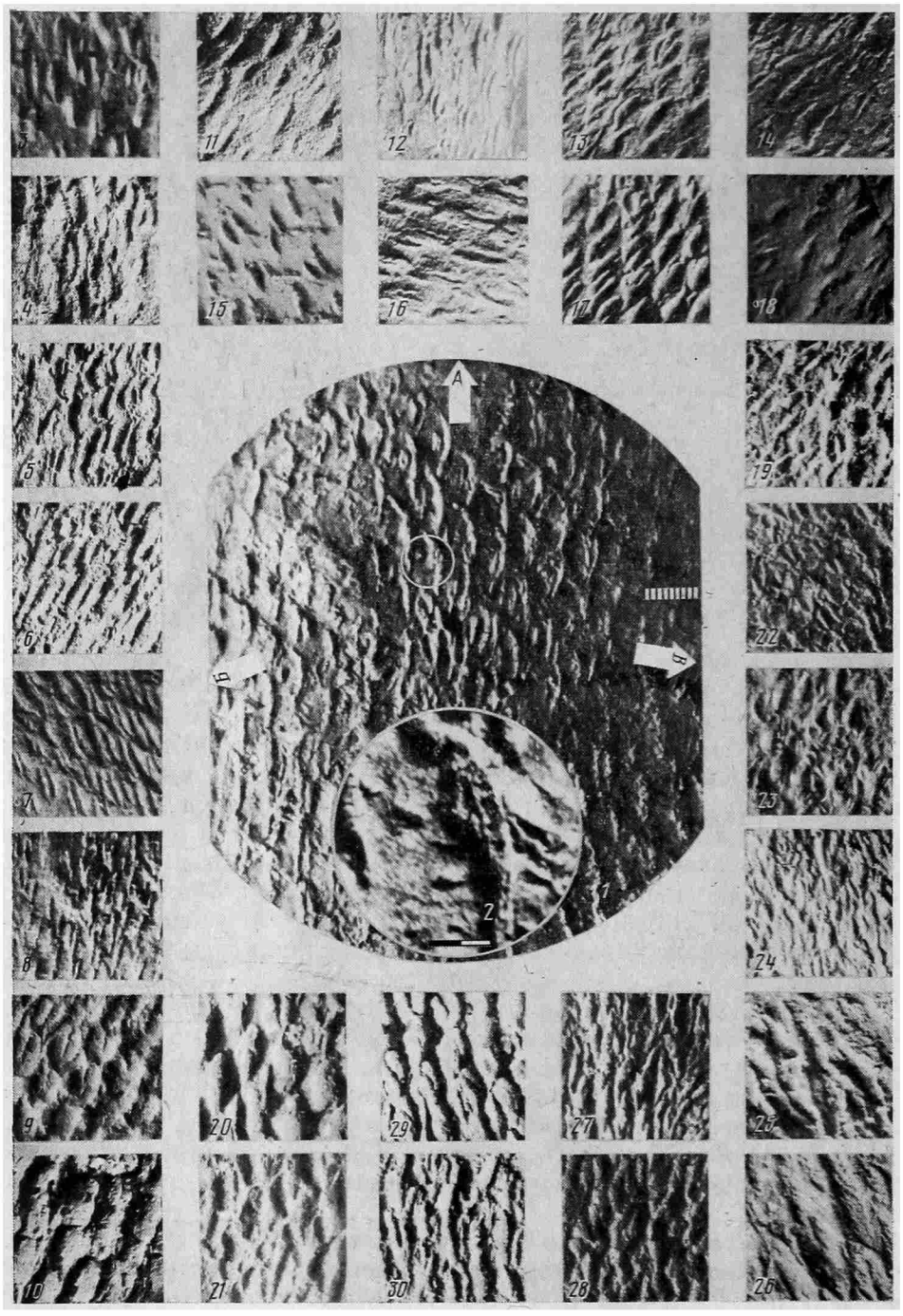


Рис. 2. Структура слепков с «рябчатых» отпечатков на керамике, образование подтипов и видов фактуры. *1* — увеличенное изображение рельефа оттиска с переходом одного подтипа фактуры в другие (*А—В*); *2* — увеличенное изображение элемента фактуры с перевиванием в нем нитей; *3—10* — слепки с фактурой «двойной штрих»; *11—20* — слепки с «полулунчатой» фактурой; *21—30* — слепки с «беспорядочной» фактурой

ряды имеют левый по отношению ко дну наклон с углом 30—90° (рис. 3, *13*).

Вторая группа отличается от первой наличием узкой полоски, шириной 20—40 мм, с иной ориентацией фактуры, опоясывающей сосуд по венчику. Подобное расположение фактуры на сосудах обеих групп может быть образовано отпечатками цельнотканевых мешочков, причем у сосу-

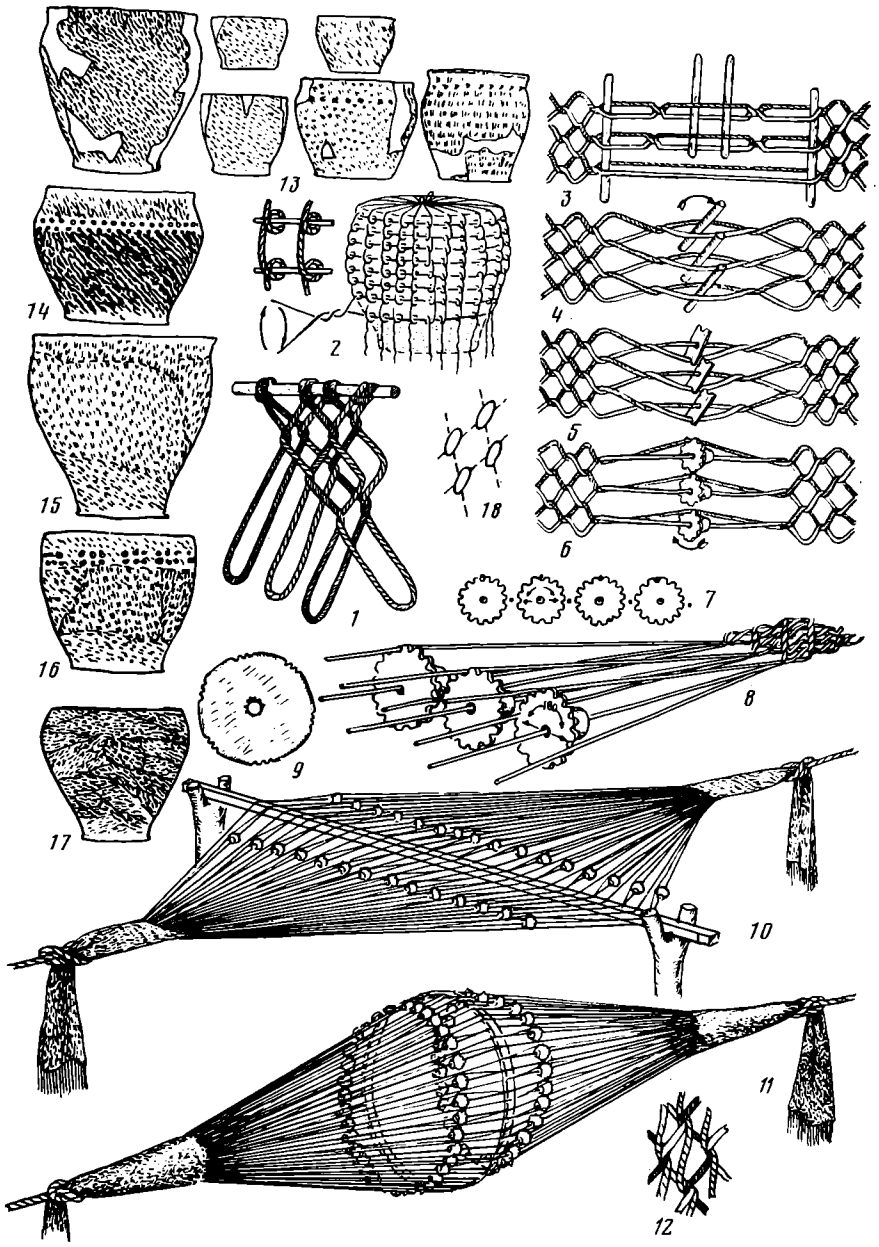


Рис. 3. Способы выработки плетеного текстиля. *1* — плетение простой безузловой сетки вручную; *2* — плетение по кругу сетки из двух систем нитей; *3* — плетение сетки по реконструкции Бронхольма и Хальда; *4* — плетение сетки путем перевивания нитей палочками; *5* — плетение с помощью дощечек с пазами на концах; *6* — плетение простого сетчатого текстиля с помощью грузиков «дьякова» типа; *7, 8* — плетение усложненного сетчатого текстиля с помощью грузиков «дьякова» типа; *9* — следы нитей в отверстии грузиков; *10* — станок для выработки ленточного текстиля на грузиках «дьякова» типа; *11* — станок для выработки чулочного текстиля; *12* — строение одного из видов усложненного сетчатого текстиля; *13* — сосуды с отпечатками чулочного текстиля; *14* — сосуд с отпечатком чулочного текстиля и текстильной ленты по венчику; *15—16* — отпечатки на сосудах широкой ленты или кусков текстиля; *17* — отпечатки узкой ленты, обматывающей сосуд вперехлест

дов второй группы по венчику и шейке накладывалась дополнительная полоска текстиля (рис. 3, *13*, *14*, *16*). У сосудов третьей группы эта полоса шире, достигает плечиков.

На сосудах четвертой группы наблюдаются крупные зоны с различным, однако преимущественно левым, направлением элементов, напоминающими отпечатки кусков текстиля шириной 10—20 см. У некоторых

сосудов этой группы по венчику располагается узкая полоса с иной ориентацией элементов (рис. 3, *15*, *16*). Пятая группа сосудов имеет более мелкие зоны с различным, тоже чаще всего левым наклоном элементов, образованных, по-видимому, текстильной лентой шириной 4—8 см, обматывающей вперехлест сосуд (рис. 3, *17*). Отмеченные закономерности с левым наклоном элементов прослеживаются у 75% обломков сосудов.

На основании выявленных закономерностей есть основание полагать, что на керамике прослеживаются отпечатки текстиля, причем текстиль со «жгутовой» и «стежковой» фактурами представлен цельнотканевыми мешочками, а текстиль с остальными фактурами — мешочками, полосами и узкими лентами с диагональным расположением фактуры. Высказанное предположение подтверждается в результате изучения микроструктуры отпечатков керамики.

В ряде образцов даже невооруженным глазом наблюдаются нити или их группы. С увеличением в 2—10 раз на большей части слепков прослеживаются перевивающиеся тонкие нити. Только с увеличением в 10—30 раз выявляется в элементах и между ними сложное перевивание тонких нитей (рис. 2, *2*). Однако детальное строение текстиля проследить оказалось затруднительным, так как отпечатки с достаточно четкой для этих целей микроструктурой немногочисленны и чаще всего сохранились лишь небольшими участками. Главным же препятствием в расшифровке детального строения текстиля по отпечаткам является тот факт, что прослеживается только одна сторона ткани, проследить же перевивание нитей на второй не представляется возможным. В то же время среди 10 тыс. образцов не обнаружены отпечатки текстиля с ткацким переплетением нитей «крест-накрест», а также отпечатки вязаного текстиля с характерной для него системой проходящих друг через друга нитяных петель. Исследование микроструктуры отпечатков, таким образом, позволяет наметить только предположительные варианты строения текстиля, соответствие же их оттискам можно проверить лишь путем физического моделирования выработки текстиля.

В связи с этим привлекает внимание эксперимент, проведенный Н. И. Лебедевой и А. А. Мансуровым, заключавшийся в прикладывании на сырую глину кустарных сотканных на дощечках поясков. Полученные оттиски исследователи считали аналогичными отпечаткам на керамике, а способ ткачества — реликтовым [24, с. 95]. Этой точки зрения придерживался и О. Н. Бадер.

Действительно, ткачество на дощечках прослеживается по археологическим источникам с раннего железного века [25, авв. 108—113]. Дощечки представляют собой четырехугольные пластины с отверстиями в углах, через которые пропускаются нити основы. Один конец основы закрепляется неподвижно, другой — к поясу ткача, а дощечки располагаются в ряд и развернуты плоскостью в направлении нитей (рис. 4, *2*, *3*). Во время каждого цикла работы дощечки поворачиваются на одну грань, и через «ткацкий зев», образованный расстоянием между нитями смежных отверстий, перебрасывается уточная нить. Прибивание утка производится деревянным ножом-«кордиком». В текстиле, сотканном на дощечках, в отличие от ткацкого, нити не переплетаются, а каждые четыре нити основы свиваются в шнуры, синхронные витки которых пронизываются утком (рис. 4, *1*). Этот текстиль, с одной стороны, имеет признаки ткацкого (системы нитей основы и утка, смена ткацкого зева), с другой — плетеного (перевивание нитей) и поэтому может называться полуткацким или тканью с перевитой основой. В процессе экспериментальных исследований ткачества на дощечках удалось получить образцы текстиля, схожие по фактуре с «овально-ячеистыми отпечатками». Это сходство усилилось при замене описанных дощечек на дощечки с двумя отверстиями, а текстиль в этом случае представлял по своему строению двухпрядные шнуры, витки которых пронизаны утком (рис. 4, *8*, *9*).

Аналогичное строение наблюдается в неолитических тканях из Робенгаузена (Швейцария) [25, авв. 3—5], в ткани и ее отпечатке из Младшего Волосовского могильника, отпечатке на керамике из Панфиловской стоянки под Муромом [5, с. 287]. Вероятно, в качестве дощечек применялись нередко встречающиеся на памятниках с ранней текстильной керамикой и кремневым инвентарем кружочки с двумя отверстиями, изготовленные из стенок сосудов (рис. 4, *4*). На подобных кружочках был собран экспериментальный станок, в котором керамические кружочки, как и дощечки, располагаются в ряд. Для более равномерного распределения нитей и исключения перепутывания каждая их пара пропускается через отверстия поперечной планки или укладывается в пазы (рис. 4, *5*).

Использование планки с пазами вместо отверстий позволяет получать на концах основы одновременно два куска текстиля. На станке оказалось возможным получать текстиль шириной до 15—20 см. Однако с уменьшением плотности по основе и с увеличением толщины утка, как это имеет место в образцах из Робенгаузена и Панфиловской стоянки, ширина полотнищ может быть несколько увеличена.

Ткани с перевитой основой удалось получить на станке, в котором вместо кружочков на одну из нитей каждой пары надет грузик с небольшим провисом нити. Нити основы натянуты за концы с помощью веревочных петель, а в середине станка их пары пропущены через отверстия поперечной планки (рис. 4, *6*, *7*). Перевивание нитей осуществляется автоматически во время поворачивания свободно подвешенного станка на 180°, после чего через образованный за счет провиса нитей с грузиками ткацкий зев перебрасывается уток.

На станке путем его поворачивания на 180° и обратно удалось получить ткани с переплетением нитей «крест-накрест». По сравнению со станком на кружочках производительность станка на грузиках в несколько раз выше, однако ширина тканей остается небольшой.

Хотя полученные на станках образцы текстиля с перевитой основой и имеют сходство с «овально-ячеистыми» отпечатками, в то же время между ними наблюдаются и различия. Во-первых, в тканях элементы располагаются по системе ромба или прямоугольника, что вообще является характерным признаком для ткацкого текстиля, а в отпечатках же по правилу параллелограмма. Во-вторых, в тканях форма элементов овально-заостренная, а в отпечатках — овально-округлая. Несоответствие отпечатков образцам тканей подтверждается еще и тем, что в первых даже с разреженными рядами элементов не прослеживается уток. Кроме того, как выяснилось в процессе экспериментальных исследований, строение полуткацкого текстиля не позволяет получить ткани с другими видами «овально-ячеистой» фактуры и тем более с фактурами других типов. Следовательно, хотя текстиль с перевитой основой и был известен с глубокой древности, его отпечатки на керамике Селецкого городища не прослеживаются. По-видимому, на керамике городища наблюдаются отпечатки безуточного текстиля, строение которого обусловливается не переплетением, а перевиванием между собой нитей. Этому предположению могут отвечать две системы строения текстиля. В первой системе каждая нить одного ряда поочередно перевивается со смежными в половину, полтора, два с половиной и более оборотов (рис. 1: I*а*, IV *г—з*). Во второй системе перевиваются два расположенных под углом друг к другу ряда нитей в один, два, три и более оборотов. Однако в плетении возможны комбинации обеих систем строения текстиля.

Простейшим текстилем первой системы строения является плетеная в полоборота безузловая сетка (рис. 1, I*а*). Моделирование ручного плетения этого текстиля позволило получить образцы с признаками всех видов «овально-ячеистой» фактуры, причем нормальному текстилю был присущ первый вид фактуры, поперечно-растянутому — второй, текстилю с ошибками в направлении и очередности перевивания нитей — третий

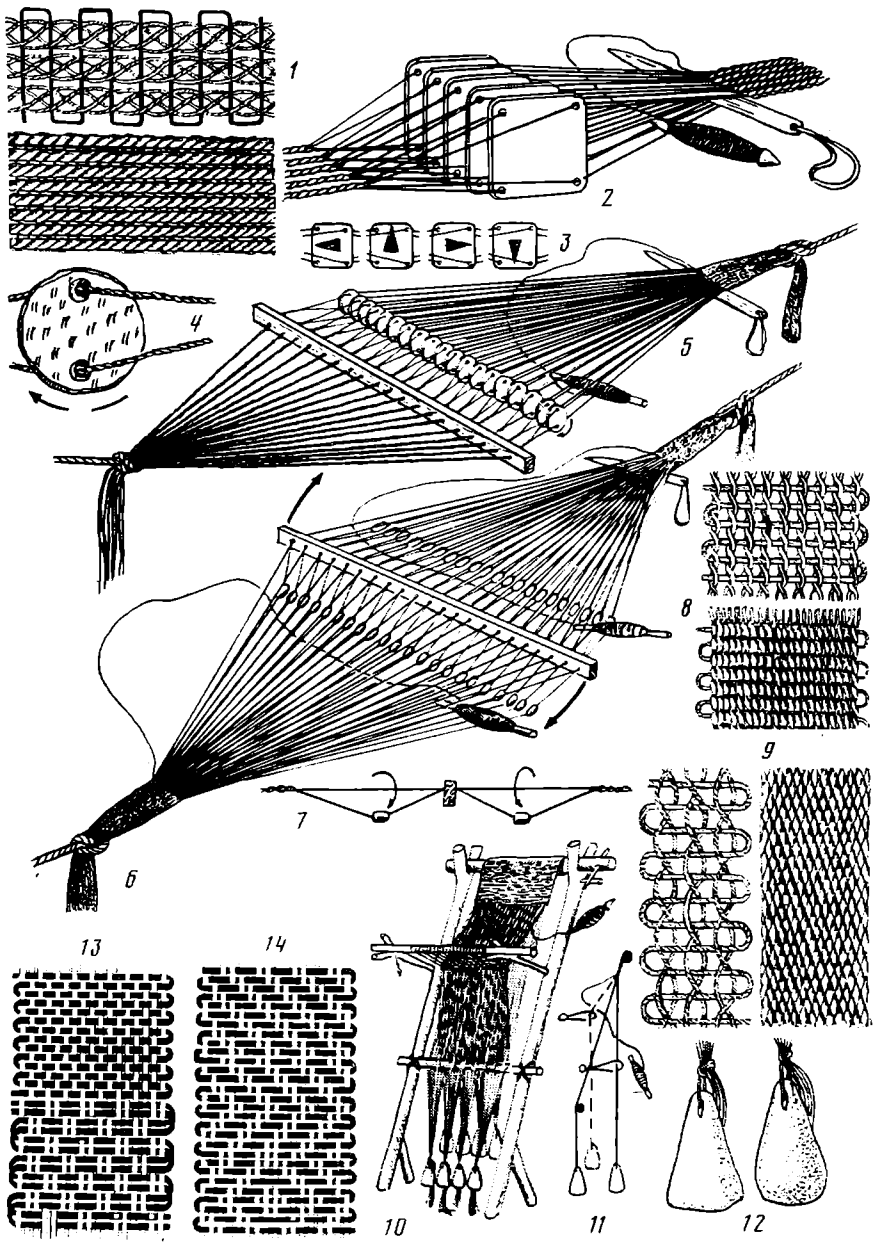


Рис. 4. Строение полуткацкого и ткацкого текстиля, реконструкции устройств для его выработки. *1* — строение ткани, сотканной на дощечках; *2* — процесс ткачества на дощечках; *3* — схема вращения дощечек; *4* — перевивание нитей основы с помощью кружочков с двумя отверстиями; *5* — станок с керамическими кружочками; *6* — станок с автоматическим перевиванием нитей на грузиках; *7* — схема работы станка с автоматическим перевиванием нитей; *8* — строение текстиля с синхронным перевиванием пар нитей; *9* — текстиль с поочередным перевиванием пар нитей; *10* — ткацкий станок вертикального типа; *11* — схема работы вертикального станка; *12* — реконструкция закрепления грузил в вертикальном станке; *13, 14* — ткацкий текстиль полотняного и саржевого переплетений

(рис. 1: I, *1—3*). Как выяснилось в процессе эксперимента, ручное плетение, особенно из тонких нитей, является малопроизводительным из-за сложности выявления очередности нитей в их общей массе. Более производительным явилось плетение из сложенных пополам и привязанных концами к планке нитей путем поочередного продевания друг через друга свисающих нитяных петель (рис. 3, *1*). При этом способе образуется два куска текстиля. Другой прием плетения представлен в реконструкции Бронхольма и Хальда способа плетения сеток для волос, происходящих из памятников эпохи бронзы Дании. Способ этот заключается в перевивании нитей с середины их ряда и фиксации перевивов с помощью вставляемых с обоих концов между нитями сменных палочек [25, авв. 65—68] (рис. 3, *3*). Хотя при этом образуется одновременно на концах устройства два куска текстиля, производительность выработки низкая из-за периодической смены палочек. Более целесообразным является перевивание с помощью вставляемых между парами нитей коротких палочек, однако смена палочек ограничивает скорость выработки (рис. 3, *4*).

Этого недостатка лишены палочки с отверстием посередине, надетые на каждую вторую нить. На концах палочки имеют выемки для захвата смежных нитей и перевивания их с основными нитями путем их поворота на 180°. Более совершенными по сравнению с палочками являются диски с центральным отверстием и зубцами для захвата смежных нитей. Для того чтобы диски не разворачивались во время работы, они должны иметь необходимую толщину или втулку.

Всеми этими качествами обладают грузики «дьякова» типа, древнейшие из которых дискообразные, а более поздние имеют втулку. Грузики «дьякова» типа являются одной из самых многочисленных после керамики и не менее загадочной категорией находок. Они встречаются нередко скоплениями, чаще всего в жилищах, особенно у стен, столбов и в углах. Преобладающая часть грузиков имеет форму зубчатой шестерни со втулкой, реже встречаются дискообразные и еще реже с несколькими дисками. Систематизации и хронологии грузиков посвящена специальная публикация, основные положения которой находят подтверждение в изучении коллекции грузиков Селецкого городища [26, с. 80—96].

Около трети грузиков украшено точечным или прочерченным орнаментом. На одиночных экземплярах встречаются стилизованные изображения людей, животных или предметов. На основании этих изображений было высказано предположение о ритуальном назначении грузиков [27, с. 45]. Однако разделить эту точку зрения не позволяют по крайней мере два обстоятельства: крайне редкая встречаемость грузиков с сюжетными изображениями и наличие тех же орнаментальных мотивов на керамике. Кроме того, в этом случае непонятна роль зубцов на краях дисков грузиков, которые, по-видимому, не следует считать орнаментом, так как они имеются у всех грузиков, независимо от их формы, наличия орнамента, материала. В то же время орнаментацию грузиков можно рассматривать в качестве знаков собственности, наподобие отпечатков бородок ключей на античных грузилах от вертикальных ткацких станков и значков на пряслицах [28]. Не исключено, что орнаментация могла служить в качестве меток для обозначения комплектов грузиков одного размера или весовой категории, а также для выделения определенных нитей в ткацких устройствах.

Основанием для ранее высказывавшегося предположения о возможности использования грузиков для натяжения нитей в вертикальном ткацком станке послужили следы потертостей от нитей на краях отверстий грузиков [29, с. 186; 30, с. 240]. Действительно, примерно треть находимых грузиков имеет потертости от нитей толщиной 0,2—0,8 мм. Наиболее глубокие борозды от нитей наблюдаются со стороны дисков. Особенно глубокие следы (до 1,5 мм), свидетельствующие о длительном трении нити, наблюдаются с плоской стороны древних дискообразных

роговых грузиков (рис. 3, *9*), у которых следы нитей нередко прослеживаются также и между зубцами. Эти грузики имеют диаметр 45—80 мм, высоту 15—20 мм, зубцы у них мелкие и располагаются чаще всего четырьмя—семью группами по два—четыре зубца в каждой. Глиняные грузики со втулкой имеют диаметр 30—70 мм, зубцы у них крупные и чаще всего располагаются без интервалов. У грузиков с несколько смещенным относительно центра отверстием бо́розды от нитей располагаются не радиально, а направлены в сторону смещения отверстия. Такое расположение бороздок здесь может образоваться, если грузик подвешивался на горизонтально натянутой нити.

Вероятность использования грузиков «дьякова» типа в качестве грузил для станка вертикального типа может быть рассмотрена при их сопоставлении со связываемыми с этим станком грузилами, которые представляют собой глиняные конусы или пирамиды с высотой, почти в два раза превышающей ширину. У вершины грузил есть горизонтальное отверстие для прикрепления их с помощью петель из толстых нитей к группам нитей основы (рис. 4, *10—12*). Вертикально вытянутая форма грузил обусловливается необходимостью разместить достаточное их количество в пределах ткацкого станка, в то же время они должны иметь вес, достаточный для натяжения нитей основы. Расположение отверстий на верхнем конце грузил связано со способом их закрепления и обеспечения их вертикального положения во время работы. Грузики же «дьякова» типа не отвечают этим требованиям: их диаметр больше высоты, а вертикально расположенное отверстие не позволяет их подвешивать в соответствии с формой. Кроме того, в вертикальном станке зубцы грузиков цеплялись бы за нити и мешали его работе. Путем подвешивания грузиков на нити и ее совпадаемости со следами потертостей удалось установить, что грузики подвешивались на горизонтально натянутой с небольшим провисом нити.

Следы длительного трения нити, неестественное для формы «рабочее» положение грузиков не позволяют считать их грузилами от вертикального ткацкого станка, тем более что и на Селецком городище, и на других памятниках с находками грузиков отпечатки текстиля с ткацким переплетением не обнаружены. Характер потертостей от нитей и положение грузиков находят объяснение, если рассматривать их в качестве приспособлений в устройствах для выработки сетчатого текстиля. В этом случае становятся понятными особенности формы грузиков, расположение отверстия и назначение зубцов на краях их дисков. Как было выяснено экспериментальным путем, только предметы, обладающие всеми качествами грузиков, позволяют получать сетчатый текстиль усложненного строения. Предположение о применении грузиков в довольно сложных устройствах высказано О. Н. Бадером [4, с. 104].

Подтверждением этой точки зрения явилось создание на грузиках «дьякова» типа станков двух вариантов для выработки простого и усложненного сетчатого текстиля и получение его образцов. Реконструкция станков была обусловлена строением текстиля и принципом работы грузиков, для чего грузики должны иметь определенную степень свободы, чтобы захватывать и перевивать смежные нити с основными и в то же время сохранять по отношению к смежным нитям постоянное положение (рис. 3, *7*, *8*).

В станке первого варианта горизонтально натянутые нити своей серединой накладываются на поперечную планку с пазами для равномерного распределения нитей, на каждую вторую из которых надеты грузики, располагающиеся через один по обе стороны планки (рис. 3, *10*). Работа на станке осуществляется путем поочередного захвата зубцами и перевивания смежных нитей грузиками то одного, то другого ряда, вследствие чего на обоих концах станка одновременно образуется по куску текстиля. На подобном станке можно получать текстиль шириной

до 20 см. Для выработки усложненного сетчатого текстиля между зубцами грузиков натягиваются дополнительные нити, которые перевивают ячейки безузловой сетки. Протягивая различное количество нитей между зубцами грузиков, используя комбинации в направлении и очередности вращения грузиков, удалось получить на станке образцы сетчатого текстиля с различной сложностью строения и разнообразной фактурой, часть которых нашла аналогии в слепках с керамики.

В станке второго варианта вместо поперечной планки используется обруч, который равномерно облегают со всех сторон натянутые с помощью веревочных петель за концы нити. Перевивание нитей производится как и в первом станке, однако сам станок при этом поворачивается вокруг оси, благодаря чему образуется текстиль в виде цельнотканевых рукавов (рис. 3, *11*). Для выработки полотнищ один из грузиков в перевивании не участвует. Этот станок оказался более удобным в работе, он в три раза меньше по размерам и не требует специальных устройств для установки. Судя по отпечаткам на сосудах цельнотканевых мешочков, на Селецком городище, по-видимому, применялся станок второго варианта.

Описанные станки позволили получить текстиль только с «овальноячеистой» и «рябчатой» фактурами, отпечатки которого широко распространены на керамике Селецкого и других городищ дьяковской культуры. Однако обнаруженные в нижних слоях городища отпечатки со «стежковой» и «жгутовой» фактурами, по-видимому, принадлежат текстилю иного строения. В отпечатках со «стежковой» фактурой под рядами «стежков» прослеживаются поперечные нити, не являющиеся уточными, которые перевиваются с нитями «стежков». Эти признаки свойственны текстилю второй системы строения. Выработка в древности текстиля подобного строения находит подтверждение в образце ткани из кургана срубного времени у с. Засечье под Старой Рязанью (рис. 3, *2*). В этой ткани ряд двойных нитей толщиной 0,2 мм перевивается в один оборот с поперечными со сменой направления перевивания через каждые три ряда [1].

Путем моделирования на этом принципе ручного плетения текстиля удалось получить образцы, схожие по фактуре со «стежковыми» отпечатками. В процессе эксперимента выяснилось, что наиболее рациональным является плетение в одном направлении по кругу, так как в других случаях вместо перевивания нити приходится протаскивать через образующиеся ячейки. Строение текстиля со «жгутовой» фактурой, судя по отпечаткам, скорее всего обусловливается перевиванием в один оборот рядов нитей, расположенных под острым углом, причем в этом случае плетение возможно вести только по кругу. Плетение по кругу в виде отпечатков цельнотканевых мешочков прослеживается и на сосудах со «стежковой» и «жгутовой» фактурами, на которых отпечатки полотнищ не обнаружены. Вероятно, с ручным способом выработки, с характерными для него ошибками в направлении и очередности перевивания нитей связано разнообразие видов и разновидностей «стежковой» фактуры.

В целом большое разнообразие текстильных отпечатков всех типов, подтипов, видов и разновидностей, по-видимому, объясняется не только различиями в строении текстиля, но также толщиной и круткой нитей, различным натяжением определенных нитей системы в станке, применением как одиночных нитей, так и их групп, плотностью ткани и растяжением в различных направлениях при наложении ее на сырой сосуд.

Описанные различия в строении и способах выработки текстиля прослеживаются на керамике с текстильными отпечатками из Селецкого городища, стратиграфическое положение которой известно (рис. 5).

---

[1] Раскопки кургана произведены сотрудником Рязанского музея-заповедника В. П. Челяповым, определение строения текстиля — автором.

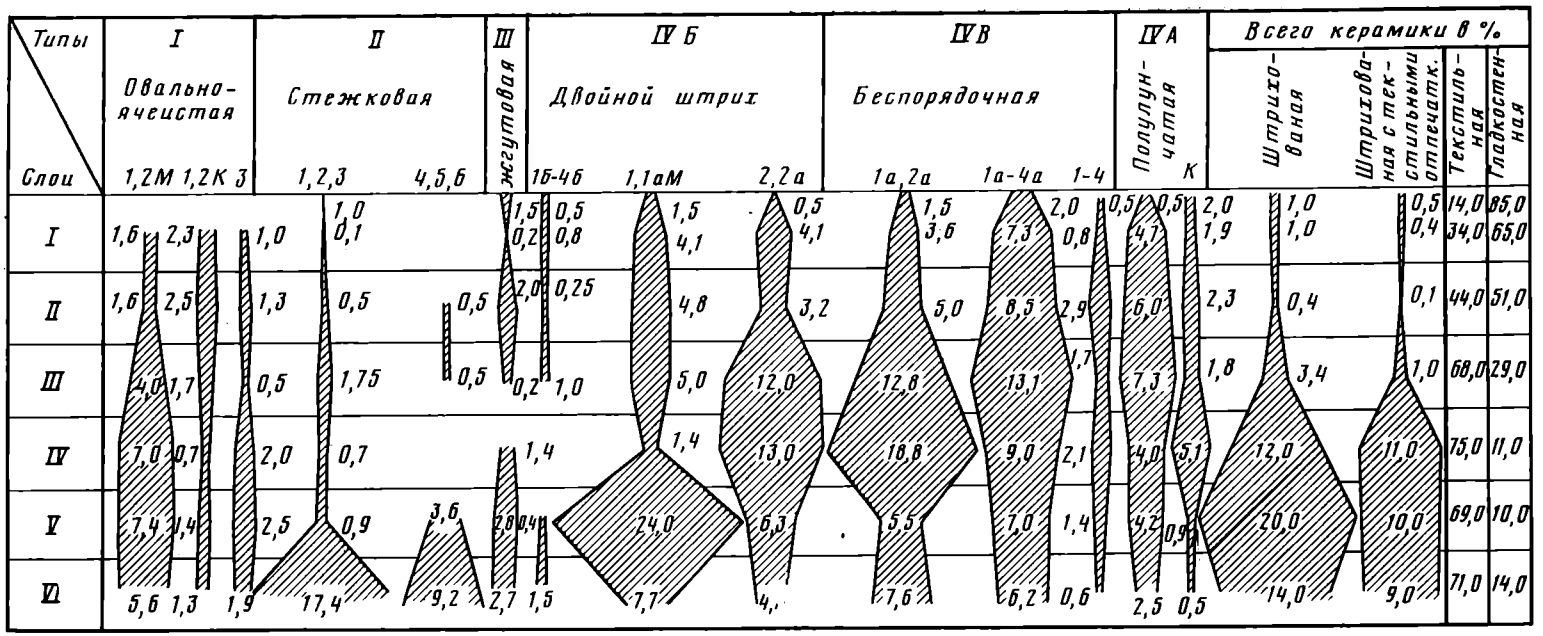


Рис. 5. Соотношение количества керамики с фактурами различных типов в культурном слое Селецкого городища (на таблице: *М* — мелкая фактура, *К* — крупная фактура)

Более трети всей керамики шестого (нижнего) слоя имеет «стежковую» и «жгутовую» фактуры, остальная часть керамики, происходящая в основном из верхней части слоя, имеет отпечатки текстиля с мелкой «правильной» фактурой «двойной штрих», «беспорядочной» и «овально-ячеистой». В вышележащем, пятом слое резко сокращается количество отпечатков со «стежковой» и несколько возрастает со «жгутовой» фактурами; достигает своего максимума количество отпечатков с мелкой «овально-ячеистой» фактурой и особенно с мелкой фактурой «двойной штрих», покрытой вертикальными расчесами гребенчатого штампа. В четвертом слое наблюдается почти полное исчезновение керамики со «стежковой» фактурой и вдвое убывает количество керамики со «жгутовой» фактурой. В то же время в слое наблюдается возрастание числа керамики менее «правильной» средней и крупной фактуры «двойной штрих», преимущественно второго и третьего видов. Эти отпечатки нередко покрыты расчесами гребенчатого штампа. Так же возрастает количество с «беспорядочной» и убывает количество керамики с «овально-ячеистой» фактурами. Достигает своего максимума, хотя и не преобладает, керамика с крупной «полулунчатой» фактурой.

В третьем слое значительно возрастает количество керамики с «беспорядочной» фактурой и «полулунчатой», незначительно возрастает число отпечатков с крупной фактурой «овально-ячеистой». Во втором слое соотношение типов фактур несколько выравнивается, что связано, по-видимому, с перемещением части культурного слоя с возвышенной части городища к краям на позднем этапе его существования. В верхнем (первом) слое 85% керамического материала представлено поздней гладкостенной и лощеной керамикой.

Стратиграфия текстильных отпечатков Селецкого городища позволяет в общих чертах наметить хронологические рамки выработки различного текстиля. Древнейшим следует считать текстиль второй системы строения со «стежковой» фактурой, плетенный вручную. Датировка этого текстиля пока затруднительна, в то же время керамика со «стежковой» и «жгутовой» фактурами резко отличается от остального керамического комплекса с «рябчатой» фактурой формой сосудов, отсутствием в глиняном тесте дресвы и орнаментом в виде отпечатков наклонной палочки, кольцевых вдавлений или мелких небрежных розеток. Подобная керамика обнаружена на клементовской стоянке (Средняя Ока) во втором слое с ранней сетчатой керамикой и кремневым инвентарем и датируется началом I тысячелетия до н. э. [31, с. 151]. Отсутствие в слое с этой керамикой на Селецком городище кремневого инвентаря дает основание полагать, что этот тип текстиля на городище появился не ранее VIII—VII вв. до н. э., причем текстиль со «жгутовой» фактурой был распространен несколько позднее.

На смену текстилю, выработанному из двух систем нитей, появляется сетчатый текстиль с «рябчатой» фактурой. Древнейшим для Селецкого городища следует считать текстиль с мелкой фактурой «двойной штрих» и «овально-ячеистой». Текстильные отпечатки в этот период покрываются вертикальными расчесами гребенчатого штампа. Оттисками гребенчатого штампа орнаментированы сосуды с отпечатками текстиля с фактурой «двойной штрих» и расчесами. Подобная керамика широко встречается в древних слоях городищ Верхнего Поволжья, Западной Двины и Ловати, а также обнаружена в нижнем слое Подмосковного Щербинского городища [18, с. 143; 32, рис. 8, *16*; 20, с. 189]. Эта керамика датируется VII—VI вв. до н. э.

В середине I тысячелетия до н. э. получает широкое распространение текстиль с крупноячеистой фактурой и элементами подпрямоугольной, подтреугольной и полулунчатой формы, изготовленный не из одиночных нитей, а их пучков. Этот текстиль датируется находками роговых рукоятей ножей с грибовидными навершиями, костяных одношипных и пла-

мевидных наконечников стрел. С III—II вв. до н. э. начинает преобладать текстиль с «беспорядочной» и «полулунчатой» фактурами, изготовленный из одиночных нитей или их тонких пучков.

Позднейший период сетчатого текстиля прослеживается недостаточно четко. В это время широкое распространение получает текстиль с «полулунчатой» фактурой, однако с нечеткой формой и порядком расположения элементов, что послужило признаком для выделения этой фактуры под названием «крапчатой». В отпечатках с «крапчатой» фактурой наблюдается неплотный эластичный текстиль, фактура которого резко изменяется от растяжений в различных направлениях. Этот текстиль имеет сложное строение и изготовлен из тонких нитей (рис. 2, *2*). Судя по слабым следам сетчатого текстиля на гладкостенной керамике, текстиль применялся при изготовлении сосудов значительно дольше, чем это кажется на первый взгляд, однако текстильная фактура перед обжигом заглаживалась или замывалась. Вероятно, применение сетчатого текстиля при изготовлении керамики прекратилось около середины I тысячелетия н. э.

Таким образом, текстильная фактура является следствием особой, по-видимому, восходящей к глубокой древности технологии изготовления керамики. Керамика с текстильными оттисками является уникальным памятником, отражающим развитие текстильного производства доткацкого периода, сохранявшегося в условиях лесной полосы Восточной Европы до середины I тысячелетия н. э. Строение сетчатого текстиля, вероятно, было известно еще в неолитическое время, однако его широкое производство, и тем более для технологических целей, стало возможным только с появлением достаточного количества нетрудоемкого в обработке волокна — шерсти. Известно, что только шерсть овцы из-за особенности ее строения позволяет изготавливать нити, выдерживающие натяжение в ткацких устройствах. Поэтому широкое производство текстиля скорее всего следует связывать с появлением на территории лесной полосы животноводства, и особенно с появлением овцы, кости которой встречаются в могильниках племен фатьяновской культуры [33, с. 138].

В этот период достигла совершенства техника прядения. Судя по текстильным отпечаткам на керамике, широкое производство технологического текстиля для изготовления сосудов наблюдается уже в третьей четверти II тысячелетия до н. э. В это время применялись уже все системы строения сетчатого текстиля. Керамика этого периода имеет очень мелкую «правильную» фактуру, чаще всего «полулунчатую» или «двойной штрих», являющуюся отпечатками текстиля, изготовленного из одиночных очень тонких нитей, толщиной 0,06—0,3 мм.

К рубежу II—I тысячелетия до н. э. в текстильных отпечатках прослеживается выработка текстиля не из одиночных нитей, а из более толстых пучков, вследствие чего текстиль приобретает крупную, более грубую фактуру. Применение пучков тонких нитей вместо более толстых одиночных нитей, по-видимому, связано с тем, что строение сетчатого текстиля не позволяет выработать достаточно мягкий и плотный текстиль из толстых нитей, и поэтому для повышения производительности выработки применялись вместо одиночных нитей их пучки. Как выяснилось в процессе экспериментов, для выработки сетчатого текстиля из-за большого трения нитей при уплотнении текстиля требуются тонкие, прочные, однородные по толщине нити.

Отсутствие на памятниках эпохи бронзы — раннего железа Волго-Окского междуречья находок текстиля с ткацким переплетением и его отпечатков, а также грузил от вертикального ткацкого станка и в тоже время наличие большего числа отпечатков плетеного текстиля дают основание полагать, что ткацкий станок здесь не был известен в течение длительного времени. Это предположение подтверждается находками текстиля из курганов срубного времени под Старой Рязанью у с. Засечье.

Описанный выше образец из кургана 1 плетен вручную, другой — из кургана 3 — хотя и имеет переплетение нитей «крест-накрест», однако имеет признаки плетения вручную (путаница в нитях, неравномерное их натяжение в каждом перекрытии). На основании находок тканей полотняного и саржевого переплетений в финских могильниках на Средней Оке, появление ткацкого станка, вероятнее всего горизонтального типа, следует отнести к середине — второй половине I тысячелетия н. э. [34, с. 128]. К этому времени исчезают отпечатки плетеного текстиля на керамике. Такая резкая смена способов выработки текстиля не могла произойти без сильного культурного воздействия других, по-видимому западных, племен. Ткачество в отличие от других видов домашних производств значительно дольше сохраняет традиционные черты, а в условиях относительной изолированности рассматриваемого региона от технически развитых южных и западных областей древние способы выработки текстиля сохранялись в течение длительного времени.

Сохранение древних способов выработки текстиля может также объясняться большой ролью кож и мехов при изготовлении одежды. Однако основной причиной сохранения древних приемов текстильного производства следует, по-видимому, считать сравнительно позднее развитие животноводства.

Таким образом, текстильная фактура является многогранным источником для изучения древней истории племен лесной полосы Восточной Европы, дальнейшее изучение которого по регионам и во времени позволит не только более полно изучить долгий путь к созданию ткацкого станка, но и более полно представить жизнь древних племен лесной полосы Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 21.
2. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1941, № 5.
3. *Третьяков П. Н.* Древние городища Верхнего Поволжья.— СА, 1947, IX.
4. *Бадер О. Н.* Древние городища на Верхней Волге.— МИА, 1950, № 13.
5. *Брюсов А. Я.* Сетчатая керамика.— СА, 1950, XIV.
6. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28.
7. *Семенов С. А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды.— КСИИМК, 1955, № 57.
8. *Лозе И.* Поздний неолит и ранняя бронза Восточной Латвии. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1972.
9. *Фоломеев Б. А.* Тюков городок.— СА, 1975, № 1.
10. *Никитин А. Л.* Дикариха.— МИА, 1963, № 110.
11. *Трубникова Н. В.* О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ.— КСИИМК, 1962, № 47.
12. *Трубникова Н. В.* Городище Соколова гора под Москвой.— Тр. ГИМ, 1960, № 37.
13. *Артюзов Н. К.* К вопросу о так называемой рогожской керамике.— Тр. Нижне-Волжского научного общества краеведения. 1926, № 5, ч. 1.
14. *Фосс М. Е.* Новые данные о памятниках галической культуры.— КСИИМК, 1947, XVII.
15. *Фосс М. Е.* Итоги Галической экспедиции.— КСИИМК, 1949, XXVII.
16. *Успенская А. В.* Успенское городище.— КСИИМК, 1957, № 68.
17. *Краснов Ю. А., Краснов Н. А.* Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки.— СА, 1963, № 1.
18. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.— МИА, 1963, № 110.
19. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— Тр. Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962, т. 2.
20. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
21. *Городцов В. А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года.— ТМАО, 1910, т. 17.
22. *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей.— МИА, 1947, № 7.
23. *Чернай И. Л.* Отчеты об археологических раскопках Селецкого городища в Раменском районе Московской области в 1975—1976 гг. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6238.

24. *Лебедева Н. И.* Народный быт в верховьях Оки и Десны. Ч. I. Народный костюм, прядение, ткачество. М., 1927.
25. *La Baume W.* Die Entwicklung des Textilhandwerks in Alteuropa. Bonn, 1955.
26. *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова» типа с Троицкого городища.— МИА, 1971, № 184.
27. *Смирнов К. А.* К вопросу о назначении грузиков «дьякова» типа.— СА, 1961, № 3.
28. *Гайдукевич Г. Ф.* К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях.— МИА, 1954, № 25.
29. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
30. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
31. *Третьяков П. Н.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья.— ИГАИМК, 1935, вып. 106.
32. *Станкевич Я. В.* Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 76.
33. *Крайнов Д. А.* Древняя история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
34. *Ефимова Л. Е.* Ткани из финно-угорских могильников I тысячелетия н. э.— КСИА АН СССР, 1966, № 107.

I. L. Chernai

TEXTILE PRODUCTION AMONG THE DYAKOVO CULTURE TRIBES

(on the materials of the Seletskoye settlement)

Summary

The author bases his article on the examination of pottery bearing traces of textile texture found in the Seletskoye settlement near Moscow along with other objects connected with weaving. The author identified the three different textures that have no modern analogies shown in Figs. 4, 1, 8, 9; 3, 2 and 1, 1a. Using these traces as a key, the author deviced experimental equipment and made samples of the textiles. Those of the first type were made on a machine composed of ceramic circles with two holes in each of them which can be found in monuments with early netted pottery. The textile of the second type were manually twined; the third were made on a machine equipped with Dyakovo-type weights (Figs. 4, 5, 6, 7; 3, 1, 10, 11). The fabric of the first type date from the Neolithic to the Bronze Age; the second type—from the Bronze Age to the early Iron Age; the third type is typical of the pottery of Seletskoye and other settlements in the region between the Oka and the Volga. This classification suggests a chronological scheme of textile production. The absence of traces of woven fabrics indicates that twining was the only technique employed here, and the loom appeared not earlier than in the mid-1st millennium A. D. which in supported by the textiles from the Finno-Ugrian burials near Ryazan.

ГОЛУБЕВА Л. А.

КОНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ VIII—XI ВВ.

Захоронения коней широко известны у западных и восточных соседей славян в I — начале II тысячелетия н. э. Для древних славян обряд захоронения коней нехарактерен. Однако там, где славяне соприкасались с балтскими или финскими племенами, среди погребальных памятников славянского (или смешанного славяно-балтского и славяно-финского) населения конские погребения известны [1].

На территории восточнее оз. Ильмень выделяется четыре района, где исследованы курганы с конскими захоронениями [2]: I — Восточная часть Новгородской и Калининская области; II — Ярославская область; III — Юго-Восточное Приладожье; IV — Владимирская область.

На рассматриваемой территории выделяется семь типов конских погребений. Некоторые типы погребений сосуществуют в VIII—X вв. Другие появляются или получают широкое распространение только в X—XI вв. В каждом районе наблюдается различное соотношение типов конских захоронений, обусловленное этническими и социальными факторами (см. табл. 1).

Первый тип. Трупосожжение человека и коня (104 кургана). Представлен на всей рассматриваемой территории. Самые ранние (круглые и прямоугольные) курганы с захоронениями коней VIII—IX вв. исследованы по верхнему и среднему течению р. Мсты. В пределах Новгородской области это два кургана (оба под № 4) у дер. Гридино [3] [3, с. 39, 40] и Воймерицы (рис. 1) [4, с. 56]. В обоих курганах сожженные кости коней (в Воймерицах определены кости целого остова) лежали в отдельных ямках в нижних частях насыпей, а кальцинированные кости людей помещались выше.

В Гридине в лепном горшке, наполненном костями «мелкого животного» и прикрытом сверху опрокинутым горшком, лежали следующие вещи: нож и наконечник стрелы в виде расширяющейся к острию лопаточки («срезень без упора» по классификации А. Ф. Медведева). Рядом с горшком в груде костей найден фрагмент бронзовой бляшки со штампованным концентрическим орнаментом (возможно, от головного венчика). По-видимому, здесь имело место захоронение мужчины, женщины и коня. В насыпи Воймерицкого кургана кальцинированные человеческие кости лежали четырьмя кучками. Сохранившиеся вещи (перстень спиральный, обгоревшие бусы из сердолика, фрагмент такой же, как в Гридине, бронзовой бляшки) относятся к женским украшениям. Вероятно, конь захоронен здесь с женщиной.

[1] В настоящей работе не рассматриваются немногочисленные конские погребения в сопках и длинных курганах, обзор которых дал В. В. Седов в книгах «Новгородские сопки» [1, с. 22, 23] и «Длинные курганы кривичей» [2, с. 25].

[2] Определение остеологического материала из курганов Калининского и Ярославского Поволжья выполнено в 1965—1977 гг. Е. Г. Андреевой.

[3] Эрмитаж, ОИПК, Секция Северо-Запада, колл. 687, № 26—29.

Таблица 1

Типы конских захоронений в курганах

	Район	Типы погребений							Всего курганов
		1	2	3	4	5	6	7	
I	Восточная часть Новгородской и Калининская области	33	2	1	1	1	1		39
II	Ярославская область	61		2			2		65
III	Юго-Восточное Приладожье	9			1				10
IV	Владимирская область	1			1	12	4	10	28
	Итого:	104	2	3	3	13	7	10	142

На территории Вышневолоцкого р-на Калининской обл. первый тип конских захоронений исследован в 17 курганах VIII—IX вв.[4] В семи случаях (Шихинская группа, курганы 1, 13, 16, 19, 25, 30; Березинская группа, кург. 10) кони захоронены в курганах — семейных усыпальницах, содержавших трупосожжения мужчин и женщин, или мужчин, женщин и детей. В двух курганах конь захоронен с мужчинами (Шихинская группа, кург. 26; Млевский бор. кург. 1). В двух случаях конь сопровождал погребения женщин (Млевский бор, кург. 5; Рыжаково, кург. 17), в трех — женщин с ребенком (Шихинская группа, курганы 24, 32; Млевский бор, кург. 23) и еще в двух — детей (Березино, кург. 4; Млевский бор, кург. 5). Кальцинированные кости человека, сожженного вместе с конем, в кург. 20 у дер. Пуйга по половому признаку не определены.

Сожжения совершались как на стороне, так и на месте захоронения. Обычно в курганах находят кости одной лошади, но в кургане 16 у дер. Шихино были сожжены два коня[5]. Положение кальцинированных костей коня в кургане самое разнообразное: на кострище, в насыпи, на горизонте; в двух случаях — в специальных ямах под кострищем; в горшке. В восьми случаях кости коня и человека перемешаны.

Предметов конской упряжи найдено очень мало (три пряжки, часть налобного украшения, несколько бляшек, возможно, украшавших уздечку), а снаряжения всадника не обнаружено совсем. В мужских погребениях найдены два наконечника стрел (срезень без упора — в кург. 25 и двушипный — в кург. 13).

Более поздние курганы с первым типом захоронений коней (IX—начало XI в.) представлены в Калининской обл. Березовецким могильником у оз. Селигер, исследованном А. В. Успенской (13 курганов)[6]. Трупосожжение происходило, как правило, на месте захоронения. Кости коней лежали главным образом на горизонте, иногда на кострище. В семи случаях они были перемешаны с человеческими; в остальных — лежали отдельной кучкой или были ссыпаны в горшок. В двух курганах (19, 20) конь сопровождал коллективные семейные захоронения (мужчин, женщин, детей), относящиеся к наиболее ранним (IX в.). В восьми курганах (2, 5, 10, 11, 20, 32, 33, 41, 108) конь погребен вместе с муж-

[4] Раскопано 273 кургана [5. с. 159, 160]. Автор использовал также отчеты М. В. Фехнер за 1965—1968 гг., хранящиеся в Архиве ИА АН СССР.

[5] По наблюдениям Е. Г. Андреевой, сжигались большей частью целые лошадиные туши [6, с. 189, 190].

[6] Раскопано 134 кургана (1979 г.) [7, с. 66; 8, с. 76; 9, с. 94; 10, с. 85; 11, с. 90, 91]. Автор использовал также отчеты, хранящиеся в Архиве ИА АН СССР.

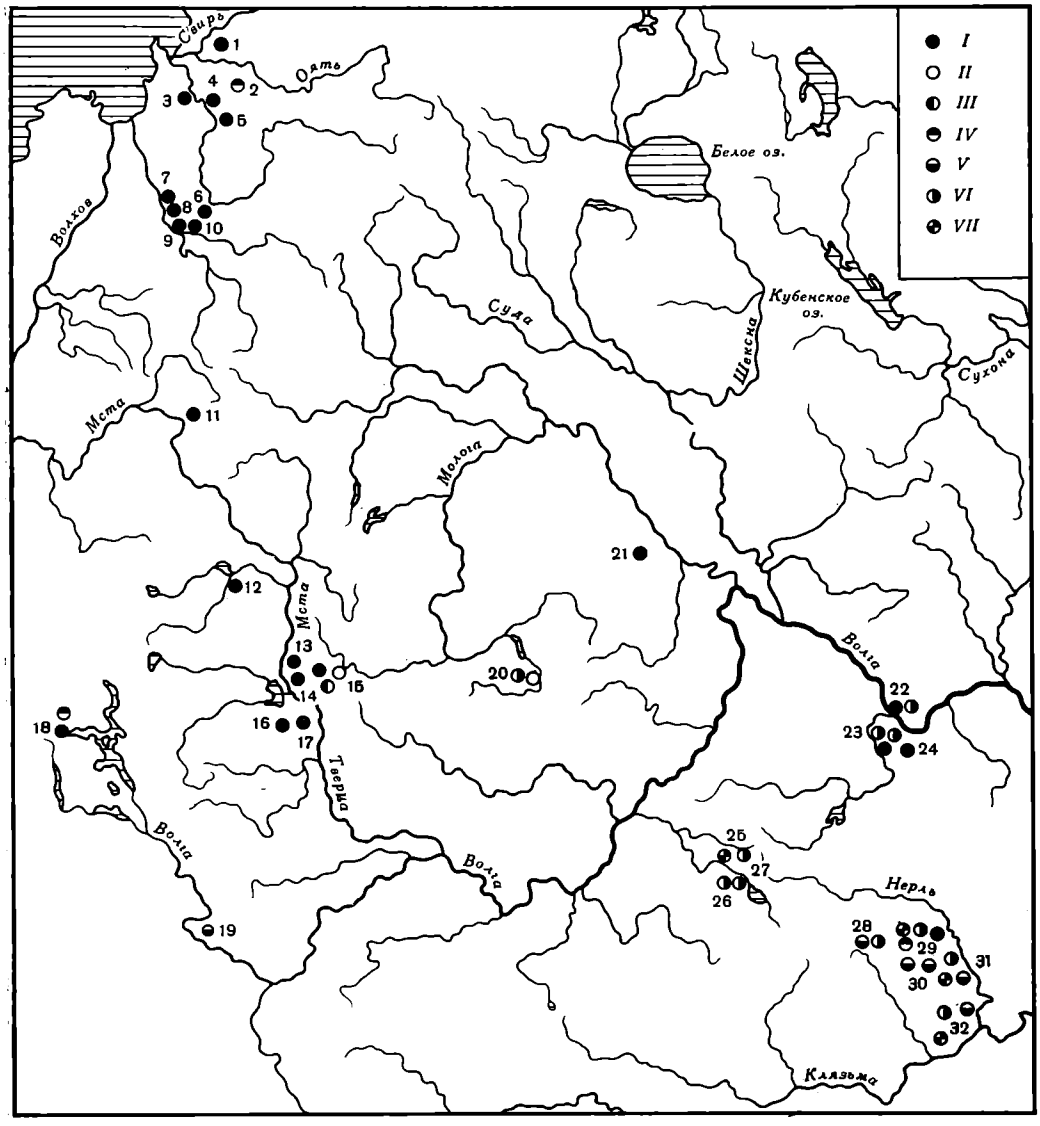


Рис. 1. Распространение типов конских погребений: I—VII. *1* — Горка-Никольская; *2* — Карлуха; *3* — Сязнита; *4* — Кручевицкий ручей; *5* — Вахрушева; *6* — Залющик; *7* — Городище; *8* — на р. Сясь; *9* — Чемихино; *10* — Овино; *11* — Воймерицы; *12* — Гридино; *13* — Рыжаково; *14* — Пуйга; *15* — Шихино; *16* — Березино; *17* — Млевский бор; *18* — Березовецкие курганы; *19* — Горки; *20* — Бежец; *21* — Залужье; *22* — Михайловское; *23* — Большое Тимерево; *24* — Петровское; *25* — Городище; *26* — Большая Брембола; *27* — Вески; *28* — Шелебово; *29* — Шокшево; *30* — Весь; *31* — Сельцо; *32* — Васильки

чиной. В мужских погребениях был только бытовой инвентарь. В кургане 108 найдены гирька и обломки чашечек от весов. Предметы конской сбруи, снаряжения всадника или оружие в этих курганах не обнаружены. В трех курганах (15, 17, 70) конь сопровождал погребения женщин.

Еще один курган первого типа X в. известен по раскопкам Д. Европеуса у дер. Залужье бывш. Весьегонского уезда. Курган содержал трупосожжения коня, воина и женщины со скандинавскими украшениями. Конь был взнуздан и оседлан. Погребение, очевидно, принадлежало дружиннику-скандинаву [12, с. 505, 506].

Во многих курганах Ярославского Поволжья и Юго-Восточного Приладожья, сразу под дерном или в верхней части насыпи обнаружены несожженные ножные кости лошади — одна или две. Мы не рассматри-

ваем их как следы конских захоронений: вероятнее всего, это остатки жертвоприношений или тризны, поскольку мясо коня употреблялось в пищу.

В курганах Ярославского Поволжья захоронения коней первого типа преобладают (61 курган) [7].

По наблюдению Е. Г. Андреевой, в ярославских курганах способ захоронения лошади отличался от вышневолоцких. Здесь нередко встречались кости только конечностей, грудной части или только череп, что предполагает сожжение отдельных больших частей туш. Андреева допускает, что могли сжигаться и целые туши, но прямых указаний на это нет.

Кальцинированные кости коня обычно оставлялись на кострище. В большинстве случаев они смешаны с костями человека. Иногда часть сожженных костей оставлялась на кострище, а другая захоранивалась в насыпи. В немногих случаях кальцинированные кости помещались в яму, вырытую под кострищем. В 14 курганах захоронение коня сопутствовало коллективным захоронениям мужчины и женщины, мужчины и ребенка [8]; в 13 — захоронениям, половую принадлежность которых не удалось определить [9]. В 21 кургане конь сопровождал мужские погребения [10]. Еще в двух, где кальцинированные кости не определялись (Михайловский могильник, погребения 10/1897 г. и 34/1898 г.), наличие конских захоронений предполагается по находкам удил и шпор, а также удил, стремян, железной рукояти плети. Судя по находкам оружия и чашечек от весов, два последних погребения принадлежали воинам-торговцам. В 13 курганах кони были захоронены вместе с женщинами [11]. Дата погребений — рубеж IX—X вв., начало XI в.

Конские погребения в курганах Юго-Восточного Поволжья немногочисленны. В письме к Д. Н. Анучину от 4 марта 1888 г. Н. Е. Бранденбург сообщал, что при раскопках приладожских курганов он не находил скелетов коней или их черепов. Лишь в пяти курганах с трупосожжениями, которые он относил к финским, были встречены отдельные кости коней (хвостовые позвонки, лопатки и пр.). Очевидно, здесь преобладало трупосожжение отдельных частей туши коня. По сводке С. И. Кочкуркиной, кости коней, как сожженные, так и несожженные, найдены в 15 курганах с трупосожжениями. Если не принимать во внимание курганы, где единичные несожженные кости лошади могли быть остатками тризны, то можно говорить лишь о десяти исследованных курганах с конскими захоронениями, девять из которых относятся к курганам первого типа. Это: Сязнига 61, Кручевицкий ручей 84, Вахрушева 116 (два погребения), Городище 124 [21, с. 114, 118, 129, 133]; Горка-Никольская 2, Залющик I [22]; на р. Сясь [23, с. 430]; Чемихино [24]; Овино 12 [25, с. 28].

Еще в восьми курганах с трупосожжениями найдены удила, стремена и украшения сбруи. Поскольку тщательный анализ кальцинирован-

---

[7] Погребальный обряд исследован в 742 курганах [13; 14, с. 92—95; 15, с. 67; 16, с. 75, 76; 17, с. 59, 60; 18, с. 72]. Автор использовал также отчеты М. В. Фехнер, хранящиеся в Архиве ИА АН СССР.

[8] Тимеревский могильник, курганы 54, 85, 134, 245, 259, 265, 266, 274, 277, 278, 302, 315; Михайловский могильник, курган 8/1898 г.; Петровский могильник, курган 73.

[9] Тимеревский могильник, курганы 72, 77, 79, 94, 117, 125, 223, 238, 254, 260, 283, 376, 384. Мы не учитываем курган 243, по которому нет данных о половом составе захороненных людей и типе захоронения коня.

[10] Тимеревский могильник, курганы 76, 130, 137, 144, 149, 153, 166, 171, 239, 241, 282, 304, 316, 332, 342, 365, 371, 383, 388; Михайловский могильник, курганы 5/1938; 38/1961.

[11] Тимеревский могильник курганы 70, 83, 97, 129, 169, 258, 300, 301; Михайловский могильник, курган 65/1961 г.; Петровский могильник, курганы 35, 54, 110, 118,

ных костей проводился не всегда, возможно, что в некоторых из этих курганов (Исаева, кург. 10, компл. 3; Галичино, кург. 3 и др.) были захоронения коней [26, с. 88].

Особенностью погребений первого типа в Приладожье являлись отдельно сложенные кальцинированные кости лошади. Они укладывались кучкой на кострище или в насыпи, а сверху накрывались предметами конского снаряжения. В числе последних были встречены удила — один раз; удила и бубенчики — четыре раза; удила и кольцевидная фибула — один раз. Во всех случаях рядом находились кальцинированные кости человека вместе с оружием. Очевидно, конь здесь сопровождал мужские погребения. В. А. Назаренко удалось проследить в раскопанном им кургане у дер. Овино (при впадении р. Тихвинки в р. Сясь) кальцинированные кости коня, покрытые удилами, лежавшие рядом с кальцинированными костями мужчины в восточной части насыпи, а в западной ее части находились кальцинированные кости женщины.

Курган 2 у дер. Горка Никольская содержал трупосожжения воина, коня и трупоположение воина, при котором находилась ременная сбруя, украшенная бляхами стиля Борре. В кургане Залющик I два коня были сожжены вместе с воином и тремя женщинами.

В редких случаях (например, в кург. 4 у дер. Чемихино) кости коня и человека перемешаны. В насыпи этого кургана найдены ременные, слегка обожженные вожжи длиной свыше 10 м. Дата погребений с конями в Приладожье — X — начало XI в.

Во владимирских курганах известно одно погребение первого типа. В кургане Шокшово 194 конь был сожжен вместе с воином и женщиной. Кальцинированные кости коня лежали на кострище. Конь был взнуздан (сохранились удила и остатки сбруи с пряжкой).

Второй тип. Отдельное погребение сожженного коня. Представлен в двух курганах Калининской обл. Курган 3 у дер. Шихино (VIII—IX вв.) содержал два конских трупосожжения. Кости одной особи большой грудой лежали в насыпи. Кости второй были помещены в вырытой в насыпи ямке и рядом с ней. Вещей в погребении не было; кони, очевидно, были без сбруи. Курган у погоста Бежец был раскопан Д. Европеусом. Сбруя коня богато украшена бляшками скандинавской работы стиля Борре. Дата — X в. [27, с. 376—387; 28, рис. 1—6].

Третий тип. Захоронения расчлененного конского остова вместе с трупосожжением человека. Обнаружен в трех курганах. В кургане Шихино 6 (VIII—IX вв.) расчлененный остов коня был зарыт в яме под кострищем, а на последнее ссыпаны кальцинированные кости девочки. Два кургана из Тимеревского могильника относятся к X в. В кургане 200, содержащем трупосожжения мужчины и девочки-подростка, расчлененные кости лошади, принадлежавшие одной особи, найдены на кострище и в специальной ямке в насыпи. В кургане 278 с трупосожжениями мужчины и женщины необожженный череп коня находился в юго-восточной части кострища, ориентированного на север — юг.

Четвертый тип. Захоронение коня (целый остов) вместе с трупосожжением человека. Известно три кургана. Два погребения, совершенно сходных по положению коня, были обнаружены в кург. 3 Березовецкой группы [29, с. 134—137] и кург. 17 у дер. Карлуха в Приладожье [30, с. 33, 34]. В обоих курганах остовы коней лежали в насыпи кургана головами на юг. На одном уровне со скелетами коней находились кальцинированные кости, в первом случае второго коня и женщины, во втором — воина и женщины с украшениями, типичными для веси.

Конь из Березовецкого кургана был без сбруи. У коня из Приладожья сохранились удила и части бляшек, украшавших уздечку. Он захоронен в восточном секторе кургана. Там же лежали копье, огниво с бронзовой рукоятью, остатки ножа. Дата обоих погребений — X —

начало XI в. Третье погребение обнаружено во Владимирских курганах (Шокшево 38). Конь был взнуздан. Кальцинированные кости мужчины помещались ниже конского остова.

Пятый тип. Захоронение коня (целый остов) в отдельном кургане. Представлен одним курганом в Калининской обл. и 12 — во Владимирской. Первое погребение, по сведениям П. Н. Шульца, было обнаружено в дореволюционное время в имении Горки бывш. Ржевского у., на левом берегу Волги. В соседних курганах найдены человеческие погребения по обряду ингумации с монетами Иоанна Цимисхия и Оттона и Адельгейды (X — начало XI в.) [31].

Погребения из владимирских курганов восстанавливаются предположительно по дневникам А. С. Уварова и его помощников К. Н. Тихонравова и П. С. Савельева, в которых говорится о «костяке лошади»; «конском остове» или указывается, что «курган наполнен лошадиными костями» [32; 33; 34]. Подробности о положении костяка в кургане отсутствуют. Известно лишь, что кони захоранивались в насыпи. В кургане Сельце 2 были погребены две лошади. В шести случаях кони были взнузданы; при двух конях найдены стремена, топор и наконечник копья [12]. Дата погребений — X—XI вв.

Шестой тип. Захоронения расчлененных конских остовов в одном кургане с трупоположениями людей. Известно семь курганов. Один раскопан А. А. Спицыным в курганной группе погоста Бежец Калининской обл. [35]. Расчлененные останки двух молодых коней (череп, позвонки, ребра, кости ног) находились в подкурганной яме. На материке захоронены мужчина и женщина головами на запад. У мужского скелета был нож, у женского — перстнеобразные височные кольца и шаровидный бубенчик. А. А. Спицын отнес погребение к славянским и датировал началом XI в., назвав его единственным в своем роде среди русских курганов.

Два погребения известны из ярославских курганов. Курган 100 Тимеревского могильника содержал погребение в могиле воина-торговца вместе с женщиной. У южного края могильной ямы лежали челюсти и кости ног двух коней. В кургане 34 Михайловского могильника погребение воина в насыпи кургана было ориентировано на юго-запад. Череп коня лежал у ног скелета. Дата погребений — X — начало XI в.

Во владимирских курганах погребения шестого типа выделены предположительно на основании замечаний А. С. Уварова о том, что кости коня в кургане «находятся в беспорядке». Таких погребений четыре [13]. Останки коней помещались в насыпи над захоронениями человека. В трех курганах были захоронения мужчин и женщин. Возле женских костяков найдены глиняные лапы и кольца; бронзовый конек-подвеска. В кургане Вески 36 конь захоронен с воином-купцом. При нем были наконечник копья, кинжал, чашечки от весов. Дата погребений — X—XI вв.

Седьмой тип захоронений, где конь (целый остов) погребен вместе с человеком по обряду ингумации, известен только по десяти курганам Владимирской обл. [14] Они содержали индивидуальные человеческие захоронения. В шести курганах конь захоронен с мужчинами, в одном — с женщиной; с трех пол человеческих захоронений не установлен.

---

[12] Весь 3; Васильки 129, 1538; Смердово 5, 6; Шелебово 154, 167, 232; Сельцо, 2; Шокшово 29, 35; Хохлов пруд 1.

[13] Большая Брембола 1538, Шокшево 179, Шелебово 239, Вески 36.

[14] Шокшево 38, 76, 140, 240; Городище 2937; Васильки 196; Сельцо 8; Смердово 1, 26. Мы не принимаем во внимание курган Яровщина I в Юго-Восточном Приладожье, содержавший в насыпи труп жеребенка. Возможно, что он не имел отношения к разрушенному погребению мужчины в этом кургане и был зарыт позднее.

Кони уложены в насыпи кургана. Их положение (на боку, на брюхе) и ориентировка неизвестны. В восьми случаях кони были взнузданы. Сохранились части уздечек, удила; в пяти случаях найдены стремена. В четырех случаях костяк человека помещался ниже конского остова; в трех — на том же уровне, справа. В одном случае известна ориентировка покойника — на северо-запад. Оружие: меч, наконечники стрел и копья было только в двух мужских погребениях; в двух других найдены топоры и ножи. В некоторых погребениях встречены только ножи, огниво, части пояса.

Конь в женском погребении (Шокшево 76) был также взнуздан. При нем были уздечка, удила, стремена и наконечник стрелы. Женщина захоронена в мерянском уборе: на плечах треугольные шумящие подвески, на груди бронзовая подвеска-конек. Тут же лежали дирхемы X в. В 18 других курганах Владимирской обл. найдены предметы конской сбруи. В двух таких курганах погребены женщины, в остальных — мужчины.

Устойчивость традиции конских захоронений на рассматриваемой территории и разнообразие типов погребений коней нуждаются в объяснении. Г. Ф. Соловьева утверждает, что конские погребения — признак социальный. Конь — спутник дружинника у ряда славянских, балтских и финно-угорских племен конца I тысячелетия н. э. [38, с. 128, 129]. В споре с Г. Ф. Соловьевой В. В. Седов, ссылаясь на исследование Ясканиса [39], указал, что ритуал погребения коней у балтов появился на рубеже нашей эры, т. е. задолго до выделения феодальных дружин [40, с. 77—80]. У финнов Поволжья конские погребения также известны с первой половины I тысячелетия н. э. Исследователи справедливо видят в них ритуальные захоронения, связанные с культом коня [41, с. 87, 88; 42, с. 172—180].

В самых ранних памятниках рассматриваемой территории — курганах VIII—IX вв.— также не заметно признаков выделения феодальных дружинников. Большое количество женских погребений с конем скорее указывает на общество свободных общинников, в котором традиция захоронений коней сложилась, видимо, под влиянием идеологических представлений. Данный регион пограничен с балтским гидронимическим и археологическим ареалом, но входит в зону прибалтийско-финской гидронимии. Местные археологические культуры I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э. исследователи связывают с предками прибалтийско-финских племен [36, с. 9—16, рис. 1—3]. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. здесь не изучены.

С какой же этнической погребальной традицией — балтской или финской — можно связать конские погребения данной территории? Следует отметить, что сходные рассмотренным типы конских погребений в разное время и в различной степени имели распространение как у балтов, так и у финно-угров. Некоторые черты погребального обряда с трупосожжением, например обычай покрывать перевернутым сосудом кальцинированные кости или меньшую урну с костями, также известны как балтам, так и финно-уграм [37, с. 46—52]. Несмотря на имеющееся сходство, погребальные обряды этих народов отличаются многими своеобразными чертами. Так, конь у балтов сопровождал погребения мужчин, как воинов, так и рядовых земледельцев. Это известно у западных балтов и с достоверностью выявлено у восточнобалтийских (летто-литовских) племен [41, с. 226; 42, с. 68; 43, с. 211—222; 44, с. 137] [15].

---

[15] Полевые исследования 1960—1978 гг. в Литве, которыми вскрыты сотни конских захоронений, подтверждают этот вывод. По словам В. А. Ушинскаса, выступавшего с докладом «Курганные могильники Литвы» на второй научной сессии «Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья» (Ленинград, март 1979 г.), случаи захоронения коня с женщиной не известны.

В то же время устойчивая традиция женских захоронений с конем известна у волжских финнов с VI в. Исследователи вышневолоцких курганов VIII—IX вв. предполагают, что последние оставлены финно-угорским населением. Действительно, ряд признаков позволяет говорить о финских погребальных традициях: расположение самих курганов цепью (как у приладожской или белозерской веси), меридиональная ориентировка части кострищ. Вышневолоцкие и новгородские курганы сближает наличие ножей финского типа с прямой спинкой без уступа, а также наконечников стрел в виде расширяющейся к острию лопаточки («стержень без упора» по классификации А. Ф. Медведева, специфически финский тип). Спиральный перстень из Гридина также относится к числу финских украшений. Наличие когтей и резцов медведя в вышневолоцких курганах также свидетельствует о финских чертах погребального ритуала.

Захоронения коней в бассейнах Мсты, Верхней Волги и Мологи совершались на протяжении более двух столетий. С исчезновением обряда трупосожжения они сходят на нет. В X в. славянский этнос в данном регионе решительно преобладал, но финские погребальные традиции еще сохранялись, что заметно по Березовецким курганам: расположение древнейших курганов могильника на некотором расстоянии друг от друга, меридиональная ориентировка ряда кострищ, женские погребения с конем, захоронения коня головой на юг [16].

Со временем обряд захоронения коней приобрел и новый социальный оттенок. По сравнению с вышневолоцкими в березовецких курганах X в. погребения коней вместе с женщинами и в семейных курганах немногочисленны, а захоронения с мужчинами преобладают. Отметим, что эти погребения без оружия.

В курганах Ярославского Поволжья конь также встречается чаще всего в погребениях мужчин или в парных захоронениях (мужчины, женщины). Из 35 таких погребений в 10 найдены наконечники стрел (от одного до восьми в погребении); в трех других — топорик, наконечник ножен меча, обрывок кольчуги. В пяти курганах с оружием найдены гирьки для малых взвешиваний; еще в 10 — гирьки, чашечки и коромысло от складных весов. Совершенно очевидно, что перед нами погребения воинов. Кони в этих погребениях чаще всего взнузданы; это верховые кони. Примечательно, что именно в погребениях с конями найдены так называемые ледоходные шипы, которыми скорее всего подковывались лошади.

М. В. Фехнер отмечает юный возраст женщин из парных захоронений с сожжениями в Тимеревском могильнике [45, с. 7, 8]. Это можно объяснить насильственным умерщвлением жены или наложницы при похоронах мужа.

Захоронения воинов с верховыми конями, убитыми женщинами, отдельные погребения верховых коней в богатой сбруе (у погоста Бежец) — свидетельства появления дружинных погребений, датированных по археологическим материалам X в. Они отражают процесс распада патриархально-родовых связей и сложение новых отношений феодализирующегося общества.

Как известно, курганы Ярославского Поволжья оставлены смешанным населением (славяне, финны, в меньшем числе скандинавы). При ведущей роли славянского этноса (славянские погребения в некрополях Ярославского Поволжья преобладают) в курганах с погребениями коней отчетливо прослеживаются черты финской погребальной обрядности и инвентаря. Они сведены в таблицу, в которой использованы данные

---

[16] Южная ориентировка коней наблюдалась у волжских финнов VI—VIII вв. и у веси.

Финские элементы погребального обряда и инвентаря в курганах с трупосожжениями коней Ярославского Поволжья

Могильник	№ курганов	Конь и мужчина	Конь, мужчина, женщина, дети	Конь, кости человека не определены по полу	Конь и женщина	Северо-юго-восточная ориентация костяц	Глиняные лапы и кольца	Опрокинутые сосуды
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Тимеревский	6 (1974 г.)	x					x	
	54		x			x		
	70				x			
	77			x		x		
	79			x				x
	83				x	x	x	
	94			x			x	
	97				x			
	129				x			
	166	x				x		
	169				x		x	x
	171	x				x	x	
	223			x		x	x	
	245 (1975 г.)		x			x		
	258				x	x		
	266		x				x	
	274		x				x	
	278		x			x	x	x
	282	x				x		
	287 (1975 г.)			x			x	
	300				x		x	
	301				x			
	304	x				x		
	315		x			x	x	
	342	x				x		
	365	x					x	
	376			x		x	x	
	384			x		x		
Михайловский	8/1898 г.		x			x		
	5/1938 г.	x				x		
	65/1961 г.				x	x		
	216	x					x	
Петровский	35				x	x		
	54				x		x	
	73		x			x	x	
	110				x	x		x
	118				x			
Всего	37	9	8	7	13	21	17	4

37 курганов (см. табл. 2). Номера курганов в таблице приведены по книге «Ярославское Поволжье X—XI вв.» (М., 1963 г.). Для курганов, раскопанных после 1963 г., дана в скобках дата их исследования. Примечательно, что восемь погребений из 13, в которых конь захоронен с женщинами, имели дополнительно один или два признака, подтверждающих финскую принадлежность захороненных.

В трех курганах с захоронениями коней первого типа наблюдались признаки скандинавского погребального обряда. Это курганы 144, 371, 383 Тимеревского могильника, содержащие каменные кладки из валунов круглой или полукруглой формы, расчлененные трупы людей, а также принадлежности скандинавской мужской одежды. Курганы содержали мужские погребения, но оружия, как и предметов конской сбруи или

снаряжения всадника, в них не было [17]. Над могилой кургана 100 того же могильника, содержащей богатое захоронение воина-купца, наблюдались следы сожжения ладьи. Конское погребение здесь относится к шестому типу. Таким образом, захоронения с конями в Ярославских могильниках в целом прекращаются с исчезновением обряда трупосожжения. Их верхняя дата — начало XI в.

В Юго-Восточном Приладожье кони являются принадлежностью дружинных погребений, совершенных по обряду кремации. В инвентаре и погребальном обряде этих погребений славянские элементы отсутствуют. Погребения могут быть отнесены к финским (весским) и скандинавским. К последним относятся курганы Залющик I, Горка-Никольская 2, Городище 124, Сязнига 61.

В связи с малочисленностью конских погребений в данном регионе уместно вспомнить, что у приладожской веси X — начала XI в. ведущее место занимали культы водоплавающей птицы и оленя, отразившиеся в местных подвесках-амулетах.

«Владимирские курганы» [18], оставленные смешанным славяно-мерянским населением,— наиболее поздние из курганов с конскими погребениями. Видимо, поэтому здесь обнаружено только одно трупосожжение коня (Шокшово 194), а остальные погребения коней произведены по обряду ингумации.

Все типы конских погребений, представленные во владимирских курганах, могут быть сопоставлены с аналогичными захоронениями в грунтовых финских могильниках Ивановской, Владимирской и Горьковской областей, древнейшие из которых относятся к V—VI вв. Преобладание ритуальных отдельных захоронений коней и значительное число расчлененных конских погребений в данном районе можно сопоставить с особой популярностью этих типов погребений у соседней муромы.

Значительная часть конских погребений 5, 6, 7 типов может быть связана с выделением дружинной верхушки. Однако здесь же обнаружены наиболее поздние погребения коней вместе с женщинами в типичном финском уборе, что свидетельствует о продолжении местных этнических и ритуальных традиций.

Захоронения во владимирских курганах одновременны погребениям коней в могильниках муромы и мордвы. Последняя совершала ритуальные захоронения коней даже в XIV в. Обычай носить украшения-амулеты с изображением коня, распространенный в IX—XI вв. у женщин муромы, мордвы, мери и мари, подтверждает, что культ коня у финского населения Поволжья имел глубокие корни. Отсюда широкое распространение и продолжительность бытования традиции захоронения коней в среде смешанного славяно-финского и славянского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, вып. Е — 1—8. М., 1970.
2. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е — 1—8. М., 1974.
3. Сборник археологического Института. СПб., 1880, кн. 4.
4. *Куза А. В.* Раскопки курганов в Новгородчине.— АО — 1965. М., 1966.

---

[17] И. В. Дубов датирует курганы 144 и 371 IX в. По односкорлупной прорезной фибуле он относит к скандинавским и курган 73 Петровского могильника. Однако как в погребальном обряде, так и в инвентаре этого могильника преобладающим является финский элемент [46].

[18] Сюда включены и курганы в окрестностях Плещеева озера (см. рис. 1, *25—27* настоящей статьи). По современному административному делению это уже Ярославская область.

5. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
6. *Андреева Е. Г.* Кости животных из курганов в окрестностях Вышнего Волочка.— В кн.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
7. *Успенская А. В.* Раскопки на озере Селигер.— АО — 1969. М., 1970.
8. *Успенская А. В.* Раскопки на озере Селигер.— АО — 1970. М., 1971.
9. *Успенская А. В.* Раскопки на озере Селигер.— АО — 1971. М., 1972.
10. *Успенская А. В.* Раскопки на озере Селигер.— АО — 1973. М., 1974.
11. *Успенская А. В.* Раскопки на озере Селигер.— АО — 1977. М., 1978.
12. *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1913.
13. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
14. *Андреева Е. Г.* Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из курганных погребений X—XI вв.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
15. *Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В.* Тимеревский могильник близ Ярославля.— АО — 1974. М., 1975.
16. *Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Раскопки Тимеревского могильника.— АО — 1975. М., 1976.
17. *Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Раскопки Тимеревского могильника в Ярославле.— АО — 1976. М., 1977.
18. *Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля.— АО — 1977. М., 1978.
19. *Анучин Д. Н.* Сани, ладьи и кони, как принадлежность погребального обряда.— Древности.— Тр. МАО, 1880, т. 14.
20. *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.
21. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья.— МАР, 1895, № 18.
22. *Salonen H.* Gröberfunde aus Ladogagebiete.— ESA, 1929, IV.
23. *Колмогоров А.* Тихвинские курганы.— Тр. XV АС, т. I. М., 1914.
24. *Крупейченко И. П.* Раскопки в районе Чемихино. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3499.
25. *Назаренко В. А.* Разведки и раскопки в Приладожье.— АО — 1972. М., 1973.
26. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е1—36. Л., 1973.
27. *Европеус Д. П.* О курганных раскопках около погоста Бежец в Бежецком уезде Тверской губернии.— ЖМНП, 1872, т. CLXIV.
28. *Европеус Д. П.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей. Тр. II АС, вып. I. СПб., 1876, отд. IV.
29. *Успенская А. В.* Женское погребение с конем X в. из Березовецкого могильника.— В кн.: Новое в археологии. М.: Наука, 1972.
30. *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье.— ИГАИМК, 1934, вып. 94.
31. Раскопки П. Н. Шульца в Ржевском уезде Тверской губ. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 142.
32. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. II АС в Москве, т. II. М., 1871.
33. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 8, 1953, д. 2, 19; ф. 8, 1954, д. 4.
34. ГИМ ОПП, ф. 17, д. 193, 194, 195.
35. *Спицын А. А.* Поездка в погост Бежицы в 1920 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, № 92.
36. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
37. *Дубов И. В.* Урновые погребения Ярославских могильников.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Вып. I. Л.: Наука, 1977.
38. *Соловьева Г. Ф.* О роли балтского субстрата в истории славянских племен верхнего Поднепровья.— СА, 1972, № 2.
39. *Седов В. В.* Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Соловьевой Г. Ф. о роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья).— СА, 1973, № 3.
40. *Jaskanis J.* Human burials with horses in Prussia and Iudovia in the First Millennium of our era.— Acta Baltiko-Slavia, Biolystok, 1966. IV.
41. *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
42. *Шмидт Е. А.* Изучение памятников I тысячелетия н. э. в Смоленском Подвинье.— АО — 1969. М., 1970.
43. *Куликаускене Р. Х.* Погребения с конями у древних литовцев.— СА, 1953, XVII.
44. *Таутовичюс А. З.* Восточнолитовские курганы.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
45. *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
46. *Дубов И. В.* Ярославское Поволжье в IX столетии.— Вестн. ЛГУ, 1976, № 14, вып. 3.

L. A. Golubeva

HORSE BURIALS IN 8th-9th-CENTURY MOUNDS IN NORTH-EASTERN RUS

Summary

Horse burials are not typical of the ancient Slavs but are frequently found in areas with mixed Slavo-Baltic or Slavo-Finnish populations. Four regions with 142 mounds were investigated east of the Lake Ilmen, seven types of horse burials were singled out, most frequent being cremation of horses and men. In general, horse burials are connected with Finnish burial rites and the horse cult. In the 8th-9th centuries horses were buried with all free people, men and women. Beginning with the 10th century it was customary to bury only the warrior with his horse. The latest horse burials (10th-11th centuries) are found in the Vladimir mounds, an area of considerable Finnish influence.

ГУРЕВИЧ Ф. Д.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА НОВОГРУДСКОГО ДЕТИНЦА

Поливная керамика Новогрудка известна в археологической литературе по статье М. В. Малевской, исследовавшей глазурованные сосуды его окольного города XII—XIII вв. [1, с. 194—203]. Настоящая работа посвящена поливной керамике Новогрудского детинца, а также роли поливного дела в гончарном ремесле этого древнерусского города.

На раскопанной территории детинца (около 500 $м^2$) встречено более 140 фрагментов поливных сосудов. Распространились они здесь в начале XII в. и бытовали вплоть до 50—70-х годов XIII в. На детинце и окольном городе эти сосуды более или менее синхронны. Вся поливная посуда, за исключением двух обломков, найдена в северной части детинца, где стояли княжеские кладовые и другие хозяйственные постройки.

Фрагменты поливной керамики принадлежали примерно 60 сосудам. Форма четырех из них восстанавливается полностью. Венчики, ручки и отдельные стенки дают возможность представить себе формы еще около 20 сосудов. Бóльшая часть поливных сосудов сделана из цветной глины, имеющей после обжига серый или красный черепок. Преобладала сероглиняная посуда, составляющая 90% всей керамики, изготовленной из цветной глины. Это отличает поливную керамику новогрудского детинца от керамики его окольного города, где господствовала красноглиняная посуда [1, с. 195], и по характеру обжига сближает ее с сероглиняными сосудами других древнерусских городов [2, с. 47].

К сосудам, изготовленным из белой глины, относится 10% поливной керамики, в окольном же городе удельный вес белоглиняной посуды был значительно больше, составляя 38% всей поливной посуды [1, с. 194].

Бóльшая часть керамики (84%) покрыта поливой только с наружной стороны, около 15% имеет двустороннюю поливу, и лишь отдельные фрагменты покрыты ею только изнутри. Цвет поливы на сосудах как из цветной, так и из белой глины — зеленый различных оттенков (91%), желтый (5%), коричневый (3%) и темно-красный (1%), последний только на сосудах из цветной глины. При двусторонней глазури ее оттенки, а иногда и цвета были разными на наружной и внутренней частях сосуда.

По этим признакам поливная посуда детинца также несколько отличается от окольного города Новогрудка, где односторонняя глазурь покрывает немногим более половины фрагментов, а в цветовой гамме нет такого преобладания зеленой поливы, как на детинце. Иным является также соотношение сосудов, покрытых желтой и коричневой поливой [1, с. 195].

Поливная керамика новогрудского детинца была подвергнута петрографическому и количественному спектральному анализам [1]. В итоге пет-

[1] Анализы выполнены в лаборатории археологической технологии ЛОИА. Петрографический анализ произведен Н. Б. Селивановой, количественный спектральный — В. А. Галибиным. Результаты анализов прилагаются.

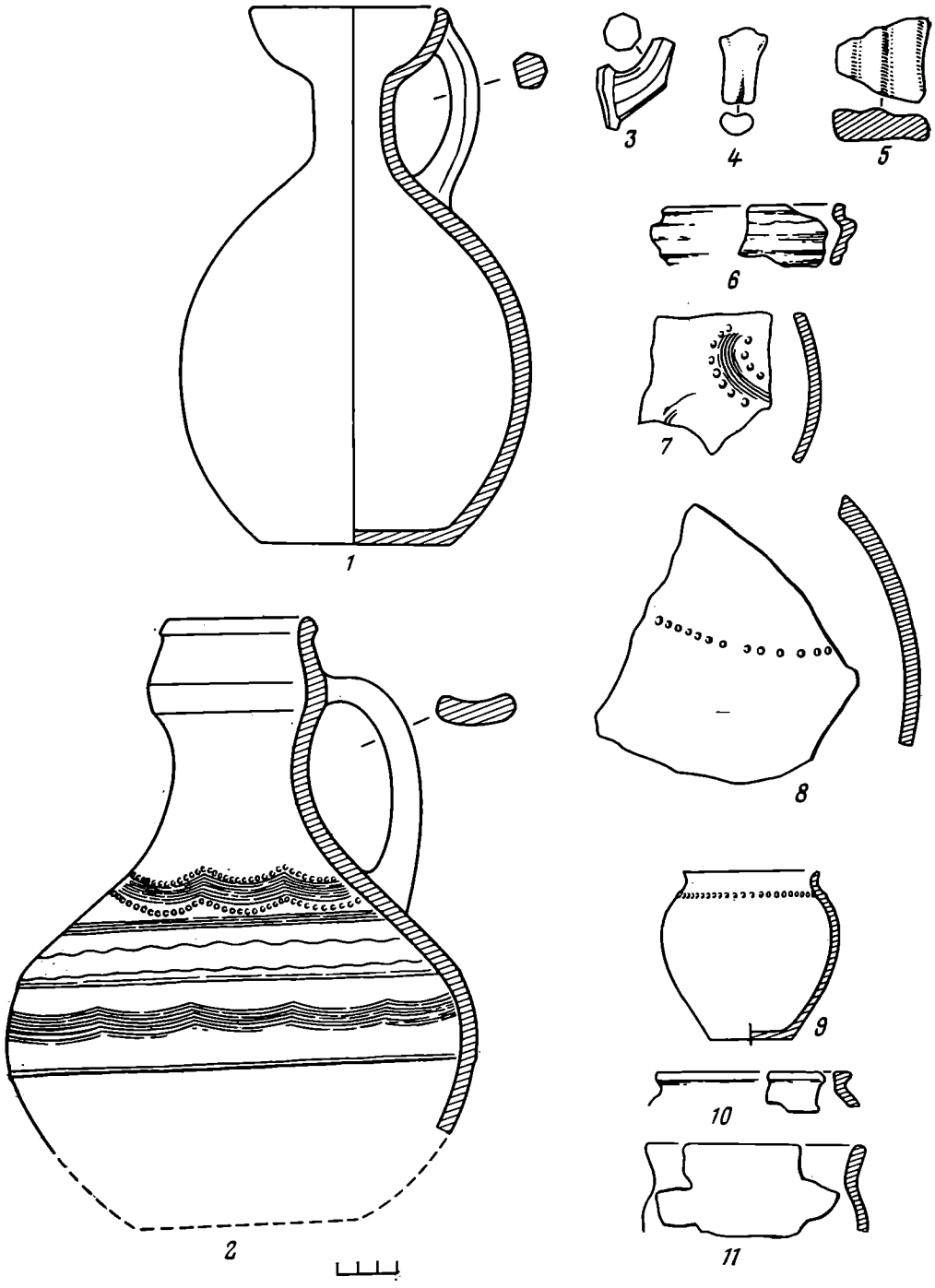


Рис. 1. Поливная керамика из цветной глины

рографического анализа выявлены разнообразные рецепты изготовления глин. На основании 14 шлифов выделено шесть типов глин, причем лишь два из них однородны для неполивных и поливных сосудов. В одном случае это белоглиняная посуда, не имевшая отощителей в глине, в другом — два сосуда из цветной глины с примесью песка и шамота. Количественный спектральный анализ поливы (54 образца) показал, что она была изготовлена по общерусскому свинцово-кремнеземному образцу, где в качестве красителей использовались медь, железо и олово.

По установившемуся членению поливной керамики в зависимости от цвета глины после обжига поливная керамика новогрудского детинца

рассматривается по двум группам, к первой из которых относятся сосуды из цветной, а ко второй — из белой глины.

I группа. Сосуды из цветной (серой и красной) глины.

Сосуды этой группы разнообразны по форме. На детинце были распространены кувшины, горшки, блюда, кубок и некоторые другие виды посуды. Более 40% всех обломков поливной керамики принадлежало кувшинам. Реставрированный кувшин, найденный в постройке XII в. [3, с. 79, 80] (высота 28 *см*), имел венчик в форме широкого раструба, шейку диаметром 4,5 *см*, округлое тулово, широкое дно и граненую ручку (рис. 1, *1*). Полива его буро-зеленая, местами коричневая. По форме венчика этот кувшин сходен с киевским кувшином, а пропорции его тулова близки одному из кувшинов Любеча [2, табл. XVI, *27*; XIX, *8*]. В отличие от этих южнорусских сосудов кувшин новогрудского детинца не орнаментирован и лишен характерного валика на шейке.

Из обломков кувшина, покрытого зеленой поливой, найденного в 1968 г., удалось реставрировать большую его часть. По стратиграфическим условиям, в которых он был найден, и по сопровождающей этот сосуд массовой неполивной керамике кувшин относится к более позднему времени, чем рассматриваемая нами поливная посуда. Он датируется концом XIII в. или рубежом XIII—XIV вв. Тесто кувшина без примесей. Его скругленный венчик завершается плоским валиком, шейка диаметром 7 см переходит в округлое тулово, ручка снабжена валиком по краям. Кувшин орнаментирован горизонтальными линиями, волной, нанесенной гребенкой, и округлыми вдавлениями (рис. 1, *2*). Данному кувшину предшествовали сходные с ним сосуды, найденные в культурном слое XII—50—70-х годов XIII в. В коллекции детинца имеются стенки кувшина с аналогичным тестом, поливой и орнаментом (рис. 1, *7*). У другого кувшина тесто было с примесями, а орнамент состоял из одних вдавлений (рис. 1, *8*). Пропорции этого кувшина, форма его ручки, орнаментация, как и орнамент более ранних сосудов, характерны для кувшинов Любеча, Киева, Мстиславля и городища Осовик Рогнединского р-на Брянской обл. [2, табл. XVI, *18*, *19*; XIX, *8*; XXIV, *4*, *6*; 4, с. 213, рис. 8, *1*, *5*]. Встречен также слегка вогнутый венчик кувшина с зеленой поливой, снабженный валиком, под которым нанесены горизонтальные линии (рис. 1, *6*). Аналогии ему неизвестны.

От трех кувшинов сохранились только ручки. Одна из них, граненая (рис. 1, *3*), покрытая темно-красной поливой, повторяет форму ручки первого из описанных нами кувшинов. Вторая ручка, с зеленой и коричневой поливой в верхней части, состоит из трех валиков (рис. 1, *5*). Близкая по форме ручка найдена в Любече [2, табл. XVI, *22*]. Встречена также овальная с вдавлением в разрезе ручка, покрытая зеленой, местами коричневой поливой (рис. 1, *4*).

Среди поливной керамики детинца найдены обломки горшков. Один из них, относящийся к слою середины XIII в., восстановлен полностью. Изготовленный из серой глины с двусторонней зеленой поливой, он имеет высоту 8 см, диаметр 7,5 см. Венчик горшка слабо отогнут, по плечикам идет валик с косой насечкой (рис. 1, *9*). Такой орнамент распространен на новогрудских неполивных горшках XIII в. [5, с. 29, рис. 5, *8*]. Поливные горшки со слабо отогнутым венчиком неоднократно встречались на территории окольного города Новогрудка. Они весьма распространены в Любече и некоторых других древнерусских городах [1, с. 196; 2; табл. XV, *2*, *8*, *17*; табл. XXIII, *2*]. Встречен горшок с двусторонней желтой поливой (рис. 1, *11*), аналогичный по форме горшкам в Любече, Воищине и Слободке [2, табл. XVIII, *1*; XXIII, *1*; XXV, *10*]. Отметим обломок горшка с горизонтально срезанным венчиком (рис. 1, *10*).

Сохранился профиль сосуда, который восстанавливается в форме большой чаши (диам. 26 *см*) на невысоком поддоне (рис. 2, *14*). Зеленая полива покрывала его только изнутри. Верхняя часть сосуда с двусторонней

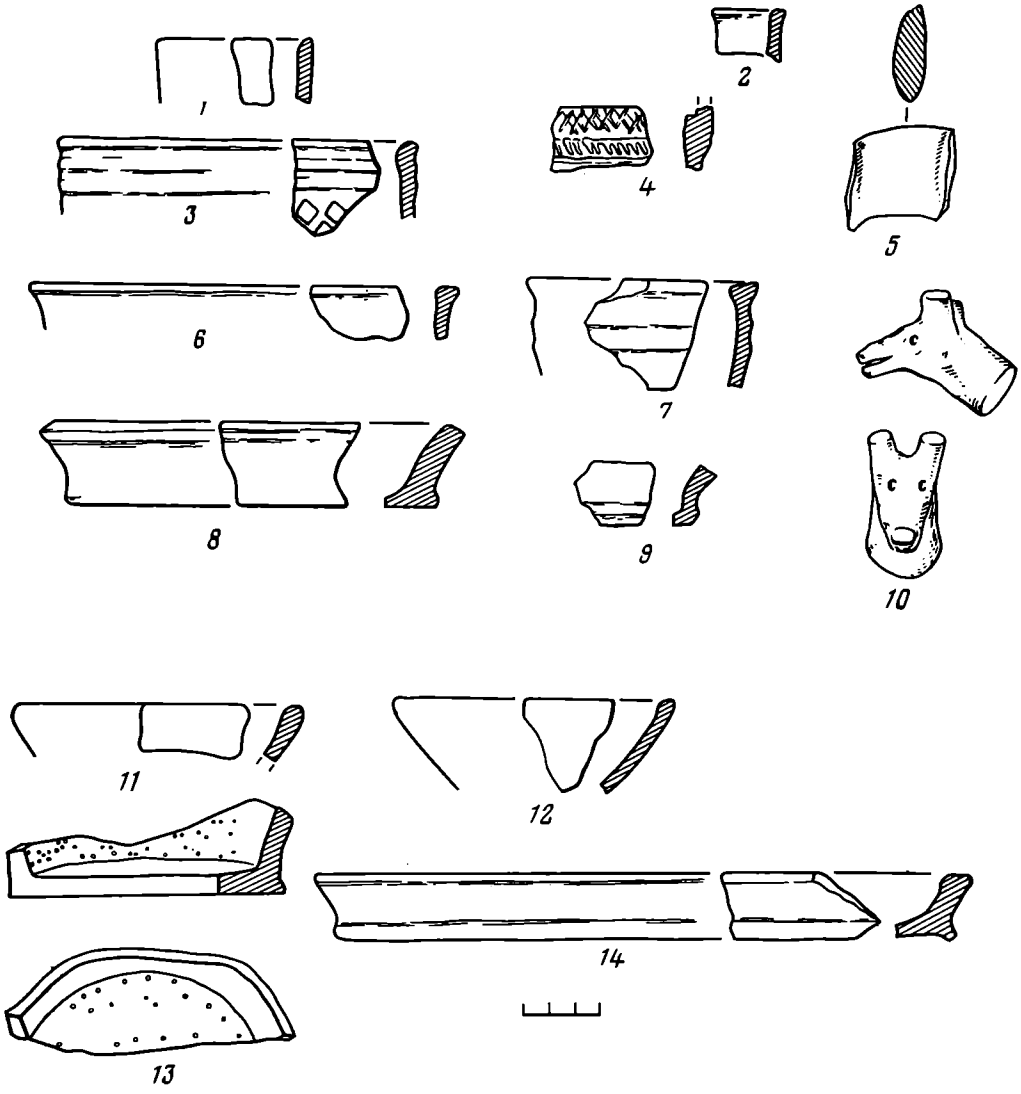


Рис. 2. Поливная керамика из цветной глины

прозрачной зеленой поливой являлась обломком блюда диаметром 12 см. Его край горизонтально срезан и имеет изнутри небольшой выступ (рис. 2, *12*). Сходное блюдо, найденное в окольном городе Новогрудка, имеет небольшой поддон [1, рис. 1, *12*]. Много примесей в тесте имел обломок миски или чаши диаметром 12 см (рис. 2, *11*) с буро-зеленой поливой. Еще один обломок миски с темно-зеленой поливой имеет выступ снаружи (рис. 2, *6*).

Можно предположить, что отдельные придонные части сосудов также остались от блюд или чаш. Таков фрагмент с резко отогнутой стенкой (рис. 2, *9*). Цвет его поливы очень сходен с глазурью блюда, покрытого прозрачной зеленой поливой. Имеется придонная часть от более крупного сосуда с отогнутой стенкой, полива на нем нанесена только изнутри. Вероятно, от открытого сосуда сохранился фрагмент с двусторонней зеленой и коричневой поливой, украшенный изнутри вдавлениями (рис. 2, *13*).

Трудно воссоздать форму сероглиняных сосудов с зеленой поливой, стенки которых вертикальны (рис. 2, *1*). Обломок одного из них весьма своеобразен. Рифленый в верхней части, он украшен ромбическим штампом (рис. 2, *3*). Неполивные сосуды со штампованным орнаментом известны в Понеманье в X—XI вв. [6, с. 19]. В более позднее время он

исчезает. В коллекции поливной керамики окольного города Новогрудка известен обломок сосуда с вертикальными стенками [1, рис. 1, *17*].

Слегка вогнутый венчик (диам. 10 см) с рифлением (рис. 2, *7*), покрытый односторонней зеленой поливой, был частью кубка. Судя по находке в Любече, где кубков было очень много, а также на хуторе Половецком, такие сосуды имели форму бочонка [2, табл. XVI, *4, 5*; XXII, *8*].

Миниатюрному толстостенному сосудику, изготовленному из хорошего теста, принадлежал прямой венчик диаметром 3 см, с двусторонней зеленой поливой (рис. 2, *2*). С одной стороны обломок покороблен (вероятно, производственный брак). Неясно назначение этого сосудика, возможно, он предназначался для лечебных или косметических целей. На территории окольного города Новогрудка также найден обломок маленького сосуда [1, рис. 1, *11*], но форма его иная, чем сосуда с детинца.

Интересен фрагмент с зеленой поливой, формой напоминающий раструбы, посредством которых прикреплялись полые ручки к оригинальным сосудам с округлым туловом, встреченным на окольном городе (рис. 2, *5*) [1, с. 198, рис. 1, *23—24, 25, 28*]. Найден обломок сосуда (с двусторонней бледно-зеленой поливой), покрывавшегося крышкой. Снаружи этот фрагмент украшен горизонтальными линиями, насечкой и косыми крестиками (рис. 2, *4*). Подобные крестики украшали поливные сосуды Чернигова и Пинска [2, табл. XVII, *6*; XXV, *11*].

В 1962 г. на детинце была найдена поделка в виде головки животного, покрытая желто-зеленой поливой [7, с. 93, рис. 35, *7*]. У животного удлиненная морда, округлые глаза и короткие рога (рис. 2, *10*). Это игрушка, которая изображает оленя, сбросившего свои рога (определение Н. М. Ермоловой). Глиняные поливные игрушки в форме животных и птиц известны в некоторых городах Древней Руси (конек из Гродно, полихромная уточка из Мстиславля и др.) [8, с. 67; 2, табл. XIV, 18].

II группа. Сосуды из белой глины.

Из обломков белоглиняной керамики не удалось реставрировать ни одного сосуда. Они представлены на детинце преимущественно фрагментами стенок. Восстанавливается форма миски (диаметр 12 см) с двусторонней темно-зеленой поливой. Ее горизонтально отогнутый венчик переходит в округлое тулово. По верху венчик украшен врезными горизонтальной и вертикальной линиями, а по тулову — вдавлениями (рис. 3, *4*). От кувшина сохранилась овальная в разрезе ручка с зеленой поливой, орнаментированная кружковым штампом (рис. 3, *1*). Среди отдельных фрагментов, не дающих представления о форме сосудов, отметим тонкое донце, одна сторона которого покрыта зеленой, а другая — коричневой поливой, и обломок стенки сосуда с линейным орнаментом (рис. 3, *3*). Нарядно выглядит обломок стенки сосуда с наружной ярко-желтой прозрачной поливой, украшенный горизонтальными линиями и налепным валиком с косой насечкой (рис. 3, *2*). Так украшали сероглиняные поливные сосуды Киева и Слободки [2, табл. XVIII, *1*; 5, рис. 5, *10*] и, как указывалось выше, неполивную керамику Новогрудка XIII в.

Таковы материалы, дающие представление о поливной керамике новогрудского детинца. Естественно предположить, что она тождественна глазурованной посуде его окольного города, как это наблюдается применительно к массовым неполивным сосудам. Действительно, в обеих частях древнерусского города поливная посуда появляется одновременно, в начале XII в. Как на детинце, так и в окольном городе эта керамика изготовлена из цветной и из белой глины, сходны цвета поливы и некоторые формы сосудов. Их близость подтверждается петрографическим и спектральным анализами состава глины посуды и ее поливы. Однако в поливной керамике детинца и окольного города немало различий. Оно проявляется в ином соотношении сосудов, сделанных из цветной и белой глины, а также в преобладании сероглиняной посуды на детинце и красноглиня-

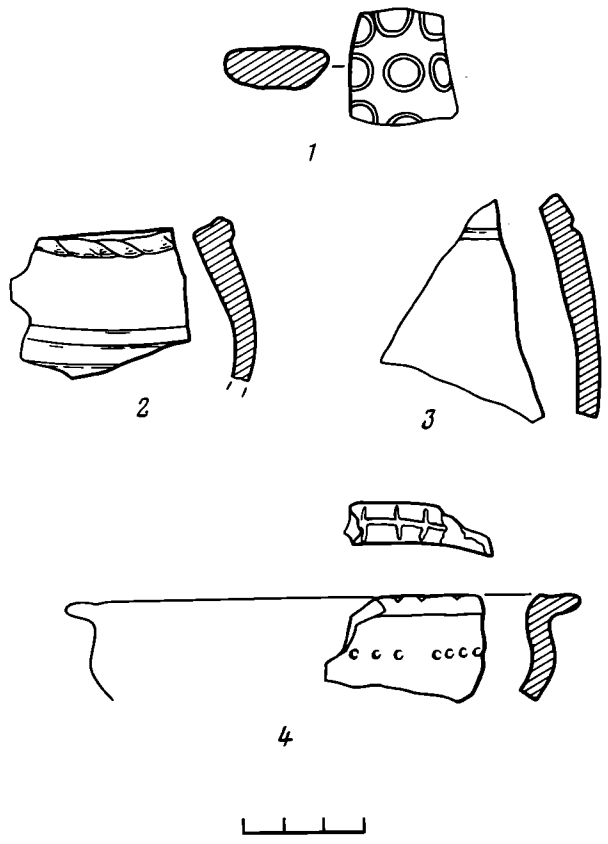


Рис. 3. Поливная керамика из белой глины

ной в окольном городе. Нет единства и в форме сосудов. Посуда, известная в одной части города, отсутствует в другой. При одинаковом колере поливы одни и те же цвета представлены по-разному.

М. В. Малевская убедительно доказала, что новогрудские гончары наряду с массовой неполивной керамикой изготовляли глазурованную посуду. Автор при этом считает, что жителей окольного города обслуживали две мастерские, в одной из которых выделывались сосуды из цветной, а в другой — из белой глины [1, с. 201]. Наши соображения о месте выделки белоглиняных сосудов будут изложены ниже. Прежде всего мы попытаемся выяснить происхождение сосудов детинца, сделанных из цветной глины, абсолютно преобладавших в его поливной керамике.

Различие в поливной посуде двух соседних частей одного и того же города можно объяснить лишь тем, что для жителей детинца и окольного города такие сосуды изготовлялись в различных мастерских. На владетеля детинца должны были работать ремесленники особой мастерской. Технология, применявшаяся в ней, была иной, чем у гончаров, обслуживающих обитателей окольного города. По безусловному преобладанию серой глины, свидетельствующей об особых условиях обжига, эта технология приближается к той, которая применялась в других, особенно южнорусских, городах. Влияние их проявляется в проникновении на детинец таких форм поливной посуды, как кувшины (среди поливной керамики из цветной глины, найденной в окольном городе, кувшинов нет вовсе). Несомненно, южнорусский облик имеет бочковидный кубок. Эти особенности поливной керамики детинца, сделанной из цветной глины, дают возможность предположить, что наряду с новогрудскими гончарами на обитателей детинца могли работать пришлые, южнорусские ремесленники.

В свое время нам приходилось отмечать различие между ювелирным ремеслом детинца и окольного города древнего Новогрудка. В то время

как на последнем обработка цветных и благородных металлов производилась силами местных ремесленников и имела чисто местный характер, княжеский ювелир на детинце буквально воспроизводил киевские украшения (колты, привески, бусы, колодочки и др.). Матрицы, которыми пользовался ювелир новогрудского детинца, невозможно было отличить от южнорусских. Это привело нас к мысли, что на новогрудском детинце обосновался киевский ремесленник. Еще в 1952 г. Н. Н. Воронин писал о возможности переселения южнорусского ювелира в древнее Гродно, где найдены «имитационные» формочки киевского типа [9, с. 22—25].

При активных культурных связях, существовавших между Новогрудком и Киевской землей, в этот город могли попасть не только южнорусские ювелиры, но и гончары — специалисты по выделке парадной посуды для княжеской семьи и ее окружения. Придерживаясь южнорусской традиции и работая бок о бок с новогрудскими ремесленниками, они создают новые фомы, не имеющие параллелей в окольном городе Новогрудка.

Эти выводы строятся на материалах исследования глазурованной керамики, сделанной из цветной, главным образом серой глины. Что же можно сказать о белоглиняной посуде? М. В. Малевская не сомневается в том, что сосуды этой группы, как и поливная керамика из цветной глины, местного происхождения, поскольку белая глина у неполивных и поливных сосудов однородна, а на неполивных изделиях можно иногда встретить пятна поливы, что указывает на их совместную выделку в одних и тех же мастерских [1, с. 201]. Однако неполивная белоглиняная посуда встречается в Новогрудке очень редко. На детинце найдено буквально несколько таких черепков, что вполне объяснимо. В Понеманье, в частности в Новогрудке, нет выходов белой глины. Гончары этого региона, как установлено этнографическими данными, пользовались только цветными, так называемыми железистыми глинами [10, s. 31]. А следовательно, новогрудские гончары были лишены возможности делать из нее массовую неполивную керамику и производить соответствующую глазурованную посуду.

Древнерусская бытовая белоглиняная керамика была широко распространена на юге и юго-западе Руси. Характерные археологические материалы этого рода представлены на Волыни, откуда в ранний Новогрудок проникли некоторые формы массовой посуды [6, с. 14—17]. Так, в древнем Червене в слоях XI в. сосуды из белой глины составляли 60% всей керамики, в Данилове [11, s. 135; 5, с. 31] — соответственно 95%. Однако поливная керамика на Волыни почти неизвестна, и поэтому и белоглиняная керамика Новогрудка не могла быть волынского происхождения.

Городом, в котором белоглиняная неполивная посуда принадлежит к числу массовых находок, был Киев. Почти в каждом из раскопанных жилищ XII и XIII вв. встречены сосуды из белой глины в форме плоскодонной чашки с большой ручкой [12, с. 418]. Из киевской белой глины изготовлялись не только бытовая керамика, но и поливные плитки и тигли [2, с. 40]. В XI в., а может быть, еще и в конце X в., намного раньше, чем в других городах, в Киеве, а возможно, и в городах, расположенных около него, зарождается производство поливной керамики, причем в это время она была исключительно белоглиняной [13, с. 10]. Здесь она предшествовала глазурованной посуде, сделанной из цветной глины.

Поливная белоглиняная посуда киевского происхождения вывозилась в другие древнерусские города, в том числе даже в Любеч, который сам экспортировал свои поливные сосуды, сделанные из цветной глины [14, с. 235]. Есть все основания считать, что белоглиняные сосуды Новогрудка были тоже привезены из Киева.

Лишь немногочисленные киевские и новогрудские белоглиняные сосуды совпадают по форме, но эти изделия киевского происхождения еще

мало изучены. К тому же предметы, вырабатывавшиеся на экспорт, не всегда оседали в центре своего производства. Так, 25% стеклянных сосудов окольного города Новогрудка, сделанные в киевских мастерских, в самом Киеве не имеют параллелей [15, с. 51]. Если согласиться с тем, что поливная белоглиняная посуда Новогрудка была привезена из Киева, то, очевидно, статьей киевского импорта этого города были и неполивные сосуды из белой глины, вырабатываемые вместе с глазурованными изделиями.

Новогрудок был не единственным городом Понеманья, куда привозилась киевская белоглиняная посуда. Она известна в Волковыске и рассматривается автором книги об этом городе как киевский импорт. Керамика эта найдена и в древнем Слониме [16, с. 79; 17, с. 279].

Поливные сосуды детинца и окольного города древнего Новогрудка составляют незначительную часть всей керамической коллекции, но они освещают интересные особенности культуры города. По насыщенности культурного слоя поливной керамикой Новогрудок немногим уступает Любечу, занимающему по этому признаку первое место среди древнерусских городов. Если в Любече на площади в 3000 м² найдено 400 фрагментов глазурованной посуды [14, с. 230], то в Новогрудке на территории 2500 м² встречено около 340 обломков таких сосудов[2]. Как и в Любече, а также в Изяславле[3] [14, с. 231], новогрудская поливная керамика обнаруживается в жилых и хозяйственных постройках социальной верхушки города. В окольном городе она относится к инвентарю домов, принадлежавших богатым ювелирам, а на детинце, как об этом уже упоминалось, глазурованная посуда была сосредоточена в княжеских кладовых.

Почти вся поливная керамика Новогрудка, как и в других городах, была парадной столовой посудой и столь же специфична для новогрудской знати, как русские и восточные стеклянные сосуды и иранские фаянсовые чаши с люстровой росписью [18; 19, с. 34—36]. Поливой покрыты не только столовая посуда, но и отдельные бытовые изделия (миниатюрные сосуды, игрушка и, возможно, светильники, найденные в окольном городе). Детинец и окольный город Новогрудка обслуживали, как мы уже указывали, разные мастерские, причем на княжескую семью могли работать не только местные, но и пришлые ремесленники.

Белоглиняные поливные изделия пополняют обширный список вещей, доставленных из Киева в Новогрудок. Они занимают свое место наряду с украшениями из стекла, культовыми изделиями и другим киевским импортом [20, с. 25—29].

В Новогрудке поливной керамики намного больше, чем в других городах Понеманья. Так, в Волковыске, где археологическими работами в городе исследована площадь 3800 м², известно 90 обломков поливной посуды [16, с. 79]. Это не так мало при сопоставлении с находками в других древнерусских городах [2, с. 66, 67], но намного меньше, чем в Новогрудке, размер раскопанной площади которого составляет около 2/3 площади, исследованной в Волковыске. Совсем немного поливной керамики найдено в таком значительном городе, каким было древнее Гродно, хотя в нем было налажено интенсивное производство поливных плиток для строящихся храмов [8, с. 97, 98].

А. Л. Якобсон, много лет исследовавший средневековую поливную керамику Северного Причерноморья и Закавказья, видит в ней продукцию исключительно городских мастеров, свидетельствующую о большом рас-

---

[2] Для территории окольного города М. В. Малевская учла 180 обломков поливной керамики. В 1965—1967 гг. там были найдены еще 20 фрагментов такой посуды. На детинце, как указывалось, известно более 140 обломков глазурованных изделий.

[3] В Изяславле, где раскопано 4 га, найдено очень мало поливной керамики, но вся она была сосредоточена на территории детинца (сведения любезно сообщены О. В. Овсянниковым).

цвете городского ремесла — [21, с. 149, 150]. Древнерусская поливная посуда намного скромнее, но и она отражает те же явления в культуре города. Это положение, естественно, относится и к Новогрудку.

С монгольским нашествием прекращается выделка поливной керамики в южнорусских городах, с этого времени исчезает белоглиняная посуда и в Новогрудке. В этом городе, избежавшем разгрома, продолжает существовать местное производство данного вида посуды. Во второй половине XIII в. и на рубеже XIII и XIV вв. оно развивается в традициях древнерусского гончарного ремесла, как можно судить по форме, поливе и орнаменту кувшина, о котором говорилось в начале настоящей работы. В более позднее время, когда Новогрудок становится составной частью литовского государства, постепенно изменяется облик его материальной культуры, и в том числе, поливной керамики.

Приложение 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИВНОЙ И НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ДЕТИНЦА ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

Для петрографического изучения в прозрачных шлифах было отобрано 14 образцов керамики, представляющих четыре визуально выделенных типа: 1 — белоглиняная неполивная (2 обр.); 2 — белоглиняная поливная (1 обр.); 3 — цветная неполивная (7 обр.); 4 — цветная поливная (4 обр.).

В задачу исследования входило сравнение рецептов изготовления теста поливной и неполивной керамики и выявление особенностей в составе белоглиняной керамики. Основными критериями для сопоставления образцов явились прежде всего особенности состава и структуры отощителя, в меньшей степени — глины, на которой было замешано тесто (минералы тонкой глинистой фракции специально не исследовались).

По этим признакам весь материал (несмотря на ограниченное количество образцов) распался на шесть петрографических групп. Керамическое тесто как поливной, так и неполивной керамики в ряде случаев входит в одну и ту же группу.

Особую группу составляет белоглиняная керамика, визуально с первого взгляда отличающаяся от всех остальных образцов ярко-белой окраской теста. Микроскопически это пелитовая масса, содержащая множество равномерно распределенных в ней мелких (0,01—0,2 *мм*) угловатых зерен кварца. На их фоне резко выделяются более крупные (0,8 *мм*) окатанные зерна кварца. В образцах поливной керамики они единичны, в образце неполивной керамики их содержание достигает 15%.

Остальные пять групп приходятся на цветную керамику, имеющую красную, черную и серую окраску теста, причем в одну петрографическую группу могут входить образцы разного цвета.

1-я группа: керамическое тесто состоит из тощей глины, не содержащей искусственно добавленный отощитель. От белоглиняной керамики отличается красным цветом, меньшим размером зерен алевритовой фракции и присутствием полевого шпата среди единичных песчинок (0,2—0,8 *мм*). 2-я группа: тесто представляет собой тощую глину, дополнительно отощенную шамотом, крупнозернистым кварцевым песком и гравием. 3-я группа: тесто состоит из жирной глины, искусственно отощенной дробленым кварцем и полевым шпатом. 4-я группа: керамическое тесто состоит из жирной глины и искусственного отощителя — шамота и средне-, крупнозернистого кварцевого песка. 5-я группа: тесто представляет собой жирную глину, искусственно отощенную дробленым кварцем. Можно предполагать, что тесто замешано на одной и той же своеобразной по составу глине, но отощено по разным рецептам.

Таким образом, петрографическое исследование показало, что керамика новогрудского детинца изготовлена по двум основным рецептам: без отощителя и с отощителем. Причем в последнем случае использовались два типа рецептов отощителя: а — искусственно дробленый материал (кварца или кварц с полевым шпатом); б — шамот и песок (или гравий).

Белоглиняная керамика объединяется в одну группу и по рецепту относится к группе «без отощителя». Керамическое тесто образцов и поливной и неполивной керамики в большинстве случаев изготовлено по одним и тем же рецептам и из одного и того же материала, но в одних случаях поверхность изделия покрыта поливой, а в других — нет.

Н. Б. Селиванова

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИВЫ ИЗ ДЕТИНЦА ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

Методика анализа. От каждого черепка, покрытого поливой, откалывали кусочки поливы четко различимого цвета. Навеску пробы и эталонов (10 *мг*) насыпали в канал угольного электрода. Пробы сжигали в дуге переменного тока (220 В, 45 с — 12 А, дожиг — 16 А). Спектры фотографировались на спектрографе ИСП-22. Количественный спектральный анализ производился по методу трех эталонов. На каждой пластинке вместе с пробами фотографировали шесть эталонов стекла с различными содержаниями всех определяемых элементов. Аналитические линии фотометрировались на микрофотометре МФ-2. Аналитические графики строились в координатах S—lg C. Анализировались следующие элементы: SiO_2, Al_2O_3, Fe_2O_3, CaO, MgO, Na_2O, K_2O, Mn_2O_3, TiO_2, PbO, CuO, SnO_2, Sb_2O_3, CoO, NiO, Ag. Всего было проанализировано 54 образца поливы, из них 20 на белой керамике и 34 на цветной, а также 3 образца керамики — белого, серого и красного цветов.

Состав керамики. Белая керамика отличается от красной значительно меньшим содержанием железа (соответственно 2,8 и 15% Fe_2O_3) и кальция (0,8% и 25% CaO). Серая керамика занимает промежуточное положение, но ближе по составу к белой. При отборе пробы поливы вместе с ней попадает некоторое количество (10—30%) керамики, которое определялось на глаз, чтобы учесть возможное загрязнение поливы кремнием, алюминием, железом, кальцием и титаном.

Стеклообразующие элементы. Во всех случаях в качестве единственного стеклообразующего элемента наряду с кремнием использовался свинец. Содержание PbO в поливах составляет 13—60%, следовательно, тип стекла, использованный для поливы, всюду свинцовый. Содержание свинца в поливе, по-видимому, определяет его качество. Полива плохого качества — неровная, с комочками и трещинами, неопределенного цвета (образцы НВ-70, Д-162; НВ-71, 1867 и 1869; НВ-68, Д-601) — содержит меньше свинца (13—20% PbO). Содержания калия и натрия в поливе не превышает 1%, по-видимому, эти элементы в поливу не добавлялись.

Хромофорные элементы (красители): железо, олово, медь. Анализированные поливы имели оттенки желтого, коричневого (красного) и зеленого цвета, а также несколько образцов имели неопределенный цвет. Отмечена четкая корреляция содержания железа в поливе с различными оттенками от светло-желтого до темно-коричневого (от 2 до 15% Fe_2O_3). В двух случаях поливы на цветной керамике (проба НВ-71, 1479 и 1538) желтизна усиливается добавлением олова (соответственно 2 и 5,5% SnO_2). Все оттенки зеленого от светло-зеленого до темного, почти черного, получены добавлением в поливу меди в количестве от 0,3 до 4,5% CuO. Содержание CuO 0,3—0,5% в присутствии 2—5% Fe_2O_3 недостаточно для полученного зеленого оттенка. В этом случае получается оттенок неопределенного цвета. Другие хромофорные элементы либо не обнаружены вовсе (Co), либо в слишком малых концентрациях (Mn_2O_3 до 0,17% и Sb_2O_3 до 0,28%).

В. А. Галибин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малевская М. В.* Поливная керамика Новогрудка.— СА, 1969, № 3.
2. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси.— САИ, вып. Е 1-38. М., 1967.
3. *Павлова К. В.* Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка.— КСИА АН СССР, 1972, № 129.
4. *Павлова К. В., Раппопорт П. А.* Городище Осовик.— СА, 1973, № 1.
5. *Малевская М. В.* К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель в XII—XIII вв.— КСИА АН СССР, 1971, № 125.
6. *Малевская М. В.* Некоторые исторические связи Новогрудка (по материалам керамики).— КСИА АН СССР, 1972, № 129.
7. *Зильманович И. Д.* Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.— КСИА АН СССР, 1965, № 104.
8. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41.
9. *Гуревич Ф. Д.* К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей.— В кн.: Культура средневековой. Руси. Л.: Наука, 1974.
10. *Holubowicz W.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Bia'orusi. Toruń, 1950.
11. *Abramowicz A.* Ceramika z Czermnia nad Huczwa.— AP. T. 4. 1959.
12. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
13. *Макарова Т. И.* Поливная керамика Древней Руси. М.: Наука, 1972.
14. *Макарова Т. И.* Поливная керамика древнего Любеча.— СА, 1965, № 4.
15. *Щапова Ю. Л.* Стекло Древней Руси. М., 1972.
16. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск: Наука и техника, 1975.
17. *Пех Г. И.* Раскопки древнего Слонима.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск: Изд-во АН БССР, 1966.
18. *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло Древней Руси. Л.: Наука, 1968.

19. *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
20. *Гуревич Ф. Д.* Древние города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII вв.— В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
21. *Якобсон А. Л.* Средневековая поливная керамика как историческое явление.— ВВ, 1978, № 39.

F. D. Gurevich

GLAZED POTTERY FROM THE CITADEL OF NOVORGUDOK

Summary

The article discusses 12th-13th-century glazed pottery from the citadel of ancient Novogrudok (Grodno Region, Byelorussia). More than 140 fragments of glazed vessels were found over the area of 500 sq. m., they were discovered in the storerooms and sheds belonging to the feudal aristocracy in the northern part of the citadel. The fragments belong to nearly 60 vessels, most part of them of coloured (ferruginous) grey and red clay. Ten per cent of the pottery found is made of kaolin. Coloured-clay vessels are represented by jars, pots, dishes and some other forms (Figs. 1, 2), while kaolin sherds give no evidence for reconstruction of the forms of vessels (Fig. 3). Coloured-clay glazed pottery from the citadel reveals close similarity with pottery of the same type from the ancient Novogrudok suburb studied by M. V. Malevskaya (see **SA**, No. 3, 1969, pp. 194-203). However, there are some differences between these two groups: in the correlation of grey- and red-clay vessels, in colour of glaze and in forms. These differences can be explained by the fact that pottery for the citadel and for the suburb was made in different workshops. Glazed pottery from the citadel reveals south-Russian features. Novogrudok maintained close cultural contacts with Kievan Rus and potters from Kiev might have been working in the town, kaolin pottery found in Novogrudok was probably imported from Kiev or its vicinities.

КРАСИЛЬНИКОВ К. И.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСЕДЛОСТИ У ПРАБОЛГАР СРЕДНЕДОНЕЧЬЯ

Среди задач, стоящих перед раннесредневековой археологией юго-восточной Европы, важное место уделяется дальнейшему изучению салтово-маяцкой культуры. В последние десятилетия благодаря широким археологическим исследованиям и тщательному анализу археологических источников проблемы происхождения хозяйственно-экономического уклада и развития салтовской культуры получили принципиально новое решение [1]. Открылись возможности для выяснения характера этой культуры в ее конкретных, локальных проявлениях на территории Северного Кавказа, Приазовья, Крыма и, конечно же, Подонья, в том числе на Северском Донце. Однако далеко не вся территория бассейна Северского Донца изучена разведками, не говоря уже о проведении на памятниках этой культуры раскопок. Поэтому мы обратились к теме салтовских поселений на одной из территорий Северского Донца — среднем течении или Среднедонечье [1].

Среднедонечье выбрано нами как объект дальнейшего изучения истории и культуры болгаро-аланского населения не только из-за его слабой исследованности, но и потому, что в VIII — начале X в., как показали разведки, оно представляло собой густонаселенную местность. Об этом говорит тот факт, что на территории площадью менее 40 тыс. км^2 зафиксировано уже более 200 поселений и 23 могильника салтовской культуры (рис. 1).

Вопрос классификации поселений салтовской культуры Подонья освещался в работах И. И. Ляпушкина [2] и С. А. Плетневой [3, с. 3—20; 1, с. 13—22]. Подробная типология их была разработана С. А. Плетневой.

В основу классификации поселений Среднедонечья нами вслед за С. А. Плетневой положена ландшафтно-топографическая характеристика расположения памятников на местности. По топографии все поселения делятся на две большие группы (табл. 1).

Первая группа включает 66 поселений, которые мы называем стойбищами. Расположены они в поймах рек на левом и правом берегах, на дюнах и склонах первой надпойменной террасы. Стойбища встречаются как по одному, так и группами. Последние почти всегда встречаются на левом — пойменном берегу реки. Изучение культурного слоя, а также подъемного материала, собранного на поверхности стойбищ, указывает на некоторые особенности, свойственные этой группе поселений, что позволяет выделить два типа стойбищ, представленных примерно равным количеством памятников.

[1] Среднедонечье — территория бассейнов рек, притоков левого и правого берега Северского Донца от впадения р. Оскол на западе до впадения р. Каменки на востоке, от верховьев Айдара, Красной, Боровой, Деркула на севере до центрального массива Донецкого кряжа на юге.

Таблица 1

Типология поселений и процентное соотношение керамики на поселениях Среднего Донца

Поселение	Группа	Первая группа (стойбища)		Вторая группа		
	Тип	тип I	тип II	тип I (кочевья)	тип II (селища)	
	подтип	—	—	—	А	Б
Керамика	Лепная кухонная	23	16	17,5	4,2	до 1
	Круговая кухонная	14	24,5	36,4	44,3	48,7
	Лощеная столовая	11	17,5	17,2	23,5	21,8
	Тарная амфорная	до 40	33,4	22,7	12,6	8,2
	Корчаги, пифосы	до 2	2,4	2,9	8,5	15,8
	Прочая	10	4,2	3,3	6,6	4,5

Примечание. Соотношение находок керамики на стойбищах сделано по подъемному материалу. Подсчеты керамики на кочевьях и селищах приводятся по материалам раскопок.

Стойбища первого типа занимают очень низкие левобережные, по существу затопляемые паводками луговины, песчаные дюны мелководных рек. Местность часто совершенно открытая, ровная (рис. 2, *1*), в древности, видимо, обильно поросшая травой. Находки (керамика и кости животных) встречаются вдоль берега на нешироком, но длинном участке (0,8—1 км), создавая видимость сплошной обитаемой полосы [1, с. 15]. В среднем на каждые 10 м² здесь попадается один-два фрагмента керамики, но в отдельных местах ее количество возрастает до пяти — семи фрагментов. Среди находок явно преобладают обломки толстостенных амфор и лепной посуды. Площадки, насыщенные материалом, обычно ограничены 200—250 м вдоль берега и 50—60 м шириной. Заметим также, что слой повсеместно переотложен (перемыт). Очевидно, это наиболее ранние салтовские поселения, возникшие в начальный период заселения Среднедонечья полукочевыми племенами скотоводов, устраивавшими недолговременные летние стойбища. Для этого выбирали долины мелких рек. Именно там росла сочная трава и был водопой, а для обитателей поселений удобные места промыслов (охота и рыболовство).

Второй тип стойбищ характеризуется естественной защищенностью поселка от неблагоприятных климатических факторов, в частности от холодного зимнего ветра. Не удивительно, что они обнаружены в древних балках с пологими террасами (рис. 2, *2*) и в горных массивах Донецкого кряжа. Культурный слой этих стойбищ достаточно выразителен: на поверхности на единицу площади число находок увеличивается вдвое (на 10 м² приходится 10—15 фрагментов). Видимо, стойбища второго типа также оставлены кочевыми скотоводами, но население задерживалось на них более длительное время. Вполне возможно, что они представляли собой многолетние стойбища — зимовки [1, с. 18, 19].

О внутренней планировке стойбищ что-либо определенное сказать трудно; культурный слой в поймах рек переотложен, и к тому же мы не располагаем материалами широких раскопок. Тем не менее скопление остатков в местах вероятного размещения жилищ все же позволяет составить приблизительную схему планировки стойбищ. Жилища разбросаны произвольно, и их расположение скорее всего зависело от очертания местности (рис. 3). В среднем на площади 13—15 тыс. м² фиксируется 12—17 пятен с культурным слоем от 20 — до 35 см.

Таким образом, как ни отрывочны наши сведения о ранних поселенцах, обосновавшихся на берегах рек среднего течения Северского Донца, мы не можем отождествить их образ жизни с понятием «таборный способ кочевания» [4], так как обитатели стойбищ, по меткому определению

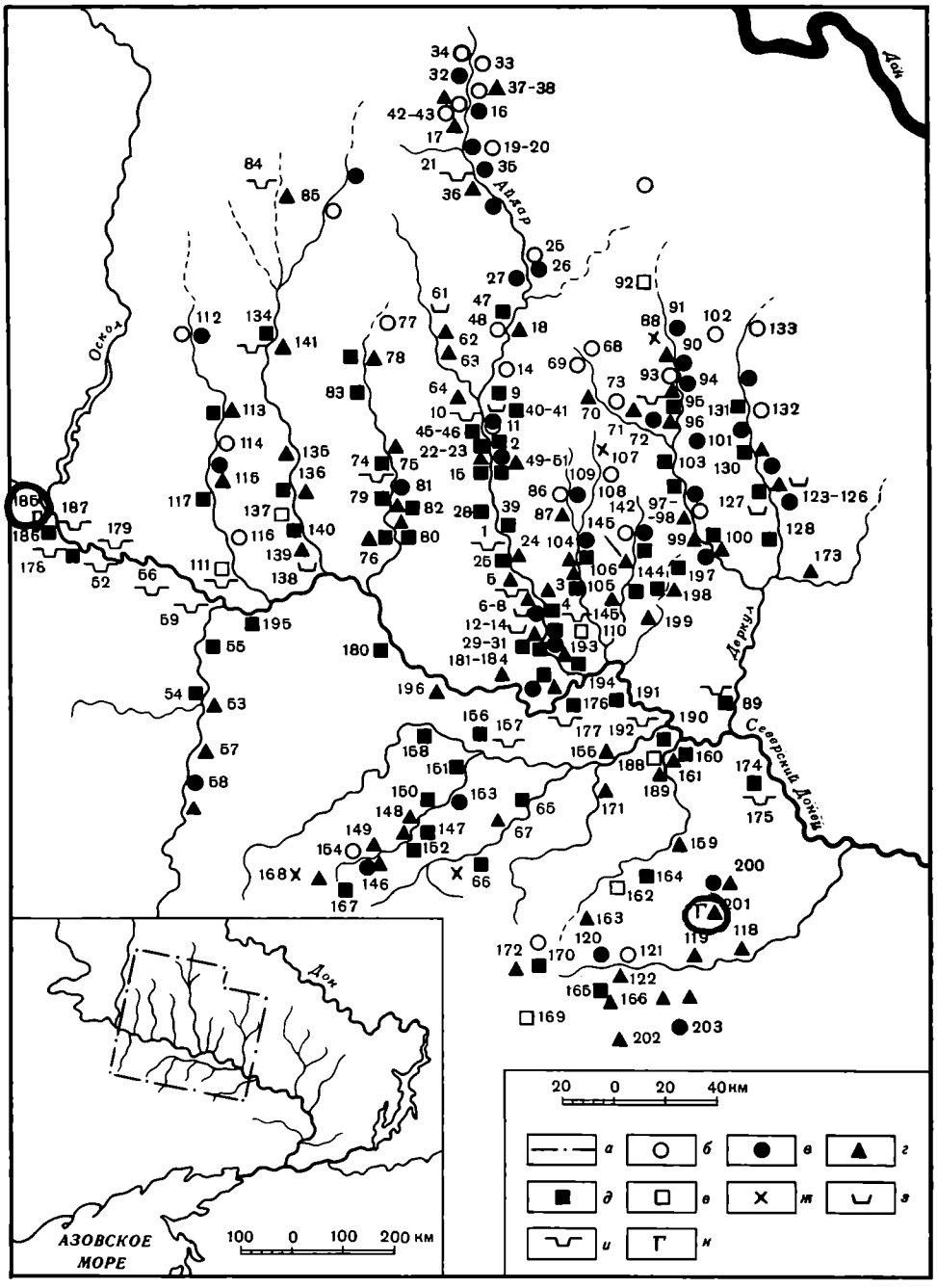


Рис. 1. Карта археологических памятников салтово-маяцкой культуры в бассейнах рек среднего течения Северского Донца: *а* — исследованный район Среднедонечья; *б* — стойбища первого типа; *в* — стойбища второго типа; *г* — кочевья; *д* — селища подтип А; *е* — селища подтип Б; *ж* — древние разработки; *з* — одиночные захоронения; *и* — могильники; *к* — городища. Населенные пункты, близ которых обнаружены памятники салтовской культуры, датируемые VIII — началом X в. (по материалам разведок)

I. Река Айдар, приток левого берега Северского Донца: *1* — Айдар Николаевка; *2* — Балакиреевка; *3*, *4* — Бахмутовка I—II; *5—8* — Безгино I—IV; *9* — Беседовка; *10*, *11* — Бутковка I—II; *12* — Вольный; *13*, *14* — Горшковка I—II; *15* — Денежнеково; *16*, *17* — Константиновка I—II; *18* — Лиман; *19*, *20* — Лозовое I—II; *21* — Николаевка; *22*, *23* — Новоселовка I—II; *24*, *25* — Новый Айдар I—II; *26*, *27* — Осипово I—II; *28* — Петренко; *29—31* — Райгородка I—III; *33*, *34* — Ровеньки I—III; *35*, *36* — Рогово I—II; *37—38* — Сергеев I—II; *39* — Спеваковка; *40*, *41* — Старобельск I—II; *42*, *43* — Танюшевка I—II; *44* — Татаренково; *45*, *46* — Титаровка; *47*, *48* — Хворостяновка I—II; *49—51* — Шульгинка I—III. II. Река Бахмут, приток правого берега Северского Донца: *53* — Звановка; *54* — Кировка; *55* — Красное; *56* — Кривая лука; *57* — Николаевка;

С. А. Плетневой, вовсе не являются неуловимым для глаза археолога населением.

Картографирование стойбищ показало, что почти 70% поселений первой группы обоих типов сосредоточены в верховьях рек, в особенности там, где нет четко выраженных русел и преобладает открытый ландшафт. Остальные 30% таких поселений встречаются в среднем течении рек. Достаточно много их в балках. В низовьях рек стойбищ почти не обнаружено.

Вторая группа поселений (их более 130) характеризуется иными топографическими признаками. Поселки располагались на высоких, от 10 до 50 м, надпойменных террасах, часто у подножья высоких всхолмлений коренного берега или площадках — мысах. Местность оставалась открытой, лишь иногда учитывалась естественная защищенность выбранного под поселение участка. Различия в топографии и особенно содержании культурных слоев позволяют выделить два типа поселений этой группы, представленных примерно равным количеством памятников.

Первый тип. Памятники занимают в основном вторую террасу. Площадь поселений обычно от 0,5 до 3 га, что часто соответствует размеру мыса или террасы (рис. 4, *1*). Культурный слой (30—50 см) залегает близко от поверхности (20—40 см), и там, где производят вспашку, он затронут. В находках преобладает лепная и подправленная на круге ке-

---

58 — Отрадное; *59* — Платоновка; *60* — Яковлевка. III. Река Белая, приток р. Айдар: Белокуракино; *62, 63* — Нещеретово I—II; *64* — Подгоровка. Река Белая, приток р. Лугани: *65* — Белое; *66* — Городище; *67* — Сутоган. Река Бишкинь, приток р. Деркул: *68—70* — Литвиновка I—II; *71—73* — Семикозовка I—III. Река Боровая, приток левого берега Северского Донца: *74, 75* — Булгаковка I—II; *76* — Епифановка; *77* — Заливанье; *78* — Круглое; *79, 80* — Михайловка I—II; *81, 82* — Пристин I—II; *83* — Рудовка. Река Гнилая, приток р. Красной: *84* — Покровка; *85* — Покровка. Река Гремучая, приток р. Евсуг: *86, 87* — Колядовка I—II. Река Деркул, приток левого берега р. Северский Донец: *88* — Гармашевка; *89* — Гуркино; *90* — Кононовка; *91* — Курячевка; *92* — Лесная Поляна; *93, 94* — Лимаревка I—II; *95, 96* — Новолимаревка I—II; *97, 98* — Ноздревка I—II; *99, 100* — Подгаевка I—II; *101* — Просяное; *102* — Плуготарь; *103* — Третьяковка. Река Евсуг, приток левого берега р. Северский Донец: *104* — Алексеевка; *105* — Войтово; *106* — Дмитриевка; *107, 108* — Евсуг; *109* — Колядовка; *110* — Рогалик. Река Жеребец, приток левого берега р. Северский Донец: *111* — Кировка; *112* — Макеевка; *113* — Садовое; *114* — Терны; *115* — Терновое; *116* — Терское; *117* — Ямполовка; Река Каменка, приток правого берега р. Северский Донец: *118* — Великий Лог; *119* — Верхняя Краснянка; *120, 121* — Каменка; *122* — Полиевка. Река Камышная, приток р. Деркул: *123—126* — Бараниковка I—IV; *127, 128* — Верхнее Камышное; *129* — Калмыковка; *130* — Мусиевка; *131* — Подгорное; *132* — Стрельцовка; *133* — Четное. Река Красная, приток левого берега р. Северский Донец: *134* — Гончаровка; *135* — Голиково; *136* — Житловка; *137* — Красная Поповка; *138* — Кременная; *139, 140* — Луки I—II; *141* — Сватово. Река Ковсуг, приток р. Евсуг: *142—144* — Михайловка I—III; *145* — Петровка. Река Лозовая, приток р. Лугани: *146* — Еленовка; *147* — Замковка; *148* — Ст. Замковка; *149* — Зоринка; *150* — Криворожье; *151* — Лозовское; *152* — Лозово Павловка; *153* — Петровка; *154* — Сабовка. Река Лугань, приток правого берега р. Северский Донец: *155* — Веселенькая; *156, 157* — Родаково I—II; *158* — Фрунзе. Река Луганчик, приток правого берега р. Северский Донец: *159* — Верхняя Ореховка; *160, 161* — Николаевка I—II; *162, 163* — Петроникола евка I—II; *164* — Шелковые протоки. Река Мечетная, приток р. Каменки: *165, 166* — Полиево; Река Миус, приток р. Кальмиус: *167, 168* — Круглое. Река Нагольная, приток р. Миус: *169* — Грибоваха; *170, 172* — Новоборовицы. Река Ольховая, приток р. Лугани: *171* — Борисовка. Река Полная, приток р. Деркул: *173* — Волошино. Река Северский Донец (среднее течение): *174, 175* — Давыдо-Никольское I—II; *176, 177* — Желтое I—II; *178* — Зливки; *179* — Лиманское озеро; *180* — Сокольники; *181, 182* — Лопаскино I—II; *183, 184* — Лобачево I—II; *185—187* — Маяки; *188—190* — Николаевка I—III; *191* — Паньковка; *192* — Станица Луганская, *193, 194* — Старый Айдар; *195* — Серебрянка; *196* — Трехизбенка; *52* — Дроновка. Река Теплая, приток левого берега р. Северский Донец: *197* — Верхний Минченок; *198* — Минченок; *199* — Нижняя Теплое. Урочища Донецкого кряжа: *200* — Батырь; *201* — Грушевая балка; *202, 203* — Кондрючая балка I—II.

Поселения и погребения, зафиксированные по Айдару и частично по Северскому Донцу — результаты разведок С. А. Плетневой. По р. Бахмутке и частично Жеребцу — разведки С. И. Татаринова. Остальные пункты выявлены и уточнены автором статьи

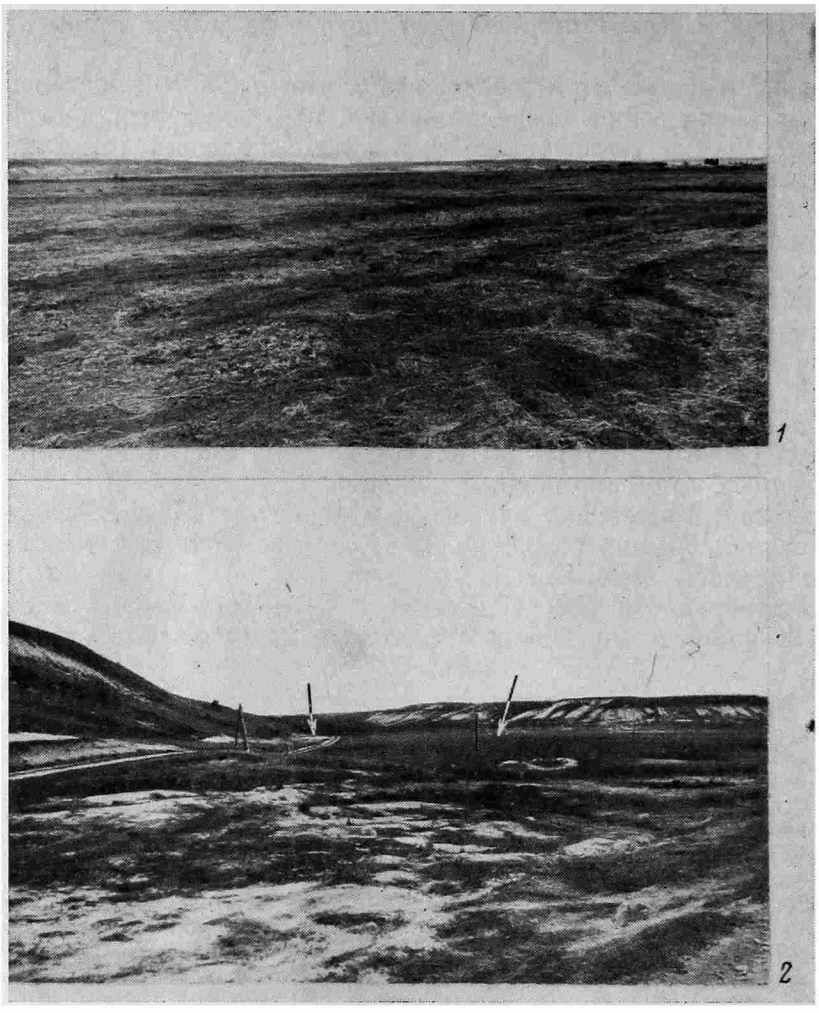


Рис. 2. Расположение поселений первой группы: *1* — стойбища первого типа; *2* — стойбища второго типа

рамика, много обломков от толстостенных амфор, лощеных кувшинов и других вещей: орудий из кости, керамики и камня, много здесь и костей животных. Нет сомнения в том, что эти поселения связаны с большей оседлостью, нежели стойбища. Назовем их кочевьями. Здесь также жили скотоводы. Их хозяйство, видимо, основывалось на эксплуатации местных пастбищ, но мы не исключаем и откочевки стад. Часть кочевий, особенно в благоприятных местах для ведения хозяйства, переросла в стабильные населенные пункты — селища. С двумя поселениями такого рода — у с. Новолимаревки и с. Подгаевки (оба на р. Деркул) — мы столкнулись в ходе археологических раскопок.

Подгаевское поселение разместилось на мысу, образованном с южной стороны рекой, с западной — низкой пойменной луговиной, с северной — впадинами (озера старицы реки), только восточная сторона оставалась открытой (рис. 5, *1*). На этом месте до появления селища возникло кочевье — поселок, состоящий примерно из восьми-десяти жилищ. Ставили их на расстоянии 15—17 м одно от другого, образуя полукруг, края которого подходили к реке. Центр поселка не застраивался, а превращался как бы в большой двор.

По такому же принципу построены жилища на кочевье у с. Новолимаревка. Кочевье здесь разместилось на обширной прибрежной террасе, вытянутой по линии север — юг на 900 м и шириной 100—120 м, разде-

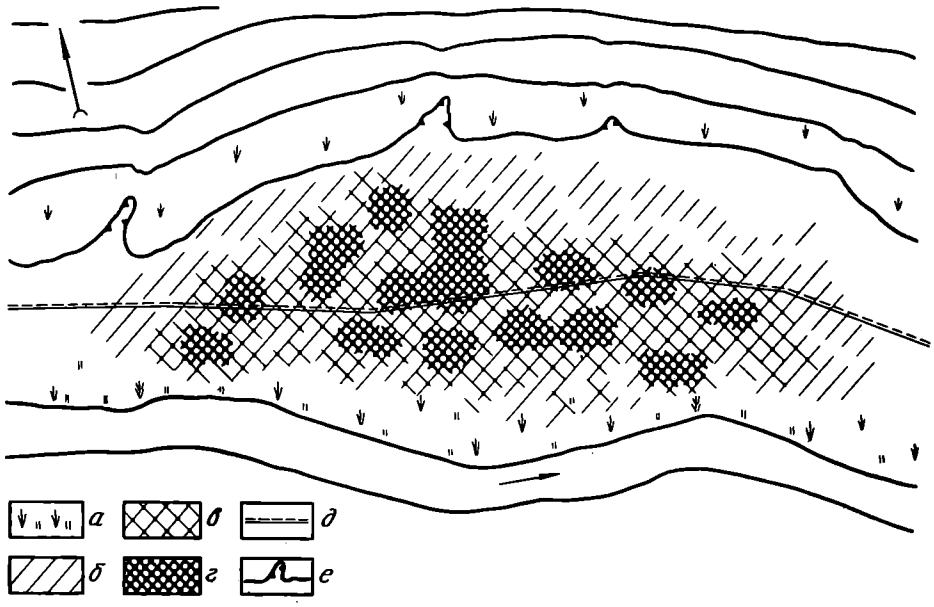


Рис. 3. План стойбища второго типа: *а* — заболоченная пойма реки; *б* — зона распространения отдельных находок; *в* — зона интенсивного скопления находок; *г* — пятна со следами культурного слоя, насыщенного материалом; *д* — дорога; *е* — овраги

ленной древним оврагом на две части — южную и северную (рис. 5, *2*). Ответить точно на вопрос, какую площадь из 100 тыс. м² занимает кочевье, сейчас еще нельзя, так как изученная площадь южной части составляет только 3500 м². На ней открыто всего 19 построек (рис. 5, *3*). Жилища раннего периода (пять построек) размещаются по кругу. Таким образом, круговая система, как и в Подгаевке, наметилась здесь совершенно отчетливо. Полукольцо замыкается у подножья высокого коренного берега. Внутри него оставалась такая же незастроенная площадка длиной 70—75, шириной 25—30 м. Почти по центру площадки проходил ров глубиной 1 и шириной 1,2 м (у дна) и 1,7 м (вверху). Изучение заполнения рва показало, что в древности он заливался водой. Возможно, он служил для отвода потоков воды, которые катились на поселение с горы, могли его использовать и как резервуар.

На раскопанных нами кочевьях обнаружены жилища, которые можно отнести к одному общему типу сооружений — круглым (юртообразным) или близким к круглым, с сильно закругленными углами постройкам (рис. 6, *1*). Все постройки, по форме напоминающие юрту, мы определяем как жилища первого типа. Однако углублены они неодинаково: в одном случае постройки почти наземные, в другом — основание их опущено на глубину до 40—50 см, в третьем — это явные полуземлянки глубиной 1—1,5 м. Бóльшая часть построек кочевий выглядят полуземлянками.

Итак, как ни фрагментарны пока сведения о планировке кочевий, они помогают нам понять хозяйственную жизнь и общественный уклад населения Среднедонечья. Кочевья можно отождествить с аилами — поселениями, возникшими в процессе разложения ранних объединений кочевников [1, с. 18, 19; 5, с. 39—44; 6, с. 133—139]. Как отмечает С. А. Плетнева, аилы территориально меньше куреней, но их население ведет более оседлый образ жизни. «Аильные зимовища были по существу переходной формой от становищ — кочевий к поселениям оседлых земледельцев» [1, с. 19].

Второй тип — селища, долговременные поздние поселки, многие из них стали свидетелями гибели салтовской культуры. Топография всех селищ во многом близка, но не одинакова. Большинство их размещалось

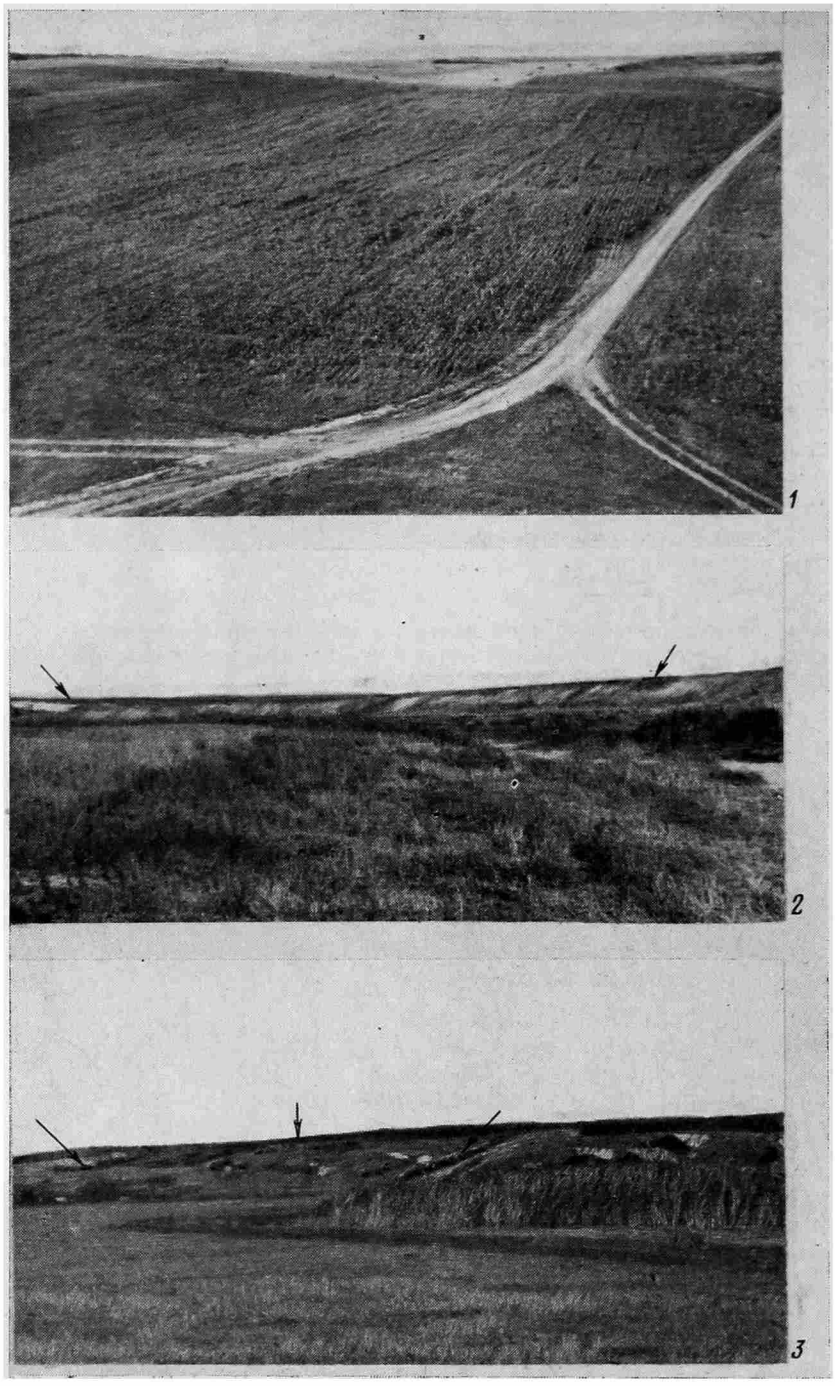


Рис. 4. Расположение поселений второй группы: *1* — расположение кочевий; *2* — размещение селищ подтип А; *3* — местонахождение селищ подтип Б

вдоль коренного берега на мысах-площадках второй террасы, занимая площадь от 3 до 10 га. Эти селища обозначим подтипом А (рис. 4, *2*). Раскопки показали, что они возникали как на ранее необжитом месте, так и на кочевьях. В таком случае поселение оказывалось двухслойным (Новолимаревка, Подгаевка).

Селища подтипа Б располагались на высоких IV, V и даже VI террасах (рис. 4, *3*). Таких селищ обнаружено всего восемь. Они всегда однослойные, но культурный слой у них очень выразительный, а сами по-

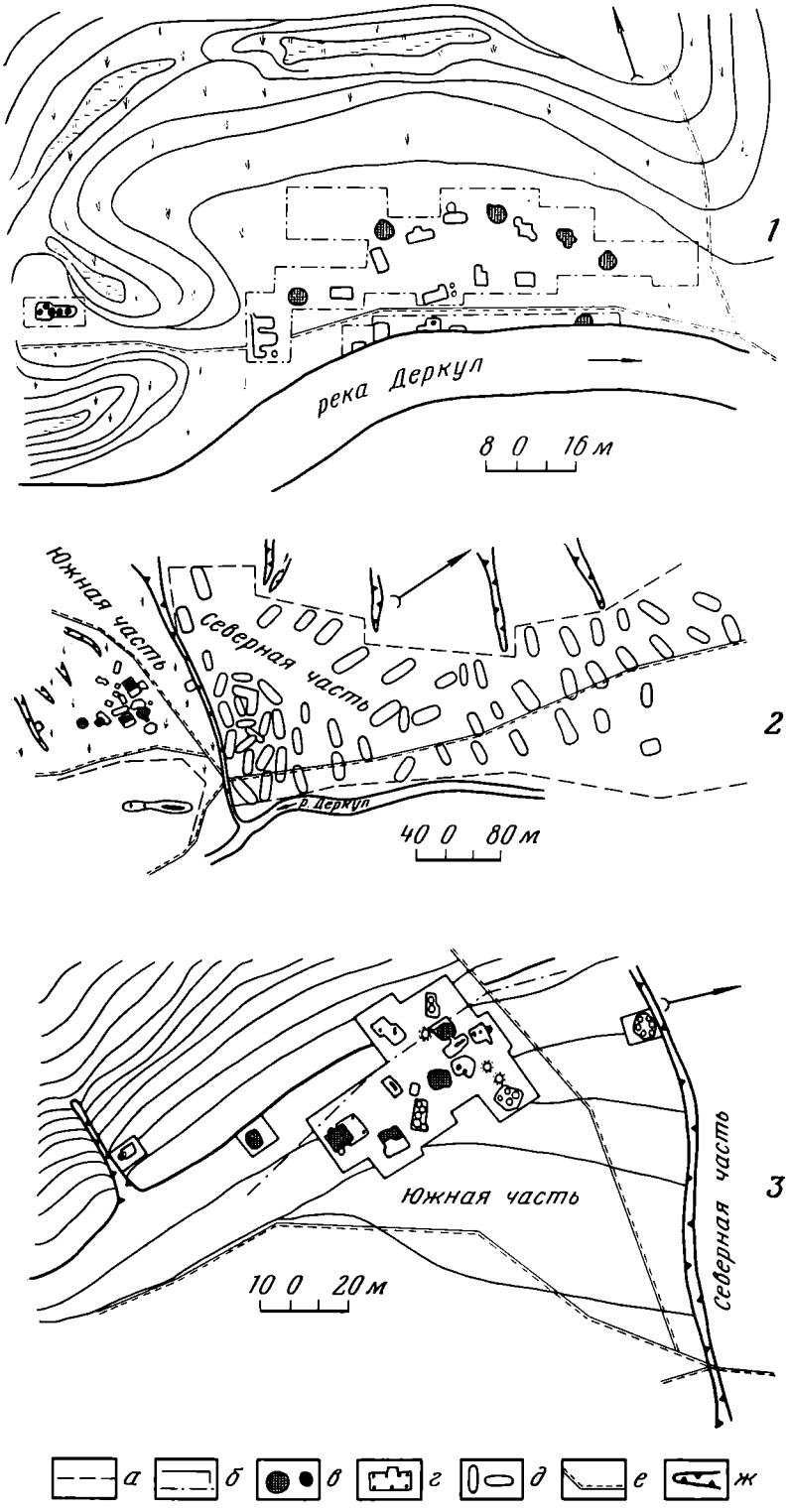


Рис. 5. Планы поселений салтовской культуры Среднедонечья: *1* — поселение у с. Подгаевка; *2* — поселение у с. Новолимаревка; *3* — план южной части поселения у с. Новолимаревка. Условные обозначения: *а* — предполагаемая граница поселения; *б* — изученная территория; *в* — постройки периода кочевья; *г* — постройки периода селища; *д* — пятна вероятных построек на селище Новолимаревка; *е* — дороги (проселок); *ж* — овраги

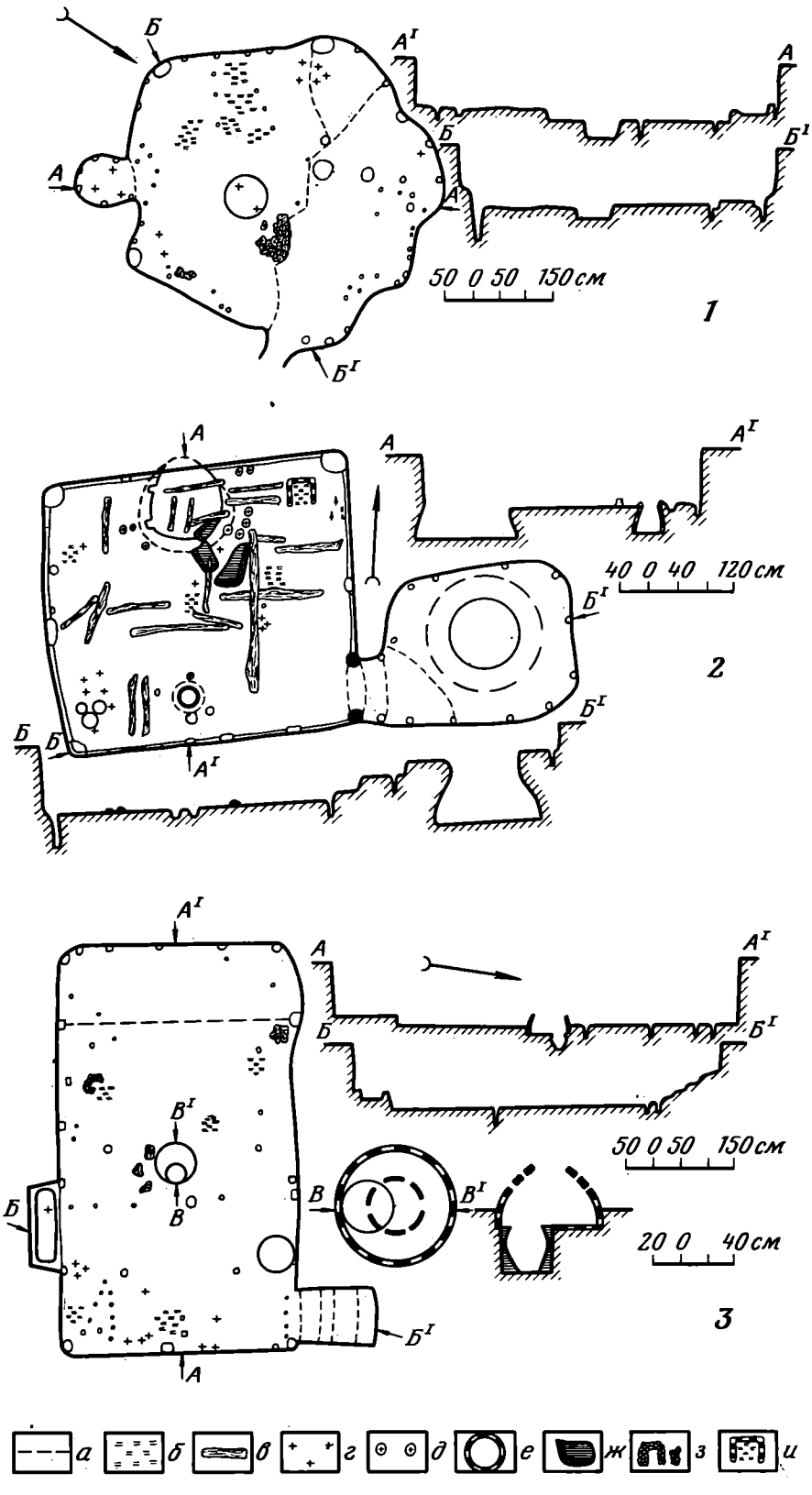


Рис. 6. Планы салтовских жилищ поселений среднего Донца: *1* — первый тип — круглое; *2* — второй тип — квадратное; *3* — третий тип — прямоугольное. Условные обозначения: *а* — ступеньки; *б* — обожженные участки пола; *в* — остатки бревен; *г* — скопления фрагментов керамики; *д* — сосуды целые; *е* — тондеры; *ж* — жаровни; *з* — камни или печь каменка; *и* — печь, сложенная из каменных плиток

селения бóльших размеров — до 15—16 га. В местах распашки слой разрушен только сверху. На поверхности встречаем находки, прежде всего керамику, сделанную на гончарном круге. Грунт повсеместно насыщен золой, так как зольные кучи обычно распаханы. В них особенно много керамики, костей животных (Рогалик).

Планировка построек на селищах изучена наиболее подробно. Сейчас нам известно три поселения, на каждом из которых раскопано от 14 до 20 сооружений. Особый интерес в этом плане представляет Новолимаревка. На всей территории селища (площадь его 10—11 га) зафиксировано примерно 80 построек, правда, следы 60 прослежены по пятнам на вспашке, 19 из них раскопано (рис. 5, *2*).

Бóльшая часть жилищ расположена вдоль берега. Первый ряд жилищ — ближний к реке — состоял из восьми построек, второй, параллельный — из семи, третий — из девяти, четвертый спланирован перпендикулярно трем первым, включая восемь построек. Остальные постройки двумя группами сосредоточены у оврага и на южной части поселения.

Таким образом, в планировке селища Новолимаревки намечается две системы — линейная и напоминающая круговое расположение построек. Развитие этих систем было непрерываемым и происходило на местной основе. Селище формировалось в южной части террасы, на месте существовавшего ранее кочевья. Новые постройки возводились вначале на незастроенных местах, позднее — на местах, предшествовавших им построек. Однако поселок, видимо, быстро рос, и вскоре площадка южной части (11—11,5 тыс. м²) оказалась недостаточной. Началось расселение за овраг. Планировка первых построек на новом месте почти такая же, как и в южной части. Дальше в северном направлении постройки строятся «улицами».

На селище Подгаевка из 19 построек семь ранних и 12 поздних. Небольшое число сооружений на площади около 10 тыс. м² говорит о том, что поселок был малонаселенным. Однако и здесь в постройках селища наблюдается линейная планировка. Сооружения двумя рядами протянулись вдоль берега на 120—130 м: в первом ряду пять сооружений, во втором — семь. На западной стороне они сходились в одну линию (рис. 5, *1*). В этом же месте был перешеек к мысу, на котором помещалась крупная гончарная мастерская. Расстояние между постройками внутри ряда 15—20 м (иногда 25 м), приблизительно такое же расстояние было между рядами, составляющими улицу.

Важные дополнения к планировке селищ содержат материалы Рогалика. Общая площадь поселка 150—160 тыс. м². Естественные овраги делят ее как бы на три части (рис. 7, *1*). В течение ряда лет исследовали северную часть поселка (36—40 тыс. м²). На этой площади вскрыто 3,5 тыс. м², раскопано 17 построек, еще пять пока только выявлены (рис. 7, *2*). Несмотря на сравнительно ограниченные масштабы раскопок, уже стало ясно, что и здесь поселок имел линейную планировку. Сейчас зафиксировано три линии построек, вытянутые по направлению восток — запад. Расстояние между линиями около 15—20 м. Два ряда создают впечатление улицы, третий ряд проходит вдоль оврага, который, видимо, и определил его направление. На Рогалике плотность застройки большая, но было бы ошибкой считать, что вся территория селища когда-то была занята жилищами и хозяйственными сооружениями. После ряда лет работ стало известно, что из 36 тыс. м² только две трети, или 25—27 тыс. м², площади пригодно для строительства, остальная часть в древности была покрыта овражками. Изучая их, мы убедились, что жители все же пытались спланировать местность, засыпали впадины золой, строительным материалом, отходами керамического производства, мусором, просто грунтом из котлованов при строительстве полуземлянок.

Жилища на селищах — полуземлянки, различающиеся по форме основания на два типа. Примерно две трети всех жилищ в плане квадрат-

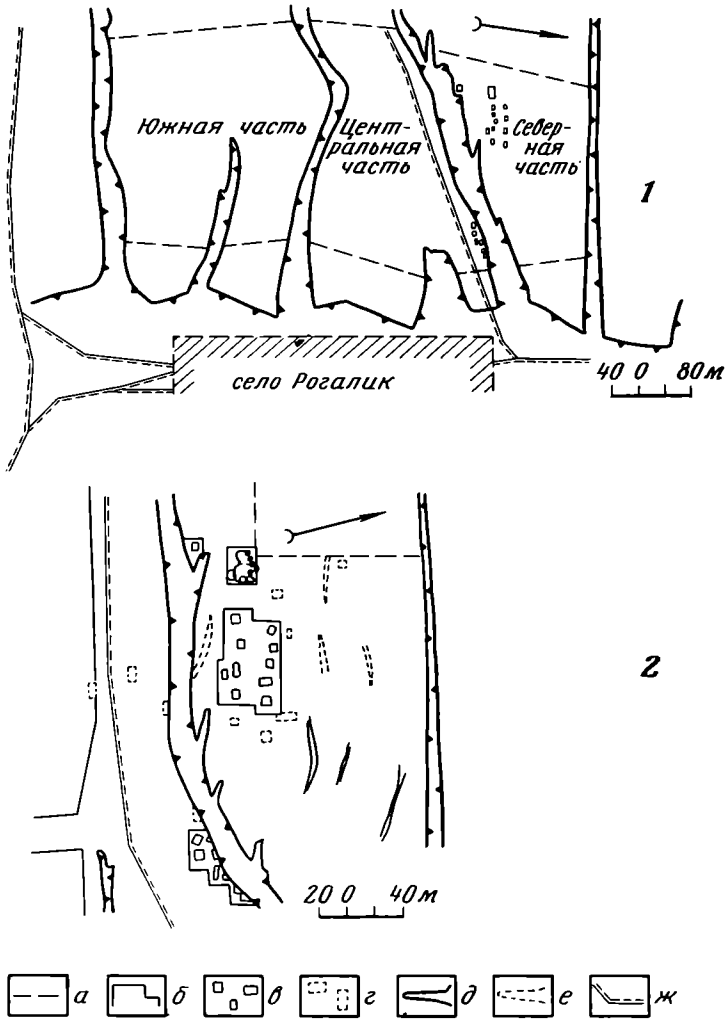


Рис. 7. Планы селища у с. Рогалик на р. Евсуг: *1* — общий план селища; *2* — план северной части селища.
Условные обозначения: *а* — предполагаемая граница селища; *б* — изученная территория; *в* — постройки раскопанные; *г* — постройки нераскопанные; *д* — овраги; *е* — древние засыпанные овражки; *ж* — дороги

ные постройки — тип II (рис. 6, *2*), остальная треть — постройки прямоугольной формы — тип III (рис. 6, *3*).

В целом жилища Среднедонечья, в особенности первого и второго типов, по многим признакам напоминают такие же постройки, раскопанные в других районах Подонья [1, с. 58—60]. Одновременно в Среднедонечье попадаются постройки, состоящие из двух и даже трех пристроек, соединенных в единый комплекс (рис. 8, *1*).

Итак, селища в отличие от кочевий распространялись вширь, вытягивались в сторону удобной для построек части террас. Именно тогда утвердился порядок расположения жилищ рядами. Уличная планировка могла возникнуть при условии появления и развития индивидуального хозяйства, которое вела каждая семья. Тогда для удобства сообщения жилища и усадьбы создавалась необходимость «раздела» территории селища на дворы. Расстояния между постройками внутри ряда различные и зависят от количества и величины разнообразных построек. Точное очертание индивидуального двора реконструировать сложно, но набор построек и плотность их размещения говорят о том, что в него входили: жилище

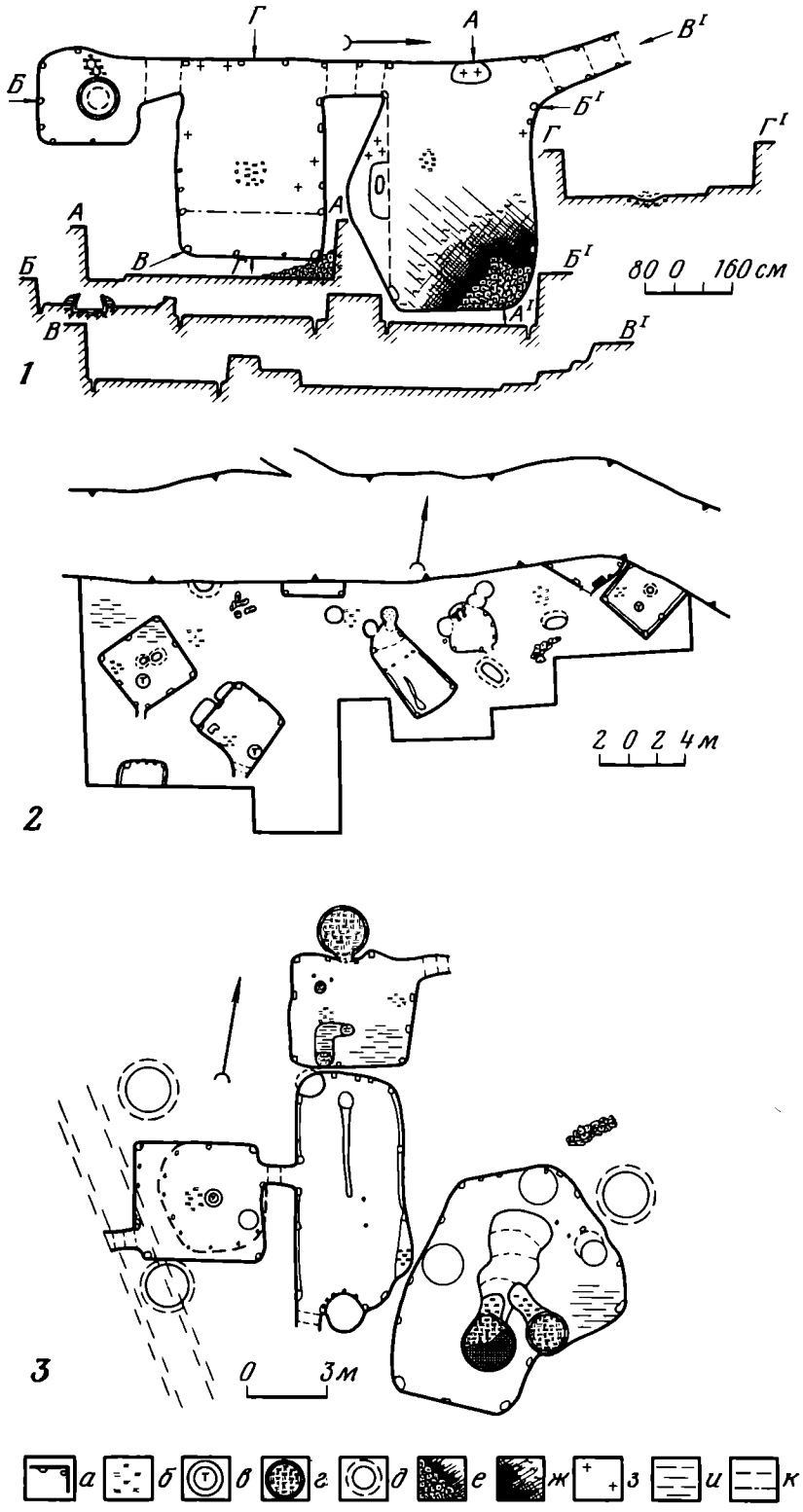


Рис. 8. *1* — План жилищно-производственного комплекса на селище Подгаевка; *2* — план застроек на селище Рогалик; *3* — плотность застроек на поселении Новолимаревка:

Условные обозначения: *а* — границы раскопов; *б* — очаги и обожжения; *в* — тондеры, *г* — гончарные печи; *д* — хозяйственные ямы и погреба; *е* — кузнечный горн; *ж* — скопление шлаков и окалины; *з* — скопление керамики; *и* — глина гончарная, сырая; *к* — лежанка, скамья

(одно- или двухкамерная полуземлянка) площадью от 20 до 35—40 м², хозяйственные сооружения (зимнее стойло для скота) 20—30 м², иногда летняя кухня 10—12 м², мастерская 25—30 м², ямы, погреба. В целом только постройки двора могли занимать площадь от 50 м² (минимум) до 100—130 м² (максимум). Но дворы территориально, видимо, были ограничены, во всяком случае на площади 3—3,5 тыс. м² в среднем размещалось 13—15 дворов. Это значит, что один большой двор занимает 200—230 м² или 100—120 м² постройками и 100 м² незастроенной территории (рис. 8, *2*) [2].

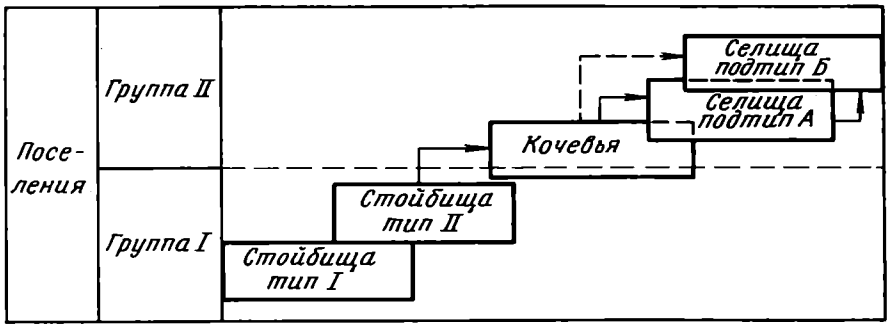
Наконец, укажем еще одну особенность планировки селищ. Размеры индивидуальных усадеб не оставались неизменными. Об этом говорят наблюдения, сделанные нами на селище Новолимаревка. Рост поселка сопровождался одновременным увеличением площади индивидуального двора, что нашло отражение в увеличении расстояния между постройками до 20—30 м.

Итак, основные причины преобразований салтовских поселений кроются в хозяйственных сдвигах. Эволюция в хозяйстве, охватившая все Среднедонечье, нагляднее всего проявилась в переходе от кочевий к селищам. Но не все селища возникали одновременно и одинаково, как неодинаковой в переходный период оказалась судьба кочевий. Одним кочевьям суждено было перерасти в селища, другим — замереть, а население с малопригодных для ведения оседлого хозяйства участков уходило на удобные террасы. Салтовцы в первую очередь осваивали такие ландшафтно-географические и почвенные условия, на которых одинаково могли развиваться земледелие и скотоводство. Как раз таким условиям отвечали прибрежные земли в среднем течении рек, поэтому, создавая поселки (селища), обычно учитывали только один фактор — хозяйственный и заселяли места, совершенно лишенные естественных преград. Только кочевья, да и то в редких случаях, возникали там, где со стороны степи в поселок нелегко было проникнуть. Видимо, в этот период экспансия праболгар на Северский Донец и освоение этой местности только начиналось.

Таким образом, в настоящее время мы можем с полным основанием построить эволюционно-хронологический ряд поселений Среднедонечья (табл. 2).

Таблица 2

Эволюционно-хронологический ряд поселений



Естественно, что самыми ранними в этом ряду являются стойбища. Как мы уже говорили, характеризуются они наземными постройками, имеющими вид традиционной кочевнической юрты [5, с. 39—44; 6, с. 133—

[2] Данные, приводимые нами, следует понимать в среднем соотношении. На самом же деле такого равенства не могло быть, ведь попадались очень маленькие постройки, удаленные от ближайших на расстояние до 20 м, и здесь же на селище встречаются постройки, вплотную примыкающие одна к другой (рис. 8, *3*). Заметим, также, что в наши подсчеты не вошли постройки общего пользования — амбары-зернохранилища, мастерские обжига посуды, в которых семья, видимо, имела свою долю.

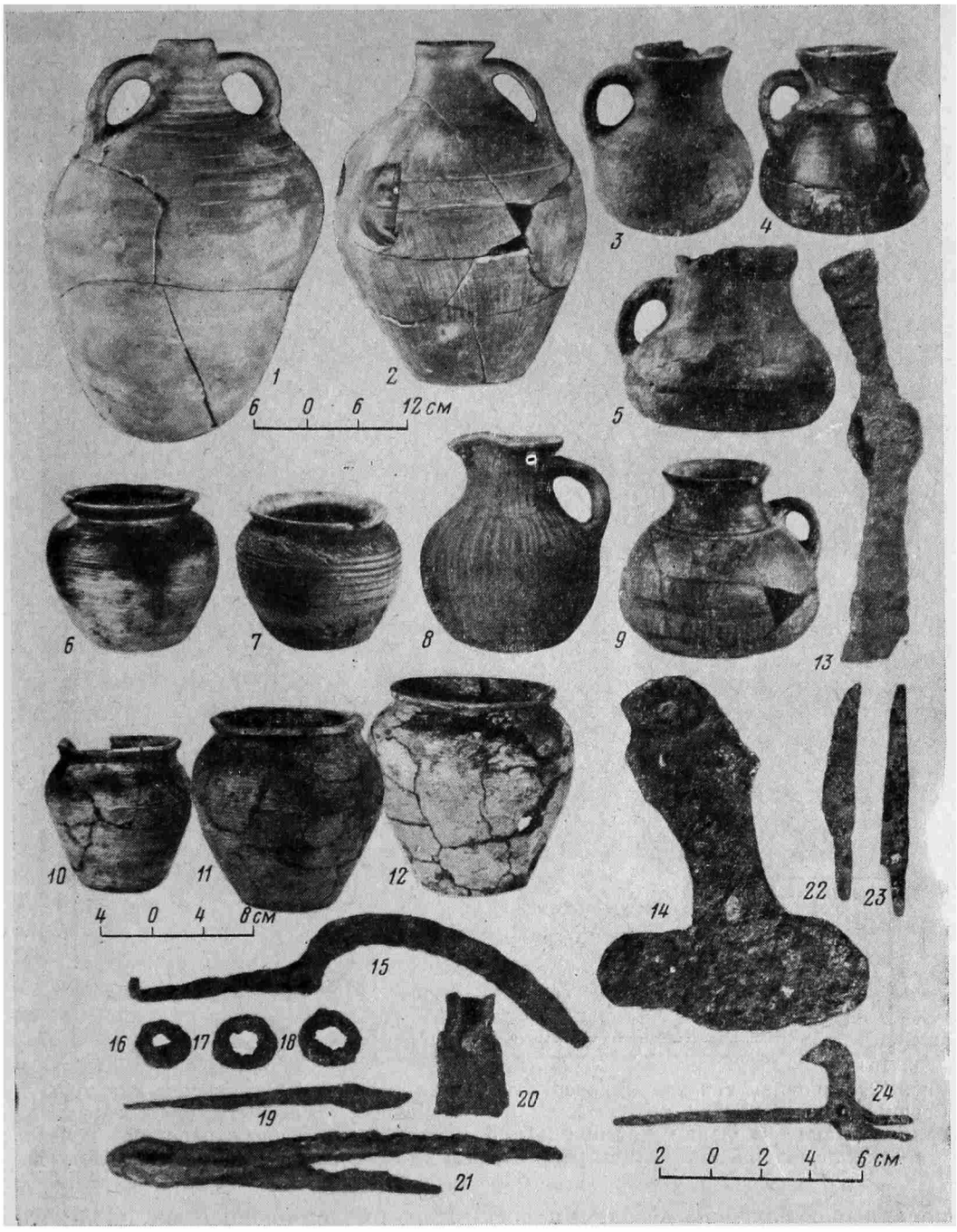


Рис. 9. Находки из жилищ со следами пожарищ на селище Рогалик: *1* — амфора; *2* — тарный кувшин; *3—12* — кухонная и столовая посуда; *13, 14* — топоры; *15* — серп; *16—18* — кольца; *19* — ложкорез; *20* — мотыжка; *21* — плоскогубцы; *22, 23* — ножи; *24* — кресало

139; 7, с. 53—59]. В слое и на поверхности стойбищ преобладают находки лепной кухонной керамики и привозных амфор, реже встречаются обломки от лощеных кувшинов (см. табл. 1).

Кочевья представляют собой промежуточную стадию развития поселений. Об их относительно позднем времени в сравнении со стойбищами прежде всего говорят стационарные жилища — полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, в заполнении которых, в особенности на полу, преобладают находки обломков круговых горошков. Селища являются вершиной развития поселений на изученной нами территории. Они

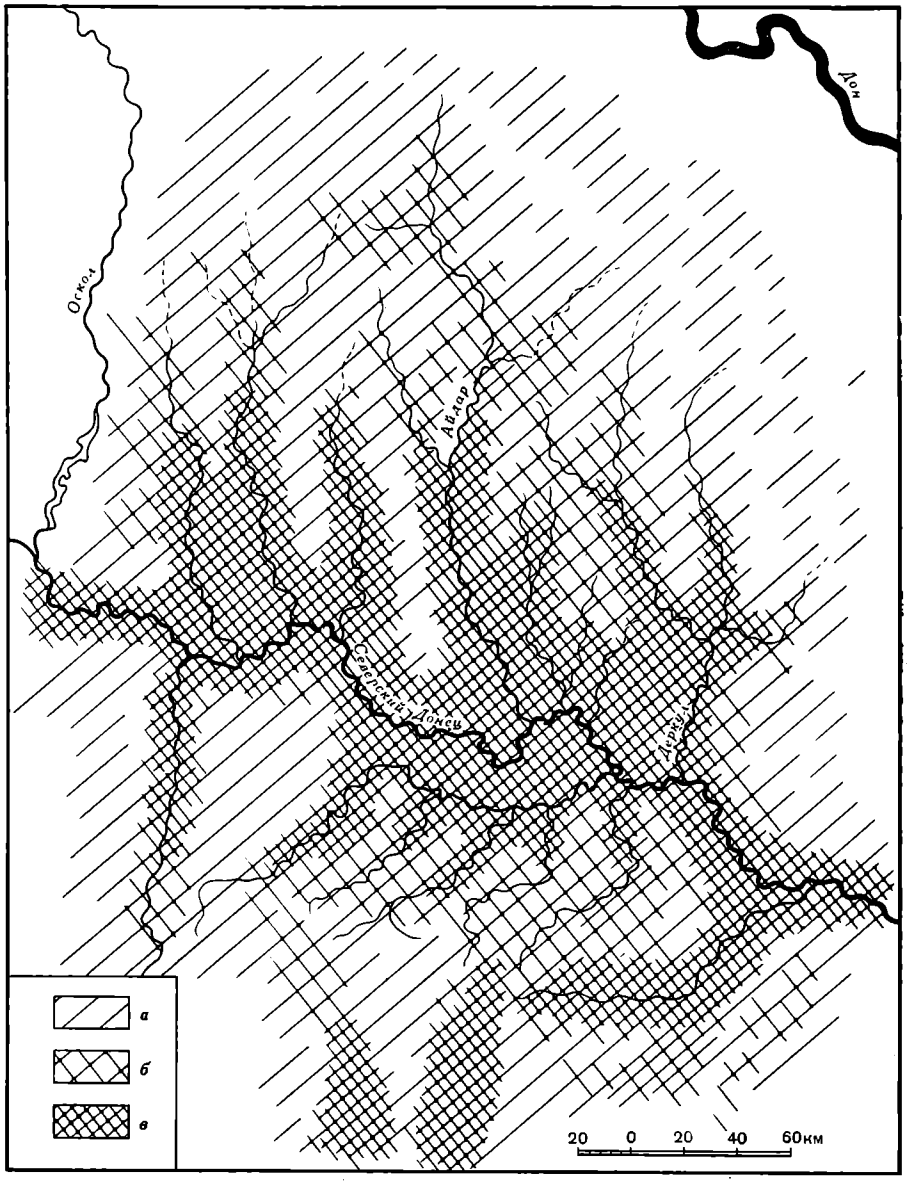


Рис. 10. Основная территория распространения поселений салтовской культуры на Среднедонечье в VIII — начале X в.: *а* — территория, освоенная праболгарами на раннем этапе заселения (стойбища); *б* — территория распространения кочевий; *в* — места наибольшей концентрации селищ на позднем этапе развития культуры

перекрывают кочевья, а значит, возникали в более позднее время. Многие селища погибали от нашествия печенегов. В особенности в этом нас убеждают раскопанные жилища на селище Рогалик. Некоторые находки из жилищ со следами массовых пожарищ датируют эти события не позднее первой четверти X в. (рис. 9, *24*).

Одним из существенных вопросов, возникших при изучении поселений, является вопрос об освоении салтовцами этой территории. Картографирование поселений показало, что изменялась не только топография поселений, но и территория, занимаемая разными группами и типами поселений (рис. 10). Древние болгары, полукочевники в начале освоения Среднедонечья, предпочитали устраивать свои стойбища в верховьях рек, на широких речных пойменных долинах. Позднее, по мере развития оседлости, они устраивали поселения (кочевья) немного ниже, обживая среднее течение рек. Еще ниже по течению размещались оседлые поселки — селища. Для их устройства выбирали надпойменные террасы обычно

правого коренного берега реки. Постепенное сокращение территории, обжитой салтовцами, вовсе не означает утраты ранее освоенных долин рек. Ведь на этой местности следов пребывания других (неболгарских) племен до появления в X в. поздних кочевников не замечено. Вероятно, население, проживающее на селищах, продолжало владеть пастбищами в долинах верховий рек, откочевывая на них в летнее время, для выпаса своих стад.

Итак, общая тенденция состоит в том, что границы распространения поселений различных типов не оставались неизменными. На раннем этапе в условиях кочевой экономики были обжиты травоносные долины среднего течения и верховьев рек, позже население сосредоточилось в среднем и нижнем их течении (рис. 10), так как именно здесь были удобные для оседлой жизни и комплексного ведения хозяйства берега и террасы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
2. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Дона.— МИА, 1958, № 62.
3. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца.— КСИИМК, 1960, № 70.
4. *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— В кн.: Географическое общество СССР. Докл. отд. этнографии. Вып. 1. Л., 1961.
5. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения на Белой Калитве.— КСИА АН СССР, 1962, № 90.
6. *Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря вежи.— СА, 1964, № 3.
7. *Харузин Л. И.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

K. I. Krasilnikov

THE TRANSITION TO A SETTLED WAY OF LIFE OF THE PROTO-BULGARIANS IN THE MIDDLE REACHES OF THE SEVERSKY DONETS

Summary

The study of the Saltovo-Mayak antiquities from the western part of the Don basin (in the middle reaches of the Seversky Donets) holds an important place in the archaeology of the early Middle Ages. This region was a densely populated one in the 8th-early 10th centuries: more than 200 communities and 23 burial grounds occupy less than 40,000 sq. km. Topographically the settlements can be divided into two groups: those in the watered meadow areas inhabited by early cattle-breeders (Figs. 2; 3), and those on the high banks—camps of the nomads and settlements (Fig. 4). A study of the lay-out of both types reveals this difference: in camps the dwellings formed an irregular circle (Fig. 5, 1) while in the settlements they formed a kind of streets (Figs. 5, 1, 2; 7, 2). The dwellings were surface and semi-sub-surface. They can be divided into following types: round—type I, square—type II and rectangular—type III (Fig. 6, 1—3). There are also some complex sets of constructions (Fig. 8, 1). The street lay-out provides a good idea of population density, of the buildings (Fig. 8, 1, 2), the types of household constructions (Fig. 8, 3) and yard sizes. The steppe in the middle reaches of the Seversky Donets was suitable both for cattle-breeding and agriculture. The area was peopled mainly by the proto-Bulgarians (Fig. 9). Changes in their economic life influenced their culture and made for territorial expansion: in the 8th century their settlements covered a large part of the steppe, but by the mid-9th century their territory had decreased considerably and their settlements were concentrated in the lower reaches of the rivers (Fig. 10).

НЕМЦЕВА Н. Б.

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО МАВЗОЛЕЯ КАЗЫ-ЗАДЕ РУМИ В АНСАМБЛЕ ШАХИ-ЗИНДА

Двухкамерная усыпальница «нижней группы», расположенная на внешнем южном склоне городища Афрасиаб,— наиболее эффектный и величественный памятник известного ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде. Благодаря своему выгодному положению и голубым стройным куполам, видным издалека, этот строгий и величественный мавзолей доминирует в общем силуэте ансамбля; он как бы «открывает» памятник, хотя ниже его по склону у подошвы городища расположена еще целая группа разновременных строений, в том числе зимняя мечеть и входная дарваза-хана с порталом (1434/1435 г.) (рис. 1).

Двухкамерный мавзолей, известный под названием Казы-заде Руми,— самое крупное мемориальное сооружение Шахи-Зинды. Это двухчастное, продольно-осевое здание с обширной крестовидного плана зиарат-ханой (поминальная комната), дополнительными, видимо, служебными помещениями по углам и небольшой гур-ханой с севера (рис. 2). Оба помещения венчают двойные купола (внутренний и внешний) на высоких круглых барабанах. В зиарат-хане переходный от квадрата к куполу ярус основан на архаичном, известном по более ранним памятникам (мавзолеи X в.— Араб-Ата в Тиме, Аламбердара) арочном парусе двухъярусной трехлопастной конструкции. В синхронных строениях такой парус не известен (рис. 3).

В гур-хане под ганчевыми сталактитами, декорирующими переходные конструкции,— безраспорный балочный парус, аналогичный ряду сооружений рубежа XIV—XV вв. (мавзолей Туман-ака Биби-ханым в Самарканде, комплекс Ходжа Ахмада Яссеви в Туркестане). Сталактиты не только покрывают переходные конструкции, драпируя верх четверика, но образуют изумительный по красоте купол, создавая общее как бы кружевное покрытие помещения, низ его сплошной голубой лентой опоясывает панель из глазурованных плиток.

Интерьер зиарат-ханы, как и внешние фасады памятника, убран строго; низ помещения опоясывает керамическая панель в «шашку» с голубыми вставками по краю, верх оштукатуренных ганчем стен когда-то покрывала синяя роспись по белому фону. Росписи почти не сохранились в зиарат-хане, но хорошо видны в гур-хане. Мелкий геометризованный рисунок звездами, овалами, ромбами с кружевным полем стилизованно-растительного орнамента заполняет сталактиты, оставляя много белого фона, так, что пластика рельефных сталактитов не забивается цветом, а лишь подчеркивается вкраплениями синего рисунка. Характер и стиль росписи при всем своеобразии, как и общий облик интерьера, очень близок ряду самаркандских и шахрисябзских памятников времени Улугбека (галерея 1424 г. в мавзолее Гур-Эмир, коридоры-входы в медресе Улугбека 1419—1420 гг. в Самарканде, Гумбези-Сейидан в Шахрисябзе) [1, с. 185—200].

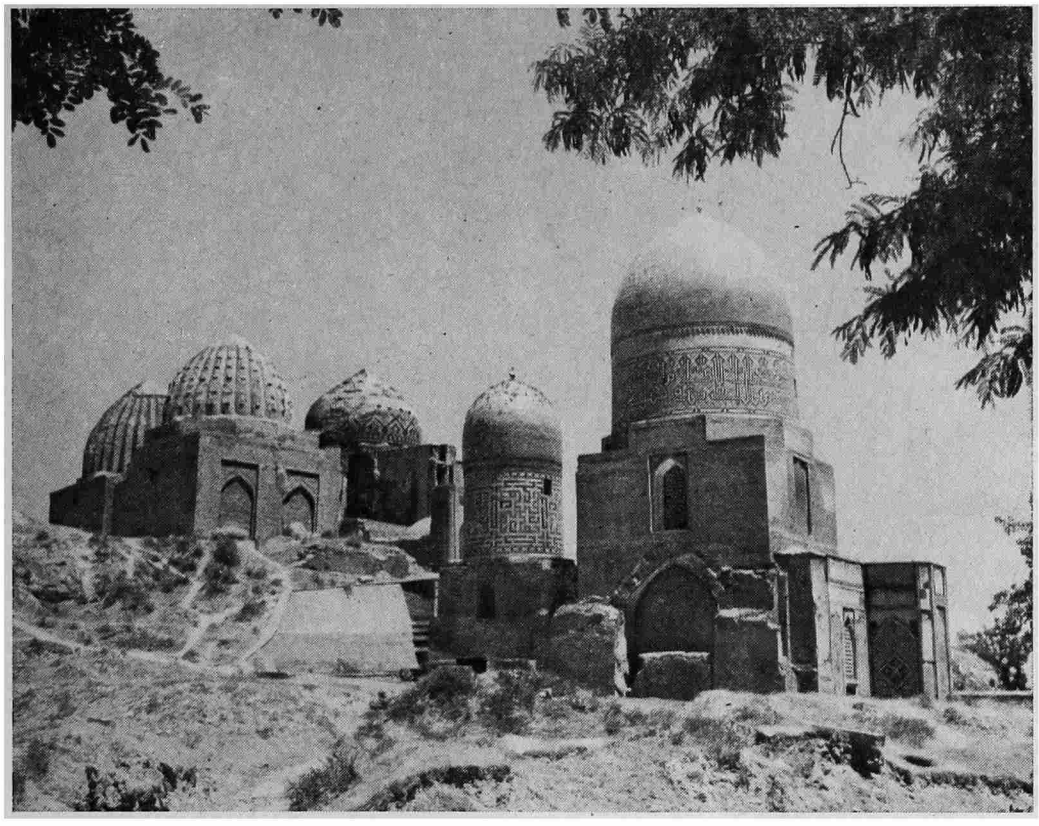


Рис. 1. Двухкамерная гробница «нижней группы» ансамбля Шахи-Зинда (вид с запада)

Снаружи декоративно обработаны были только барабаны и купола, а также несохранившийся южный портал, где в арке уцелел фрагмент пояса из кашинной мозаики с арабскими письменами. В остатках надписей южного портала ни дат, ни собственных имен нет. Считалось, что мавзолей вообще не содержит исторических текстов. Абу-Тахир Ходжа — первый чтец и переводчик надписей ансамбля Шахи-Зинда (30-е годы XIX в.) [2], а вслед за ними С. А Лапин [3] в конце XIX в., специально читавший даты и имена на мавзолеях, обходят молчанием двухкупольную гробницу, видимо не усмотрев на ней исторических надписей.

Но мавзолей не считался «безымянным». Предания, зафиксированные А. Куном в XIX в., сообщают, что мавзолей этот принадлежит кормилице Тимура — Олджа Инага и ее дочери Биби-Синеб [4]. То же предание передают и путешественники XIX—XX вв. В. В. Крестовский, Ф. Зарре, Ю. Смолик, Э. Кон-Винер и др. Вплоть до 40-х годов нашего столетия мавзолей считался женским и упоминался чаще всего под названием мавзолея «матери и дочери».

В 1941 г. М. Е. Массон высказал предположение, что это мемориальное здание возведено Улугбеком над останками крупного ученого своего времени, математика и астронома — Казы-заде Руми, скончавшегося, как сообщают источники, в период строительства обсерватории, в 30-е годы XV в. [5, с. 20]. Основанием для этого явились сведения Малихо (автор XVII в.) о строительстве Улугбеком в ансамбле Шахи-Зинда мавзолея своему учителю Казы-заде Руми [6, с. 218]. Архитектурно-декоративные приемы мавзолея не противоречили датировке первой третью XV в., и с этих пор усыпальница вошла в литературу под названием мавзолея Казы-заде Руми, иногда с оговоркой — «предполагаемый» [7, с. 10].

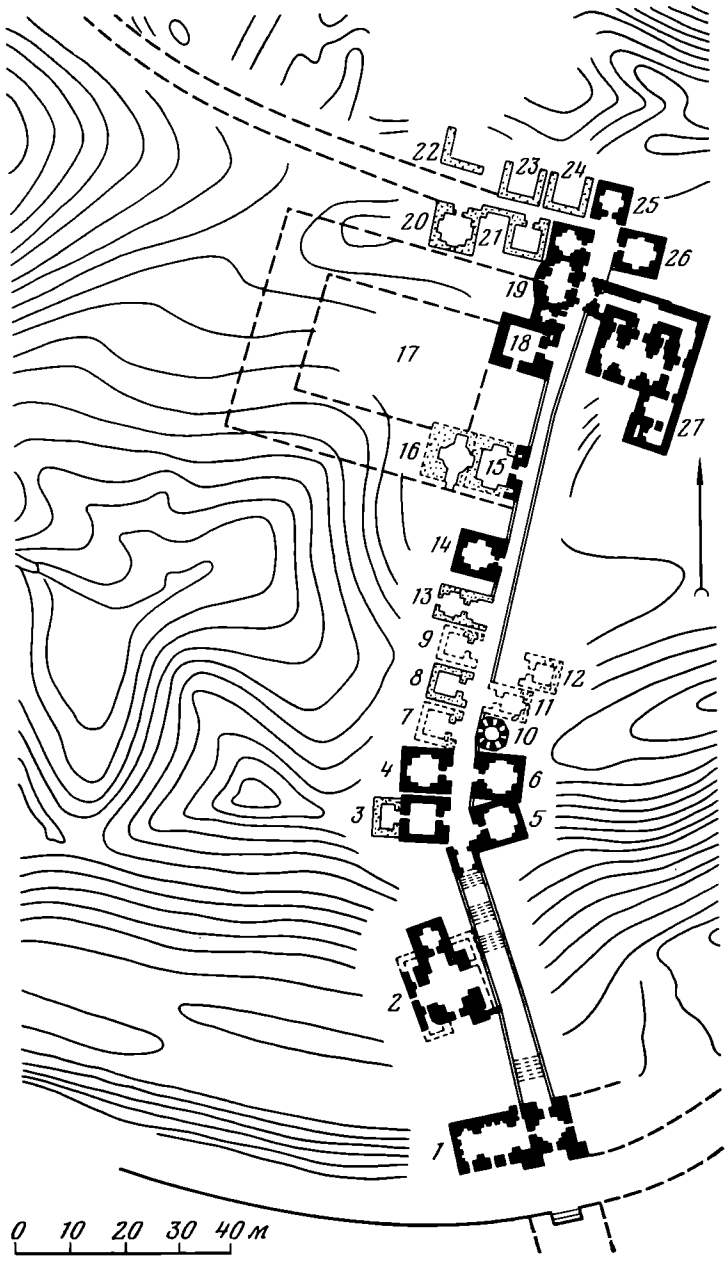


Рис. 2. План-схема ансамбля Шахи-Зинда в XV в.: *1* — входная группа ансамбля 1434/1435 г.— портал, дарваза-хана, зимняя мечеть; *2* — двухкамерная усыпальница «нижней группы»; *3—6* — мавзолеи последней четверти XIV в.; *7—9, 11—13* — мавзолеи XIII—XIV вв., вскрытые в 60-е годы; *10* — «Восьмигранник»; *14* — мавзолей «Безымянный 1» (Усто Алим Несефи) — 80-е годы XIV в.; *15* — мавзолей «Безымянный 2» — 90-е годы XIV в.; *16* — склеп первой половины XV в. (вскрыт в 60-е годы); *17* — дворово-айванное сооружение (предполагаемое медресе Тамгач Богра-хана — 1066 г.); *18* — мавзолей Эмира Бурундука — 90-е годы XIV в.; *19* — мечеть и мавзолей Туман-ака — 1405 г.; *20—24* — мавзолеи «западного коридора» — начала XV в.; *25* — мавзолей Ходжа Ахмада — 40-е годы XIV в.; *26* — мавзолей 1361 г.; *27* — комплекс Кусам ибн Аббаса — XI—XIX вв.

Позже, уже в 50-е годы, высказывалась мысль, что мавзолеем Казызаде Руми может быть и «Восьмигранник» в средней группе ансамбля (Засыпкин, Виноградов). Но эта версия не была принята и окончательно снята нашими исследованиями склепа «Восьмигранника», где оказались только женские погребения[1]. В конце 40-х — начале 50-х годов мавзолей

[1] Исследования автора и антрополога В. Я. Зезенковой в 1965 г.

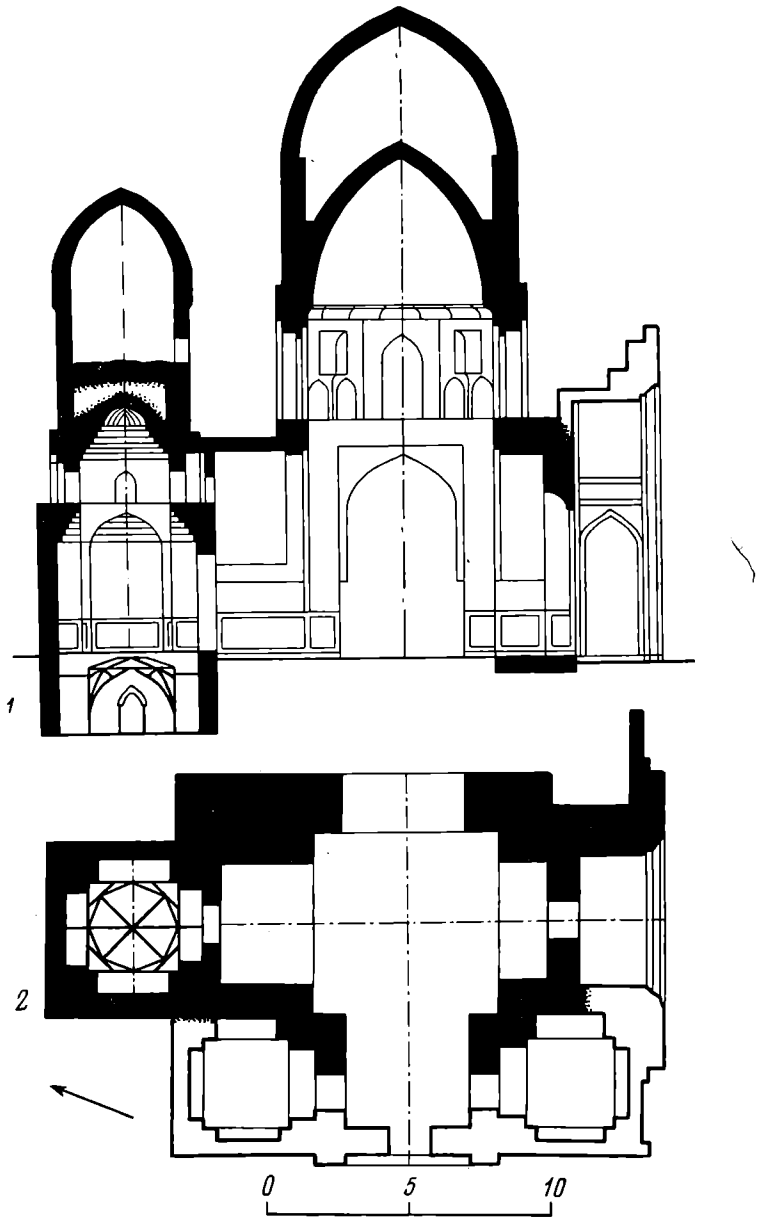


Рис. 3. Двухкамерный мавзолей «нижней группы»: *1* — разрез; *2* — план

обследовался комплексной группой археологов и архитекторов (Н. Н. Забелина, В. Д. Жуков, В. А. Левина-Булатова, К. А. Шахурин, Б. Н. Засыпкин, А. Н. Виноградов и др.). Внешние стены были освобождены от земли, внутри и снаружи заложены шурфы, зондажи, проведены обмеры. В результате была получена возможность реконструировать общую схему плана мавзолея (зиарат-ханы, главным образом), вошедшего затем во все публикации, выполнен проект консервации, осуществленный практически в 50-е годы.

Б. Н. Засыпкиным высказывалась мысль, что гур-хана и зиарат-хана разновременны. По его мнению, на месте гур-ханы в начале XV в. был мазар «святого», который при Улугбеке был якобы обведен сверху новыми стенами с одновременной пристройкой к нему обширной порталь-ной зиарат-ханы [8, с. 68; 6, с. 227]. Предположение это также не подтвердилось. Вскрытием фундаментов гур-ханы и зиарат-ханы в начале 50-х годов на стыках обнаружена конструктивная связь кладок, что ис-

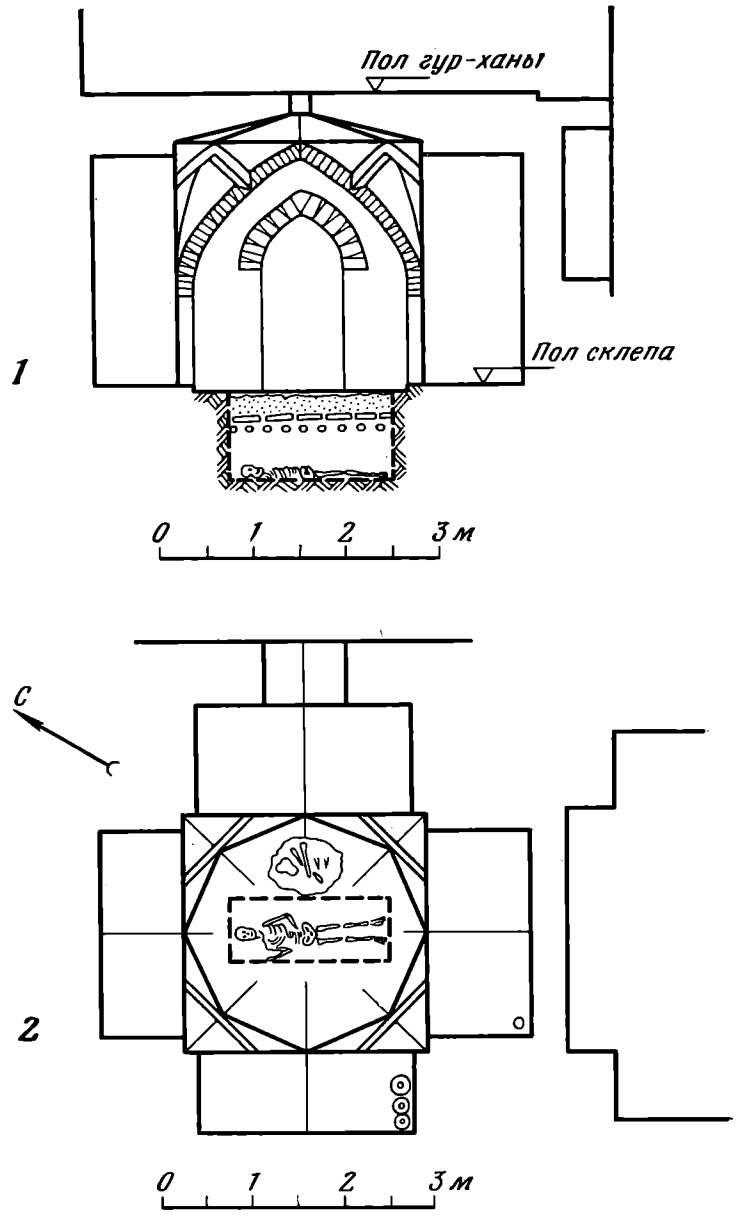


Рис. 4. Склеп гур-ханы: *1* — разрез склепа по линии север — юг, *2* — план склепа

ключает разновременность их возведения. Таким образом, многое прояснилось в этом загадочном мавзолее, но по-прежнему оставался нерешенным вопрос о принадлежности усыпальницы.

В 1970 г. вышла публикация В. А. Шишкина с новым чтением надписей Шахи-Зинда; здесь впервые дан перевод надписей двухкупольного мавзолея «нижней группы», мозаичный фрагмент южной портальной арки которого, как оказалось, содержит сведения исторического порядка. Им предложено следующее чтение этой надписи: «...прибежище шариата и веры и предшественник (б. м. «наставник») султана...» [9, с. 13]. Перевод надписи не исключал, таким образом, предполагаемой принадлежности мавзолея улугбековскому астроному Казы-заде Руми.

В 1977 г. архитектором П. Ш. Захидовым предложена поправка к чтению надписи, существенно изменяющая ее смысл: «...прибежище шариата и веры, почившая мать султана» [10]. В надписи, по мнению П. Ш. Захидова, упомянута знатная женщина — «мать султана»,

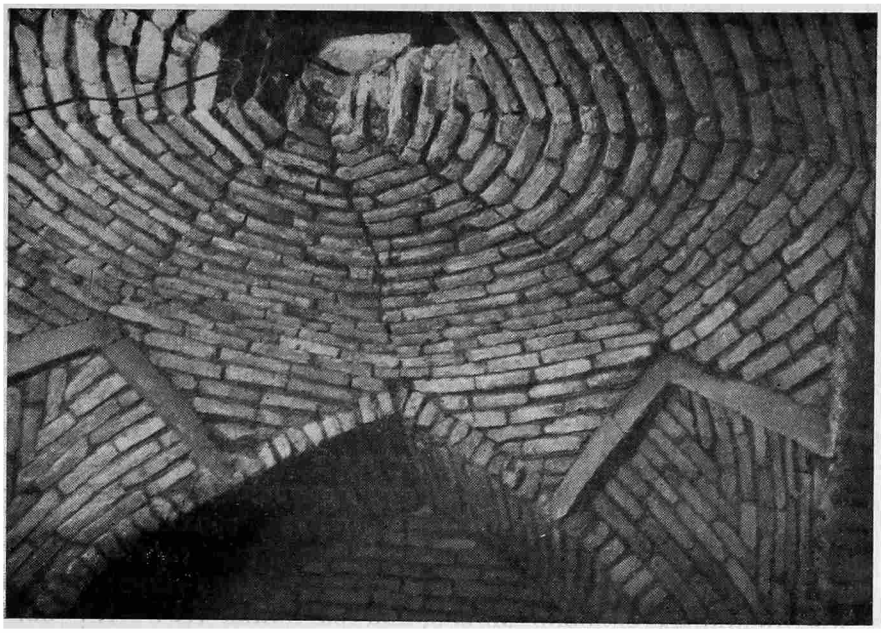


Рис. 5. Вальмовый купол склепа

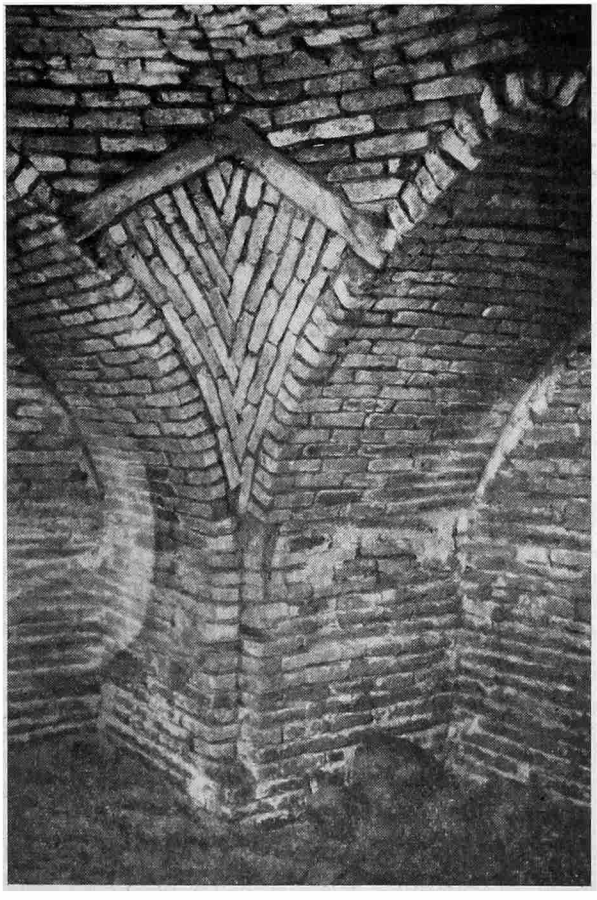


Рис. 6. Юго-западный угол склепа (щитовидный парус)

принадлежность же мавзолея Казы-заде Руми поставлена под сомнение.

Для окончательного решения этого вопроса в ноябре 1977 г. было проведено вскрытие склепа гур-ханы комплексной группой специалистов из Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР в составе архитектора П. Ш. Захидова и археолога Н. Б. Немцевой, а также антрополога Т. Ходжайова из Института археологии АН УзССР. Вскрытие показало, что под полом гур-ханы расположен склеп крестовидной формы с четырьмя нишами по сторонам (рис. 4). Входной лаз (проем) склепа в виде стрельчатой арки (высота 1,1 м, ширина 0,8 м) находится в восточной нише и выходил, видимо, с помощью обычного для склепов Самарканда XIV—XV вв. коридорообразного дромоса, предполагаемого и здесь, на дневную поверхность со стороны большоей лестницы ансамбля Шахи-Зинда [2], расположенной по внешнему склону Афрасиаба и соединяющей «нижнюю» и «среднюю» группы памятников.

Общие размеры склепа по осям с нишами 4,62×4,72 м. Ниши (глубина 94—107 см, ширина 2,35—2,48 м) были перекрыты стрельчатыми арками высокого подъема, центральная часть склепа — вальмовым куполом из восьми секций (рис. 5). По углам центрального квадрата — склепа — переходные к куполу щитовидные паруса, верхний угол которых подчеркнут ганчевыми тягами (рис. 6). Общая высота склепа 3 м. Это четвертый склеп из обследованных в ансамбле Шахи-Зинда, входящих в группу крестовидных склепов Мавераннахра конца XIV—XV вв. (склеп Гур-Эмира и южный, раскопанный за мавзолеем Гур-Эмир [11, с. 114—122], склеп мавзолея Биби-ханым, шахрисябзские склепы Тимура и Джахангира в комплексе Дорус-Сиадат).

В ансамбле Шахи-Зинда самый ранний и довольно крупный крестовидного плана склеп с крестовыми куполами имеется в мавзолее Эмира Бурундука (90-е годы XIV в.) [12, с. 45, рис. 1]. Самый большой и парадный по отделке крестовидный склеп первой половины XV в. раскопан за мавзолеем «Безымянный 2» [13, с. 21—23]. Наиболее близкий вновь вскрытому, хотя и больше него размером, склеп мавзолея Ширинбек-ака (1386 г.). Размеры центрального квадрата этого склепа 3,65××3,57 м, ширина и глубина ниш 2,52—2,60×0,85 м. Общие размеры по осям 5,35 м. В нем также вальмовый купол, но ниши перекрыты зеркальными арками, как в склепе Гур-Эмира или Биби-ханым.

Планировочно и конструктивно склеп исследуемого двухкамерного мавзолея «нижней группы» взаимосвязан с верхними конструкциями здания. Склеп повторяет периметр гур-ханы в плане (смещение незначительно) и вписан в коробку фундамента по уровню залегания. Таким способом выстроены склепы конца XIV — начала XV в. и более поздние в ансамбле Шахи-Зинда (склеп мавзолея Эмира Бурундука, мавзолея Ширин-бек-ака, склеп мавзолея Туман-ака — 1405 г., склеп «Восьмигранника» — 30-е годы XV в.).

Шахи-зиндинские склепы более ранних мавзолеев (XIII — 70-х годов XIV в.) независимы в планировке и конструктивном отношении от верхней наземной части здания (склепы мавзолеев Ходжа Ахмада, безымянного 1361 г., Туглу-Текин — 1376 г., «Безымянного 1» или Усто Алим Несефи и ряда вновь вскрытых в 60-е годы автором по западной и восточной линии коридора в средней части ансамбля) [12, с. 47].

Строились эти ранние склепы в отдельных от мавзолея котлованах и не были взаимосвязаны с верхней, наземной камерой здания. Эта закономерность развития склепа (ранние конструктивно и планировочно автономны, поздние — с 80-х годов XIV в.— взаимосвязаны с общим объемом здания) как подземной конструкции однокамерной усыпальницы

---

[2] Одномаршевая лестница появилась здесь в XVIII в. на месте трех примерно террас, следы которых выявлены раскопками. Лестница эта полностью перестроена в наше время.

прослеживается по всему ансамблю Шахи-Зинда и связана с общей эволюцией портально-купольного мавзолея Самарканда.

Склеп исследуемого мавзолея «нижней группы», как предполагалось до его вскрытия, подчинен той же линии развития и относится к поздним склепам ансамбля, датировка которых определяется концом XIV — серединой XV в. Учитывая характер верхних конструкций, высокий барабан обоих помещений и вытянутые вертикальные параметры четвериков, сооружение не могло быть построено ранее мавзолея Туман-ака (1405 г.) в «верхней группе» с близкими исследуемой гробнице пропорциями тянутого купола и высокого круглого барабана.

Общий строй и стиль памятника, его декоративно-облицовочные приемы и материалы — кашинная и кирпичная мозаика во внешней отделке, характерная для Самарканда рубежа XIV—XV вв. и более поздних времен, а также синие по белому ганчу росписи в интерьерах, присущие ряду самаркандских и шахрисябзских памятников второй четверти XV в. [1, с. 185—200; 14, с. 213], позволяют датировать мавзолей временем не ранее начала и не позже середины XV в. О том же говорит и местоположение памятника на южном склоне городища, осваивать который под строительство в ансамбле стали с 20—30-х годов XV в., после того как полностью была застроена и сложилась «средняя» и «верхняя» группы памятников в пределах крепостной стены Афрасиаба, а также «западный коридор» (первое десятилетие XV в.), вытянутый от мавзолеев Ходжа Ахмада и Туман-ака на запад по дорожке к бывшим Кешским воротам Самарканда [15, с. 123—138; 16, с. 101—106].

О строительстве памятника не ранее XV в. говорит и ориентация его главного портала на юг, к дороге, проходившей у подножья Афрасиаба, ставшей особенно актуальной со времени строительства Улугбеком обсерватории (30-е годы XV в.) за пределами города, путь к которой шел именно здесь.

В склепе было совершено одно основное погребение в соответствии с единственным намогильным сооружением в гур-хане, от которого сохранилось только мраморное основание. Грунтовая могила без кирпичной обкладки или какой-либо обмазки располагалась в центре склепа под земляным полом. Размеры могильной ямы 1,80×0,50 м, глубина около 1 м.

Погребение находилось на дне грунтовой ямы, перекрытой поперечными арчевыми балками на высоте 40—50 см от основания ямы, поверх которых были уложены сырцовые кирпичи (25×25×5 см), выше, до уровня полов склепа, шла земляная засыпка. Отдельные арчовые балки, прогнив, упали вниз, другие сместились, как и сырцовые кирпичи. Скелет оказался засыпанным плотной сырой землей, что произошло по мере разрушения дерева и постепенного оседания грунта и просачивания его в нижнюю камеру.

По определению антрополога Т. Ходжайова, костяк принадлежал женщине сравнительно молодого возраста (30—35 лет) европеоидного типа с элементами монголоидности. Длина костяка 1,60—1,62 м. Костяк лежал на спине, головой на север, с поворотом лица на запад. Руки согнуты в локтях, левая лежит на груди, правая от локтя отведена к плечу (рис. 7). На полу склепа в западной нише у южной стены стояло три сосуда: два кувшина с отбитой горловиной и ручкой и глиняный кумган с ручкой, носиком и отбитой горловинкой. Осколков в склепе нет, т. е. посуда внесена сюда в разбитом виде (рис. 8). В южной нише у западной стенки лежал стеклянный сплюснутый шаровидный предмет, очень напоминающий «кудинг» — стеклянное лощило для ткани, употреблявшееся в прошлом в ручном ткацком производстве и известное по Хорезму [3]. И в данном случае «кудинг» (если предположение верно)

[3] Сведения эти получены от Д. А. Фахретдиновой, за что, пользуясь случаем, приношу ей благодарность.

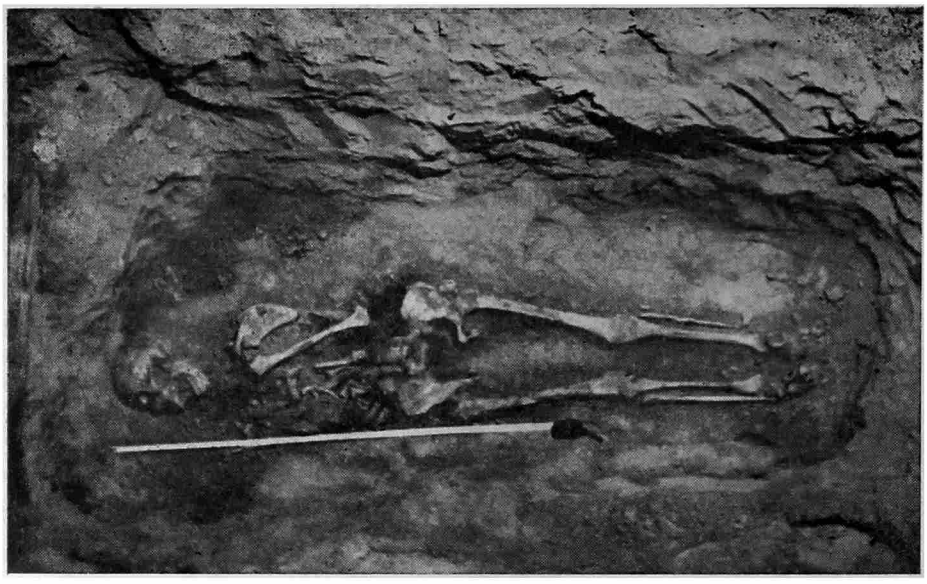


Рис. 7. Погребение в грунтовой могиле склепа

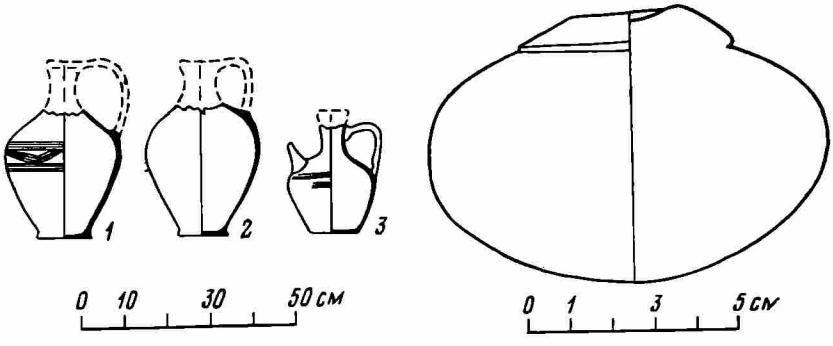


Рис. 8. Керамические сосуды и лощило из черной стеклянной пасты из склепа

имеет сработанную, стертую рабочую поверхность в средней части сплюснутого шара. Лощило сделано из черной стеклянной пасты. Одна уплощенная его поверхность слегка затерта, другая имеет рельеф в виде дисковидного поддона (упор или место крепления?).

В большинстве склепов ансамбля Шахи-Зинда при обследовании их автором статьи обнаружена посуда (кувшины, коса, пиала — как правило, не целые), попавшая туда явно одновременно с захоронениями, о чем говорят непотревоженные входные дромосы и лазы склепов (мавзолей 1361 г., Эмира Бурундука и др.). Этот пережиток древнейшего доисламского погребального обряда в мусульманской среде вплоть до сего дня в самых разных формах сохраняется на некоторых современных кладбищах Средней Азии [17, с. 43; 18, с. 107—113; 19, с. 123, 124; 20, с. 169, 170].

Орудие труда (лощило) найдено в шахи-зандинском склепе впервые, но, как и сопровождающая погребение посуда, связано с доисламским обычаем класть в могилу различные предметы утвари или труда, в том числе женского (зеркала, косметические наборы, гребни, зернотерки, жернова, пряслица, веретена и т. д.), прослеженного повсеместно в Средней Азии [21]. Находка лощила в точно датированном шахи-зиндинском склепе (начало — первая треть XV в.) раздвигает хронологические рамки употребления этого предмета среднеазиатского ткачества, известного до сих пор только по этнографическим материалам.

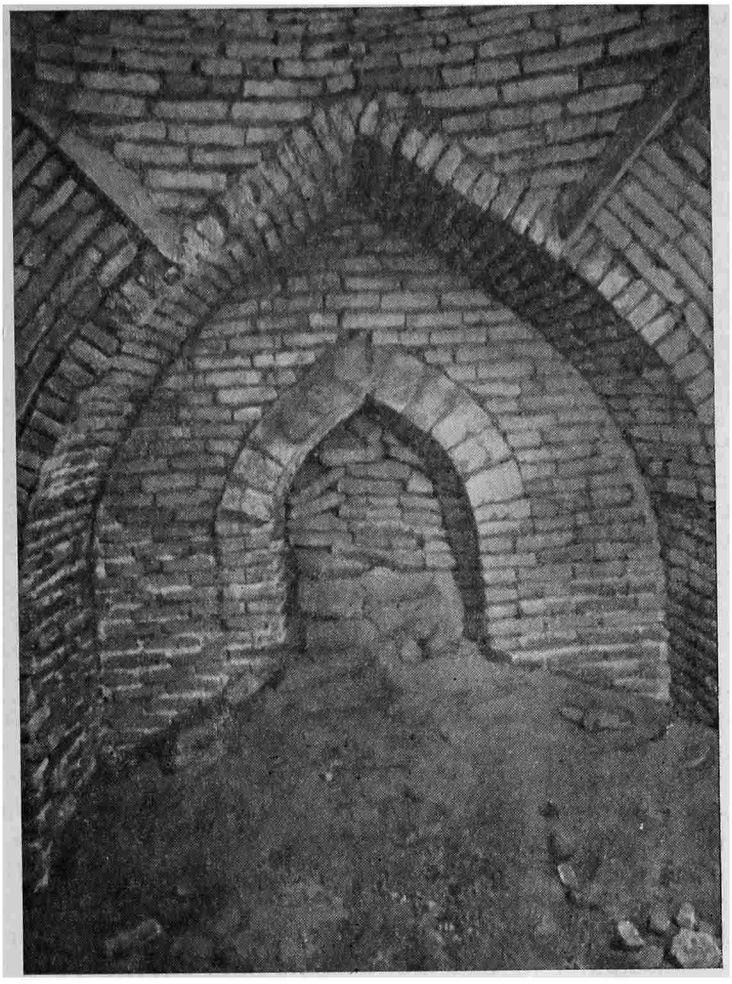


Рис. 9. Входной лаз склепа в восточной нише

У восточного края центральной могилы склепа, близ входного лаза на полу находилось второе погребение. Здесь в кучке, без всякого анатомического порядка, лежали крупные кости (череп, тазовые кости, верхние и нижние конечности в неполном составе) женщины старческого возраста, по определению Т. Ходжайова. Кости явно были перенесены в склеп после того, как мягкие ткани истлели и связки распались. Входной лаз склепа после этого был заложен. Возможно, это случайное для склепа погребение, вернее, перезахоронение, однако обстоятельства и время попадания его сюда неизвестны. Можно сказать только, что произошло это не ранее основного погребения в грунтовой могиле, но и не позже (возможно, одновременно) того периода, когда к гур-хане с востока было пристроено помещение с плоской кровлей и доступ к входу склепа был окончательно закрыт (XVIII—XIX вв.).

Входной лаз в склеп заложен жженым кирпичем без раствора (рис. 9). По своему уровню лаз находится в одном горизонте с нижней площадкой у летней мечети XIX в. в «нижней группе» ансамбля, т. е. более чем на 3 м ниже дневного уровня на участке против гур-ханы, что делает его практически недоступным без специального лестничного спуска (рис. 10).

Позднее помещение (XVIII—XIX вв.), примыкающее с северо-востока к мавзолею, закрыло всю восточную сторону гур-ханы и не позволяет провести визуальное обследование. На этом участке должны быть какие-то синхронные мавзолею пристройки или площадка (например, одна из

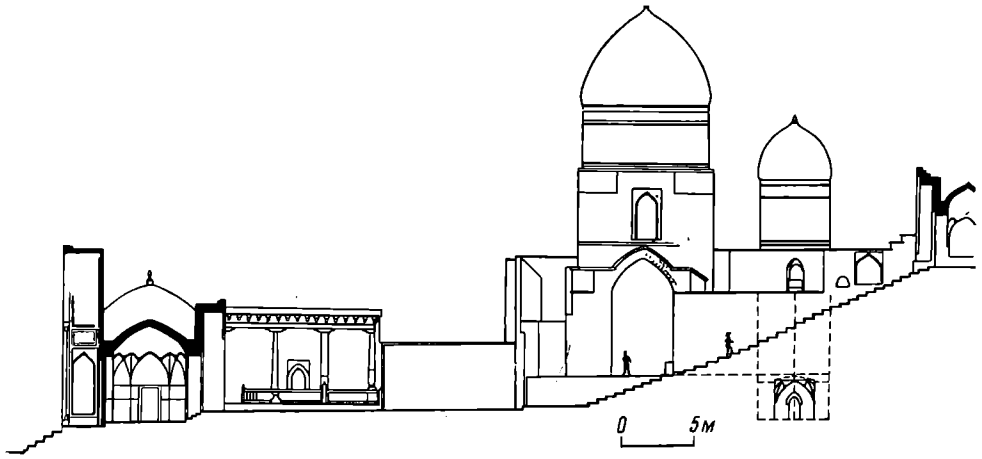


Рис. 10. Нижняя группа памятников ансамбля (разрез север — юг)

террас, которые в XV в. обрамляли южный склон городища по ходу ансамбля), откуда можно было бы попасть к входному дромосу склепа с помощью специального лестничного устройства — коленчатого лестничного коридора, как в ряде самаркандских склепов XV в. (склеп Гур-Эмира, южный склеп в комплексе Гур-Эмир, склеп Ак-Сарая [22, чертеж 5], Ишрат-ханы, мавзолея Биби-ханым).

Надо сказать, что погребение в грунтовой могиле в склепе, а не на полу, как это характерно для большинства склепов XIV в. ансамбля Шахи-Зинда, также свидетельство определенной хронологической стадии развития погребального обряда. Только в склепах XV в. («Восьмигранник», склеп за «Безымянным 2» в ансамбле Шахи-Зинда, Гур-Эмира, Ак-Сарая, Ишрат-ханы в Самарканде) погребения совершены под полом, в грунтовых могилах. Эти склепы фиксируют определенную, наиболее высокую стадию развития нижней погребальной камеры в монументальной гробнице Мавераннахра XIV—XV вв., связанную с общей эволюцией мемориального зодчества этой поры.

Небольшие склепы ранних усыпальниц (мавзолеи XIII — 60—70-х годов XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда) с погребениями непосредственно на полу (иногда в деревянном гробу) сменились более развитыми в архитектурно-конструктивном отношении нижними камерами мавзолеев XV в. с более просторными, в ряде случаев декоративно-обработанными интерьерами. Погребения в них совершались уже под полом, в грунтовых могилах. Функции этих склепов расширились, здесь совершается не только погребальный, но и поминальный обряд (склепы Гур-Эмира, Ишрат-ханы, Ак-Сарая в Самарканде). Промежуточную стадию развития, по-видимому, составляют склепы «Восьмигранника» и вышеописанный склеп двухкупольной гробницы «нижней группы» ансамбля Шахи-Зинда, где хоронили уже под полом, в грунте, но для поминального обряда склепы еще не приспособлены. Это темные (без световых люков) изолированные камеры, куда входили только для очередного погребения.

Дромос склепа исследуемого мавзолея расположен так глубоко (3 м) от дневной поверхности и полов мавзолея, что, видимо, именно поэтому использование нижней погребальной камеры было ограничено одним захоронением, в то же время зиарат-хана мавзолея в подпольной части содержит большое количество грунтовых могил (более поздних и, видимо, разновременных) [4], как показали раскопки 50-х годов.

[4] Погребения эти лишь фиксировались при закладке шурфов в начале 50-х годов в зиарат-хане, но специально не исследовались.

Вернемся к одному из главных вопросов нашего исследования — вопросу принадлежности мавзолея. Обнаружение женских погребений в склепе гур-ханы автоматически снимает выдвинутое М. Е. Массоном предположение о принадлежности мавзолея астроному Казы-заде Руми. Для кого же была сооружена столь парадная гробница где-то в начале XV — первой трети XV в.? Какой знатной даме — «матери султана», как значится в надписи, посвящен памятник? Кем была молодая женщина 30—35 лет, похороненная в склепе?

П. Ш. Захидов дает на это категорический однозначный ответ, связывая двухкупольную гробницу в «нижней группе» ансамбля Шахи-Зинда с домом (загородный дом с садом, по П. Захидову), построенным Тимуром для матери своей старшей жены Сарай Мульк-ханым (Биби-ханым), где эта мать и была похоронена [10, с. 4]. Сведения об этом доме имеются у Клавихо и уже не однажды использовались в литературе для отождествления и локализации места погребения матери Биби-ханым. Испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо в 1404 г. сам побывал в этом доме и сообщает о нем следующее: «В понедельник 29-го числа сентября месяца царь (Тимур) отправился в город Самарканд и остановился в одном доме, который был у самого входа в город. Этот дом царь устроил в честь матери своей жены Канье; эта мать жены его была похоронена в часовне, которая находилась внутри этого дома; этот дом был очень богат и с большим убранством; они не имеют обыкновения делать много убранства в своих домах, но в этом доме было много; он еще не был окончен и в нем работали каждый день» [23, с. 266].

С этим домом, в частности, отождествляли мавзолей Биби-ханым в районе ворот Аханин (в комплексе с медресе — часовня и дом). Такое отождествление не считает верным И. Е. Плетнев, специально занимавшийся изучением мавзолея Биби-ханым. Он резонно замечает, опираясь на тот же дневник Клавихо (дальше по тексту), что в город Тимур отправился из сада Дилькушо, расположенного юго-восточнее Самарканда, и входить он мог только через юго-восточные ворота Фируза, около которых и мог располагаться дом с мавзолеем матери Сарай Мульк-ханым [24, с. 101].

Этот аргумент (Тимур шел в город из сада Дилькушо со стороны юго-восточных ворот Фирюза) в одинаковой степени направлен и против предположения П. Захидова. Ансамбль Шахи-Зинда, где, по его мнению, находился «дом с часовней» матери Биби-ханым, как и мавзолей Биби-ханым, расположен в районе северных ворот Аханин, и попасть туда Тимур из сада Дилькушо не мог. Против этого предположения говорит и ряд других фактов. Например, возрастные данные похороненной в склепе женщины (30—35 лет) при всех натяжках не увязываются с допустимым возрастом матери Биби-ханым (исторических данных о ней нет).

Тимур умер в 69 лет (1405 г.), его старшей жене — Сарай Мульк-ханым было тогда 64—65 лет [25, с. 47]. Мать Сарай Мульк-ханым должна была бы быть как минимум на 15 лет старше своей дочери, т. е. к началу — первой трети XV в., когда строили мавзолей, матери Биби-ханым должно было быть по меньшей мере лет 80—100. Выше уже говорилось, что погребение по всем признакам было совершено после того, как склеп был выстроен, следовательно, нельзя допустить, что здание ставили над более ранней могилой. В то же время все здание (склеп, гур-хану над ним и зиарат-хану) строили, судя по фундаментам, одновременно.

Далее, мало правдоподобно вообще, на мой взгляд, строительство дома (*жилого, загородного*, если это не ханака)[5] в ансамбле Шахи-

[5] Допустимо, однако, что зиарат-хана выполняла роль ханаки. Клавихо, как европеец и человек иной веры, мог и не уловить разницы.

Зинда в XV в. причем дома не обычного, а богатого, нарядно убранного, по словам Клавихо.

В домонгольское время (XI—XII вв.) шахристан Самарканда, как известно, располагался на Афрасиабе. На юге города, около почитаемой могилы Кусам ибн Аббаса находился крупный религиозно-культовый центр сложного функционального профиля. Здесь были мавзолеи, мечети, медресе, в том числе, согласно вакуфного акта Тамгач Богра-хана,— караван-сараи, ханака и жилые дома [26, с. 139—142]. Строительство жилого дома в домонгольское время в принципе было бы допустимо. С XIII же века, после монгольского нашествия, городище было заброшено и превращено в пустырь. К XV в. на юге Афрасиаба, около могилы Кусам ибн Аббаса, сложился мемориальный ансамбль — загородный царский некрополь. Совершение «зиарата», зафиксированного еще Малой Кандией,— одна из главных процедур в жизни памятника этого времени. Возведение Тимуром жилого дома («загородного дома с садом») не просто рядом с могилами на старом кладбище на заброшенном городище, но в одном архитектурном ансамбле с мемориальными постройками невероятно!

И все-таки, если текст Клавихо не во всех случаях надо понимать буквально и допустить, что Клавихо с Тимуром в сентябре 1404 г. был именно в ансамбле Шахи-Зинда (Тимур пришел туда для зиарата), но остановились они не просто в доме, и уж тем более не в жилом загородном доме, а в ханаке, которой могла бы быть зиарат-хана «двухкупольной гробницы» (рядом с ней «часовня» гур-хана). И если далее предположить, что останки женщины старческих лет, перепогребенные в склепе, не случайны для мавзолея, а являются останками матери Биби-ханым, до того похороненной в другом месте, то и в этом случае остается много неясного.

Если уж Тимур привез сюда, к одной из самых почитаемых святынь Востока, испанского посла, то, очевидно, для того, чтобы самому совершить зиарат, поклониться всем порогам могил и главной могиле Кусам ибн Аббаса, и невероятным представляется, чтобы Клавихо, описывая «дом», не заметил всего остального ансамбля Шахи-Зинда, во всяком случае ни словом о нем не обмолвился, в то время как это был сложившийся во всем своем блеске архитектурный мемориал.

А может быть, сообщая о «богатом убранстве дома», Клавихо говорит об ансамбле в целом и, сообщая о строительных работах, также говорит не о работах в двухкупольном мавзолее, в частности, а в ансамбле? Ансамбль Шахи-Зинда к началу XV в. представлял собой законченный и в то же время компактно застроенный с двух сторон коридора, изолированный от внешней среды архитектурный комплекс, который Клавихо мог воспринять и как одно целое, как его, кстати, и воспринимали некоторые путешественники-европейцы XIX в., впервые увидевшие восточную архитектуру и не имевшие еще достаточно правильного о ней представления. Н. Ханыков, А. Леманн, побывавшие в Самарканде в составе специальной научной экспедиции в 1841 г., называют ансамбль «дворцом Тимур-лянга» (Ханыков) [27, с. 104] или «красивым дворцом-резиденцией великого завоевателя» (Леманн) [28, S. 154, 155]. Так же неверно «летним жилищем великого Тимура» называет группу усыпальниц Шахи-Зинда венгерский ученый А. Вамбери, проезжавший по Средней Азии в 1863 г. [29, с. 171], а вслед за ним художник В. В. Верещагин («летний дворец Тамерланга») [30, с. 620]. А. Костенко, в 70-х годах XIX в. побывавший в ансамбле, назвал его «монастырем» [31, с. 143] и т. д.

Клавихо, до того как попал в Среднюю Азию, проехал через Турцию и Иран и был в отличие от названных выше путешественников XIX в. достаточно подготовлен для восприятия восточного зодчества. Предположение, что ансамбль в целом он мог принять за «дом», мало вероятно,

однако прецедент XIX в., спорность рассматриваемого вопроса и необходимость максимальной объективности в оценке исторических известий заставляют предусмотреть и этот вариант. Останавливаясь на всех этих доводах «за» и «против», возможных допусках в предположениях в отождествлении мавзолея, я хочу сказать, что отнюдь не все так просто в этом вопросе и после проведенных вскрытий и исследований склепа двухкупольного мавзолея «нижней группы».

К сожалению, и сейчас нельзя точно сказать, кто похоронен в склепе мавзолея, кому из дома тимуридов он строился, ясно только, что бытовавшее еще в XIX в. предание о погребении здесь кормилицы Тимура Олджа Инага и ее дочери Биби-Синеб более соответствует действительности (два женских имени и два женских погребения в склепе), чем предположение о принадлежности мавзолея Казы-заде Руми, которое просто оказалось неверным. Если же предложенное П. Ш. Захидовым чтение полуутраченной надписи будет признано ориенталистами, здание, ставшее безымянным, можно будет именовать усыпальницей «матери султана». Но это дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бородина И. Ф.* Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека.— СА, 1962, № 2.
2. *Абу-Тахир Ходжа.* Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (Пер. В. Л. Вяткина).— Справочная книжка Самаркандской области на 1898 г., вып. VI. Самарканд, 1899.
3. *Лапин С. А.* Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда.— Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV. Самарканд, 1896.
4. Туркестанский альбом. Часть I, археологическая, 1870—1871 гг. (составлен А. И. Куном).
5. *Массон М. Е.* Обсерватория Улугбека. Ташкент, 1941.
6. *Джахангиров В. А., Засыпкин Б. Н.* Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми.— В кн.: Архитектура республик Средней Азии. М.: Госиздат архитектуры и градостроительства, 1951.
7. *Виноградов А. Н.* Мавзолей «Восьмигранник» в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде.— В кн.: Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. М.: Изд-во. Акад. художеств СССР, 1950.
8. *Засыпкин Б. Н.* Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде, 1948. Архив Главного управления охраны памятников материальной культуры и искусства Министерства культуры УзССР, № 561.
9. *Шишкин В. А.* Надписи в ансамбле Шахи-Зинда.— Зодчество Узбекистана. Ташкент, 1970, вып. II.
10. *Захидов П. Ш.* Шахи-Зинда: невероятное и очевидное.— Газета «Правда Востока» от 7 апреля 1978 г.
11. *Шахурин К. А.* Еще раз о погребении Тимура.— В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963.
12. *Немцева Н. Б.* Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда.— ОНУ, 1968, № 8—9.
13. *Немцева Н. Б.* Новый памятник XV в. из ансамбля Шахи-Зинда (к типологии мемориальной архитектуры Мавераннахра).— Строительство и архитектура Узбекистана, 1979, № 3.
14. *Бородина И. Ф.* Интерьер мавзолея Ак-Сарай в Самарканде.— АН, 1964, № 17.
15. *Немцева Н. Б.* Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1964, вып. 5.
16. *Немцева Н. Б.* Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда.— СА, 1975, № 3.
17. *Литвинский Б. А.* Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии.— Изв. ООН АН ТаджССР. Душанбе, 1968, № 3(53).
18. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
19. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
20. *Немцева Н. Б.* Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахи-Зинда. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. (тезисы докладов). Ереван, 1978.
21. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
22. *Массон М. Е.* Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях «Гур-Эмир» и «Ак-Сарай» в Самарканде в 1924 году.— Изв. «Средазкомстариса». Ташкент, 1926, вып. 1.

23. *Рюи Гонзалес де Клавихо.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. СПб., 1881.
24. *Плетнев И. Е.* К вопросу о реконструкции мавзолея Биби-ханым в Самарканде.— Сб. научн. тр. Н.-и. ин-та по строительству в г. Ташкенте. Ташкент, 1962, вып. III.
25. *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.
26. *Немцева Н. Б.* Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда) — Афрасиаб. Ташкент, 1974, вып. III.
27. *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
28. *Lehmann A.* Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St.-Petersburg, 1851.
29. *Вамбери М.* Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркестанскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште членом ее А. Вамбери. М., 1867.
30. Самарканд в 1868 г. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина.— Русская старина. СПб., 1888.
31. *Костенко Л.* Поездка в Самарканд.— Туркестанский сборник, 1870, т. 24.

N. B. Nemtseva

NEW VIEW ON THE KAZY-ZADEH RUMI TOMB IN SAMARKAND

Summary

The prevailing view, since the 1940s, of the two-chamber tomb of the «lower group» has been that it belonged to Kazy-Zadeh Rumi, an astronomer and scientist, and contemporary of Ulugbek. Built in the 1430s, it is one of the most interesting, both in lay-out and ornamentation, monuments in the Shakhi-Zinda ensemble in Samarkand. P. Sh. Zakhidov's interpretation of the damaged inscription in the portal niche along with the 1977 archaeological and anthropological research in the gur-khana testified to the fact that it was a tomb of a young woman from the Timurides family. Zakhidov's opinion that it was a house with a chapel where the mother of Timur's senior wife was buried is open to question. Architectural and constructional research have shown that both chambers (gur-khana and ziarat-khana) were built simulteneously in the beginning-first third of the 15th century. Who was buried there has not yet been established, but if Zakhidov's interpretation is supported by Orientalists the monument will recieve a new name — «The Tomb of the Sultan's Mother».

Публикации

ЗАВЕРНЯЕВ Ф. М.

ГРАВИРОВКА НА КОСТИ И КАМНЕ ХОТЫЛЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

В 1974 и 1978 гг. автор описал объемную скульптуру малых форм Хотылевской верхнепалеолитической стоянки на р. Десне около Брянска [1, 2]. Наряду с ней там найдено немало костяных поделок с нарезками и изображениями. Такие же начертания встречались и на меловой корке многих кремневых изделий.

Имеющиеся в коллекции предметы могут быть разделены на пять групп. К первой мы относим изделия с нарезками, возникшими в процессе работы, ко второй — вещи с простейшими схематическими рисунками, к третьей — с орнаментальными или декоративными узорами, к четвертой — с ритмическими нарезками и к пятой — кремневые изделия с нарезками на меловой корке.

В первую группу входят костяные наковаленки, ретушеры, прокладки, подставки, кости со следами резания и случайные осколки, употреблявшиеся при обработке кремня и кости. Несмотря на хаотическое расположение отдельных нарезок и царапин, в целом они все же группируются на определенных участках. Эти следы трудовых ритмов, запечатленные в результате работы на костном материале, иногда воспринимаются как примитивный рисунок. Это мог замечать древний человек.

Большинство гравировок второй группы выполнено тонкими длинными и удлиненными нарезками и царапинами. Из предметов этой группы заслуживает внимания ромбический или подквадратный предмет из обломка утонченной части лопатки мамонта, размером 17×17 см, найденный в раскопе 7 над ямой 26. Обе плоскости обломка имеют розоватый цвет от частиц минеральной краски. Одна плоскость пластины с вогнутой стороны хорошо выскоблена и заглажена. На расстоянии 6 и 6,5 см от сторон одного из углов — выбоина, нанесенная округлым тупым концом какого-то долотовидного орудия. Диаметр выбоины около 1 см, глубина 0,3 см. Удар был довольно сильный, так как верхний костяной слой вмят в губчатое вещество. Вся поверхность этой предварительно подготовленной стороны покрыта царапинами и нарезками, иногда собранными в параллельно штрихованные или веерообразные пучки. Часть этих тонких штрихов, возможно, возникла при выскабливании и срезании костной поверхности. Штрихи, врезанные шире и глубже, видимо, связаны с изобразительной деятельностью. Они тоже прослеживаются по всей поверхности, но значительно гуще и резче только с одной стороны. Здесь штрихи нанесены в виде длинных прочерков параллельных, крючкообразных, сходящихся, расходящихся, косых и дугообразных линий. На пересечении они образуют нечто вроде углов и ромбов. С одной боковой стороны нарезка филенчатая и напоминает как бы искаженный силуэт головы человека.

На верхнепалеолитических памятниках имеется немало предметов с подобными начертаниями. Близкой аналогией может служить гравиров-

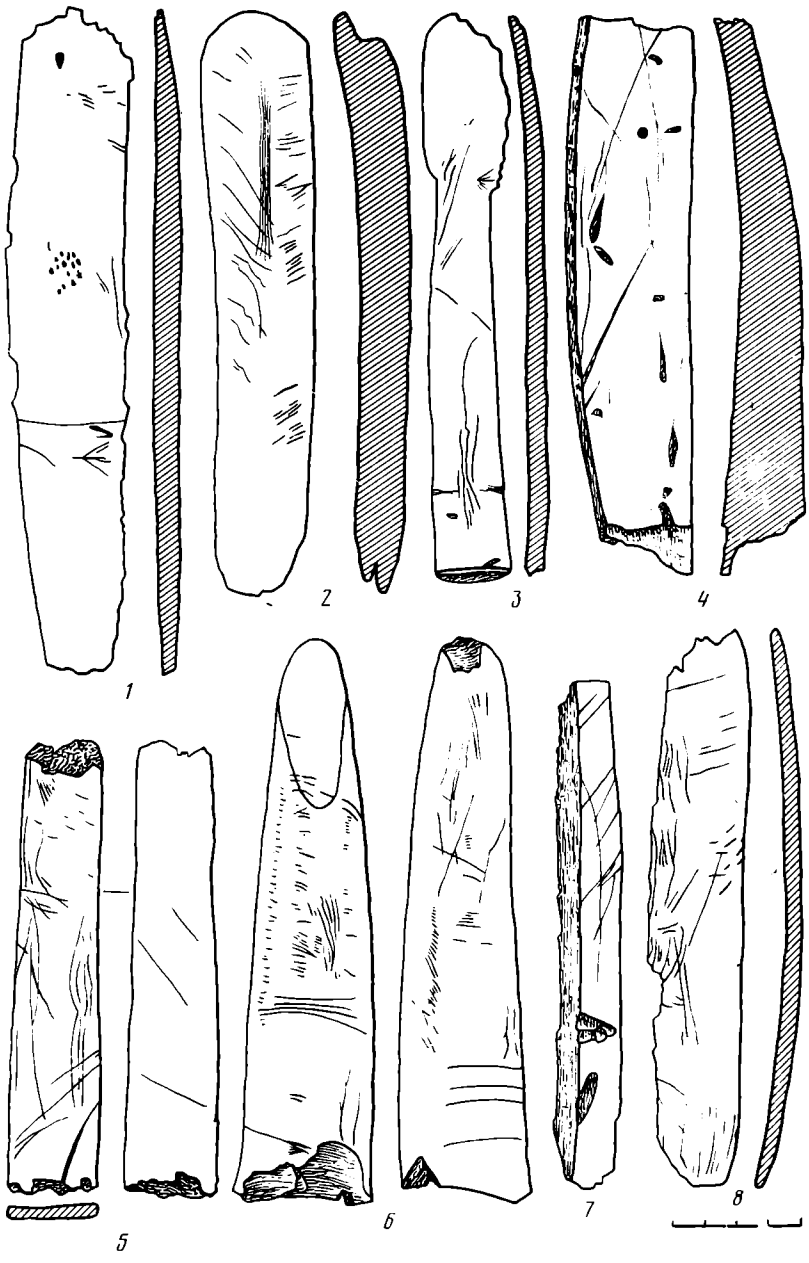


Рис. 1. Костяные поделки с простейшими рисунками

ка на одном из бивней, найденных на Сунгирской стоянке [3, рис. 114, *4*] и на треугольной подвеске из Авдеева [4, с. 210, рис. 16]. На позднепалеолитических памятниках Западной Европы в линиях гравировок часто можно уловить антропоморфные и зооморфные фигуры [5, табл. XII, *5*; XVII, *9*, XXIV, *8*, *11*, *6*, рис. 106]. В связи с этим особый интерес приобретает гравировка на хотылевской пластине, напоминающая профиль человеческого лица. Подобные искаженные профили человеческой головы тоже известны по западноевропейскому палеолитическому искусству, хотя там они выражены более четко и реалистично [5, табл. XXIX, *1—3*].

Другой предмет второй группы найден в раскопе 6 на кв. 1. Это фрагмент бивня мамонта, расчлененный пополам по своей длинной оси. Наибольшая длина обломка около 11, ширина 6, толщина 3,5 см. На расчлененной и слегка подправленной поверхности в центральной части

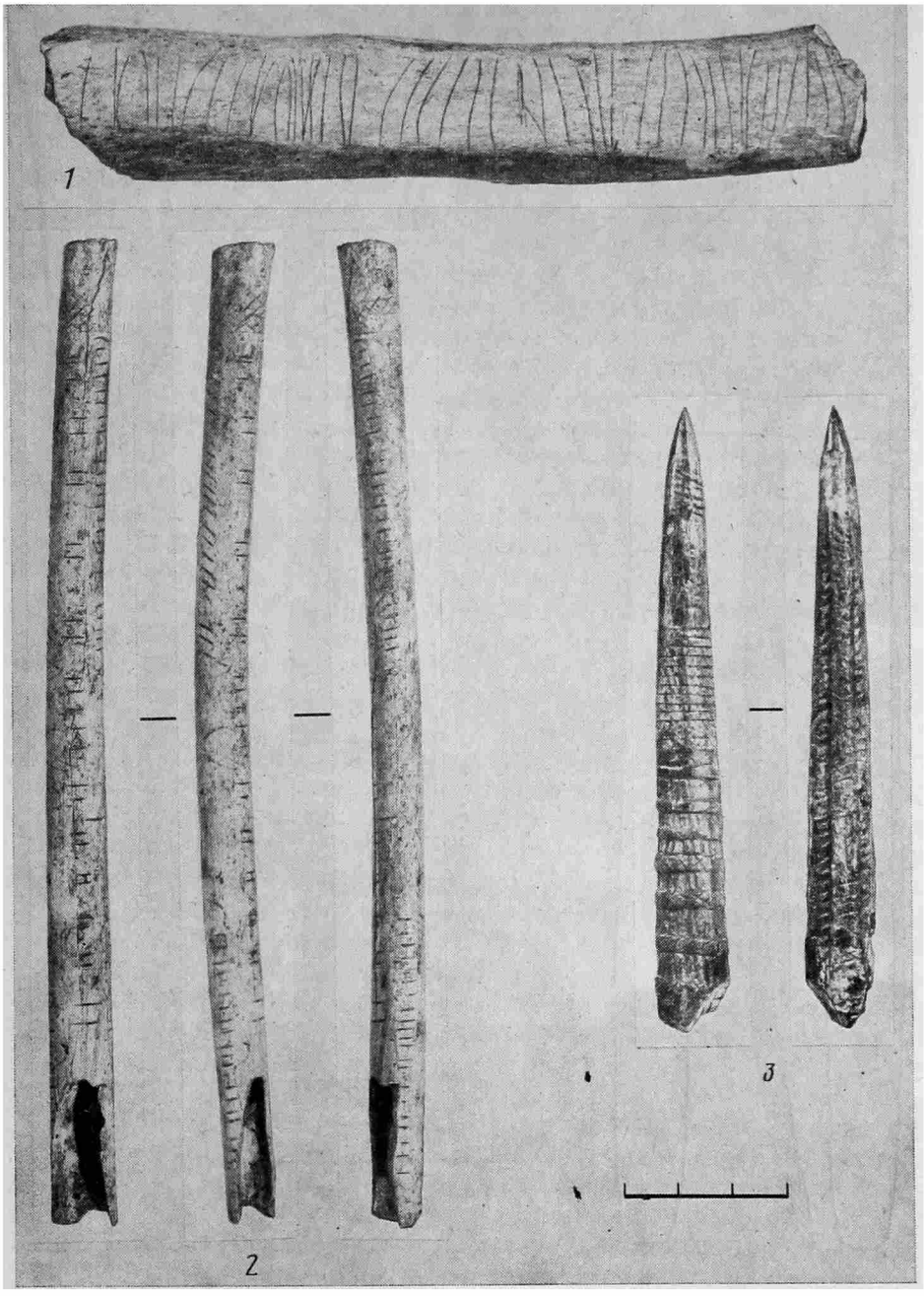


Рис. 2. Фото костяных поделок с наиболее уникальными графическими изображениями: *1* — ребро с геометрическим ритуальным сюжетом; *2* — костяная трубочка с «сезонным или лунным календарем»; *3* — орнаментированное острие из бивня мамонта

имеется ряд тонких удлиненных нарезок. Они образуют перекрестия, пучки и нечто вроде углов. Некоторые нарезки имеют направление, близкое к параллельному.

Близкие начертания встречаются и на других предметах, например: на осколке бивня (рис. 1, *1*, р-5, кв. 17), на лопаточке (рис. 1, *3*, р-7, кв. 5); на фрагменте лощила из ребра (рис. 1, *5*, р-8, кв. 4); на лощиле из ребра (рис. 1, *8*, р-4, кв. 26 в яме) и на удлиненно-треугольной пластине с головкой (р-4, кв. 5) [2, с. 155, рис. 63].

Близкие по технике и манере исполнения гравировки на кости известны на многих верхнепалеолитических памятниках. Поэтому, несмотря

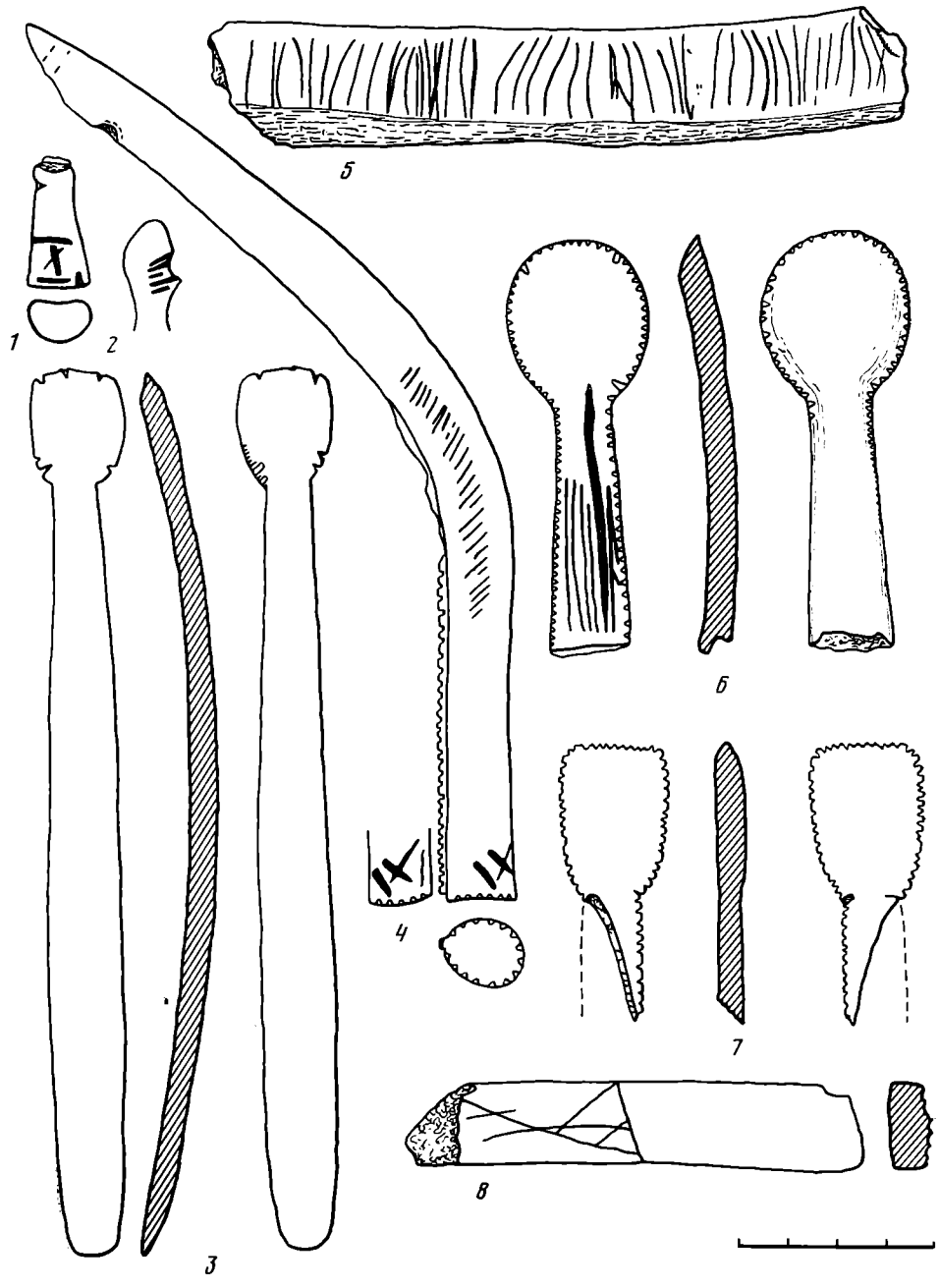


Рис. 3. Костяные поделки с простейшими рисунками и ритмическими рисунками

на всю трудность отнесения подобных предметов к подлинному осмысленному искусству, мы все же не можем отрицать этого. Обращает внимание общая закономерность нанесения и распространения, определенная группировка нарезок, намечающаяся геометризация элементов и постепенное выделение их из хаотического пересечения линий. На это указывают такие же простые, но четче выгравированные геометрические контуры углов и ромбов, прослеженных на других, лучше выраженных поделках этой группы, например: на обрезке ребра (р-6, кв. 15, в яме), на осколке бивня (рис. 1, *4*, р-2, кв. 17), на пластинчатой заготовке из бивня мамонта (рис. 1, *7*, р-2, кв. 7) и на заготовке из бивня мамонта (рис. 3, *8*, р-6, кв. 3). Не вызывает сомнения изобразительная сущность последних четырех простейших гравировок. Изображение ромба и как

самостоятельного элемента, и в композициях из косой клетки хорошо известно на материалах Тимоновской и Юдиновской стоянок [7, рис. 1, *6*, *9*].

Более оригинальная композиция геометризованного орнамента представлена на обломке ребра, возможно, использовавшемся в качестве копательного орудия (рис. 1, *2*, р-7, кв. 9). Длина орудия 18 см, наибольшая ширина в верхней части 3,3 см, в нижней — 3 см, толщина вверху 1,8 см, внизу 1,6 см. Гравировка находится на уплощенной и слегка заполированной стороне ребра. Она занимает больше половины всей плоскости, преимущественно в тыльной части орудия. Для композиции характерна ритмичность и зональность. Так, в верхней центральной части расположен пучок вертикальных нарезок длиной около 5,6 см. С левой стороны под острым углом нанесены более короткие и более или менее ритмично расположенные нарезки, книзу изломанные и дугообразные, как бы небрежно прочерченные. С противоположной стороны тоже под острым, но менее крутым углом расположен еще ряд коротких нарезок, образующих пять отдельных заштрихованных звеньев. Нарезки, расположенные с боков вертикально поставленного пучка, образуют острый угол и создают впечатление асимметрической елочки.

Аналогичные комбинации нарезов прослеживаются в материалах Авдеевской стоянки [4].

Еще более усложненные композиции из геометрических фигур и ритмично расположенных нарезок имеются на нескольких отчлененных концах бивней мамонтов.

Один из них найден в раскопе 4 на кв. 10 (рис. 1, *6*). Длина обломка 18 см, диаметр в основании 4 см. Поверхность сильно заполирована, розоватого цвета, обильно покрыта нарезками и царапинами, которые образуют узор, состоящий примерно из пяти поперечных и трех продольных рядов. Особенный интерес представляют средние ряды (рис. 1, *6* — слева). Между вторым и третьим рядами имеется зона продольных удлиненных штрихов, расположенных под косым углом. Совместно с третьим рядом ритмично расположенных насечек они образуют нечто вроде условного изображения животного (возможно, оленя). Подобные геометризованные изображения животных встречены в Костенках [8, рис. 200] и на Тимоновке I [7, рис. 1, *10*].

Но, пожалуй, самым уникальным предметом, относящимся к этой группе гравировок, является обломок ребра с нарезкой, найденный в раскопе 7 на кв. 9 среди костей, заполнявших яму с зольной массой и краской (рис. 2, *1*; 3, *5*). Общая длина фрагмента ребра составляет 16 см, ширина 3, толщина 1,5, глубина кривизны 0,9 см. Цвет слегка розоватый от частиц минеральной краски. Поверхность ребра довольно гладкая, как бы отполированная. С вогнутой стороны плоскость подрезана, выровнена и отполирована. Нарезки, за исключением нескольких, сделаны четко, поперек удлиненной оси ребра. Всего в композиции 49 основных нарезок и две парных, едва заметных. Можно выделить три самостоятельных группы нарезок. В первой 20 нарезок, во второй (центральной) 14, в третьей 15. Центральная группа в свою очередь, может быть, делится на две подгруппы, между которыми помещен какой-то условный знак. Каждая из этих групп и подгрупп имеет определенное положение и форму нарезок.

Несмотря на то что в системе нарезок явственно проступает ритмичность, мы не думаем, что это только выражение количественных представлений и операций хотылевского палеолитического человека. Быть может, мы имеем дело с геометризованным рисунком, подчиненным определенным количественным соотношениям, образующим как бы подвижную композицию из различных групп, подгрупп, звеньев, частностей. Каждая насечка — это образ, имеющий свою форму, положение, размер и степень зависимости. Как в отдельных звеньях, так и в общем пост-

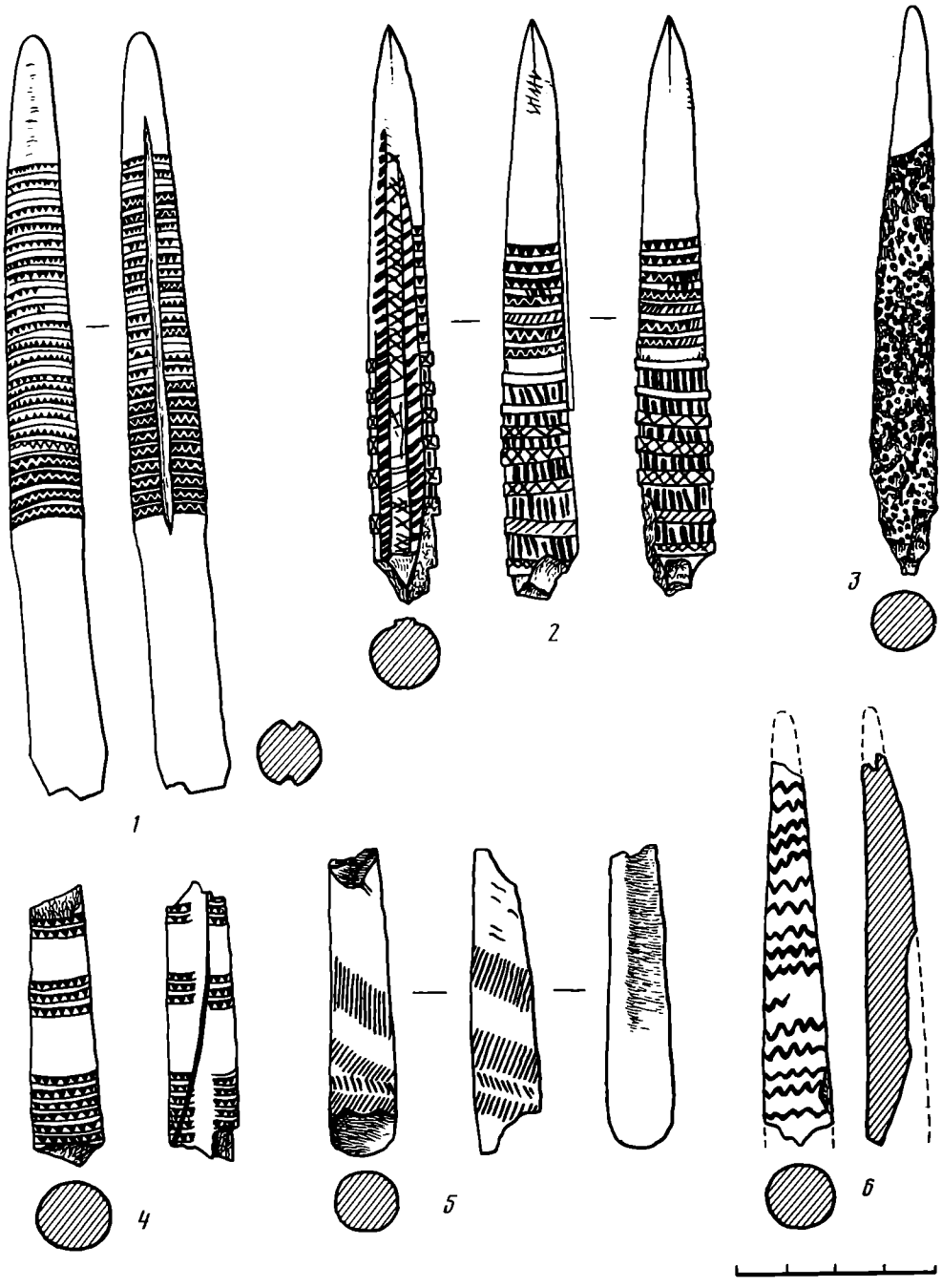


Рис. 4. Острия с орнаментальными или декоративными узорами

роении чувствуется какая-то динамика жизни, движения, одухотворенности. Мы видим, как плавно и закономерно одни типы и положения нарезок переходят в другие и в то же время объединяются их разнородные звенья. Чувствуется тесная взаимосвязанность и тонкая пластичность всей композиции в целом.

Близкие аналогии по композиции и условности антропоморфных фигур мы имеем на некоторых изделиях из западноевропейских памятников, в частности в антропоморфных изображениях на ребре животного длиной в 16 см из стоянки Шато дез Эйзи [5, табл. XXIII, *5*, с. 172], на кости длиной 9 см из стоянки Раймонден (Шансельяд) [5, табл. XXIII, *6*, с. 175] и на костяной пластинке длиной в 6,5 см из стоянки Гурдан [5, табл. XXIII, *7*, с. 167].

К третьей группе гравировок Хотылева относятся орнаментальные или декоративные гравировки. Наиболее ярко и полно такой орнамент представлен на остриях. В коллекции представлено шесть острий и их фрагментов, имеющих на поверхности геометрический декор (рис. 4). Все они изготовлены из бивней мамонтов и в сечении почти правильно округлые.

Одно из них (рис. 4, *1*) найдено в раскопе 4 на кв. 38. Оно веретенообразное по форме. Кончик основания обломан. Стержень слабо изогнут, длина стержня 15,5 см, наибольший диаметр сечения 1,5 см. Хорошо выделен черешок высотой 5,7 см. Кончик острия тупой. На асимметричных боках лезвия два желобка. Желобок, вырезанный с вогнутой стороны, выбран четко, длина его 8,8, наибольшая ширина 0,5, глубина 0,2 см. Одна сторона желобка покрыта косой нарезкой. Другой желобок более четко вырезан только в верхней половине и тянется по всей длине лезвия. Его наибольшая ширина 0,5 см, глубина 0,2 см. Желобки делят всю поверхность лезвия на две части.

Каждая покрыта гравировкой из различных орнаментальных поясков. Общая длина всей суммы поясков 7,2 см, ширина в основании с одной стороны 2 см, с другой — 1,7 см. На более широкой полосе насчитывается 43 орнаментальных пояска, на узкой — 51.

На широкой полосе орнаментальные пояски и орнаментальные элементы распределяются следующим образом: девять рядов нижних поясков имеют орнамент в виде рельефного зигзага, образованного выбранными микротреугольниками, обращенными вершинами к центру, так что вершины треугольников одного ряда заходят за вершины другого. Основанием для треугольников являются полуконцентрические нарезки, ограничивающие орнаментальные пояски, чередующиеся с неорнаментированными. В данной группе их восемь. В основании орнаментальной полосы поясок орнаментированный. 10-й орнаментированный поясок соприкасается непосредственно с девятым орнаментированным, замыкающим в первой группе. Но покрыт он треугольниками только вдоль верхней ограничительной нарезки, образуя нечто в виде зубчатого карниза. Следующие четыре орнаментированных пояска тоже чередуются через один с неорнаментированными. Рисунок у них тот же рельефный зигзаг, образованный врезными треугольниками. Последний из них (26-й поясок снизу) покрыт орнаментом только на 2/3 длины, причем на неорнаментированной стороне верхняя ограничительная нарезка опущена несколько ниже. Затем следует неорнаментированный поясок и шесть орнаментированных поясков в чередовании с неорнаментированными через один. Все шесть орнаментированных поясков этой группы покрыты врезанными треугольниками, опущенными вершинами вниз только вдоль верхней ограничительной нарезки. Интересно, что нижний орнаментальный поясок этой группы, как и верхний в предшествующей группе, орнаментирован не полностью. Затем следует два пояска без орнамента и два с орнаментом, но через один неорнаментированный, тоже покрытые треугольниками только вдоль верхней ограничительной нарезки. Количество треугольников в каждом пояске подсчитать из-за плохой сохранности поверхности острия невозможно. Нижний поясок, помещенный в основании этой изобразительной композиции, дает вверху 14, а внизу 13 микротреугольников, а верхний заключительный поясок — всего 6.

На другой орнаментальной полосе ряды поясков хотя и прослеживаются четко, но количественное соотношение орнаментальных элементов из-за плохой сохранности поверхности неясно. Судя по тем местам, где орнаментированные части сохранились лучше, это тот же рельефный зигзаг и зубчатый карниз, образованные врезанными треугольниками, примерно с таким же количественным соотношением элементов.

Нижний поясок, которым открывается орнаментальная композиция, не орнаментирован. Верхние два пояска, завершающие ее, тоже без орнамента, причем верхний намечен частично. Чередование орнаментиро-

ванных и неорнаментированных поясков через один. Кончик острия покрыт тончайшими царапинами.

Другое острие (рис. 4, *2*) найдено в раскопе 7 на кв. 12 (рис. 2, *3*). Оно представляет собой прямой округлый стержень с симметрично расположенными боковыми сторонами и хорошо заостренным кончиком. Длина острия 11,5 см, диаметр сечения в основании 1,4 см. Поверхность темно-коричневатого цвета покрыта рельефным и нарезным геометрическим орнаментом. На одной из боковых сторон двумя желобками выделен выступ шириной 0,5 см в основании и 0,3 см на конце, наибольшая высота над плоскостями плечей 0,3 см. Поверхность выступа покрыта косой нарезкой, на большей части образующей крестики. На плечах выступа также нанесен орнамент из косопоставленных нарезок в виде удлиненных треугольников, обращенных основаниями к бокам выступа. С одной стороны они обращены вершинами кверху, а с другой — книзу, чем достигается эффект косой заштрихованности фона, на котором особенно четко выделяется рельефность выступа с крестообразным орнаментом. Остальная поверхность острия на высоту 7 см от основания покрыта орнаментом в виде незамкнутых концентрических поясков. Всего насчитывается 26 поясков, из них 7 в основании рельефных и 8 неорнаментированных. Высота рельефной группы 4,5 см, нарезной 2,5 см. Легкий наклон орнаментированных поясков в одну сторону создает впечатление спиральности.

Нижний рельефный поясок этой композиции сохранился частично. Его ширина 0,4 см. Верхняя половина покрыта косой насечкой, образующей углы и ромбики. Второй поясок утопленный, шириной 0,5 см, покрыт вертикально поставленными врезанными прямоугольниками в виде каннелюр. У второго рельефного пояска (шириной 0,3 см) поверхность покрыта косой насечкой, обращенной своим верхним концом вправо. Ширина второго утопленного пояска 0,5 см, поверхность покрыта каннелюрами. Третий рельефный поясок шириной 0,3 см покрыт косой перекрещивающейся нарезкой, образующей ромбики. Третий утопленный поясок шириной около 0,4 см покрыт каннелюрами. Четвертый рельефный поясок шириной 0,3 см покрыт косой сеткой, образующей ромбики. Две нарезки с левой стороны перекрестий не имеют и стоят обособленно от ромбов. Четвертый утопленный поясок шириной 0,3 см покрыт каннелюрами. Пятый рельефный поясок шириной около 0,2 см с боков покрыт вертикальными нарезками, по три справа и слева, а остальная центральная часть — косыми нарезками, смыкающимися на концах и образующими зигзаг. Пятый утопленный поясок шириной 0,3 см покрыт каннелюрами. Шестой рельефный поясок шириной 0,2 см орнамента не имеет. Шестой утопленный поясок шириной 0,4 см покрыт каннелюрами. Седьмой рельефный поясок шириной 0,2 см орнамента не имеет. Следующий за ним также орнамента не имеет, с половины косо подрезан в сторону рельефного пояска, из-за чего четко выделяется вся верхняя часть острия. Ширина этого разъединительного пояска 0,3 см. Первый (от основания — 15-й) поясок второй группы шириной 0,2 см покрыт двумя рядами микротреугольников, образующих рельефный зигзаг. Второй поясок шириной 0,2 см орнамента не имеет. Третий поясок шириной 0,2 см покрыт двумя рядами микротреугольников, образующих рельефный зигзаг. Четвертый поясок шириной 0,3 см орнамента не имеет, за исключением двух вертикально поставленных насечек, по одной с каждой стороны. Пятый поясок шириной 0,12 см покрыт одним рядом врезных треугольников, основанием кверху и опущенных вершинами чуть ли не до самой нижней ограничительной нарезки. Шестой поясок шириной 0,18 см орнамента не имеет. Седьмой шириной 0,2 см покрыт двумя рядами треугольников, образующих рельефный зигзаг. Верхние треугольники наполовину крупнее нижних. Восьмой поясок шириной 0,12 см покрыт врезными треугольниками только сверху и образует зубчатый карниз, посредине разъеди-

ненный вертикально поставленной нарезкой, захватывающей и очередной верхний поясок. Девятый поясок шириной 0,15 см покрыт двумя рядами треугольников, образующих рельефный зигзаг. Последние три пояска (7—9) все орнаментированные и образуют как бы самостоятельную подгруппу. Десятый поясок (24-й) шириной 0,18 см орнамента не имеет. Одиннадцатый поясок шириной 0,15 см орнаментирован врезными треугольниками, опущенными чуть ли не до самой нижней ограничительной линии. Двенадцатый поясок шириной 0,15 см орнамента не имеет. Тринадцатый поясок шириной 0,12 см орнаментирован врезными треугольниками вдоль верхней ограничительной линии. В основании конусообразно заостренного кончика острия косые нарезки с перекрестиями.

Неменьший интерес представляют фрагменты четырех других орнаментированных острий.

Один из них (рис. 4, *4*) найден в раскопе 4 на кв. 13, имеет старые обломы, следы распадения и смещения по слоям. Поверхность темно-коричневого цвета. Судя по всему, острие разломано преднамеренно еще в древности, несет следы пребывания на слабом огне. Поверхность фрагмента покрыта концентрическими поясками, разорванными желобком с ритмичным расположением орнаментальных зон. На фрагменте их насчитывается три. В каждой группе или зоне орнаментированные и неорнаментированные пояски чередуются через один. Орнаментированные пояски украшены врезными треугольниками, опущенными вершинами вниз через всю ширину пояска. В основании фрагмента прослеживается 13 поясков, в среднем звене — пять и в верхнем до облома тоже пять.

Второй фрагмент (рис. 4, *5*) найден в раскопе 6 на кв. 5 в ямке. Обломы древние, поверхность темно-коричневатая. Возможно, разломан преднамеренно. Поверхность фрагмента украшена вертикальными и косопоставленными нарезками, образующими в композиции спирально расположенные пояски, не замкнутые на тыльной стороне. В основании фрагмента местами они в виде елочки. Сохранилось четыре таких декоративных пояска. На тыльном, не захваченном орнаментом участке штриховка в виде вертикально опущенной сверху ленты. Гравировка произведена очень тонкими, слабо заметными нарезками.

Третий фрагмент — верхняя заостренная половина острия веретенообразной формы (рис. 4, *6*) — найден в раскопе 4 на кв. 12. Он имеет довольно гладкую светло-розовую поверхность. Облом древний. Видимо, острие разломано преднамеренно. Длина сохранившейся части около 8 см, диаметр в основании 1,2 см. Поверхность покрыта нарезным зигзагообразным орнаментом из 16 концентрически расположенных рядов. Насколько можно рассмотреть, расположение углов по отношению друг к другу не везде параллельное. Иногда они как стрелы направлены друг к другу, а затем незаметно переходят в параллельный зигзаг. Четвертый ряд от облома кончика острия неполный, образует всего четыре угла излома. Имеются углы более острые и удлиненные и несколько скругленные на вершинах. Но это впечатление создается, видимо, за счет выщербинок. В целом углы острые, как и положено у зигзага.

Четвертый фрагмент (рис. 4, *3*) происходит из раскопа 5 на кв. 42. Длина фрагмента 9,6 см, наибольший диаметр сечения 1,3 см. Судя по сохранившейся части, острие было веретенообразным. Облом древний. Основание имеет ступенчатый конусовидный срез. Вся поверхность покрыта расплывчатой точечной ретушью. По орнаменту он резко отличается от описанных выше острий.

Веретенообразные острия, изготовленные из бивней мамонтов, широко известны на позднепалеолитических памятниках, однако они или вовсе не имеют орнамента, или он более скромный и отличается по рисунку [6, рис. 119]. В бассейне р. Десны аналогичные острия найдены на Мезинской [9, рис. 201] и Юдиновской [10, с. 51, табл. 1, 2; 11, рис. 49] стоянках. Юдиновские острия также сплошь покрыты орнаментом. Прав-

да, он менее сложен и более однообразен. Основным сочетанием элементов юдиновского геометрического орнамента являются косые клетки, образующие удлиненные треугольники и ромбы, а также параллельные прорези, создающие впечатление рифленой поверхности [7, с. 91].

Орнаментальные композиции на хотылевских остриях более сложные и выразительные. Для образования орнамента здесь служили простейшие геометрические элементы и знаки: вертикальные, горизонтальные и косые нарезки, врезанные прямоугольники, микротреугольники и точечные углубления. Различные простейшие элементы соединялись в крестики, углы, треугольники, ромбы, а собранные в орнаментальные пояски и ряды комбинировались в геометрические узоры. Особенно показательны в этом отношении два острия: одно из раскопа 4 (рис. 4, *1*), другое из раскопа 7 (рис. 4, *2*). Это подлинные шедевры геометрического орнамента как по содержанию и сложности своих композиций, так и по полноте изобразительных элементов и орнаментальных звеньев. Сложность компоновки таких узоров указывает не только на кропотливый труд и художественные способности человека, но и на глубину человеческого мышления, выраженного в данном случае в манипуляции различными орнаментальными элементами и звеньями.

Аналогичные геометрические элементы и образованные ими звенья графических изображений известны на костяных изделиях и других позднепалеолитических стоянок. Но такие элементы, как врезанные прямоугольники-каннелюры, врезанные микротреугольники и крестики, типичны для костенковско-авдеевской культуры [8, рис. 106, 108, 109, 113—116, 118, *6*, *7*; 124, *2*, *15*; 9, рис. 11, *а*, *б*; 13; 14; 15ж; 16]. Наиболее полное сочетание почти всех простейших элементов и звеньев в одной композиции дает нам хотылевское острие из раскопа 7 (рис. 4, *2*).

К четвертой группе изделия с гравировкой относятся кости и костяные поделки с ритмичным расположением нарезок (рис. 3, *1*, *4*, *6*, *7*; рис. 5). В этой группе можно выделить две подгруппы: изделия с нарезками на боковых ребрах (рис. 3, *4*, *6*, *7*; рис. 5, *2*, *4*, *8*) и гравированные поделки из кости с сечением округлых форм (рис. 3, *2*; рис. 5, *1—3*, *5—7*).

Один из предметов первой подгруппы (рис. 3, *4*, р-4, кв. 40) представляет собой обработанный рог дугообразной формы. Длина поделки 22,5 см, наибольший размер сечения 1,7×1,4 см. На верхнем утонченном конце следы каких-то преднамеренно расположенных по отношению друг к другу круглых углублений. Одно из них сквозное. Назначение предмета неясно, аналогии нам неизвестны. С вогнутой стороны, начиная от основания до угла изгиба, вырезан гребень длиной 11,5 см при ширине и высоте 0,3 см. Он разделен выщербиной на две неравных части. Одна из них длиной в 7,5 см сплошь покрыта поперечными нарезками-желобками. Насчитывается 30 нарезок без следов заметной ритмичности. В основании изделия — чашеобразное углубление со следами заполированности. На ребрах 15 нарезок. На одной из боковых сторон у основания, ближе к лобной стороне, три нарезки, образующих какую-то метку или знак[1]. С той же боковой стороны вдоль вершины изгиба идет поясок из косых нарезок. Их насчитывается 30, но более четко выражено только 27. Наименьшим кратным для всех числовых выражений этой композиции является число 3. Общее количество нарезок на этом предмете может быть выражено следующим соотношением: 30+15+30=75.

Наименьшим кратным здесь будет тоже нечетное число — 5.

Три других предмета этой подгруппы представлены лопаточками, орнаментированными по краям зубчатыми нарезками [2, с. 155—157].

---

[1] Близкий знак в виде креста с поперечными нарезками (рис. 2, *1*) имеется на фрагменте костяной поделки, найденном в раскопе на том же кв. 40. Но выражен он хуже, и говорить о его достоверности трудно.

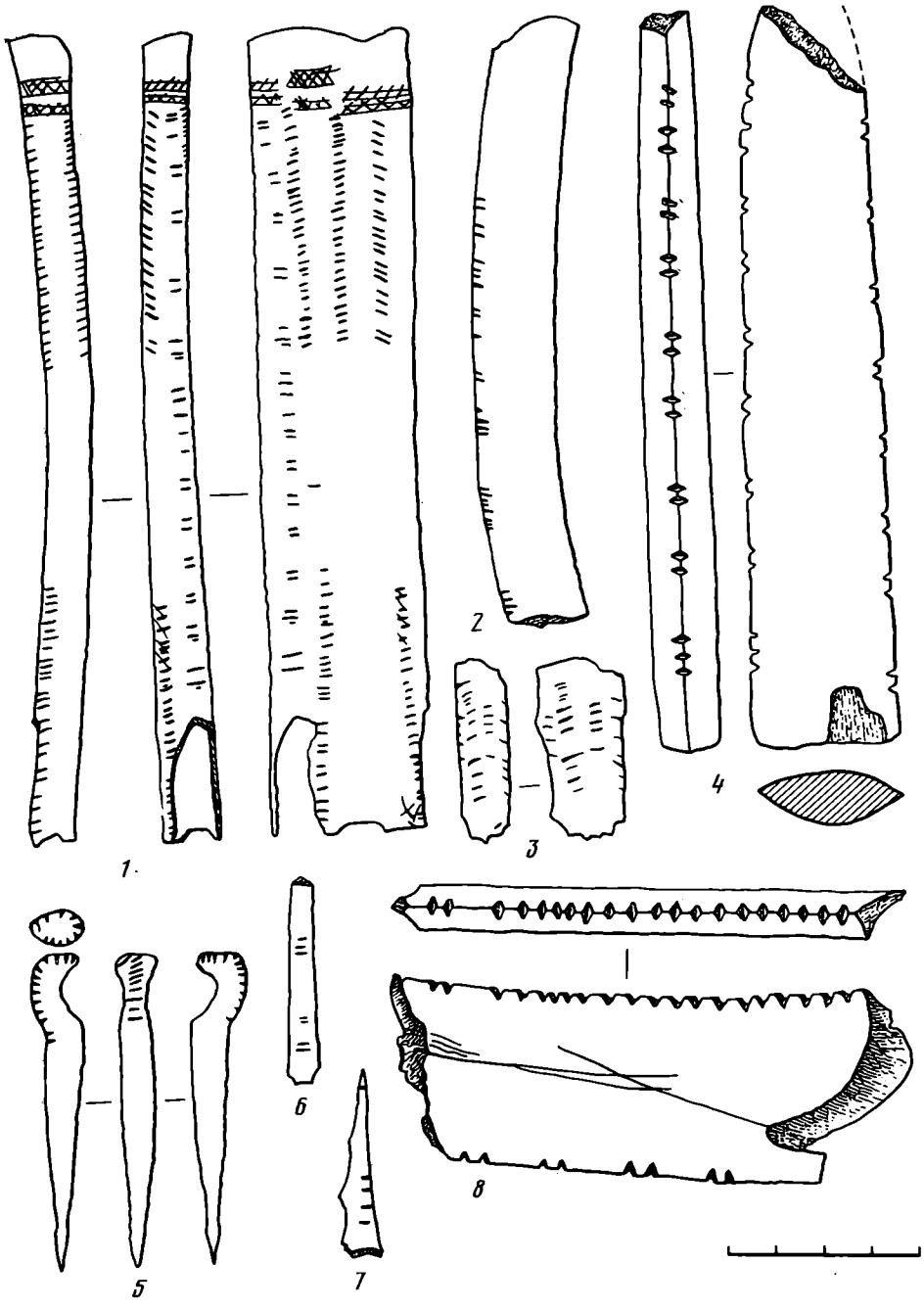


Рис. 5. Костяные поделки с ритмическими нарезками

На одной из них (рис. 3, *6*, р-5 на днище предочажной ямы) насчитывается 54 нарезки, из них три крупных, две по углам лобной части и одна у основания головки. Первая крупная насечка сделана после 48 рядовых, вторая после 9 и третья после 13. Интересно, что число 9 здесь падает на центральную, лобную часть головки. На передней утолщенной стороне рукоятки шесть удлиненных, вертикально поставленных нарезок, из которых одна в виде желобка и одна в виде стрелки. Что это — просто орнамент или числовые обозначения, сказать трудно.

Фрагмент другой лопаточки (рис. 3, *7*, р-7, кв. 5) также на боковых гранях или ребрах имеет 54 нарезки. Здесь нарезки по углам головки разделены крупными широкими зубцами. Число нарезок на лобной части между ними — 10.

Третья лопаточка (рис. 3, *3*, р-6, кв. 53, в ямке с костями и краской) имеет нарезки только на головке: три на лобной части и две парных у ее основания. Их сумму можно выразить следующим количественным отношением: 3+2+2=7.

Четвертый предмет этой подгруппы представляет собой уплощенное острие (рис. 5, *4*), изготовленное из осколка трубчатой кости (р-5, кв. 6). Длина острия 16,5 см, наибольшая ширина у основания 3,1 см, наименьшая толщина 1,4 см. Кончик острия отломлен в древности. На заостренных боковых ребрах два ряда ритмично расположенных нарезок: с одной стороны 9 рядов, с другой 8. Первый из них может быть выражен следующим количественным соотношением: 3+2+2+2+2+2+2+2=19.

Второй: 2+2+2+2+2+2+2+2=16. Общая сумма нарезок здесь составляет: 19+16=35. Наименьшее кратное здесь нечетное число — 5.

Аналогичное острие с треугольными зубчатыми нарезками на ребрах известно среди костяных поделок стоянки Долни Вестонице в Чехословакии [2, табл. 26, *5*]. Но в системе его сплошных зубчатых нарезок нет такой четкой ритмичности, как у хотылевского острия.

Вторая подгруппа представлена рядом предметов с нарезками: у фрагмента кости какого-то мелкого животного (рис. 3, *2*, р-2, кв. 16) на сочленительной части нанесено пять нарезок разной длины. Если принять разность длин этих нарезок за особый вид ритмичности, можно получить следующие количественные соотношения:

2+1+1+1=5 или 3+2=5. Выделяется число 3. У фрагмента ребра (рис. 5, *2*, р-5, кв. 36) длиной 14, шириной 1,7 см почти вся выпуклая часть покрыта ритмично расположенными нарезками. Насчитывается 9 самостоятельных групп, внутри которых в свою очередь тоже прослеживается некоторая ритмичность. Это указывает на какую-то особую значимость отдельных элементов, в то же время зависимых друг от друга. Количественное выражение этой группы нарезок можно представить соотношением: (1+3)+(3+1+2+2)+(3+1)+2+1+2+(2+2+1)+ +2+2=30 или 18+1+11=30. Наименьшее кратное здесь число 3.

На фрагменте птичьей косточки (рис. 5, *3*, р-5, кв. 18) длиной 4 см прослеживается четыре ряда вертикально поставленных и ритмично расположенных нарезок. Первый ряд имеет 4 нарезки, второй — 12 (из них одна неполная), третий — 6 и четвертый — 6. Внутри каждого звена тоже хорошо прослеживается различная ритмичность. Количественное выражение данной группы нарезок может быть представлено соотношением: (2+2)+(1+4+2+1+2+2)+(1+3+1+1)+(3+1+2)=28. Если исключить из второго ряда одну неполно выраженную нарезку (звено 4), общая сумма составит число 27 с наименьшим кратным 3. Для числа 28 наименьшим кратным будет 4.

На фрагменте птичьей косточки (рис. 5, 6, р-7, кв. 6) длиной 3,4 см имеется три группы ритмично расположенных нарезок. Их количественное соотношение может быть выражено следующим образом: 2+2+3= =7. На фрагменте птичьей косточки (рис. 5, 7, р-5, кв. 34) длиной 4,4 см находится три группы нарезок. Их количественное соотношение может быть выражено как 2+2+1=5.

Фрагмент бивня (р-6, в заполнении предочажной ямы) длиной 66 см, с диаметром сечения в основании 9 см имеет следы пребывания на огне, из-за чего значительная часть его превратилась в костную труху. Сохранившаяся поверхность темного, слегка коричневого цвета. Судя по уцелевшей гравировке, на поверхности бивня имелась сложная система нарезок, на фоне которой на вогнутой стороне хорошо выделялись крупные парные ритмично расположенные нарезки. Сохранилось только шесть пар таких нарезок. Трудно представить, что столь сложно орнаментированный бивень просто был брошен в огонь. На стоянке это не единственный случай, когда интересный предмет сожжен или преднамеренно изло-

ман. По-видимому, мы имеем дело с какими-то магическими или ритуальными действиями.

Шиловидная фибула с антропоморфной головкой костенковско-авдеевского типа (рис. 5, *5*, р-5, кв. 6) длиной 7 см передней стороны имеет по венчику головки 9 нарезок, по изгибу шейки с тыльной стороны головки тоже 9 нарезок, опускающихся вертикальной полоской. Совпадение чисел не случайно. Их количественное соотношение может быть выражено следующим образом: 9+9=18. Наименьшее кратное для всех чисел составляет число 3.

Птичья трубчатая кость в виде полой трубочки с отпиленными сочленительными концами (рис. 5, *1*; рис. 2, *2*, р-7, кв. 15, в ямке 16, вместе с женской статуэткой), пожалуй, самая уникальная находка, относящаяся к четвертой группе. Длина поделки 18,3 см; на одном конце древний облом, на другом конце концентрический орнаментальный поясок, насчитывающий три ритмично расположенных звена. Графические элементы этих орнаментальных звеньев представляют собой косые и горизонтальные нарезки, образующие ромбики, треугольники и крестики. К сожалению, этот графический декор исполнен настолько тонкими нарезками, что едва просматривается невооруженным глазом. Выражают ли ритмично расположенные звенья этой композиции количественные величины или просто разорванные части общего узора, сказать трудно. Во всяком случае, в распределении самих образующих элементов, в манере их нанесения, в размещении и построении зональности чувствуется какая-то продуманная система. Остальная поверхность трубочки покрыта шестью рядами нарезок. Один из них, основной нанесен вдоль всей вертикальной оси поделки, три ряда захватывают верхнюю часть трубочки и два — нижнюю, а центральная ее часть остается свободной.

Первый или основной ряд со строго поперечным расположением нарезок имеет следующую ритмическую структуру: в первом звене (счет ведется снизу вверх) две параллельно расположенные нарезки одинаковой длины. Во втором звене три насечки (одна из них укороченная), с третьего по седьмое — по 2, причем в седьмом одна укороченная; в восьмом — 1, в девятом — 3 (одна укороченная), с десятого по тринадцатое — по 2; в четырнадцатом — 1; в пятнадцатом — 2. Между пятым и шестым звеньями, несколько выше основного ряда, нанесена одиночная нарезка. Относится ли она к основному ряду или является случайной, сказать трудно. Общее количественное выражение основного ряда можно записать следующим соотношением: 2+3+2+2+2+2+2+1+3+3+2+2+2+ +1+2=31. Что здесь представляют собой укороченные нарезки: часть целых чисел или объектов или какие-то зависимые числа, неясно. Во всяком случае, они не случайны и древний человек ими оперировал часто. Во втором верхнем ряду по отношению к основному нарезки поставлены несколько скошенно и менее выражена ритмичность. Она может быть обозначена следующим количественным соотношением: 3+2+3+ +2+2+3+4+4+1+3+2+2=29.

В третьем ряду нарезки также расположены несколько скошенно, направлены в такт предыдущему ряду и еще менее выражена ритмичность. Все же она прослеживается и может быть обозначена следующим количественным соотношением: 3+6+3+3+3+2+3+3+2+1=29.

Четвертый ряд скошен и обращен в сторону, противоположную предыдущим.

В нем лучше выражена ритмичность, которая может быть записана следующим образом: 2+3+3+3+2+2+2+2+2=21.

Пятый (нижний) ряд, расположенный на рисунке с правой стороны, имеет почти правильное поперечное расположение насечек с довольно заметной ритмичностью, которая может быть выражена следующим количественным соотношением: 1+3+1+2+2+2+3+4+3+3+2=26. Между пятой и шестой нарезками этого ряда, если считать сверху, поставле-

на очень мелкая насечка. Если ввести ее в общий счет, количество насечек составит 27.

Шестой ряд нарезок находится с противоположной стороны основного ряда. Его ритмичность может быть выражена следующим количественным соотношением: 2+2+2+4+2+2+4+2+2+2+2+2=28. Если учесть еще одну мелкую, но четко выраженную нарезку в четвертом звене, стоящую возле его последней замыкающей, то общее число нарезок составит 29. Первые две нарезки (со стороны верхнего конца) соединяет очень тонкая нарезка, образуя между ними острые углы. Следующие три косые нарезки с основными образуют три крестика. Если к общему числу насечек прибавить четыре косых секущих, общее число ряда составит 32.

На нижнем конце трубочки у того же ряда находится знак в виде крестика и двух косых нарезок. Он напоминает знак на изделии из рога (рис. 3, *4*), но выражен хуже.

Изделие из крупной трубчатой птичьей кости в виде флейты из Хотылева имеет аналогии среди находок в пещере Вильдшейр у Штетина на Лане [6, рис. 181, с. 320]. Эта трубка украшена четырьмя рядами вертикально расположенных зигзагов. Есть подобная трубка и в пещерной стоянке Пекарна у Брно в Чехословакии [12, табл. 29, *1*, с. 77]. На ней нанесены ритмично расположенные нарезки. Полая трубочка-манок известна и по материалам стоянки Костенки I на Дону [9, рис. 125], но без следов орнамента. Однако ближайшей аналогией хотылевской «флейте» является полая трубочка из стоянки Авдеево на Сейме [4, рис. 14]. Она тоже украшена комбинированным геометрическим орнаментом с ритмичным расположением рядов и заштрихованных зон.

Как мы уже отмечали в работе об антропоморфной скульптуре [2, с. 160], на Хотылевской стоянке наблюдалась ритмичность не только в графических изображениях, но и в расположении ям и костей, которые составляли прямые ряды и дуги от оснований каких-то сооружений или построек. Ямки имели ритмическое размещение, и в них было положено или поставлено определенное число костей. Остатки подобных сооружений и по количеству ям в рядах, и по количеству костей, положенных в них, иногда вызывают в памяти гравировки из ритмически расположенных нарезок.

Большое число кремневых изделий из Хотылева, на меловой корке которых нанесены графические рисунки, позволяет выделить их в особую, пятую группу. Аналогий им в других памятниках мы не знаем.

Как бы ни были просты и скупы изображения на меловой корке, усомниться в их преднамеренном нанесении невозможно.

Среди нарезок на меловой корке кремневых поделок мы видим те же самые несложные композиции из простых геометрических элементов, образующих углы, треугольники, ромбы, кресты, штриховки. В других случаях нарезки служат как бы для фиксации каких-то количественных выражений. Иногда сочетается то и другое. Как показал подсчет нарезок, количественные выражения представлены здесь числами 20 (рис. 6, *2*); 18 (рис. 6, *4*); 12 (рис. 6, *5*); 11 (рис. 6, *8*); 10 (рис. 6, *9*); 7 (рис. 7, *7*). Некоторые из подобных гравировок передают определенную ритмичность. Так, нарезки на скребке, найденном на раскопе 6 на кв. 23 в яме (рис. 7, *2*) дают такое числовое соотношение: 2+2+2+1=7. Не менее интересно, что все интервалы между звеньями нарезок равны 0,9 см. Промежуток между нарезками первой пары 0,4 см, второй — 0,4, третьей — 0,2 см.

Каково назначение кремней с нарезками, и сказать трудно. Может быть, среди них есть счетные бирки, камни для гадания, волшебства, заклинаний или самые древние и простейшие «чуринги» с воплощением в них духов предков. Например, на азильских гальках, как и на хотылевских кремнях, часто фигурируют числа 5, 7, 11 и простейшие геометри-

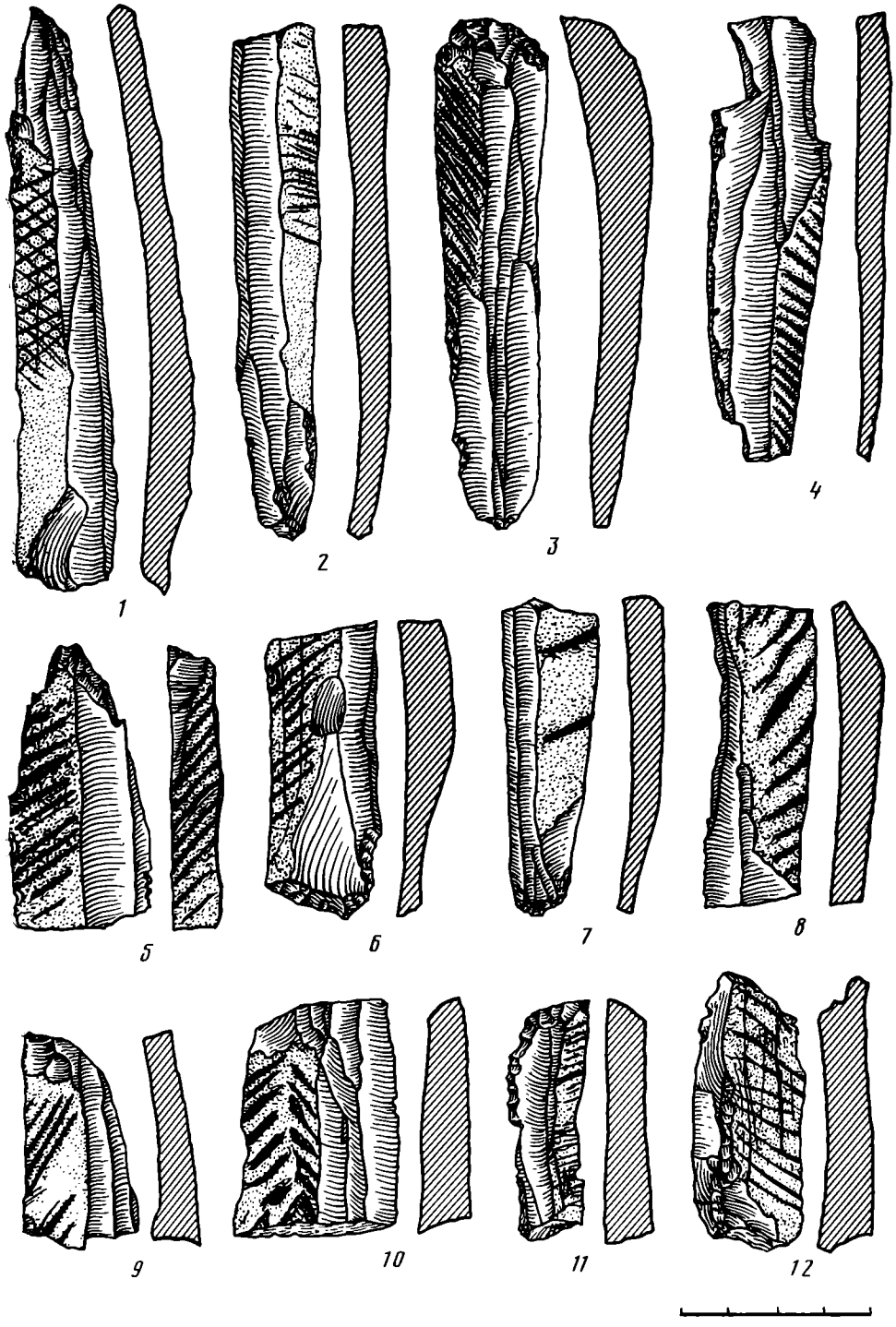


Рис. 6. Кремневые изделия с графическими изображениями на меловой корке

ческие рисунки, близкие хотылевским [6, табл. XIII, рис. 136, 137], только они нарисованы краской и на другом материале. Отметим, что большинство гравированных кремней собрано близ мест нахождения предметов, принадлежащих к произведениям первобытного искусства, в ямах и зольно-углистом субстрате.

Значение описанных предметов, найденных на Хотылевской верхнепалеолитической стоянке, нельзя переоценить. Как было показано, и по своему назначению, и по своему смысловому содержанию они довольно

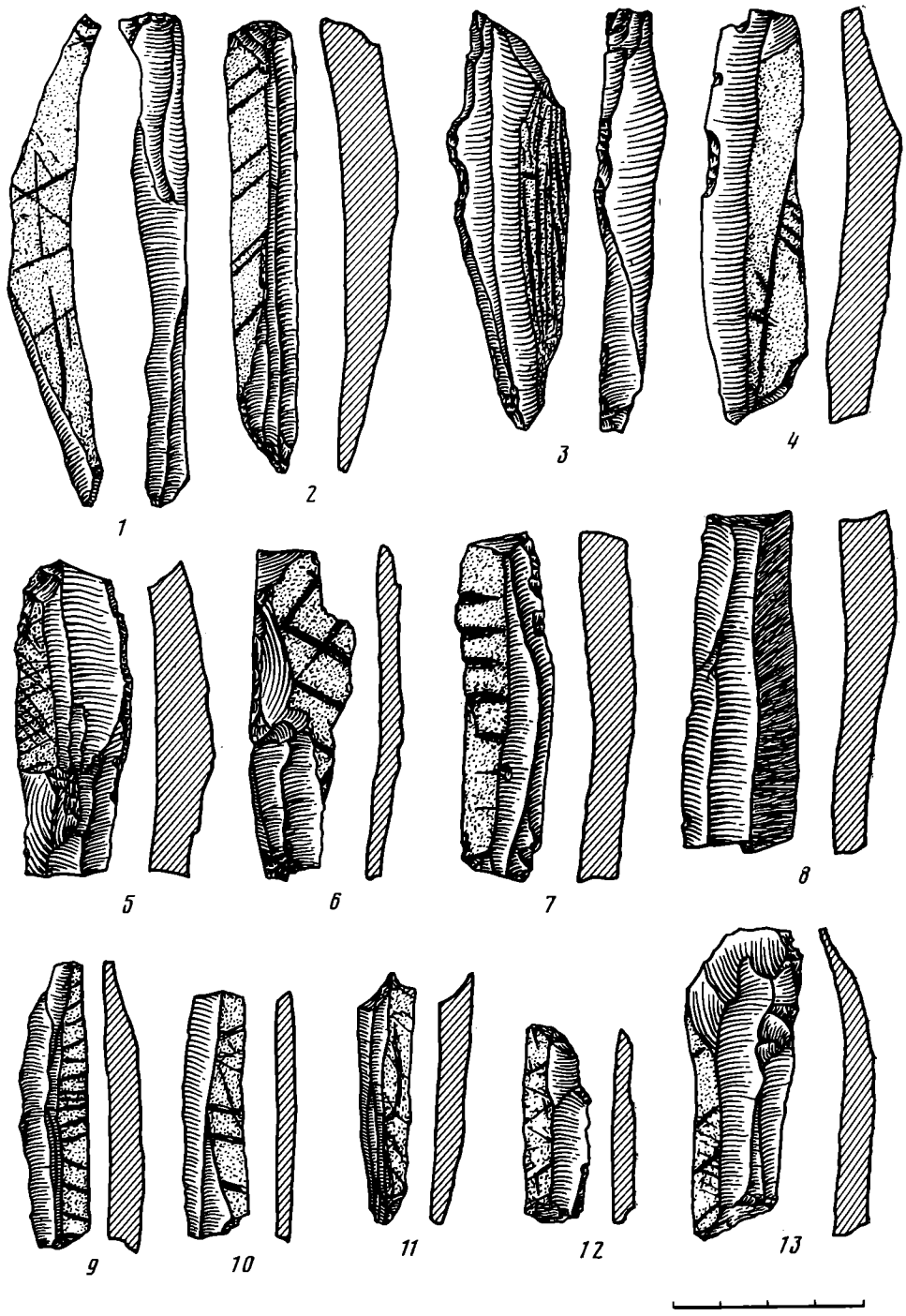


Рис. 7. Кремневые изделия с графическими изображениями на меловой корке

разнообразны и, видимо, отражают различные стороны хозяйственно-бытовой и идеологической жизни обитателей Хотылевской стоянки. В рассмотренной группе изделий нет реалистических образов и даже стилизованных, присущих малой объемной скульптуре той же стоянки. Графика Хотылева характеризуется геометрической формой и стилем, что характерно и для других деснинских стоянок. Простейшие геометрические элементы образуют более сложные геометрические фигуры и комбинации.

Некоторые исследователи считают, что геометрический орнамент деснинских позднепалеолитических памятников не содержит сколько-нибудь убедительных данных, указывающих на связь элементов орнамента

с семантикой или непосредственно с хозяйственной деятельностью людей [7, с. 90].

Нам, напротив, кажется, что геометрические фигуры, композиции и т. д. не могут быть начисто лишены связи с природными или хозяйственно-бытовыми образами.

Французский археолог А. Леруа-Гуран убедительно показал, например, тесную связь геометрических знаков в палеолитических пещерных святилищах с реалистическими рисунками животных, установил закономерность в группировке фигур животных и различных знаков в пещерном искусстве палеолита [13, с. 22]. Аналогичные геометрические знаки и рисунки обнаружены и в Восточной Европе, на стенах знаменитой Каповой пещеры [13, рис. 14].

Простейшая геометрическая фигура и на других верхнепалеолитических памятниках может символизировать какой-то образ, какое-то первоначало. Видимо, правы те исследователи, кто говорит, что несмотря на скупость изобразительных средств и простоту технического выполнения, геометрический орнамент является одним из ярких и самобытных признаков деснинского верхнепалеолитического искусства [7, с. 90]. Если же вспомнить, что многие предметы имеют следы окраски теплыми и яркими цветами и встречаются вместе с объемными и реалистическими произведениями мелкой пластики, можно говорить не только о самобытности и яркости, но и о полноте и содержательности первобытного деснинского искусства. Возможно, этим и объясняется отсутствие здесь реалистических изображений животных и антропоморфных изображений. Может быть, они скрыты, замаскированы в композициях геометрических рисунков.

Несмотря на то что гравировки Хотылевской верхнепалеолитической стоянки представлены почти всеми геометрическими элементами, звеньями и фигурами, ими образованными, типичными и для других деснинских памятников, исполненными теми же техническими приемами, они значительно отличаются от гравировок с других стоянок и ближе стоят к гравировкам костенковско-авдеевской культуры, сохраняя при этом и свое своеобразие. Они являются как бы связующим звеном между деснинским и донским культурно-историческими регионами. Но не исключено, что некоторые наблюдающиеся различия как в гравировках, так и в индустриально-бытовых комплексах деснинских позднепалеолитических памятников имеют не только культурно-исторический, но в бо́льшей мере хронологический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заверняев Ф. М.* Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне.— СА, 1974, № 4.
2. *Заверняев Ф. М.* Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки.— СА, 1978, № 4.
3. *Бадер О. Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.
4. *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА, 1953, № 39.
5. *Абрамова З. А.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л.: Наука, 1966.
6. *Обермайер Г. Х.* Человек в его прошлом и настоящем. СПб., 1913.
7. *Грехова Л. В.* Обработанная кость Тимоновской стоянки. Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
8. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Изд. 2-е. Л., 1938.
10. *Будько В. Д.* Юдиновское верхнепалеолитическое поселение.— АО — 1966, М., 1967.
11. *Будько В. Д., Сорокина Р. А.* Поздний палеолит северо-запада Русской равнины.— В кн.: Природа и развитие первобытного общества. М., 1969.
12. *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
13. *Бадер О. Н.* Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965.

F. M. Zavernyaev

BONE AND STONE ENGRAVINGS FROM THE KHOTYLEVO UPPER PALAEOLITHIC SITE

Summary

The article describes and systematises grafic material from the Khotylevo site according to the types of designs: the simplest schematic designs, ornaments or decorative designs, various notchings. All of them are of geometrical forms typical of the Upper Palaeolithic monuments in the Desna basin. Some of the items probably had practical uses, others were of symbolic significance. Though the Khotylevo engravings resemble those of other contemporaneous sites along the Desna, they are closer to the Kostenki-Avdeyevo culture, they retain the distinctive features peculiar to this site.

СОРОКИН А. Н.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПЕТРУШИНО ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

(Мещера)

Стоянка Петрушино располагается на невысоком дюнном всхолмлении первой террасы левого берега р. Бужи, в 200 м к востоку от дер. Тюрвищи Гусевского р-на Владимирской обл., и приурочена к древнему, ныне заторфованному заливу оз. Святого. Дюна незадернована и в недавнее время подвергалась неглубокой распашке, по-видимому, сохой. Центральная ее часть занята обширной котловиной выдувания. Однако, как выяснилось в ходе раскопок, культурный слой в ее пределах не был уничтожен полностью. Нетронутые участки его были обнаружены зачистками практически по всей площади котловины выдувания после того, как был удален перевеянный песок. Памятник исследовался автором в течение 1975—1977 гг. За это время была вскрыта площадь в 202 м² [1; 2, с. 142—151].

Стратиграфия памятника (шурф 2, 1977 г.) представляется следующей: 1) желто-серый сыпучий песок, 0—10 см; 2) темно-серый гумусированный песок с угольками мощностью 20—30 см; 3) белый сыпучий песок — подзол, от 0 до 18 см; 4) желто-коричневый песок, в котором по мере углубления встречается все большее количество железистых конкреций, а с глубины 75—80 см отмечается сплошной слой ортштейнов. Культурный слой не имеет четко выраженных верхней и нижней границ. Находки кремней встречаются от современной поверхности до ожелезненного песка, изредка проникая на глубину до 20 см в последний. Поздние предметы: гончарная чернолощеная керамика XVII—XVIII вв., кованые гвозди и обломки кирпичей обнаружены только в первом и втором стратиграфических горизонтах.

На основной площади (186 м²) в центральной ее части зачистками были выявлены 11 кострищных пятен различной мощности и размеров. Самое крупное из них имело размеры 1,60×1,80 м, самое маленькое — около 40 см в диаметре. Во всех кострищах, кроме одного, был собран значительный по количеству кремневый инвентарь. Как показывает планиграфия находок, они тяготеют именно к кострищам, образуя при этом скопление, насыщенность которого изделиями падает от центра к периферии. Существенно при этом, что ни в одном из кострищных пятен поздние предметы найдены не были.

В шурфе № 2 вскрыта часть ямы размером 1,80×2,10 м, контур которой выходил за пределы шурфа. Она была выкопана в ортштейновом слое, верхние края оплыли. Заполнение ямы — розоватый песок, содержащий кремневые орудия, отщены и пластины, значительное количество мелких пережженных костей и охры, определившей его общую окраску. Высота стенок 70—75 см, наклон — 60—80°, дно ямы фиксируется, по-видимому, уровнем кострищной линзы на отметке 143—148 см. К сожа-

лению, площадь между шурфом 2 и раскопом осталась не вскрытой. Вместе с тем верх описанной ямы примерно соответствует горизонту начала кострищ, что позволяет говорить о единовременности для всех рассмотренных элементов слоя.

Исходным материалом для выработки каменных орудий служил валунный кремень различного цвета и качества, в том числе пятнистый и меловой — серого цвета. Из нарушенных участков происходят 1297 кремневых изделий, и 622 предмета были найдены в непотревоженных участках слоя. Учитывая сосредоточение находок на основной площади в виде одного небольшого скопления культурных остатков, их планиграфическую взаимосвязь с кострищами, отсутствие статистических различий в метрических показателях заготовок, а также типологическое единство орудий, происходящих из слоя и собранных в виде подъемного материала, мы сочли возможным дать суммарное описание каменного инвентаря Петрушино.

В коллекцию стоянки входят 7 нуклеусов и нуклевидных кусков (0,4%), 640 предметов со вторичной обработкой (33,4%), 421 пластина, в том числе и фрагменты (22%), и 851 отщеп (44,3%).

Из четырех имеющихся в наличии нуклеусов три — одноплощадочные, конической, призматической и подпризматической форм, последний четвертый — двухплощадочный подпризматический. Призматический нуклеус служил для получения пластин и микропластин (рис. 1, *9*), остальные три — для пластин и отщепов одновременно. Данные экземпляры нуклеусов относятся к параллельной системе скалывания, они подвергались тщательной предварительной обработке. Рабочий угол регулировался системой фронтальных и боковых сколов, образовывающиеся карнизы убирались серией мелких продольных и поперечных сколов. Всего сколов подработки ударных площадок нуклеусов — 22 и ребристых пластин — 5. На всех сколах подработки остатки площадок сохранили следы подправки, а рабочие поверхности — негативы снятия пластин и микропластин. Кроме того, имеются три нуклевидных куска с негативами отщепов на поверхности.

Основной заготовкой для орудий служила пластина, при этом большая их часть подверглась делению, для чего использовалась техника преднамеренного слома, контрудара и удара отбойником по удерживаемой в руке заготовке. Среди пластин преобладают узкие экземпляры и микропластинки, среди отщепов — чешуйки и отщепы мелких размеров.

В группе изделий со вторичной обработкой многочисленны полифункциональные типологически не членимые орудия — отщепы с ретушью (139 экз., или 21% от числа всех орудий). Судя по преобладанию на них нерегулярной затупливающей краевой ретуши, большинство из этих изделий имело скребковые функции. Кроме ретушированных отщепов значительные серии образуют морфологически специализированные формы, такие как скребки, резцы и вкладыши из фрагментов пластин (так называемые «сечения»).

Резцы (81 экз., 12,7%; 63 — на пластинах, 18 — на отщепах) довольно однообразны, доминируют типа на сломе заготовки (77 шт.). Среди них могут быть изделия как с одним сколом, так и с двумя-тремя, нанесенными по разным краям заготовки. Прочие типы единичны — это угловой и косоретушный резцы на отщепах и два на пластинах — двойной поперечный и комбинированный косоретушный со срединным (рис. 2, *1—16*, *19*, *20*; 3, *31*; 4, *13*; 5, *21*).

В группе скребков (68 экз., 10,6%; 39 — на пластинах, 29 — на отщепах) преобладают экземпляры концевых простых с дугообразными (22 шт.) и дугообразно скошенными (21 шт.) лезвиями (рис. 6, *1—5*, *8*, *9*, *11*; 4, *5*, *7—9*, *15* и др.). Концевых скребков с прямым лезвием 3, с прямоскошенным — 5 (рис. 6, 7, 10, 26). Кроме того, присутствуют два подокруглых, полуокруглый, двойной боковой (рис. 6, *13*, *18*; 4, *6*;

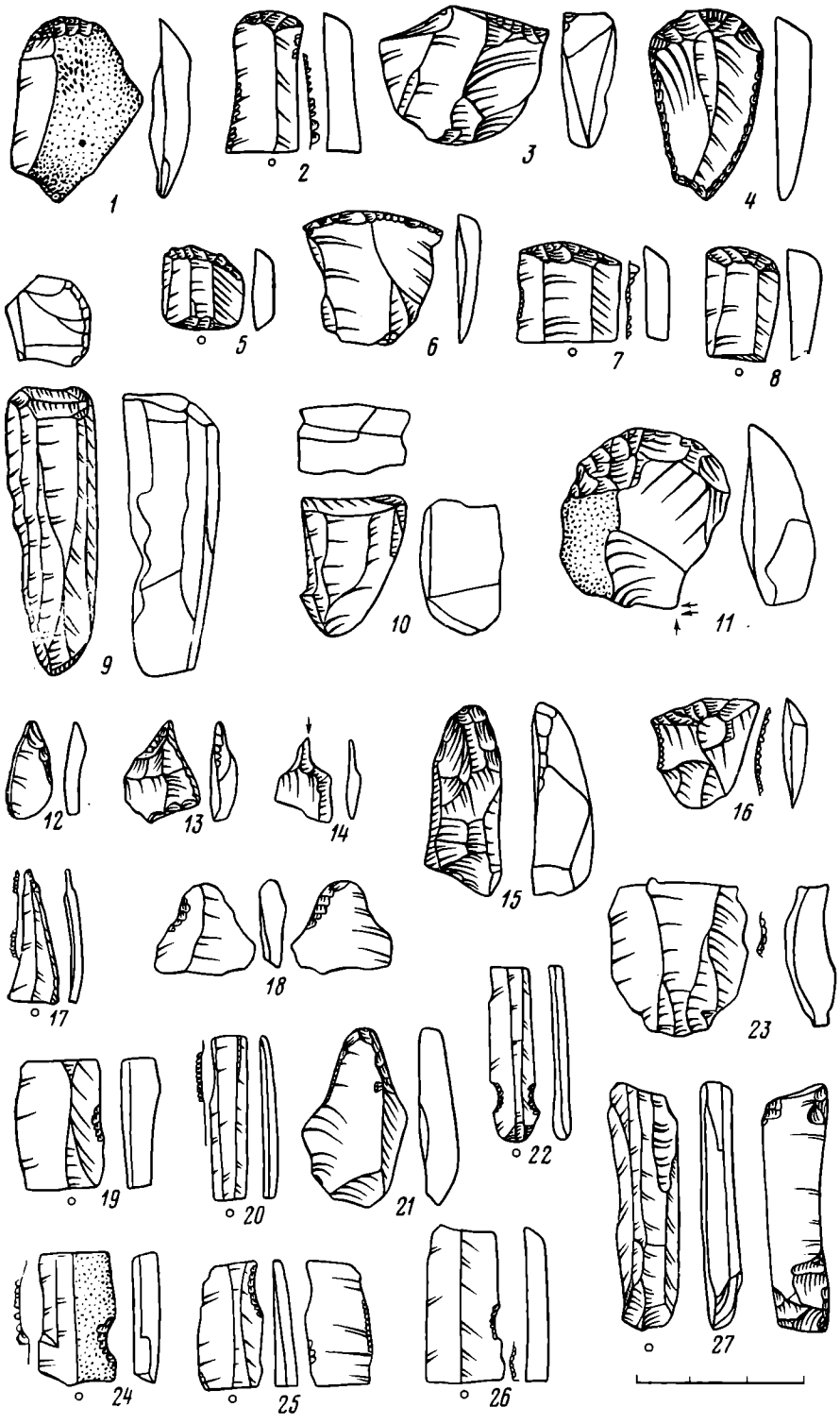


Рис. 1. Стоянка Петрушино. *1—3, 5—8, 16* — скребки; *4, 11* — комбинированные орудия; *9, 10* — нуклеусы; *12—15, 17, 18, 21* — перфораторы; *19, 20, 22—26* — скобели; *27* — долотовидное орудие (?)

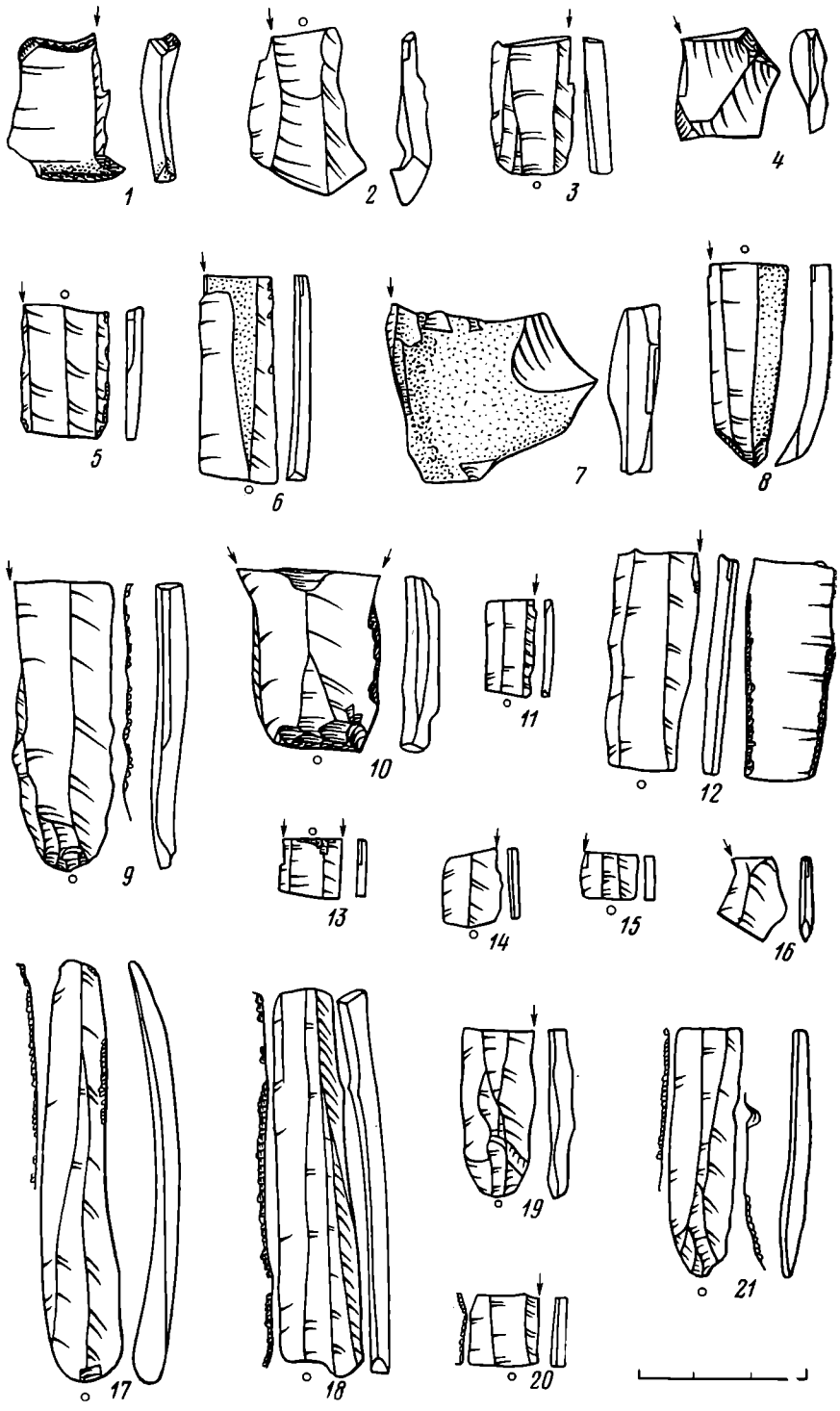


Рис. 2. Стоянка Петрушино. *1—16, 19, 20* — резцы; *17, 18, 21* — ножи

5, *8*) и пять двойных скребков. Последние представляют собой комбинации вариантов концевых форм на одной заготовке (рис. 6, *6*, *12, 21*; 1, *5*). В обработке лезвий доминирует крутая (37 экз.) и полукрутая (32 экз.) ретушь, но встречается и пологая (4 экз.). Скребковых микроформ 6 (1 — на пластине, 5 — на отщепах), из них 4 концевых (три дугообразных, один — скошенный) и два угловых с прямыми лезвиями (рис. 6, *15*, *16*; 5, *10*, *11*).

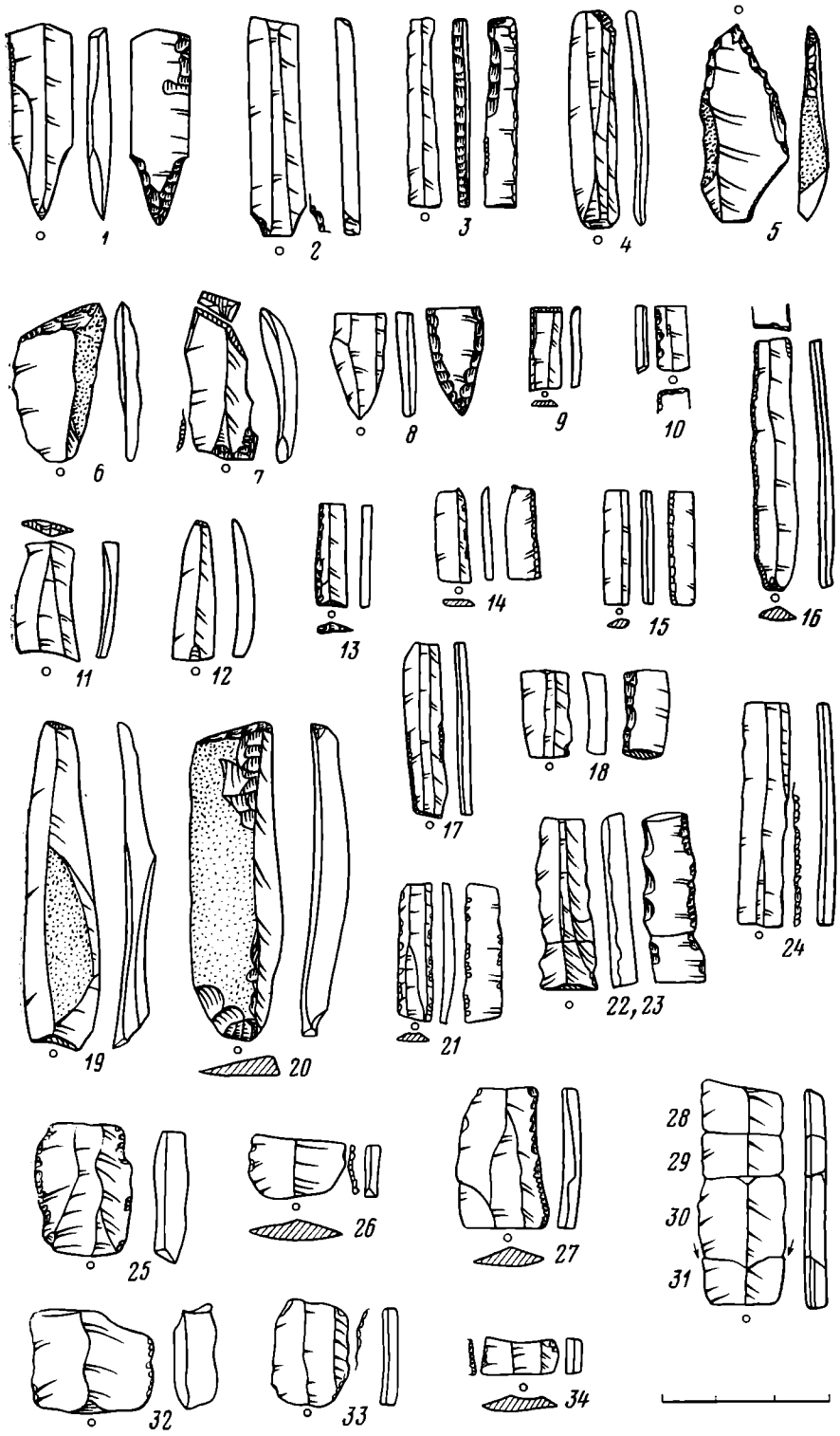


Рис. 3. Стоянка Петрушино. Наконечники стрел и микролиты

Целых пластин с регулярной краевой приостряющей ретушью 35 и 43 обломка (12,2%; рис. 2, *17*, *18*, *21*). Ретушь, как правило, мелкая, не деформирующая край орудия. Она наносилась либо со спинки, либо с брюшка или противолежащим способом. Функционально все эти изделия, за исключением одного, использовались, вероятно, как ножи. Исключением является пластина, у которой дополнительно к ретуши по краям на-

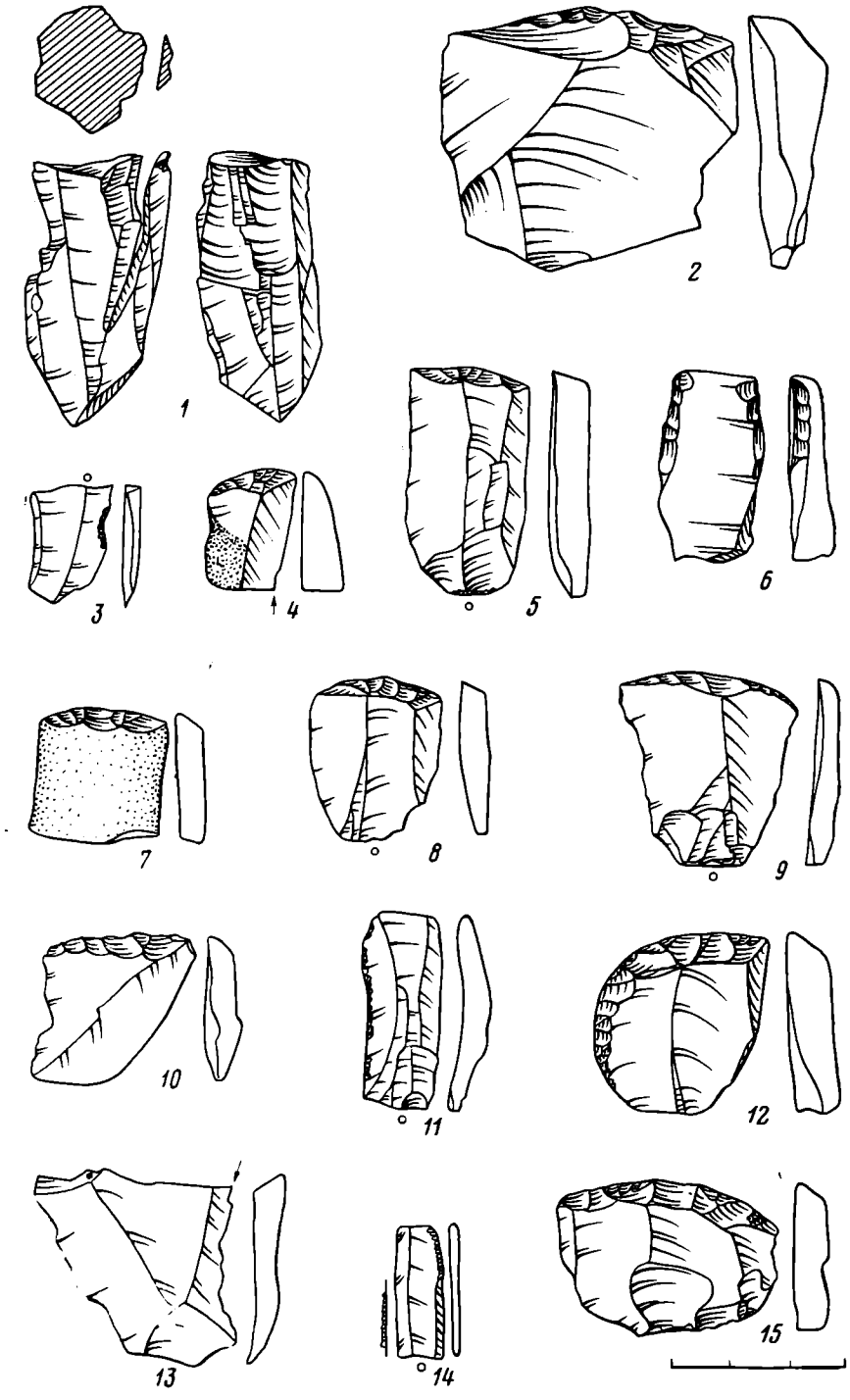


Рис. 4. Стоянка Петрушино. Находки из культурного слоя шурфа 2 1977 г.

несена серия заломов, придающих им зубчатый характер. Возможно, это пилка (рис. 5, *3*). К ножам, видимо, следует отнести и 21 пластину с нерегулярной краевой приостряющей ретушью, которые имеют следы сработанности в виде заломов по одному или обоим краям.

Скобелей 15 (12 — на пластинах, 3 — на отщепах; 2,3%), при этом 4 экз. выполнены на вкладышах из «сечений» пластин, так как у их заготовок сломаны углы и подработаны мелкой ретушью края. Выемки двух орудий прямые мелкие, остальных — также мелкие, но дугообразные,

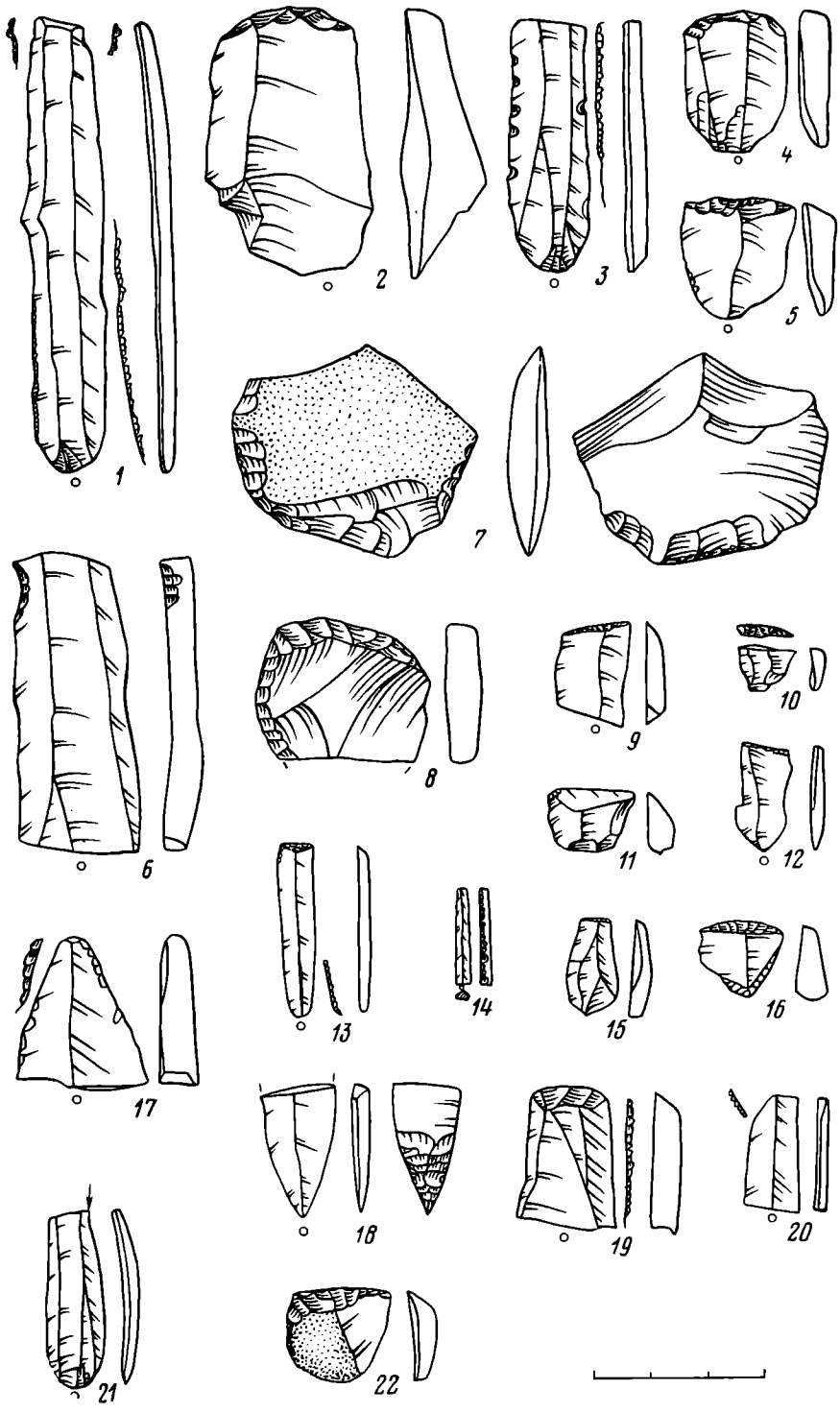


Рис. 5. Стоянка Петрушино. Находки из заполнения ямы в шурфе 2 1977 г.

причем у одного скобеля их две, у другого — три. Выемки могут наноситься как со спинки (11), так и с брюшка (4), ретушь, их оформляющая, полукрутая, затупливающая (рис. 1, *19*, *20*, *22—26*; 5, *6*).

Сверл восемь (1,3%; 3 — на пластинах, 5 — на отщепах), все асимметричные, обработаны крутой затупливающей ретушью исключительно по рабочему концу (рис. 1, *12*, *13*, *15*, *17*, *21*). Развертка одна (0,2%),

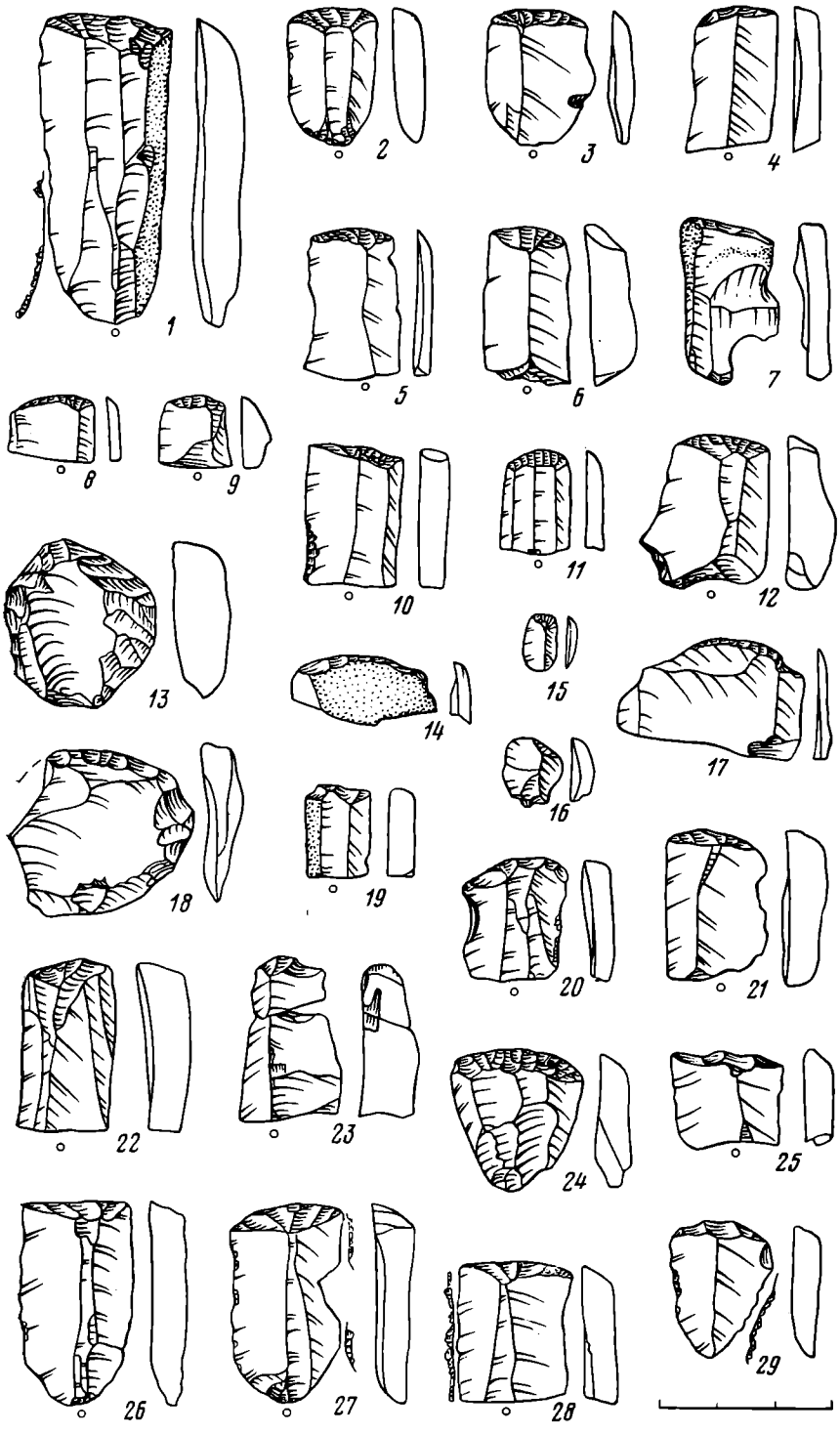


Рис. 6. Стоянка Петрушино. Скребки

асимметричная, изготовлена на отщепе. Полукрутой затупливающей ретушью обработан только рабочий участок (рис. 1, *18*).

Проколок 9 (1,4%; 3 — на пластинах, 6 — на отщепах). На пластинах выполнены симметричная и две асимметричные проколки с выделенными рабочими концами. Они обработаны крутой затупливающей ретушью только со спинки, причем у симметричной дополнительно подработаны края заготовки. Все экземпляры, изготовленные на отщепах, асимметрич-

ны, жальца трех орудий выделены, остальных — нет. Концы оформлены резцовым сколом в сочетании с подработкой очень мелкой ретушью по противоположному краю (рис. 1, *14*).

Долотовидных (?) орудий два (рис. 1, *27*; 5, *7*; 0,3%; одно — на пластине, одно — на отщепе), их рабочие участки сформованы двусторонней пологой приостряющей ретушью. Оба изделия носят следы дополнительной подработки, одно — по краю, другое — на тыльном конце изделия. Долотовидное орудие, выполненное на первичном отщепе, кроме того, имеет следы звездчатой забитости, что, вероятно, свидетельствует о его вторичном использовании в качестве ретушера.

Комбинированных орудий четыре (0,6%; все на отщепах), среди них две модификации скребков с резцами (рис. 1, *11*; 4, *4*), скребок-проколка (рис. 1, *4*) и двойной концевой дугообразно скошенный скребок-резчик.

Наконечники стрел представлены исключительно фрагментами насадов и прилегающих к черешку частей, их 13, при этом семь происходят от черешковых и еще шесть — от иволистных форм (рис. 3, *1, 2, 8*; 5, *18*; 2,0%). В обработке черешковых наконечников использовалась главным образом крутая притупляющая ретушь, наносившаяся с брюшка (5 экз.) или со спинки и брюшка противолежащим способом (2 экз.). На двух фрагментах дополнительно подтуплен ретушью край заготовки с целью его выравнивания, еще на одном — нанесен резцовый скол, и четвертый обломок, судя по заломам на черешке, использовался как сверло. В оформлении насадов листовидных наконечников применялась плоская ретушь (3 экз.), снимающая ударный бугорок, мелкая краевая в сочетании с плоской (2 экз.) и крутая затупливающая ретушь (1 экз.). Обработке подверглось брюшко изделий. Один из фрагментов вторично использовался как резец.

Особый интерес вызывают в коллекции Петрушино различного рода микролиты, некоторые из типов которых представлены серийно. Из единичных находок в первую очередь следует отметить прямоугольник. Он вытянутых пропорций, на микропластине. Обработан крутой затупливающей ретушью по торцам со спинки и боковой грани — с брюшка. Второй край ретуширован мельчайшей полукрутой затупливающей ретушью со спинки [2, с. 144, рис. 2, *46*]. Микропластинок с ретушированным краем и основанием четыре (рис. 3, *13*; 0,6%), при этом ретушированные стороны образуют либо прямой (2 экз.), либо тупой (2 экз.) угол между собой. Все изделия обработаны только со спинки, причем три — только крутой затупливающей ретушью, четвертое — крутой затупливающей ретушью по основанию и пологой притупляющей по краю.

Микропластинок с затупленным ретушью краем 16, причем на 5 экз. ретушь нанесена по спинке, а на остальных — с брюшка (рис. 3, *3*, *14*, *15*; 2,5%). Для всех изделий, кроме одного, характерна крутая затупливающая ретушь. Исключение составляет одна из микропластин, оба края которой обработаны регулярной полукрутой ретушью (рис. 5, *14*). Второй край восьми из описанных микропластин с затупленным ретушью краем дополнительно подработан нерегулярной приостряющей (4 экз.) или притупляющей (4 экз.) ретушью.

Край трех микропластин скошен крутой ретушью по отношению к оси заготовки, вероятно, это сломанные острия. Наконец, имеются пять микропластинок с частично затупленным краем и шесть изделий с ретушированным углом. На четырех предметах угол срезан прямо (рис. 5, *20*), на пятом образовалась неглубокая выемка и у последнего — углу придана дугообразная форма (рис. 3, *4*).

Микропластинок с поперечно затупленным ретушью концом две, ретушь крутая или полукрутая, нанесена со спинки (рис. 3, *9, 11*). Концы еще двух микропластинок срезаны крутой затупливающей ретушью у одной с брюшка, у другой со спинки и дополнительно подработаны у оснований изделий края: первого — противолежащей ретушью, второго — ле-

вый край с брюшка (рис. 5, *13*). Единичными экземплярами представлены микропластинка с поперечно срезанным с брюшка полукрутой ретушью основанием и частично притупленными очень мелкой ретушью краями (рис. 3, *10*) и пластинка с косо срезанным крутой затупливающей ретушью основанием и частично одним из краев у основания (рис. 3, *17*). Второй край этого изделия приострен ретушью так, что образовалась длинная мелкая выемка. Это орудие сходно с вышеописанными микропластинками с ретушированными краем и основанием, отличаясь от них неполнотой обработки края изделия.

Орудий с прямо скошенным крутой затупливающей ретушью концом со стороны спинки 6, еще на двух конец скошен аналогично, но пологой приостряющей ретушью (рис. 3, *6*, *12*, *19*, *20*; 5, *9*, *12*). Три следующих изделия также имеют скошенные концы, но у них дополнительно подработаны у основания края (рис. 3, *7*; 1,8%).

Весьма многочисленны ретушированные «сечения» пластин (91 экз., 14,2%), использовавшиеся, видимо, в качестве вкладышей в составных орудиях. Для них характерна мелкая приостряющая ретушь, наносившаяся как по спинке, так и по брюшку или противолежащим способом (рис. 3, *25—27*, *34*). Края двух из этих изделий обработаны зубчатой ретушью по брюшку (рис. 3, *22*, *23*). Еще 30 «сечений» пластин со сломанными углами имеют четкие следы сработанности по одному или обоим краям.

В коллекции Петрушино есть пластина, края которой частично обработаны крутой затупливающей ретушью, скашивающей их по отношению к оси орудия, но острия не образуют. У нее же подретуширована мелкой затупливающей ретушью часть правого края у основания (рис. 3, *5*). Назначение орудия не ясно. Аналогий не имеет. Неопределимых осколков орудий — 22, из них 10 — на отщепах и 12 — на пластинах (3,4%).

Кроме перечисленных выше изделий на стоянке были найдены три предмета, отличных по характеру обработки,— это целый экземпляр двусторонне обработанного наконечника стрелы с намечающимся черешком и фрагмент насада такого же наконечника, а также скребок на отщепе подчетырехугольной формы, обработанный по трем сторонам пологой ретушью. Неолитическая принадлежность этих изделий несомненна. Но эти находки были сделаны вне пределов скопления и в 5 м к югу от основной площади зачистки, поэтому их не только не нужно выделять из комплекса памятника типологически, но вообще не нужно рассматривать совместно с другими изделиями.

Подведем некоторые итоги.

1. Стоянка Петрушино расположена на низкой первой озерной террасе, культурные остатки залегают в верхней пачке рыхлых дюнных отложений.

2. Особенностью Петрушино в сырье является наличие пятнистого кремня. Он в Мещере встречен лишь однажды; на расположенной в 1 км от Петрушино позднемезолитической стоянке Микулино.

3. «Чистота» комплекса Петрушино, несмотря на значительные разрушения слоя памятника, сомнения не вызывает.

4. Индустрия памятника характеризуется высоким уровнем микролитизации, который проявляется в наличии совершенной техники снятий ножевидных пластин, в преобладании микропластин и узких экземпляров пластин среди заготовок и в значительном удельном весе микролитической группы изделий (30,6%) среди орудий.

5. Для Петрушино отмечен большой процент орудий среди общего состава инвентаря стоянки — 33,4%, и, в частности, орудий на пластинах — 66%.

6. Во вторичной обработке наблюдается полное отсутствие двусторонней сплошной уплощивающей ретуши и ее прототипа — двусторонней краевой ретуши.

7. Скребки типологически однообразны, основная масса представлена вариантами концевых форм. Формы двойных, боковых, округлых и пр. единичны. Вариации резцов также незначительны — это почти исключительно резцы на сломе или естественном окончании заготовки, к которым добавляются резцы на углу заготовки и варианты ретушных форм. При этом число резцов превышает количество скребков, но незначительно.

8. Все сказанное, а также присутствие постсвидерских наконечников стрел, прямоугольника, пластин с затупленным краем и основанием, при наличии некоторых раннемезолитических типов и полном отсутствии элементов ранненеолитической техники вторичной обработки и керамики позволяют определить инвентарь стоянки Петрушино как позднемезолитический и отнести его к ряду памятников позднебутовской культуры Волго-Окского бассейна, на территории распространения которой этот памятник находится.

В самом деле, Петрушино с позднебутовскими стоянками роднит не только сходство в первичной обработке и вторичной отделке, но и типологическое сходство изделий, касающееся не только массовых, но и редких типов, таких, как пластинки с затупленным ретушью краем и основанием, прямоугольники и некоторых других.

Для доказательства позднебутовской принадлежности был подсчитан показатель сходства [3, с. 50] стоянки Петрушино с такими позднебутовскими поселениями, как Елин Бор (средний слой) [4, 5], Борки, Шумашь 2[1] и Соболево 5[2]. При этом наибольшее значение коэффициента (0,6) было получено для Соболево 5 и Петрушино, тогда как максимальное значение коэффициента для собственно бутовских памятников равно всего лишь 0,48 (Борки — Шумашь 2). На наш взгляд, этот факт является надежным доказательством выдвинутого положения.

Самой ранней из рассмотренных, по-видимому, является стоянка Соболево 5, где намечается наибольшая близость с раннемезолитическими поселениями типа Бутово и Гремячее в процентном соотношении основных групп изделий, а также в сохранении некоторых древних форм, таких, как ретушные и срединные резцы, в наличии подокруглых, округлых и боковых скребков и, наконец, в сходстве приемов вторичной обработки при оформлении наконечников стрел.

В составе изделий Петрушино, так же как и Соболево 5, есть некоторые единичные раннемезолитические типы, но, судя по наличию развитой группы микролитических изделий, большому ее удельному весу в комплексе и находке геометрической формы — прямоугольника, комплекс Петрушино имеет более молодой возраст, чем Соболево 5. В то же время Петрушино древнее Елина Бора, в котором прослеживается спорадическое употребление двусторонней краевой уплощивающей ретуши (на прямоугольнике и микропластинке с затупленным ретушью краем и основанием), а также отмечается доминирование среди резцов грубых многофасеточных форм и наличие нерегулярных скребков — «скробачей».

Так как стоянки Соболево 5 и Елин Бор (средний слой) геологически датированы ранним атлантическим периодом, возраст Петрушино также должен определяться этим же временем, а в абсолютном выражении, учитывая принятые датировки для раннего неолита,— не позднее середины VI тысячелетия до н. э.

Стоянка Петрушино имеет несомненное сходство и с другими позднемезолитическими памятниками Великих Мещерских озер, в первую очередь с Микулино и Русаново, но характеристика этих памятников и степени их родства не входят в задачи настоящей статьи. Здесь же следует сказать, что, несмотря на обилие орудий, материалы Петрушино наряду

[1] Материалы сборов с поселений Шумашь 2 и Борки хранятся в Рязанском областном краеведческом музее.

[2] Стоянка раскапывалась Л. В. Кольцовым. Материалы хранятся в ИА АН СССР.

с другими мещерскими памятниками не дают основания для выделения особой локальной группы внутри позднебутовской культуры.

Стоянка Петрушино является пока одним из наиболее ранних памятников Мещерской озерной системы. Не исключено, что освоение озер было связано с переходом к активным занятиям рыболовством. Однако мы не располагаем пока никакими данными, подтверждающими такое предположение, более того, некоторые факты скорее говорят о противоположном: малая площадь скопления культурных остатков, незначительная насыщенность артефактами культурного слоя свидетельствуют о кратковременном характере поселения. Находки наконечников стрел наряду с такими атрибутами составного охотничьего метательного вооружения, как микролиты с затупленным ретушью краем, краем и основанием, прямоугольник и др., ясно свидетельствуют об охотничьей направленности в хозяйственной деятельности и позволяют утверждать, что Петрушино было кратковременным охотничьим лагерем.

Факт наличия 10 кострищ на площади всего лишь в 35 м^2 может быть объяснен либо возникновением стоянки в прохладное время года, или особыми хозяйственными потребностями, или, наконец, их разновременностью. Последнему предположению противоречит метрическое и типологическое единство материала. Первое положение подкрепляется соображением о том, что в таком количестве в летний период кострища вряд ли были нужны, тем более что по крайней мере три из них, если судить по их площади, существовали относительно продолжительное время. Вряд ли можно говорить и о зимнем периоде, этому противоречит наличие на стоянке в шурфе 2 ямы. Выкопать яму глубиной около 80 см в слое ожелезненного песка возможно, только если земля незамерзшая. Судя по заполнению ямы, она могла быть котлованом жилища, но полуземлянку нецелесообразно было рыть на летние месяцы. Вероятнее всего, котлован копался летом или осенью задолго до наступления холодов. Наконец, особые хозяйственные потребности в большом количестве кострищ могли быть связаны с необходимостью заготовок продуктов на зиму, например копчением мяса. Удобное время для этого — начало — середина осени.

Если все изложенные соображения справедливы, то вероятность постоянных занятий рыболовством резко снижается в силу кратковременного характера поселения и времени его существования.

Из сказанного ясно, что либо требуется расширить источниковедческую базу, либо искать иные пути интерпретации археологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин А. Н.* Отчеты за 1975—1977 гг.— Архив ИА АН СССР.
2. *Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г.* Первые памятники мезолита Мещеры.— СА, 1977, № 2.
3. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер А. Я.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
4. *Воеводский М. В., Борисковский П. И.* Стоянка Елин Бор.— СА, 1937, № 3.
5. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор.— МИА, 1966, № 126.

A. N. Sorokin

THE PETRUSHINO MESOLITHIC SITE IN MESHCHERA

Summary

The site of Petrushino on a dune of the first terrace of the river Buzha, which was a bay of Lake Svyatoe is characterised by a developed microlythic industry and the presence of hunting equipment which were mainly found around ten camp-fires over an area of 35 sq. metres. This fact, along with the scarcity of artifacts in the cultural layer, their uneven distribution and the absence of direct evidence of fishing, permit interpretation of the monument as a temporary hunting camp. A typological and statistical analysis of the industry shows that the site belongs to the late Butovo culture of the region between the Oka and the Volga rivers and is dated not later than the 6th millennium B. C.

МОШКОВА М. Г.

КОМПЛЕКС НАХОДОК С РИТОНОМ ИЗ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1965 г. на левобережье Урала, в 3 км к северу от пос. Долинное (Теректинский р-н, Уральская обл., примерно 45 км к востоку от г. Уральска), во время весенних полевых работ были выпаханы великолепные археологические находки, составляющие, по-видимому, остатки погребального комплекса. В состав его входили: серебряный ритон с сохранившимися кое-где золотыми накладками, золотой перстень, массивная серебряная гривна, обтянутая золотым листом, три золотые пластинки-обкладки, очевидно, от деревянного сосуда и как будто относящиеся к этому же комплексу 13 втульчатых бронзовых наконечников стрел [1].

Наиболее редкой находкой в этом собрании является плохо сохранившийся серебряный ритон в виде сравнительно короткого рога с широким устьем. Нижний узкий конец его заканчивается протомой животного, на груди которого находится слив в форме головы бычка (рис. 1). Как все изделия такого рода, ритон спаян из двух частей — протомы и рога, каждая из которых отливалась отдельно по восковой модели. Часть плоскостных изображений отлиты в высоком, хорошо проработанном рельефе, часть — в низком, иногда плохо читаемом.

Размеры ритона (см): высота 12,5, общая длина от протомы до конца рога 17,5, ширина груди животного 3,8, общая ширина нижней части протомы животного 4,8, приблизительный диаметр устья рога 8,5 (до реставрации — 10 см).

От протомы животного сохранилась лишь нижняя часть, вся верхняя, где находилась голова животного, вместе с передней частью рога уничтожены при пахоте или находчиками. Сохранившаяся часть рога ритона в нескольких местах сильно повреждена, что создает большие трудности при восстановлении сюжета изображения. Видимо, не полностью сохранилась и верхняя часть рога ритона, поскольку край его неаккуратно неровно срезан, не имеет никакой закраины или бортика, обычных для ритонов этого рода, и совершенно не законченными выглядят изображения, располагающиеся в верхней части ритона. Однако укорочен ритон был, вероятно, еще при употреблении и уже в таком виде попал в могилу.

В верхней части рога ритона располагается фриз (ширина 3,5 см), который представляет собой горизонтальный каннелюрный пояс, прерывающийся двумя узкими гладкими участками и, по-видимому, одним широким — на передней части рога, где, как мы полагаем, были какие-то изображения. Фриз в задней части ритона переходит в продольную каннелированную полосу, идущую вдоль всего тулова сосуда вплоть до слива — головы бычка. Подобное оформление нижней части рога и протомы является отличительной особенностью данного ритона.

[1] Вещи хранятся в Уральском областном музее краеведения, инв. № 1637—1640.

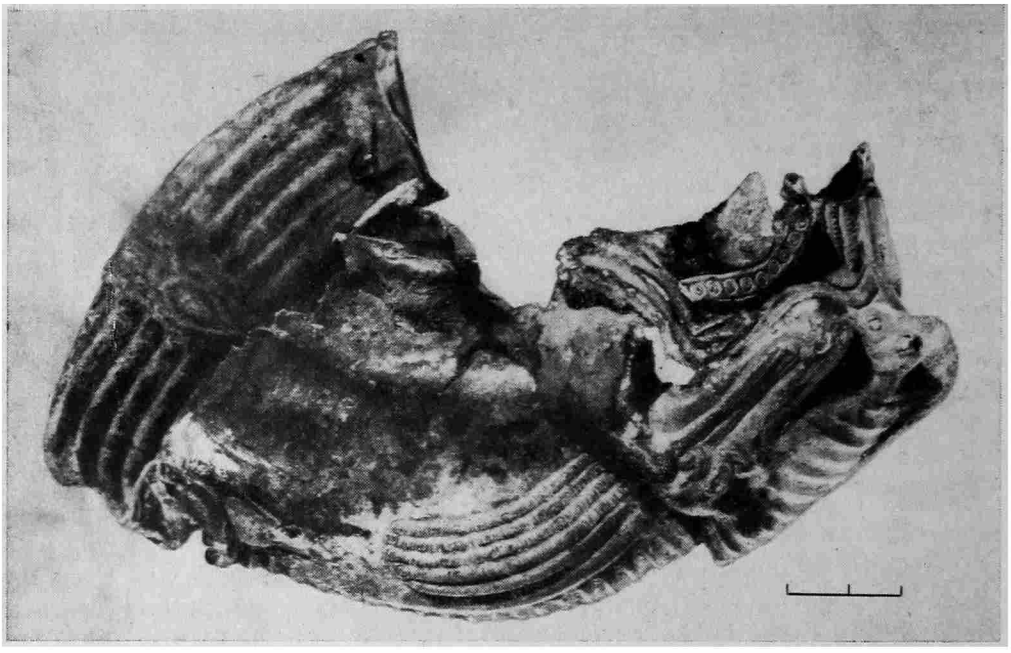


Рис. 1. Серебряный ритон (до реставрации)

На гладких участках фриза сохранились отдельные элементы предполагаемого рисунка.

Наиболее четко просматривается рельефное изображение нижней части ноги (голень и чуть выше колена) грифона с когтистой шестипалой лапой. Вся ее поверхность выше ступни заполнена горизонтальными, а начиная от колена вертикальными глубокими насечками. Возможно, всю ногу или лишь заштрихованную часть покрывала золотая обкладка, от которой сохранился крохотный кусочек на середине голени (рис. 2). Чуть правее описанной ноги на узком гладком участке фриза было нанесено еще одно изображение в нечетком смазанном рельефе. Более всего оно походит на конец ноги копытного животного, стоящего «на цыпочках» (рис. 2) — поза, достаточно известная как на ирано-ахеменидских ювелирных изделиях [I, S. 78, fig. 104; S. 249, fig. 302B S. 255, fig. 308; S. 311, fig. 376], так и особенно на предметах сако-сибирского звериного стиля [2, с. 88, табл. 5; 3, табл. 24, *21, 33*; 32, *4, 13, 14, 15, 17*]. Возможно, конец ноги, изображенный в виде треугольника с двумя скругленными углами, находится в пасти какого-то животного, голова которого частично просматривается на гладкой поверхности рога, примыкающей к фризу. Особенно четко видны прижатое треугольное ухо и круглый глаз, менее четко проступает нижняя чуть утолщенная губа и совсем плохо видны верхняя челюсть. а также весь контур вытянутой морды и шеи. Может быть, шею обозначают неглубокие и не очень четкие каннелюры, располагающиеся почти перпендикулярно морде. Но не исключено, что это следы порчи и реставрации. Вероятно, аналогичное изображение помещалось симметрично первому, по другую сторону рифленой полосы. От него сохранились лишь треугольное ухо и круглый глаз. Подобный прием передачи уха и глаза традиционен для изображения конской головы в искусстве звериного стиля Евразии [4, с. 18, рис. 1, *1—7*; 3, табл. 25, *3, 9, 10*]. Предложенная трактовка изображения высказана как один из возможных вариантов его расшифровки. Приходится только сожалеть, что столь интересный и совершенно необычный для ритонов этого типа мотив поврежден и большей частью уничтожен.

От протомы сохранилась лишь нижняя часть изображения копытного животного с подогнутыми, прижатыми к туловищу ногами. Копыта

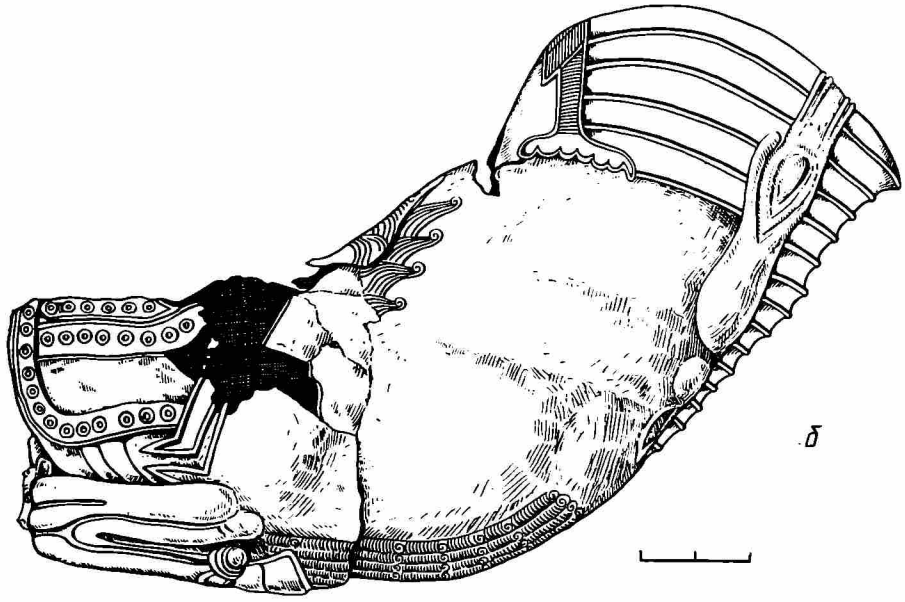
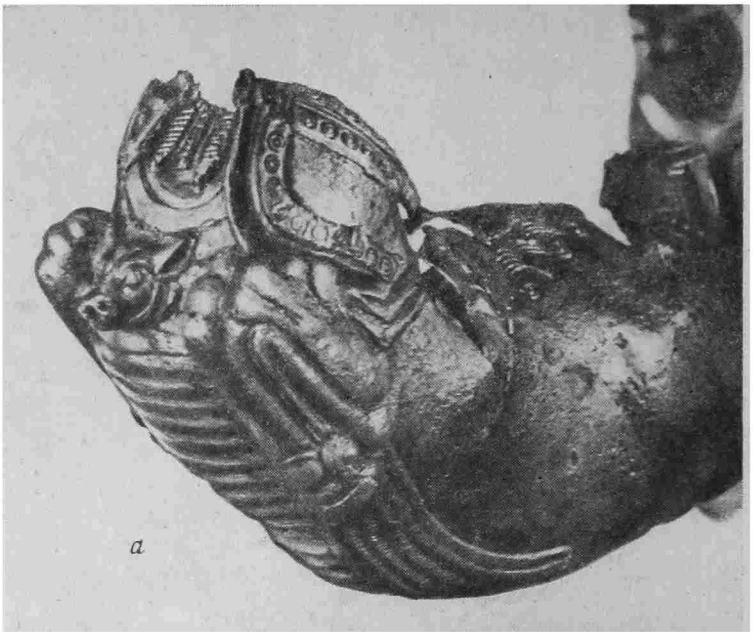


Рис. 2. Серебряный ритон, вид сбоку (*а* — фото, *б* — прорись)

украшены золотыми накладками, согнутые колени широкие, мощные, с двумя глубокими желобками, обозначающими коленный сустав. Между коленями животного в нижней части его груди помещается слив в виде головы молодого бычка с небольшими рожками и обычным в иранском искусстве бачками-воротничками, приподнятыми ушками и четко моделированными глазами с рельефными надбровными дугами. На лбу бычка золотая накладка в форме небольшого чуть выпуклого треугольника. Ноздри обозначены двумя круглыми углублениями по сторонам рта-слива (рис. 3). Горизонтальные каннелюры, заполняющие всю нижнюю часть рога и протомы, по мере приближения к головке бычка становятся все



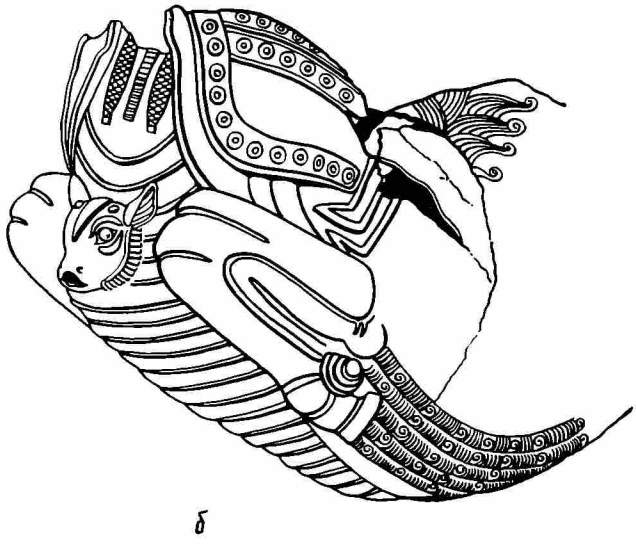


Рис. 3. Серебряный ритон, вид спереди (*а* — фото, *б* — прорись)

более сглаженными и, наконец, заменяются довольно глубокими узкими желобками, тоже создающими впечатление рельефности поверхности. Желобки эти продолжаются и выше морды бычка вплоть до изображения трех рельефных выступов овально-удлиненной формы. По всей вероятности, это изображение подвесок, которые были прикреплены к ожерелью или перевязи, надетой на шею животного. Поверхность двух крайних подвесок покрыта частой глубокой косой насечкой (рис. 3). На средней — глубокие горизонтальные линии. Судя по некоторым технологическим особенностям (глубокие резные линии вдоль продольных сторон подвески), средняя подвеска прямоугольной формы имела сверху золотую накладку.

Необычно украшены боковые стороны протомы животного. На лучше сохранившейся левой стороне расположены три полосы-ленты, украшенные циркульным орнаментом. На них были наложены и обжаты тонкие золотые пластинки. Орнамент на последних менее четкий, чем на основе.

Нижняя полоса-лента охватывает весь бок животного и выходит дугой на грудь, где форму ее повторяет низкий широкий рельеф, заполняющий на груди все пространство до изображения подвесок, а на боку до согнутого предплечья (рис. 3). Трудно понять и объяснить еще три узких высоких рельефа, спускающихся со спины и загибающихся в сторону груди животного (рис. 1, 3). В них упирались концы горизонтальных участков орнаментированных полосок-лент.

На нижней части ритона по обе стороны от рифленой поверхности, как бы на брюхе животного, располагаются дуговидные рельефные полосы (по одной на каждой стороне), разделка поверхности которых (насечки, завиток) обозначает волосы или шерсть (рис. 1—3). И наконец, на передней верхней части рога ритона сохранились завитки, изображавшие, по-видимому, шерсть животного на загривке и вдоль хребта (рис. 1—3).

Исходя из общей классификации ритонов, предложенной Р. Гиршманом [5, p. 57—80], уральский экземпляр относится скорее всего к четвертой (из-за плохой сохранности его трудно говорить об этом вполне определенно) выделенной им группе ритонов-кубков с почти вертикально поднимающимся от основания ритона и резко расширяющимся к устью раструбом-кубком (в противоположность плавному и постепенному расширению у третьей группы ритонов-рогов). Ритоны этой группы, как пишет Р. Гиршман [5, p. 78], наиболее характерны для ахеменидского времени. Однако четкой границы между третьей (ритон-рог) и четвертой (ритон-кубок) группами ритонов, по-видимому, не существует, тем более что Р. Гиршман говорит о происхождении четвертой группы от третьей. Если это действительно так, то должны существовать и переходные варианты. Во всяком случае, уральский ритон по пропорциям и общему абрису (особенно это чувствовалось до реставрации, рис. 1) более всего подходящий к четвертой группе, имеет, однако, такие признаки третьей группы, как пологость (а не вертикальность) наружной стороны раструба-кубка и горизонтальные каннелюры, покрывающие не только наружную и нижнюю части куба, но и основание протомы животного, переходя затем на его грудь. Тем самым подчеркивается идея рога животного, положенного в основу сосуда и наиболее четко выступающая в третьей группе ритонов.

Общая композиция уральского ритона, а также исполнение его отдельных деталей (о них далее) является надежным основанием для отнесения этого сосуда к кругу иранских изделий ахеменидского времени. Оперируя главным образом именно этими параллелями (предварительно полностью исключив возможность западного производства [6]), попытаемся все-таки решить, изображение какого животного украшало нижний конец публикуемого ритона.

Казалось бы, задача достаточно простая при наличии значительного (разумеется, относительно) числа находок ритонов этого типа с территории самой метрополии [1, p. 242, fig. 290, p. 253, fig. 306; 7, p. 245, pl. 32, *6*, taf. VB], включая и окраинные сатрапии (Армения) [8, с. 30—47, табл. III—VIII], так и из более отдаленных областей (Скифия, южноуральские «савромато-сарматы» [9, табл. 117, 119; 6, abb. 16, 17; 10, с. 115, рис. 5]). Однако, как всякое произведение искусства, подобные ритоны индивидуальны и неповторимы, а потому мы до сих пор не располагаем ни одной парой идентичных изделий. Не удалось подобрать близких аналогий и уральскому ритону, исходя из которых можно было бы полностью воссоздать его облик. Поэтому все суждения по его реконструкции приходится высказывать лишь в предположительной форме.

Но прежде чем перейти к сравнительному анализу, следует заметить, что в дальнейшем будут использованы параллели не только с предметами мелкой металлической пластики, но и с монументальной скульптурой, рельефами, архитектурой. Последние виды искусств были ведущими как в Ассирии, Урарту, так и в Персии. Именно поэтому при создании изде-

лий малых форм (Kleinkunst) нередко следовали канонам большого ис кусства в передаче не только общего контура, но и отдельных деталей. На эту сторону переднеазиатского искусства не раз обращали внимание такие исследователи, как Ф. Зааре [11, S. 18—20], Р. Гиршман [1, p. 249], Б. Свобода [6, S. 36, 37] и В. Каликен [7, p. 123, 249, pl. 56]. Примером подобного стилистического единства могут служить мелкие золотые поделки в виде быка (рис. 4, *2*) и крылатого быка с головой человека из сокровищницы дворца в Хамадане (Экботана) [12, pl, 135 *c*, *d*], а также изображения на медальонах ахеменидских чаш [1, p. 258, 259, fig. 311, 313] (рис. 4, *5*). Общий абрис животных, проработка отдельных деталей и даже сюжеты совершенно идентичны с такими же изображениями на персепольских рельефах (рис. 4, *6*) или на глазурованных рельефах дворцовых ворот в Сузах [12, pl. 104b; 13, pl. 20, 132, 153].

Возвращаясь к уральскому изделию, напомню, что от протомы сохранилась лишь нижняя часть какого-то копытного травоядного животного. Определить форму копыта (т. е. парно- или непарнокопытное животное) с полной уверенностью, к сожалению, невозможно, поэтому, судя по имеющимся ритонам, уральский экземпляр мог заканчиваться протомой лошади, быка, обыкновенного или горного барана. Однако наиболее вероятным представляется видеть здесь протому быка. Для подобного предположения имеется ряд оснований.

В первую очередь это сама форма сохранившихся передних ног животного: широкие мощные колени с двумя поперечными желобками, создающими впечатление трехчленности сустава. Совершенно идентичное изображение мы видим у быков на капителях колонн из Суз [7, S. 90, fig. 25; 12, pl. 105] (рис. 4, *1*). Да и манера передачи самих подогнутых ног — суставов, мускулатуры, копыт — у быков на капителях из Суз и на уральском ритоне удивительно близки. Без обозначения сустава, но столь же широкие и мощные колени можно видеть на ритоне с протомой рогатого быка, хранящегося в музее г. Цинцинатти. Публикующий его В. Каликен также обращает внимание на удивительную близость во всех деталях этого изображения персепольскому быку на капители колонны [7, p. 123, 249, pl. 56]. Ритоны с протомами коней, горных баранов, лани, которыми я располагаю (Армения, Орский курган, Семибратние курганы) [8, табл. IV, V, VIII; 10, с. 115, рис. 5; 14, табл. IV, 15], дают иные, более мягкие контуры подогнутых ног животных, более смазанные, нечеткие детали, не сходные ни с протомой уральского ритона, ни с изображениями на капителях колонн в Сузах и Персеполе (рис. 4, *1*, *3*).

Следует обратить внимание еще на одну деталь уральского ритона. На передней нижней части рога посредине сохранилось изображение шерсти или волос животного в виде треугольных прядей, заканчивающихся завитком. Очевидно, оно было нанесено вдоль всего хребта животного, а возможно, и на загривке. Вспомним, что на всех изображениях быков на рельефах в Персеполе [13, S. 127, fig. 61, c; pl. 20, 132, 153], на колоннах и глазурованных кирпичах в Сузах [12, pl. 104b, 105], на золотых поделках и медальонах чаш, на протоме ритона [12, pl. 135d; 1, p. 258, 259, fig. 311, 313; 7, pl. 56] всегда на загривке и вдоль хребта животного узкой полосой обозначалась шерсть или волос в виде ровных прядей с крутыми завитками на концах или просто нескольких рядов крутых завитков (рис. 4). Подобная манера стилизации при изображениях быков является традиционной, унаследованной Персией от искусства Ассирии (см., например, фигуры «Шеду» из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине [15, рис. 38] и Урарту (см., например, щит Сардури II, рис. 4, *4*, бронзовые части трона, рельеф из Адильджеваза) [16, рис. 22—24, 40, 62]. И хотя манера передачи шерсти на уральском ритоне и приводимых аналогиях не идентична, для нас важен сам факт наличия этой детали на всех изображениях быков. Однако прием изображения шерсти, избранный при изготовлении уральского ритона, неоднократно

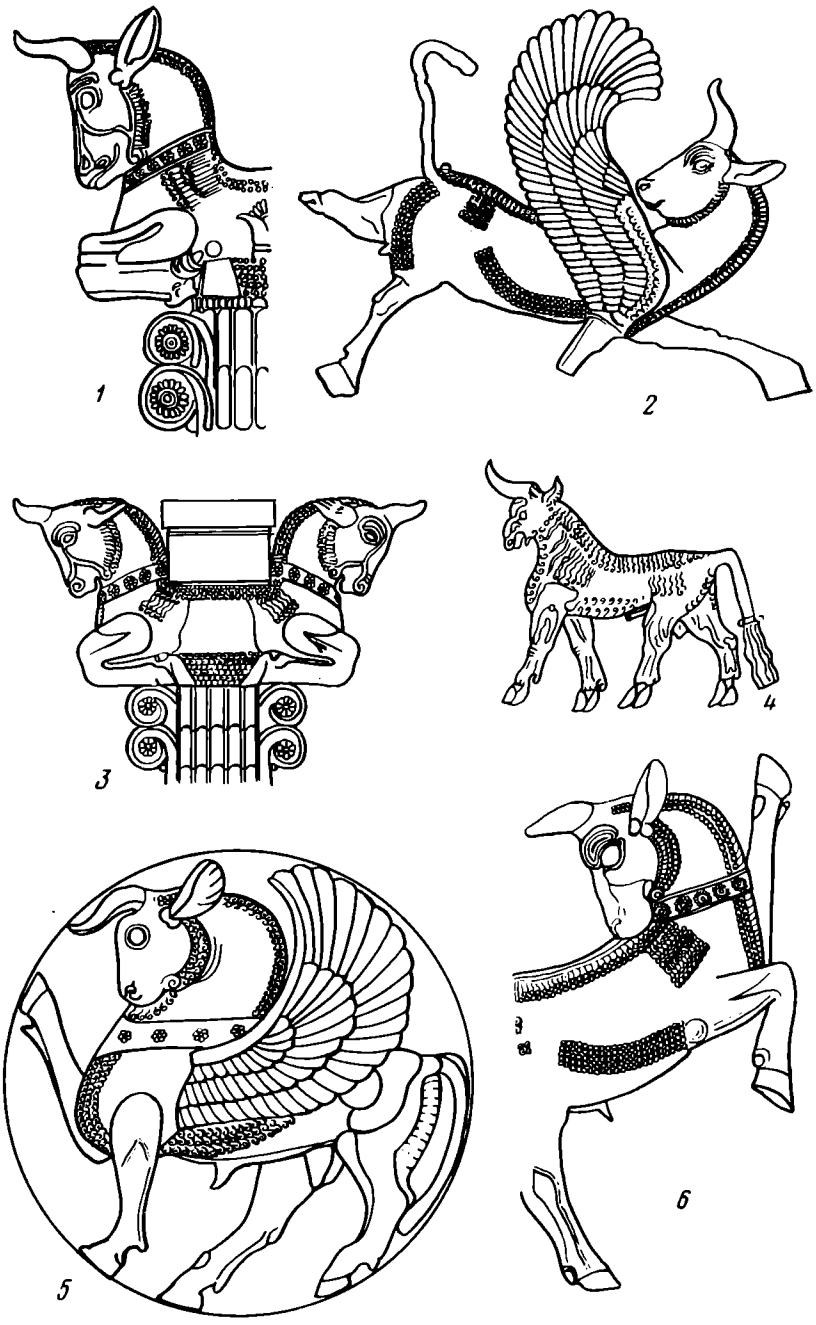


Рис. 4. Изображения быков на ахеменидских и урартийском изделиях. *1, 3* — капители колонн в Сузах и Персеполе; *2* — золотая поделка из сокровищницы дворца в Хамадане; *4* — изображение на щите Сардури II, Кармир-блур; *5* — медальон ахеменидской чаши, случайная находка; *6* — рельеф из Персеполя

применялся и на других ахеменидских изделиях как в камне, так и в металле (например, бараны на персепольских рельефах, ритон с протомой горного козла и т. д.) [13, pl. 34; 14, табл. IV, 15]. Если же обратиться к изображениям лошадей, то у них, как правило, обозначалась только грива, и притом в виде прямых расчесанных прядей [10, с. 115, рис. 5; 8, табл. VIII; 1, p. 178, fig. 224, p. 184, fig. 231].

Наконец, следует обратить внимание еще на один признак, имеющий место как на всех упомянутых изображениях быков, так и на уральском ритоне. Речь идет о дуговидно-изогнутой рельефной полосе, как бы выходящей из-под верхнего эпифиза предплечья животного (рис. 1—3). Воз-

можно, это рудимент изображавшегося когда-то таким образом «подкрылышка» у крылатых быков, львов, грифонов. Интересно, что такие же «подкрылышки» имели изображения ассирийских и урартийских быков [15, рис. 38; 16, рис. 22—24, 40, 62]. Но со временем эта деталь превратилась почти в орнаментальный мотив, однако канонично обязательный и также канонично исполняемый. Как правило, на всех ахеменидских изделиях и в камне, и в металле эта полоса заполнена параллельными рядами крупных завитков (рис. 4, *1—3*, *5*, *6*), на уральском ритоне отдельные завитки разделены участками с поперечными насечками.

Трудно подыскать хотя бы отдаленные аналогии оформлению боковых сторон протомы, т. е. плеча животного. Но может быть, эти рельефы и орнаментированные полосы являются очень стилизованным и отдаленным напоминанием применявшегося ранее приема заполнения изображения плеча животного дуговидными параллельными каннелюрами, как, например, на ритоне с протомой быка из Мареша (Северная Сирия, VII в. до н. э., рис. 5, *4*) [6, S. 45, taf. VIa]. Однако в передаче других деталей уральский и марешский ритоны почти совсем несхожи. Слишком явственно в последнем чувствуется наследие урартийского искусства [6, S. 45; 7, p. 122, 245, pl. 32].

Таковы основания, которые позволили говорить о протоме быка как наиболее вероятном варианте реконструкции.

Что касается датировки ритона, то все приводимые выше аналогии как в камне, так и в металле, а также стилистические особенности головки бычка-слива не оставляют сомнений в определении времени изделия не позднее V в. до н. э.

Остается (в самой предположительной форме) сказать несколько слов о возможном месте изготовления ритона.

Приводимые выше аналогии наиболее известных ритонов не вызывают сомнений в том, что уральский ритон является изделием одного из ювелирных центров Ахеменидской империи. И хотя находка в Мемфисе склада гипсовых моделей разнообразных и разностильных ювелирных изделий [6, S. 78, 112] настораживает при определении места производства вещей по их художественно-стилистическим особенностям, мы все-таки возьмем на себя смелость назвать более узкую территорию, чем вся Ахеменидская держава.

Каноническое исполнение некоторых деталей ритона, находящих прямые параллели в рельефе и скульптуре Суз и Персеполя, свидетельствует о высокой квалификации сделавшего его мастера и достаточно хорошем знании им этих образцов. Однако для некоторых сюжетов, взятых им для ритона, не соблюдены правила их исполнения. Так, на фризе ритона мы видим изображение нижней части ноги грифона или монстра с когтистой шестипалой лапой. Подобная манера передачи характерна для классических образцов ахеменидского искусства как в камне, так и в металле. Достаточно напомнить лапы птицеголового или львиноголового монстров на рельефах из дворцов Ксеркса, Дария и гарема Ксеркса в Персеполе [13, pl. 114, 115, 196], лапы шагающего грифа-льва на рельефах в Сузах [7, p. 89, pl. 24], наконец, лапы рогатого грифона на амударьинском браслете [17, pl. 1] (рис. 5, *3*, *5*). Но дело в том, что сходство в манере изображения на ритоне и на упомянутых образцах касается лишь ступни-лапы. Приемы исполнения самой ноги на ритоне и классических ахеменидских образцах не имеют ничего общего. Если на последних узкая голень (иногда имеющая насечки по краям продольных сторон) постепенно расширяется в сторону сустава, который обозначается всегда достаточно определенно, то на ритоне эпифиз кости не отмечен совсем. Там, где он примерно должен был бы находиться, начинается расширение, напоминающее скорее нижний край опущенного крыла. Такое впечатление создается еще и потому, что вся поверхность голени заполнена горизонтальными параллельными линиями, а широкая часть — вертикальными,

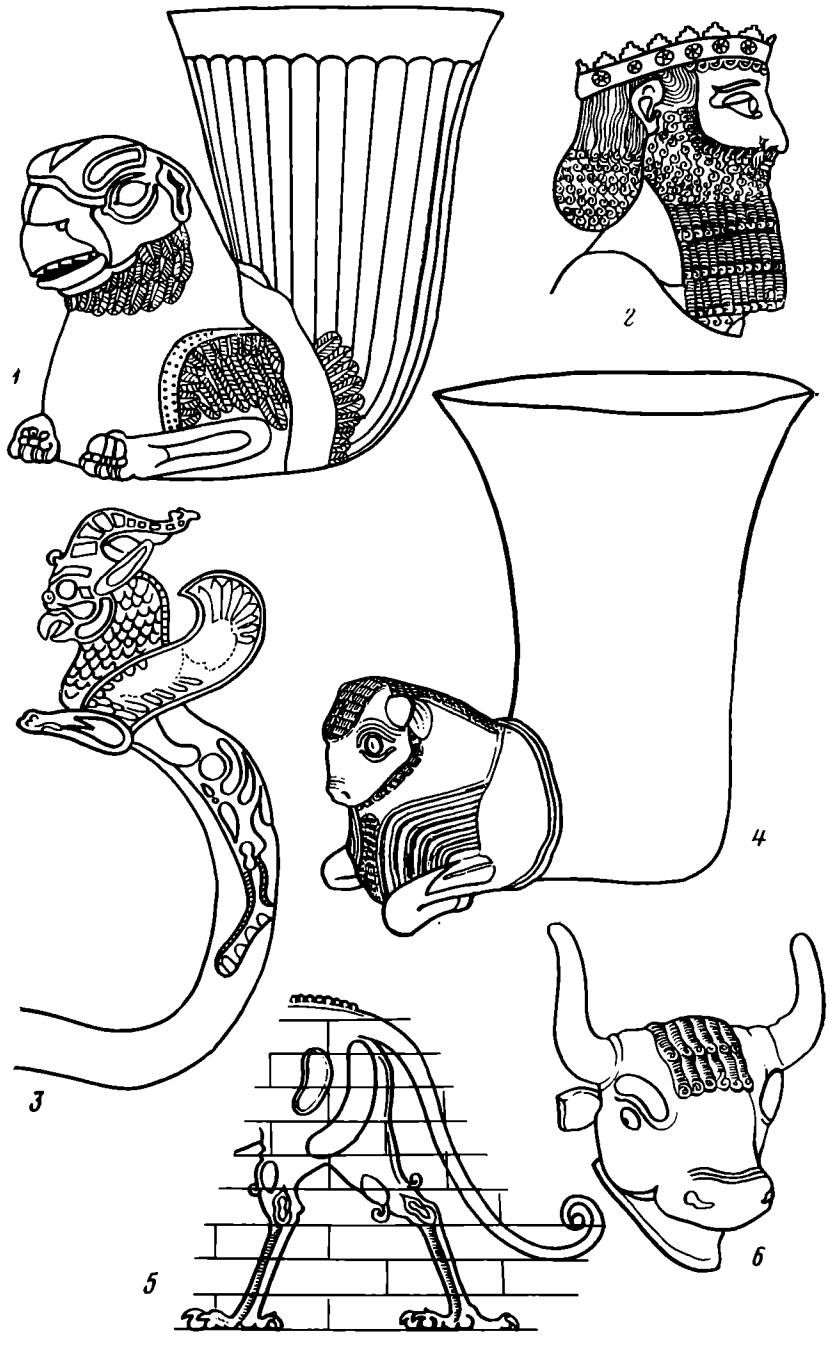


Рис. 5. Ювелирные изделия и скальный рельеф. *1* — серебряный ритон, Дейламан (?); *2* — изображение головы Дария на Бисутунском рельефе; *3* — золотой браслет из Амударьинского клада; *4* — ритоп из Мареша, Северпая Сирия; *5* — лапы монстра или грифольва, глазурованные кирпичи в Сузах; *6* — бронзовая головка быка, могила у сел. Гущи (оз. Урмия)

которые, чуть отступя от края, пересекает косая полоса, обозначающая как бы оторочку крыла. Вряд ли подобное нарушение общепринятого приема изображения ноги грифона мог допустить мастер, работающий в метрополии. Скорее здесь следует видеть ювелира из какой-то окраинной ахеменидской сатрапии.

Плохо различимые, отлитые в нечетком рельефе изображения ноги копытного животного, стоящего «на цыпочках», а также гла́за, уха и, возможно, морды (?) лошади (на фризе и роге ритона, о чем говорилось

выше), судя по приемам исполнения, примыкают к кругу изделий скифо-сибирского звериного стиля. Подобное сочетание на одном предмете двух художественных манер исполнения (иранской и скифо-сибирской) скорее всего могло выйти из-под рук мастера, работающего на северных окраинах ахеменидской державы.

Не менее интересной является манера передачи «подкрылышек» на нижних боковых сторонах уральского ритона. Обычно на иранских рельефах, скульптуре, золотых и серебряных изделиях с изображениями быков эти «подкрылышки» исполнялись в виде параллельных рядов из крутого завитка (рис. 4, *1—3*, *5—6*). На уральском же ритоне они представлены как рельефные параллельные ряды, поверхность которых покрыта линиями, разделенными на равном расстоянии крутыми завитками-спиралями (рис. 1—3). Подобная передача поверхности «подкрылышек» или изображения шерсти животного, а также волос на иранских изделиях почти не встречается. Однако мы находим ее на изображении бороды Дария на бисутунском рельефе [7, fig. 23; 18, fig. 85] (рис. 5, *2*), бороды «Шеду» и Саргона II из дворца Саргона II в Дур-Шаррукане [15, рис. 38; 19, рис. на с. 105, 115] и, наконец, в передаче волос или шерсти на головке быка, украшавшей борт урартийского бронзового котла (рис. 5, *6*) [16, с. 59, рис. 30]. Если учесть замечание Ф. Зааре и Е. Херцфельда об особенностях прически Дария на бисутунском рельефе, восходящих, по их мнению, к ассирийским модам [20, S. 193—195], то можно думать, что на уральском ритоне мы столкнулись с довольно древними приемами художественного исполнения, которые дольше всего могли сохраниться как раз на окраинных территориях Ирана.

Выпадает также из общепринятых ахеменидских норм исполнения отдельных деталей и оформление плеча на протоме уральского ритона. Может быть, подчеркивающие плечо орнаментированные линии и дуги следует рассматривать как отдаленные реминисценции передачи плеча животного в виде заполнения всей его поверхности дуговидными каннелюрами (ритон из Мареша, рис. 5, *4* [7, p. 122, 245, pl. 32]). Более близкую аналогию этой детали уральского сосуда дает, на наш взгляд, протома ритона из коллекции Бейлера в Базеле [5, p. 60, fig. 25; 7, p. 122, fig. 32]. Плечо крылатого грифона оконтуривает дуговидная пластина, украшенная двумя рядами углублений или гвоздиков, расположенных вдоль продольных сторон (рис. 5, *1*). Оба приводимые ритона довольно ранние (Мареш — VII в. до н. э., коллекция Бейлера — ранний VI в. до н. э.) и несут на себе, как считают В. Каликен и Р. Гиршман, явственные следы урартийских художественно-стилистических традиций.

Таким образом, все особенности уральского ритона, отличающие его от приводимых аналогий, свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу предположения об изготовлении его в северных провинциях Ахеменидского государства.

Обнаруженный в комплексе у с. Долинное золотой перстень представляет собой кольцо с овальным щитком, украшенным штампованным изображением грифо-барана. Размеры щитка 2,6×1—1,3 см, диаметр кольца 2,3—2,5 см. Техника исполнения перстня довольно примитивна: кольцо спаяно из двух золотых стерженьков, швы хорошо прокованы, но заметны как снаружи, так и внутри кольца. Верхняя часть кольца раскована в плоскую пластинку, на которую напаяна выпуклая бляшка со штампованным профильным изображением грифо-барана, круглый глаз которого украшен бирюзовой вставкой. Довольно мощный рог закручен вокруг головы и заканчивается под ухом, переданным в виде рельефного овала с углубленной ячейкой внутри. Передняя часть морды барана заменена коротким горбатым клювом грифона и каплевидной ячейкой в нижней части изображения морды (рис. 6). Видимо, обе углубленные ячейки были заполнены когда-то цветной пастой, эмалью или камнями подобно

вставке из бирюзы, сохранившейся в глазу грифо-барана. Изображение горного барана с достаточно четкой иконографией (морда в профиль, короткая тупая или вытянутая, рога с поперечными кольцами образуют рамку вокруг головы) составляет характерный мотив для звериного стиля Алтая и Минусинской котловины [21, с. 273, рис. 140; 3, табл. 34, 28, 29, 39, 43], Казахстана [22, табл. XVII, 19; 2, с. 89, табл. 6 вверху] и Южного Приуралья [23, с. 77, рис. 9, в; 24, с. 21, рис. 9,2]. Правда, на территории последнего региона он встречается значительно реже. Головки же грифо-баранов здесь на востоке известны пока только в погребениях савроматского времени Южного Приуралья — курганы у с. Покровка [25, табл. VI, 3,4] и в урочище Бесоба[2]. Однако сам по себе мотив фантастического зверя (например, лось с клювом грифа или тигр с головой лося и клювом грифа или тигр с головой лося и клювом грифа) не чужд искусству Сибири [21, с. 294, рис. 150, *g*, с. 296, рис. 151, *k*]. По аналогии с золотыми бляшками из Бесобы и Покровки уральский перстень датируется V в. до н. э. Все три находки с изображением грифо-барана располагаются на левобережье Урала, т. е. территории, обращенной к югу и открытой для торгово-культурных контактов с саками и населением среднеазиатских сатрапий Ахеменидской державы. Уральский перстень является, видимо, привозным изделием, но откуда он попал в «савроматское» погребение, сказать пока трудно.

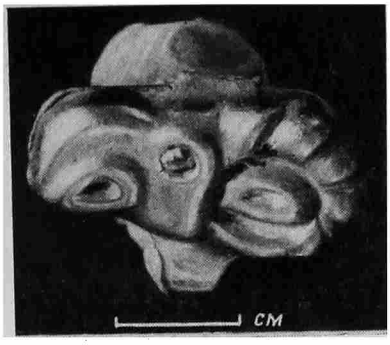


Рис. 6. Золотой перстень с бирюзовой вставкой

В состав публикуемого комплекса входила также серебряная овальная (11×12,8 см) гривна (рис. 7). Такова ли ее первоначальная форма или это результат порчи, решить трудно, но первый вариант представляется более вероятным. Гривна сделана из массивного (диаметр 0,9 см) литого прута, фасетированного ромбами (фасетки отлиты), что создает впечатление витого жгута. Сверху гривна была обложена золотым листом и обжата по форме серебряной основы. На внутренней стороне очень хорошо виден шов. Сохранилась гривна неполностью, один из концов ее обломан. Второй никаких украшений не имеет, срезан плоско, и диаметр его равен диаметру сечения остальной части гривны. Золотая или серебряная гривна — очень редкая находка в захоронениях савроматской или раннесарматской культур, большинство из них сосредоточены пока в южноуральских погребениях [26, с. 143; 10, с. 115, 116, рис. 6; 27, с. 152, рис. 8, *4*], и, по-видимому, все привозные. Значительное количество гривн содержит сибирская коллекция Петра I, хранящаяся в Эрмитаже [28, табл. X—XI, XIII—XVIII]. Однако ни в одной из этих серий не обнаружена гривна, аналогичная публикуемой. Видимо, следует говорить не только о восточноиранских прототипах для «савромато-сарматских» и сибирских гривн [25, с. 25], но и об изготовлении основной массы их в ирано-ахеменидских производственных центрах.

Три золотые тонкие пластинки представляют собой лицевые части обивок каких-то предметов. Это могли быть деревянные сосуды и кожаные изделия, края которых и поверхность украшались золотыми обоймами или пластинами. По краям всех трех пластин были сделаны сквозные отверстия для маленьких золотых гвоздиков, которыми они крепились к какому-то предмету. Две пластины являлись обоймами или скобами,

[2] Раскопки М. К. Кадырбаева. Материал не опубликован, хранится в ИИАЭ АН КазССР. Пользуюсь случаем принести автору благодарность за разрешение ознакомиться с материалом и использовать его в настоящей статье.

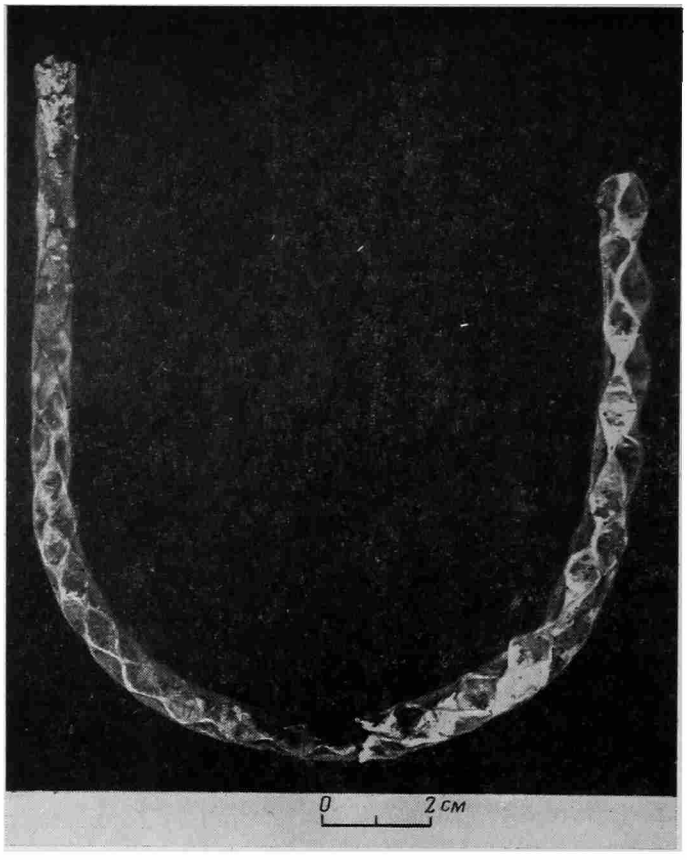


Рис. 7. Серебряная гривна, обложенная золотым листом

так как имели подкладки (не сохранились, но видны следы), третья служила обивкой, отверстия для гвоздей на ней большего диаметра, чем на двух первых (рис. 8, 9). Одна из обойм прямоугольной формы (4,1××4,3 см, рис. 8, *б*) с украшенным фестонами одним краем. Вторая, также прямоугольная, с одной стороны заканчивается головой грифона, с двух других — фестонами (4×5,2 см, рис. 8, *а*). Обивка (4,7×4,9 см, рис. 9) вырезана в форме двух голов грифонов, соприкасающихся между собой нижними частями. Форма клюва грифона подчеркнута резной каплевидной запятой. Золотые обивки деревянных сосудов неоднократно встречены в богатых погребениях на территории евразийских степей. Формы их достаточно разнообразны, но излюбленным мотивом как для скифских, так и савроматских обивок были изображения голов грифонов [29, табл. 16, *8*, *17*, *19*; 27, с. 150, рис. 6]. Наиболее близкая по форме золотая обкладка была найдена в одном из курганов южноуральского могильника Пятимары I [26, с. 317, рис. 24, *4*]. Основная масса обкладок обнаружена в погребениях V в. до н. э. Бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой, предположительно относимые к уральскому комплексу, по своим типологическим признакам также укладываются в хронологические рамки V в. до н. э.

Таким образом, весь состав рассматриваемого комплекса представляется одновременным, и V в. до н. э. является наиболее вероятной датой для всех составляющих его предметов.

О торговых связях «савромато-сарматов» Южного Приуралья со странами Ближнего Востока, преимущественно ахеменидским Ираном, уже неоднократно упоминалось в археологической литературе [30, с. 206—232; 10, с. 118—122]. Осуществлялись эти связи, по всей вероятности, через среднеазиатские сатрапии. Ассортимент ближневосточных, в том

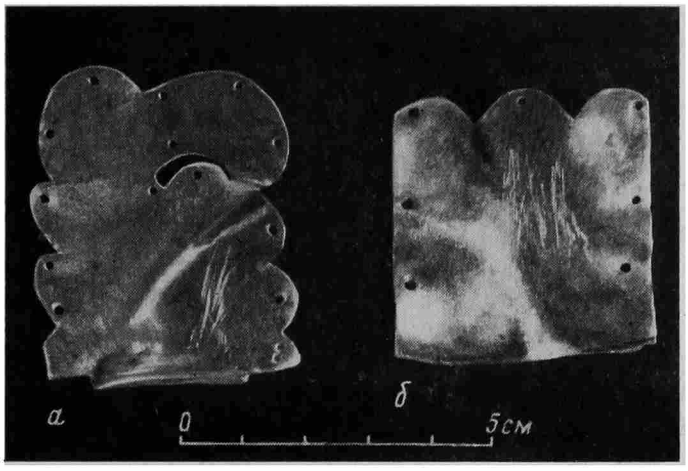


Рис. 8. Золотые обивки

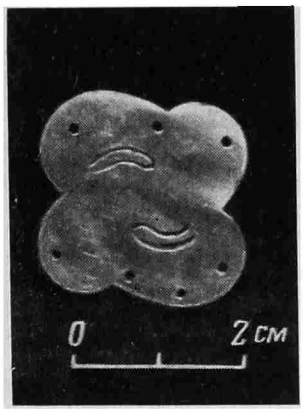


Рис. 9. Золотая накладка

числе и ахеменидских, импортных изделий был достаточно широк: финикийское стекло, металлические сосуды, бронзовые зеркала, бусы, золотые изделия, самшитовые гребни и т. д. Но вряд ли предметами торговых операций были такие вещи, как ахеменидские ритоны, гривны, печати. Употребление ритонов как парадных сосудов на пиршествах и при совершении культовых обрядов общеизвестно и общепризнано. Мы видим изображения ритонов на скифских бляшках со сценами побратимства или обрядом приобщения воина-скифа или царя к власти и покровительству богини (Солоха, Чертомлык, Куль-Оба, Карагодеуашх [9, с. 42, рис. 81; с. 59, рис. 114, табл. 203, 318). И хотя среди савромато-сарматских памятников пока не имеется изображений сцен подобных скифским или греческим (например, на одной из апулейских ваз), но, очевидно, и у этих племен, как у большинства иранских народов, ритон был парадным и культовым сосудом. Да и сами ритоны на территории Причерноморья, Кубани найдены только в богатейших курганах племенных вождей или царей (Толстая могила, Куль-Оба, Семь братьев, Карагодеуашх). Знаменательно, что почти всегда обладатели ритонов были и обладателями гривн, которые также, вероятно, служили символом власти.

К сожалению, мы не располагаем исчерпывающими сведениями об обстоятельствах находок ритонов в Южном Приуралье. Несомненно лишь то, что в Орском кургане ритон вместе с золотой ахеменидской гривной находился в насыпи кургана. Оба предмета лежали на древнем горизонте поблизости от центральной могилы. Не исключено, что уральский комплекс (может быть, не весь, но хотя бы частично) также находился на древнем горизонте, поскольку, по словам находчиков, он был обнаружен при распашке поля.

Достаточно определенный состав вещей (которые в богатых курганах иногда клались у края ямы), содержащий обычно котлы, нередко дорогие бронзовые или серебряные сосуды, парадный конский убор, зачастую отделанный золотом, или ритон и гривну, как в приуральских курганах, говорит, на мой взгляд, об определенных функциях и смысловых нагрузках, которые должны были нести эти предметы в погребально-поминальном обряде.

Ритон, как и котлы и металлические сосуды, мог употребляться в поминальном пиршестве, подчеркивая торжественность процесса, гривна символизировала особое социальное положение погребенного и также могла играть какую-то роль в поминальной церемонии. Во всяком случае, оба эти предмета, как и деревянная чаша, отделанная золотыми накладками, по-видимому, связаны именно с обрядом тризны в широком смысле этого понятия. Этим объясняется и местонахождение этих предметов

не в могильной яме, а на древней поверхности. С другой стороны, они свидетельствуют об определенном социальном статусе погребенных с ними людей.

Довольно интересна география распространения ахеменидских ритонов V в. до н. э. с протомой животного. Мне известно 12 экз., из которых 6 экз. найдено на территории древней Армении, один в Сирии, два в Хамадане (Экбатаны), один на левобережье Кубани и два на левобережье Урала. Места находок еще двух ритонов (хранящихся в музеях городов Цинцинатти и Базеля) точно не известны. Как видим, они сосредоточены главным образом на территории самой империи (10 экз.) в ее центральных и северо-западных сатрапиях, и только 3 экз. находятся за пределами ахеменидской державы, в курганах кочевнической знати. Погребения в курганах низовьев Кубани (Семибратние курганы), по-видимому, оставлены представителями сильно эллинизированных династий туземных племенных вождей [31, с. 118; 9, с. 36]. Какие взаимоотношения кроме торговых связывали их с ахеменидами, сказать сейчас трудно.

Что же касается кочевников Южного Приуралья, то в самой предположительной форме можно говорить, что последних с ахеменидской державой связывала не только торговля. Воинственные кочевые племена саков, дахо-массагетов и «савромато-сарматов», как море омывавшие среднеазиатские оазисы, нередко использовались жителями оседлых районов в качестве военной силы в междоусобных распрях и столкновениях. Представители же самих среднеазиатских сатрапий, наряду с персами и мидийцами, как считают теперь, были надежным ядром армии ахеменидских царей, а выходцы из их среды нередко занимали руководящие посты и в ахеменидской администрации [32, с. 86]. Поэтому не исключена возможность, что в составе чужеземцев из многих стран (являвшихся с персами в завоеванные земли) — мидийцев, каспийцев и других иранцев [32, с. 86] находились и объединения «савромато-сарматов» Южного Приуралья. Местные военачальники — руководители этих объединений могли получать такие вещи, как ритоны, гривны, печати, в качестве трофеев или подарков [10, с. 122]. Возможно, захоронениями именно такой военной знати являются погребения в Покровском, Орском и Долинном курганах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ghirshman R.* Perse. Proto-iraniens. Medes. Achéménides. Paris, 1963.
2. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М.: Искусство, 1978.
3. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
4. *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
5. *Ghirshman R.* Le Rhyton en Iran.— A. A., v. XXV/1.
6. *Svoboda B.* Zur Geschichte des Rhytons.— In: *Svoboda B., Končev D.* Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956.
7. *Culican W.* The Medes and Persians. London, 1965.
8. *Аракелян Б. Н.* Очерки по истории искусства Древней Армении (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976.
9. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Л.: Артия, Советский художник, 1966.
10. *Савельева Т. В., Смирнов К. Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале.— ВДИ, 1972, № 3.
11. *Saare F.* Die Kunst des alten Persen. Berlin, 1923.
12. *Berghe L.* Vanden. Archéologie de l'Yran ancient. Leiden, 1959.
13. *Schmidt E.* Persepolis I. Structures. Reliefs. Inscriptions. Univ. Chicago. Oriental Inst. Publ. LXVIII, Chicago, 1953.
14. *Смирнов В. Я.* Восточное серебро. СПб., 1909.
15. История искусств зарубежных стран. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961.
16. *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
17. *Dalton D. M.* The Treasure of the Oxus. London, 1926.
18. *Porada E.* Ancient Iran: the art of preislamie times. London, 1965.

19. *Садаев Д. И.* История древней Ассирии. М.: Наука, 1979.
20. *Saare F., Herzfeld E.* Iranische Felsrelief. Berlin, 1910.
21. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
22. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1973.
23. *Мошкова М. Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972.
24. *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников.— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1977.
25. *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.— МАР, 1918, № 37.
26. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
27. *Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области.— СА, 1965, № 3.
28. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.— САИ, вып. Д3-9. М.— Л., 1962.
29. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-4, М., 1967.
30. *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном.— СА, 1952, XVI.
31. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
32. *Дандамаев М. А.* Клинописные данные об ариях.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.

M. G. Moshkova

BURIAL COMPLEX WITH A RHYTON IN URALSK REGION

Summary

A rich burial complex was discovered in 1965 on the left bank of the Ural River at Dolinnoe Village, 45 km east of Uralsk. It comprises a partially preserved rhyton with an image of an animal (probably a bull), a gold signet-ring with a representation of a griphon-sheep, a silver grivna covered with a gold sheet and gold plates used for binding. A stylistic analysis of the rhyton identified it as a 5th-century Achaemenid artifact, the other objects, too, are from the same period. The burial complex as a whole testifies to the wealth and the high social status of the buried who was, perhaps, one of the local Sauromatae-Sarmatae military leaders in the Achaemenid army, the rhyton and the grivna being trophies or gifts.

ОБОЛДУЕВА Т. Г.

О ДАТИРОВКЕ СТЕН ЭЙЛАТАНА

Городище Эйлатан, расположенное в северо-восточной части Ферганской долины [1], представляет исключительный интерес как единственный в Фергане памятник, где (еще до недавнего времени) достаточно хорошо сохранилось поселение эпохи, предшествующей развитому ирригационному земледелию, и где оно не было перекрыто большими толщами напластований последующего времени.

Первые сведения о нем были получены от гидрогеолога И. А. Анбоева, нашедшего там в 1926 г. лепную расписную чашу [1] [2]. В 1930 и 1933 гг. Б. А. Латынин обследовал городище, а в 1934 г. провел на нем небольшие раскопки [2, с. 141—157; 3, с. 109—170].

Городище располагалось вдоль невысокого берега древней болотистой поймы и представляло собой систему двойных параллельных валов. Внешний вал ограничивал вытянутый с запада на восток прямоугольник около 2×1 км, прилегавший на юге к пойме, где валов, вероятно, не было. Внутреннее городище (местное его название Шаари-Хайбер) площадью 50×400 м в основе прямоугольное, вытянуто по линии запад — восток, с выступающим к югу углом. На валах его сохранились возвышения башен, а на внутренней территории ранее заметны были низкие расплывчатые «жилые бугры».

Раскопки Б. А. Латынина на низком бугре в северо-восточной части внутреннего городища выявили неясные остатки древнего жилого комплекса, перекрытого более поздним слоем. Найденная здесь своеобразная лепная керамика архаического типа на основании сходства ее с расписной керамикой Анау была отнесена тогда, в порядке условной рабочей схемы, к раннему периоду эпохи бронзы [2, с. 141, 142] [3]. В дальнейшем, учитывая новые материалы, Б. А. Латынин изменил датировку комплекса на более позднюю — VII—IV вв. до н. э. [3, с. 128]. Валы городища Латынин связывал со вторым этапом жизни на нем — с периодом Ф-Ш его периодизации древней Ферганы, т. е. с серединой I тысячелетия н. э. [3, с. 112].

Ю. А. Заднепровский в 1952 г. открыл в юго-восточной части городища остатки жилища (стены) раннего этапа, датированного им на основании анализа находок VII—IV вв. до н. э. [5, с. 29—45; 6, с. 167] [4]. Учитывая преобладание в раскопах ранней керамики, а также отсутствие более поздних строительных остатков и сам характер планировки городища, Ю. А. Заднепровский отнес возведение его укреплений к началь-

[1] В 30 км к северо-западу от г. Андижана, в 1,5—2 км к востоку от станции Хакулабад, на линии железной дороги Андижан — Наманган, прорезавшей его.

[2] Хранится в Государственном Эрмитаже [1, с. 90—92].

[3] В 1939 г. при работах на Большом Ферганском канале в этом же районе была найдена керамика, близкая по характеру эйлатанской. Часть ее была тогда отнесена к тому же периоду, остальная к III—II вв. до н. э. [4, с. 23, 24].

[4] Эта же дата для эйлатанского комплекса была высказана им и ранее, а также было дано название всему периоду как эйлатанскому [7, с. 8, 18].

ному этапу, а найденную им более позднюю керамику — к раннему средневековью, ко времени вторичного обживания городища [5, с. 32, 33; 6, с. 109, 110, 167].

В 1958 г. нами был заложен небольшой раскоп на низком (уже распаханном) холмике близ восточного вала внутреннего городища с целью найти участок с нетронутым нижним слоем. Но в раскопе весь слой (глубиной до 2 м) оказался смешанным, хотя в нем преобладали находки керамики раннего времени (лепной крашеной и тонкостенной на круге). Он был нарушен устройством какой-то (может быть, производственной) печи с прилегающими неясными кладками, а также ямой и мусорным завалом. По профилированным венчикам хумов и днищам крупных кувшинов с выпуклой тамгой на дне эти поздние материалы можно было отнести к середине I тысячелетия н. э.

Наличие двух периодов жизни на городище и в связи с этим разных мнений о времени возведения его оборонительных сооружений делало необходимым выяснить как время постройки валов, так и наличие здесь и соотношение жилых комплексов того и другого этапов. С этой целью в начале 60-х годов на городище были проведены небольшие раскопки, опубликованные лишь частично [8, с. 38—47].

Несмотря на все меры, принятые по охране городища, оно к середине 70-х годов было почти совсем уничтожено — южная его половина занята посадками леса, местами построены усадьбы, а бóльшая часть распахана под хлопок. Сохранились лишь очень небольшие участки (в том числе часть восточного вала). В связи с этим результаты тех работ, которые удалось провести в 1960—1963 гг., представляют, мне кажется, большой интерес.

В 1960 г. был сделан разрез восточного вала внутреннего городища. Обнаружена сложенная из сырцовых кирпичей и гуваля (округлые комья глины, сформованные от руки) стена шириной 4 м, сохранившаяся на высоту 2,5 м. Керамика, в незначительном количестве найденная в кладке и завалах стены, относилась к раннему времени, а сама стена построена была на чистом, нетронутом грунте. Это позволило отнести ее возведение к началу жизни на поселении. Одновременно были проведены раскопки и на территории внутреннего городища. В 1960 г. было исследовано жилище с хозяйственным двором, очагами и хозяйственными ямами эйлатанского этапа, перекрытое жилищем начала или первых веков нашей эры [8].

Городище интенсивно распахивалось, намеченные для дальнейших работ небольшие возвышения с хорошим культурным слоем, разведанные шурфами, были уничтожены. Но крупные фрагменты ранней керамики, найденные в выбросах канавки для арыка на небольшом бугре близ раскопа 2 (1960 г.), дали основание заложить здесь в 1961 г. раскоп (р. 2-61).

Здесь были открыты фрагментарные остатки жилища раннего времени и погребение. От жилища сохранился пол, две смыкающиеся под углом стены, сложенные из гуваля, и заброшенные хозяйственные ямы (рис. 1). Пол (на глубине 0,70—0,80 м) представлял собой твердую слоистую прослойку из глины, покрытую беловатыми и золистыми пятнами и следами растоптанной печины. Толщина промазки 3—4 см. Основанием пола был очень плотный коричневый слой из небольших гуваля, толщиной 8—10 см. Подстилал его толстый (25—30 см) слой коричневатой глины, образующий платформу под жилищем. Стена № 2 поставлена на этой платформе; стена № 1 пристроена позже — на подмазке пола. Ширина стен 70—80 см, высота 20—30 см.

К западу от жилища (тоже на глубине около 0,70 м) была плотная жилая поверхность, местами красноватая, обожженная, со скоплениями золы и угля (пятнами разрушенных очагов). Часть такого очага сохранилась — это округлое углубление (до 10 см) размерами 30×40 см, заполненное черной углистой массой. Очаги и обожженная поверхность от-

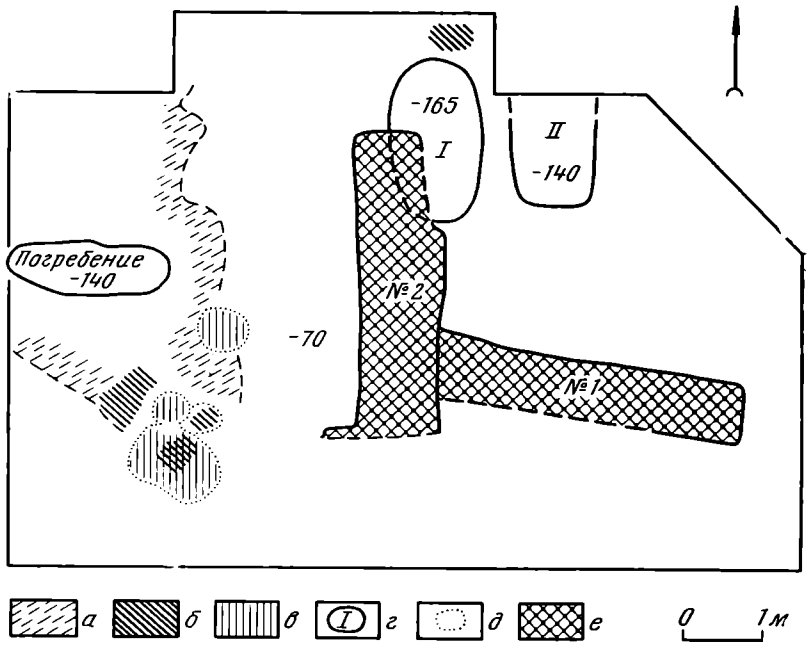


Рис. 1. План раскопа 2-61. *а* — золисто-гумусный завал; *б* — углистый слой; *в* — обожженная земля; *г* — хозяйственные ямы; *д* — очаги; *е* — остатки стен из гуваля

носятся к комплексу стен и пола (видимо, это дворовая часть). Золистые завалы к западу от очагов были образованы выбросами из них: сюда, вниз по склону, отметали золу и мусор.

В западной части раскопа на глубине 0,70—0,75 м в золисто-гумусном завале обозначились контуры ямы с аморфным желтым заполнением. После расчистки в ней (на глубине 1,40 м по дну) было обнаружено погребение. Могильная яма овально-вытянутая (запад — восток), размерами 2,05×0,50—0,60 м. Нижняя ее часть была на 20 см врезана в материк. Скелет лежал на спине, головой на запад, лицом вверх; руки вытянуты вдоль тела, ноги — прямо. Сохранность костей плохая, мелкие кости конечностей отсутствовали. Возраст погребенного около 30—35 лет [5].

Справа у локтя, на 5—6 см выше дна ямы, лежали два больших обломка чаши. Обломки от нее же, найденные в отвалах современной канавы (прошедшей через могилу), были, вероятно, из засыпи. Это глубокая полусферическая лепная чаша с плоским выделенным дном, диаметром края 24 см, высотой 12 см. Она окрашена лиловато-красной краской снаружи, с заходом внутри по краю полосой, от которой опускаются косые широкие ленты. Дно и нижняя часть чаши снаружи покрыты отпечатками штампа или камышинки в виде двойных коротких мелкозубчатых штрихов. Отпечатки расположены неправильными концентрическими кругами. Этой же камышинкой на днище прочерчен косой крест. Подобная орнаментация на эйлатанской керамике встречена впервые. Чаша в древности была разбита, и на ней имеется несколько пар сквозных сверлин для починки (рис. 2, *8*).

Захоронение было произведено после запустения жилища, но вряд ли через большой промежуток времени. Оно несомненно относится к эйлатанскому периоду, о чем свидетельствует как отсутствие в засыпи обломков более поздней керамики, так и сопутствующая ему разбитая чаша. Для одновременных актамских погребений характерна западная ориентировка, а сосуд часто ставили у края ямы, откуда он мог свалиться внутрь могилы.

[5] Возраст определен М. М. Герасимовым по зубам.

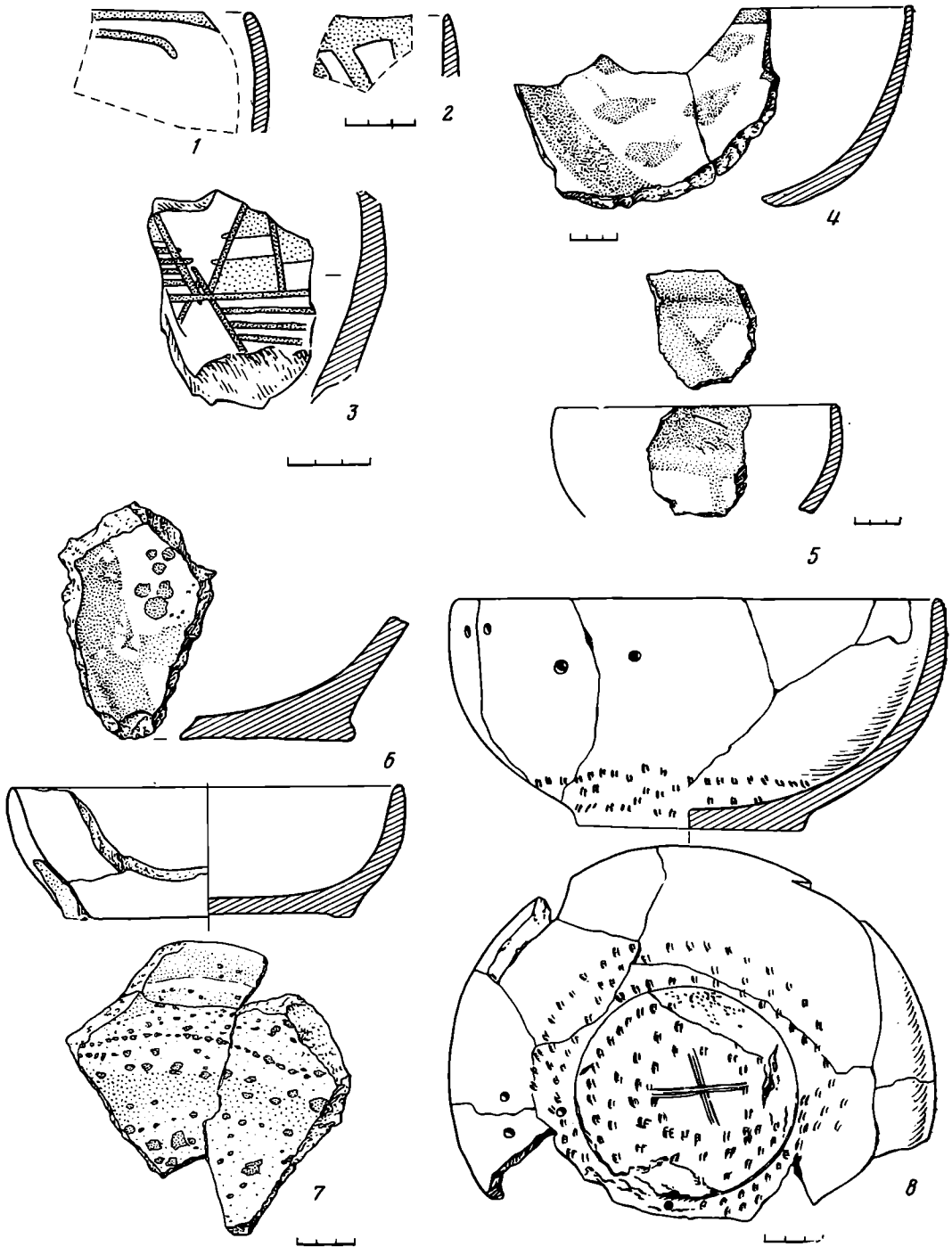


Рис. 2. Расписная керамика (*1—7*) и чаша из погребения (*8*)

О том, что на городище могли быть захоронения, говорят находки на его территории черепов (по сообщениям местных жителей). Чаша, найденная И. А. Анбоевым, тоже, несомненно, из разрушенного погребения [6].

Небольшой раскоп (р. 1-61) невдалеке от описанного и зачистка разрушенного при пахоте участка с большим хумом дополняют наши сведения о типе ранних жилищ на Эйлатане. Это были небольшие, отдельно стоящие постройки с прилегающей хозяйственной площадкой, на которой

[6] Чаша была найдена, по-видимому, на площади внешнего городища, к востоку от внутреннего (устное сообщение И. А. Анбоева).

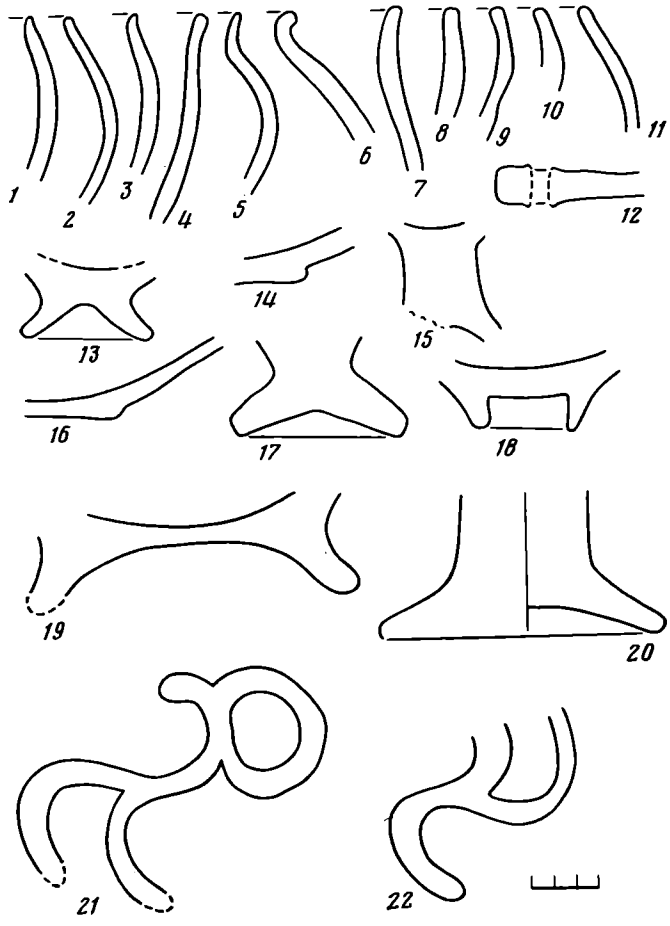


Рис. 3. Окрашенная керамика (*1—20*) и тамги на днищах поздних сосудов (*21, 22*)

были открытые очаги, хозяйственные ямы, лежали зернотерки, были вкопаны хумы или большие сосуды.

Ю. А. Заднепровским в 1952 г. открыта была часть постройки с длинными узкими комнатами (типа коридора с прилегающими к нему помещениями) [5, с. 31, рис. 3], но вполне вероятно, что это были части двух рядом стоявших отдельных помещений — раскоп захватил только небольшой участок, и по нему окончательно судить трудно.

Находки в жилых комплексах довольно бедные, в основном это обломки керамики известного уже характера, преобладает лепная, обычно окрашенная.

Керамику можно разделить на следующие группы: л е п н а я — а) столовая (окрашенная, расписная, иногда цвета массы); б) хозяйственная; в) кухонная. Н а к р у г е (тонкостенная, светлоглиняная).

У окрашенной и расписной посуды глина с мелким шамотом, песком и выгоревшими растительными примесями. На внутренней стороне встречаются отпечатки ткани от формовки. Окрашена обычно лиловато-красной жидкой краской снаружи, часто заходящей полосой внутрь, где поверхность цвета массы. Изредка имеется роспись — косые полосы, сетка с ромбами, а также полосы и брызги, образующие рисунок (рис. 2, *1—7*). Преобладающие формы — глубокие полусферические чаши, миски, встречаются кувшины, нередки поддоны, видимо от больших высоких чаш (или ваз) — (рис. 3, *1—20*).

Хозяйственная посуда из глины с шамотом, обычно толстостенная, поверхности светлые, слегка заглаженные. Нередко орнамент из ямок вдоль

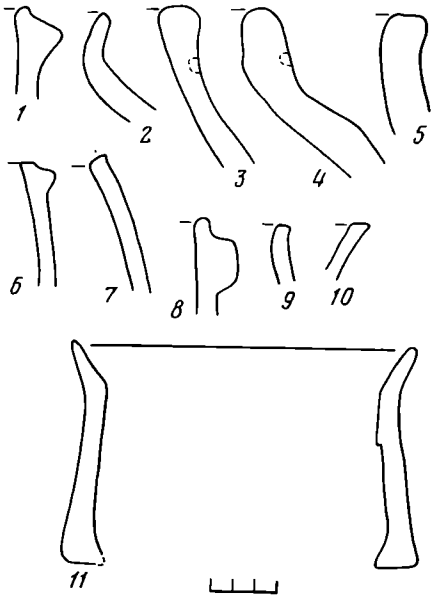


Рис. 4

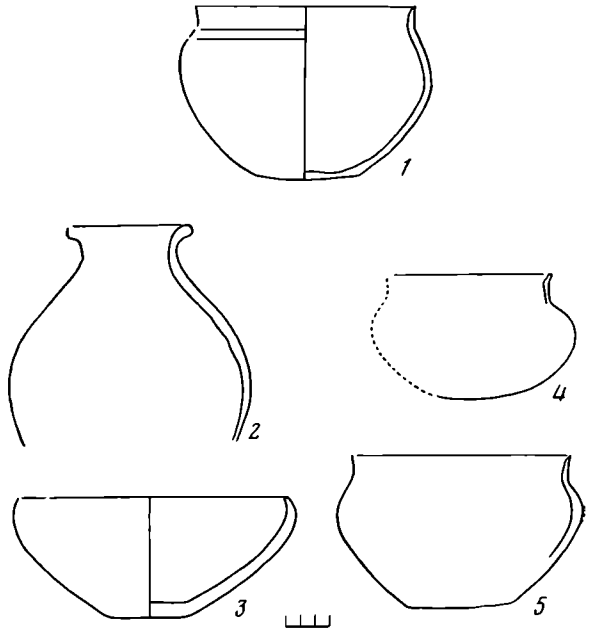


Рис. 5

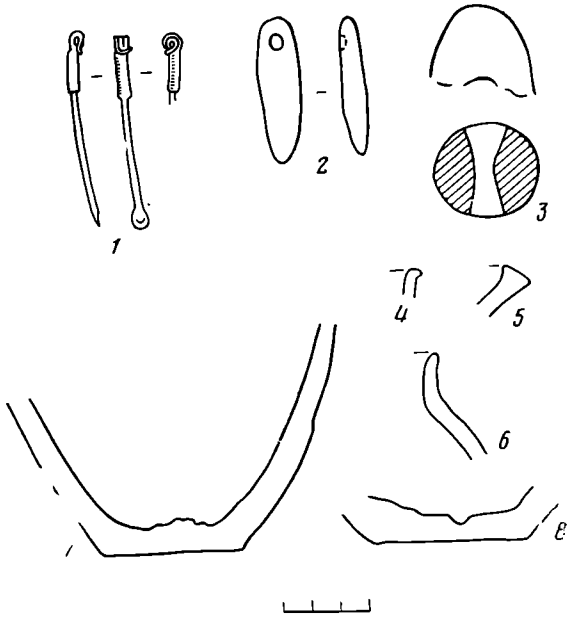


Рис. 6

Рис. 4. Посуда хозяйственная (*1—5, 11*) и кухонная (*6—10*)

Рис. 5. Керамика на круге тонкостенная: *1* — горшок (помещение в башне); *2* — кувшин (жилище, р. 2-61); *3* — миска; *4, 5* — горшки (р. 1958 г.)

Рис. 6. Мелкие находки: *1* — копоушка бронзовая (башня); *2* — острие каменное (р. 1-61); *3* — булава каменная (р. 2-61); *4—8* — керамика с блестящим красным ангобом (башня)

края, встречаются ручки-бугорки. Формы — корчаги, горшки, кувшины (рис. 4, *1—5, 11*).

Кухонная керамика немногочислена. Черепок очень хрупкий, глина темная, с известковыми белыми (ракушка ?) вкраплениями. Это огнеупорные сосуды. Форма — корчаги, котлы, горшки (рис. 4, *6—10*).

Керамика на круге (ручном) тонкостенная, светлоглиняная, с гладкой поверхностью. Глина отмученная, обжиг звонкий. Формы — преимущественно небольшие горшки, часто с валиком или полоской под горлом, а также миски, кувшины (рис. 5).

Полная аналогия сосудам из могильников актамского типа [9, рис. 30; 10, рис. 7].

Находки вещей редки. Это пряслица каменные и глиняные, плоские или полусферические [8, с. 46, рис. 15]; обломки булав — яйцевидной светло-серого шлифованного камня [8] и овальной темного камня с поперечной сверлиной (рис. 6, *3*); каменное острие; маленькая узкая точилка с начатой сверлиной (рис. 6, *2*); обломок плоской точилки белого камня. Встречаются также так называемые «заготовки» — кружки из обломков керамики.

Характерно широкое употребление в быту необработанных галек — это точилки, терочники, крышки на сосуды. Находки их довольно часты.

В 1961—1963 гг. был исследован и другой участок восточного вала — так называемые «ворота», образованные двумя стоящими рядом башнями. Была раскопана южная башня с частью прилегающей к ней стены и часть проема «ворот».

Прямоугольная в плане башня (10,5×10 м), сохранившаяся на высоту до 3,5 м, сложена из крупных (в основном 45×40×8—9 см) сырцовых кирпичей с саманом, прослоенных глиной. Встречены кирпичи и меньших размеров (46×38; 40×40 см). В основании башни, по-видимому, была платформа из крупных плотных гуваля, может быть, с пластами глины. Такая же конструкция была обнаружена в 1960 г. и в основании восточного вала. Кладка башни сплошная, массивная, лишь в северо-западной части (со стороны проема «ворот») было встроено небольшое (3×2 м) прямоугольное в плане привратное помещение, с дверным проемом шириной 90 см в северной стене, в сторону ворот. Высота его стен от 1 до 2,60 м, пол глинобитный, неровный, с пятном кострища. Глиняная обмазка пола толщиной около 5 см лежит на слое глины (толщиной 15—20 см) с небольшими гуваля, в котором встречались угольки и пятнышки печины. Подстилает его нетронутый грунт— чистый песок. Стены помещения покрыты саманной светлой обмазкой толщиной 2—3 см. С юга к башне примыкает сложенная из сырцовых кирпичей стена шириной около 4 м. Башня выступает наружу за линию стены на 4—5 м (рис. 7).

На полу помещения найдены обломки лепных крашеных чашек полусферической формы и разбитый тонкостенный станковый горшок. Глина отмученная, с редкими песчинками, обжиг хороший. Горшок сделан на круге, придонная часть подрезана. Дно также подрезано, оно чуть выпуклое. Поверхности светлые, наружная гладкая, внутри заметны следы от вращения при формовке. По горлу под венчиком две неглубокие линии. Диаметр края 15×13 см (верх слегка смят), высота 12—15 см (рис. 3, *1*).

В завале и забутовке помещения, а также в оплывах стен встречались фрагменты керамики, характерной для периода раннего красного ангоба,— это миски с вогнутым краем, небольшие горшки и стройные кувшинчики с блестящим, плотным, ярким ангобом, часто закрывающим и днище снаружи (рис. 6, *4—8*). Она бытует около рубежа нашей эры, вероятно, и несколько ранее [7].

Находка горшка актамского типа на полу помещения и то, что слой пола подстилает чистый грунт, позволило отнести время постройки башни (как и вала в 1960 г.) к началу жизни на поселении.

Во второй период обитания на городище башня (к этому времени значительно разрушившаяся) была отремонтирована с частичной перестройкой.

Помещение, частью засыпанное уже продуктами разрушения, было забутовано глиной с кусками гуваля, затем вход в него был плотно заложен стенкой из небольших гуваля, и поверх заклада дверной проем был заштукатурен плотным слоем (толщиной 8—10 см) из мелких комочков глины и саманной массы. Снаружи все было замазано глиной, заклад сведен на нет к прилегающей плоскости стены.

---

[7] См., например, керамику Сым-Тепе II [11, с. 90 и 103, 104].

Ремонтными кладками из гуваля была укреплена северо-западная часть башни (выступ ее), а также поставлена подпорная кладка (также из гуваля) у северной стены помещения.

Проем ворот также был заложен стеной. При раскопках на прилегающем к ней участке керамика вплоть до материка (песок) была смешанная — ранняя и более поздняя. Лишь в конце работ удалось разобраться в этом. После того как была снята стена, перекрывавшая проем ворот, выяснилось, что при ее постройке и вообще при ремонте здесь была убрана часть разрушившейся старой кладки, причем низ ее был вырублен до подстилающего материкового песка, образовав в нем уступ. На расчищенном участке была набросана мокрая глина с саманом, камышом, галькой, попадались и обломки керамики. На этом «фундаменте» подчищенные плотные старые кладки из темно-коричневого кирпича были укреплены дополнительными подпорами из гуваля, а затем поперек бывшего прохода выстроена стена. У основания ее были положены крупные гальки. В период ремонта эта забутовка частично, видимо, была «обжита» — на уплотненной поверхности ее заметны были пятна золы, угольки и пр. В «дворовой» части, за стеной, забутовка была густо насыщена галькой с довольно большим количеством невыразительных обломков толстостенной керамики.

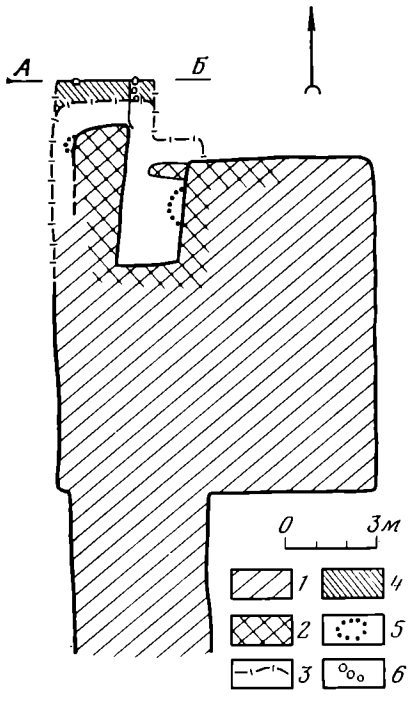


Рис. 7. План башни: *1* — кирпичная основная кладка; *2* — остатки более ранней кирпичной кладки; *3* — контуры заклада, *4* — заклад ворот, *5* — очаги; *6* — камни

При этой перестройке во внутренней части прохода ворот сохранился низ древнего культурного слоя, лежавшего на песке. Слой этот очень тонкий (около 10 см) — это натоптанный песок с глиной, в нем редкие мелкие фрагменты керамики эйлатанского типа, угольки, печина (рис. 8). У западного основания древней кладки башни сохранился небольшой временный очажок, в котором найдены обломки эйлатанской чашки.

Основание древних кладок здесь подстилал слой глины, положенный на песке.

У северо-восточного основания башни и в разрезе северного фаса стык более поздних (ремонтных) пластов и древнего слоя прослеживался хорошо. По подошве башни были заметны натеки глины, а новые слои налегали на них. Подрубленный массив древней кладки был заложен гуваля вплотную, но все же можно примерно определить линию этого заклада. Она идет наискось, так как завал был просто подчищен, но самый заклад в общем повторяет контуры башни. Хорошо был выявлен лишь северо-западный угол старой кладки башни.

В существовании оборонительных сооружений городища можно установить следующую схему: 1. Построены стены, башня с караул-ханой — эйлатанский период. 2. Разрушение стен и башни и завал помещения. 3. Ремонт и перестройка — срублены старые оплывы, вырублена до песка часть проема ворот, к башне пристроены подпорные кладки, забутовано помещение, закрыт и заложен вход в него, закрыт проем ворот — около рубежа нашей эры. 4. Разрушение новых кладок — обвалы. 5. Засыпание их и замывы.

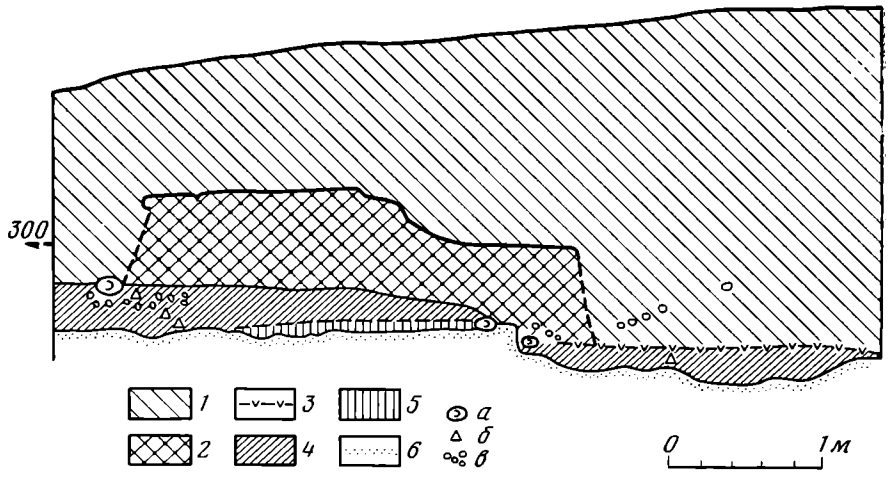


Рис. 8. Разрез А—Б: *1* — завал; *2* — заклад ворот; *3* — плотная поверхность; *4* — ремонтный слой; *5* — древний слой; *6* — песок. *а* — камень; *б* — керамика; *в* — гальки

Проведенные наблюдения позволяют заключить, что основные оборонительные сооружения Эйлатана были возведены в начале жизни на поселении, а в следующий период они были лишь подновлены и достроены.

Но встает вопрос: каков мог быть разрыв во времени между этими двумя этапами? Чтобы иметь возможность так использовать стены и перестроить ворота, кладки стен и башни должны были еще достаточно хорошо сохраниться (хотя бы и в развалинах). Представляется, что разрыв во времени не должен превышать 100—200 лет (возможный период разрушения стен в условиях климата Ферганы).

Поскольку керамика второго периода обживания городища относится ко времени не ранее II—I вв. до н. э., раннее (эйлатанское) поселение должно было еще существовать незадолго до этого времени. Таким образом, верхняя граница эйлатанского этапа стратиграфической колонки Ферганы должна бы подняться к III—II вв. до н. э.[8]

В итоге работ выявлены три периода жизни на городище: 1) собственно эйлатанский, к которому относятся возведение оборонительных сооружений, жилые комплексы и погребение; 2) период перестройки стен и башни, определяемый находками керамики с плотным блестящим красным ангобом — около рубежа нашей эры. Верхний жилой комплекс из раскопа 2-60 относится к этому же времени; 3) обживание территории городища в более позднее время — около середины I тысячелетия н. э. К этому этапу относится гончарная керамика с выпуклой тамгой на дне (рис. 3, *21—22*), керамика с тусклым «сургучным» ангобом и, вероятно, куски шлаков, которые можно связывать с обнаруженными в раскопах и шурфах 1958 и 1960 гг. развалами каких-то печей и интенсивными углистыми прослойками. Следов перестройки оборонительных сооружений не наблюдалось.

В последний период жизнь на городище, возможно, была сосредоточена в западной его части, где в шурфах материал был только смешанный, при резком преобладании позднего.

Таковы результаты небольших по объему работ, проведенных на городище Эйлатан в 1960—1963 гг. Крайне обидно, что этот интереснейший памятник не мог быть достаточно изучен до его разрушения. Однако и в настоящее время сохранились еще небольшие участки, на которых можно вести работы.

---

[8] Подводя итоги исследования памятников Ферганской области, Н. Г. Горбунова дает теперь уточненную дату эйлатанского периода — VI—III вв. до н. э. [12, с. 231].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латынин Б. А.* Эйлатанская расписная чаша.— КСИИМК, 1960, 80.
2. *Латынин Б. А.* Работы в районе проектируемой гидростанции на р. Нарыне в Фергане.— ИГАИМК, 1935, вып. 110.
3. *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСбГЭ, 1961, № 3.
4. *Оболдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского Канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, т. IV. Ташкент, 1951.
5. *Заднепровский Ю. А.* Городище Эйлатан.— СА, 1960, № 3.
6. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118, с. 167.
7. *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана. Автореф. канд. дис.: ЛО ИИМК АН СССР, 1954.
8. *Оболдуева Т. Г.* Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан.— КСИИМК, 1962, № 91.
9. *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Актамский могильник.— КСИИМК, 1954, № 69.
10. *Горбунова Н. Г.* Суфанский могильник — АСб. ГЭ, 1969, № 11.
11. *Горбунова Н. Г., Козенкова В. И.* Сым-Тепе — поселение в Фергане.— АСб. ГЭ, 1974, № 16.
12. *Горбунова Н. Г.* Итоги исследования археологических памятников Ферганской области.— СА, 1979, № 3.

T. G. Oboldueva

ON DATING THE EILATAN WALLS

Summary

The fortified settlement of Eilatan in the north-eastern part of the Ferghana Valley (Uzbekistan) discovered in 1930 is an interesting monument of the period of non-irrigation farming. The 1934 and 1952 excavations yielded remains of dwellings and original pottery dated from the 7th-6th centuries B. C. (the so-called Eilatan period). The discovery of later materials posed the question of dating the Eilatan defensive works. The 1960-1963 excavations of the rampart and the tower proved that they had been built at the beginning of the settlement and later (at the turn of our era) were only rebuilt and reconstructed, the gap between the construction and the reconstruction being not very long. Thus the Eilatan period must be dated between the 6th and the 3rd centuries B. C. which is supported by N. G. Gorbunova's investigations of burials in the south of the Ferghana Valley. In the mid-1st millennium A. D. Eilatan was resettled but the defensive works were evidently not reconstructed.

КОЗЕНКОВА В. И., ЛОЖКИН М. Н.

НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПОЗДНЕКОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХОВЬЯХ КУБАНИ

Культурная принадлежность памятников раннего железного века верховий Кубани до настоящего времени недостаточно ясна. Большинство исследователей склонны рассматривать этот район Северо-Западного Кавказа как контактную зону смешения культур центрального Северного Кавказа, степного Предкавказья и Западного Закавказья [1, с. 84, 122—124; 2, с. 183; 3, с. 268; 4, с. 222, 223; 5, карта]. Однако специальное исследование памятников середины I тысячелетия до н. э. на территории Карачаево-Черкесии привело Е. П. Алексееву к выводу о том, что по комплексу ведущих признаков (погребальный обряд, керамика и украшения) их следует «отнести к кабардино-пятигорскому варианту позднекобанской культуры Северного Кавказа» [3, с. 64], выделенному Е. И. Крупновым [2, с. 181—210]. Справедливость этого вывода находит подтверждение во все более возрастающем числе однородных по составу групп археологических материалов, выявленных теперь уже не только на территории Карачаево-Черкесии, как предполагала Е. П. Алексеева, но и далее, на восточной окраине Краснодарского края. Именно здесь, а точнее по бассейну р. Урупа, обнаружены памятники, бытовые и погребальные, обозначившие западную границу компактного и массового распространения древностей кобанского типа (поселение «Заслонка» — раскопки Н. В. Анфимова, Исправненский могильник — раскопки А. В. Найденко) [6, с. 71—73; 7, с. 161—162]. Далее на запад культурный облик синхронных закубанских и прикубанских памятников значительно изменяется [8, с. 176].

Цель предлагаемой статьи — ввести в научный оборот археологические находки, найденные давно, но не получившие должного освещения в специальной литературе. Они заслуживают внимания не только как дополнительные свидетельства, подтверждающие заселение «кобанцами» указанных районов, но и как показатели некоторых специфических черт культуры древнего населения именно этих ущелий.

В ноябре 1955 г. в Институт археологии АН СССР поступили предметы, найденные случайно школьниками в лесу близ г. Теберда в Карачаево-Черкесии [1]. Группа предметов, скорее всего могильный инвентарь, включала: 1. Четыре гривны из круглого в сечении бронзового прута. Концы трех гривн были несомкнуты, а у одной заходили друг за друга. Особенность формы гривн заключалась в том, что концы их были раскованы в виде удлиненных листовидных пластин, украшенных геометрическим орнаментом, выполненным чеканкой и гравировкой (рис. 1, *9—11*). Диаметр гривн 11—14,5 см, толщина поперечного сечения прута 0,7—0,9 см (рис. 1, *1—4*; 2, *5*); 2. Обломки гривны из круглого в сечении серебряного прута. Несомкнутые концы гривны конусовидно расши-

[1] Хранение — архив Северо-Кавказской экспедиции в Институте археологии АН СССР.

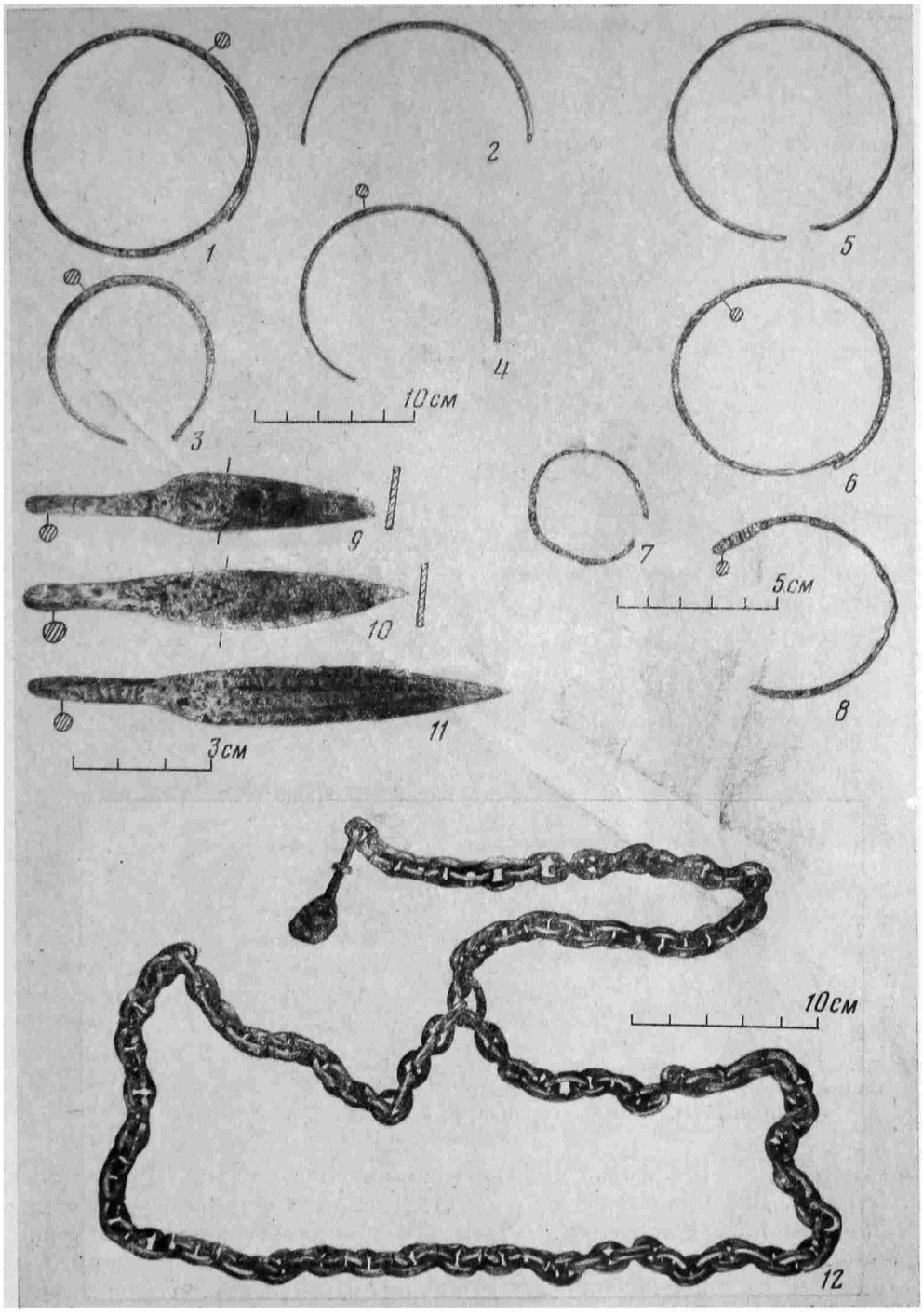


Рис. 1. Находки из окрестностей Теберды: *1—4* — гривны; *5*, *6*, *8* — браслеты; *7* — кольцо; *9—11* — концы гривн; *12* — пояс-цепь; *1—12* — бронза

рены и украшены шестнадцатью поперечными насечками и рельефным ободком. Диаметр гривны около 13 см (рис. 2, *1*); 3. Пять браслетов, целых и в обломках, из бронзового прута, круглого в сечении. Три из них имели несомкнутые концы, у одного — они заходили друг за друга. Диаметры браслетов 5—6,5 см (рис. 1, *5*, *6*, *8*); 4. Два бронзовых многовитковых браслета из проволоки овальной в сечении. Концы одного из них, уплощенные и расширенные, представляли собой стилизованное изображение головок змеи, выполненных насечками и пуансоном (рис. 2, *8*). Другой браслет более простой. Диаметры предметов 6—7 см,

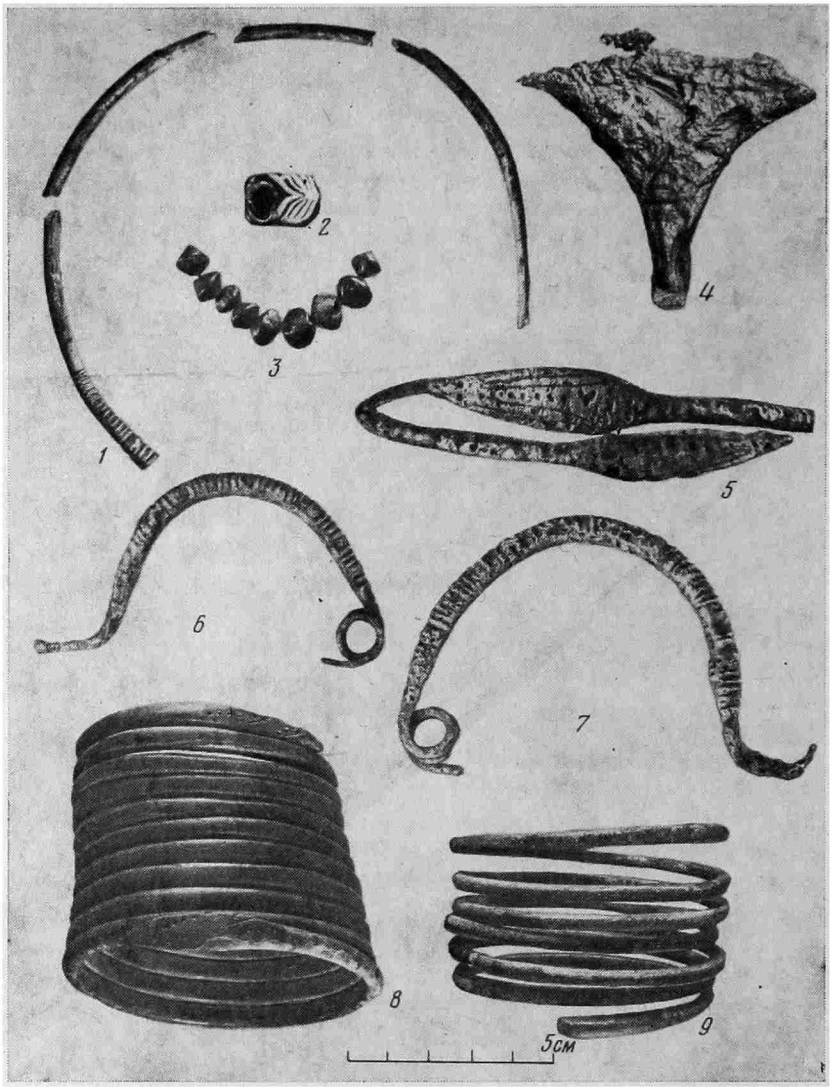


Рис. 2. Находки из окрестностей Теберды: *1* — гривна; *2—3* — бусы; *4* — топор-секира; *5* — орнамент на концах гривны; *6, 7* — фибулы; *8, 9* — браслеты. *1, 5—9* — бронза; *2, 3* — стекло; *4* — железо

высота 5—7 см; 5. Бронзовое проволочное височное кольцо. Диаметр 3 см (рис. 1, *7*); 6. Две бронзовые фибулы [2], дуговидной формы с удлиненным пластинчатым иглодержателем. Конец его приподнят вверх и завершен шишечкой. Пружина фибул двухвитковая. По лицевой стороне дуги нанесен орнамент в виде продольных и поперечных насечек. Размеры фибул 5×6,5 см, 6,5×10,5 см (рис. 2, *6*, *7*); 7. Бронзовый пояс — цепь из 126 овальных звеньев, с привеской-пинцетом на конце. Пинцет изготовлен из пластинки и украшен пунктирным орнаментом. Длина цепи 1,55 м, длина пинцета 7 см (рис. 1, *12*); 8. Десять стеклянных бус. Из них — девять бус синего глухого стекла имели биконическую форму (рис. 2, *3*). Одна буса крупная, кубической формы, черного глухого стекла с желтыми прожилками (рис. 2, *2*); 9. Обломок железного топора-секиры с узкой обушной частью и широким закругленным лезвием. Сохранившаяся длина 7 см, ширина лезвия 7,5 см (рис. 2, *4*); 10. Обломки стенок, ручки и венчики серолощеного сосуда, видимо, кувшина, украшенного линей-

[2] При очистке от патины в лаборатории ИА АН СССР фибулы потеряли первоначальную форму.

ным желобчатым орнаментом; 11. Обломки чернолощеного тонкостенного сосуда со следами линейного нарезного орнамента.

Ближайшие аналогии большинству предметов из Теберды известны среди могильного инвентаря погребений VI—V вв. до н. э. с Домбайской и Солнечной полян на берегу рек Алибек и Домбай-Ульген в Приэльбрусье [9, с. 283; 10, с. 76, 77; 3, с. 61, 62, табл. 15, 17]. О полном тождестве свидетельствует сравнение между собой серебряных гривн, браслетов, поясов-цепей с пинцетами на концах, стеклянных бус и, особенно, своеобразных фибул с удлиненными иглодержателями. На основе этой особенности А. Л. Нечитайло выделила домбайские фибулы в особый тип, характерный для «прикубанской культуры» и отличный, по ее мнению, от более восточных, кобанских VI—V вв. до н. э. [10, с. 77]. Детальное сопоставление пропорций, размеров, орнаментации тебердинских фибул с многочисленными в настоящее время фибулами из Урус-мартановского, Исти-су, Лугового и других кобанских памятников [11, с. 139 и сл., рис. 10, 12, 13, 15 и сл.; 12, рис. 9, *2*, 17, *3*, 23, *6а,б*] не дает веских оснований для исключения первых из круга кобанского металлообрабатывающего очага середины I тысячелетия до н. э. Но в то же время форма иглодержателя действительно не находит аналогий среди кобанских фибул. Она напоминает приемник фибул так называемого фракийского типа, характернейшего украшения V—IV вв. до н. э. на Балканах и в гето-дакийском мире [13, с. 118—123, рис. 4]. По мнению болгарских и некоторых советских исследователей (Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов), форма эта — фракийская [14, с. 51—55, рис. 2, *4*; 15, с. 63—67, рис. 5, *6*]. Другие исследователи (в частности, Р. Вульпе) относят ее к варианту фибул типа Чертоза, известному в Северной Италии в V—IV вв. до н. э. [16, p. 106—113, fig. 5/1] и распространенному в культурах гето-дакийского круга особенно в IV в. до н. э. [17, с. 147, таблица, рис. 13]. Морфологическое своеобразие приемника фракийских фибул исключает, как нам кажется, конвергентное его возникновение на Кавказе, тем более что истоки для такой формы в ранних материалах здесь отсутствуют. Скорее можно предполагать появление такой идеи под влиянием занесенных сюда фракийских или италийских образцов. Они могли проникнуть в результате внешних контактов вдоль Черноморского побережья. Существование подобных внешних контактов между двумя областями в середине I тысячелетия до н. э. подтверждается эпизодическими находками балканского импорта в отдельных памятниках Северного Кавказа, например, стрелки-монетки фракийского типа в Сосновогорском могильнике в Кисловодске [4, рис. 16, *11*] или уздечной бляшки в виде четырехлучевой свастики, концы которой оформлены в виде стилизованных головок животных в Галайтинском могильнике в Чечено-Ингушетии [19, с. 109, рис. 1]. Косвенным свидетельством таких контактов может служить рассказ Геродота о переселении мидийского племени сигиннов на Балканы [20, с. 240]. По аналогии с фибулами фракийского типа, постоянно находимыми в Болгарии, Румынии, Югославии в комплексах с античной керамикой второй половины V — начала IV в. до н. э. [16, p. 112, 113], хронология тебердинско-домбайских находок может быть уточнена и определена так же. Не противоречат этой датировке аналогии другим находкам из Теберды. Так, гривны с раскованными в виде пластины орнаментированными концами могут быть сопоставлены с такими же гривнами из погребений VI—V вв. до н. э. Чечено-Ингушетии (крепость Воздвиженская, Нестеровский могильник) [2, табл. II, *1*, III, *2*, *3*, рис. 48, *33*, с. 290], Западной Грузии (Рача, Гуадиху, Красный маяк) [21, с. 78, табл. III, *2*, *3*, табл. VII, *25*, с. 187, 188] и горного Крыма [22, рис. 38, *4—7*, *34—36*]. По мнению В. В. Бобина и А. М. Лескова, поддержанного Е. И. Крупновым, появление этих материалов в крымских могильниках — результат инфильтрации сюда части населения кобанской культуры

[23, с. 60; 2, с. 347; 22, с. 156 сл.]. Близки восточнокобанским также серебряные гривны с конусовидно расширенными концами. Они имели место в погребениях V в. до н. э. Лугового могильника. Там же, в погребениях 9, 12 обнаружены и многовитковые бронзовые браслеты. Многовитковые браслеты найдены в погребениях № 11, 16, 20 могильника Исти-су, синхронного Луговому. Такого же типа предметы, но с изображением на концах головки змеи, близкие тебердинским, известны и на территории собственно Скифии, но датируются они здесь более поздним временем, IV—III вв. до н. э. [24, с. 55, табл. 44, *2* (тип 9)].

Стеклянные бусы биконической формы такие же, как в комплексе из Теберды, массово представлены в могильниках кобанской культуры скифского периода [11, рис. 15, *11* и сл.]. Железный топор-секира находит аналогии в памятниках V—VI вв. до н. э. Юго-Осетии (комплекс из Канчаети). Особенно важны для уточнения даты материалов с верховий Кубани находки точно таких же секир в погребениях 1 и 8 младшей группы могильника Гуадиху в Колхиде [21, табл. XXXIII, *7*, *11*]. Здесь они входили в комплекс с античной керамикой второй половины V—IV в. до н. э. [21, с. 242, 248—249]. Находят аналогии в Луговом могильнике и такие украшения, как пояса-цепи (погр. 58). Таким образом, группа близких памятников из ущелий Теберды, Домбай-Ульгена и Алибека довольно основательно может быть датирована временем не ранее середины V в. до н. э. или несколько позже. Фибулы из этих комплексов занимают особое место среди многочисленных фибул кобанской культуры. Они относятся к образцам, завершающим длительную, более чем 1000-летнюю эволюцию одного из самых характерных типов украшений северокавказских горцев.

В 1956 г. в междуречье Кяфара и Урупа, вблизи хутора Пантелеймоновского, при проведении дорожных работ был разрушен каменный ящик. Остатки погребального инвентаря поступили в Государственный Исторический музей [3] [2, с. 181, № 1; 25]. Сохранились следующие предметы: 1. Две бронзовые фибулы (рис. 3, *5*, *6*), дуговидной формы с двувитковой пружиной и широким овальной формы пластинчатым приемником-иглодержателем. Особенность последнего состояла в том, что так же, как и у фибул из Теберды и Домбая, он имел крючок, загнутый на лицевую сторону. В сечении дужка фибул овальная. Оборотная сторона гладкая, лицевая же покрыта выпуклым литым орнаментом, дополнительно усиленным поверх гравированным поперечными и продольными насечками. Орнаментирован и щиток иглодержателя. Размеры фибул: 6,5×9 см; 7×10 см; 2. Два браслета из круглого в сечении бронзового прута с несомкнутыми обрубленными концами. Один из браслетов без орнамента (рис. 3, *4*). Второй — покрыт гравированным узором, состоявшим из геометрических линий. На концах стилизованное изображение морды зверя с прижатыми ушами и круглыми глазами (рис. 3, *7*). Диаметр браслетов 7—7,5 см; 3. Бронзовая полая пронизка в виде миниатюрного навершия. Диаметр в поперечнике 1,2 см, сохранившаяся длина 2,5 см (рис. 3, *3*); 4. Ожерелье из 486 бус (рис. 3, *1*, *2*), янтарных, сердоликовых, гагатовых, стеклянных и из голубого бисера (140 шт.). Янтарные бусы (длина 0,5—0,7 см) цилиндрические, круглые и шестигранные в сечении. Выделяются также плоские в сечении бусы биконической формы (длина 0,5—0,6 см). Сердоликовые (диаметр 0,6—1,5 см) большей частью биконические, но имелось несколько экземпляров крупных шаровидной формы. В ожерелье оказалась одна гагатовая буса биконической формы. Подавляющее число стеклянных бус: одноцветные (голубые, бирюзовые, темно-синие) глухого стекла бочковидной формы. Имелись также биконические уплощенные из прозрачного зеленого стекла; синяя шаровидная рифленая буса. В ожерелье выделялись размера-

[3] О курганной насыпи сведений нет.— *В. К.*

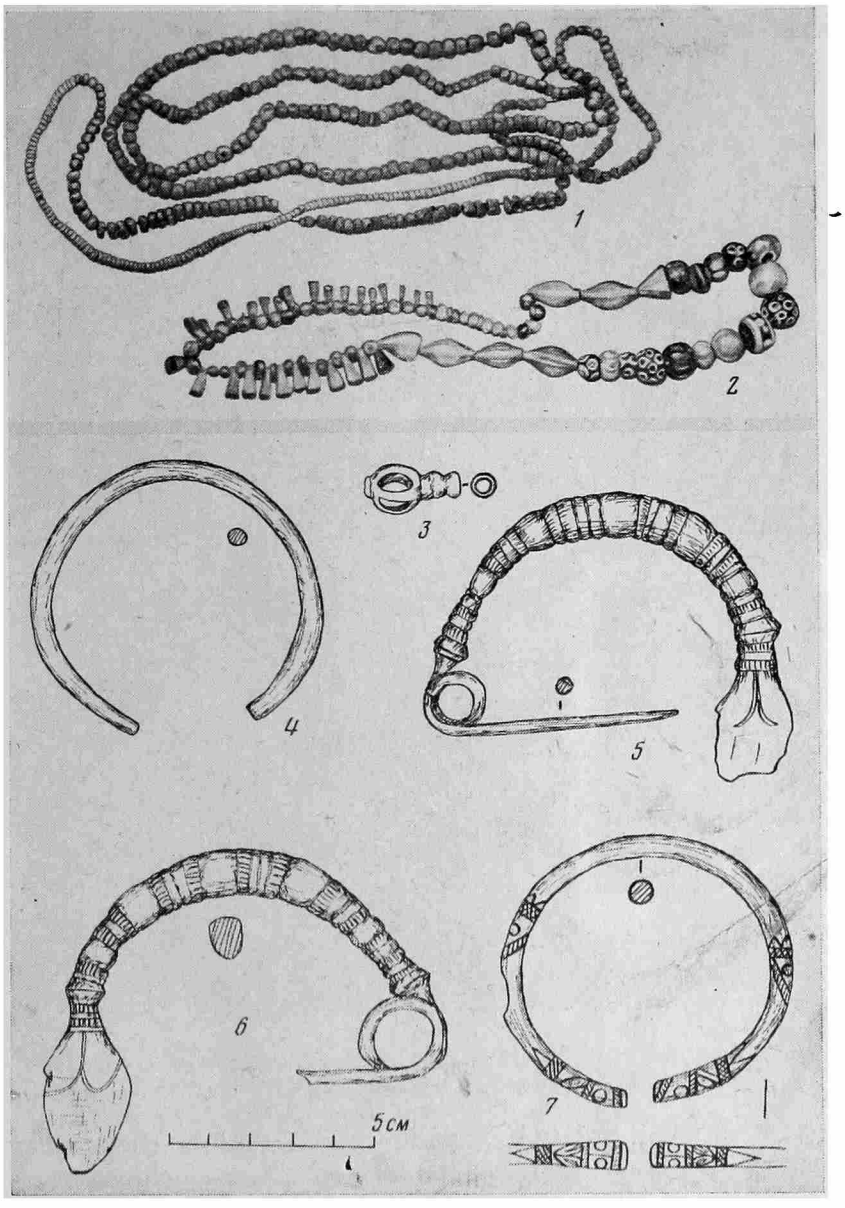


Рис. 3. Находки у хутора Пантелеймоновский: *1, 2* — бусы; *3* — ажурная пронизка; *4, 7* — браслеты; *5, 6* — фибулы. *1* — янтарь и египетская паста; *2* — стекло; *3—7* — бронза

ми многоцветные бусы: бочковидные синие с белыми колечками, синие и черные с выпуклыми белыми и коричневыми «глазками». Уникальна бочковидная буса из синего прозрачного стекла с тремя янтарными вставками — «глазками».

В 1964 г. на левом берегу р. Уруп, на западной окраине хутора Байбарис Отрадненского района Краснодарского края были собраны предметы [4] из размытой дождем древней грунтовой могилы, обложенной камнями. По сообщению находчика В. П. Науменко, в могиле было коллективное захоронение в сопровождении коня. Детали погребального обряда остались невыясненными. Из предметов погребального инвентаря сохранились следующие: 1. Лепной чернолощенный кувшин (рис. 4, *1*) без ручки. Он имел шаровидный корпус, расширенное кверху горло и прямой слегка отогнутый наружу венчик. На плечиках — два рельефных

[4] Хранятся в школьном музее хутора Ильич Отрадненского района Краснодарского края.

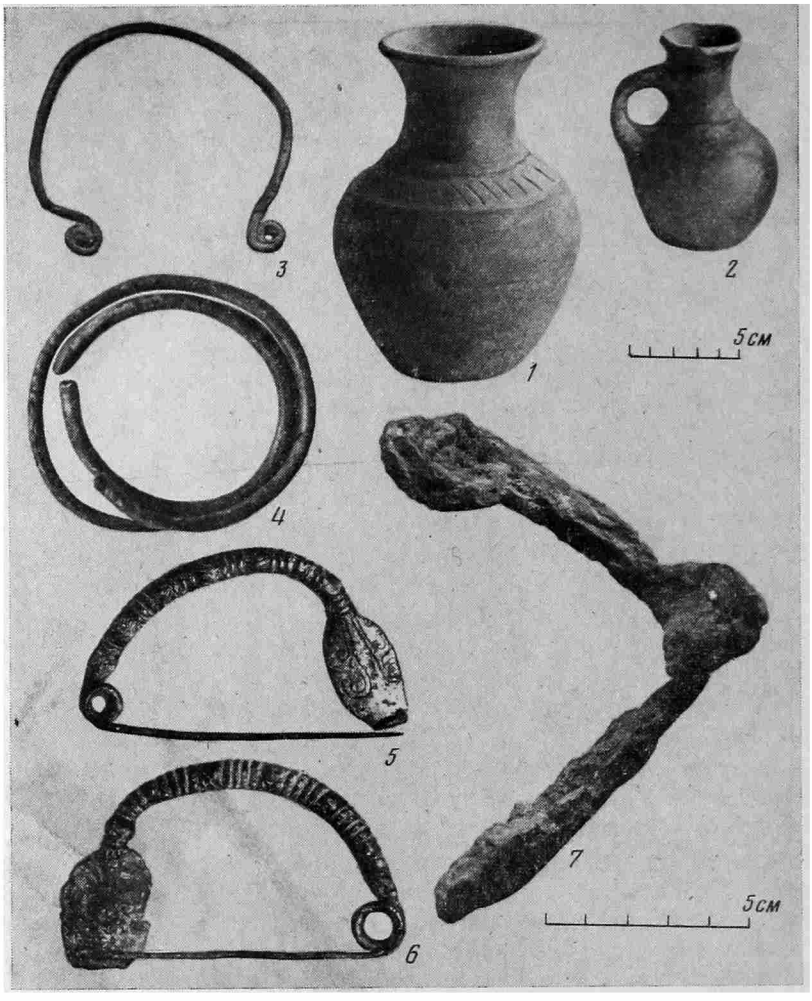


Рис. 4. Находки у хутора Байбарис: *1, 2* — сосуды; *3, 4* — браслеты; *5, 6* — фибулы; *7* — удила. *1, 2* — глина; *3—6* — бронза; *7* — железо

валика и между ними косые нарезные линии. Высота сосуда 17 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 6,5 см; 2. Лепной кувшин с ручкой (рис. 4, *2*). Поверхность серо-черная, лощеная. Сосуд имел расширенное кверху горло, шаровидный корпус и прямой слегка отогнутый наружу венчик. Между корпусом и шейкой сосуд был украшен рельефным валиком. Высота кувшина 11 см, диаметр горла 4 см, диаметр дна 4 см; 3. Браслет из овального в сечении бронзового прута (рис. 4, *3*). Концы несомкнуты, раскованы и закручены в спирали. Диаметр 7 см; 4. Браслет из круглого в сечении бронзового прута, скрученного в спираль в два оборота (рис. 4, *4*). Концы украшены стилизованным изображением головок змеи. Диаметр 9 см; 5. Две бронзовые массивные фибулы, дуговидной формы с двувитковой пружиной и широким пластинчатым иглодержателем (рис. 4, *5*, *6*). В сечении фибулы круглые. Лицевая сторона рельефная, орнаментированная продольными и поперечными насечками. Щиток иглодержателя украшен гравированным узором в виде завитков (рис. 5, *1, 2*). Размеры фибул: 5,5 см×10 см; 6 см×10 см; 6. Буса, крупная бочковидная, синего глухого стекла с семью белыми колечками; 7. Железные удила, двучленные, с концами, загнутыми в кольцевидные петли. Удила сильно коррозированные, но все же можно определить, что в сечении звенья были прямоугольные. Длина звеньев 11 см (рис. 4, *7*).

Кроме вышеперечисленных находок в 1964 г. в 4 км западнее хутора Ильич, в урочище Редкодубье были найдены случайно еще две бронзо-

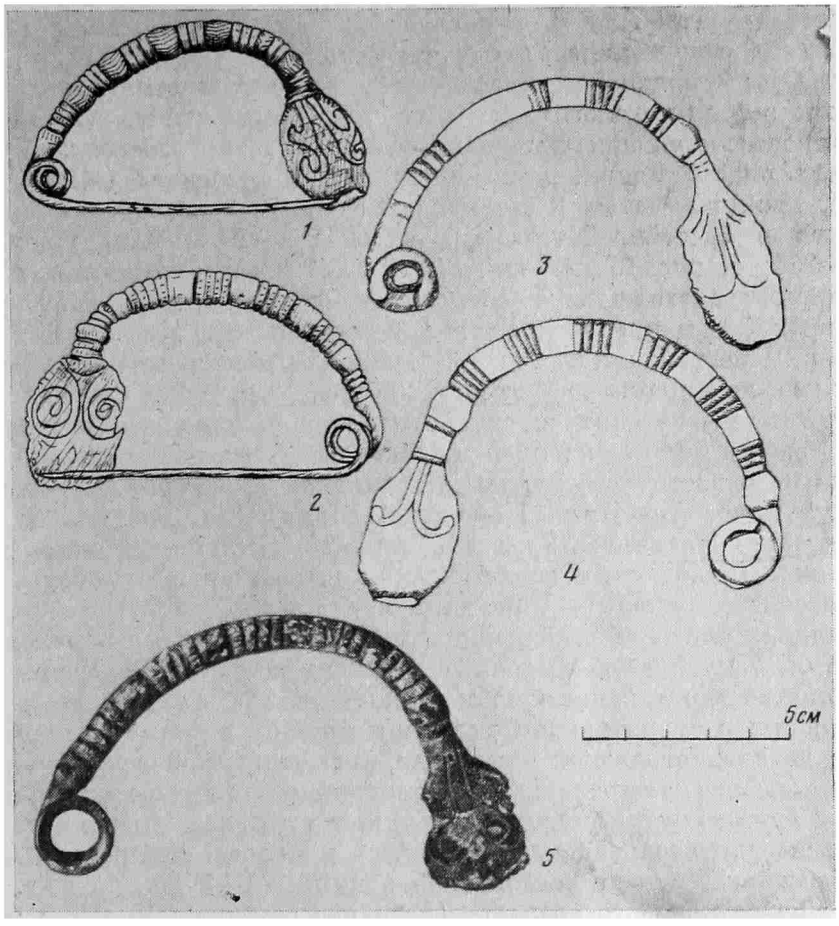


Рис. 5. Бронзовые фибулы из бассейна Урупа: *1, 2* — хутор Байбарис; *3, 4* — хутор Ильич; *5* — район сел. Курджиново

вые массивные фибулы (рис. 5, *3, 4*), чрезвычайно близкие по форме к образцам из хутора Пантелеймоновского и, особенно, из хутора Байбарис. Несмотря на худшую сохранность по сравнению с названными выше, было совершенно очевидно, что по общим пропорциям, способу застежки и форме иглодержателя, по стилю орнамента они относятся к одной и той же узколокальной группе. Размер фибул: 6,5×10 см; 7×10,5 см.

В 1977 г. почти тождественная по форме, размерам и орнаментации бронзовая массивная фибула (рис. 5, *5*) была передана в Институт археологии АН СССР жителем сел. Курджиново (Карачаево-Черкесия) Н. Оханько. Фибула (7×12 см) была случайно найдена в окрестностях селения в верховьях Урупа и Большой Лабы. Комплексы из бассейна Урупа очень сходны с тебердинско-домбайскими и, так же как и они, находят много близких параллелей в материалах позднекобанской культуры более восточных областей. Отдельные аналогии встречаются для них в материалах Юго-Осетии и Колхиды античного периода, а также на территории собственно Скифии. Так, например, бронзовые браслеты с изображением на концах хищника с прижатыми ушами, близкие типологически и стилистически браслетам из хутора Пантелеймоновского, известны в погребениях VI—V вв. до н. э. старшей группы могильника Гуадиху (№ 8, 11, 23) в Колхиде [21, табл. III, *9*, *12*, с. 26, 31, 32, 39]. Античным временем датированы браслеты с аналогичными изображениями головок животных из погребения у с. Урсдзуар в Юго-Осетии [26, табл. IV, *6*, *17*, с. 140]. На территории Скифии браслеты, близкие по сюжету, но менее стилизованные, встречены в курганах V в. до н. э.

в Посулье (курган А у с. Басовка) [27, табл. XXIX, *16*, *17*]. Отличались они от северокавказских и сплошной орнаментацией по лицевой стороне. О многовитковых браслетах, украшенных стилизованным изображением змеиных головок, мы уже упоминали выше. Ажурные бронзовые пронизки неоднократно встречались в погребениях VI—V вв. до н. э. в ряде памятников позднекобанской культуры (Карабашево на Марухе, Нижний Чечем и Долинское в междуречье Чегема и Баксана, Ца-ведено в бассейне Хулхулау, Луговой в Ассинском ущелье) [28, с. 261—264; 4, рис. 27, *13—14*, *25—27*, *28*]. Состав ожерелья из хутора Пантелеймоновского близко сопоставим с некоторыми ожерельями из стеклянных бус и привесок Лугового могильника [11, рис. 8, *2*; 18, *1*], например, в погребениях 21 и 48. В том же могильнике находят аналогии и железные удила из хутора Байбарис. Урупские фибулы по большинству типологических и стилистических признаков (размеры, пропорции, форма, орнаментация) близки фибулам из могильников VI—V вв. до н. э. восточного варианта кобанской культуры (Луговой, Истису, Бойси-Ирзо, Ани-Ирзо, Ца-ведено, Шали) [11, рис. 10, *5*; 13, *1* и далее; 4, рис. 35, *2—4*; 29, с. 152, рис. 2]. Отличие их лишь в форме приемника. Приведенные сопоставления позволяют датировать материалы из бассейна Урупа VI—V вв. до н. э.

Очевидная близость всей группы позднекобанских материалов от бассейна Хулхулау (северо-восточный Кавказ) до бассейна Урупа доказывает единство моды в костюме и украшениях разных групп населения, проживавших в значительном удалении друг от друга. Выявленные различия в деталях отражают или локальную этнографическую специфику, или хронологическую разницу в материальной культуре отдельных родственных групп внутри единого культурного ареала. Анализ всех данных достаточно основательно свидетельствует в пользу синхронности памятников бассейна Урупа с восточнокобанскими VI—V вв. до н. э. и относительно более молодого возраста (не ранее середины V—IV в. до н. э.) домбайско-тебердинских находок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.
2. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
3. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
4. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-инг. кн. изд-во, 1972.
5. *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— АЭС, 1974, вып. 1.
6. *Анфимов Н. В.* Исследование памятников раннего железного века на Кубани.— АО-1966. М., 1967.
7. *Найденко А. В.* Раскопки в окрестностях станицы Исправной.— АО-1971. М., 1972.
8. *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
9. *Глушков Л. Н.* Хроника о работах в Ставропольском крае в 1955—1956 гг.— СА, 1957, № 4.
10. *Нечитайло А. Л.* Домбайские могильники.— АО-1967. М., 1968.
11. *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
12. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура северо-восточного Кавказа в скифский период.— СА, 1950, XIV.
13. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М.: Наука, 1973.
14. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М.: Наука, 1971.
15. *Златковская Т. Д., Шелов Д. Б.* Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э.— СА, 1971, № 4.
16. *Vulpe R.* Ştudia Thracologica. Bucúreşti, 1976.
17. *Тодоровић Іован.* Каталог праисторијских металних предмета. Београд, 1971.
18. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974.

19. *Бигаев М. Х., Козенкова В. И.* Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
20. *Геродот.* История в девяти книгах. Кн. V, строфа 9. Л., 1972.
21. *Трапш М. М.* Труды. Т. 2, Сухуми, 1969.
22. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965.
23. *Бобин В. В.* Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН СССР, 1957.
24. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д4-5. М., 1978.
25. Фонды ГИМ, инв. № 95396.
26. *Пчелина Е. Г.* Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рух Юго-Осетии.— Изв. Юго-Осетинского НИИ, Цхинвали, 1969, вып. XV.
27. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
28. *Любин В. П.* Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии.— Тр. Карачаево-Черкесского НИИ, 1964, вып. IV, Сер. истор.
29. *Козенкова В. И.* Предметы из Ца-ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н. э.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.

V. I. Kozenkova and M. N. Lozhkin

LATE KOBAN CULTURE FINDINGS IN THE UPPER KUBAN

Summary

The authors publish some new 6th-4th-century B. C. materials from the basin of the Teberda, Dombai-Ulgen and Urup rivers. Comparison with materials from more eastern regions of the Northern Caucasus points to their Koban affiliation. A detailed stylistic and typological analysis of these materials from mid-1st millennium B. C. monuments in the upper Kuban (bracelets, grivnas, axes, fibule and deads) suggests that the late Koban population of the upper reaches of the Kuban maintained contacts with the Colchis, the northern Black Sea coast and the Balkans.

БЁТТГЕР Б.

АМФОРЫ С НАДПИСЯМИ ИЗ ТАНАИСА

В июле 1977 г. благодаря любезному приглашению проф. Д. Б. Шелова я получил возможность принять участие в раскопках Танаиса, проводимых Нижнедонской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения (начальник экспедиции Т. М. Арсеньева). Одна из задач моей работы состояла в раскрытии на раскопе VI подвала, обозначенного буквами ВБ, составляющего часть большой усадьбы [1, с. 102]. Наземное помещение над подвалом не сохранилось, оно было разрушено во время перестроек, предпринятых в конце IV в. н. э., в это же время частично была разрушена и северная стена исследуемого подвала (рис. 1).

Подвал в плане представлял собою неправильный четырехугольник, вытянутый с востока на запад, со сторонами длиной в 4,10; 4,60; 4,20 и 4,80 м. Наибольшая высота сохранившейся части подвала в юго-восточном углу достигала 2,10 м. Пол — неровная подтесанная скала. Стены сложены, как и все танаисские сооружения этого времени, из необработанного или плохо обработанного камня, мелкого и среднего. Вход находился в восточной стене. Подвал был заполнен завалом камней от рухнувших стен и грунтом. Находки состояли главным образом из керамического материала, всего в подвале находилось по меньшей мере 227 сосудов, среди них 169 светлоглиняных амфор, 37 красноглиняных амфор, 15 горшков, 1 корчага, 3 кувшина и 1 тарелка. Преобладание амфор указывает на складские функции подвала.

Небольшие светлоглиняные узкогорлые амфоры (рис. 2, *1*) составляют основную массу находок в подвале, как и во всех разрушенных в середине III в. н. э. помещениях Танаиса [2, с. 33, 117 сл. табл. XXXVII, *91—93*; 3, с. 100, рис. 2; 4, с. 100; 5, с. 18]. Среди светлоглиняных амфор особо следует отметить 7 экз. редко встречаемой крупной модификации, которые при сохранении всех пропорций и деталей повторяют меньшую «стандартную» форму (рис. 2, *2*) [5, с. 19, рис. 1, 7].

Среди крупных красноглиняных амфор интересен обломок горла с реберчатой поверхностью стенок (рис. 2, *3*) с надписью, исполненной красно-бурой краской. Левая часть надписи состоит из непонятной для меня комбинации букв или знаков. Правая часть выглядит как лигатура из букв М и Е.

Танаис — место находки многих сотен черепков и целых сосудов, главным образом амфор с надписями. Многие из них происходят из «закрытых» и надежно датируемых комплексов и дают хорошие предпосылки для их чтения. Научная литература по данному вопросу небольшая. Этот материал представляет настолько сложную проблему, что трудно пока прийти к каким-то определенным заключениям о значении этих надписей, об их отношении к содержанию амфор, а также интерпретировать их в связи с историей позднеантичной экономики вообще [6, с. 127; 7, с. 29; 2, с. 39; с. 158—162].

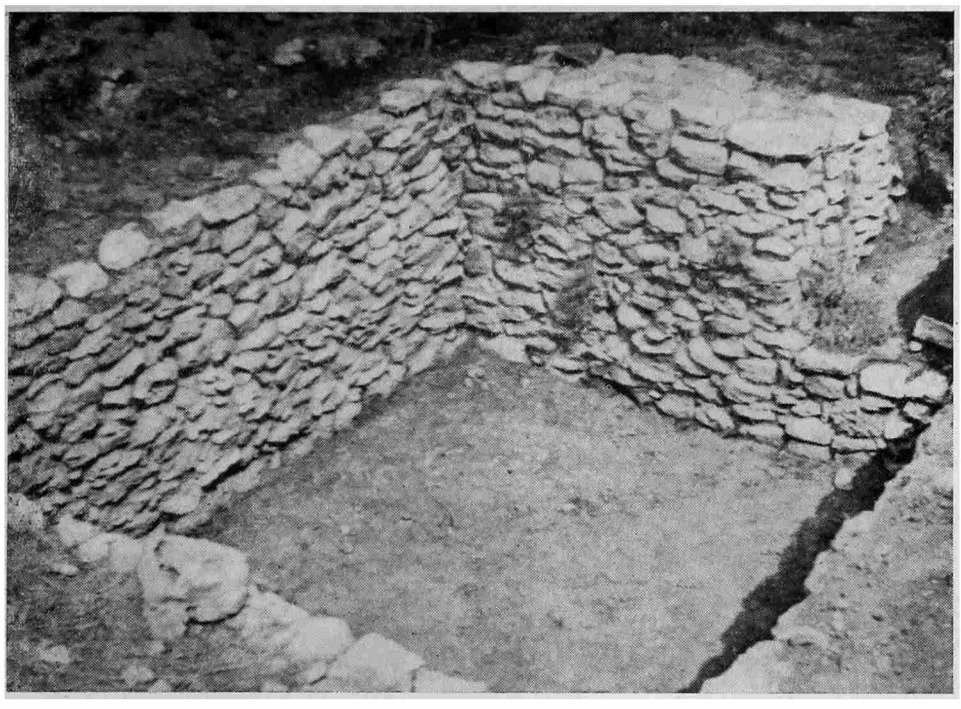


Рис. 1. Подвал ВБ, вид с юго-запада

В общей сложности было найдено 273 надписи, из них 268 на светло-глиняных амфорах и 5 — на красноглиняных. Естественно, не все они читаются, поскольку сохранность многих плохая. Обращает на себя внимание факт, что число надписей на светло-глиняных амфорах превышает минимальное количество амфор этого типа (169). Одна из причин заключается в том, что мы имеем именно минимальное количество, дающее нижнюю квантитативную границу, кроме того, часто несколько надписей находилось на одном и том же сосуде одновременно. Приводимый ниже список должен дать представление о характере этих надписей (позиция I, т. е. место наложения дипинто, означает, что надпись нанесена под венчиком, позиция II — на горле, позиция III — на плечиках, рис. 3—5). Нельзя не упомянуть о том, что на некоторых амфорах, часто прямо под венчиком на стороне без надписи находится клеймо, которое оттиснуто производителем амфоры еще по сырой глине. Речь идет о слогах ΔΙ (без рамки; рис. 3, *11*; 4, *15* и *21*) и ΚΑ (с рамкой; рис. 3, *12*; 4, *16*).

Образцы письма, воспроизведенные на рис. 3—5, позволяют заключить, что надписи выполнены разной рукой. Это следует из толщины линий, проведенных кистью, и из форм букв, в то время как краска заметным образом одинакова и часто имеет яркий красно-бурый цвет. Более светлой краской исполнены слоги χαρ, φι и (β)αγ.

Не имея возможности останавливаться подробно на чертах сходства и различия в формах букв, следует все же указать на некоторые характерные примеры. α представлена по меньшей мере тремя различными формами (рис. 3, *1*, *4*; 4, *15*). То же относится и к β (рис. 3, *2*; 4, *16*; 5, *35*). Легко найти соответствующие примеры и для ε (рис. 3, *1*; 4, *15*, *16*, *18* и *22*; 5, *40*, *43*, *44*), равно как и в лигатуре его с μ (рис. 5, *52—54*). В то время как μ довольно единообразно, для π (рис. 4, *29—31* и *32*) и для ρ (рис. 3, *4*; 5, *52* и *54*) можно выделить два варианта. Заметно единообразному сочетанию με̣ν противостоит небрежное начертание χαρ (рис. 5, *45*) и φι (рис. 5, *47*, *48*). Лишь время от времени встречается буква, написанная ретроградно: ν на рис. 5, *44*.

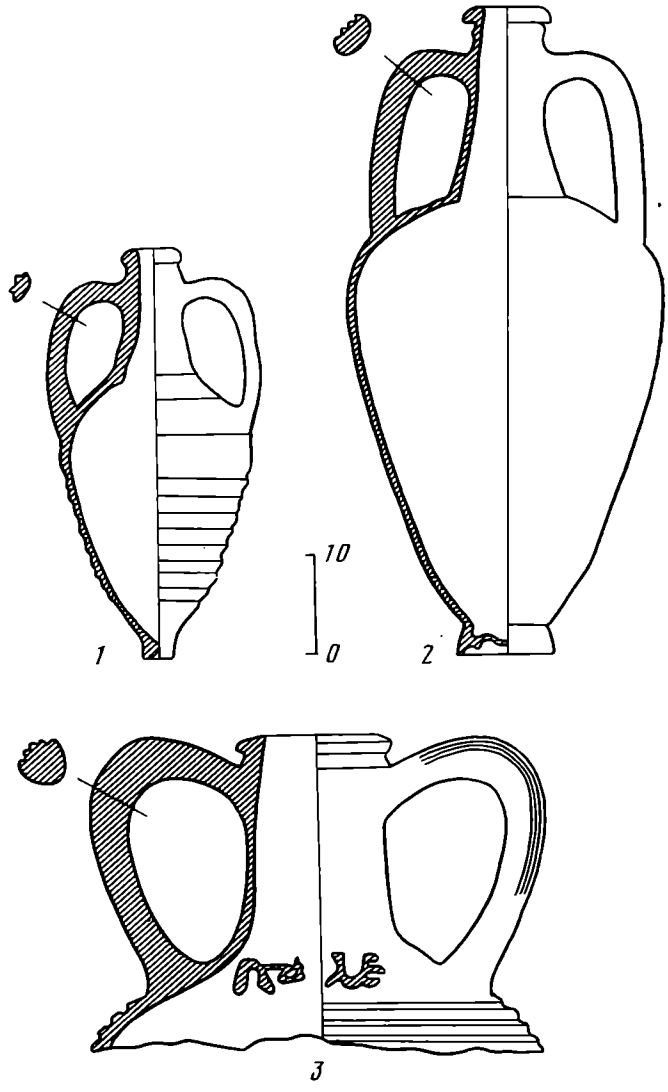


Рис. 2. Амфоры из подвала ВБ: *1—2* — светлоглиняные амфоры, *3* — красноглиняная амфора

При таком разнообразии форм букв и способов движения кисти встает вопрос о том, где и кем наносились эти надписи: производителем, отправителем, доставлявшим лицом или получателем. На этот вопрос, однако, можно ответить, как мне кажется, чисто умозрительно, пока мы не получим представления о значении этих надписей.

Если попытаться выяснить значение дипинти, то следует прежде всего исходить из наиболее полных форм надписей, занимающих на одном сосуде все три позиции. Такую форму мы имеем на некоторых целиком или в значительной степени реставрированных амфорах с объекта ВБ (заметим при этом, что далеко не все целые сосуды дают все три позиции!). Позицию I во всех 30 зарегистрированных случаях занимает одна буква либо лигатура из двух букв (8 случаев). При этом речь, по-видимому, может идти о маркировке крупных партий товара, включавших несколько амфор, так как, с одной стороны, позиция I встречается довольно редко по отношению к общему числу надписей, поддающихся учету в отдельных позициях (30 : 217), с другой стороны, за одним исключением (№ 1), у нас нет надписей, совпадающих по всем позициям. На основании имеющихся в наличии букв можно говорить по крайней мере о восьми партиях товара.

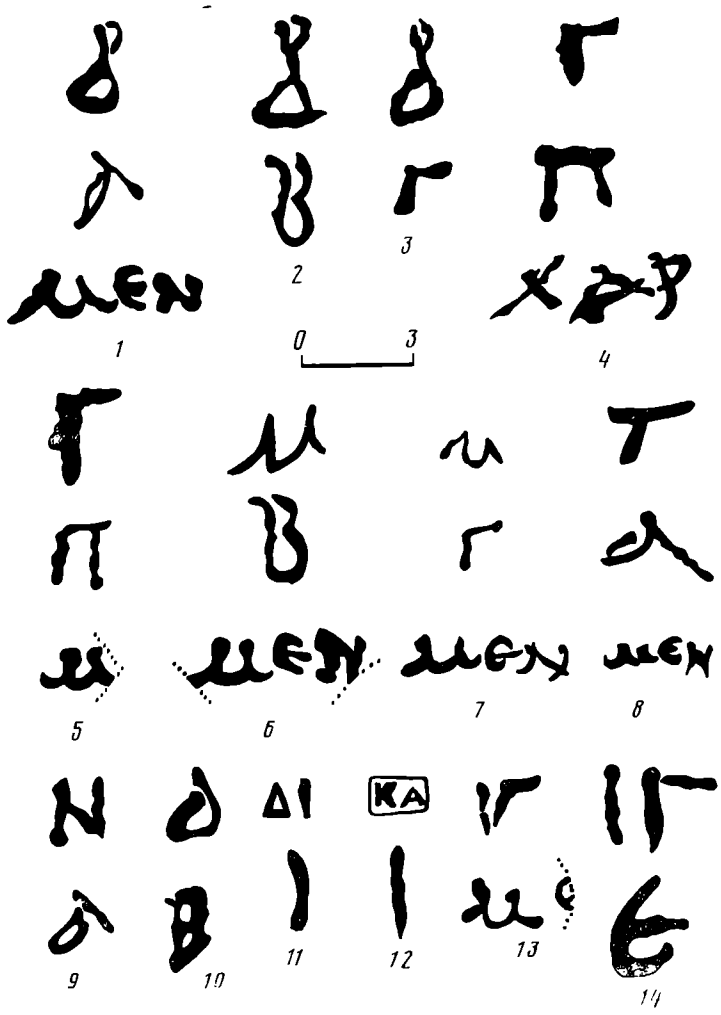


Рис. 3. Надписи на амфорах из подвала ВБ

Если в надписях позиции I можно предположить маркировку партий товара, то в позиции II следует ожидать указание на количество содержимого той или иной амфоры. К сожалению, однако, только № 19—37 дают группы букв, которые можно интерпретировать в этом смысле: начиная от $\iota = 10$ и до $\varkappa\varepsilon = 25$ встречаются числа, подходящие для обозначения размера сосудов. При том, что зарегистрированная числовая шкала идет почти без лакун, спорным остается вопрос о применявшейся здесь мере объема, поскольку во всяком случае эти амфоры были стандартными (около 3 л, равных примерно 6 ксестам). Здесь могли бы помочь исследования по местной, т. е. боспорской или синопской [1], системе мер объема. Прочие одиночные буквы или пары букв (№ 1—18, 38—61) не допускают их толкования в качестве указаний объема в обычном смысле (так, если $\lambda\alpha = 81$ только теоретически допустимо для миниатюрного сосуда, то $\delta\alpha$ или $\delta\vartheta$ невозможно трактовать как число). Поскольку и другие аналогии из Танаиса не дали до сих пор никаких дальнейших разъяснений, вопрос о большей части надписей позиции II следует считать нерешенным. Возможность же скользящей нумерации отдельных амфор внутри партии товара исключена потому, что 5 раз (№ 1—2, 5—6, 7—8, 9—10, 15—16) при 18 имеющихся для сравнения случаев в позициях I и II встречаются одинаковые надписи.

[1] Синопское происхождение этих амфор предполагают И. С. Каменецкий [9, с. 29], В. И. Кадеев [10, с. 131, 139, 143], Д. Б. Шелов [5, с. 20].

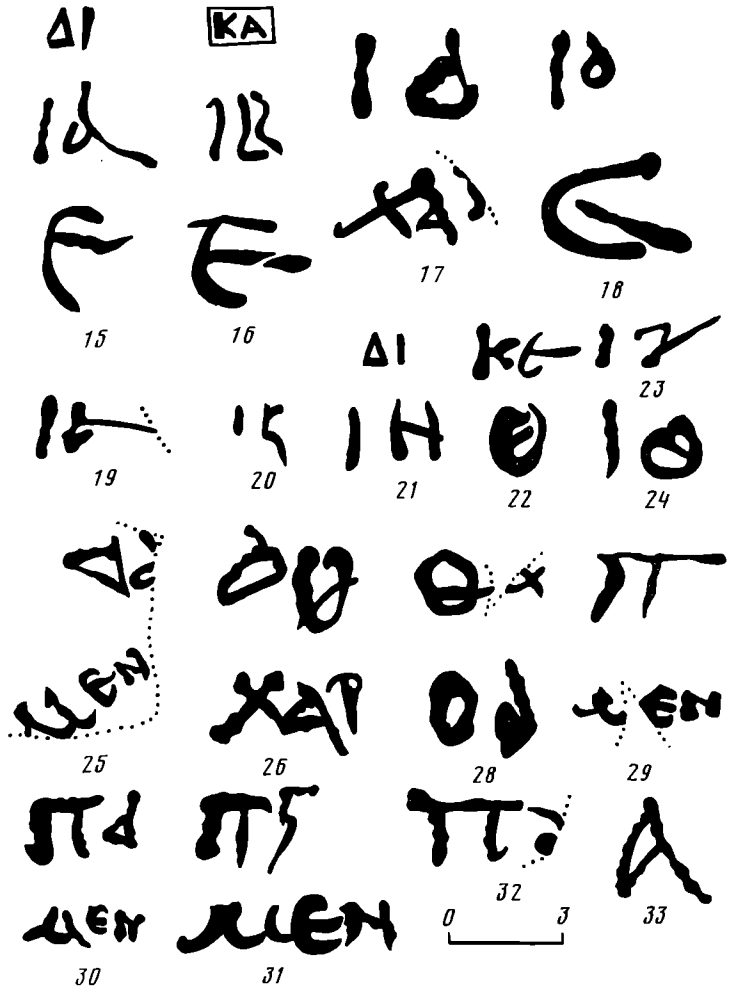


Рис. 4. Надписи на амфорах из подвала ВБ

Напротив, более ясно положение дел с позицией III. На плечиках амфор в 125 случаях нанесены сокращения личных имен [8, с. 161]. Интересно при этом количественное распределение надписей по начальным слогам имен: 63 раза появляется μεν, из них 46 раз (№ 62) на фрагментах плечиков без восстанавливаемой связи с другими надписями в позициях I и II либо отдельно в позиции I или II. Для χαρ (6 раз изолированно, № 63) имеется девять примеров, для (β)αγ (№ 67) — 1, для μεχρ на крупном варианте амфор (№ 68) — 7, для φι (№ 65) — 17 и для ε (№ 66) — 27 примеров, причем остается спорным, действительно ли последняя надпись представляет собой сокращение имени. Если следовать интерпретации Д. Б. Шелова [2], то мы должны были бы видеть в сокращениях имен μεν, χαρ, φι и ε даже четырех лиц, пользовавшихся складом припасов ВБ. На эту же мысль наводит и частота встречаемости сокращений отдельных имен. Один раз встречается (β)αγ (№ 67), которое в Танаисе хорошо известно по сравнительно большому количеству дипинти из других раскопов, чей почерк трудно с чем-либо спутать; один раз — χαρ и μεν вместе на фрагменте плечиков (№ 64). Поскольку обе надписи, по всей видимости, синхронны и, вероятно, исполнены одной и той же рукой, они делают очевидными тесные контакты обоих компаньонов. Примечательно, что 7 раз встреченное

[2] Находки в подвале Д; ΑΛΕ, ΝΑΥ, ΣΑΜ указывают на нескольких использовавших его лиц [8, с. 161].

Список надписей на амфорах

№	Позиция I	Позиция II	Позиция III	Количество	Рисунок
1	8=δρ в лигатуре	α	μεν	2	3, *1*
2	8	α	–	2	
3	8	β	–	3	3, *2*
4	8	γ	–	1	3, *3*
5	γ	π	χαρ	1	3, *4*
6	γ	π	μεν	1	3, *5*
7	μ	β	μεν	1	3, *6*
8	μ	β	–	2	
9	μ	γ	μεν	1	3, *7*
10	μ	γ	–	3	
11	μ	–	–	1	
12	ν	α	–	1	*3*, 9
13	ν	–	–	5	
14	δ	β	–	1	3, *10*
15	τ	α	μεν	1	3, *8*
16	τ	α	–	2	
17	ϑ	–	–	1	
18	ϛ	–	μεν	1	
19	–	ι	–	3	3, *11* и *12*
20	–	ια	–	5	
21	–	ια	ε	1	4, *15*
22	–	ιβ	–	1	
23	–	ιβ	ε	2	4, *16*
24	–	ιγ	–	3	
25	–	ιγ	μεν	1	3, *13*
26	–	ιγ	ε	1	3, *14*
27	–	ιδ	χαρ	1	4, *17*
28	–	ιδ	ε	1	4, *18*
29	–	ιδ	–	4	
30	–	ιε	–	1	4, *19*
31	–	ιϛ	–	1	4, *20*
32	–	ιη	–	3	4, *21*
33	–	ιη	ε	1	
34	–	ιξ	–	1	4, *23*
35	–	ιϑ	–	3	4, *24*
36	–	ιϰ	–	1	
37	–	ϰε	ε	1	4, *22*
38	–	αδ	–	1	
39	–	δα	μεν	1	4, *25*
40	–	δϑ	μεν	1	
41	–	δϑ	χαρ	1	4, *26*
42	–	δϑ	–	2	
43	–	ϑα	–	1	4, *27*
44	–	λγ	–	1	
45	–	λδ	–	1	
46	–	οδ	–	1	4, *28*
47	–	π	–	8	
48	–	π	μεν	2	4, *29*
49	–	πα	–	1	4, *32*
50	–	πδ	–	2	
51	–	πδ	μεν	2	4, *30*
52	–	πϛ	–	1	
53	–	πϛ	μεν	2	4, *31*
54	–	α	–	2	4, *33*
55	–	β	–	7	5, *34* и *35*
56	–	γ	–	1	
57	–	δ	–	4	5, *36*
58	–	ϛ	–	4	
59	–	ϛ	μεν	2	5, *39*
60	–	η	–	3	5, *37*
61	–	ϑ	–	3	5, *38*
62	–	–	μεν	46	5, *40–44*
63	–	–	χαρ	6	5, *45*
64	–	–	χαρ μεν	1	5, *46*
65	–	–	φι	17	5, *47*, *48*
66	–	–	ε	19	5, *50*, *51*
67	–	–	(β)αγ	1	5, *49*
68	–	–	μεχρ	7	5, *52–54*

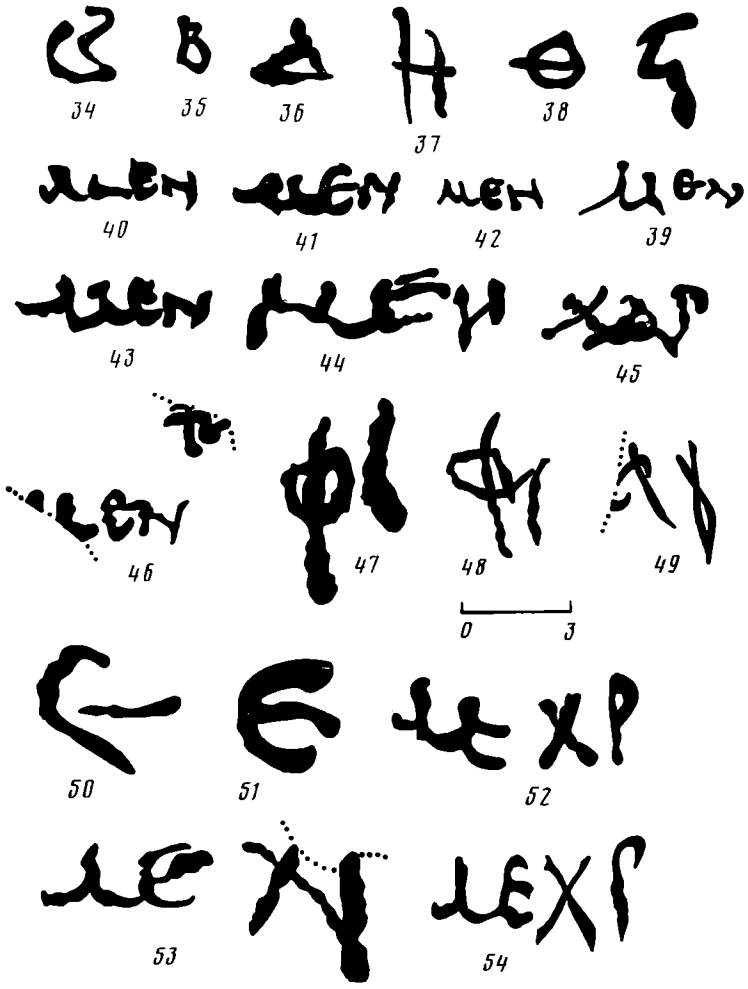


Рис. 5. Надписи на амфорах из подвала ВБ

μεχρ проявляется только на амфорах более крупной модификации. К тому следует добавить, что на этих амфорах не попалось никаких других надписей, кроме μεχρ. Отсутствие на них дипинти в позициях I и II хорошо согласуется с тем, что форма этого варианта амфор не предназначалась для транспортировки; это в свою очередь приводит к выводу о том, что надписи позиций I и II стоят в некоей связи с наполнением и перевозкой амфор.

Таким образом, исследуя находки из подвала, мы получаем лишний пример уже неоднократно засвидетельствованного для Танаиса подвального склада товаров, хранившего определенное количество небольших амфор для жидкостей и меньшее число больших амфор для зерна. Амфоры, происходившие по меньшей мере из восьми партий, принадлежали четырем различным владельцам, пользовавшимся складом сообща. Что же касается восстановления имен этих владельцев по начальным слогам, то это должно стать задачей специалистов по ономастике Боспорского царства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньева Т. М., Деопик Д. В.* Работы в Танаисе.— АО — 1977. М., 1978.
2. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
3. *Деопик Д. В., Карапетянц А. М.* Некоторые принципы описания применительно к возможности статистического анализа.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.

4. *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками.— СА, 1972, № 3.
5. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология.— КСИА АН СССР, 1978, № 156.
6. *Беляев С. А.* Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса 1961 г.— НЭ, 1968, VII.
7. *Книпович Т. Н.* Танаис. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
8. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
9. *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижнегниловского городища.— КСИА АН СССР, 1963, № 94.
10. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1970.

B. Böttger

AMPHORAE WITH INSCRIPTIONS FROM TANAIS

Summary

Excavations in 1977 revealed a cellar (Fig. 1) filled with stones during the destruction of the town in the mid-3rd century A. D. It contained mainly narrow-mouthed amphorae made of light clay (Fig. 2, 1). Almost all the Tanais amphorae (including those from the cellar) bear inscriptions in red paint. All in all, 273 inscriptions were found, probably made by different people (Figs. 3, 4, 5). The inscriptions under the rim – the 1st position – are trade marks, on the neck – the 2nd position – have yet to be interpreted, and along the shoulders — the 3rd position — are abbreviations of personal names, the latter being divided into four groups, which suggests four different owners.

ОСТРОВЕРХОВ А. С.

ДРЕВНЕЙШЕЕ АНТИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛЯННЫХ БУС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Во второй волне греческой колонизации Днепровского и Бугского лиманов [1], которая приходится примерно на первую половину — середину VI в. до н. э. [4, 5], активное участие принимали ремесленники: металлурги, гончары, каменщики, плотники и др. Это явилось отражением общего процесса перемещения части производительных сил античного общества на периферию известного тогда мира [6]. Однако вплоть до недавнего времени у нас не было достоверных данных, которые могли бы свидетельствовать о существовании в древнегреческих городах Северного Причерноморья в I тысячелетии до н. э. стеклоделательного производства [7, с. 12].

В 1973 г. Херсонской археологической экспедицией ИА АН УССР на берегу Ягорлыцкого залива Черного моря (рис. 1) был открыт новый античный памятник — ремесленный центр, возникший и функционировавший в эпоху ионийской колонизации края — в конце VII — первой половине VI в. до н. э. Здесь наряду с другими производствами, связанными с высокотемпературными режимами: добычей железа сыродутным способом и литьем цветных металлов [8; 9; 10, с. 12—17],— обнаружены следы древнейшего на юге Европейской части СССР производства стекла и стеклянных бус. Частично эти материалы уже опубликованы [11—13].

Стеклоделие на Ягорлыцком поселении засвидетельствовано находками стекловаренных тиглей конусовидной и горшковидной формы, заполненных внутри стеклянной массой или со следами стекла на их внутренней поверхности (рис. 2), кусками фриты-полуфабриката и большой коллекцией бус, изготовленных из глухого и полупрозрачного стекла [2]. Большая часть изделий имела признаки брака: деформированные, колотые, с перекошенным и не до конца пробитым отверстием, со следами небрежного отрыва от стеклянной палочки и другими производственными дефектами. Помимо этого, в северной части поселения, где предположительно локализуется одна из стекловаренных мастерских, функционировавших на памятнике (рис. 3), постоянно и в большом количестве встречаются сильно распавшиеся бусы, которые практически нельзя учесть.

Бусы, изготавливавшиеся на Ягорлыцком поселении, можно разделить на биконические, округлые и глазчатые (рис. 4).

Часть биконических бусин имеет высоту 1,0 см, диаметр 0,7—0,8 см. Отверстие коническое в разрезе, диаметром 0,3—0,4 см. Основное коли-

[1] Бытующий в настоящее время историко-экономико-географический термин «Нижнее Побужье», служащий для обозначения территории, освоенной эллинами [1—3], значительно сужает реально существующие границы греческой экспансии в микрорайоне. Более приемлемым поэтому нам представляется термин «район Днепровского и Бугского лиманов».

[2] Иногда в литературе изделия из глухого стекла называются «пастовыми». Этот, хотя и укоренившийся, термин является ошибочным [14, с. 307].

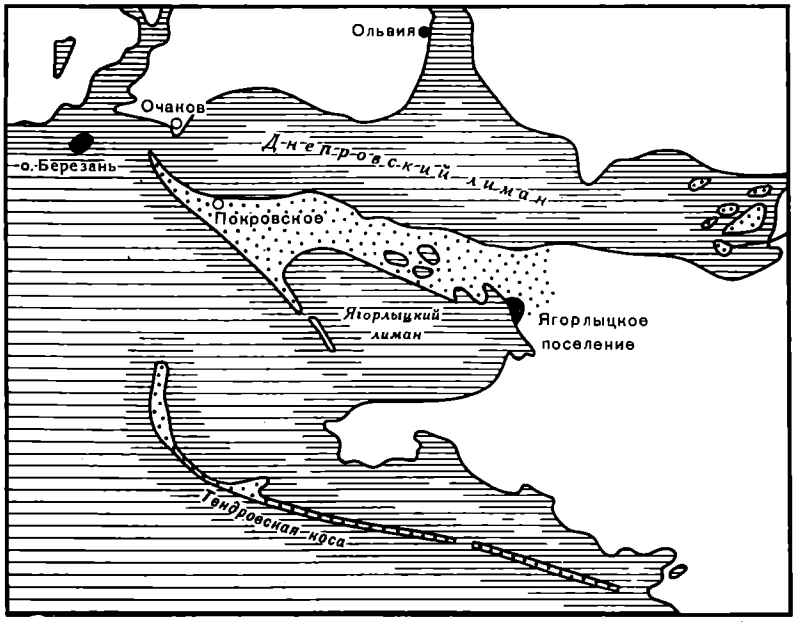


Рис. 1. Район Днепровского и Бугского лиманов и расположение Ягорлыцкого поселения

чество бус зеленого, часть светло-зеленого и оливкового (янтарного) цветов.

Остальные бусы имеют высоту 1,0 или 1,3 см, диаметр соответственно 1,0 и 1,3 см. Отверстия конические в разрезе, с бо́льшим диаметром 0,4—0,5 см и меньшим 0,1—0,2 см. Цвет золотистый со светло-зеленым и голубоватым оттенками. Отверстие канала в большем диаметре во всех бикопических бусах имеет мягкий овал вовнутрь и знак в виде «запятой» — след от формовочных клещей.

Внешний диаметр округлых бусин колеблется в пределах 0,5—0,6 см, внутренний — 0,2—0,3 см. Высота бус 0,4—0,7 см. Вокруг канала некоторых бусин имеются выступы — следы отрыва от стеклянной палочки. Цвет синий и голубой.

Основа глазчатых бус изготавливалась главным образом из темно-коричневого глухого стекла. Отверстия формировались на основе керамической трубочки, а также пробивались специальным коническим пробойником. Глазки слоисто-кольчатые. Кольца молочно-белого и серого цветов. Глазки бирюзовые и зеленые. Подобные бусы известны на Березани [3] и в Ольвии [15, с. 59, табл. 14, 50]. Слоисто-кольчатая и кольчатая техника исполнения глазков, как известно, характерна для бус VI—IV вв. до н. э. [15, с. 55].

Украшения, изготавливавшиеся в ягорлыцких стекольных мастерских, несмотря на кажущуюся простоту формы, а в силу этого и широкий хронологический и территориальный диапазоны распространения, в памятниках Северного Причерноморья и на смежных территориях встречаются на протяжении ограниченного отрезка времени и в определенных местностях. Особенно показательными в этом отношении являются биконические бусы. Так, они являются обычным сопроводительным материалом в архаических слоях Березани [4]. Эти же украшения встречаются в Ольвии, где датируются VI—V вв. до н. э. [16, с. 59]. Подобные изделия наряду с розетками и бисером белого и синего цветов являются характерной чертой лесостепных скифских ожерелий VI в. до н. э. [17, с. 141]. Чаще всего они встречаются на территории скифов-пахарей

[3] См., например, бусы из раскопок Березани Г. Л. Скадовским в 1900—1901 гг. Материалы хранятся в Херсонском краеведческом музее: ХЕМ-а, § 5679 и др.

[4] Сообщение В. В. Лапина.

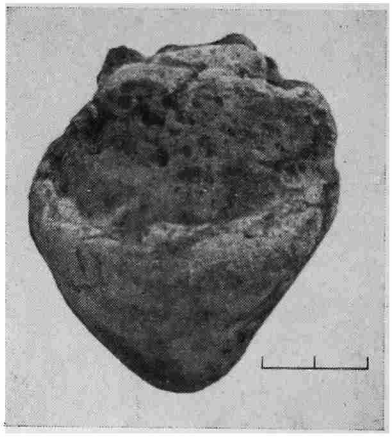


Рис. 2. Стеклянный тигль из Ягорлыцкого поселения

Геродота, в лесостепном Днепровском Правобережье [18, с. 152], Посулье (где некоторые исследователи локализуют раннескифский Геррос [17, с. 141]) и на Бельском городище в Поворсклье, в котором усматривают торговый город Гелон [19, с. 125, рис. 14]. В скифской степи такие бусы практически неизвестны. При пересмотре коллекций из херсонских курганов нам встретилась лишь одна биконическая бусина, которая по специфике пропорций и цветовой гамме соответствует изделиям, изготавливавшимся на Ягорлыцком поселении [5].

Иным районом сосредоточения украшений подобного рода является Северный Кавказ и особенно Луговой могильник. Там они датируются VI — рубежом VI—V вв. до н. э. [20, с. 243]. Биконические бусы известны и в савроматских памятниках Поволжья, где также датируются VI в. до н. э. [21, с. 150].

Таким образом, топография распространения биконических бус типа производившихся на Ягорлыцком поселении подчиняется общей специфике распространения раннего античного импорта в Северном Причерноморье: крайняя редкость его в степи и сосредоточение в лесостепных районах, на территории земледельческих племен [22, с. 37, 38, рис. 3]. В этом мы усматриваем проявление действия одного из законов древней торговли — преобладание далеких внешних связей над связью с ближайшими районами [23, с. 50].

Для того чтобы определить место и значение стекловаренных мастерских, открытых на Ягорлыцком поселении, в истории всего античного стекловарения и истории стекловарения в Восточной Европе, представляется необходимым предпринять небольшой экскурс в историографию рассматриваемой проблемы.

За неимением письменных и археологических данных еще совсем недавно считалось, что стекловарение на территории Восточной Европы появилось лишь в эпоху Киевской Руси [24]. В 1956—1957 гг. М. Ю. Смишко открыл стеклоделательную мастерскую на Среднем Днестре, неподалеку от с. Комаров в Черновицкой обл. Она датируется III—IV вв. н. э. и принадлежит проживавшим там дакам, которые освоили рецепты римской провинциальной школы стеклоделия [25—28]. Совсем недавно киевские археологи Е. В. Махно и С. Н. Братченко выдвинули предположение, что стекловаренные мастерские на территории нынешней Украины возникли еще в период средней бронзы, т. е. во второй четверти II тысячелетия до н. э. [29]. Однако это предположение базируется лишь на изучении стиля исполнения стеклянных бус, спорадически встречаемых в курганах позднекатакомбного времени, и не подтверждено археологическими находками остатков стекловарения. Поэтому вопрос поднят, как нам представляется, преждевременно. Преждевременно еще и потому, что авторы не сделали химических анализов стекол, которые они отнесли к северопричерноморскому производству, а основывались лишь на «чувстве стиля», «чувстве весьма заманчивом, но и весьма опасном» [30], могущем направить исследователя по ложному пути.

В дореволюционной русской и довоенной советской литературе считалось, что все стеклянные изделия, находимые в памятниках античного

[5] Материалы не опубликованы. Начальник экспедиции А. И. Кубышев. ХАЭ-1975, с. Привольное Скадовского р-на, к. 10, п. 2. Погребение датируется IV в. до н. э.

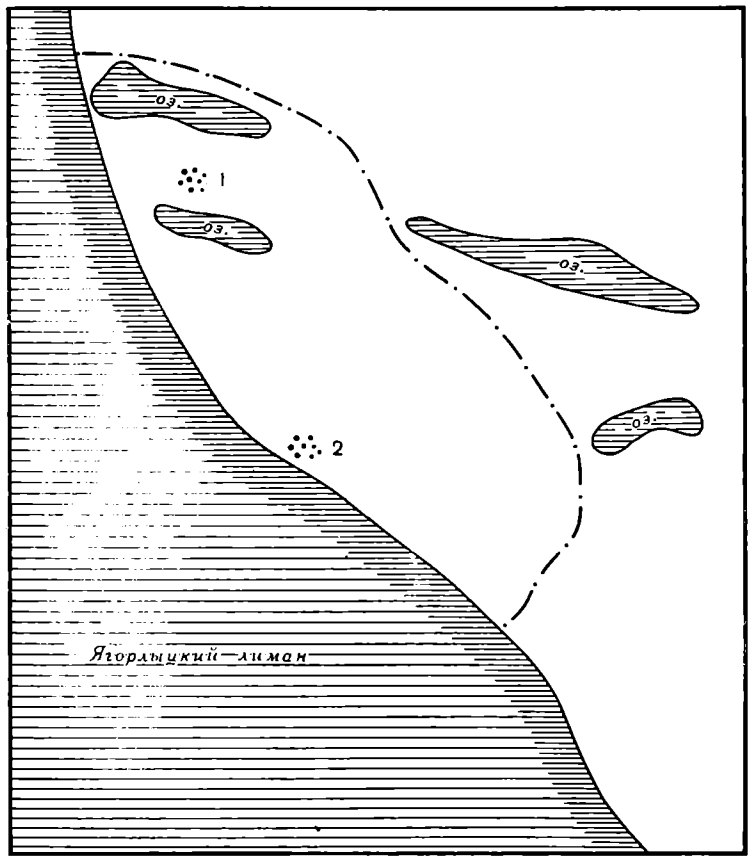


Рис. 3. План Ягорлыцкого поселения. *1, 2* — места массовых находок остатков стекловаренного производства

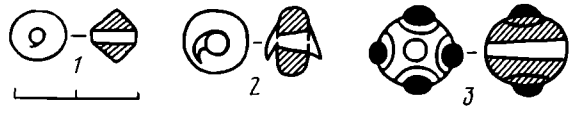


Рис. 4. Типы бус, изготавливавшихся на Ягорлыцком поселении

времени на территории Северного Причерноморья, имеют средиземноморское происхождение [31, с. 382]. В послевоенные десятилетия было доказано, что в римское время на Боспоре [32], в Танаисе [33] и Херсонесе [34, 35] существовали собственные стекловаренные мастерские. В Херсонесе и Танаисе помимо прочей продукции изготавливались и бусы. Предполагается существование стеклоделательных мастерских в первые века нашей эры в Пантикапее, Фанагории, Тиритаке [36, с. 75], Ольвии и Тире.

До открытия Ягорлыцкого поселения также считалось, что стеклянные бусы в доримское время полностью завозились из финикийских городов Тира и Сидона, а также египетских — Фив, Мемфиса, Навкратиса, а позднее и Александрии [7, с. 13; 20, с. 293; 37—39].

Первые стеклоделательные центры на территории материковой Европы, как в настоящее время принято считать, возникают лишь на рубеже нашей эры. К этому времени относится, в частности, стеклоделательная мастерская в Аквилее на северном побережье Адриатики [40].

Вплоть до недавнего времени ничего не было известно о существовании стекловаренных мастерских в Элладе. Ученые считают, что на Крите своего стеклоделия не было в течение всего античного периода [41].

№ п/п	Образец	Содержание, %				
		SiO_2	Al_2O_3	CaO	MgO	Na_2O
1	Биконическая бусина из светло-зеленого стекла (Ягорлык)	71,95	0,47	6,83	0,63	17,89
2	Бусина голубая (Ягорлык)	66,24	2,20	9,72	0,18	16,47
3	Глыбка голубого цвета (Ягорлык)	59,53	1,93	12,5	1,34	18,17
4	Глазчатая бусина					
	а) основа коричнево-зеленая	Осн.	7,5	11	3,4	14
	б) бирюзовый «глазок»	»	2,9	7	3,3	10
	в) серая зона	»	5,5	10	3,5	14
5	Глазчатая бусина					
	а) основа коричнево-зеленая	»	7,0	8	3,5	25
	б) зеленый «глазок»	»	6,5	10	3.3	19
	в) серая зона	»	5,5	10	3,7	25
6	Глазчатая бусина					
	а) основа коричнево-зеленая	»	0,6	13	0,62	25
	б) молочно-белая зона	»	1,8	13	0,55	25
7	Фритта светло-зеленая	»	6,5	8	2,0	10
8	Фритта бирюзово-голубая	»	0,8	12	1,4	22
9	Фритта синяя	»	3,4	10	1,7	10
10	Слой стеклянной массы на тиглях:					
	а) печеночно-красный	»	4,8	14	4,0	23
	б) бирюзовый	»	4,1	14	1,7	24
	в) светло-зеленый	»	4,5	7	1,4	17
11	Материал тигля	»	7,0	2,8	1,3	0,16
12	Биконическая бусина из кургана у с. Матусов	71,99	0,1	7,3	0,76	17,89
13	Средний химический состав древнеегипетского стекла	63,78	2,24	6,9	2,85	16,77

Лишь в 1966—1967 гг., во время раскопок античного дома на Родосе, были открыты остатки стеклоделательной мастерской, специализировавшейся на производстве бус. По сопроводительному материалу мастерская датируется концом III — началом II в. до н. э. [42, 43]. Стекловаренные печи, исследованные в Фессалии, относятся ко II—III вв. н. э. [44].

В настоящее время достоверно известно о существовании стеклоделательных мастерских в VII—VI вв. до н. э. в Египте, в частности в двух его городах — Мемфисе и Навкратисе [45], а также в Малой Азии — на морском побережье Сирии и в Месопотамии [24, с. 31; 46]. Ученые предполагают наличие стекольных мастерских в I тысячелетии до н. э. и в Карфагене [47].

Из приведенного обзора наглядно видно, что материалы ягорлыцкой мастерской заполняют значительный пробел в наших знаниях не только по истории стеклоделия в древнегреческих колониях на северных берегах Понта, но и всего античного стеклоделия архаического и классического периодов. Эти же материалы позволяют выделить для I тысячелетия до н. э. **северопричерноморский очаг стекловарения.**

В истории стеклоделия в зависимости от характера деятельности выделяется несколько типов мастерских. 1-й тип: в мастерской получали стекло из сырьевых материалов или из завезенных материалов и из полученного расплава вырабатывали изделия; 2-й тип: в мастерской плавили стекло из привезенной со стороны фриты-полуфабриката и затем из этой массы изготавливали продукцию; 3-й тип: мастерская сама не выплавляла стекло, а получала его со стороны в виде полуфабрикатов (например, стеклянных палочек) и обрабатывала его не в стекловаренных печах, а на других установках. Нам представляется, что открытая

K_2O	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	CuO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3	Источники
–	0,35	–	0,04	–	–	–	–	Хим. анализ (аналитик Л. В. Козловская, БПИ)
0,48	2,43	0,01	Н. о.	0,82	–	Н. о.	–	То же
0,33	1,98	0,03	»	0,98	–	»	–	Хим. анализ ИА АН УзССР (аналитик С. Джалалова)
3,5	2,1	0,08	0,4	0,01	0,0012	0,001	–	К. с. а. ЛОИА АН СССР (аналитик В. А. Галибин)
3,0	0,85	0,4	0,12	4,0	0,002	0,0055	–	
4,0	1,3	0,6	0,2	0,12	0,008	0,0025	–	ЛОИА, ан. № 165/38–40.
3,5	3,5	0,11	0,3	0,12	0,004	0,017	–	К. с. а. ЛОИА АН СССР (аналитик В. А. Галибин)
4,5	2,5	0,6	0,35	7,0	0,005	0,6	–	
4,2	1,9	0,18	0,35	1,1	0,004	0,16	–	ЛОИА, ан. № 165/41–33
–	2,0	0,015	0,08	0,012	0,004	–	–	ЛОИА, ан. № 165/44–45
–	0,3	0,013	0,05	0,006	0,005	–	7,5	ЛОИА, ан. № 164/37
6	2,3	0,065	0,6	0,27	0,025	0,016	–	ЛОИА, ан. № 164/39
3	0,8	0,016	0,11	1,4	0,04	0,1	–	ЛОИА, ан. № 164/40
3	1,1	0,028	0,22	1,1	0,02	0,02	–	ЛОИА, ан. № 164/44, 46, 49
4	1,7	0,045	0,4	1,3	0,014	0,025	–	
–	1,7	0,022	0,48	4,0	0,02	0,07	–	
4,5	2,3	0,032	0,30	0,27	0,02	0,04	–	
–	2,4	0,026	0,4	0,0022	0,01	–	–	ЛОИА, ан. № 164/50
–	Сл.	–	Н. о.	–	–	Н. о.	–	Хим. анализ (аналитик Л. В. Козловская, БПИ)
1,9	0,9	–	–	–	–	–	–	Безбородов, 1956, табл. 2

на Ягорлыцком поселении мастерская принадлежит к одному из первых двух типов. Однако отсутствие находок «обратного» боя и наличие стекловаренных тиглей с недовыработанным стеклом свидетельствуют, что здесь мы имеем дело со стеклоделательной мастерской, где ремесленники сами варили стекло из сырьевых материалов и вырабатывали из него различные изделия.

С целью определения характера сырьевых материалов и технологии изготовления бус на Ягорлыцком поселении в Проблемной лаборатории Белорусского политехнического института (аналитик Л. В. Козловская) и Институте археологии АН Узбекской ССР (аналитик С. Джалалова) были сделаны химические анализы ряда стекол, а в Лаборатории количественного спектрального анализа ЛОИА АН СССР (аналитик В. А. Галибин) — количественные спектральные анализы [6].

Химические составы древних стекол и технология изготовления стеклянных изделий, как известно, являются хронологическими характеристиками. Они позволяют проследить за передвижением технологических навыков и самих изделий из одних стран в другие и, кроме того, существенно дополняют характеристики, основанные на изучении стиля и формы изделий [48, с. 36; 49, с. 105].

Из приведенных в таблице анализов видно, что стекла, изготавливавшиеся в ягорлыцких мастерских, принадлежат к двум группам античных стекол: 1) натриево-кальциево-кремнеземные ($Na_2O—CaO—SiO_2$) — 1-я группа, I тип по классификации М. А. Безбородова; 2) натриево-калиево-кальциево-кремнеземные ($Na_2O — K_2O — CaO — SiO_2$) — 9-я груп-

[6] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить акад. АН БССР М. А. Безбородова и канд. хим. наук В. А. Галибина за помощь в организации проведения анализов и их интерпретации.

па, III тип [48, с. 155, рис. 47]. Обе группы относятся к трехкомпонентным стеклам. Для их изготовления применялись пески, щелочи и щелочные земли [50, с. 17]. Рецепт получения стекла из тройной шихты описан у Плиния Старшего: «Раковины и песок, выкопанный из рвов, варятся на легких и сухих дровах с добавлением меди и натра, более всего египетского» [51, XXXI—XXXV].

Из приведенного текста видно, что для целей стекловарения могли использоваться пески не только со специальных месторождений типа кварцевых песков из устья р. Белус [51, XXXVI, 194], но и более широкие категории этого сырья, содержащие значительное количество органогенного карбонатного материала в виде детрита и целых раковин моллюсков. Это избавляло от необходимости специально вводить третий компонент, содержащий щелочные земли. Во всяком случае, в районе Днепровского и Бугского лиманов имеются месторождения как чистых кварцевых песков, так и песков со значительным процентом раковин моллюсков [52—54].

С точки зрения использованного щелочного сырья ягорлыцкие стекла можно разбить на две группы: содовые (таблица, ан. № 1, 6, 10б, 12); золистые (таблица, ан. № 4, 5, 7 — 9, 10а и в). Как известно, вид щелочного сырья определяется по соотношению Na_2O и K_2O. Ю. Л. Щаповой было установлено, что если соотношение $Na_2O : K_2O > 13$, то стеклоделы применяли соду, которая была тем чище, чем больше абсолютная величина неравенства. Если $3Na_2O : K_2O < 13$, то перед нами зола [49, с. 100]. В другом случае эта же исследовательница отмечает, что в золистых стеклах содержание калия всегда больше 1,3% [55, с. 136]. Применение соды в ягорлыцких стеклах сближает их с древнеегипетскими. Применение же золы в стеклоделии имело место как на Переднем Востоке, так и в Египте [24, с. 25; 55, с. 136, 141].

В одной из предыдущих публикаций автор предположил [11, с. 43], что соду ягорлыцкие стекловары завозили из Египта при посредничестве Навкратиса, где имеются значительные запасы этого сырья [14, с. 408; 48, с. 54, 55]. Основанием для этого послужили указания древних авторов [56] и исследования современных ученых [48, с. 54, 55; 28, с. 241; 56], подчеркивающие, что главным источником соды в древности был египетский натр, который иногда транспортировался на большие расстояния. Однако более углубленное знакомство с физико-географическими условиями района Днепровского и Бугского лиманов показало наличие в низовьях Днепра и на Кинбурнском полуострове содовых озер. Так, в Голопристанском озере на 1 л воды приходится до 46,5 г соды [57, с. 149; 58, с. 152]. Вполне возможно, что античные стеклоделы, поселившиеся на северных берегах Черного моря, добывали соду в причерноморских содовых озерах. Не исключен и частичный импорт рафинированного сырья из Египта, особенно на первых этапах деятельности греческих колонистов. Запасы соды имеются и во Фракии [59, с. 778].

Для получения щелочей из золы использовались растения, растущие на морском мелководье или в соленых озерах. Такими растениями могли быть либо солерос, упоминаемый в ассирийских химических текстах XVIII в. до н. э. [60, с. 381—383], либо поташник, произрастающий на солончаках. В поташнике содержание натриевых солей, например, доходит до 43,36%, тогда как солей калия во много раз меньше [61, с. 141]. В золе других растений, наоборот, содержание калия бывает выше, чем натрия. Однако методика определения исходного зольного сырья в стекле разработана еще недостаточно.

В районе Ягорлыцкого залива растительный мир представлен значительным количеством солончаковых растений и водорослей. В ходе исследования памятника часто встречаются скопления камки, часть которой могла использоваться для получения золы, использовавшейся в стеклоделии.

Как бы там ни было, использование соды свидетельствует о том, что ягорлыцкие стеклоделы работали по традициям древнеегипетской школы стекловарения. Как известно, первыми освоили достижения египтян в области стеклоделия жители Навкратиса — эллинской колонии в дельте Нила [62, с. 220]. В свою очередь Навкратис, как и поселение на Березани, а также Ольвия были милетскими колониями. Следует полагать, что умение варить стекло проникло на северные берега Понта через милетских или родосских колонистов. В связи с этим интересен тот факт, что Березань и Ольвия в VI в. до н. э. были основными центрами Северного Причерноморья, где в значительных количествах концентрировались изделия, происхождение которых исследователи связывают с Навкратисом. В других городах — Пантикапее и Фанагории — известны только отдельные экземпляры веретенообразных бус [15, с. 25].

Содержание окиси кальция в составе ягорлыцких стекол варьирует от 7 до 14%. При этом в биконических бусах (таблица, ан. № 1, 12) его значение предельно близко к средним значениям в древнеегипетских стеклах [ср. 24, с. 27].

Содержание магния колеблется от 0,18 до 4%. Малые значения этого элемента в составе стекол, по мнению исследователей, не имели рецептурного значения и попадали в состав шихты не преднамеренно, а побочно, вместе с основными слагающими шихты. Увеличение же магния до 3% и более значительно понижает температуру варки стекла [50, с. 21]. Эти свойства магния, судя по анализам, были известны ягорлыцким стеклоделам (таблица, ан. № 4, 5) и широко использовались при изготовлении глазчатых бус.

Процентное содержание соединений магния в стекле, по мнению Ю. Л. Щаповой, может указывать на источник примененного сырья. Если их абсолютное значение не превышает 1,5%, то такое стекло следует считать известковым, сваренным с применением доломита, но без введения магнезии [50, с. 21].

В связи с тем что значительная часть стеклянных изделий в древности изготавливалась в подражание камням-самоцветам, ягорлыцким мастерам необходимо было знать и использовать свойства естественных красителей, а в некоторых случаях и преднамеренно вводить в шихту специальные красители.

Очень важным хромоформным элементом в ягорлыцких стеклах являются соединения железа. Так, будучи естественной примесью к сырью, из которого изготавливались биконические бусы из полупрозрачного стекла, они придавали им приятный золотисто-зеленый или янтарный оттенок. В не окрашенных специально стеклах их процентное содержание колеблется от 0,35 до 0,6. Свойства окиси железа как красителя были известны и египтянам [24, с. 25]. При более высоких концентрациях железа в стекле, достигающих в ягорлыцких образцах 3,5% (таблица, ан. № 4а, 5), стекла приобретают глухой коричневый цвет; 5—10% дают интенсивно-черный цвет.

Применение ягорлыцкими стеклоделами в производственных целях различных соединений железа может указывать на непосредственную или опосредствованную связь античного стеклоделия в районе Днепровского и Бугского лиманов со специфическим ольвийским гончарным производством, а именно производством сосудов, покрытых черными и красными красками, а также лако-глазурями. Как показали исследования, проведенные А. О. Кульською [63], в состав этих красок и лако-глазурей помимо глины входят окислы железа и щелочи. Последние при соответствующих условиях в печи создавали черное или красное покрытие.

Значительную роль в изготовлении окрашенных стекол с древнейших времен играли соединения меди. Высказывается даже предположение, что предшественниками окрашенных стекол были металлургические шлаки [64]. Медь упоминается уже в химическом вавилонском тексте XVII в.

до н. э. [65]. Важную роль этот краситель занимал и в древнеегипетской школе стекловарения [48, с. 63].

У ягорлыцких стеклоделов соединения меди являлись почти единственным искусственным красителем, вводившимся в шихту от десятых долей до 7% и дававшим возможность получить в различных условиях варки голубое, бирюзовое, зеленое или красное стекло. Интересно, что в проанализированных образцах медь почти всегда сопровождается незначительным количеством олова и свинца. Такой конгломерат предполагает не отдельное и независимое друг от друга введение в шихту каждого из перечисленных элементов, а использование в качестве красителя оловянистой бронзы, которой почти всегда сопутствует свинец [66, с. 162]. На Ягорлыцком же поселении литье и обработка цветных металлов занимали важное значение в экономической деятельности его жителей [9].

Использование отходов бронзолитейного производства в стеклоделии свидетельствует о тесной связи обоих видов производства в архаический период и даже, возможно, об их относительной нерасчлененности. Это положение согласуется с выводами советских исследователей о слабой дифференцированности в архаическую и раннеклассические эпохи ремесленных производств в Северном Причерноморье [67, с. 5].

Привлекает внимание наличие в пробах из «глазка» и серого слоя одной из глазчатых бусин (таблица, ан. № 4б и в) повышенных концентраций (0,4 и 0,6%) марганца. Соблазнительно было бы связать это с попытками ягорлыцких стеклоделов нейтрализовать красящее действие соединений железа. Однако судя по имеющимся в настоящее время данным, свойства марганца как обесцвечивателя стали широко применяться лишь в римскую эпоху [68]. Основная масса ягорлыцких стекол, в том числе и бусы из полупрозрачного янтарно-желтого стекла, не обесцвечена. Не знали в это время и обесцвечивающего действия сурьмы. Этот обесцвечиватель стал применяться ольвийскими ремесленниками лишь где-то в IV в. до н. э.[7] Тем не менее свойства сурьмы как красителя мастера, работавшие на Ягорлыцком поселении, знали. Так, в количестве 7,5% (таблица, ан. № 6б) она применена для получения стекла молочно-белого цвета. Красящие свойства соединений сурьмы были известны еще во II тысячелетии до н. э. [14].

Согласно современным представлениям [50, 55], древнее стекло характеризует не только химический тип, но и рецептурная норма — правило, касающееся соединения так называемых легких фракций стеклообразующих — щелочей и щелочных земель: $\frac{Na_2O+K_2O}{CaO+MgO}$. Результаты анализов, обработанные и нанесенные на корреляционную таблицу, идея которой была предложена Ю. Л. Щаповой, показали, что ягорлыцкие стеклоделы работали в традициях древнеегипетской школы стеклоделия.

Часть ягорлыцких глухих стекол изготовлена в традициях, известных еще во II тысячелетии до н. э., по материалам Тель эль-Амарны. Эти традиции характеризуются высоким содержанием извести (11—15%), на каждую часть которой брали полуторную или двойную часть соды или золы, дополняя эти легкие фракции до полной нормы песком. Такое стекло в Тель эль-Амарне варилось на открытых очагах, в тиглях, которые выдерживали температуру 1050—1100°. Однако придерживаясь таких традиций, можно было сварить лишь непрозрачное стекло, в котором стеклообразующие материалы на своем пути превращения в стекло про-

[7] Этому вопросу, разрабатываемому в соавторстве с В. А. Галибиным, в свое время будет посвящено специальное исследование.

ходили только первые стадии и технологический цикл стекловарения завершался на стадии силикатообразования, когда шихта представляет из себя спекшуюся массу силикатов и избыточного кремнезема [55, с. 139]. Такое стекло у ягорлыцких стеклоделов шло в основном на изготовление глазчатых бус, а также других окрашенных стекол.

Однако ягорлыцкие стеклоделы знали и более совершенную технологию изготовления стеклянной массы, которую Ю. Л. Щапова характеризует как закономерную эволюцию в истории стеклоделия [55, с. 139, 140]. Это стекло, из которого изготавливались биконические и другие бусы,— полупрозрачное янтарно-желтое (таблица, ан. № 1, 10в и 12). В этих стеклах мы наблюдаем увеличение щелочей и уменьшение щелочных земель. В результате этого снижалась температура стекловарения. На тройной диаграмме состояния системы Na_2O — CaO — SiO_2 фигуративная точка такого состава лежит в поле девитрата, на изотерме около 850° [24, с. 27]. Технология изготовления такого стекла также зародилась в Египте еще во II тысячелетии до н. э. и засвидетельствована для мастерских, работавших в Фивах [55, с. 139, рис. 1], но наиболее широкое распространение она получила в античную эпоху.

Изучение технологии изготовления бус, найденных на Ягорлыцком поселении, позволило сделать вывод, что они изготавливались несколькими способами. Для получения округлых бусин стеклянную нить наматывали на горячую медную проволоку с сечением, равным диаметру отверстия бусин. Когда проволока до конца покрывалась стеклянной спиралью, ее охлаждали и вынимали. На концах каждой из бусин, изготовленных таким образом, имеются выступы — следы отрыва от стеклянной палочки. Этот способ был самым распространенным в древнем мире и засвидетельствован в Египте еще за 3400 лет до н. э. [69, с. 124].

Биконические бусы формировались путем прессования в специальных клещах или форме. Отверстия делались специальным пробойником конусовидной формы [11, с. 46, 47]. Техника прессования также была известна египтянам. По мнению Флиндерса Петри, возникновение этого способа в Египте следует относить не ранее чем к 1200 г. до н. э. [70]. Этот прием также широко практиковался в Древней Греции и Риме в первые века нашей эры [48, с. 116; 71, с. 78; 72].

Более сложным было изготовление глазчатых бус. Их ядро образовывалось послойной навивкой широкого жгута полуфабриката на основу. Большинство бусин в I тысячелетии до н. э. формовалось на керамической трубочке, которая затем вынималась [15, с. 51]. Но отверстие могло пробиваться и специальным конусовидным пробойником, как это прослеживается на некоторых изделиях из Ягорлыцкого поселения. После придания основе нужной формы вставлялись вставки и формировался орнамент.

Техника стеклоделия, как и металлургии, была связана с высокотемпературными режимами. Практически единственным видом топлива для получения высоких температур в Северном Причерноморье с древнейших времен вплоть до позднего средневековья служил древесный уголь [73, с. 76]. Поэтому металлургическое, а равно и стекольное производство могли возникнуть лишь в местах с большими лесными массивами [74, с. 263]. В районе Днепровского и Бугского лиманов таким массивом была Гилея, активно эксплуатировавшаяся греками на протяжении всего античного периода [75, с. 15, 16; 76, с. 171].

Другим важным условием для возникновения и нормального функционирования стекольного производства было наличие в близлежащих районах пригодного сырья для выработки тиглей и огнеупорного кирпича, шедшего на строительство печей. Лучше всего требованиям стекловарения отвечают так называемые полукислые огнеупорные глины. Их запасы сосредоточены по всей периферии Украинского кристаллического массива, в том числе и Ольвийской округе [57, с. 61; 63].

Таким образом, сырьевые ресурсы Ольвийского государства вполне обеспечивали необходимые условия для возникновения и нормального функционирования стеклоделательного производства. Оно возникло здесь еще в архаическую эпоху и продолжало существовать на протяжении почти всей античной эпохи.

Весьма важным является вопрос о том, на какого потребителя была рассчитана продукция, выпускавшаяся ягорлыцкими мастерскими. Это особенно актуально в связи с тем, что в настоящее время существуют точки зрения, согласно которым раннее античное ремесленное производство, функционировавшее в Северном Причерноморье, работало исключительно на внутренний рынок [77, с. 137]. Однако материалы Ягорлыцкого поселения, приведенные нами в этой и других работах [8—11], свидетельствуют об обратном. Древнегреческое ремесленное производство, возникшее на северных берегах Черного моря почти одновременно с наиболее ранними апойкиями, носило ярко выраженный товарный характер и в значительной степени производило продукцию для вывоза в Скифию.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на очень близкое сходство химических составов биконических бус золотисто-зеленого цвета из Ягорлыцкого поселения с подобными бусами из кургана середины VI в. до н. э. у с. Матусов на Черкасщине [78, с. 49, рис. 20]. Близкое сходство между обоими составами видно и при простом сравнении. Но в этом мы еще больше убеждаемся, определив по общепринятым формулам [79, с. 79] коэффициент корреляции, равный 0,9998, т. е. приближающийся к 1. Это свидетельствует об идентичности составов обоих стекол и об общности их происхождения. Но, разумеется, мы далеки от мысли рассматривать то огромное количество стеклянных бус, которое встречается на античных памятниках и в скифских курганах архаического времени, исключительно как продукцию ягорлыцкой мастерской. Такие мастерские помимо Ягорлыцкого поселения, вероятно, существовали на Березани и в Ольвии, а также на Боспоре.

Таким образом, античные стеклоделательные мастерские в Северном Причерноморье, как и подобные мастерские в Навкратисе [62; с. 220], выпускали продукцию, основная масса которой шла на экспорт, в данном случае в Скифию.

В связи с установлением факта наличия античного стеклоделия в Северном Причерноморье в архаическое время хотелось бы остановиться на происхождении золотых тисненых бляшек с профильным изображением кошачьего хищника с поджатыми ногами, которые крепились на колчане из Витовой Могилы и горите из Опишлянки. Глаза, уши и ноздри, переданные в виде рельефных кружков с отверстием посередине, заполнены стеклом зеленого цвета. Оба комплекса относятся к позднеархаическому времени [80, с. 48, 145, рис. 47, 48; 81, с. 80]. Другим произведением, выполненным в подобном стиле, является бронзовая фигурка львицы из кургана Кулаковского под Симферополем. Она плакирована золотом и имеет ячейки для эмали [82, с. 73—75; 81, с. 81—83]. Многие исследователи справедливо видят в этих изделиях работу античных северопричерноморских мастеров, так как техника инкрустации металлических изделий не была известна скифским мастерам [83, с. 233]. Однако в связи с отсутствием данных о древнегреческом стекловарении на северных берегах Понта выражалось сомнение в местном происхождении этих изделий. Некоторые ученые приписывали им даже малоазийское происхождение. В свете последних открытий одно из основных препятствий, стоявших на пути признания северопричерноморского происхождения этих образцов, исчезло.

Как известно, стеклянные изделия, в первую очередь бусы, начинают попадать к племенам Северного Причерноморья довольно рано. Начальную дату их появления здесь следует относить не позже чем к рубежу

III—II тысячелетия до н. э.[8] В катакомбную эпоху [29] и белозерское время [84, с. 9; 85, с. 200, рис. 6, *5*, *7*; 86, с. 57] их количество значительно увеличивается[9]. Известны стеклянные бусы и в позднейший предскифский период [87, с. 30, 31, рис. 1,7; 88, с. 74, рис. 40, *4*, *5*; 89, с. 230, рис. 7]. Но массовым материалом они становятся лишь с начала VI в. до н. э. Именно тогда, когда употребление этих изделий стало настолько общепринятым, что вызвало значительный спрос на них, купцы, чтобы сэкономить издержки по перевозке, пытались основать производство товаров подобного ассортимента вблизи от потребителя.

Изготовление стеклянной продукции в античных городах Северного Причерноморья из местного сырья или лишь частичного его завоза из Средиземноморья (натр) приносило купцам значительные экономические выгоды: во-первых, устранялся риск потерпеть убытки в случае гибели судна; во-вторых, при производстве изделий по средиземноморским образцам в колониях в цены таких товаров могли включаться издержки по перевозке [90, с. 32].

Подведем итоги. В греческой колонизации района Днепровского и Бугского лиманов определенная роль принадлежала ремесленникам-банавсам (βάνσος), профессиональная деятельность которых была связана с высокотемпературными режимами [91, с. 57]. Одним из проявлений этого процесса было основание Ягорлыцкого поселения. Здесь в тесной взаимосвязи работали металлурги, кузнецы и стеклоделы.

Возникновению стеклоделательного производства в Ольвийской округе способствовало наличие необходимых сырьевых ресурсов: лесов Гилеи, служивших топливной базой, песков, пригодных для целей стекловарения, и запасов огнеупорных глин, шедших на изготовление тиглей и строительство печей. Вопрос об источниках натуральной соды остается пока открытым. Ее могли завозить из Египта, но могли использовать и сырье из содовых озер Нижнего Поднепровья.

Ягорлыцкие стеклоделы работали в традициях древнеегипетской школы стеклоделия. По своему химическому составу, процентному соотношению основных стеклообразующих и технологии изготовления стекла, изготавливавшиеся на Ягорлыцком поселении, делятся на две большие группы: окрашенные стекла с повышенным содержанием извести; не окрашенные специально стекла с содержанием окиси кальция около 7% и окиси натрия около 18%. Зафиксировано, что в качестве красителей чаще всего использовались соединения меди и железа, с помощью которых можно было получить голубой, синий, бирюзовый, красный, коричневозеленый и черный цвета. Для получения молочно-белого цвета в стеклянную массу вводились соединения сурьмы в количестве 5—7%.

Ягорлыцкие стеклоделы владели несколькими приемами изготовления бус: намоткой стеклянной палочки на металлическую основу и прессованием. Они также владели искусством изготовления глазчатых бус.

Бусы типа изготавливавшихся на Ягорлыцком поселении помимо античных памятников, синхронных этому поселению, в районе Ольвийской округи наибольшее распространение получили на территории Среднего Поднепровья, как на правобережье, так и на левобережье.

Ягорлыцкий очаг стеклоделия является пока древнейшим не только в Северном Причерноморье, но и в Элладе. Его материалы заполняют пробел в наших знаниях об истоках древнегреческого стекловарения и начальных этапах его развития, свидетельствуют о большом влиянии на эту отрасль ремесла древнеегипетских традиций.

[8] Стеклянные бусы в виде звездочек найдены в одном из курганов позднеямного времени на юге Херсонской обл. Информация автора раскопок Г. Л. Евдокимова.

[9] Помимо указанных в литературе хочется отметить находки стеклянных бус в памятниках белозерского времени, исследованных в 1980 г. Это бескурганный могильник у с. Плавни в Ренийском р-не Одесской обл. (автор раскопок А. В. Гудкова) и впускные курганные погребения у сел Первомайское и Юбилейное на юге Херсонской обл. (автор раскопок Г. Л. Евдокимов).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капошина С. П.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, 1956, № 50.
2. *Отрешко В. М.* К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (далее — ПГКСВП). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
3. *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья.— ВДИ, 1980, № 1.
4. *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса.— ПГКСВП.
5. *Рубан В. В.* Основные этапы ионийской колонизации Западного и Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 г. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород, 1978.
6. *Островерхов А. С.* О роли ремесленной прослойки в греческой колонизации Днепро-Бугского региона.— ПГКСВП.
7. *Алексеева Е. М.* Массовые украшения населения античных городов Северного Причерноморья: Автореф. канд. дис., М.: Ин-т археологии АН СССР, 1972.
8. *Островерхов А. С.* Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, № 28.
9. *Островерхов А. С.* Про обробку кольорових металів на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1981, № 36.
10. *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V вв. до н. э.). Автореф. канд. дис., Киев: Ин-т археологии АН УССР, 1978.
11. *Островерхов А. С.* Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, № 25.
12. *Безбородов М. А., Островерхов А. С.* Стеклоделательная мастерская в Северном Причерноморье в VI веке до н. э.— Стекло и керамика, 1978, № 2.
13. *Безбородов М. А., Островерхов А. С.* Ранние этапы стеклоделия в Восточной Европе.— Природа, 1979, № 4.
14. *Лукас А.* Материалы и ремесленное производство древнего Египта. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
15. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, Г1—12, вып. 1.
16. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1978, вып. Г1—12, т. 2.
17. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
18. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка, 1975.
19. *Шрамко Б. А.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка: 1975.
20. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
21. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
22. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, 1966, вып. Д1—27, т. 1.
23. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.
24. *Безбородов М. А.* Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН БССР, 1956.
25. *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. ст. н. е. із слідами склоробного виробництва біля с. Комарів Чернівецької обл.— МДАПВ, 1964.
26. *Безбородов М. А.* Исследование стекол из стеклоделательной мастерской, открытой в с. Комарово Черновицкой обл.— МДАПВ, 1964.
27. *Щапова Ю. Л.* Результаты спектрального анализа стеклянных изделий и брака из стеклоделательной мастерской, открытой в с. Комарово Черновицкой обл.— МДАПВ, 1964.
28. *Щапова Ю. Л.* Мастерская по производству стекла у с. Комарова (III—IV вв.).— СА, 1978, № 3.
29. *Махно Є. В., Братченко С. Н.* Пастове намисто з катакомбного поховання на Кампанійському могильнику.— Археологія, 1977, № 24.
30. *Якубовский А. Ю.* Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения культуры и искусства Средней Азии до XVI века.— В кн.: Труды отдела Востока. Л., 1940, т. 2.
31. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
32. *Висотська Т. М.* Про виробництво скла в пізньоантичному Криму.— Археологія, 1964, т. XVI.
33. *Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М.* Стеклоделие Танаиса.— СА, 1966, № 2.
34. *Белов Г. Д.* Стеклоделие в Херсонесе.— СА, 1965, № 3.
35. *Белов Г. Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе.— КСИА АН СССР, 1969, № 116.
36. *Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М.: Наука, 1979.

37. *Леммлейн Г. Г.* Опыт классификации форм каменных бус.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIV.
38. *Крупнов Е. И.* О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока.— ВИМК, 1958, № 1.
39. *Крушкол Ю. С.* Греческая колонизация древней Синдики.— ПГКСВП.
40. *Calai M., Tornati M., Scandellari M. L.* Ricerche storiche e technologische sul Verto romano di Aquileia.— In: Verto e silicati. Roma, 1962, anno 6, № 33.
41. *Weinberg G. D.* Glass vessels in the museum of Greece.— In: Annales du II Congress des «Journees Internationales du Verre». Liege, 1962.
42. *Weinberg G. D.* Glass manufacture in Hellenistic Rhodes.— In: ΕΚ ΤΟΥ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΟΥ ΔΕΛΤΙΟΥ, 1969, т. 24, ΑΘΗΝΑΙ, 1971, p. 143—151.
43. *Weinberg G. D.* Grèce. Glass finds in Greece. 1963—1968.— In: Bulletin de l'Association internpour l'Histoire du Verre. Liege, 1967—1970, № 5.
44. *Weinberg G. D.* Evidence for Glas Manufacture in Ancient Thessaly.— AJA, 1962, № 66.
45. *Джанполадян Р. М.* О трех образцах стекол из Кармир-Блура.— СА, 1964, № 1.
46. *Harden D. B.* Ancient glass. I — Pre Roman.— AJA, 1969, № 88.
47. *Haevernick T E.* Filo Hranoperlen.— In: Jahrbuch des Römischen Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1970, B. 17.
48. *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969.
49. *Щапова Ю. Л.* О химическом составе древнего стекла.— СА, 1977, № 3.
50. *Szczapowa J. L.* Zasady interpretacji analiz skladu szkła zabytkowego.— AP, 1973, t. XVIII, z. 1, s. 3—5.
51. Plin., NH.
52. *Пиотровский А. А.* Материалы по исследованию почв нижнеднепровских песков.— Тр. ЮОМО, 1926, вып. 6.
53. *Волкобойников В. М.* О роли биогенного материала в создании аккумулятивных форм на берегах Причерноморских лиманов.— В кн.: Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. Киев: Наукова думка, 1971, вып. 3.
54. *Пазюк Л. І., Ричковська Н. І.* Про мінералогічний склад та генезис пісків центральної частини Одеської банки на Чорному морі.— В кн.: Геологія узбережжя і дна Чорного та Азовського морів у межах УССР. Київ: Наукова думка, 1972.
55. *Щапова Ю. Л.* Из древнейшей технологии стекла.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
56. *Troubridge M. L.* Philological Studies of Ancient Glass.— University of Illinois Studies in langvige and literature, Urbana — Illinois, 1928, v. XXIII.
57. *Двойченко П. А.* Гидрогеологический очерк Северной Таврии.— Тр. ЮОМО, 1930, вып. 15.
58. *Буркcер Є.* Солоні озера та лимани України (Гідрохімічний нарис).— Тр. фізико-математичного відділу Всеукраїнської Академії Наук. Київ, 1928, т. VIII, вип. 1.
59. *Neumann B.* Antike Glaser, ihre Zusammensetzung für Farbung. Zeitscrift für Angewandte.— Chemie, 1925, B. 38.
60. *Schuler F.* Ancient Glassmaking. Metodology for Attacking the Assyrian Glassmaking Texts.— In: Advances in Glass Technology. Pt2. History Papers and Discussions, VII Internat. Congress on Glass. New York, 1963.
61. *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А.* Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент: Фан, 1966.
62. *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о. Родос в IX—VII вв. до н. э.). Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
63. *Кульська О. А.* Хіміко-технологічне вивчення кераміки з Ольвії.— АП УРСР, 1958, т. VII.
64. *Щапова Ю. Л.* Происхождение стеклоделия.— Вестн. МГУ, сер. VIII, история, 1978, № 6.
65. *Turner W. E. S.* Studies in Ancient Glass and Glassmaking. Pt III.— In: Journal Society of Glass Technology, 1956, v. 40, № 192.
66. *Черных Е. Н.* Металл — человек — время. М.: Наука, 1972.
67. *Шелов Д. Б.* Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время.— КСИА АН СССР, 1979, № 159.
68. *Sayre E. V.* The International Use of Antimony and Manganèse.— In: Advances in Glass Technology. New York, 1963, Pt 2.
69. *Petrie W. M. F.* Arts and Crafts of Ancient Egypt. London, 1910.
70. *Petrie W. M. F.* Glas in early ages.— In: Journal Society of Glas Technology, 1926, v. X, № 39.
71. *Фармаковский М. В.* Римские стекловаренные печи.— Изв. Ин-та археологической технологии. Пг., 1922.
72. *Theobald W.* Technik des kunsthandwerks im Zehuten Jahrhundert. Des Theophilus Presbyter Diversarum Astium schedula in Auswahl neu herausgegeben, übersetzt erläutert. Berlin, 1933.
73. *Шрамко Б. А.* Новые данные о добыче железа в Скифии.— КСИА АН СССР, 1962, вып. 91.

74. *Иессен А. А., Дегген-Ковалевский Б. Б.* Из истории древней металлургии Кавказа.— ИГАИМК, 1935, вып. 120.
75. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 178.
76. *Островерхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (По материалам Ягорлыцкого поселения).— ВДИ, 1979, № 3.
77. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966.
78. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980.
79. *Налимов В. В.* Применение математической статистики при анализе вещества. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
80. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967.
81. *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2.
82. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Л.: Аврора, 1966.
83. *Шрамко Б. А.* Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии.— СА, 1970, № 2.
84. Літопис музею. Херсон, 1927, вип. 8.
85. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
86. *Ванчугов В. П., Субботин Л. В.* Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Днепропетровск, 1980.
87. *Черняков И. Т.* Киммерийские курганы близ устья Днепра.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977.
88. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1975.
89. *Трет'яков П.* Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмина.— АП УРСР, 1979, т. 1.
90. *Островерхов А. С.* Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1980.
91. *Шмидт Р. В.* Металлическое производство в мифе и религии античной Греции.— ИГАИМК, 1931, т. IX, вып. 8—10.

A. S. Ostroverkhov

ANCIENT PRODUCTION OF GLASS BEADS IN THE NORTHERN BLACK-SEA AREA

Summary

In 1973, the Kherson Archaeological Expedition of the Ukrainian Academy of Sciences discovered on the shores of Yagorlyk Bay, on the Black Sea, an antique settlement of craftsmen dating back to the 6th century B. C. There the expedition found the traces of iron mining and bronze casting as well as of the production of glass and glass beads. Beads produced in the Yagorlyk Bay settlement were widespread in the forest-steppe region on the right bank of the Dnieper, inhabited at that time by the Scythians-ploughmen of Herodotus, in the Sula basin tentatively identified as the early Scythian Gerrhus, in the Vorskla basin, and especially in the Belskoye settlement.

The glass resembled the ancient Egyptian in its chemical composition and technology. The Yagorlyk craftsmen used several methods of bead-making: soft glass bound round thin metal rod, pressed glass, various coloured inserts, etc.

АКИШЕВ А. К., БАЙПАКОВ К. М.

МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОРЬБЫ С ДРАКОНОМ ИЗ ОТРАРА

В 1978 г. при раскопках городища Отрар-тоба был найден медальон из золотистой бронзы с барельефным изображением всадника, стреляющего из лука, на одной стороне и свернувшегося в кольцо дракона — на другой (рис. 1, *а, б*; 2, *а, б*). Изобразительные сюжеты на медальоне заслуживают специального исследования.

Находка была сделана на раскопе V в слое, датируемом стратиграфически и комплексом находок концом XIII — началом XIV в.

Раскоп расположен рядом с северо-восточным въездом и состоит из собственно раскопа площадью 150 м^2 и траншеи через гребень бугра до его основания. Раскоп был заложен с целью выяснения параметров стены позднесредневекового Отрара, ее хронологии и увязки со стратиграфией верхних слоев городища.

Пятый, считая сверху, строительный горизонт синхронен времени постройки стены. Расчищены остатки около двух десятков жилых и хозяйственных помещений. Некоторые из них объединяются в комплексы отдельных городских усадеб. Часть построек погибла в результате сильного пожара. На полах помещений, в заполнениях комнат собрано много изделий из железа, бронзы, кости. Керамика, среди которой наиболее характерна группа поливной посуды с глазурями прозрачной, зеленой, желтой, голубой и росписями зеленой, черной, красной красками, датируется XIII—XIV вв.[1]

Среди хорошо датируемых изделий из металла заслуживает внимания бронзовое зеркало с изображениями «гона зверей», аналогичное ближневосточным зеркалам XII—XIII вв. [2, с. 32, 104, рис. 99]. Такие зеркала бытовали и в XIV в. Отрарское, судя по плохому качеству отливки, видимо, являлось местной копией.

Монеты горизонта относятся в большинстве своем к чекану Отрара, Алмалыка XIII—XIV вв.

Названный медальон обнаружен на полу одного из помещений (7). Он имеет диаметр 4,3 см. На ободке его кольцевой выступ. Петлевидное ушко протерто насквозь. Изображение выполнено в невысоком рельефе и очень схематично. На одной стороне показан всадник в островерхом шлеме (?) с натянутым луком в руках. Повод коня, видимо, привязан к поясу наездника. На левом боку всадника колчан со стрелами, уложенными оперением вверх. Под брюхом коня между ногами бежит какое-то животное (собака?). Конь изображен скачущим: передние ноги выброшены вперед и полусогнуты.

На оборотной стороне изображен дракон в профиль. Дракон изогнут таким образом, что голова оказалась внутри кольца, образованного телом.

[1] Аналогичная посуда известна по материалам стратиграфического шурфа 1969—1970 гг. [1, с. 106—110, рис. 67, 68].

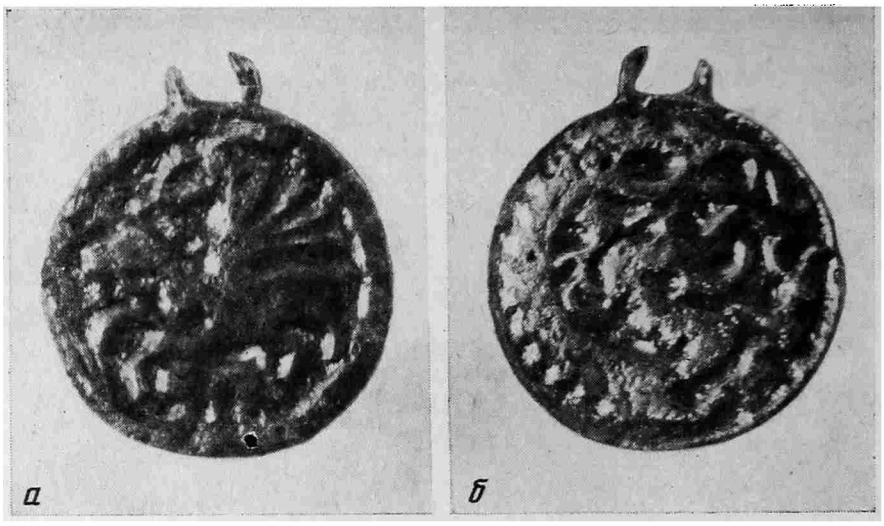


Рис. 1 (фото). *а* — изображение всадника, стреляющего из лука; *б* — изображение дракона

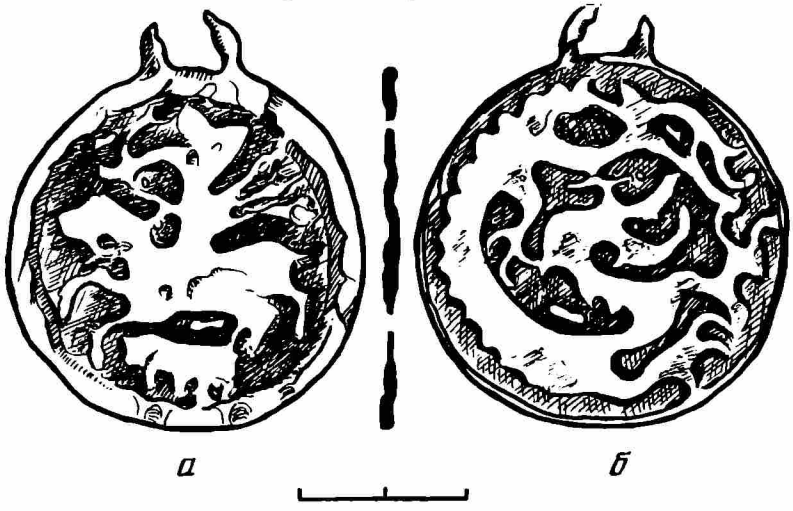


Рис. 2. *а, б* — прорисовка изображений на обеих сторонах медальона

Туловище его словно перекручено: задние ноги повернуты вверх. Лапы когтистые, трехпалые, имеют нетрадиционную для этого образа трактовку. Узкое длинное туловище дракона имеет волнистое обрамление. Хвост завивается в растительный усик. Оскаленная пасть изогнута вверх, кончик морды приподнят. У дракона имеется загнутый назад рог. Согласно китайской символике, изображен «небесный дракон» — «лун» [3, p. 109—115].

Зооморфные, а тем более антропоморфные мотивы довольно редки в средневековом искусстве Казахстана, где в торевтике царствовали растительные орнаменты. Что касается отрарского медальона, то его декор вводит нас в сферу жанровых композиций в изобразительном искусстве Средней Азии. Изображения всадника и дракона — это две стороны одной медали; их, несомненно, следует рассматривать как единую композицию, выражающую определенные отношения между этими образами.

Начнем с образа всадника. «Всадник» — то как символ кочевничества, то как воплощение неувядаемой воинской отваги — к XIII в. (наиболее вероятная датировка медальона) уже давно фигурировал в искусстве скотоводческих и земледельческих народов Евразии. Общий иконографи-

ческий канон с тех пор не претерпел существенных изменений. Истоки этого мотива не выяснены [4, с. 202, 203; 5, 178—190]. На Ближнем Востоке изображения всадников известны с конца II тысячелетия до н. э. Сцены охоты с участием всадников были распространены в монументальном и прикладном искусстве Ассирии и Ахеменидского Ирана [6, taf. 36—38]. Вероятно, позднее оттуда сложившийся изобразительный канон распространился в Средней Азии и Казахстане, Сибири и Китае, очень долгое время переживая или возрождаясь, подчас в весьма архаичных качествах. Использование этого мотива в прикладном искусстве обеспечило ему широкое распространение при сохранении «традиционных» признаков. Размноженные ювелирами и ремесленниками армады «всадников» наводнили Среднюю Азию. В Сибирской коллекции Петра I имеется золотая скульптурка наездника, стреляющего из лука [7, илл. 265],— хорошее указание, в какую древность уводят истоки мотива на средневековом медальоне. «Сибирская» статуэтка определенно связывается, с одной стороны, с целой серией так называемых жанровых композиций с всадниками («охота на кабана», «возвращение из похода» и т. д.) на бляхах из той же коллекции [7, с. 142, 199, илл. 184, 185, 189, 190, 192], а с другой — с изображением всадника на многочисленных золотых плакетках из кургана «Тенлик», раскопанного в Семиречье [8, табл. 4а]. Все эти вещи датируются приблизительно одним и тем же временем — III—II вв. до н. э. Считая плодотворной гипотезу о влиянии искусства евразийских кочевников на китайское искусство периода Чжаньго и эпохи Хань [9, p. 212—223] (особенно при сложении сюжетных композиций), мы допускаем, что мотив всадника и охоты в искусстве Китая распространился в это же время. К эпохе эллинизма в Средней Азии этот мотив был уже традиционным. Не случайно он широко распространился в монетном чекане (монеты «Герая» из Хорезма, сако-кушанский чекан и др. [10, с. 278—286; 11, с. 231, 232]). Истоки мотива то ищут в эллинизированном чекане Бактрии и Парфии, то считают его местным [12, с. 45—47].

Думается, что на его распространении в Средней Азии сказалось влияние греко-бактрийского искусства, может быть в свою очередь воспринявшего мотив из Малой Азии, где изображения всадников и собаки широко представлены во фракийском искусстве [13, с. 227, 228; fig. 169, p. 282 (драхма Seuthes I)]. Сасанидское искусство, наследовавшее парфянскому [15], определило следующее развитие мотива. Изображения аристократических всадников, охотящихся на различных животных, прямо утвердились во всех видах изобразительного творчества [16, рис. 102, 106—108; 17]. Сложившийся канон оказал новое мощное влияние на трактовку мотива в средневековом искусстве Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. Бронзовые рельефы из кургана № 6 Копенского чаатаса и костяные обкладки луки седла из могильника Кудыргэ, фрески в «Гробнице танцующих» из Южной Маньчжурии несут многофигурные композиции «охоты», влияние на которые сасанидской иконографии неоспоримо. А датируются эти изображения VI—VIII вв. и находят аналогии в позднеханьском искусстве [18, табл. I, VII, *1—4*, табл. VIII, *1—3*; 19, с. 48].

Ирано-сасанидские изображения были трактованы экспрессивно. Они детализированы в той мере, какая была необходима для передачи духовных качеств царственного седока. Массовое же повторение этой темы в различных материалах (металл, стекло, кость, штук, люстровая керамика), которое наблюдается в средневековье, уже к XII—XIII вв. привело к значительной деформации мотива. Изображения схематизировались до такой степени, что, например, на стеклянных медальонах дворца правителей Термеза, на некоторых бронзовых зеркалах и поливной посуде из Средней Азии мы встречаем своего рода изобразительные знаки мотива всадника [20, с. 212, 213, илл. 220, 224, 226; 2, с. 96, рис. 89, с. 104,

рис. 98]: экспрессия утрачена полностью. Это не отражение новых эстетических идеалов — изображения деформировались в процессе массового тиражирования. Изображение из Отрара также довольно грубое. Животное под ногами коня трактовано настолько схематично, что выглядит нелепым зверем, точное определение которого совершенно невозможно. Впрочем, благодаря тому, что в средневековье воспроизводился канонизированный мотив, иллюстрировавший и традиционные литературные описания, можно высказать предположения относительно того, какое животное изображено под ногами коня. На более тщательно выполненных изображениях «охоты» из Ближнего и Среднего Востока и репертуара ориентализированного искусства Византии XII—XIV вв. вид зверя, бегущего под ногами коня, определяется достаточно ясно: это собака [22, с. 205, 206]. Нередко встречаются и изображения ручных барсов. Об использовании этих животных на охоте сообщает епископ Филиппполя Константин XII в.): «Охотников сопровождают пятнистые барсы... Охотники везли барсов на крупе своих венгерских лошадей...» [21, с. 206, 207]. Лучник, скачущий на коне вслед за охотничьим гепардом, изображен на одном из медальонов, украшавших бронзовый тазик из Египта (1290—1310 гг.) [22, fig. 138]. На бронзовом зеркале, вероятно происходящем из Ирана (XII в.), мы видим изображение всадника с соколом в руке, с гепардом, сидящим на крупе коня, и с собакой, бегущей под его ногами [20, илл. 226]. В Эрмитаже хранится бронзовое зеркало X—XIII вв., очень напоминающее отрарский медальон, хотя и в большей мере воспроизводящее сасанидские традиции. Изображен всадник, стреляющий из лука в диких зверей, которых загоняют гепарды; аналогичный сюжет имеется на бронзовом зеркале из Ургенлисай (округ Тараза [20, илл. 224; 23, рис. 36]. Все эти произведения являются точными иллюстрациями излюбленной темы средневековой поэзии и эпосов — темы охоты. На Востоке место вечного блаженства нередко заменяется метафорой «сад»; воображаемый парадиз часто описывается как охотничий парк. Что касается повествования об охотничьих забавах — они переполняют равным образом и поэзию, и эпосы, и исторические сочинения средневекового Востока.

Кабус в наставлениях своему сыну («Кабус-намэ», XI в.) пишет: «О сын, знай, что восседать на коне и охотиться и играть в чоуган — занятие для благородных мужей, особенно в юности... если любишь охоту, занимайся охотой с соколами, чаргом, шахином, барсом и собакой... А если царь охотится с собаками, то царю не годится вести собак, нужно, чтобы их спускали перед ним рабы, а он смотрел... а если охотишься с барсом, то никоим образом барса позади себя на коня не бери, ибо неприятно царю держать (самому) барса...» [24, с. 118, 119].

Вспомним «Шах-намэ»:

«В дорогу и соколов взяли, и псов;
По воле Бижена затеяли лов...
В пути, что ни шаг, то пронзенная лань —
Свирепости гончих кровавая дань» [25, с. 117, 118].

Кстати говоря, именно эпизоды из «Шах-намэ» были излюбленными в композициях по металлической утвари как Рея и Кашана, так и Мавераннахра и Византии. Впрочем, мотив всадника был популярен и на иранском штуковом рельефе XII—XIII вв. [26, p. 1, 518], и на люстровой керамике.

В XIV—XV вв. этот мотив пережил особый подъем в связи с расцветом миниатюры с ее богатейшей колористической гаммой и большой выразительностью рисунка [27; 20, с. 288, илл. 283(XV), 337]. Охота на Востоке — это нередко метафора удачной войны.

Не меньшее распространение в литературе и изобразительном искусстве имел образ священного воителя со злом. Среди изображений, наиболее близких к отрарскому по стилистическим особенностям и в отношении хронологии (XII—XIII вв.), приведем батальные сцены на круглых медальонах чаш византийского искусства. Здесь всадники с копьями и луками встречаются и в миниатюрах [21, с. 139—144, рис. 18, 22, 86, 87]. Распространен был и образ св. Георгия с нимбом, сидящего на коне и копьем поражающего дракона (Георгий Победоносец — в древнерусском искусстве XII—XIII вв.) [21, 144—149]. Такая иконография Георгия сложилась в XI в., а была заимствована из ближневосточного искусства. За тысячи километров от Византии, в сросткинской культуре [28, с. 97, табл. 1, 25], мы встречаем похожие, хотя и сильно схематичные изображения всадника с нимбом. В исламской культуре тема джихада (газавата) и соответствующая ей иконография считались сакральными. Батальные сцены превратились в своего рода эстетический идеал, до бесконечности повторяющийся во всех видах художественного творчества, а в геральдике в особенности. Великому философу «мусульманского Ренессанса» аль-Фараби необходимость священных войн представлялась аксиомой: «Истинный правитель... является первым главой, и именно в нем сочетаются шесть условий: мудрость, совершенная рассудительность, (способность) отлично убеждать, (способность) отлично представлять в изображении, способность физически вести священную войну и то, что его тело не имеет ничего мешающего ему заниматься делами, связанными со священной войной» [29, 54(1), с. 218]. Воинские деяния считались высшей доблестью, а покорение мира — заповедью Аллаха. «Рай находится под тенью мечей»,— говорил Тимур и пояснял: «Ведение священной войны несет двойную пользу: одна — прекрасное воздаяние (за это) в этом мире в виде славы, и другая — великая награда (в будущей жизни)...» [30, с. 26, 154].

Понятно, что древнейший образ непобедимого воина занимал умы художников Востока, старавшихся в различных материалах воплотить его изображение и сакральный потенциал, которым оно, по мнению современников, обладало. Неизвестный мастер из Отрара создал медальон, подражая изобразительному канону, широко распространенному на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Отрарский воин скачет в сопровождении собаки, он натянул лук, готовясь поразить какую-то цель. А на обратной стороне медали ползет чудовищный дракон, разинувший огромную пасть и выпустивший вперед когти. Две стороны медали — как белое и черное, они противопоставлены и по икононическим признакам: реалистическое изображение всадника и фантастический дракон. Общая идея, вероятно, связывалась с борьбой добра и зла, праведного и неправедного, воплощенных в двух образах. Древнейшая концепция дуализма в таких религиях, как зороастризм, христианство и ислам, приобрела этическое значение. Мотивы газаватов или крестовых походов обычно оформлялись в виде обвинения в зле глобального масштаба — в неверии или иноверии, ведущем мир к хаосу и разрушению.

При изображении борьбы с драконом в средневековом искусстве мог быть переосмыслен один из самых архаичных мифов о Громовержце и Змее, существовавший у индоевропейцев и распространившийся во многих районах Евразии [31].

Относительно характерной трактовки дракона с уверенностью можно сказать, что влияние на сибирское, среднеазиатское и ближневосточное искусство художественных традиций народов Центральной Азии и Дальнего Востока в средние века проявляется вполне рельефно. Генезис иконографии «китайского дракона» до сих пор не выяснен и представляет тему для отдельного исследования. Отметим только, что дракон на отрарском медальоне по ряду признаков сопоставим с сунскими и юань-

скими изображениями [32, с. 111, табл. XIII; 33, с. 74], хотя заметна определенная местная стилизация мотива, в общем-то мало распространенного на Востоке.

К западу от средней Сырдарьи близкие изображения этого чудовища встречаются в материалах XIII—XIV вв. Это, например, дракон на глиняной формочке для отливки металлического украшения, найденный в золотоордынском городе Увеке [34, с. 118, рис. 30, 31].

Интересно, что в китайском искусстве и литературе существовало определенное расхождение между изобразительными и письменными характеристиками дракона. Хотя изображения драконов были известны уже в иньское время на гадательных надписях и сосудах [35, рис. 27; 36, с. 119; 37, с. 26, 27], они очень мало напоминали традиционный мотив «лун», окончательно сложившийся только в эпоху Хань. С этого времени широко известны изображения драконов-рептилий с рогами, удлиненным телом в характерной «распластанной» позе, с длинной пастью и хвостом, часто имеющим ветвистые отростки. В ханьское время появляются три вида дракона и этот зверь становится эмблемой императорской власти [3, p. 110, 113].

Го Жосюй в своих «Записках о живописи» эпохи династии Сун советует различать при изображении дракона «девять сходств» [38, с. 24]: рога как у оленя, голова верблюда, глаза демона, шея змеи, живот как у морской змеи, чешуя рыб, когти сокола, лапы тигра, уши быка [3, p. 110, 113] — явно синкретический образ, совмещение метафор. Изображали же дракона, словно повторяя, хотя и с известной стилизацией, канон ханьского времени.

В виде предположения заметим, что было бы интересно проверить, не повлияло ли на ханьцев искусство сако-сарматского «звериного»стиля, где образы и синкретических, и гиперболизированных зверей, часто в причудливой стилизации, нужной для «заполнения» различных форм, были исключительно развиты. Не исключено, что «ханьский» дракон «родился»... у племени Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э., чтобы позднее вернуться назад уже как заимствование.

Ни одна из шести гипотез о создании образа дракона [36, с. 124, 125] не располагает убедительными аргументами, ибо исходит из предпосылки, что иконография навеяна стремлением воспроизвести реально существовавший вид животного (рептилии, земноводного, пресмыкающегося, динозавра и т. д.). В своем сложении образ мог иметь сразу несколько истоков, среди которых — осмысление зооморфных агглютинаций скифо-сибирского «звериного» стиля, навеянных мифами, но претерпевших сильное формальное орнаментализирующее изменение на основе культов различных рептилий, особенно офиолатрии (едва ли не универсального явления у народов мира) [39, с. 406, 407].

Отношение к змеям в разных религиозных воззрениях обычно многозначно и противоречиво. Перед ядовитыми змеями человек испытывает страх. Может быть, в этом одна из причин их превалирующего хтонизма. Выделяются черты культа змей, которые характерны для отношения к ним почти везде. Это — связь с водой, репродуктивным циклом и производными «женского» ряда двоичной классификации. В то же время очень часто змея оценивается как опасное существо, воплощение зла.

«Китайский дракон» связан с фаллической, оплодотворяющей символикой, но также олицетворяет и воду, дождь, гром, молнию и т. д. [40, p. 36; 41, с. 124, 125]. Круглые красные предметы считались его принадлежностью и соотносились с такой же символикой. Как и Белый тигр [42, с. 34—42], Черная черепаха и Красный феникс, Голубой дракон входил в категорию «четырех чудесных существ» — сышен и ассоциировался с восточным углом квадранта ураносферы. Негативные оценки образа дракона в китайском символизме подавлены его значением как

олицетворения власти императора. Идеология конфуцианства превратила этого устрашающего монстра в символ государственной власти, в герб, под которым развертывалась агрессивная политика многих династий, в том числе и монгольской династии юань.

Иначе оценивался этот образ в Центральной, Передней и Средней Азии, в Казахстане и Сибири. Интересно, что в древнейших источниках по культу рептилий, и особенно змей, эти животные, как и дракон в даосских комментариях, связываются со стихиями воды, с молниями, громом, дождем и т. д. (ср. АВ, X, 4(23); IV, 15). В троичных моделях мира змея обычно ассоциируется с низом, глубиной — с преисподней, подземным миром и хтоническими циклами [43, с. 3—15; 44, p. 50—55; 45, p. 130]; в горизонтальной модели — с оборотной, задней стороной, с невидимым (темным) и поэтому опасным. Эти представления очень типичные. Они дошли до наших дней и проявляются, например, в фольклоре и религиозных воззрениях народов Средней Азии и Казахстана [46, с. 193; 47, с. 63, 96, 143]. Нам доводилось слышать легенды, связанные с городищем Отрар-тобе, в которых фигурируют гигантские змеи или дракон Айдагар, окружающие развалины города со всех сторон и скрывающиеся под землею. Такие легенды распространены достаточно широко. Так, например, легенда об Айдагаре, который через каждые 100 лет, если его не ранить, ночью выползает из-под земли и вырастает в несколько раз, пока к концу третьего периода (всего 300 лет) не превратится в страшного дракона (после чего на округу обрушатся несчастья и войны) [2], очень схожа с преданиями баргутов о «лоу» (может быть, от кит. «лун» — дракон) [48, с. 92, 93].

В «Авесте» в вариантах мифа о борьбе героя со змеем говорится о чудовищах, два из которых по описаниям сходны с драконом. Это «чудовище Дахака, (имевшее) три пасти, три головы, шесть глаз, (обладающее) тысячью сил», и «чудовище Срувар (может быть «рогатое»), коней глотавшее, полное яда желтого, по которому яд (желтый) бил струей вышиною в сажень» (Ясна 9, 7—11; Замйад-Яшт 3—40, 45—54). Оба чудовища — создания духа тьмы и зла Ангро-Майнью — имеют и змеиные черты. Мотивы борьбы героя с чудовищами, дэвами и другими порождениями зла за освобождение вод, людей, скота, за плодородие и т. п. стали очень популярными в Средней Азии. Они встречаются, например, в согдийских фрагментах о Рустаме, сражающемся вместе со своим конем Рахшем против дэвов, которые передвигаются верхом на змеях и ящерицах, свиньях и собаках, изрыгают огонь и дым; в манихейских переработках апокрифической книги Эноха, где библейский «Ог, царь Башана», трансформировался в иранского Сама (Керсаспа), убившего дракона Ажи-Дахака, и многих других [49, с. 133, 134]. Великий Фирдоуси поэтически осмыслил подобные мифологические и эпические сюжеты в «Шах-намэ». Рустам — победитель дракона и другие герои стали наиболее популярными образами в литературе и искусстве.

«Поганую голову снес он мечом.
Кровь злого дракона забила ключом» [50, с. 374].

Было бы неверным полагать, что все мастера, изображавшие бой всадника с драконом, иллюстрировали подобные отрывки «Шах-намэ». Как мы старались показать, в Азии цикл драконоборчества имел очень глубокие истоки. Он был известен и тюркам. Так, например, сцены сражения вооруженного луком и мечом Огуза с «единорогом» (название условное, так как смысл термина КЇАТ [51, 3—6 (с. 24—26)] в карлукоуйгурском недостаточно прояснен) удивительно напоминают фрагменты «Авесты» с описаниями сражения Керсаспы с чудовищем Срувар, коней и людей глотавшем.

[2] Записано в с. Баялдер Кзыл-Кумского района Чимкентской обл.

Думается, что в XIII в. (время отрарского медальона) жители отрарского оазиса заимствованные иконические мотивы переводили и на язык своих сложившихся либо органично вошедших в их культуру мифов, эпосов, легенд и преданий.

Средневековое искусство с его любовью к метафоризму и символике благопожелания имело выраженную сакральную направленность. Символизм подразумевался действенным. Мотив сражения героя с драконом оживал подчас в неожиданных проявлениях. В миниатюрах рукописи Абд-ар-Рахмана ас-Суфи «Таблицы неподвижных звезд» (1437 г.), изготовленной для Улугбека, приводятся астральные символы. Созвездие Дракона передается изображением дракона, Стрельца — изображением всадника, стреляющего из лука [20, с. 296]. В зодиакальном цикле на поливном блюде из Абд ал-Вахид (Иран, 1563—1564 гг.) Стрелец представлен кентавром, стреляющим из лука в дракона, под которого стилизован хвост (!) его коня [52, Taf. 84]. Миф о змееборстве имел тем самым и астральный код. В календарный праздник Михраган иранцы праздновали сковывание дракона Ажи-Дахака, у ахеменидов изображения борьбы царя с чудовищем символизировали победу на наурузе (т. е. в день великого равноденствия); согласно Бундахишну, борьба богов с исчадиями зла лежит в основе гороскопа [53, p. 265—270; 54, p. 139; 55, p. 511—529]. Подобные мифы, легенды и инсценирующие их ритуалы и состязания были знакомы большинству народов Средней Азии и Казахстана. Они особо актуализировались именно в период календарных праздников плодородия и в другие важнейшие события жизни. Отрарский медальон тем самым мог быть и амулетом, использовавшимся в каких-то обрядах.

Заканчивая обзор интерпретаций сюжета на отрарском медальоне, следует подчеркнуть, что сила мотива драконоборчества не исчерпывалась только его эстетическими и репродуцирующими качествами. Он должен был быть действенным. Он осмысливался всякий раз заново в зависимости от социальной и исторической ситуации. Тема борьбы со злом для человечества была и будет актуальной всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972.
2. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
3. *Williams C. A. S.* Outlines of Chinese Symbolism. Peiping, 1931.
4. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
5. *Кузьмина Е. Е.* Навершие со всадниками из Дагестана.— СА, 1973, № 2.
6. *Barnett R. D.* Assyrische Palastreliefs. Prague, 1960.
7. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
8. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
9. *Laufer B.* Chinese Pottery of Han Dynasty. Leiden, 1909.
10. *Толстов С. П.* К истории хорезмийских Сиявушидов. (Новые данные по нумизматике древнего Хорезма).— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, т. II, 1945, № 4.
11. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966.
12. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
13. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1971.
14. *Head B. W.* Historia Numorum. A manual of Greek numismatics. Oxford, 1911.
15. *Ghirshman R.* Iran. Parther und Sasaniden. München, 1962.
16. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
17. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
18. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
19. *Ли Ок.* Легенда о золотой короне.— Курьер ЮНЕСКО, 1979, январь.
20. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965.

21. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
22. *Rice D.* Islamic Art. London, 1977.
23. *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972.
24. Кабус-намэ / Пер., статья и прим. Е. Э. Бартельса. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958.
25. *Фирдоуси.* Шах-намэ. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
26. SPA, Y.
27. *Godar A.* Umetnost Irana. Beograd, 1965, VI.
28. *Савинов Д. Г.* Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976.
29. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Алма-Ата: Наука, 1973.
30. *Гийāсалдӣн ʿАлӣ.* Дневник похода Тӣмӯра в Индию. М., 1958.
31. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. Ч. 1. М.: Наука, 1974.
32. *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм. Символика и история. М.: Наука, 1975.
33. Древний орнамент. Сиань, 1953 (на кит. яз.).
34. *Баллод В. П.* Приволжские «Помпеи». М.— Пг., 1923.
35. *Крюков М. Б., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.
36. *Терентьев-Катанский А. П.* Китайская легенда о драконе.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XI. М.: Наука, 1971.
37. *Виноградова Н. А.* Проблема структуры мироздания и зарождения поэтической символики в искусстве Древнего Китая II тыс. до н. э.— Сообщ. ГМИНВ, 1977, вып. IX.
38. *Го Жосюй.* Записки о живописи: что видел, что слышал. М.: Наука, 1978.
39. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
40. *Karlgren B.* Some fecundity symbols in ancient China. Stockholm, 1930.
41. *Сычев Л. П.* Китайский декор как часть единой системы космологических символов.— Сообщ. ГМИНВ, 1977, вып. IX.
42. *Акишев А. К.* Резной нефрит из Отрара.— В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977.
43. *Топоров В. Н.* ПЎΘϘN, ÁHIBUDHNYÁ, БА̏ДЊĀК и др.— В кн.: Этимология 1974. М.: Наука, 1976.
44. *Zimmer H.* The Art of Indian Asia. Its Mythology and Transformations. V. I—II. Bollingen series, XXXIX. Kingsport, 1955.
45. *Campbell L. A.* Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968.
46. *Толстов С. П.* Религии народов Средней Азии.— В кн.: Религиозные верования народов СССР. М.: Моск. рабочий, 1931.
47. *Каскабасов С. А.* Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972.
48. *Потанин Г. Н.* Монгольские сказки и предания.— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, 1919, вып. XIII.
49. *Брагинский И. С.* Из истории таджикской и персидской литератур. Избранные работы. М.: Наука, 1972.
50. *Фирдоуси.* Шах-намэ. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
51. *Щербак А. М.* О Огуз-наме. Мухаббат-наме. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959.
52. *Brentjes B.* Chane Sultane. Emire. Der Islam vom Zusammenbruch des Timuridenreiches bis zur europäischen Okkupation. Leipzig, 1974.
53. *Duchesne-Guillemin J.* A la recherche d'un art mazdéen.— In: V Congress of Iranian Art and Archeology. Teheran, 1972.
54. *Zaehner R. C.* The Dawn and Twilight of Zoroastrianism.— In: History of Religion. London, 1961.
55. *MacKenzie D. N.* Zoroastrian Astrology in the Bundahišn.— BSOAS, 1964, v. XXVII, p. 3.

A. K. Akishev, K. M. Baipakov

AN OTRAR KNIGHT-AND-DRAGON MEDALLION

Summary

The article describes an interesting finding from the Otrar settlement — a bronze medallion showing a rider with a bow on one side and a dragon on the other dating back to the 13th century.

Stylistically the medallion is close to the Mid-Eastern objects, but also to the Youan objects. The image of the rider and the dragon is identified with the image of a Hero crushing the Serpent, the symbol of Evil, an image popular in Central Asia where it was considered a badge of magic.

КАШКИН А. В.

О ГОНЧАРСТВЕ В НЕПАЛЕ

Эта статья написана на основании материалов, собранных во время командировки в Непал в 1978 г., когда мной была предпринята попытка обследования очагов гончарного производства. Цель настоящей работы — ввести в научный оборот довольно редкие материалы по истории гончарства в Непале.

Первая попытка изучения здесь керамического производства была предпринята индийскими учеными в 1962 г., когда были обследованы гончарные центры на юге Непала в трех населенных пунктах: Лаусадье, Дохни и Патхаркоте. В небольшой статье были опубликованы только результаты работ в дер. Лаусадье [1, с. 250].

Мной было обследовано несколько гончарных мастерских в центре Непала, в 7—8 км к востоку от г. Катманду, в пос. Тхими, и на юге Непала, в дер. Магарнатх (дистрикт Валпараси) (рис. 1).

Поселок Тхими находится недалеко от г. Катманду и своим ремесленным производством в значительной степени обслуживает столицу. Каждая улица в этом поселке занята ремесленниками одной специальности. Здесь есть улицы кузнецов, резчиков по дереву, кожевников и представителей ряда других специальностей. На улице, ведущей в сторону г. Бхадгаона, живут гончары. Около 10 семей здесь занимаются изготовлением керамики. Каждый дом является одновременно и жилым помещением, и мастерской, и лавкой. Здесь же, рядом с мастерскими, керамика обжигается. Близость города, а тем более столицы, накладывает довольно значительный отпечаток на труд гончаров. Обилие туристов формирует специфику заказа — у большинства мастеров наметилась тенденция в сторону производства керамических сувениров: подсвечников, терракотовых статуэток и т. п. Тем не менее основную массу продукции составляет бытовая посуда.

В ходе ознакомления с производством керамики в Тхими процесс производства керамики наблюдался в пяти мастерских; в двух из них наблюдения были дополнены данными, полученными из опроса гончаров[1]. Здесь были опрошены Тедж Бахадур Праджапати 31 года и Нуча Бахадур 46 лет.

Деревня Магарнатх на юге Непала, где впервые было выявлено гончарное производство, расположена вдалеке от городских центров, в сугубо сельскохозяйственном районе. Гончарством здесь занимаются три человека. Наблюдения производились в мастерской Гьяна Бахадура Праджапати 32 лет.

---

[1] Наблюдения проводились на основе методических рекомендаций А. А. Бобринского. Пользуясь случаем, приношу Александру Афанасьевичу свою искреннюю благодарность за серию консультаций и ценные советы. Хочу выразить также свою сердечную благодарность моему добровольному переводчику — непалисту А. Г. Авакову, без помощи которого невозможно было бы провести работу в должном объеме.

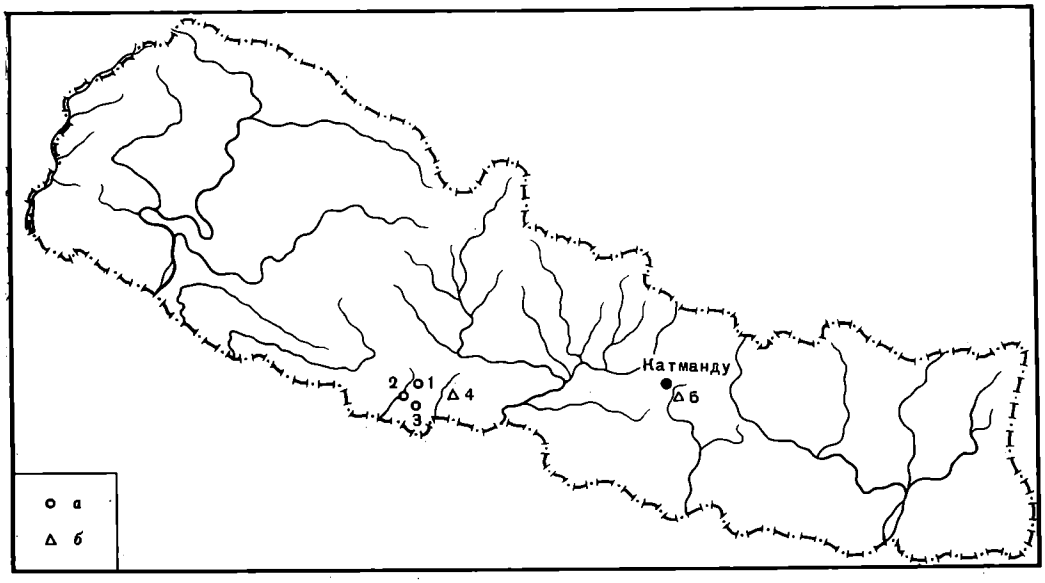


Рис. 1. Картосхема обследованных очагов гончарства в Непале; *а* — пункты, обследованные индийскими учеными в 1962 г.: *1* — Лаусадья, *2* — Дохни, *3* — Патхаркот; *б* — пункты, обследованные автором в 1978 г.: *4* — Тхими, *5* — Магарнатх

Профессиональная подготовка гончаров. Процесс обучения гончарному ремеслу в семьях, занимающихся изготовлением керамики, заключается в передаче основных навыков работы из поколения в поколение. Все опрошенные гончары свидетельствуют, что научились делать глиняную посуду у отца, отец — у деда и т. д.

Следует отметить, что гончарством в Непале занимаются только мужчины.

Начальная ступень обучения начинается с раннего детского возраста и заключается на этом этапе в регулярном наблюдении за работой взрослых. В возрасте 7—10 лет мальчики уже начинают помогать отцу, чаще всего при подготовке глины к работе. В 10—13 лет им уже разрешается попробовать изготовлять сосуды, причем они должны добиваться как можно более точного воспроизведения эталонного образца, сделанного отцом. К 15—18 годам юноша уже усваивает основные профессиональные навыки и начинает самостоятельно заниматься гончарством. Большинство опрошенных гончаров приобрели навыки подобным способом и в эти годы. Исключение составляет, пожалуй, только Нуча Бахадур из Тхими, который начал изготовлять керамику в возрасте около 40 лет.

Профессиональные навыки непальских гончаров довольно консервативны. Все, кого мне доводилось опрашивать, единодушно сообщали, что на их памяти никаких изменений в приемах и методах работы не происходило. Традиционными являются все формы производимых сосудов, способы приготовления формовочной массы, место добычи глины, использование глины без примесей и т. д.

Некоторый отход от традиций наблюдается у гончаров в изготовлении декоративной керамики, где в большей степени, чем на бытовой посуде, проявляются индивидуальные особенности и творческая фантазия каждого мастера.

В семьях непальских гончаров — а семьи здесь всегда довольно многочисленны — изготовлением керамики, как правило, занимаются несколько человек. Обычно это престарелый отец семейства, передавший сыновьям секреты ремесла и в силу своего возраста работающий лишь время от времени; несколько его сыновей — основные производители керамики, среди которых всегда выделяется кто-нибудь один своими более совершенными профессиональными навыками, и их дети, которые, оказы-

вая посильную помощь в работе, постепенно включаются в процесс керамического производства. Наличие в семье одного признанного всеми мастера можно отметить практически всегда. Беседовать и демонстрировать процесс изготовления посуды вызывается всегда именно он.

Гончарство является основным и практически единственным занятием всех людей, изготовляющих керамику, с которыми мне довелось беседовать. И только некоторые из них на один-два месяца в году отрываются от гончарного круга для участия в основных сельскохозяйственных работах — севе и уборке урожая.

Добыча глины и подготовка ее к работе. Для керамического производства в Тхими глина добывается всеми гончарами на протяжении жизни по крайней мере трех поколений в одном месте, в 5—6 км к северу от поселка, в предгорьях. Выбор места добычи основывается на хорошем качестве добываемой глины, и затем оно становится традиционным. Для добычи глины вырывается довольно глубокая яма (иногда в два человеческих роста). Добываемая серая глина хорошего качества, она содержит мало посторонних включений.

Извлеченную твердую глину доставляют в мастерскую, где ее измельчают, помещают в специальную яму — хранилище и заливают водой. Периодически часть глины берут для дальнейшего приготовления. Ее мнут ногами на полу, на деревянном настиле, или же разминают ударами большого деревянного молота. Иногда оба способа дополняют друг друга. Затем некоторые гончары формуют глиняные блоки, которые разрезают и опять заливают водой. Другие не применяют эту операцию. Последующий этап заключается в разминании глины руками, в процессе чего удаляются посторонние включения (камни, сор и т. п.). Эту операцию производят на больших прямоугольных каменных плитах или же на деревянных досках, а для того чтобы глина не прилипала к ним, подсыпают золу. Никаких примесей в глиняную массу не добавляют.

После того как глина становится достаточно пластичной, ее формуют в блоки усеченно-конической или округлой формы. На этом процесс подготовки глины заканчивается.

Аналогичным способом ведется подготовка глины и на юге Непала, в дер. Магарнатх. Лишь само исходное сырье добывается здесь на месте. Например, в мастерской Гьяна Бахадура Праджапати в углу вырыта яма глубиной около 1,5 м, откуда и берут глину. Обычно она находится в яме в пластическом состоянии, и лишь в засушливые сезоны туда подливают воду.

Формовка изделий. Все гончары, работу которых мне довелось наблюдать в Непале, формуют сосуды на гончарном круге. Сам круг («чакра») по принципу устройства является инерционным. Он деревянный, диаметром около 1,5 м и толщиной около 10 см. Металлическая ось круга вставляется в отверстие деревянной или железной пластины или же каменной плиты, вмазанной в глинобитный пол мастерской. Изготовление сосуда производится на рабочей площадке в виде деревянного диска диаметром около 20 см, укрепленной в центре круга (рис. 2).

Круг раскручивается с помощью палки, один конец которой вставляется в небольшое углубление у края круга. Часто для придания большей инерционности на круг надевается старая автомобильная шина, которая увеличивает вес круга и соответственно время его вращения.

Мне довелось наблюдать только деревянные круги, но индийские исследователи на юге Непала, в дер. Лаусадье, отметили использование круга иной конструкции. Это диск из обожженной глины, диаметром около 1 м. На круге укрепляется также глиняная рабочая площадка диаметром 30 см. Снизу к кругу примазывается глиной небольшая каменная плита с коническим отверстием. В это отверстие входит заостренная верхняя часть неподвижного деревянного стержня, зарытого в землю, являющегося осью круга [1, с. 251].

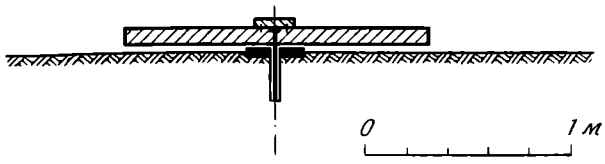


Рис. 2. Схема гончарного круга (пос. Тхими)

Процесс изготовления сосуда (кувшина) происходит следующим образом. Круг раскручивают. Гончар разминает в руках небольшой комок глины, придает ему шарообразную форму, прилепляет его к площадке и размазывает по ее поверхности рукой. Потом в центре площадки он помещает заготовку, центрует ее и еще раз палкой подкручивает круг. Затем мастер садится на корточки возле круга и вытянутыми руками начинает работать.

Сосуд вытягивается из целого комка глины. Первоначально заготовке придается цилиндрическая форма. Затем в центре этого цилиндра делается углубление большими пальцами обеих рук, которое в дальнейшем увеличивается до тех пор, когда внутри полого тела можно уже работать не только пальцами, но и всей кистью.

После оформления полого тела сосуда гончар переходит к формообразованию. Сначала формуется плечо кувшина. Для этого верхняя часть полого тела сжимается двумя руками и вытягивается вверх. Затем в правую руку берется бамбуковая палочка («сахуа саль») — расщепленный вдоль ствол бамбука диаметром около 2 и длиной около 10 см и происходит обтачивание и заглаживание тулова сосуда. В процессе обточки стенкам сосуда придается одинаковая толщина. Обтачивание производится острой гранью бамбуковой палочки, а заглаживание — ее выпуклой стороной. После обтачивания и заглаживания этой части сосуда происходит вытягивание горла кувшина до заданной высоты, а затем оформляется венчик. Работа, как и ранее, производится двумя руками. Горло и венчик сосуда также обтачиваются и заглаживаются бамбуковой палочкой.

Этот же инструмент служит и для нанесения орнамента. Он либо линейный, либо волнистый, но большая часть бытовой посуды лишена орнамента по тулову сосуда. Иногда венчик украшается пальцевыми вдавливаниями сразу же после снятия сосуда с круга.

На этом процесс формовки сосуда заканчивается. Он срезается с подставки веревочкой. На изготовление трехлитрового кувшина потребовалось около 3 мин. Аналогичным же способом изготовляются и другие сосуды средней емкости (3—5 л).

Количество сосудов, изготовляемых ежедневно, у разных гончаров различное. Так, Гьян Бахадур Праджапати производит в день 10—15 сосудов средней емкости, а Нуча Бахадур — 50—60. Отчасти это зависит от уровня профессиональной подготовки гончаров, но главным образом объясняется возможностью реализации продукции. Естественно, в долине Катманду, поблизости от столицы, эта возможность шире.

От сушки к обжигу. Сушка сосудов производится на солнце и длится от 2 ч до двух — четырех дней в зависимости от величины сосудов и от погодных условий. При жаркой погоде сосуды, выставленные для сушки на площадке перед мастерской, прикрываются соломой.

В процессе сушки производится дополнительная обработка поверхности сосуда. Поверхность некоторых сосудов лощится. Этот способ редко применяется при обработке поверхности бытовой посуды и, как правило, встречается на декоративной керамике и мелкой пластике. Лощение производится гладкой (сферической) поверхностью бамбуковой палочки.

Иногда отдельные участки поверхности сосуда ангобируются. В основном этот способ декорирования применяется на юге Непала. По описа-

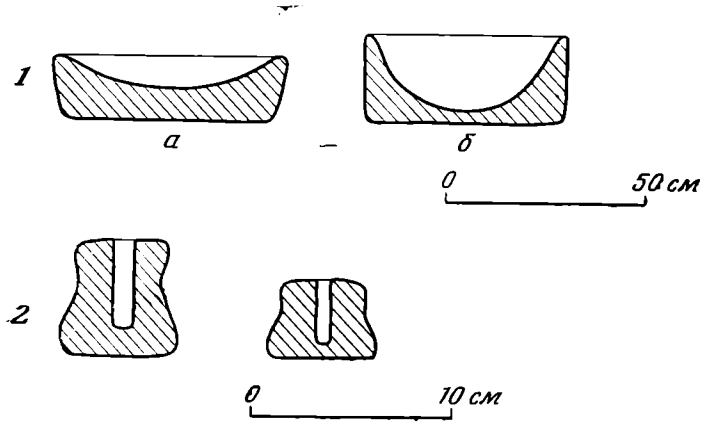


Рис. 3. Инструменты для выбивания донной части сосуда: *1* — форма «атхал»: *а* — каменная (пос. Тхими), *б* — деревянная (дер. Магарнатх); *2* — ударники «тхокни» (дер. Магарнатх)

нию индийских исследователей, наблюдавших процесс ангобирования в дер. Лаусадье, в состав ангоба входят три части желтоватой охристой глины и одна часть истолченной коры мангового дерева. Все компоненты перемешивают с водой и затем наносят куском ткани на сосуд [1, с. 251].

Наиболее распространенным способом обработки поверхности сосудов является выбивание. Присутствие этого технологического приема отмечено мной повсеместно, и в долине Катманду, и на юге Непала. Механическому воздействию при этом приеме подвергается донная часть сосуда. Практический смысл этого процесса заключается в уплотнении дна. Мне удалось наблюдать два способа выбивания.

1. Не полностью высушенный сосуд ставят в углубление специальной каменной или деревянной формы («атхал»). В правую руку берут каменный ударный инструмент, несколько напоминающий пестик («тхокни») (рис. 3). Левой рукой мастер медленно поворачивает сосуд, а правой рукой этим инструментом наносит несильные удары по донной части внутри сосуда (рис. 4). При этом и на поверхность формы, и внутрь сосуда подсыпают золу, чтобы сосуд не прилипал к поверхности формы и колотушки. В некоторых районах вместо золы используется мелкий песок. В том случае, если дно сосуда слишком тонкое или же имеет сквозное отверстие из-за неудачного срезания с круга, гончар увеличивает толщину дна, добавляя некоторое количество влажной глины, и ударами тхокни прибивает ее к донной части внутри сосуда. Если сосуд довольно высок, то для удобства работы внутри него тхокни надевается на палку, соразмерную высоте сосуда.

2. Как и в первом случае, не окончательно высохший сосуд ставят в углубление формы. В левую руку берут ударник — тхокни и опускают внутрь обрабатываемого сосуда. В правую руку берут деревянный молоток («тхана»). Молотком наносят равномерные удары по всей придонной части сосуда с внешней стороны, а ударник внутри сосуда смягчает силу удара. Как и в первом случае, для устранения прилипания используется зола или мелкий песок. В результате выбивания дно сосуда приобретает округлую форму.

После дополнительной обработки поверхности сосуды выставляют для окончательной сушки, а затем убирают в помещение или складывают на месте будущего обжига.

Обжиг производится от одного до трех раз в месяц в зависимости от количества произведенных сосудов. К сожалению, мне не удалось присутствовать при обжиге керамики, и здесь при описании этого процесса я пользуюсь данными, полученными из расспросов гончаров.

В Тхими обжиг производится в специальном месте, в сооружении, которое, очевидно, правильнее всего было бы назвать сараем, имеющим три стены из обожженного кирпича с большими проемами, покрытым соломенной крышей (рис. 5, *а*). Сооружения для обжига здесь однотипны у всех гончаров. На глиняный пол этого сооружения настилают слой соломы, на нее дном кверху ставят первый ряд сосудов, предназначенных для обжига. На первый ряд помещается второй, на него — третий и т. д. Количество рядов зависит от количества обжигаемой керамики и от величины сосудов. Затем все сооружение обкладывают дровами и покрывают слоем соломы. После этого гончар произносит слова молитвы, совершает ритуальное приношение богу огня Агни, покровителю всех гончаров Непала, и зажигает огонь.

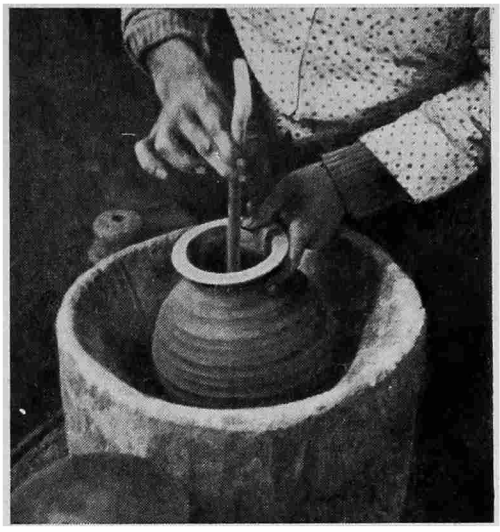


Рис. 4. Процесс выбивания донной части сосуда

После того как огонь разгорится, все сооружение засыпают золой, под слоем которой керамика выдерживается, постепенно остывая, до четырех дней.

Малые формы керамики (статуэтки, миниатюрные сосудики и пр.) обжигаются по мере их производства, после сушки, внутри больших широкогорлых сосудов емкостью 5—8 л. Горючим материалом в данном случае служит только солома.

В Магарнатхе у Гьяна Бахадура Праджапати мне была показана «печь» для обжига керамики другой конструкции. Она сложена из галечника, обмазана глиной (рис. 5, *б*), в плане прямоугольна, ее размеры 2,5×1,5×1,0 м. Печь открытая, сверху не имеет перекрытия. В нижней части передней стенки имеется поддувало. Керамику загружают в печь через верх. Первый ряд керамики ставят на слой дров, уложенных на дно печи. Затем до верхнего края печи чередуют слои дров и обжигаемой посуды. Сверху накладывают дрова. Обжигательный процесс здесь, как и в Тхими, начинается после совершения ритуальных действий, посвященных Агни.

И в Тхими, и в Магарнатхе большинство образцов обожженной керамики имеют красный, иногда серый цвет. Но гончарам известен также способ придания керамическим изделиям черного цвета. Предназначенные для этого образцы (как правило, декоративные предметы) обжигают, остужают, а затем натирают зелеными стеблями пшеницы или риса. После этого их обжигают вторично.

На юге Непала мне рассказали об использовании другого способа чернения посуды. Перед обжигом сосуды покрывают маслом, в процессе обжига в печь бросают различный мусор, дающий дым, и тщательно перекрывают печь слоем золы, для того чтобы дым не мог выйти наружу.

Ассортимент. Реализация продукции. Ассортимент продукции гончаров в Тхими очень велик и насчитывает более сотни различных керамических изделий, изготовляемых в каждой мастерской. Их можно разделить на три группы: бытовая керамика, культовые предметы, декоративная керамика.

Бытовая керамика повсеместно составляет основную массу продукции. Она представлена разнообразными формами кухонной и столовой посуды, сосудами для хранения воды и зерна. Удельный вес столовой посуды

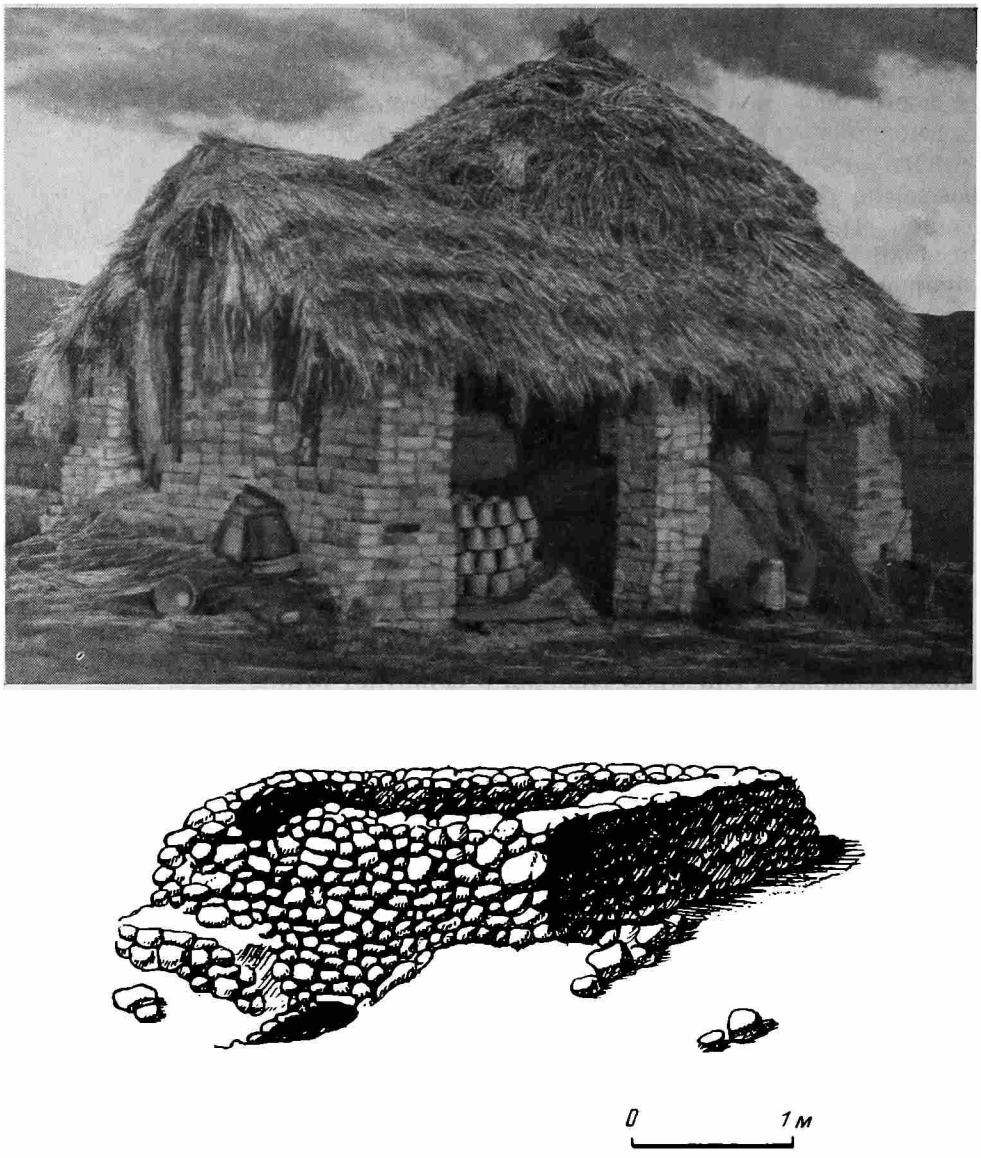


Рис. 5. Обжигательные устройства: *а* — крытое помещение (пос. Тхими), *б* — открытого типа (дер. Магарнатх)

во всем производстве сравнительно невелик, в быту она довольно успешно вытесняется фарфоровой и металлической посудой.

Культовые предметы представлены разнообразными терракотовыми скульптурными и рельефными изображениями индуистских божеств в антропоморфном и зооморфном виде. Их производство в значительной степени определено традициями индуистской религии, в формах чувствуется влияние канона.

Декоративная керамика в основном не традиционна, ассортимент ее формируется под влиянием меняющегося спроса на те или иные предметы и поэтому подвержен веяниям моды. Это светильники, подсвечники, миниатюрные декоративные сосудики, сосуды для цветов, разнообразные статуэтки животных и людей, в некоторых из которых с трудом угадываются индуистские мотивы. В каждой мастерской изготовляется керамика всех трех групп. Все же в отдельных мастерских изготовление бытовой керамики преобладает, составляя около двух третей всей продукции.

Рис. 6. Сосуд со следами выбивания донной части (начало I тысячелетия н. э., поселение Мулпани)

Рис. 6

Рис. 7. Ударные инструменты «тхокни» (археологические и этнографические материалы): *1*, *2* — Лумбини, *3* — Паисия (начало I тысячелетия н. э.); *4—6* — Магарнатх (современное производство)

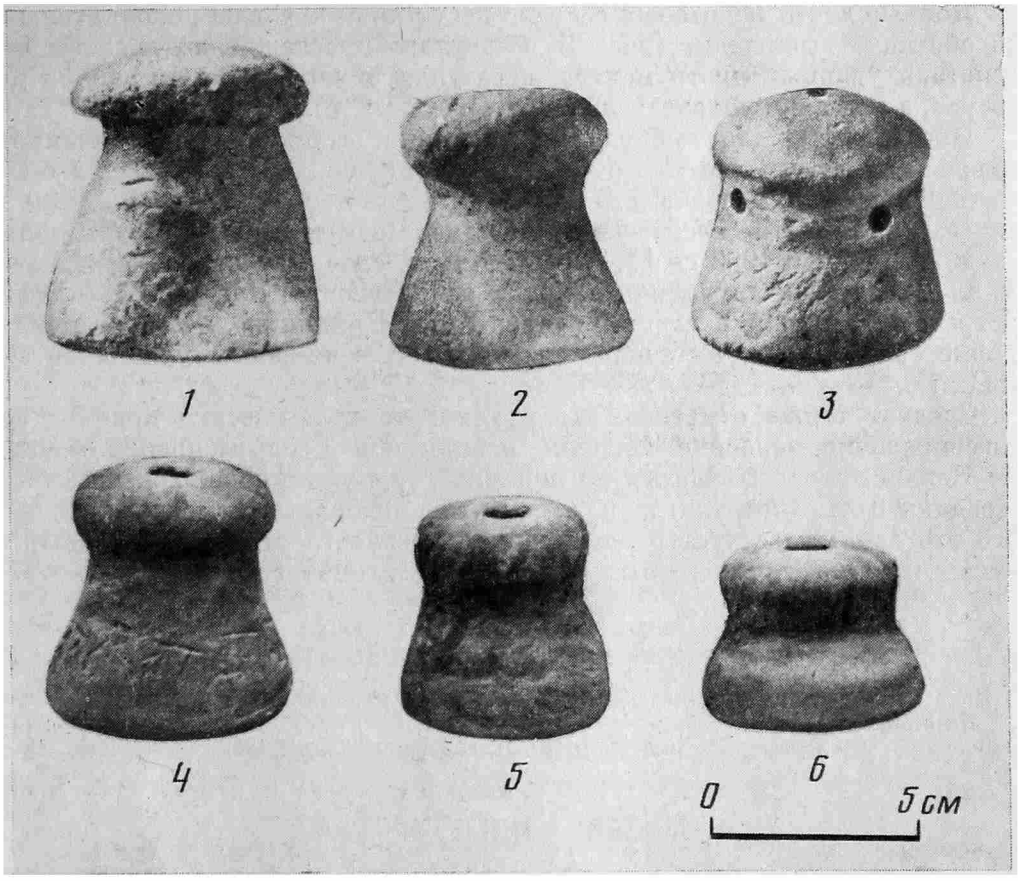


Рис. 7

Разнообразие керамических изделий обращает на себя внимание и на юге Непала, в дер. Магарнатх. Только здесь практически не производят декоративную керамику, что вполне объяснимо отсутствием спроса на нее. Ассортимент же бытовой керамики здесь, как и в Тхими, значителен. Специализации производства здесь также не наблюдается.

Во всех осмотренных мастерских керамика изготовляется для продажи. Частично она покупается у гончаров на месте, но большая часть продается в других населенных пунктах. И если из Магарнатха керамика не расходится далее 5—8 км, то гончары из Тхими снабжают своей про-

цукцией не только ближайшую округу, но в основном отправляют ее в города Катманду, Патан и даже в Покхару, т. е. более чем за 100 км. Такой далекий разброс керамики гончары объяснили тем, что в г. Покхаре нет хорошей глины и соответственно у местных гончаров керамика получается более низкого качества.

Таким образом, во всех осмотренных пунктах мы имеем дело с развитым ремесленным производством с рыночным сбытом.

Об архаичности некоторых технологических приемов. Знакомство с керамическим материалом археологических памятников Непала приводит к выводу, что использование отдельных технологических приемов, наблюдаемых в современном гончарстве Непала, берет свое начало по крайней мере в середине I тысячелетия до н. э.

В первую очередь обращает на себя внимание использование приема выбивания донной части сосуда, который можно наблюдать на некоторой части керамики середины I тысячелетия до н. э.— первой половины I тысячелетия н. э. из раскопок Тилаура-Кота. Такая же керамика встречается среди материалов начала I тысячелетия н. э. в Лумбини и как подъемный материал на ряде других памятников этого же времени и в долине Катманду (поселение у дер. Мулпани), и в южных районах страны.

Донные части некоторых сосудов несут на себе следы дополнительной обработки — выбивания (рис. 6). Отчетливо прослеживаются следы воздействия ударных инструментов, в результате которого округляется дно сосуда, а на глине появляется ряд уплощенных «площадок».

Инструменты для выбивания — ударники «тхокни» также являются довольно обычным археологическим материалом. Они сделаны из обожженной глины, имеют диаметр около 7 и высоту 6—8 см. Большинство из них имеют в центре несквозное отверстие. Четыре ударника были найдены в Лумбини в 1962 г. [1, t. CXXX], в слое начала I тысячелетия н. э., один — как случайная находка на поселении Паисия [2, t. VII]. Встречаются они и в слоях Тилаура-Кота. Принципиального отличия в форме, размерах и материале древних и современных ударников нет (рис. 7).

Следует также отметить, что и такие технологические приемы, как ангобирование, чернение, лощение, используемые современными гончарами Непала, прослеживаются на керамике уже упоминавшихся поселений середины I тысячелетия до н. э.— первой половины I тысячелетия н. э. Все это свидетельствует о несомненной древности отдельных технологических приемов, применяемых в современном гончарстве Непала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mitra D.* Exavations at Tilaura-Kot and Kodan and explorations in the Nepalese Tarai. Kathmandu, 1972.
2. *Deo S. B.* Archaeologikal investigations in the Nepal Tarai: 1968. Kathmandu, 1968.

A. V. Kashkin

POTTERY-MAKING IN NEPAL

Summary

The author cites rare ethnographic and archaeological data on the history of pottery-making in Nepal which he studied in 1978 in the centre (Thimi) and in the south (Magarnath) of the country. He also uses materials from archaeological monuments of the second half of the 1st millennium B. C. to the first half of the 1st millennium A. D. (Lumbini, Tilaura-Kot and others). Kashkin points out that some ancient pottery-making methods are still used. Especially archaic are such techniques as bottom modelling with the help of special instruments, slipping. polishing and burnishing. Striking analogies may be found among archaeological materials from Lumbini, Tilaura-Kot and other cites. Centuries-old traditions of Nepalese pottery-making (dating from the turn of the 1st millennium A. D.) exist against the background of modern marketable pottery production.

Заметки

ЖУРАВЛЕВ А. П., ДЕВЯТОВА Э. И., ВРУБЛЕВСКАЯ Э. Л.

МЕДНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СТОЯНКИ ЗАЛАВРУГА IV

Для изучения вопросов развития древнейшей металлургии меди в Карелии большое значение имеют проколка и стамеска, найденные Ю. А. Савватеевым и Э. И. Девятовой на стоянке Залавруга IV [1; 2]. Стоянка Залавруга IV расположена на краю берегового обрыва главного русла р. Выг, которая служила основной магистралью, связывающей поселение с морем и внутренними районами территории. В силу этого место посещалось неоднократно, о чем свидетельствуют разновременные археологические комплексы памятника. Э. И. Девятова считает возможным выделить четыре эпохи в заселении стоянки: неолит, энеолит, раннее железо и средневековье [2, с. 72]. Ю. А. Савватеев видит два разновременных археологических комплекса и датирует их эпохой энеолита [1, с. 173].

Осталось не вполне ясным, к какому времени относится сетчатая, штрихованная и гладкая керамика, представленные в значительном количестве на стоянке. Непонятно также, какому из археологических комплексов могут соответствовать стамеска и проколка, которые, по мнению Ю. А. Савватеева, «характеризуют довольно развитую степень обработки металлов» [1, с. 173].

Впрочем, поскольку выделенные Ю. А. Савватеевым археологические комплексы отнесены им к энеолиту, то, надо полагать, этим же временем датируются проколка и стамеска, создателей которых исследователь называет «первыми металлургами» [1, с. 305]. Однако на стоянке имеются почти все типы керамики от неолита до средневековья. В составе этих комплексов встречены не только проколка и стамеска, но и кусок железа [1, с. 164—173].

Облик медных предметов и условия их залегания следующие. Проколка (рис. 1, *1*) представляет собой четырехгранный металлический стержень длиной 7,5 см и сечением 0,6×0,6×0,5×0,7 см. Одна сторона ее имеет скос к острию. Кончик острия сломан. Рабочая часть проколки сильно залощена от длительного использования. Стамеска (рис. 1, *2*) имеет ширину лезвия 2 см, сечение обуха 0,6×0,6 см, длину 4 см. Лезвие с одной стороны хорошо заострено. В целом орудие обработано довольно грубо. Вся поверхность покрыта толстым слоем окиси.

Стамеска была найдена Э. И. Девятовой при геологических работах в кровле верхнего культурного слоя на глубине 12 см от дневной поверхности. Наблюдаемое здесь же тонкое переслаивание более светлых и более интенсивно окрашенных красновато-розовых слойков верхнего культурного слоя, ориентированных в разнообразных направлениях и под различным углом наклона, создало впечатление о более поздней деятельности человека на данном участке. Возможно, это результат перекопки ранее возникшего культурного слоя, датированного ею 3,9—3,7 тыс. лет назад. По условиям залегания складывается впечатление, что стамеска (и, вероятно, проколки) должны относиться к еще более позднему времени.

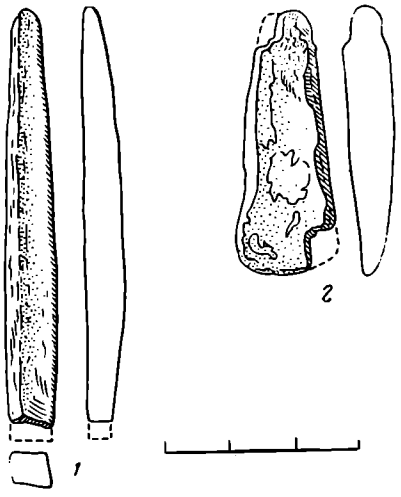


Рис. 1. Медные изделия стоянки Залавруга IV (*1* — проколка, *2* — стамеска)

Спектральное и металлографическое исследование указанных предметов было произведено в спектральной лаборатории Карельского филиала АН СССР и лаборатории рентгеноструктурного анализа Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена[1] (табл. 1).

По композиции обнаруженных примесей металл проколки и стамески является самородной медью гидротермального типа. Из меди этого типа изготовлены все поделки, найденные на энеолитических стоянках Прионежья и Заонежья.

Металлографическим анализом проколки и стамески установлено следующее. Проколка изготовлена из переплавленной самородной меди путем отливки в форму, о чем свидетельствует усадочная пористость, обнаруженная на расстоянии 7 мм от торца (рис. 2, *1*) и сетка окисных включений (рис. 2, *2* — продольное сечение). Окисные включения расположены в виде почти параллельных строчек. Такое расположение неметаллических включений характерно для металла, подвергнутого после отливки горячей ковке. Микроструктура неоднородна по сечению. Зерна, достаточно крупные в центре изделия, измельчаются к его поверхности и в области острия. Границы их нечеткие, а сами зерна вытянуты в направлении заливки металла. В области острия первоначальная структура сильно деформирована, что вызвано его длительной эксплуатацией, о которой свидетельствует также сильная залощенность острия (рис. 2, *3*). По краям изделия имеются трещины, связанные со строчками неметаллических включений и возникшие в результате работы.

Микроструктура стамески приведена на рис. 2, *4*, *5* (продольное сечение). Анализ ее говорит о том, что стамеска была изготовлена из кусочка переплавленной самородной меди способом горячей ковки. По-видимому, вначале была создана болванка, толщина которой равнялась толщине торцовой части. Затем отковывалась рабочая часть стамески — лезвие. Первоначально его оттягивали способом горячей ковки, а затем упрочняли холодной ковкой.

В структуре стамески имеется слабораздробленная сетка эвтектоида $Cu—Cu_2O$, характерная для литого металла. Сетка эвтектоида не связана с границами зерен (рис. 2, *4*), что характерно для пластически деформированного металла. Зерна в теле стамески имеют типичную вытянутость в направлении течения. Границы их четкие. В структуре

Таблица 1

Данные спектрального анализа

Изделия	Обнаруженные примеси			
	Mg	Fe	Ca	Pb
Проколка	+	+	+	V
Стамеска	+	+	+	V

[1] Исследование проколки проведено с любезного разрешения Ю. А. Савватеева. Спектральный анализ выполнен Э. В. Васильевой.

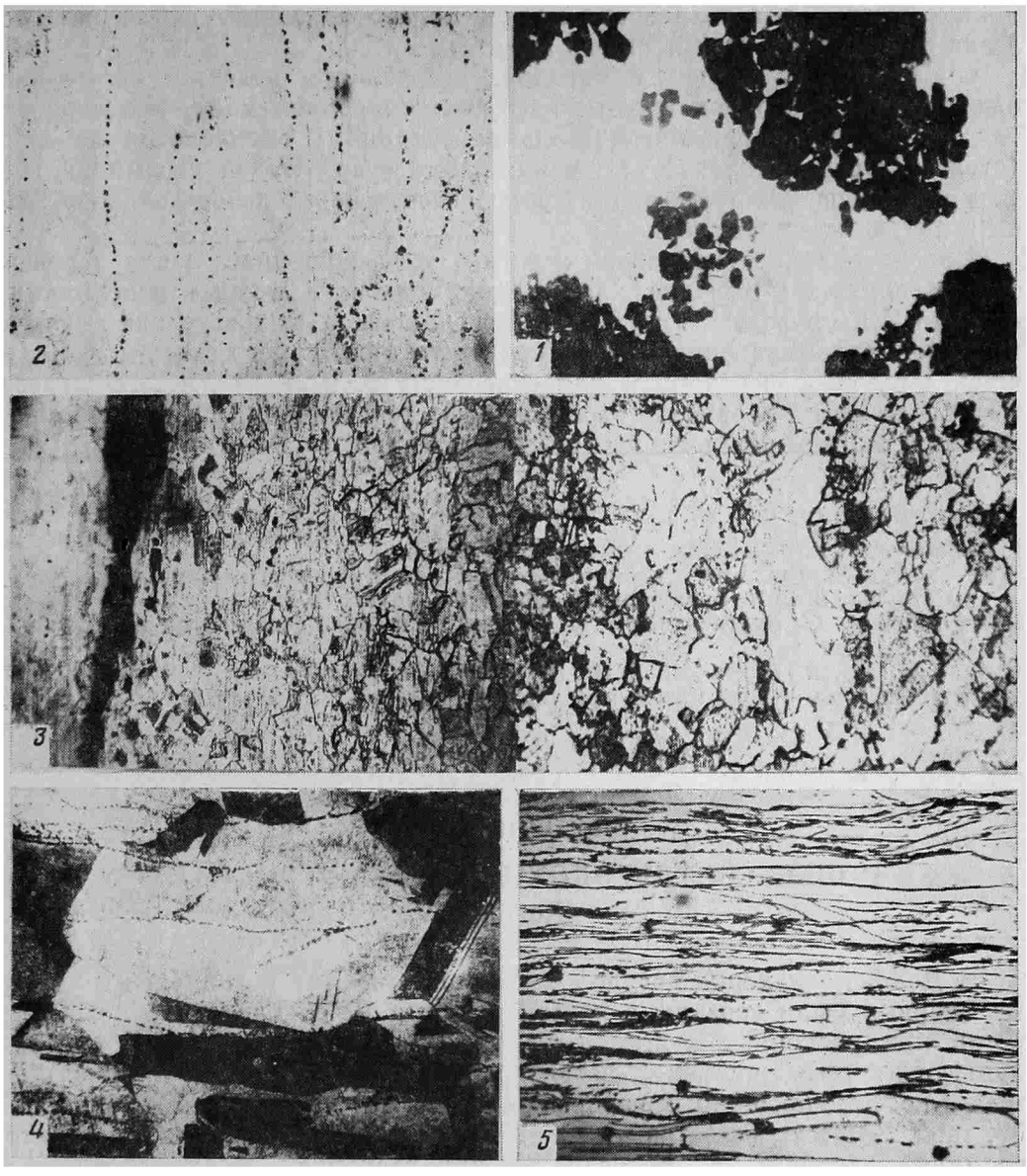


Рис. 2. Структура материала стамески и проколки: *1* — усадочная пористость, *2* — неметаллические включения в металле проколки (продольное сечение), *3* — микроструктура проколки (поперечное сечение), *4* — микроструктура стамески (тело), *5* — микроструктура лезвия стамески

встречаются двойниковые прослойки, характерные для горячедеформированного металла. Структура лезвия (рис. 2, *5*) резко отличается от структуры тела стамески своим волнистым строением, вытянутостью неметаллических включений в строчки, отсутствием четких границ. Такая структура отвечает достаточно большой степени холодной деформации. Об этом же свидетельствует и высокая микротвердость лезвия ($H = 95{,}4$ кгс/мм^2). Тело стамески имеет микротвердость 85 кгс/мм^2.

Анализ структуры проколки и стамески свидетельствует о достаточно высоком уровне мастеров, изготовивших эти орудия. Им были известны такие приемы обработки, как литье и плавка самородной меди, горячая ковка и упрочнение (нагартовка) изделий холодной ковкой для увеличения их стойкости в процессе эксплуатации.

Сравнивая данные, полученные при анализе проколки и стамески, с имеющимися у нас материалами по изучению медных находок с поселений чистого энеолитического комплекса ромбо-ямочной керамики [3],

можно сказать, что технология металлообработки в этом районе вступила на новый, более совершенный этап.

С чистыми комплексами энеолита встречаются изделия, изготовленные способом холодной ковки из кусков самородной меди. Более развитая технология наблюдается лишь в середине I тысячелетия до н. э. (стоянка Оров-Наволок XVI), у населения с асбестовой керамикой [4]. Совершенствование технологии заключается в переходе от холодной ковки к литью и горячей ковке.

Подобная технология более молодого и совершенного этапа в развитии металлургии Карелии нашла отражение и в медных изделиях на стоянке Залавруга IV. Результаты их анализа, а также условия залегания предметов, найденных в верхней части культурного слоя, могут служить серьезным основанием для отнесения их к эпохе раннего железа, тем более что материалы этой эпохи — текстильная и штрихованная керамика — были найдены на поселении Залавруга IV.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Л.: Наука, 1977, ч. II.
2. *Девятова Э. И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в Юго-Западном Беломорье. Л.: Наука, 1976.
3. *Журавлев А. П., Врублевская Э. Л.* Ранний этап металлообработки в Карелии.— СА, 1978, № 1.
4. *Анпилогов А. В., Витенкова И. Ф., Косменко М. Г., Панкрушев Г. А.* Работы Медвежьегорского отряда Карельской экспедиции.— АО-1975. М., 1976.

ТАТАРИНОВ С. И.

НОВЫЕ СОСУДЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СО ЗНАКАМИ (Донбасс)

В Донбассе находки сосудов с «пиктограммами» и солярными знаками впервые были связаны с исследованиями В. А. Городцова в 1903 г., когда при раскопках курганов было получено из погребений срубной культуры восемь горшков с «загадочными» значками в виде крестов прямых и косых, упрощенных изображений свастик [1, с. 242—244, рис. 52—57, табл. XIII, *1*], зигзагов и кругов. Большой обломок горшка с «пиктограммой» найден С. С. Березанской при раскопках поселения срубной культуры у с. Рубцы Краснолиманского р-на [2].

Особый интерес представляют найденные автором в последние годы два сосуда срубной культуры с «пиктограммами». В 1972 г. в 1,5 км северо-восточнее г. Артемовск, на поле подсобного хозяйства Артемовского ПТУ № 7, автором раскопан курган 1 высотой 1 м, диаметром 24 м, с сильно распаханной и эродированной насыпью. На глубине 0,8 м в насыпи был открыт концентрический выкид светло-желтой глины и песка мощностью 0,2—0,4 м. Центральным и единственным в кургане было погребение на глубине 1,1 м в каменном ящике (рис. 1, *1—3*). Перекрытие ящика размером 2,2×1,9×0,4 м состояло из плит песчаника, которые удерживались накатом из одного ряда дубовых бревен диаметром 10—15 см, положенных вдоль длинных стенок сооружения и имеющих следы действия огня. Перекрытие почти полностью рухнуло внутрь ящика, на перекрытии в двух местах лежала жертвенная пища (остатки костей овцы). Стенки ящика состояли из массивных плит, вертикально поставленных в материковой яме глубиной 1 м. Внешние размеры ящика 1,9×1,7×0,9 м.

Костяк покойника полностью истлел. Но ориентацию его удалось установить на основании частей черепа, зубов. Она была восточной, костяк

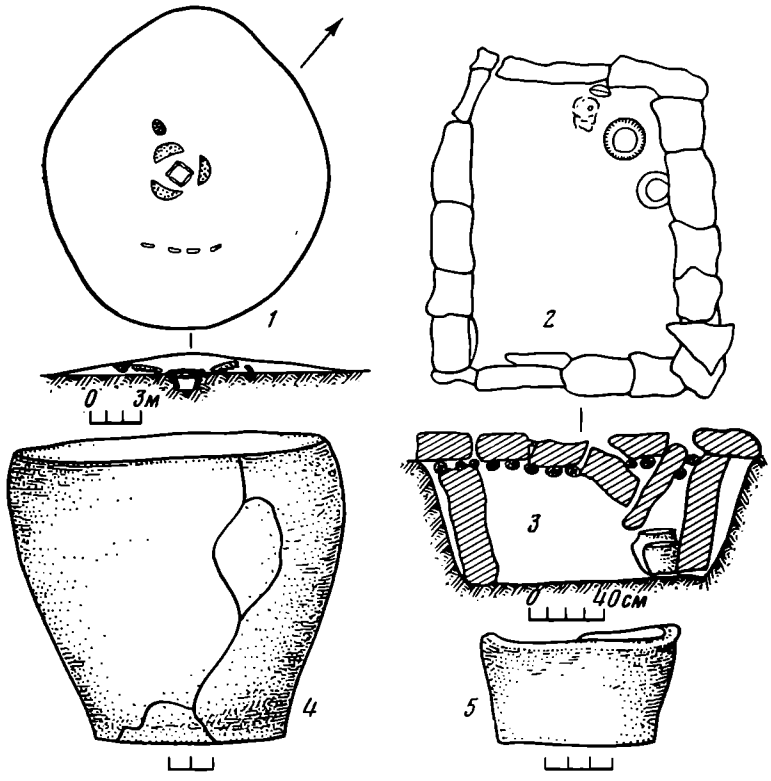


Рис. 1. Курган 1 у г. Артемовска

лежал на левом боку. Под обломками черепа была найдена хорошо обожженная глиняная чаша (рис. 1, *5*), рядом находился горшок со знаками, а под юго-восточной стенкой ящика — раздавленный камнями глиняный горшок, баночный по форме, со слабо выраженным венчиком и ребристостью (рис. 1, *4*), без орнамента.

Горшок со знаками имеет кубковидную форму (рис. 2, *1*). На расстоянии 9 см от края венчика на корпусе имеется уступ, усиленный сверху горизонтальным отпечатком толстого витого шнура. Поверхность сосуда слегка подлощена, цвет темно-коричневый. Шейка горшка на высоту 8 см орнаментирована замкнутой системой знаков, образованных толстым крученым шнуром. Среди знаков четко выделяются девять видов, которые объединены оборотом шнура в две группы. В первой группе (рис. 3, *1*) пять знаков, меандры одного рисуночного типа соединяют эту группу со второй, где имеется четыре знака (рис. 3, *2*). Кроме объединения шнуром каждый знак помещен в четырехугольник из отпечатков шнура, за исключением знаков, напоминающих букву «В» и перевернутую букву «П».

Второй сосуд со знаками найден в 1969 г. в разрушенном при строительстве кургане у с. Дроновка Артемовского р-на Донецкой обл. Сосуд представляет собой банкообразную невысокую чашу срубного времени (рис. 2, *2*). Высота ее 11, ширина 14, толщина стенок 1,5—2 см. Верхний край неровный, имеются нарезки. Внешняя поверхность подлощена, дно снаружи, как и у описанного горшка, совершенно чистое, не закопчено, что отвергает возможность его использования как кухонной посуды и свидетельствует о культовом назначении сосуда.

Вся внешняя поверхность горшка от дна до венчика по всей окружности покрыта сложным рисунком, образованным отпечатками мелкозубчатого штампа. Сверху по рисункам тонким режущим орудием (возможно, металлическим ножом) нанесена система линий, образующих ромбическую сетку. Таким образом, на сосуде имеется как бы два слоя орна-

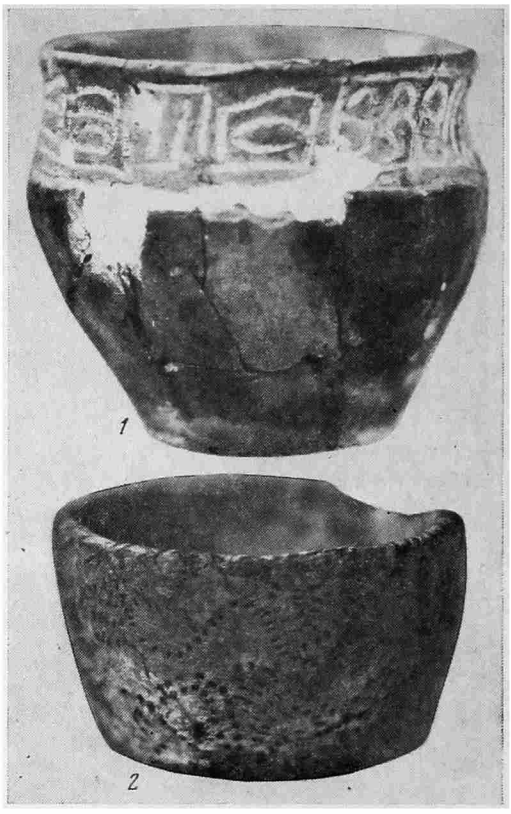


Рис. 2. Сосуды со знаками: *1* — г. Артемовск, *2* — с. Дроновка

ментации: рисунки из отпечатков мелкозубчатого штампа и поверх них сетчатая расштриховка. Центральное место в рисуночной композиции занимают две большие и шесть маленьких пирамидок вершинами к верху чаши, между ними размещены треугольники вершинами к низу чаши (рис. 3, *3*, *4*). Особый интерес представляют два треугольника, от которых вверх отходят по три-четыре зигзагообразных линии. Кроме того, на поверхности рассматриваемого сосуда изображены типичные солярные знаки (рис. 3, *4*): в виде Х-образного креста с усиленными двойной линией нижними отрезками, следующего за ним знака в виде косого креста, вписанного в двойную дугу, с примыкающим к нему фестоном из трех полных и двух неполных дуг. Над солярными знаками располагается изображение, напоминающее конскую голову, рядом четкое изображение «уточки» (рис. 3, *3*). Изображение в виде дуги — вторая «уточка» — не закончено.

В целом следует отметить, что характер изображений на сосудах из Артемовска и Дроновки, где отсутствует орнаментальная ритмичность и повторение элементов через одинаковые интервалы, указывает на то, что перед нами не обычный орнамент, которым довольно часто украшали горшки, а рисунки-пиктограммы с определенным смыслом и семан-

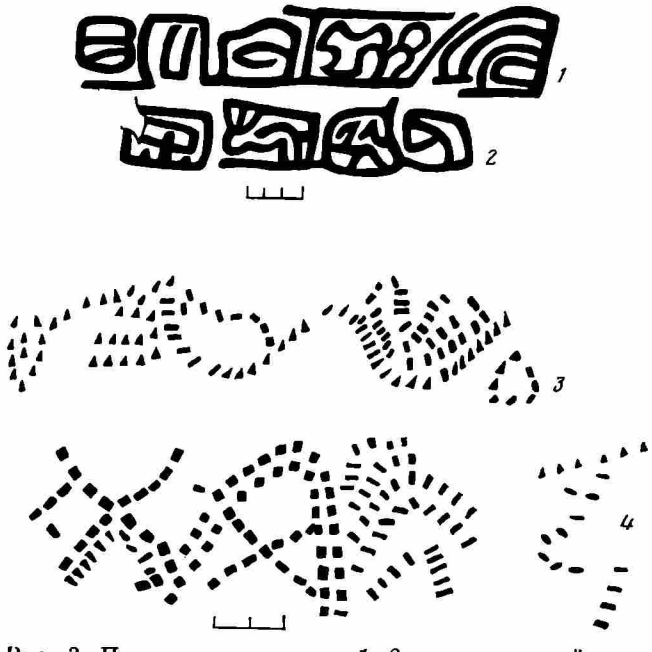


Рис. 3. Прорисовка знаков: *1*, *2* — артемовский сосуд; *3*, *4* — дроновский сосуд

тической нагрузкой. Если на артемовском горшке «письмена» имеют вид вязи (примитивных букв), то на дроновском сосуде это прямолинейные геометрические фигуры, зигзаг и, возможно, упрощенные изображения реальных предметов и животных. Налицо неодинаковый характер «письма» на двух сосудах срубной культуры; прочитать их, однако, в прямом смысле этого слова вряд ли удастся [3; 4, с. 182]. Такие попытки уже предпринимались рядом исследователей. Наша цель — публикация новых сосудов, представляющих интерес для исследователей первобытного искусства, письменности и космогонических представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 года.— Тр. XIII АС, т. 1. М., 1907.
2. *Березанская С. С.* Поселение срубной культуры на р. Осколе.— КСИА АН УССР, 1959, № 8.
3. *Формозов А. А.* Сосуды срубной культуры с загадочными знаками.— ВДИ, 1953, № 1.
4. *Формозов А. А.* Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности.— ВДИ, 1963, № 2.

МЕДВЕДЕВ А. П.

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ БЛИЗ ВОРОНЕЖА

До недавнего времени сарматская эпоха в лесостепном Подонье была представлена несколькими случайными находками и единичными впускными погребениями [1, с. 189—196] [1]. Однако археологические работы в этом регионе, принявшие особенно большие масштабы в 60—70-е годы, привели к открытию и исследованию новых сарматских памятников [2]. В связи с этим в 1977 г. археологическая экспедиция Воронежского университета в качестве одной из своих задач поставила поиск и исследование памятников сарматского времени на Среднем и Верхнем Дону. В том же году недалеко от с. Чертовицкое Рамонского р-на Воронежской обл. был открыт сарматский могильник [3, с. 2]. Как показали раскопки 1978 г., этот памятник содержит курганные и бескурганные захоронения.

Чертовицкий могильник расположен на высоком, поросшем лесом мысу правого берега р. Воронеж в 0,9 км вверх по течению от базы отдыха с. Чертовицкое. Он занимает ровную площадку южной оконечности мыса. В могильнике насчитывается более 50 насыпей. Они образуют пять обособленных групп, в каждой из которых курганы расположены очень компактно. Диаметр насыпей 4—10 м, высота 0,2—0,7 м. Насыпи сильно уплощены, некоторые из них имеют следы грабительских работ. В 1978 г. исследовано 5 курганных и 3 грунтовых захоронения. Последние обычно находятся в нескольких метрах к северу от ближайшей насыпи. Выяснение соотношения курганных и грунтовых погребений требует дополнительных работ на этом памятнике. Задачей настоящей заметки является публикация интересного погребального комплекса в кургане 5/40.

Курган 5/40 входит в центральную группу курганов Чертовицкого могильника (рис. 1, *а*). Диаметр насыпи кургана 5,6×4,6 м, высота 0,3 м. Насыпь несколько вытянута в меридиональном направлении. Состояла она из чернозема, насыщенного фрагментами керамики и костями животных. В центральной части насыпи на глубине 0,3 м зафиксирован могильный выкид [2] (рис. 1, *б*). Под ним хорошо прослеживался слой погребенной почвы мощностью до 0,35 м, имевший более светлую окраску, нежели заполнение насыпи. В нем также встречены фрагменты ке-

[1] В статье учтено одно погребение и три случайные находки вещей сарматского типа на Среднем Дону.

[2] Все измерения глубин даются от вершины кургана.

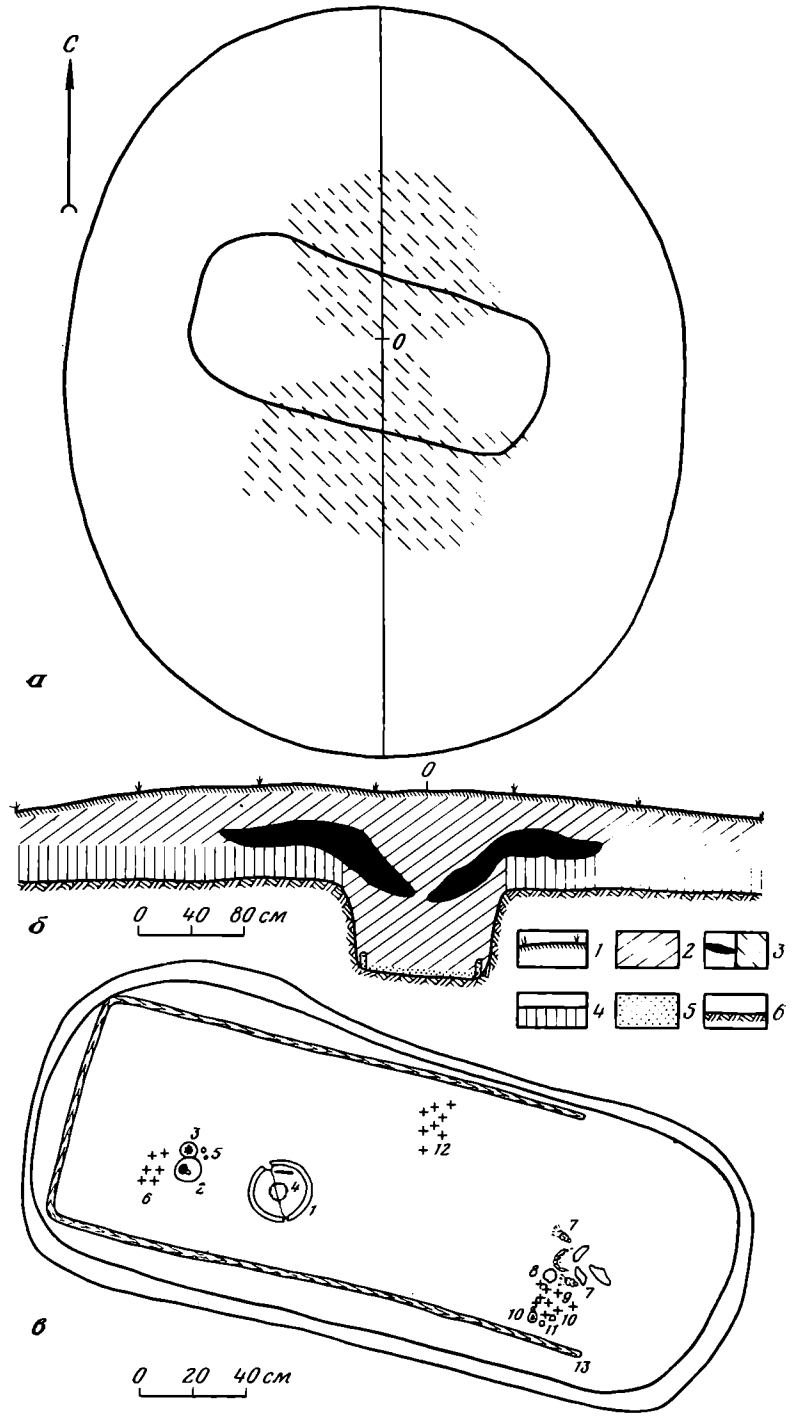


Рис. 1. Погребение в кург. 5/40 Чертовицкого могильника. *а* — план кургана; *б* — разрез насыпи и могильной ямы: *1* — дерновый слой; *2* — насыпь; *3* — материковый выкид; *4* — погребенная почва; *5* — песчаная подсыпка; *6* — материк; *в* — план погребения: *1* — миска; *2* — кувшин; *3* — сосудик; *4* — железный предмет с заостренным концом; *5* — румяна; *6* — первая снизка бус; *7* — серьги; *8* — зеркало; *9* — вторая снизка бус; *10* — колокольчики; *11* — перстень; *12* — третья снизка бус; *13* — гробовище

рамики, аналогичные керамике из насыпи. Судя по этому материалу, курган 5/40 перекрывал существовавшие здесь ранее поселения эпохи бронзы и скифского времени, культурный слой которых был использован при сооружении его насыпи.

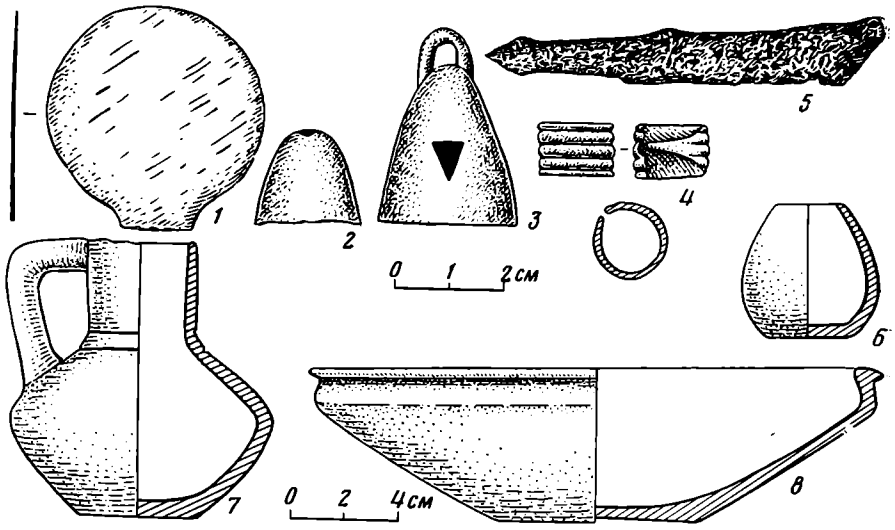


Рис. 2. Инвентарь из погребения в кург. 5/40 Чертовицкого могильника

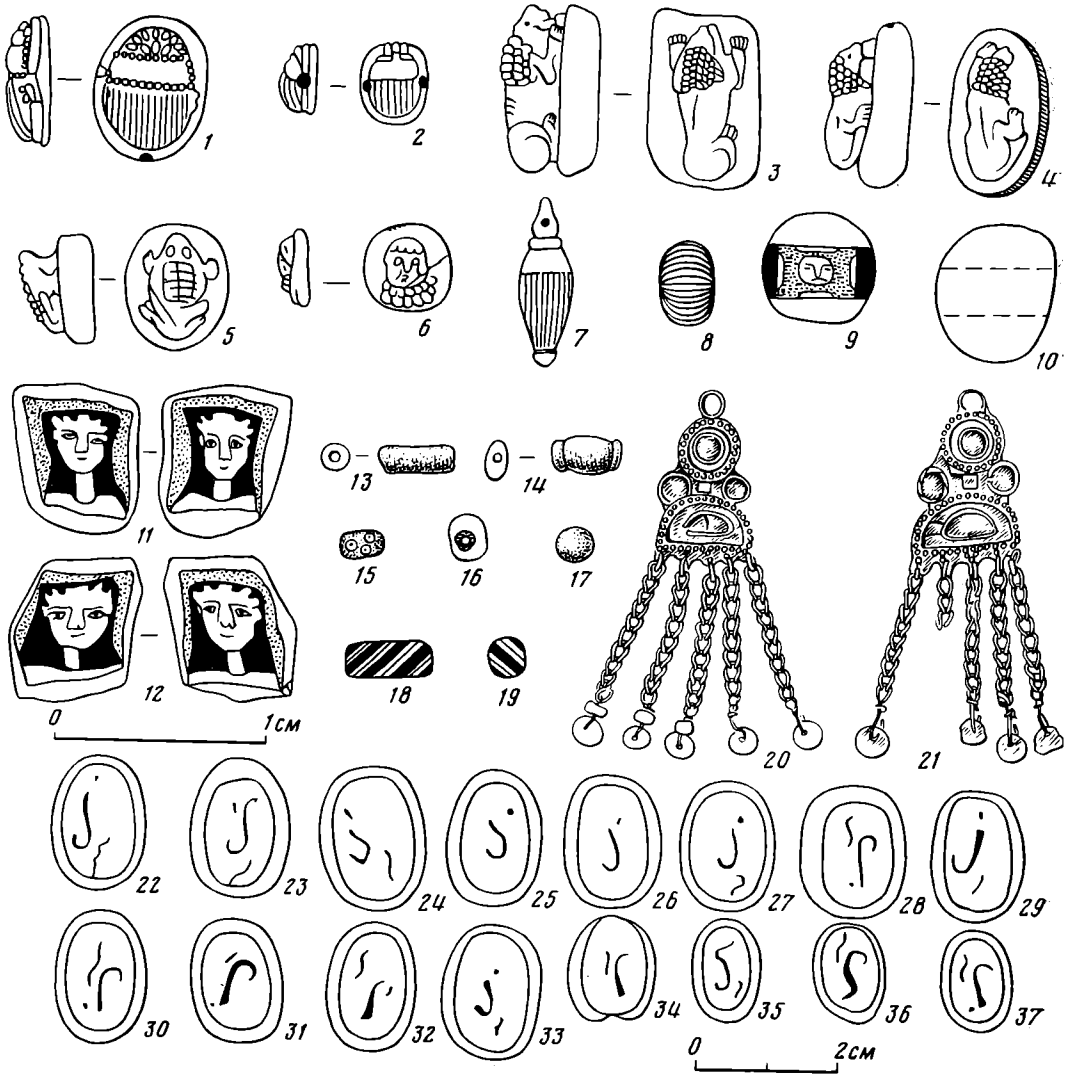


Рис. 3. Украшения из погребения в кург. 5/40 Чертовицкого могильника

В кургане обнаружено одно погребение, расположенное под центром насыпи (рис. 1, *в*). Оно совершено в яме прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ—ВЮВ. Максимальные размеры ямы 2,7×1,3×1,50 м. На дне ее лежал тонкий слой подсыпки из белого песка, резко выделявшейся на фоне коричневой материковой глины. От погребенного сохранились лишь некоторые кости черепа и зубы, найденные в юго-восточной части могилы. Удалось проследить остатки деревянного гроба или гробовища прямоугольной формы. В западной части могильной ямы на дне стояли три сосуда. Один из них — остроребериая сероглиняная миска гончарной работы со слегка наклоненным внутрь бортиком и отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *8*). В ней лежал удлиненной формы железный предмет с заостренным ромбовидным концом (рис. 2, *5*). Второй сосуд — гончарный красноглиняный кувшин с биконическим туловом и цилиндрическим горлом. Верхняя часть горла отбита в древности. Тулово отделено от горла двумя параллельными круговыми бороздками, ручка массивная, круглая в сечении (рис. 2, *7*). Третий сосуд — гончарный красноглиняный, яйцевидной формы, с плавно сужающимся к устью туловом (рис. 2, *6*). В нем находился мел, остатки которого сохранились на дне.

Рядом с яйцевидным сосудиком лежали куски румян алого и пунцового цвета. Между сосудами и западной стенкой могильной ямы были рассыпаны бусы различной формы и материала, включая фигурные пронизи из египетского фаянса. Семь пронизей изображают скарабея со сложным членением головы и спинки на подставке овальной формы (рис. 3, *1*). Канал отверстия направлен вдоль туловища жука. На обратной стороне подставки по два знака (рис. 3, *22—26*, *34*, *35*). Пронизи сиреневого, бирюзового и синего цвета. Одна пронизь изображает скарабея меньших размеров на подставке овальной формы (рис. 3, *2*). Канал отверстия направлен поперек туловища жука. На обратной стороне подставки знаков нет. Пронизь желто-зеленого цвета. Две пронизи изображают лягушку с расчлененной головкой и спинкой на подставке овальной формы (рис. 3, *5*). Канал отверстия направлен вдоль туловища лягушки. На обратной стороне подставки знаков нет. Цвет бирюзовый. У одной пронизи подставка частично отломана в древности.

Две подвески имеют вид амфорок с перетяжкой у дна, каннелированным туловом, с валиком и петелькой в верхней части (рис. 3, *7*). Обе бирюзового цвета.

Одна бусина округлоребристая, с 16 глубоко прорезанными островерхими дольками, параллельными каналу отверстия и отходящими от его краев (рис. 3, *8*). Цвет бирюзовый. Встречена также одна круглая плакетка с рельефным изображением головы младенца Гора (рис. 3, *6*). На обратной стороне знаков нет. Цвет серый.

Вместе с пронизями из египетского фаянса найдены две плоскогранные мозаичные бусины неправильной трапециевидной формы голубого цвета (рис. 3, *11*, *12*). На противоположных гранях бус изображения женского лица. Цвет лица белый, головной убор и завитки волос черные, фон красный. Кроме фаянсовых и мозаичных бус в западной части могильной ямы находились сердоликовые и стеклянные бусы. Среди последних округлая бусина темно-зеленого цвета (рис. 3, *17*), цилиндрическая и бочковидная пронизи красного цвета (рис. 3, *13 14*), 14 цилиндрических пронизок (рис. 3, *18*) и одна круглая бусина (рис. 3, *19*). Последние — синего цвета с чередующимися белыми и красными спиральными полосками. Тут же обнаружены четыре красные пронизки обычной формы с белыми спиральными полосками, а также более 60 мелких стеклянных бус.

Вторая группа украшений находилась рядом с черепом погребенного. Слева и справа от него лежали две фигурные золотые серьги. Тулово серег, представляющих собой стилизованные женские изображения, вы-

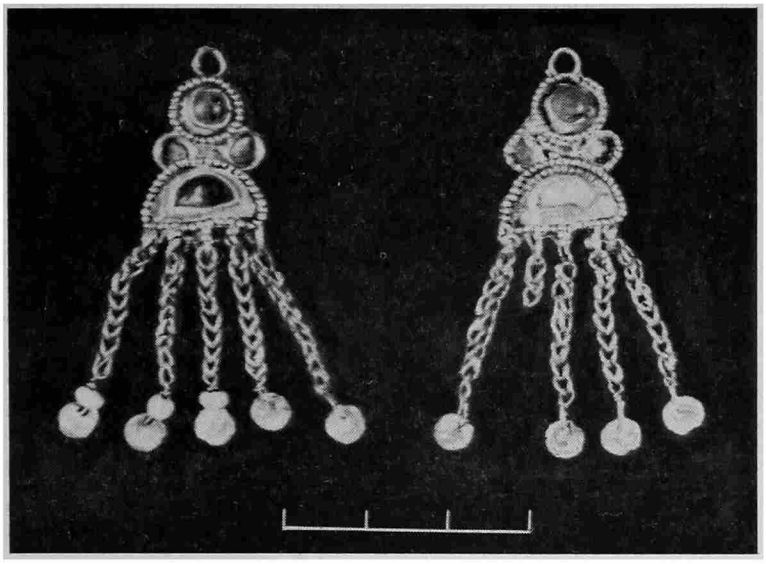


Рис. 4. Серьги из погребения в кург. 5/40 Чертовицкого могильника

полнены из листового золота (рис. 3, *20—21*; 4). Основу серьги составляет тонкая золотая пластинка, на которую напаяны вверху и по бокам круглые гнезда, а внизу сегментовидное. Верхнее и нижнее гнезда украшены по краям мелкой золотой зернью. В каждом из них были закреплены стеклянные вставки, оправленные листовым золотом. В древности они, вероятно, были вклеены в гнезда, сейчас же легко выпадают. В верхнем гнезде — вставка зеленого стекла, в нижнем — сиреневого (частично сохранилась в правой серьге). Между верхним и нижним гнездами имеется перемычка из тонкой золотой пластинки. Пластинка-основа завершается в нижней части пятью зубцами, к каждому из которых припаяно по золотому колечку. Сквозь каждое колечко продето верхнее звено золотой цепочки. К ее нижнему звену прикручены две переплетенные проволочки, на которые нанизано по одной белой бусинке. Проволочки пропущены через отверстия в золотых дисках, которыми и заканчиваются серьги. Обе серьги идентичны, но левая имеет более выраженные следы длительного ношения. У нее отсутствуют стеклянные вставки. Бусинки на цепочках утеряны в древности, а одна из цепочек наполовину оборвана. Кроме того, эта серьга на обратной стороне имеет три заплатки из золотого листа — следы неоднократного ремонта. Серьги продевались в уши с помощью колец из тонкой проволоки, пропущенных сквозь ушки серег. Они полностью окислились.

Рядом с левой серьгой найдено зеркальце с отломанной в древности ручкой (рис. 2, *1*). Здесь же обнаружены остатки деревянной шкатулки, в которой лежала вторая россыпь бус из египетского фаянса. В ее состав входят девять пронизей, изображающих скарабея со сложным членением головы и спинки на овальной подставке. Канал отверстия направлен вдоль туловища жука. На обратной стороне подставки имеются два знака (рис. 3, *27—33*, *36,37*). Пронизи бирюзового и зеленого цвета. Они относятся к тому же типу, что и большинство пронизей, найденных в западной части могилы. Здесь же было восемь пронизей с изображением лежащего на прямоугольной подставке льва (рис. 3, *3*). Канал отверстия направлен вдоль туловища. На обратной стороне подставки знаков нет. Пронизи синего, бирюзового и зеленого цвета. Одна пронизь имела аналогичное изображение, но на овальной подставке без знака (рис. 3, *4*). Цвет желтый.

Кроме бус из египетского фаянса в состав ожерелья входила мозаичная бусина фисташкового цвета, украшенная по середине поперечным пояском, состоящим из четырех квадратиков с изображением лица, чередующихся с белыми и красными вставками (рис. 3, *9*). Здесь же лежали четыре цилиндрические стеклянные пронизки красного цвета и одна круглая бусина из глухого белого стекла с синим глазком (рис. 3, *16*). Вместе с бусами в шкатулке находился массивный бронзовый колокольчик с ушком, корпус которого имел четыре треугольных отверстия в один ряд (рис. 2, *3*). В паре с ним найден колокольчик меньших размеров в виде колпачка (рис. 2, *2*). Железный язычок колокольчика крепился через круглое отверстие в верхней части с помощью завязанного узлом ремешка. Тут же лежал бронзовый перстень с щитком, украшенным четырьмя продольными каннелюрами (рис. 2, *4*).

В центральной части могильной ямы обнаружена третья россыпь бус. В ее состав входит одна пронизь из египетского фаянса сиреневого цвета с изображением льва, лежащего на прямоугольной подставке без знака, одна крупная бусина из горного хрусталя (рис. 3, *10*), пять синих стеклянных глазчатых пронизок (рис. 3, *15*), две цилиндрические пронизки красного цвета, а также более 150 мелких стеклянных и пастовых бус.

Таков набор погребального инвентаря в захоронении кургана 5/40 Чертовицкого могильника. Для определения его культурной принадлежности прежде всего следует рассмотреть представленный в нем погребальный обряд. Размеры курганной насыпи, местоположение, форма и ориентировка могильной ямы позволяют сблизить данное захоронение с сарматскими погребениями [4, с. 105]. Хотя скелет погребенного не сохранился, тем не менее нахождение костей черепа вместе с парой серег в юго-восточной части ямы, а сосудов — в западной с определенной долей вероятности позволяет реконструировать его ориентировку. Если учесть тот факт, что в Чертовицком могильнике сосуды обычно находятся в ногах костяков, то погребенный в кургане 5/40 имел юго-восточную ориентировку. Такая ориентировка встречается у сарматов прохоровского и сусловского времени наряду с господствующей южной [5, с. 114, 135]. Этому заключению не противоречит и обычай захоронения в деревянном гробу, известный у сарматов в оба упомянутых периода [6, с. 260; 7, с. 22]. Наконец, на сарматскую принадлежность исследованного погребения указывает использование в погребальном ритуале мела и зеркала.

Инвентарь погребения не только подтверждает вывод о его сарматской принадлежности, но и позволяет довольно точно его датировать. Остроребериая миска имеет многочисленные аналогии в меото-сарматских материалах первых веков нашей эры [8, с. 194, рис. 15, *10*; 9, с. 153; 10, с. 103, рис. 2, *5*]. Гончарные красноглиняные сосуды, по-видимому, являются импортом одного из античных ремесленных центров Северного Причерноморья. Широкое употребление сарматами античной круговой керамики — хорошо известное явление среднесарматской культуры [11, с. 243]. Особо следует обратить внимание на яйцевидный сосудик, форма и содержание которого ясно указывают на его культовое назначение [5, с. 54, рис. 38, *3*]. С культовой стороной жизни связаны и бронзовые колокольчики, которые скорее всего были апотропеями. Подобные колокольчики известны в первые века нашей эры на всей территории Юго-Восточной Европы, но чаще всего они встречаются в погребениях меото-сарматского круга [12, с. 152, 153]. Бронзовое зеркало из погребения кургана 5/40 плоское, с совершенно гладкой поверхностью. Оно изготовлено из белого сплава. Диаметр диска 4 см. Ручка зеркала отломана в древности, что сильно затрудняет определение его типологической принадлежности. Его можно отнести и ко II типу зеркал по классификации А. М. Хазанова [13, с. 58], и к III варианту зеркал-под-

весок по М. П. Абрамовой [14, с. 131]. В пользу последнего определения говорит значительная ширина обломанной ручки и малые размеры диска. М. П. Абрамова определяет время распространения зеркал-подвесок этого варианта II—III вв. н. э. [14, с. 131]. Однако В. Б. Виноградов и В. П. Петренко на основании новой находки установили, что зеркала-подвески III варианта появляются уже в I в. н. э. [15, с. 48].

Остановимся на украшениях, найденных в погребении кургана 5/40. Среди них самую многочисленную группу составляют бусы. Бусы из полудрагоценных камней (сердолик, горный хрусталь) немногочисленны. Количественно преобладают античные бусы из стекла, пасты и египетского фаянса. Подробнее рассмотрим бусы из последнего материала, так как в лесостепном Подонье известно лишь одно погребение с украшениями этого типа [16, рис. 3, *13*].

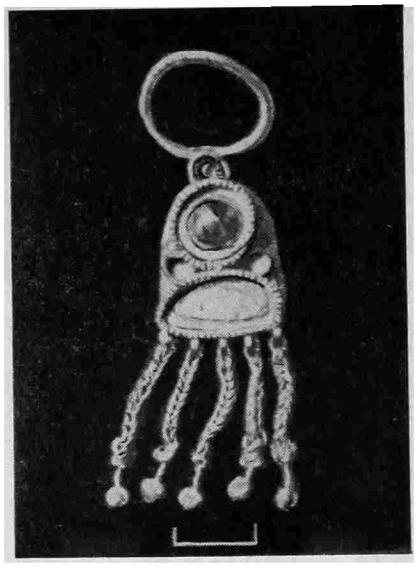


Рис. 5. Серьги из погребения в кург. 26 у хутора Алитуб

В погребении найдено 33 изделия из египетского фаянса. Среди них преобладают изображения скарабеев — 17 экз. За исключением одного, все скарабеи относятся к типу 50в по классификации Е. М. Алексеевой [17, с. 42, табл. 10, *10*]. Они датируются I в. н. э., но заходят также в I в. до н. э. и во II в. н. э. [17]. Из этой серии резко выделяется маленький скарабей желто-зеленого цвета на округлой подставке с каналом отверстия, направленным поперек туловища. Он относится к типу 46, единственный экземпляр которого происходит из погребения III в. до н. э. некрополя Ольвии [17, с. 41, табл. 9, *27*]. Скорее всего этот скарабей попал в состав комплекса случайно и поэтому может не учитываться при определении даты захоронения. Пронизи с изображением львов принадлежат типу 68б (9 экз.) и типу 67 (1 экз.) [17, с. 44, 45, табл. 11, *20*]. Они могут быть датированы I—II в. н. э. [17]. К тому же времени относятся подвески-амфорки и округлоребристая бусина [17, с. 46, табл. 11, *43*, с. 33, табл. 5, *26*]. Пронизи с изображением лягушки дают тип 55 и 57б [17, с. 43, табл. 11, *9*, *10*]. В Северном Причерноморье они бытуют в более узком хронологическом диапазоне — только в I в. н. э. [17]. Преимущественно этим же временем датируется плакетка с рельефной головой младенца Гора [17, с. 41]. Мозаичные бусы имеют аналогии в комплексах I в. до н. э.— I в. н. э. некрополей Боспора [18, с. 183; 19, рис. 5, *4*, *9*]. Таким образом, наиболее вероятное время сосуществования указанных типов бус — I в. н. э.

Золотые серьги из погребения кургана 5/40 Чертовицкого могильника позволяют еще более уточнить дату захоронения. Они выполнены в полихромном стиле, истоки которого восходят еще к эллинистической эпохе [20, с. 35, 36]. Однако наиболее широкое распространение изделия этого стиля получают у сарматов в первые века нашей эры [21, с. 116]. Нам известна довольно точная аналогия чертовицким серьгам — это серьга из погребения в кург. 26 у хут. Алитуб на Нижнем Дону (рис. 5) [22, с. 103—105] [3]. И у той и у другой находки полностью совпадают форма, расположение и число гнезд, форма и оформление вставок, способ крепления и количество цепочек. Расхождения касаются лишь

[3] Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность И. П. Засецкой, предоставившей в его распоряжение неопубликованный материал.

второстепенных деталей. На наш взгляд, сходство чертовицких сережек с серьгой из погребения кургана 26 у хут. Алитуб позволяет считать их изделиями одной мастерской, причем между временем их изготовления, видимо, не было большого хронологического разрыва. В таком случае появляется возможность использовать нижнедонскую находку для датировки по аналогии погребального комплекса кургана 5/40 Чертовицкого могильника. Б. А. Раев датирует комплекс в кургане 26 у хут. Алитуб началом второй половины I в. н. э. [23, с. 98]. К этому времени можно было бы отнести и погребение в кургане 5/40. Однако наличие на серьгах из Чертовицкого могильника ярко выраженных следов длительного ношения позволяет несколько омолодить дату интересующего нас захоронения. Вряд ли оно было совершено ранее начала последней четверти I в. н. э.

Хотя скелет в погребении не сохранился, однако состав инвентаря предоставляет возможность определить пол погребенного. Многочисленные и разнообразные бусы, золотые серьги, зеркало, а также румяна — все это указывает на то, что здесь погребена женщина. По богатству инвентаря это захоронение заметно выделяется среди исследованных погребений Чертовицкого могильника. Выделяет его также наличие деревянного гроба или гробовища. Обилие украшений при отсутствии в инвентаре пряслица — орудия труда сарматских женщин, обычного для женских захоронений Чертовицкого могильника, заставляет допустить, что это погребение женщины довольно высокого социального ранга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шоков А. Ф.* К сарматским памятникам на Дону.— Изв. ВГПИ. Воронеж, 1958, т. XXVI.
2. *Медведев А. П.* Сарматские памятники в лесостепном Подонье.— В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980.
3. *Медведев А. П.* Отчет об археологической разведке по р. Воронеж в Рамонском районе Воронежской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6682.
4. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3.
5. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
6. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
7. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10. М., 1963.
8. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
9. *Каменецкий И. С.* Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1965.— Архив ИА АН СССР, р. 2, № 1934.
10. *Скрипкин А. О.* Раскопки курганов на Иловле.— В кн.: Историко-краеведческие записки. Вып. 1. Волгоград, 1973.
11. *Вязьмитина М. В.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. *Вязьмитина М. В.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
13. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
14. *Абрамова М. П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
15. *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа.— КСИА АН СССР, 1977, № 148.
16. *Матвеев Ю. П., Медведев А. П.* Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области.— В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1979.
17. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, вып. Г1-12. М., 1975.
18. *Алексеева Е. М.* Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.— II в. н. э.— СА, 1971, № 4.
19. *Корпусова В. М.* Мініатюрна пластика і мозаіка з боспорського некрополя поблизу с. Золотое.— Археологія, 1973, № 9.
20. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.
21. *Скалон К. М.* О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время.— АСб. ГЭ. 1961, № 2.
22. *Засецкая И. П.* Отчет о работе Манычского отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г.— Архив Ростовск. обл. краеведч. музея.
23. *Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III веков н. э. на Нижнем Дону. Канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1979.

МАКАРОВ Н. А.

МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ ПРИ СОКРЫТИИ КЛАДА НА РУСИ

Фольклорные сюжеты, связанные с сокрытием и поиском кладов, известны многим народам [1, р. 121, 137, 171, 191], в том числе и восточным славянам. Основной мотив восточнославянских легенд о кладах — невозможность завладеть спрятанными сокровищами. На пути кладоискателя возникают самые разнообразные препятствия, чаще всего клад оказывается заклят, его охраняет нечистая сила, «кладовики» и «кладенцы». Заклятия и магические действия, совершенные при сокрытии клада, делают его практически недоступным. Кладоискателю недостаточно узнать место, где спрятаны сокровища, и вооружиться заступом — желающий завладеть кладом должен прибегнуть к помощи некоторых магических обрядов. В арсенал средств, употреблявшихся при подобных обстоятельствах, входили «вызывные книги», «разрыв-трава», особые молитвы, заговоры и даже действия, способные привлечь расположение нечистой силы.

Легенды и поверия такого рода не могут рассматриваться как безоговорочные свидетельства исполнения магических обрядов при сокрытии кладов. Благодатная почва для рождения таких рассказов — постоянные и вполне объяснимые неудачи кладоискателей. Более вескими аргументами в пользу существования интересующих нас обрядов являются, во-первых, заговоры на зарытие кладов и, во-вторых, некоторые находки в составе самих кладов.

Обратимся сначала к заговорным формулам. Почти все они крайне лаконичны «Чьи ручки загребают, те и выгребайте» [2, с. 214, 215; 3, с. 21; 4, с. 361], «Щоб ци гроши таки руки вôдкопали, яки закопали», «Чорте, чорте, на тобе грошй» [3, с. 41; 5, с. 97]. Эти заклятия приводятся в рассказах о скупых стариках, пожелавших навечно скрыть свои сокровища. Обычно наследники, случайно услышавшие заклятие, завладевают деньгами, догадавшись выгрести их из потаенного места руками скупого мертвеца. Приговоры «На сто голов», «Ты отдайся тому, кто положит здесь 12 голов человеческих, шесть женских и шесть мужских» и т. п. фигурируют, как правило, в рассказах о человеке, который подслушал их, оказавшись невольным свидетелем сокрытия клада. Герои этих рассказов приносят на заклятое место не сто голов, а сто колов или заменяют человеческие головы головами животных, после чего взять клад не составляет уже никакого труда [6, с. 722—724; 5, с. 97; 7, с. 17, 18; 8, с. 167]. В другом рассказе старик, зарывая клад, замучил барана, сопроводив это действие заклятием: «Щоб так мучыло того, хто найде ці гроші» [5, с. 97]. Впрочем, эти заклятия также не могут служить доказательством существования обрядов и заговоров, сопровождавших зарытие клада, поскольку они встречаются лишь в рассказах с фантастическими сюжетами. Особняком стоит заговор на сокрытие клада, записанный В. П. Юрловым в Симбирске. Приводим его текст полностью, так как он представляет значительный интерес для нашей темы.

«Кладу я, раб Б., поклажу, каменным тыном огораживаю, каменной дверью запираю, за тридевять замков, за тридевять ключов, во един ключ, во един замок, через этот тын никому не хаживать, никакой птице не летывать; как утвержден Иерусалим на земле, так да утвердится земля на месте твердо, будь заговор мой от востока до запада, от седьмого неба и в третью бездну, отдам ключ Михаилу Архангелу, Михаил Архангел Гавриилу, Гавриил Архангел — Матушке Пресвятой Богородице за престол, Матушка Пресвятая Богородица во Иордан реку белой рыбе. Амин» [9, с. 105, 106].

Подобные описания замыкания замком и огораживания каменным тыном часто встречаются в заговорах. Как показал Н. Ф. Познанский, в не-

которых случаях они восходят к реальным обрядам, совершавшимся с замками, ключами и другими предметами [10]. Магические действия уступили место словесным формулам. Конечно, далеко не все заговоры с упоминанием замков и ключей генетически связаны с ритуальными действиями, в которых эти предметы употреблялись. Но в данном случае переход акциональной формы обряда в вербальную подтверждается находками замков и ключей в древнерусских кладах, обнаруженных в Киеве (№ 30, 77, 91, 98, 103, 125 по нумерации Г. Ф. Корзухиной) [11, с. 17, 18, 90, 91, 115, 118, 120—122]. Один из этих кладов (№ 30) исследовательница датировала XI —началом XII в., остальные — временем между 70-ми годами XII в. и 1240 г. Замки находились, по-видимому, в горшках или в амфоре. В одном из кладов обнаружено два замка, что сопоставимо с запиранием двумя, тремя и более ключами, упоминаемыми в заговорах.

Еще Н. П. Кондаков предположил, что найденные в кладах замки имели магическое значение [12, с. 126]. Г. Ф. Корзухина не дала прямого ответа на вопрос, как эти предметы попали в клады. Приведенный выше заговор подкрепляет точку зрения Н. П. Кондакова. Еще один аргумент в пользу этого — магическое употребление замков и ключей в обрядовой практике восточнославянских народов, известное по описаниям XIX — начала XX в. Так, например, существовал обычай в Юрьев день обходить скот с замком, после совершения обхода замок запирался и хранился в таком виде до следующего Юрьева дня [13, с. 38, 39; 14, с. 122]. В других случаях при первом выгоне скота в воротах хлева клали запертый замок [15, с. 42; 16, с. 301; 17, с. 704; 18, с. 177]. Цель обрядов — уберечь скот от волков, болезней, бескормицы. На свадебном сговоре положенный под порог замок запирался сразу же после прихода в дом жениха, а потом кидался в реку — это действие должно было обеспечить крепость брака [17, с. 203]. На похоронах практиковалось запирание окон и дверей дома после выноса покойника — в этом случае смерть не могла вернуться в дом [17, с. 217, 293, 995; 19, с. 281, 282, 290, 298, 324, 350, 365; 20, с. 173; 21, с. 81; 22, с. 371]. С такой же целью кидались замки в могилы при погребении [23, с. 186, 188; 24, с. 66]. Вероятно, большинство находок замков и ключей в курганах следует интерпретировать как свидетельства совершения ритуального замыкания умершего на месте погребения. Для борьбы с эпизоотией над губами павшей скотины запирали замок, который впоследствии зарывался в яму вместе с павшим животным. Некоторые хозяева вешали замки на шеи здоровых животных, чтобы предохранить их от заражения [25, с. 125, 126; 26, с. 29, 30]. Во время эпидемий оспы на двери тех домов, где еще не было больных, навешивались замки, запиравшие для болезни вход в дом [27, с. 190]. Женщины, не желавшие иметь детей, клали на супружеское ложе запертые замки [28, с. 176]. Во всех описанных обрядах замки создают магическую ограду вокруг объекта или закрепляют совершенное действие. Н. Ф. Познанский вполне обоснованно сопоставил заговорные закрепки с упоминанием замков и ключей и огораживание железным тыном [10, с. 238—253]. Пространство, ограниченное железным тыном и ставшее вследствие этого недоступным для проникновения враждебных человеку сил, может образоваться не только в результате магических операций с замками и ключами. Для огораживания могут использоваться топоры, ножи, сошники и другие предметы, обладающие, как правило, острым краем.

Представления о магических свойствах этих предметов объясняет присутствие их в некоторых кладах. Серп и коса, лежавшие крестообразно, прикрывали горшок, в котором находился клад пражских грошей и литовских денариев, обнаруженный в 1897 г. в с. Пулганов бывш. Луцкого уезда [29, с. 14]. В одном из гнездовских кладов (№ 23 по нумерации Г. Ф. Корзухиной, вторая половина X в.) был найден клинок меча

[11, с. 87, 88]. В составе клада, происходящего из дер. Терехово бывш. Болховского уезда (№ 154 по нумерации Г. Ф. Корзухиной, 70-е годы XII в.— 1240 г.), встречен железный сошник [11, с. 139, 140]. В киевском кладе 1893 г., найденном на углу Сретенской и Малой Владимирской улиц (№ 94 по нумерации Г. Ф. Корзухиной, 70-е годы XII в.— 1240 г.), горшок с вещами стоял на железном топоре [11, с. 116]. Уже упоминавшийся киевский клад 1902 г., найденный на Большой Житомирской ул., в составе которого находился замок, был, кроме этого, накрыт кольчугой [11, с. 115]. Подобные предметы встречаются и в кладах, происходящих с соседних территорий. Боевой топор обнаружен в кладе куфических монет в дер. Мусорки бывш. Ставропольского уезда (вторая половина X в.). [30, с. 41]. В одном из поморских кладов топор лежал вместе с дирхемами, позднейшие из которых чеканены в 941 г. [30, с. 112], в другом среди денариев XI в. оказался железный нож [31, S. 38]. Три топора и копье входили в состав третьего Саулескалнского клада (Латвия, конец X в.), еще два топора сопровождали латвийские клады XII в. [32, с. 14].

Судя по этнографическим материалам, проведение магической границы железным предметом могло принимать различные формы. В Юрьев день вокруг стада волочили топоры [9, с. 122]. Как и замки, топоры клались на порог хлева во время первого выгона скота на пастбище [15, с. 42]. При выносе покойника гроб трижды обходили с топором в руках [13, с. 115]. Этнографами многократно описаны опахивания деревень, осуществлявшиеся для предотвращения эпидемий: впрягшиеся в соху женщины пропахивали вокруг деревни борозду, через которую не могла переступить болезнь [33, с. 132, 133]. Чтобы обезопасить себя во время святочных гаданий, карелы очерчивали замкнутую окружность острым железным предметом — косой, топором или ножом. Такой же магический круг прочерчивался косой вокруг жениха и невесты за неделю до свадьбы [34, с. 76]. У латышей человек, остановившийся на ночлег в незнакомом месте, обводил круг ножом около своей постели и крестился тем же ножом, чтобы обезопасить себя от нечистой силы [35, с. 198]. Обычай класть иголки, ножи и другие острые предметы на пороги и втыкать их в оконные рамы для предохранения от болезни и порчи имел широчайшее распространение у всех народов Восточной Европы. «Мой дом окован железом, из кос сделаны стропила, а иголками крыты крыши...,» — говорится в латышском заговоре [35, с. 248].

«Найди в деревне 9 ножей, эти ножи клади на землю около коровы и этими ножами сделай 9 раз кресты под коровой, где корова спит» — рекомендует водский знахарь крестьянке [36, с. 303].

В свете приведенного материала неудивительным оказывается разнообразие модификаций возводимого вокруг клада железного тына. Вероятно, прежде чем бросить замок в горшок с драгоценностями, их владелец совершал ритуальное запирание. Укрываемое имущество очерчивали топором, ножом или лезвием меча, тем самым клад заключался в магический круг. Но само присутствие в кладе замка, топора, кольчуги или другого железного оберега являлось, очевидно, надежной защитой против всякого, кто покушался на спрятанные сокровища.

Можно предположить, что некоторые магические свойства могли приписываться и тому сосуду, в который помещали укрываемые вещи. На это указывает известное среди кладоискателей поверие, согласно которому для взятия клада надо, помимо прочего, отслужить молебен Иоанну Новгородскому [6, с. 724, 725; 37, с. 425]. Этот святой прославился тем, что запечатал беса в кувшине. Должно быть, кладоискатели надеялись, что Иоанн поможет распечатать заклятый сосуд.

Сокрытие клада было обычно связано с опасностью, угрожавшей жизни и благосостоянию человека. Исполнение магических обрядов при сокрытии клада находится поэтому в полном соответствии с описанными в

XIX—XX вв. случаями обращения к магическим средствам в наиболее драматические моменты жизни индивида или всего коллектива, например, при длительной засухе, эпизоотии, эпидемии, когда обыкновенные хозяйственные и бытовые операции казались недостаточно эффективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Types of the Folk Tale. A Classification and Bibliography. Antti Aarnes Verzeichnis der Marchentypen. Translated and Enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1967.
2. *Едемский М. Б.* Из кокшеньгских преданий.— ЖС, 1908, № 1.
3. *Ефименко П. С.* Сборник малороссийских заговоров.— ЧОИДР, 1874, № 1.
4. *Садовников Д. И.* Сказки и предания Самарского края.— ЗРГО по отд. этнографии, 1884, т. 12.
5. *Чубинский П. А.* Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. I, СПб., 1872.
6. *Аристов Н. Я.* Предания о кладах.— ЗРГО по отд. этнографии, 1867. Т. 1.
7. *Смирнов В. И.* Клады, паны, разбойники.— ТКНОИМК, 1921, № 26.
8. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
9. *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1868.
10. *Познанский Н. Ф.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул.— Зап. истор.-филол. ф-та Петроградского ун-та, 1917, ч. 136.
11. *Корзухина Г. Ф.* Древнерусские клады IX—XIII вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1886.
13. *Иваницкий Н. А.* Материалы для этнографии Вологодской губернии.— В кн.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. СПб., 1890.
14. *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1894.
15. *Зернова А. Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае.— СЭ, 1932, № 3.
16. *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. Вильна, 1912.
17. *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива РГО. Вып. 2. Пг., 1915.
18. *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, собранные в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.
19. *Гнатюк В.* Похоронні звичаї и обряди.— Етнографічний збірник, Львів, 1912, т. 31—32.
20. *Милорадович В. П.* Народные обряды и песни Лубенского уезда Полтавской губернии, записанные в 1888—1895 гг.— Сб. Харьковск. истор.-филол. об-ва, Харьков, 1897, т. X.
21. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда.— Этногр. сб., 1862, вып. 5.
22. *Иваница А.* Домашний быт малоросса Полтавской губернии Хорольского уезда.— Этногр. сб., 1853, вып. 1.
23. *Булгаковский Д. Г.* Пинчуки.— ЗРГО по отд. этнографии, 1890, т. XIII, вып. 3.
24. *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья.— МАР, 1895, т. 20.
25. *Завойко К.* Верования, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губернии.— ЭО, 1914, № 3—4.
26. *Смирнов В. И.* Гадания Костромского края.— ТКНОИМК, 1927, вып. 41.
27. *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
28. *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов. Вильна, 1895.
29. *Сиверс А. А.* Топография кладов с пражскими грошами.— Тр. Нумизмат. комис. РАИМК, 1922, т. 2.
30. *Марков А.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.
31. *Kiersnowscy T i R.* Wczesnosredniowiecne skarby srebrne z Pomorza.— In: Polskie Badania archeologiczne. T. 4. Warszawa, 1959.
32. *Уртан В. А.* Латвийские клады до 1200 г. как исторический источник. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
33. *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
34. *Лавонен Н. А.* О древних магических оберегах.— В кн.: Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1977.
35. *Трейланд Ф. Я.* Материалы по этнографии латышского племени.— Труды этнографического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1881, т. 40, кн. 6.
36. *Ленсу Я. Я.* Материалы по говорам води.— Западнофинский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
37. *Витевский В. Н.* Клады и кладоискание на Руси.— Изв. О-ва археол., истор. и этногр. при Казанск. ун-те, 1893, т. XI, вып. 5.

ВОЛКАЙТЕ-КУЛИКАУСКЕНЕ Р., ЛУХТАН А.

РЕДКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЫ

В 1975—1978 гг. совместная экспедиция Института истории АН ЛитССР и Кафедры истории ЛитССР Вильнюсского госуниверситета проводила исследования комплекса археологических памятников в местности Наркунай (Утянский р-н) [1, с. 433, 434; 2, с. 423, 424; 3, с. 432; 4, psl. 84—94].

Наиболее интересные материалы были получены при раскопках «Большого» городища. В основном это уникальные находки, относящиеся к древнейшему периоду заселения городища — к концу II и к I тысячелетию до н. э. Наряду с этим ценные находки были сделаны и в самом верхнем горизонте культурного слоя, датируемом XIII — первой половиной XV в. Особый интерес представляет находка редкой медной монеты

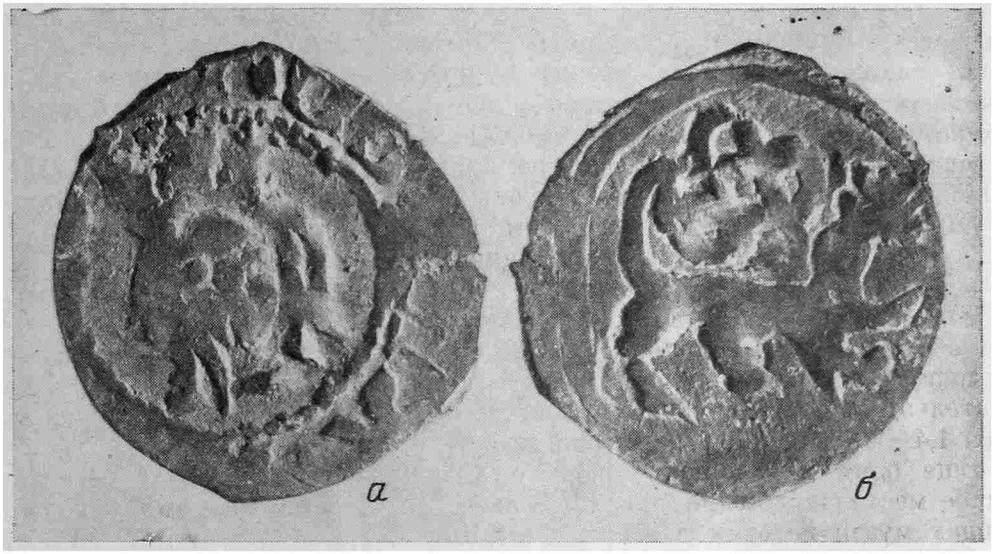


Рис. 1. Медная монета. Обнаружена на городище Наркунай. *а* — аверс, *б* — реверс (увеличено в 4 раза)

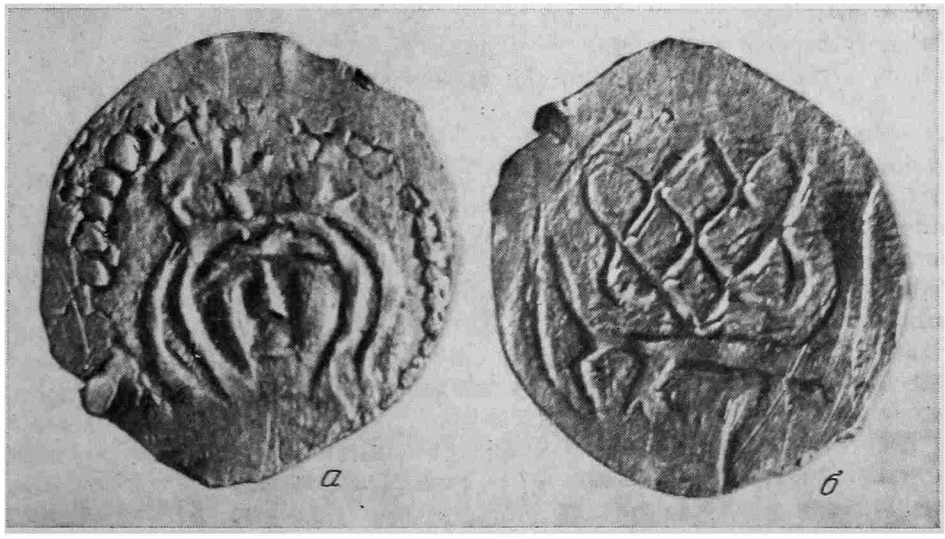


Рис. 2. Серебряная монета. Обнаружена в г. Утяна. *а* — аверс, *б* — реверс (увеличено в 4 раза)

[4, psl. 93, 94], до сего времени не упоминавшейся в нумизматической литературе. На аверсе монеты в сливающемся бусинном ободке изображено лицо человека в короне с длинными, ниспадающими на плечи волосами. По краю монеты идет невыразительная надпись, выполненная готическим маюскульным шрифтом, четыре буквы которой предположительно «...NUS ..X», возможно, надпись читается [MAG] NUS[DU] X/. Так как штемпель сильно разбит и несколько сдвинут влево, бóльшая часть изображения и надписи неразборчивы. На реверсе в ленточном ободке шагающий вправо четвероногий зверь — лев или дракон с хищно разинутой пастью. Хвост зверя закручен вверх и над спиной переходит в тамгу или декоративную плетенку. Монета довольно правильной круглой формы, диаметр 1,53—1,45 см, вес 1,0495 г (рис. 1, *а*, *б*).

Монета была найдена в 1976 г. в раскопке 2 на северо-западном краю площадки «Большого» городища. Она залегала на глубине 25—30 см в завале оборонительной стены среди обожженных кусков глиняной обмазки и растрескавшихся камней. Судя по таким находкам, как круглая бронзовая пластинчатая фибула, перстень с витой передней частью, витой бронзовый браслет, обломки цилиндрических замков и др., слой, в котором находилась монета, относится к XIV — первой половине XV в. Предполагается, что находившийся на городище замок был разрушен войсками Ливонского ордена зимой 1433 г. [5, psl. 303] и после этого больше не восстанавливался. Ниже приводится попытка интерпретации вышеописанной и нескольких подобных монет, обнаруженных в Литве.

Серебряная монета с подобным изображением была получена от школьника, работавшего в экспедиции в Наркунай. Она была найдена в г. Утяна в огороде на берегу оз. Вижонайтис (на удалении около 4 км от городища Наркунай). На аверсе этой серебряной монеты в бусинном ободке изображено лицо человека в короне, на реверсе — несколько стилизированный дракон, шагающий вправо. Над ним находится очень тщательно изображенная тамга или декоративная плетенка. Диаметр монеты 1,4—1,52 см, вес 0,562 г (рис. 2, *а*, *б*).

Еще одна серебряная монета с аналогичным аверсом и реверсом, точное местонахождение которой неизвестно, имеется в нумизматических фондах музея истории и этнографии ЛитССР. Диаметр ее 1,53—1,5 см, вес 0,677 г (рис. 3, *а*, *б*).

К этому типу следует отнести и плохо сохранившуюся серебряную монету, обнаруженную в Латвии при раскопках городища Локстене и отнесенную к неопределенным монетам [6, tab. XLII, *8*, lpp. 94, tab. 12, инв. № VI 70: 1334].

Следует отметить, что при изготовлении всех упомянутых монет применялись различные штемпеля. При рассмотрении описанных выше монет прежде всего обращает на себя внимание довольно высокая техника изготовления. В отличие от подавляющего большинства русских монет конца XIV — начала XV в. [7, табл. VIII, XIII, XIV; 8, с. 21] они изготовлены не из расплющенной проволоки, а на специально подготовленных монетных кружках, что характерно уже для первых типов литовских монет. Обращает на себя внимание и высокохудожественное изображение на рассматриваемых монетах, резко отличающее их от напоминающих полубрактеаты первых литовских монет с надписью «ПЕЧАТЬ», копьем и крестом. Судя по технике исполнения, рассматриваемые монеты скорее всего изготовлены западноевропейским мастером, на что указывает и готическая надпись. По технике исполнения они ближе всего к редким литовским монетам с двойным крестом на щите и всадником, которые приписываются рядом исследователей как Витовту (в период с 1392 по 1414 г.) [9, str. 50—56; 10, psl. 818; 11, с. 115], так и Ягайле (Ягелло — между 1377 и 1392 гг.) [12, psl. 83] или Казимиру Ягеллончику в начальный период его правления (1447 г.) [13, psl. 68].

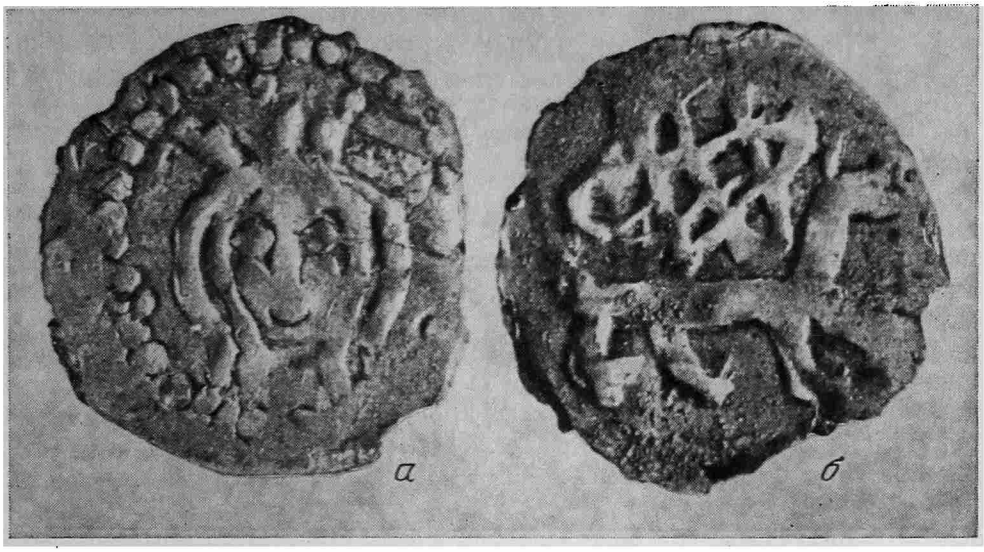


Рис. 3. Серебряная монета. Место обнаружения неизвестно. *а* — аверс, *б* — реверс (увеличено в 4 раза)

Анализ изображения на рассматриваемых нами монетах также позволяет сделать ряд замечаний. Так, на аверсе всех монет изображено лицо человека в короне — элемент, не встречавшийся на первых типах литовских монет. Интересна и попытка передачи индивидуальных черт лица «правителя»: в одном случае лицо широкое, плоское, с узкими щелками-глазами; в другом — печальное продолговатое лицо с длинным прямым носом и большими круглыми глазами. Однако вероятнее, что на всех монетах изображен один и тот же человек и здесь проявилась лишь фантазия ремесленника, изготовившего штемпеля. Изображения правителей на монетах не является какой-то отличительной чертой монет определенного государства — они встречаются в XIV — начале XV в. как на русских [7, с. 22, № 93, табл. II, *36*], так и на ряде западноевропейских монет [14, S. 173, Abb. 254, 261], а на литовско-польских монетах они получают распространение несколько позже — лишь в XVI в. [15, str. 138, rys. 115[a]].

На реверсе рассматриваемых монет изображено шагающее вправо четвероногое — дракон — сюжет, по-видимому, восточного происхождения, широко распространенный в XIV—XV вв., встречающийся как на русских монетах этого периода [7, табл. I, *21*, III, *98*, *99*, *105*, IV, *147—150*; 16], так и на разных изделиях прикладного искусства [17, с. 118, рис. 8]. Известны такие изображения и на трех предполагаемых литовских монетах из Дроздовского клада [18, табл. VII, *162*, *163*, с. 65, 66]. М. Глумовский, посвятивший этим загадочным монетам отдельную статью, датирует их периодом около 1410 г. и приписывает зависимому от Витовта Вяземскому князю Андрею Ивановичу Альгимунту Гольшанскому [19, str. 58—64]. Монеты из Дроздовского клада, зарытого около 1415 г. [18, с. 5], очень близки к рассматриваемым нами как по технике изготовления, так и по весу (0,470; 0,455; 0,439 г) и изображению на реверсе. На литовскую принадлежность монет из Дроздовского клада указывают «столпы Гедимина» (колюмны) на двух из них [18, с. 65, 66, табл. VII; *163*; 19, str. 53, fig. 2]. Изображения же четвероногих драконов встречаются и в Литве. Подобное изображение имеется на бронзовой оковке кошелька из погребения 4 конца XIV—XV в. могильника Радикяй (Каунасский р-н)[1]. Встречен близкий по изображению дракон-четвероногое и на найденных на городище Пуня (Алитусский р-н) изразцах XVII в. [20, psl. 64, pav. 37].

[1] Каунасский государственный исторический музей, инв. № 531:4.

Особого рассмотрения заслуживает тамгообразный знак-плетенка, которым на всех монетах заканчивается хвост зверя. На этот своеобразный знак исследователи обращали внимание уже в XIX — начале XX в. [16, с. 65, 80—84; 7, с. 217, 218; 9, str. 66—69]. Подобные татарские тамги были очень широко распространены на русских монетах XIV — начала XV в. [8, с. 21], встречаются они в средневековом Крыму [21, табл. XXX, 95] и т. д. В ряде случаев подобные тамгообразные знаки являлись гербами родов, и их чеканка на монетах указывала на признание зависимости от владельца тамги. Подобным тамгообразным знаком в сущности являются и «столпы Гедимина». Широко известны контрасигнаты—татарские монеты конца XIV— начала XV в. с надчеканкой — «столпами Гедимина» — родовым знаком Витовта, имевшие хождение в южной части Великого княжества Литовского в качестве вспомогательной литовской монеты [11, с. 115]. Сведения о применении тамги как символа зависимости встречаются в письменных источниках. Так, при описании похода Витовта против хана Тимур Кутлука (в летописи Темир Кутлуй) в 1399 г. указывается, что во время переговоров «...восхоте Витовт во всей орде быти на денгах ординских знамение Витовтово» [22, с. 173], а при поражении войск Витовта уже Тимур Кутлук с Эдигеем требуют: «...во всем твоем княжении на твоих деньгах Литовских моему ординьскому знамени быти» [22, с. 173; 7, с. 74]. Однако, как указывает А. А. Ильин, Литва никогда не подчинялась этому требованию [8, с. 21].

По-видимому, первоначально, особенно на русских монетах с подражанием арабской легенде, тамга являлась символом зависимости от Золотой Орды, а в дальнейшем, с ослаблением власти ордынских ханов, тамга-плетенка еще сохранялась некоторое время, но уже лишь как декоративный элемент. Скорее всего в качестве такового она и присутствовала на рассматриваемых нами монетах.

При рассмотрении метрологии этих серебряных монет, средний вес которых 0,6 г, следует отметить их схожесть с метрологической системой первых типов литовских монет, находившейся в зависимости от пражского гроша. Рассматриваемые серебряные монеты равны двум денариям, или $^1/_5$ пражского гроша.

Что касается медной монеты, то ее связь с серебряными монетами остается неясной. Среди первых типов литовских монет медные (пулы) неизвестны. На Руси в удельный период пулы наибольшее распространение имели в Тверском великом княжестве и его уделах, в других княжествах ходили в ограниченном количестве. Медная монета по своей ценности употреблялась только в мелких расчетах внутри государства [8, с. 22, 23]. По весу медная монета с городища Наркунай схожа с пулами, ходившими на Руси в XV в. [8, с. 23].

На основании всего сказанного выше можно предположить, что рассматриваемые монеты чеканены на территории Великого княжества Литовского или Русских земель, находившихся под его сильным влиянием. На их возможную принадлежность Великому княжеству Литовскому указывает сходство метрологических систем, ареал, охватывающий Восточную Литву и Юго-Восточную Латвию (хотя немногочисленность монет делает выводы о их распространении неполноценными), сходство с изображениями на предполагаемых литовских монетах из Дроздовского клада, а также западноевропейская техника изготовления. В то же время имеется и ряд черт, характерных для русских монет, что, возможно, указывает на чеканку этих монет в восточной части Великого княжества Литовского, на принадлежавших ему русских землях.

Рассматриваемые монеты выступают в ограниченном количестве, не встречаются в погребениях и в кладах — все это свидетельствует о весьма незначительной эмиссии и узких хронологических рамках. В настоящее время датировка всех первых типов литовских монет относительно

друг друга весьма спорна, а установить их абсолютную хронологию затруднительно. Все же мы считаем возможным утверждать, что рассматриваемые монеты появились несколько позже первых литовских монет соправителей Кейстута и Ольгерда с надписью «ПЕЧАТЬ», копьем и крестом [2]. По-видимому, исследуемые нами монеты появились в первой половине XV в, несколько раньше уже упоминавшихся монет с двойным крестом на щите и всадником. Интересные сведения, как нам кажется, проливающие свет на происхождение исследуемых монет, мы находим в письменных источниках. При описании похода Витовта на Русь в 1427 г. к нему спешили с многочисленными дарами отдавшиеся под его опеку и присягавшие на верность великие князья Рязанские, удельные князья Воротынские, Переяславские, Пронские, Новосельские, Одоевские [24, p. 778, 779]. Интересные сведения об этом и последующих походах находим в письме присланного Витовту магистром ордена Крестоносцев Павлом фон Русдорфом (P. von Russdorf) шута Хенне (Henne). Шут этот, за остроумие пользовавшийся успехом и благосклонностью Витовта [24, p. 774, 775, 801], являлся опытнейшим агентом и осведомителем ордена [25, str. 654, 661], и точность его информаций не вызывает сомнений. В своем письме из Смоленска, датированном 15 августа 1428 г. информируя магистра ордена о походе Витовта на Новгород, он рассказывает о том, что некоторые подвластные Витовту князья чеканят в его честь монеты: «...unde dar tzu einen grosen scholen slaen» (und dartzu einen groschen sollen slan) [24, p. 799; 25, str. 660]. Среди княжеств, отдавшихся в 1427 г. под опеку Витовта, в первой половине XV в. собственные монеты чеканили лишь великие Рязанские Олег Ольгович (1402—ок. 1427) и Иван Федорович (ок. 1427—1456 гг.) [7, с. 75—77], а пулы чеканились в Переяславле Рязанском [7, с. 79]. Маловероятно, чтобы в честь Витовта монету стали чеканить князья, до того времени не имевшие собственных монет. Поэтому скорее всего именно среди рязанских монет следует искать прототипы чеканенных в честь Витовта монет, тем более что на тесные связи Литвы с Рязанским княжеством указывает договор 1430 г. о подданстве этого княжества Витовту [26, с. 17, 18]. Быть может, подтверждением вышеупомянутых фактов и являются рассматриваемые нами монеты, чеканенные в 1427—1430 гг., а на аверсе их изображен сам великий князь Литовский Витовт. Как известно, он никогда не носил бороды, имел длинные, ниспадающие на плечи волосы, что вполне соответствует портрету на рассматриваемых монетах. Следует отметить и некоторое сходство изображения на монетах с портретом Витовта на его печатях [27, tabl. V, *34*]. Вполне возможно, что несколько раньше в честь Витовта в одном из русских княжеств (скорее всего в Вязьме) были чеканены и так называемые «литовские монеты» из Дроздовского клада, с той лишь разницей, что вместо лица князя на них был выбит его родовой знак — «столпы Гедимина».

Безусловно, все сказанное выше относительно хронологии и принадлежности рассматриваемых монет является лишь одной из возможных гипотез и только дальнейшее обнаружение подобных монет в кладах и погребениях будет способствовать более точному и глубокому их анализу. Мы надеемся, что данная публикация нескольких редких и малоизвестных монет послужит стимулом к дальнейшему изучению ранних литовских монет, таящих в себе целый ряд неясностей и спорных вопросов [3].

---

[2] Авторы считают, что первые литовские монеты чеканились именно этими правителями. В литературе по данному вопросу существует множество мнений [23, с. 83—95].

[3] Авторы глубоко благодарны всем оказавшим им помощь и консультации при попытках выяснения хронологии и принадлежности монет, а также при подготовке их публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волкайте-Куликаускене Р., Куликаускас П.* Раскопки древнего поселения в местности Наркунай.— АО — 1975. М., 1976.
2. *Волкайте-Куликаускене Р., Куликаускас П., Лухтан А.* Исследования памятников в местности Наркунай.— АО — 1976. М., 1977.
3. *Волкайте-Куликаускене Р., Куликаускас П., Лухтан А.* Раскопки в местности Наркунай.— АО — 1977. М., 1978.
4. *Volkaite-Kulikaushiene R., Kulikauskas P.* Narkūnų (Utenos raj.) archeologinių paminklų 1976 ir 1977 metų tyrinėjimai.— In: Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1976—1977 metais. Vilnius, 1978.
5. Lietuvių karas su kryžiuočiais. Vilnius, 1964.
6. *Mugurēvičs E.* Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3—15 gs. arheologiskie pieminiekli. Rīga, 1977.
7. *Орешников А.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896.
8. *Ильин А. А.* Топография кладов древних русских монет X—XI в. и монет удельного периода.— Тр. Нумизмат. комис. Л., 1924, т. V.
9. *Gumowski M.* Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920.
10. *Karys-Kareckas J.* Lietuvos pinigai viduramžiais ir vėliau.— Naujoji Romuva, 1936, № 42.
11. *Федоров Г. Б.* Классификация литовских слитков и монет.— КСИИМК, 1949, XXIX.
12. *Tautavičius A.* Papildomi duomenys apie naujus sidabro lydinius ir XIV a. II pusės — XV a. pradžios Lietuvos monetų radinius Lietuvos TSR teritorijoje.— MADA, 1965, № 1 (18).
13. *Duksa Z.* Senosios monetos Lietuvos muziejuose.— Kultūros barai, 1970, № 12.
14. *Suhle A.* Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. Berlin, 1975.
15. *Kałkowski T.* Tysiąc lat monety polskiej. Kraków, 1974.
16. *Гуттен-Чапский Э. К.* Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875.
17. *Хорошев А. С.* Раскопки южной части Плотницкого конца.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
18. *Чижов С. Ю.* Дроздовский клад русских денег времен вел. кн. Василия Дмитриевича Московского.— Тр. Нумизмат. комис. Пг., 1922, т. III.
19. *Gumowski M.* Ze studjów nad numizmatyką litewską wieków średnich.— Zapiski Numizmatyczne. Lwów, 1926, № 3—4. R. II.
20. *Volkaite-Kulikauskiene R.* Punios piliakalnis. Vilnius, 1974.
21. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.
22. Полное собрание русских летописей. Т. II. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
23. *Даркевич В. П., Соболева Н. А.* О датировке литовских монет с надписью «ПЕЧАТЬ» (по материалам Шанчайского клада).— СА, 1973, № 1.
24. Codex epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae, 1376—1430. Cracoviae, 1882.
25. *Prochaska A.* Trefniś Henne u Witołda.— Przewodnik naukowy i literacki.— In: Dodatek do «Gazety Lwowskiej». Lwow, 1880, R. VIII, t. VIII. z. 7.
26. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук. Т. I. (1294—1598). СПб., 1836, № 25.
27. *Gumowski M.* Pieczęcie książąt litewskich.— In: Ateneum Wileńskie, 1930, t. VII, z. 3—4.

Критика и библиография

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, Таткнигоиздат, 1975.

История Волжской Булгарии — одна из традиционных тем дореволюционной и советской исторической науки, внимание к которой не ослабело до настоящего времени. Культура и быт волжских булгар особенно хорошо стали известны после широко организованных археологических раскопок, возглавлявшихся виднейшим советским булгароведом А. П. Смирновым. Проведенные под его руководством исследования позволили со всей возможной полнотой обрисовать многие аспекты материальной культуры, а также социального и политического развития населения одного из наиболее ранних государств Восточной Европы.

Одновременно с изучением культуры волжских булгар выходили и работы историко-географического характера, рассматривающие территорию их расселения и изменения государственных границ. Наиболее значительной из них была книга С. М. Шпилевского [1]. Важной составной частью ее являлся список булгарских памятников археологии, насчитывавший 186 объектов, что было для того времени крупным достижением. По прошествии 100 лет со времени выхода в свет работы С. М. Шпилевского советская наука обогатилась новым сводом археологических памятников Волжской Булгарии, число которых возросло теперь в 10 раз. Труд по его созданию взял на себя сотрудник Казанского института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Р. Г. Фахрутдинов. Подготовленный им свод включает 1855 объектов. Все памятники нанесены на карту, к которой приложен алфавитный указатель.

В процессе разведок автором выявлено 593 ранее неизвестных объекта. При этом подготовленная Р. Г. Фахрутдиновым работа отнюдь не ограничивается рамками сведения воедино всех известных памятников археологии волжских булгар. Зафиксированные памятники составили основу для проведения автором интереснейшего и во многом нового исследования по исторической географии Волжской Булгарии. Важное место в нем занимает определение границ государства и ареала расселения булгар в разные периоды их истории.

В историографической части работы в четкой хронологической последовательности изложены все этапы постепенного сбора данных о границах и территории булгарского государства. Сравнительные материалы этой главы, охватывающие длительный период от первых попыток самой общей локализации Волжской Булгарии В. Н. Татищевым до современных исследований территориальных пределов государства в разные периоды его существования, свидетельствуют о неослабевающем интересе к этой ключевой теме истории средневекового Поволжья. Проведенный Р. Г. Фахрутдиновым историографический анализ отчетливо показывает, что за последнее время в изучении всех аспектов истории Волжской Булгарии археологические материалы стали играть основную роль.

Очень краткий, но совершенно необходимый в данной книге раздел посвящен принципам датировки булгарских памятников различных этапов. Важность выяснения этого вопроса диктуется спецификой исключительно внешнего обследования объектов во время разведочных маршрутов, что побудило автора разработать датировку памятников по керамике из сборов с поверхности. Дальнейшее изложение материала подразделено на главы, соответствующие крупнейшим историческим периодам в жизни рассматриваемого региона (домонгольский, золотоордынский, Казанское

ханство). При этом расчленение всей территории Волжской Булгарии на три обширных историко-географических провинции (Предволжье, Предкамье, Закамье) не только придает работе определенную четкость и стройность, но и значительно облегчает восприятие разнообразных и многочисленных данных.

Для выяснения первоначальной территории расселения булгар Р. Г. Фахрутдинов привлекает весь комплекс имеющихся письменных и археологических источников. Картографирование раннебулгарских городищ, селищ и могильников в целом не только подтвердило сведения восточных авторов, но и во многом уточнило, углубило и расширило их. В частности, удалось определить наиболее густозаселенные районы государства, совпадающие с бассейном р. Малый Черемшан. Значительный интерес представляют также фортификационные пограничные комплексы, раскрывающие некоторые аспекты военно-политических отношений булгар с соседями. При этом обращает на себя внимание то, что наибольшие усилия в X—XI вв. булгары употребляли для укрепления своих юго-восточных рубежей с целью обезопасить закамские районы государства от нападений кочевых племен. На территории Закамья обследования выявили в общей сложности остатки 10 земляных валов длиной по 8—9 км; в противовес этому в Предволжье обнаружено лишь три подобных укрепления. В свете этого делается более понятной направление дальнейшей булгарской экспансии на юго-восток: она преследовала не только цели расширения государства, но и обеспечения более прочной безопасности его центральных областей.

Важнейшим результатом работы Р. Г. Фахрутдинова является максимально возможное в настоящее время по точности определение границ Волжской Булгарии, опирающееся на конкретно существующие археологические объекты. Скрупулезное картографирование памятников позволило выявить густозаселенное ядро государства в Закамье, а также определить степень освоенности булгарами в X—XII вв. правобережья Камы и районов Предволжья. В результате автору удалось создать документально обоснованную картину поэтапного освоения булгарским населением различных районов, не только прилегающих к месту его первоначального обитания в Поволжье, но и находящихся в значительном удалении. При этом определяется территория собственно государства, на которой проживало только булгарское население, и «сфера влияния» (с. 49), включающая земли, населенные другими народами, находившимися в той или иной степени подчинения. В результате такого дифференцированного подхода к оценке размеров общей территории Волжской Булгарии возникает научно обоснованное представление о ее пределах, не страдающее, как это нередко случается, излишним гигантизмом. В целом материалы главы, излагающей данные о домонгольских владениях Булгарии, удачно совмещают характеристику ее территориального ядра с четко обозначенными границами, а также дают полное представление о темпах и направлениях географического расширения государства в X—XII в.

В следующей главе рассматриваются археологические памятники, относящиеся к периоду вхождения Волжской Булгарии в состав Золотой Орды. Общий экономический упадок был не единственным следствием монгольского нашествия; оно вызвало также заметное перераспределение населения, стремившегося спастись от захватчиков в труднодоступных лесных районах. Р. Г. Фахрутдинов подчеркивает, что об этом неоднократно упоминали многие историки, основываясь в основном на письменных свидетельствах. Такая точка зрения позволяла предполагать определенное перемещение районов значительного сосредоточения населения во второй половине XIII в. Однако собранный археологический материал позволяет автору уверенно поддержать мнение «о сохранении за закамскими районами положения центральных земель в первой половине золотоордынского времени» (с. 51). На это указывают и некоторые письменные свидетельства, согласно которым территория бывшей Волжской Булгарии в начальный период истории золотоордынского государства играла особую административную и экономическую роль. Достаточно напомнить, что именно здесь начался выпуск первых джучидских монет. При этом в книге обращено внимание на то, что некоторые булгарские города после монгольского разгрома так и не возродились, другие же достигли значительного расцвета в середине XVI в. Р. Г. Фахрутдинов особо отмечает, что характерную черту золотоордынского времени составляло возникновение новых довольно многочисленных селищ. Только в За-

камье их известно сейчас 51; городища же этого периода неизвестны. Попытка объяснить это запрещением монголами возводить города (с. 53) не может быть признана обоснованной. На территории Золотой Орды известно большое число городов, возникших на пустых местах в XII—XIV вв. И ни один из них, согласно монгольским установлениям, не имел фортификационных сооружений, что с точки зрения археологии позволяет их расценивать как селища. Именно такие селища, по своей внутренней функциональной сути бывшие городами, хорошо известны на территории рассматриваемого региона. В качестве примера можно привести описанное в книге Барскоенарускинское селище (с. 52), площадь которого превышает 600 тыс. м².

С превращением Волжской Булгарии в один из улусов монгольского государства, естественно, отпадает вопрос об определении ее границ и на первое место выступает исследование географии археологических памятников и тесно связанных с ними демографических изменений на данной территории. Именно такая работа и проделана Р. Г. Фахрутдиновым на последующих страницах исследования. В связи с полной потерей булгарами политической независимости трудно согласиться с мнением автора и некоторых других исследователей об «определенной автономии» (с. 56) улуса в системе золотоордынского государства. Приводимые в книге данные о посылке «булгарским царем» в 1330 г. посольства в Египет не имеют никакой связи с волжскими булгарами, а целиком относятся к дипломатической деятельности Дунайской Болгарии. Осуществление подобного мероприятия в пору наивысшего могущества ханской власти в Золотой Орде, да еще при самых тесных и дружественных отношениях Узбека с египетским султаном было просто немыслимо. Даже в более позднее время попытки отдельных золотоордынских феодалов завязать прямые отношения с Египтом кончались тем, что их послов с различного рода унижениями отправляли обратно. К тому же ни в одном источнике не содержится каких-либо упоминаний о том, что у волжских булгар в XIV в. существовали «цари».

Основное направление дальнейших изысканий Р. Г. Фахрутдинова состоит в прослеживании постепенного перемещения населения из районов Закамья в предкамские земли. На многочисленных конкретных памятниках в исследовании показано продвижение населения в лесистые районы правобережья Камы на протяжении XIII — начала XIV в. Анализ собранных данных приводит автора к выводу, что в этот период здесь были заселены и освоены значительные земельные площади. Во второй половине XIV в. отмечается массовое увеличение населения в Предкамье с одновременным прекращением жизни на многих поселениях, располагавшихся южнее Камы. Р. Г. Фахрутдинов обоснованно и логично связывает это явление с политическим кризисом 60—70-х годов в Золотой Орде, когда район бывшей Волжской Булгарии неоднократно становился ареной военных действий с участием местных сепаратистов, войск Мамая, русских полков и даже новогородских ушкуйников. О неспокойной обстановке, сложившейся в районе исконного проживания булгар, свидетельствует и большое число зарытых в это время монетных и вещевых кладов. Именно в этот период заселяются и осваиваются отдаленные лесные пространства севернее течения Казанки. С особой наглядностью все эти процессы проявляются при картографировании памятников (рис. 3, с. 80), в результате которого на территории Закамья удается выделить лишь крайне малое число оставшихся здесь населенных пунктов.

В последней главе исследования Р. Г. Фахрутдинова кратко описываются памятники археологии Казанского ханства, которые при картографировании дополнены упоминающимися в писцовых книгах татарскими селениями. Почти все они расположены в Предкамье (бассейн Меши, Казанки и Ашита) и Предволжье (бассейн Свияги), т. е. территория расселения волжских булгар X—XII вв. (Закамье) не совпадает с ядром нового государственного образования, располагавшегося значительно севернее. Затронутый Р. Г. Фахрутдиновым в связи с этим вопрос о культурно-исторической и территориальной преемственности (с. 84) по восходящей линии от Волжской Булгарии непосредственно к Казанскому ханству нуждается в дополнительном и серьезном обосновании. Причем при его решении никак нельзя упускать из внимания такого серьезного «промежуточного» между этими двумя государствами исторического явления, каким была Золотая Орда.

Работу завершает чрезвычайно важный свод всех известных к настоящему времени археологических памятников Волжской Булгарии. Каждый из входящих в него объектов снабжен точным адресом, исчерпывающей библиографией и обозначением места хранения архивных и коллекционных материалов. Все памятники отражены на генеральной карте археологических памятников Волжской Булгарии, охватывающей период с X до первой половины XV в. Выбранный масштаб карты является оптимальным, что позволяет без особого напряжения разбираться в зафиксированных на ней многочисленных и разнообразных по типам археологических объектах. Удачно размещены и три крупномасштабных врезки, раскрывающие районы наибольшего скопления памятников.

Монография Р. Г. Фахрутдинова — яркий пример того, как чисто археологический материал с успехом может восполнить нехватку письменных источников при разработке вопросов исторической географии средневековья. На ее страницах подведен итог кропотливого труда многих русских и советских ученых, неустанно накапливавших материалы об одном из ранних феодальных государств на Европейской части нашей страны.

В. Л. Егоров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877.

Vallet G., Villard F., Auberson P. Mégara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaïque. EFR. Rome, 1976.

Археологические исследования на территории Мегары Гиблейской, одного из интереснейших западногреческих полисов, производились с начала XX в. Благодаря работам Орси были установлены точные границы города. Однако лишь в послевоенные годы археологами было открыто лицо архаической Мегары. В 1949 г. начались раскопки под руководством Жоржа Валле и Франсуа Вийяра, сотрудников Французской школы в Риме. К концу 50-х годов французскими исследователями был собран обширный археологический материал. Был составлен план серии публикаций, в которых должны были найти отражение результаты исследований. Первый выпуск планировалось посвятить описанию и анализу архаических построек, расположенных вокруг агоры Мегары Гиблейской, а во второй выпуск этой серии должны были войти описание и анализ архаической керамики, собранной на этой территории. Однако второй выпуск вышел раньше — в 1966 г. [1], и лишь через 10 лет увидело свет издание под номером 1 из серии публикаций археологических материалов Мегары Гиблейской.

Текст издания состоит из «Введения» (с. 7—11), двух частей, из которых первая (с. 13—240) носит название «Систематическая опись архаических сооружений», вторая (с. 241—399) — «Технические средства и структурные элементы», и «Заключения» (с. 400—428), озаглавленного «Район, прилегающий к агоре, и история Мегары Гиблейской». К тексту прилагаются три папки иллюстраций. Иллюстрации, собранные в первой папке, представляют собой графические схемы секторов, на которые была разделена зона раскопок, во вторую папку вошли фотографические материалы, в третью — планы всей зоны и отдельных памятников.

Две главы, составляющие первую часть данной работы, являются комментарием к графической и фотографической документации и вместе с ней составляют систематическую опись археологического материала. Первая глава озаглавлена «Опись стен домов и отдельных стен». В ней подробно описаны остатки архаических зданий по секторам. Все фрагменты сооружений тщательно датированы. Хронологическими реперами служили керамические находки. Самые древние архитектурные фрагменты датируются второй половиной VIII в. до н. э. В целом в главе рассматривается материал, датируемый периодом со второй половины VIII в. до н. э. по 483 г. до н. э.

На основании полученного материала удалось составить представление о ряде сооружений общественного и культового характера. Их описанию посвящена вторая глава первой части, озаглавленная «Опись памятников». Рядом с самой агорой, к югу от нее, занимая почти целый квартал, находилось сооружение «i» — большое общественное здание, носившее скорее всего административный характер. План этого здания представляет собой неправильную трапецию, южная сторона которой равняется 36,15, западная — 29,70, северная — 25,70, а восточная — 35,10 м. Здание разделяется на две неравные части стеной, параллельной восточной стене. Каждая часть сооружения «i» содержала внутренний двор, ряд небольших помещений, квадратных и прямоугольных, и длинные узкие коридоры. Во внутреннем дворе восточной части сооружения находился колодец; восточная сторона этого двора, возможно, была украшена портиком. По мнению авторов, можно провести параллель между сооружением «i» Мегары и сооружением F афинской агоры [2, с. 192]. Сооружение «i» было построено в последней трети VII в. до н. э. на месте двух жилых домов конца VIII в. до н. э. (с. 189—193).

На запад от сооружения «i» находилось Г-образное здание (VI в. до н. э.). Длина южного крыла здания равнялась 13,15, северного — 9,70 м, ширина здания — 6,90 м. Оно также имело общественное назначение, но не являлось при этом ни храмом, ни святилищем (с. 195, 196).

На юго-западе к агоре примыкал гестиаторий, общественно-религиозное сооружение, предназначенное, в частности, для ритуальных пиршеств, построенное приблизительно в 530 г. до н. э. В центре прямоугольного в плане сооружения находился портик с пятью деревянными колоннами. К югу от портика был двор, а к северу располагались три комнаты. Вход в каждую комнату был сделан сбоку. Благодаря этому у стены, в которой был сделан вход, могло быть помещено одно из лож, на которых возлежали участники пира. Вдоль остальных стен ставилось по два ложа. Таким образом, в каждой комнате помещалось семь лож. Гестиаторий был сооружен на месте двух строений последней трети VII в. до н. э. (с. 199—202).

Рядом с гестиаторием располагался «западный» храм (сооружение «c»), построенный не позднее 600 г. до н. э. Прямоугольное в плане здание имело в длину примерно 15 м, а в ширину 6 м (с. 205, 206).

К северо-западу от агоры, на перекрестке двух важнейших улиц Мегары Гиблейской, находился героон, святилище местного божества. Здание было сооружено примерно в 630 г. до н. э. Это почти прямоугольное в плане сооружение состоит из двух помещений, по всей своей ширине открытых на агору. Длина северной стороны героона равняется 12,80, южной — 12,60, западной — 9,60, восточной — 9,85 м. Авторы указывают на аналогичность мегарского героона героону Батта в Кирене и святилищу Геракла на Фасосе [2, с. 209—211; 3, с. 44; 4, с. 28].

Вдоль северной стороны агоры был расположен длинный портик с деревянными колоннами, названный французскими археологами «северной» стоей. Стоя была сооружена приблизительно в третьей четверти VII в. до н. э. С одной стороны стоя ограничивала пространство агоры, а с другой — служила пропилеями, поскольку, как показали исследования, северная стена стои не была сплошной. Длина этого сооружения равняется 41,45 м, а ширина — 5,90 м (с. 213—216).

С востока территория агоры ограничивалась «восточной» стоей, сооруженной немного позднее «северной». На основании полученного материала невозможно составить план этого портика (с. 219, 220).

«Южный» храм (сооружение «g») и «южный» храм с внутренней колоннадой определяют южную границу агоры. Длина первого сооружения равняется 15 м, а ширина — 6,50 м. Храм был построен в третьей четверти VII в. до н. э. (с. 223, 224). «Южный» храм с внутренней колоннадой обладает портиком, а его внутреннее пространство разделено на пронаос и целлу, в которой находилась колоннада, состоящая из трех колонн. Длина северной и южной сторон храма равняется 20,30 м, а западной и восточной — 7,65 м. Храм сооружен в последней четверти VII в. до н. э. Пропорции и план этого храма позволяют отнести его к дорийской архитектуре. Авторы указывают на аналогию с коринфской архитектурой и сравнивают храм, в частности, с храмом Посейдона на Истме и храмом Аполлона, современными мегарской постройке [2, с. 227—229; 5, с. 154].

Изучены были также памятники, находящиеся не в непосредственной близости от агоры, а расположенные в соседних с ней кварталах. Такими являются маленький «северный» храм (третья четверть VII в. до н. э.), сооружение «k» (примерно 530 г. до н. э.) и «юго-восточный» храм (вторая четверть VII в. до н. э.).

Вторая часть издания посвящена обобщению и анализу материала, изложенного в первой части. В ней рассматриваются технические средства строительства жилых домов и общественных зданий, выбор и подготовка материалов строительства и способы возведения построек, эволюция жилого дома на протяжении трех веков, его место в жилом квартале и организация самого квартала, а также общественные территории — улицы и агора.

В Мегаре Гиблейской материалом для постройки жилых домов и общественных зданий служил камень. Постройки глинобитные или возведенные из необожженного кирпича, характерные, например, для Локр, Сибариса, Селинунта, совершенно отсутствуют в Мегаре. Камень в большом количестве находился рядом с городом, он добывался в Гиблейских горах, представляющих собой плато, сложенное из известковых пород с вкраплениями лавы и базальтового туфа. В VIII — начале VII в. до н. э. для сооружения оснований стен употреблялись большие необработанные каменные глыбы (ортостаты), находившиеся на поверхности Гиблейского плоскогорья и долины Меллили. На фундаментах, сложенных из ортостатов, возводились стены из необработанных камней небольших размеров. Постепенно на смену им приходят обработанные камни более или менее правильных форм. Одновременно с этим прекращается употребление ортостатов при сооружении фундаментов стен: стены целиком складываются из камней небольших размеров. Начиная с 630 г. до н. э. стены в Мегаре воздвигаются из обработанных каменных блоков различных по размерам, формам и степени правильности форм.

Плато, на котором расположились первые колонисты, обладало скалистой и весьма неровной поверхностью. Для того чтобы здесь обосноваться, было необходимо выровнять ее. Колонистам пришлось также столкнуться с трудностями при рытье в скалистом грунте колодцев и ям, назначение которых остается неясным. В результате этих работ по расчистке долины и по рытью колодцев и ям колонисты получили большое количество камня, который был с самого начала использован как строительный материал; и только камень употреблялся при возведении построек Мегары. В VIII в. до н. э. в метрополии основания домов сооружались из камней-ортостатов, а на них возводились стены из сырцового кирпича или глинобитные. Колонисты Мегары переносят традицию сооружения оснований домов из ортостатов на новую почву. Таким образом, строители Мегары Гиблейской пользовались при возведении зданий как традиционными средствами строительной техники, так и новыми средствами, получившими развитие в новых условиях. Французские исследователи приходят к выводу о том, что техника строительства в колонии не отстает по сравнению с тем уровнем, на котором находилась строительная техника в метрополии, а скорее опережает ее (с. 258).

Вторая глава второй части озаглавлена («Дома и кварталы»). На основе систематизации и анализа богатого материала исследователи выясняют устройство жилища мегарцев и прослеживают его развитие. Дома первых колонистов представляли собой квадратное в плане сооружение с одним помещением со стенами длиной от 4 до 5 м. В каждом квартале жилища были разбросаны по территории всего квартала на сравнительно большом расстоянии друг от друга. В течение VII в. в связи с ростом населения города жилища увеличиваются, дома мегарцев из однокомнатных превращаются в двух- и трехкомнатные. Постройками постепенно занимается почти вся площадь квартала. Комнаты в доме VII в. были расположены перпендикулярно улице, сообщения между собой не имели, открывались во двор, расположенный, как правило, с южной стороны дома. К VI в. до н. э. строительство жилых зданий в районе агоры завершается, и потому ничего нельзя сказать об особенностях устройства жилого дома в VI в. Отсутствуют также данные, на основании которых можно было бы определить функции каждого из помещений, на которые разделялось жилище в VII в. до н. э. Исследователи вообще вынуждены признать, что «документация остается очень бедной там, где речь заходит о материальной культуре» (с. 323).

Исследователи выражают уверенность в том, что с востока на запад территорию

города пересекали только улицы А и В. Но можно лишь предполагать, что эти главные магистрали города пересекались параллельными между собой улицами С вплоть до западной границы города, образуя жилые кварталы к западу от агоры. В восточной части города, от агоры до берега моря, жилые кварталы определялись, вероятно, пересечением улиц А и В с параллельными улицами D. Если эти предположения верны, то в архаическую эпоху в городе было около 100 жилых кварталов. Из них раскопано было 25, и только 10 были тщательно изучены.

Стены всех жилых домов Мегары, сооруженных в период, предшествующий фазе больших градостроительных работ, т. е. в последние десятилетия VIII — начале VII в. до н. э., параллельны либо улицам А и В, либо пересекающим их улицам. Таким образом, разделение на кварталы и формы этих кварталов с самого начала были обусловлены улицами. Улицы и кварталы были намечены в Мегаре одновременно. С самого возникновения колонии была создана сеть улиц и кварталов, которая была постепенно заполнена сооружениями, частными и общественными.

Сооружения частного характера на территории кварталов в подавляющем большинстве жилые дома. Из сооружений, не являющихся жилищами, в районе агоры были открыты две «плавильные мастерские» (14,3 и 64,3), которые находились на относительно небольшом расстоянии от агоры (приблизительно 40 и 70 м). Невысокие стенки этих печей сложены из необработанных камней. Промежуток между стенками от 0,80 до 1,25 м. Стенки печей поддерживали лежавшие на них каменные плиты. В небольшом помещении, пристроенном к печи, находящейся к западу от агоры, обнаружены остатки пепла. Однако невозможно определить, какой именно металл выплавлялся в этих печах. С другой стороны, ни в одном секторе раскопок в районе, примыкающем к агоре, не было найдено следов керамического производства. Этот факт не находится в противоречии с изобильными керамическими находками местного производства, датируемыми VII в. до н. э. В 1951 г. у западной границы города, на довольно большом расстоянии от района, примыкающего к агоре, была найдена печь для обжига керамики.

Третья глава второй части носит название «Общественная территория» и посвящена рассмотрению материалов улиц и агоры [2, с. 351—399]. Улица А, направленная с запада на восток, была изучена на протяжении 190 м. Там, где улица примыкает к агоре, ее ширина равна 6 м, в то время как на остальных участках ширина улицы 5,30 м. Улица В, имеющая то же направление, более прямая, чем улица А. Она изучена на протяжении 230 м, и на всех изученных участках ширина ее примерно 5,50 м.

Улицы С расположены к западу от агоры. Они имеют направление с севера на юг и пересекают улицы А и В. Улицы С строго параллельны между собой. Только три из них (С1, С2, С3) были раскопаны и исследованы.

Группа улиц берет начало от западной границы агоры и располагается к востоку от нее. Одна из них (D1) ограничивает агору с востока. Улица С1, ограничивающая агору с востока, имеет бо́льшую ширину, чем остальные улицы С; напротив, все улицы D имеют одинаковую ширину, которая равняется 3 м.

Нет никаких оснований предполагать, что улицы А и В более древние, чем улицы С и D. Древнейшие дома Мегары ориентированы как на две главные магистрали города, так и на пересекающие их улицы С и D.

Кварталы были отгорожены от улиц сплошными стенами, которыми являлись стены домов и специальные ограды, сложенные из больших каменных блоков, а иногда и менее значительные ограды, окружающие отдельные участки внутри квартала и выходившие на улицу. Большие стены были сооружены вдоль улиц на общественные средства, в то время как стены домов и участков возводились частными лицами. В ходе больших градостроительных работ во второй половине VII в. до н. э. вдоль некоторых улиц, возможно, не были возведены большие оградительные стены. Что же касается района, непосредственно примыкающего к агоре, то здесь все стороны улиц были огорожены высокими каменными стенами.

Пространство агоры было свободно от всяких сооружений в течение всего VIII в. до н. э. По краю городской площади и на небольшом расстоянии от нее в течение определенного промежутка времени во второй половине VII в. до н. э. были возведены культовые и общественные здания. Таким образом, границы агоры получили

свое материальное выражение. Агора стала представлять собой совершенно замкнутое пространство, отгороженное от улиц с севера и востока длинными стоями и с юга храмами и открытое лишь на улицу С1. Затем монументальный ансамбль агоры оставался без изменений на протяжении всей архаической эпохи. В VI в. до н. э. строительство больших зданий в Мегаре велось в районах города, находящихся на значительном расстоянии от агоры.

План агоры Мегары Гиблейской изучен достаточно хорошо. Установлена также хронологическая последовательность возведения памятников, окружающих пространство агоры. Однако исследователи воздерживаются от окончательного ответа на вопрос, какую роль играла агора в жизни полиса. Подчеркивается только наличие в этом районе города четырех религиозных и пяти общественных («в широком смысле этого слова») зданий, а также отсутствие каких-либо сооружений, имевших отношение к торговле или обмену. При этом авторы работы задаются вопросом: не является ли «лавка торговца», появившаяся на территории квартала 16 в VI в. до н. э., признаком «некоторой эволюции» (с. 399) и не приобретает ли агора значения торговой площади в этот период?

В «Заключении» рассматриваются некоторые проблемы истории Мегары Гиблейской в связи с исследованиями в районе городской агоры. Особенное внимание уделяется периоду основания колонии. В исторической литературе о колонизации высказывались мысли о том, что между разделением хоры на клеры и регулярной планировкой города существовала прямая связь [6, с. 226, 227]. В рецензируемой работе рассматривается точка зрения Д. Ашери о земельной собственности в колонизационном движении [7]. Согласно этой точке зрения, число клеров, на которое делится хора полиса, равняется числу ойкосов, из которых складывается хозяйственный организм полиса. Вся территория нового полиса делится колонистами на несколько районов, число которых зависит от того, сколько фил составляет гражданский коллектив. Участки, выделяемые в частное владение, получаются по жребию и равны между собой. Если клеры равны и если городская планировка отражает отношения земельной собственности, то тогда и участки, отводимые для жилищ, должны быть равны. Материал Мегары Гиблейской говорит об обратном: городские ойкосы имеют различные размеры. Равенство между колонистами прослеживается, однако, при рассмотрении жилищ. Все самые древние жилые сооружения Мегары имеют одинаковые размеры, и на последующих этапах жизни города все эти жилища в равной степени увеличиваются. Это обстоятельство позволяет предположить, что хора Мегары Гиблейской была разделена на равные клеры.

Город, очевидно, был разделен на несколько районов. Это разделение осуществлялось не двумя большими улицами A и B, а благодаря наличию двух сетей параллельных улиц C и D, имеющих различную ориентацию. Обе сети улиц возникли одновременно, однако они не обусловлены никакими топографическими особенностями. Зондаж 1950 г. показал, что, вероятно, на западе северного плато существовала третья сеть улиц, ориентированных иначе, чем улицы C и D. «Уже одна эта возможность.— по словам авторов.— делает напрасной и опасной любую попытку объяснения двух различных ориентаций рядом с агорой» (с. 407). Однако в связи с этими особенностями городского плана колонии авторами приводятся сведения Плутарха и Страбона о том, что метрополия Мегара на Истме делилась на пять фил, и ставится вопрос о преемственности гражданского устройства в метрополии и колонии и о том, отразилось ли и в какой степени это устройство с его делением на филы в разработке городского плана, при которой город разделялся на некоторое число районов, зависящее от числа фил, составляющих полис.

Авторы рассматривают также проблемы хозяйственной жизни Мегары. Никакие находки не позволяют говорить о сколько-нибудь развитом обмене и торговле в VIII—VII вв. до н. э. За исключением двух плавильных мастерских, ничто не свидетельствует также и о ремесленной деятельности в районе города, примыкающем к агоре. По всей вероятности, хозяйственная деятельность большинства мегарских граждан сосредоточивалась не в городском ойкосе, а на земельном участке.

Уже третье поколение граждан Мегары Гиблейской приступило ко второй фазе урбанизации. Тогда же было начато строительство серии больших зданий. Все это потребовало значительных общественных затрат. Полученные данные не позволяют

уточнить, каковы были эти затраты, но несомненно, как замечают авторы, то, что в конце VIII — начале VII в. до н. э. произошло «накопление богатств, которое позволило к середине VII в. или чуть позже запланировать, начать и потом довести до конца все эти большие работы» (с. 411).

Рассмотренная нами публикация французских археологов представляет большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами Великой греческой колонизации на Западе и истории Великой Греции. Работы, произведенные в Мегаре Гиблейской, позволяют сделать некоторые уточнения в отношении вопроса о характере греческой колонизации на первом ее этапе. Историографию этого вопроса можно схематически представить в виде дискуссии между сторонниками «аграрной» и «торговой» теорий колонизации, ведущейся то с прямо противоположных позиций, то в более смягченной форме. Один из авторов данной работы, Жорж Валле, не занимает ни одной из этих позиций и, отказываясь от рассмотрения процесса колонизации в целом, предпочитает исследовать каждое событие колонизации в его индивидуальной неповторимости [8, с. 55]. Материалы Мегары Гиблейской со всей очевидностью показывают, что в данном регионе колонизация носила исключительно аграрный характер. Отсюда видна шаткость одного из основных аргументов сторонников интерпретации греческой колонизации с позиций «торговой» теории, состоящего в указании на то, что метрополиями первых греческих колоний были города, развитые в торговом отношении. Мегара на Коринфском перешейке уже во второй половине VIII в. до н. э. была полисом, развитым в отношении обмена и с зарождающейся торговлей. Однако это не мешает ей выводить колонию, хозяйство которой носило исключительно аграрный характер — Мегару Гиблейскую.

Материалы Мегары Гиблейской приобретают особую важность, если рассматривать их в сравнении с материалами, полученными в ходе последних исследований в других районах греческой колонизации. Если сравнить материал Мегары с материалом Питекусс, при выведении которых решающую роль играли интересы обмена [9], то мы увидим две совершенно различные тенденции в колонизационном процессе. Подобные сопоставления неизбежно приводят к мысли о невозможности рассматривать греческую колонизацию как единообразный процесс, имеющий исключительно торговый или исключительно аграрный характер. Подобная точка зрения, рассматривающая греческую колонизацию как многообразный процесс, находит сейчас сторонников как в зарубежной (Валле), так и в отечественной историографии (Щеглов, Брашинский) [10, с. 80].

Раскопки Мегары Гиблейской со всей убедительностью свидетельствуют о том, что колония с самого начала своего существования была полисом и основанию города не предшествовал период существования колонии в качестве поселения, лишенного полисной организации. С моментом основания колонии совпадает момент разработки планировки города с агорой и различными сетями улиц, отражающей определенную полисную организацию, с точностью обрисовать которую на основании имеющихся у нас данных, к сожалению, невозможно. Разумеется, нельзя рассматривать всю греческую колонизацию в свете находок Мегары Гиблейской, однако работы, произведенные здесь Французской школой, предоставляют богатый материал для рассмотрения колонизационного движения как процесса основания новых полисов.

Мы можем теперь яснее представить историю самой Мегары Гиблейской. До недавнего времени принято было считать, что Мегара была незначительным городом рядом с такими экономическими и политическими колоссами, как Леонтипы и Сиракузы. Никогда не игравшая какой-то заметной роли в экономической и политической жизни Сицилии, Мегара была разрушена в 483 г. до н. э. Гелоном Сиракузским. Причиной тому считалось плохое расположение города и недостаток земли, пригодной для земледелия [11]. Археологические материалы свидетельствуют об обратном. Земледелие было основой мегарской экономики, и именно успехи в области экономики предоставили полису средства, позволившие осуществить широкую градостроительную программу. Поэтому причины разрушения Мегары следует искать не в экономической истории города. Против мнений, существовавших ранее, свидетельствует также и быстрый рост населения города, судить о котором можно на основании постоянного увеличения размера и числа построек.

В целом следует отметить, что работа Ж. Валле, Ф. Вийяра и П. Оберсона представляет собой очень подробную и обстоятельную публикацию широчайшего археологического материала и заслуживает самого пристального внимания.

Г. С. Литичевский

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vallet G., Villard F.* Mégara Hyblaea. 2. La céramique archaique. Rome, 1966.
2. *Travlos I.* Bildlexikon Athen. Athen, 1971.
3. *Stucchi S.* L'agora di Cirene. Roma, 1965.
4. *Launey M.* Le sanctuaire et le culte d'Heracles à Thasos. Paris, 1944.
5. *Roebuck M. C.* Excavations at Corinth: 1954.— Hesperia, 1955, № 24.
6. *Wasowitz A.* Traces de lotissements anciens en Crimée.— Mélanges de l'Ecole Française de Rome, 1972, № 84.
7. *Asheri D.* Distribuzioni di terre nell'antica Grecia. Torino, 1966.
8. *Vallet G.* La colonisation grecque en Occident.— В кн.: XIII Междунар. конгр. истор. наук. Докл. конгр. М., 1973, т. 1, ч. 3.
9. *Buchner G.* Pithekoussai.— Expedition, 1966, № 8.
10. *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации.— В кн.: Симпозиум по проблемам греческой колонизации. Тбилиси, 1977.
11. *Bérard J.* La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. Paris, 1957.

Хроника

БИБИКОВ С. Н.

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

(Доклад, прочитанный на XVIII конференции Института археологии АН УССР в Днепропетровске, апрель 1980 г.)

Владимир Ильич Ленин не занимался специально вопросами археологии, однако в систему его диалектико-материалистического мировоззрения входили широкие познания из истории древних обществ. Именно потому, что сам Ленин являлся творцом, постоянно обогащающим материалистическое учение, он, касаясь истории древних сообществ, оставил идеи, легшие в основу многих историко-археологических разработок.

Общеизвестны труды советских исследователей по сложению и содержанию социально-экономических формаций, характеристике способов производств, основным противоречиям в развитии социально-экономических институтов, обычно-правовых, племенных, религиозных и т. п. В исследованиях заняли свое место и проблемы, связанные с происхождением человеческого общества, ролью труда в социальном и биологическом отношениях, происхождением речи и мышления. Теоретические и конкретно-исторические проблемы первобытнообщинного строя, рабовладельческого общества, феодализма, сложения и устройства раннекапиталистических государственных образований несут в себе марксистско-ленинские направляющие идеи, отражают объективно действующие диалектико-материалистические закономерности.

Очень актуальна и сейчас проблема, много столетий стоящая в центре внимания ряда поколений ученых, емко сформулированная в двух глобальной значимости словах — Человек и Природа или Природа и Общество. Далеко еще не все сказано по поводу исторических законов, определяющих взаимодействие двух этих начал. Человек выступает то как властелин природы, то как раб ее. Не всегда полно и всесторонне исследуется естественное, предпочтение чаще отдается социальному. В действительности же истина находится не между этими материальными категориями, как это порой представляется, а в единстве их. Слова В. И. Ленина о подавленности первобытного человека трудностями существования, трудностями борьбы с природой (В. И. Ленин. Аграрный вопрос и «критики Маркса».— ПСС, т. 5, с. 103) вовсе не означают пассивного преклонения человека перед силами природы. Ведь всякая борьба обязательно предполагает противоборство активных начал (в данном случае естественного и социального) в развитии самого человека, с одной стороны, и развития самой природы — с другой. Взаимодействие двух этих фундаментальных категорий следует рассматривать в диалектическом единстве. При такой постановке изучения проблемы Человек и Природа не остается места для приоритета социального в ущерб естественному, природному.

В последнее время очень много внимания у нас и за рубежом уделяется экологии. Четко наметилась тенденция выделить и в археологии специальное направление — палеоэкологию. Создана комиссия по палеоэкологии при Советской секции INQUA. Вышел в свет и сборник «Палеоэкология древнего человека» (к X конгрессу INQUA). И все же это только начало большой и исключительно важной работы по преодолению статичности в самой постановке проблемы Человек и Природа. В археологических исследованиях Природа служит часто своего рода фоном для исторических судеб человека. На самом же деле она является источником его бытия. Это не простое сосуществование естественноисторического с историческим, а диалектическое противоборство этих категорий. Думаю, что только в этом смысле и следует понимать Ленина, когда он говорит о трудности борьбы, именно борьбы человека с природой, об отсутствии в истории человечества «золотого века». В свете

сказанного несколько меняется и сам аспект археологических разработок в направлении поисков причинности исторических движений, в выявлении результатов их в конкретном выражении. Следовательно, и в тех, так сказать, социально-экологических условиях, существенным остается восстановление физической среды, в которой человек не только жил, но и действовал. Полагаю поэтому, что палеоэкономические разработки должны быть органически слиты с палеоэкологическими и должны представлять собой совершенно определенные структурные исторические категории, исключительно многогранные по своей содержательности.

Надо сказать, что современное развитие естественных и технических наук очень усложнило и обогатило экологические и палеоэкономические исследования, еще больше приблизило их к сущности диалектического познания, содержащего, как сказал Ленин, развертывание всей совокупности моментов действительности. (В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Наука логики».— ПСС, т. 29).

Может быть, об этом еще и рано говорить, но очень старый и жаркий спор о ведущем противоречии в доклассовом обществе или первобытнообщинной формации и прояснится при помощи современных средств исследования. Проблема основного закона противоречия в развитии доклассового общества стала предметом особенно острой дискуссии в 30-х годах, когда наиболее интенсивно осваивалась методология материализма в археологии. Сама дискуссия возникла прежде всего потому, что появилась необходимость исследовать конкретные исторические явления в их динамике. То был призыв к осуществлению ленинских рекомендаций изучать дух и суть диалектики в ее конкретности. В ходе дискуссии были предложены разные формулировки закона противоречия в первобытной формации. Возможность же диалектического противоречия как закономерности между природой и обществом практически отвергалась. И больше того, объявлялась немарксистской. Между тем ни одна из предложенных формулировок существа противоречий в первобытнообщинной формации не выходит за рамки материалистических аргументаций. Это, казалось, должно было снизить дискуссионный накал. Однако такого не произошло. А потому сам спор лишился предметности, а результаты его стали достоянием историографии. Думается, что неудача дискуссии лежит не столько в излишней эмоциональности дискутантов, сколько в их слабых исходных теоретических позициях. Не была принята во внимание та первостепенная и решающая форма диалектического движения, которая определяет взаимодействие человека и природы.

Такая теоретическая посылка открывает широкие пути для конкретных исторических разработок, особенно экологического порядка. Может быть, именно здесь и нужно искать причины, приведшие впоследствии к крупным изменениям в социально-экономических структурах древних обществ. В них заключена причинность вынужденных миграций у сообществ с низким уровнем развития производительных сил, освоение новых видов хозяйств, например рыболовства в позднем палеолите, и даже переход от присваивающих форм хозяйства к воспроизводящим, возникшим в результате кризисного состояния охотничьей системы, начавшим новую эру в истории человечества.

Но природа и человек — это материальные категории, имеющие и качественные, и количественные оценки, выступающие как действенные факторы в историческом движении, в их конкретном взаимодействии. Знание экономического потенциала природных ресурсов, количественной, технической и социальной характеристик человеческих сообществ позволяет правильно понять саму социально-экономическую сущность таких сообществ, их место в общеисторическом прогрессе. Вот почему проблема народонаселения в ее историческом аспекте приобретает особенно важное значение. Суть и действие закона народонаселения проявляется в многочисленных и крупномасштабных явлениях, в причинности вынужденных миграций, обменных отношениях, возникновении войн и пр. Пока для докапиталистических формаций дело ограничивается преимущественно теоретическим истолкованием закона народонаселения и первыми пробами разработок его. Но изучение закона народонаселения предполагает абсолютную обязательность знания системы хозяйства или экономики общества, подлежащего изучению. В полемике с Сисмонди и Эфруси, В. И. Ленин говорит: «Что значит „ставить вопрос о населении на социально-историческую почву?“. Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы

хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой» (В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма.— ПСС, т. 2, с. 169).

Конкретные исследования закона народонаселения вызывают и конкретные разработки: демографические расчеты, установление плотности населения, естественных возможностей и потребностей населения в необходимом продукте, исчисление размеров используемых для экономических надобностей площадей и, конечно, изучение форм организации труда и распределения материальных благ, а также и социальных отношений как фактора, производного и слитного с экономическим состоянием общества.

Опыты палеоэкономического моделирования, постепенно внедряемые в археологические исследования, разработки, связанные с экологическими вопросами, показывают, что изучение закона народонаселения в предложенной Лениным формуле должно получить более широкое и глубокое распространение.

Сейчас начал вырисовываться именно системный подход к изучению древних сообществ, разных и по величине занимаемых территорий, и по уровню развития культур. Здесь должен сыграть свою роль и сравнительно-исторический метод, оправдавший себя в части сравнительно-типологического метода в археологии и зарекомендовавший себя в ряду других гуманитарных и естественных наук. Кстати, с помощью сравнительно-исторического метода удается восстановить социально-экономические структуры эпохи раннего металла в так называемом полумесяце плодородия, проходящем от северо-восточного Прикаспия через Средний и Ближний Восток, Восточное Средиземноморье, южное Подунавье и упирающемся своим западным отрогом в Среднее Поднепровье, где он представлен памятниками ранних земледельческо-скотоводческих племен.

В связи с системным подходом к изучению древних сообществ само понятие «стадиальности развития», несколько стушеванное временем, обретает более реальное историческое содержание, конкретное по своим материальным проявлениям, отражающим единство общих закономерностей для огромных социально-экономических массивов и частные этнографические, культурно-исторические и другие сходства и различия, возникающие по разным причинам. Здесь проявляют себя миграции, диффузии, влияния, заимствования, очень нивелирующие уровень развития разноэтничных сообществ, их культуры. Однако каковы бы ни были разработки археологических проблем, все они прочными звеньями соединены с социально-экономическими образованиями более низких рангов, начиная с первичных форм организации производства, эмбриональных проявлений общественного сознания, семейно-брачных отношений, обычно-правовых институций, первобытнообщинных отношений. Эти социально-экономические категории постоянно находились в исследовательском поле зрения классиков марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин во многом приумножил и развил созданное Марксом и Энгельсом и в области материалистического понимания основных исторических закономерностей, уточнил периодизацию общественного прогресса, в новом свете показал диалектическое содержание отдельных социальных процессов. Для археологии особое значение приобретают положения В. И. Ленина, выдвинутые им в связи с изучением крестьянской общины. В одной из наиболее ранних работ «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (ПСС, т. 1) В. И. Ленин, исследуя экономическую рознь в среде современного крестьянства (вторая половина XIX в.), отметил необходимость «группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики)» (В. И. Ленин. ПСС, т. 1., с. 35, 36). Позднее, в другой работе, В. И. Ленин вновь обращает внимание на структуру крестьянской общины, ставшей опорой для идеологов «крестьянского социализма», для проповедников некапиталистического пути развития крестьянства в России. В. И. Ленин отмечает, что в литературе, посвященной крестьянской общине, постоянно смешиваются две различные стороны вопроса — «агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой». «Между тем,— пишет В. И. Ленин,— подобный прием глубоко неправилен» (В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX в.— ПСС, т. 17, с. 81). Сказанное Лениным относится к классовому обществу, однако общеметодологическая значимость этих положений В. И. Ленина совершенно очевидна. И прежде всего потому, что они

обращают внимание на изучение не только технических и бытовых сторон в истории обществ, чем, в сущности говоря, чаще всего и занимается археология, но и обязывают исследовать социально-экономическое состояние изучаемых обществ.

Надо сказать, что эти положения Ленина о структуре крестьянской общины только сравнительно недавно вошли в теоретический арсенал археологической науки и используются в конкретных исследованиях еще очень робко. Что же касается отношения В. И. Ленина к роли и значению техники в познании процессов истории человеческих сообществ, то Ленин всегда и во всем считал историю развития техники важнейшей частью истории социального прогресса (В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Наука логики».— ПСС, т. 29).

Археология, пожалуй, больше всех других гуманитарных наук материальна в том смысле, что использует для изучения исторических процессов вещественные памятники. Она теснее всех других общественноисторических дисциплин связана с природоведческими науками. И все же не случайно в 1976 г. возникла необходимость вновь присмотреться к научным направлениям, проявившим себя в археологии. Я имею в виду проведение конференции под девизом «Историзм археологии: методологические проблемы», состоявшейся в Москве, в Отделении истории АН СССР. Как оценивать сейчас частные результаты конференции — это вопрос особый. Важно главное — это твердое подтверждение историзма археологической науки, критическое отношение к попыткам ограничить исследовательские возможности науки, ее предмета, направленности. Думаю, что лучшим напутствием для дальнейшего развития археологической науки как гуманитарной, исторической должны послужить слова В. И. Ленина, сказанные им о двуединстве изучения общины.

В последнее десятилетие археологическая наука сделала большие успехи в области укрепления своей источниковедческой основы и некоторых теоретических разработок. Одним из важных направлений, отвечающих ленинским рекомендациям исследовать явления в их комплексном содержании, являются палеоэкономические разработки, тоже стоящие в прямой связи с указаниями В. И. Ленина о составных частях изучения организации общины. Пока еще традиционализмом можно объяснить довольно распространенную этимологическую равноправность в понимании терминов «хозяйство» и «экономика». На самом же деле если под хозяйством в обычном, археологическом смысле подразумевается род занятий, то под экономикой должно понимать совокупность производственных отношений изучаемого общества. Только возросшим объемом археологических знаний и творческой разработкой ленинских положений можно объяснить возникновение и развитие в археологической науке, в частности, палеоэкономического направления. В практике исследований уже определился ряд принципиально важных вопросов, решение которых сохраняет приоритет за нашей наукой. Это касается прежде всего широты программы палеоэкономических разработок, их целенаправленности, определений емкости производств, их взаимодействий и взаимообусловленности в экономических структурах, изучение форм общественной и индивидуальной собственности, распределение продукта, изучение истории организации производств, в частности ремесла, исследование затрат энергии и времени на получение необходимого продукта, особенно в более древних обществах, где хозяйство ведется сообща, а распределяются только продукты.

Нельзя сказать, что в зарубежной археологической науке проявляется невнимание к вопросам древней экономики. Материалистические идеи, отражающие объективные закономерности социально-экономических процессов, все больше и больше овладевают умами исследователей, ищущих путей к объяснениям исторических явлений, а не только старательно описывающих их. Располагая современными техническими возможностями, зарубежные исследователи в ряде разделов, связанных с палеоэкономикой, достигли высоких результатов.

Палеоэкономические разработки уже ведутся в рамках отдельных общин, групп общин в пределах микрорайонов, объединений сообществ в границах обширных территорий. Есть уже и опыт палеодемографического моделирования в глобальных масштабах и в историческом разрезе. Конечно, степень достоверности таких расчетов заметно убывает по мере расширения охвата ойкумены человечества, но все же полезность и перспективность таких разработок очень способствует пониманию экологических закономерностей.

В последние два десятилетия значительно возросло внимание к состоянию самой археологической источниковедческой базы, методической освоенности, фактологической содержательности и научной информативности ее. Колоссальный приток археологических материалов, благодаря работам на новостройках и тематических экспедиций, стал знамением времени. Но само по себе накопление археологических коллекций не оставалось простым накопительством, а обернулось необходимостью новых подходов к их изучению, совершенствования методических разработок, способствующих научному освоению источников. Прилагаются большие усилия в области систематизации огромнейших археологических собраний, к унификации приемов обработки их, разрабатываются классификационные системы, расширяются типологические характеристики археологических объектов и пр. Кроме традиционных методов, органически связанных с археологией, пришедших из этнографии, антропологии, геологии и др., появляются и внедряются новые методы, соотносимые по преимуществу с естественными областями знаний и выросшие на почве научно-технической революции. Все это несомненно расширило исследовательские горизонты и обогатило археологическую науку.

Большое внимание к археологическим источникам, как к объектам, иллюстрирующим развитие древнего человека, показывающим уровень развития его культуры, нашло свое отражение во множестве специальных публикаций. Среди последних следует назвать «Свод археологических источников», многотомный труд «Археология СССР» — издания Института археологии АН СССР, в которых принимают участие археологические учреждения союзных республик, трехтомное издание «Археология Украинской ССР», отмеченное Государственной премией Украинской ССР. Впрочем, было бы ошибкой полагать, что в названных здесь фундаментальных изданиях содержатся только публикации археологических материалов, т. е. то, что определяет их эмпирический уровень исследований. Но было бы и неправильным переоценивать присутствие в них обобщающих, теоретических работ, так же как и вообще такого рода изданий.

Не трудно заметить, что в археологических публикациях очень широкое распространение получил типолого-статистический метод, иногда модернизированный по сравнению со своим французским предшественником, возникшим при изучении палеолита. Применение этого метода принесло известную пользу, особенно в типолого-географическом смысле, расширило возможности дробных технических характеристик инвентаря, арифметического обоснования выделения руководящих форм. Возможно, что типолого-статистический метод и в палеоэтнографическом отношении оказался небесполезным. Во всяком случае, в вопросах пространственного распространения тех или иных каменных индустрий, керамических объектов или орнаментальных сюжетов этот метод сыграл положительную роль. Это хорошо прослеживается на примере распространения клектонской и леваллуазской технических традиций, зубчатого и других видов мустье, размещении форм и типов ямочно-гребенчатой керамики и пр.

Я не ставлю перед собой цель, да и не имею здесь возможности прокомментировать все, очень существенные, усилия исследователей, археологов и не археологов, направленные на совершенствование методологических и методических основ археологии. Это тем более трудно, что обе эти категории должны рассматриваться *в единстве приложения*. Но как бы ни был высок уровень эмпирических работ в области современной археологии, как высоко ни ценить стремление исследователей к обобщениям, к синтезированию и выявлению закономерностей исторического прогресса в древних обществах, приходится отметить, что в археологии все же преобладают эмпирические тенденции. А это и означает непреодоленность критического замечания Ленина по поводу однобокости изучения общины, о внимании только к техническому и бытовому ее содержанию. Думаю, что некоторый застой археологической науки в решении социально-экономических проблем может быть объяснен внедрением самых различных технических приемов обработки и использования археологического материала, то есть поиск совершенствования археологических исследований ведется предпочтительно в техническом направлении, а не в гуманитарном. Тем самым нарушается познавательная гармония исследования, ее целенаправленности.

Вместе с тем определился и некоторый консерватизм в самой организации науки

в ее методических разделах, в понятийном, таксономическом аппарате. Даже само понимание термина «археологическая культура» получило разные истолкования. Несовершенство и неупорядоченность понятийной структуры стало особенно ощутимым при программировании самих исследований, при попытках обобщений, культурно-историческом районировании, конкретизации соотношений культуры с этносом и т. д.

В довоенные годы, в то время, когда формировались пути развития советской археологической науки, в центре критики оказался типологический метод, или, как его именовали, формально-типологический метод. Время и дела показали, что, освободившись от налета слепого эмпиризма, типологический метод в археологии занял достойное место как инструмент познания. В те же годы стал проявлять себя статистический метод, особенно в типологических построениях палеолита, хотя и при изучении могильников он тоже нашел свое применение. Понадобились десятилетия, чтобы типолого-статистический метод возвратился в обновленном виде к нам из-за рубежа и нашел благодатную почву для своего развития. Но применение этого метода, например для эпохи палеолита, привело и к массовому наращиванию так называемых тип-листов (в применении не только к палеолиту), характеризующих, как это часто представляется их авторам, типолого-статистическое и техническое состояние кремневых индустрий или керамических собраний. Продолжается безудержное нарастание различных индустриальных и технических признаков, различных индексов, микрохарактеристик индустриальных комплексов и отдельных предметов, попыток классификаций на различных уровнях, с невероятным усложнением понятийного реестра, не рассчитанного на человеческую память, с нагромождением специальной терминологии, придуманной авторами или взятой из других наук. Проявление субъективизма, особенно при визуальных наблюдениях, получило здесь полную возможность показать себя в действии. А массированное применение статистических подсчетов и математических выкладок часто придает такого рода обработкам только научную иллюзорность.

Искусственная дробность единств в поисках технических различий в обработке, например, камня, способствовала прогрессирующему росту числа изолированных синхронных и несинхронных культур, к полной разобщенности социального и экономического прогресса, к сужению интереса к поиску общих собственно исторических закономерностей. Сказанное не трудно показать на элементарном сопоставлении тип-листов, их органическую несовместимость в самих принципах организации их не только в классификационных рубрикациях, но и в описательных элементах.

Видимо, понадобятся уже сейчас специальные исследования, чтобы как-то установить единство принципов и требований к организации аппарата вспомогательных средств познания, устранить субъективизм в их составлении. Я поднял вопрос о состоянии и применении типолого-статистического метода в связи с уже наметившимися отрицательными тенденциями, вовсе не безобидными для развития археологической науки. Опыт более двух десятилетий показывает, что типолого-статистическая формализация, особенно в низших «классификационных» звеньях, почти не способствовала каким-либо существенным историческим разработкам, не привела, например, к выявлению причинности сложения технического разнообразия в одних и тех же археологических комплексах, не объяснила смешение технических уровней или черт у сообществ, живущих бок о бок или разделенных огромными пространствами.

Увлечение формалистической типологией вызвало к жизни рецидив так называемого «биологизма» в понимании преемственности и изменчивости орудий и других предметов труда человека. Тезис о том, что предметом археологии является «установление закономерностей ископаемых объектов и отношений между ними» это не только сужение задач археологии, лишение ее исторических качеств, но и прямое приглашение к возврату, к, казалось бы, отмершему отождествлению законов развития живой и неживой природы, закономерностей социальных и естественных. Дело доходит до того, например, что в изучении кремневых орудий вместе с археологом принимает участие в качестве полноправного соавтора и представитель Института генетики АН СССР.

Я далек от мысли как-то умалять значение очень детального, глубокого и всестороннего изучения археологической вещи как сгустка человеческой деятельности, от

принижения вещеведения в лучшем понимании этого понятия. Ведь именно мелкие детали часто приводят к крупным открытиям, к установлению, например, практической одновременности или связей между большими и малыми человеческими сообществами. Но и крупные, и мелкие детали, составляющие вещь, это прежде всего создания рук человека, а потому должны восприниматься как продукт *сознательной* деятельности, тогда и отношение к вещи будет лишено формализма.

Отмеченные недостатки, сопутствующие развитию советской археологии, это не порок в самой методологии археологической науки, а результат заполнения временного теоретического затишья перед безотлагательной необходимостью развивать археологическую науку по гуманитарному, историческому пути, именно в том направлении, как это показал В. И. Ленин, в частности, и на примере изучения сельской общины. Позволю себе высказать убежденность в том, что глубокое и целенаправленное изучение марксистско-ленинской методологии и дальше будет служить верным компасом в поисках исторических закономерностей в развитии человечества.

XVI ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННОУГРОВЕДОВ

По установившейся традиции всесоюзные конференции финноугроведов, объединяющие лингвистов, литературоведов и фольклористов, этнографов, антропологов и археологов, собираются каждые пять лет поочередно в городах, являющихся центрами финноугроведения в СССР. Последняя, XVI Всесоюзная конференция состоялась с 26 по 29 июня 1979 г. в столице Коми АССР г. Сыктывкаре.

Конференция была весьма представительной. В ней участвовали ученые институтов языкознания, этнографии, археологии АН СССР, филиалов АН СССР, научно-исследовательских институтов и университетов Эстонской и Украинской ССР, Коми, Карельской, Удмуртской, Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской автономных республик, научных учреждений и высших учебных заведений Перми, Томска, Свердловска, Барнаула.

Правительство и обком КПСС Коми АССР принимали непосредственное участие в подготовке конференции и создании наилучших условий для ее работы. На открытии конференции вступительное слово произнес Председатель Президиума Верховного Совета Коми АССР З. В. Панев. Работа конференции освещалась в республиканской газете «Красное Знамя» и по телевидению. Коми филиал АН СССР выпустил к началу работы конференции два сборника с тезисами докладов.

На первом пленарном заседании секретарь Коми обкома КПСС А. Ф. Сюткин сделал доклад «Ленинская национальная политика в действии». Развитию финноугроведения в Коми АССР со времени XI Всесоюзной конференции финноугроведов, состоявшейся в Сыктывкаре в 1965 г., был посвящен доклад Н. Н. Рочева (Сыктывкар). Итоги работ по финноугроведению в СССР за 1974—1979 гг. были освещены в докладах Ю. С. Елисеева и Л. Н. Терентьевой (Москва).

Помимо пленарных заседаний работа конференции проходила в шести секциях. На секции археологии было прочитано 15 докладов. Четыре доклада были посвящены бурно развивающейся археологии Коми края. В. Г. Стоколос (Сыктывкар) в докладе «Древние поселения на озере Чойновты» в долине р. Мезень изложил интересные предположения о размерах и порядке использования промысловой территории одним родовым коллективом в эпоху бронзы. У оз. Чойновты им были открыты остатки 16 жилищ — котлованов с бедным инвентарем, вероятно, являвшихся временными пристанищами охотничьего коллектива, а в 55 км — в урочище Ошчой — обнаружена группа аналогичных по планировке и инвентарю жилищ. Докладчик предполагает, что обе группы жилищ входили в промысловую территорию одного и того же рода. Э. А. Савельева (Сыктывкар) выступила с докладом, обосновывающим пермскую принадлежность ванвиздинской культуры. Разделение древней коми общности на северную (предков коми-зырян) и южную (предков коми-пермяков) докладчик относит ко второй половине I тысячелетия н. э. Ванвиздинская культура является северной параллелью ломоватовской культуры. Особую близость к ломоватовской культуре обнаруживают материалы I Веслянского могильника на р. Вымь. В докладе А. М. Мурыгина (Сыктывкар) «Памятники ванвиздинского типа на Мезени» сообщалось об открытии семи новых памятников. Это преимущественно неукрепленные поселки второй половины I тысячелетия н. э. с незначительным культурным слоем. Основу экономики составляли охота и рыболовство. Существовала и довольно развитая металлургия, причем варка железа и выплавка бронзы производились на кострах. К. С. Королев (Сыктывкар) рассказал о вновь открытых памятниках Перми вычегодской (три могильника и святилище), доказывающих заселение Верхней Вычегды непосредственными предками коми-зырян уже в начале II тысячелетия н. э. В прениях по этим докладам отмечался большой размах полевых работ в республике, обогативших новыми данными представления об этногенезе, этнической территории и культуре предков коми-зырян.

Археологическим культурам и отдельным категориям археологических памятников Европейского Севера от эпохи камня до раннего железа было посвящено

4 доклада. Т. М. Гусенцева (Ижевск) сообщила об особенностях материальной культуры в эпоху камня на территории Камско-Волжского междуречья. А. П. Журавлев (Петрозаводск) рассказал о новых открытиях древнейших медных рудников Заонежья у дер. Тимохова (шахты, штольни, места открытых выработок). Зарождение металлобработки здесь датируется III тысячелетием до н. э. Древнейшим технологическим процессом являлась холодная ковка самородной меди. Раскопана и печь для переплавки такой меди. Л. Н. Корякова (Свердловск) сделала доклад об этносе саргатской культуры западносибирской лесостепи конца I тысячелетия до н. э. Автор предполагает сложный этнический состав населения этой культуры (угорский и ираноязычный компоненты). Г. М. Буров (Симферополь) в докладе «Сани Прибалтики, Коми края и Зауралья» выделил 11 типов санных полозьев, встреченных от Скандинавии до Зауралья в памятниках с VIII—VI по I тысячелетие до н. э. Некоторые типы полозьев, свидетельствующих о конструкции саней, приспособленных под собачьи упряжки, известны лишь с конца II тысячелетия до н. э.

В ряде докладов освещалась роль финно-угорского населения в сложении археологических культур Поволжья и Камско-Вятского междуречья в I — начале II тысячелетия н. э. В. А. Семенов (Ижевск) в докладе «К вопросу о времени появления пермского населения в бассейне р. Чепцы» указал, что племена чегандинского происхождения проникли на р. Косу (левый приток р. Чепцы) уже в IV в. н. э. В VI—VII вв. верхнекамские комплексы отчетливо прослеживаются и в материалах Варнинского могильника (р. Варнишур, правый приток р. Чепцы). П. Н. Старостин (Казань), рассматривая этнокультурные компоненты азелинской культуры, указал, что новые раскопки могильников по течению Камы подтверждают активное проникновение позднегородецких племен правобережья Волги в азелинскую (пьяноборскую в основе) среду. Третий компонент в сложении азелинской культуры докладчик условно назвал «южным». Он характерен могильными ямами с заплечиками и подбоями, захоронениями расчлененных туш коней (головы и ноги). Г. А. Архипов (Йошкар-Ола) затронул в докладе спорный вопрос о характере связи марийцев и коми-зырян в I — начале II тысячелетия н. э. Он указал, что для I тысячелетия н. э. совпадающих признаков в погребальном обряде и инвентаре этих народов больше, чем в последующее время. Е. П. Казаков (Казань) в докладе о финском и угорском компонентах в культуре волжских болгар показал, что в VIII—IX вв. в культуре болгар весьма ощутимы ломоносово-ломоватовские элементы, а контакты с поволжскими финнами не ощущаются. В X—XI вв. влияние культуры поволжских финнов усиливается. Устанавливаются и прямые контакты, вероятно, связанные с переселением поволжских финнов в земли болгар. Так, в Танкеевском могильнике раскопано богатое погребение муромки X в. (погребение 1101). В XIII — начале XV в. поволжско-финский компонент продолжает увеличиваться, в то время как прикамско-приуральский сходит на нет.

Три доклада были посвящены памятникам западнофинских племен. А. И. Сакса (Ленинград) дал характеристику археологических древностей Карельского перешейка XII—XIV вв. Концентрация этнически определяющих принадлежностей женского убора карел наблюдается также в смежной с Карельским перешейком области Сало в Восточной Финляндии, области Хяме и в Северной Финляндии. Отдельные находки таких вещей в Прибалтике, на Ижорском плато, в Новгороде свидетельствуют о разнообразных контактах корелы с ее соседями. Л. А. Голубева (Москва) сообщила о двух поселениях белозерской веси X — начала XI в. на р. Шексне (Вологодская область). Оба поселения являлись центрами ремесла (черная металлургия, кузнечное ремесло, бронзолитейное дело); их население активно участвовало в международной торговле по Великому Волжскому пути. Как показали раскопки 1974—1978 гг., население поселка у дер. Городище специализировалось с этой целью на промысловой охоте на бобров. С упадком восточной торговли этот поселок в конце X в. прекратил существование. Белозеро же сложилось в город и в XI в. было центром транзитной торговли по северному отрезку Волжского пути. Н. В. Гуслистов (Вологда) изложил результаты раскопок могильника у дер. Марьинской Тотемского р-на Вологодской обл., где в 1924 и 1978 гг. вскрыто 18 погребений. Могильник грунтовой XII—XIII вв., захоронения совершены в колодах или гробовинах; ориентировка западная, по встречается южная и юго-западная. Половина погребений безынвентарна. В женских захоронениях найдены полые подвески-коньки, нагрудная пряжка, колоколовидная и круглая косорешетчатая подвески. Докладчик относит могильник к прибалтийско-финскому населению — чуди заволоцкой, упоминаемой русской летописью.

Участники секции археологии ознакомились с выставками коллекций из раскопок последних лет, организованными Коми филиалом АН СССР и кабинетом Сыктывкарского университета, а также с археологической экспозицией и фондами Сыктывкарского краеведческого музея. 29 июня 1979 г. на последнем пленарном заседании конференции была заслушана информация Ю. С. Елисеева (Москва) о ходе подготовки к V Международному конгрессу финноугроведов.

Следующую, XVII Всесоюзную конференцию финноугроведов намечено провести в г. Ижевске (Удмуртская АССР).

Л. А. Голубева

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Одна из примечательных черт культурного развития современности — растущий интерес не только специалистов, но и громадной читательской аудитории к памятникам древнейшего творчества. Значение таких первосвидетельств духовного освоения мира в конечном счете определяется тем, что именно они составляют исторически реальную основу исследования феномена человеческого интеллекта — тайны его рождения, природы и исходных законов развития.

Из этой прямой сопряженности с важнейшим вопросом философии истории следует исключительная ответственность научного изучения такого археологического наследия. Образцы «ископаемой» скульптуры, гравировки, рисунка и живописи, пережившие тысячелетия, открываются ценой многолетних усилий. Каждая достоверная находка имеет непреходящую ценность подлинной записи древней мысли. Еще большего труда, в котором немалая роль принадлежит археологическому аспекту анализа, требует историко-материалистическое осмысление этих реликвий, начиная с их полной источниковедческой атрибуции и завершая попытками семантической дешифровки. Но даже малый, но достоверный результат на этом пути существенно обогащает науку, оправдывая все затраченные исследователем усилия.

Совершенно иной, сугубо отрицательный момент в эту мировоззренчески важную область вносят спекулятивные сенсации, не отвечающие самым элементарным нормам научной аргументации, игнорирующие более чем столетний опыт науки и выражающие прежде всего игру субъективной фантазии и амбициозные претензии на исключительное новооткрытие. При этом вряд ли стоит обращать внимание на попадающиеся в массовой печати отдельные сообщения такого рода, исходящие от любителей, которые, обычно опираясь на соображения своего «здравого смысла», повторяют, по естественному незнанию, уже давно пройденные наукой «уроки». Подобные однодневки не оставляют заметного следа. Но совершенно иная ситуация складывается, когда с аналогичной инициативой, да еще с поразительным патиском на средства печати уже в течение пяти лет выступает археолог, имеющий степень доктора исторических наук и заведующий сектором одного из институтов АН СССР. Мы имеем в виду умножающиеся от года к году и обрушивающиеся на читателя как сокрушительный вал разнокалиберные публикации В. Е. Ларичева, пронизанные одной и той же тенденцией и обычно упорно повторяющие друг друга *.

---

* Приведем по годам, вероятно, не совсем полный список этих сообщений:

1976: а — У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири. «Рериховские чтения». Новосибирск: Наука, с. 14—26;

б — Первые рудознатцы и художники Сибири.— «За науку в Сибири», от 30.IX.1976 г., с. 3, 6, 7.

1977 — Художники древнекаменного века.— «Вечерний Новосибирск», от 18.X.1977 г.

1978: а — Искусство верхнепалеолитического поселения Малая Сыя: датировка, виды его и образы, их художественный стиль и проблема интерпретации.— Изв. СО АН СССР, № 11, вып. 3, с. 104—119.

б — Скульптура черепахи с поселения Малая Сыя и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека (описание находки и опыт предварительной интерпретации).— В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, с. 32—69.

в — Древнекаменный век. Художники и мыслители.— «Знание — сила», № 9, с. 25—27.

г — Охотники, мыслители и эстеты... каменного века.— «Советская Сибирь» от 8.II.1978 г.

д — Искусству — 34 тысячи лет! — «Советская культура» от 30.V.1978 г.

е — Находка в Хакасии. Как выглядели «древние сибиряки» 34 000 лет назад? — «Вечерний Новосибирск» от 11.XI.1978 г.

ж — Предок в шкуре бизона.— «Советская Сибирь» от 5.XII.1978 г.

1979. — Как человек разумный освоил мир.— Атеистические чтения, № 10.

1980: а — Пещерные чародеи. Новосибирск, 221 с.

б — Мамонт в искусстве поселения Малая Сыя и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении Вселенной.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск: Наука, с. 159—198.

в — Зооантропоморфная скульптура верхнепалеолитического поселения Малая Сыя.— В кн.: Вопросы археологии Хакасии. Абакан: Хакасский НИИ ИЯЛ, 1980, с. 28—52.

г — Мир фантастический, мир реальный.— «Знание — сила», № 3, с. 15—18.

д — Древнейшие люди Сибири. Курьер ЮНЕСКО, декабрь, с. 25—27.

е — Лунные братья.— «Советская Сибирь» от 2.IV.1980 г.

ж — Астрономы древнекаменного века. «За науку в Сибири» от 10.IV.1980 г.

з — История начинается в Сибири.— «За науку в Сибири» от 3.VII.1980 г. (перепечатка в «Красноярском рабочем» от 25.IX.1980 г. и под названием «Чей календарь древнее?» в «Неделе», № 40, с. 12).

Основание для неиссякающего потока открытий он усмотрел в находках, сделанных им при раскопках обнаруженной Н. Д. Оводовым верхнепалеолитической стоянки Малая Сыя в Хакасии. Эта стоянка, по-видимому, действительно представляет немалый научный интерес. Но ее «уникальный по характеру, типологически выразительный и яркий каменный и костяной инвентарь» (1978а, с. 105), т. е. именно те показатели, которые наряду с анализом стратиграфии и планиграфии памятника должны составить основу историко-археологической оценки всего комплекса, остается неизвестным науке. Его «скрупулезному изучению» В. Е. Ларичев отвел в своих публикациях 16 строк (среди нескольких названных типов орудий загадочными остаются «проколковидно-гравировальные инструменты») и одну таблицу (1978а, с. 108, 109). Зато более 250 страниц текста (без учета газетных сообщений) он посвятил «искусству Малой Сыи». Уже в этой избирательности и поразительной диспропорции проявляется характерная для автора психологическая установка на сенсационную подачу своих материалов.

Того же рода выборочность данных, подчиненная замыслу исключительности, зримо проступает в сообщаемых В. Е. Ларичевым сведениях об абсолютной древности Малой Сыи. Из нескольких **одиночных** радиокарбоновых дат он многократно, в каждой публикации приводит лишь две древнейшие оценки, категорически приписывая комплексу «глубочайший возраст» примерно в 34 000 лет (1976а, с. 17; 1976б, с. 7; 1977; 1978а, с. 107; 1978б, с. 33; 1978в, с. 25, 26; 1978 г.; 1978д; 1978е и т. д.) и подчеркивая тем самым его уникальность как чрезвычайно раннего памятника только появившегося неоантропа (Homo sapiens). Отмеченное Л. В. Фирсовым (машинописный текст статьи «Звездная карта из позднего палеолита?!» наличие других, более молодых дат Малой Сыи по C^{14}, которые могут оказаться в общем контексте этого ансамбля более обоснованными, полностью игнорируются. Они ни разу не упоминаются. Так, спорное и по крайней мере дискуссионное здесь, а еще больше в дальнейшем преподносится в виде абсолютной истины, однозначно и прочно установленной.

Начало бурно развиваемой Ларичевым эстафете «художественных открытий», ведущих к «опровержению устаревших идей» (1976а, с. 18), положила одна из находок при раскопках 1976 г. Тогда он «среди нескольких тысяч скучных и маловыразительных сколов, обнаруженных на Малой Сые», различил «отщеп» кремнистого сланца, в котором сразу же увидел скульптуру черепахи (1976б, с. 3; 1978а, с. 111; 1980а, с. 160, 161). «Могу поручиться, что ничего подобного еще никто, никогда и нигде не находил»,— так звучало его заявление в этот момент, обращенное к работавшим в экспедиции школьникам. А затем утверждение, что, «к счастью», эта черепаха вообще уникальна для «палеолита мира», повторялось многократно (1976а, с. 20, 25; 1977; 1978б, с. 34, 39; 1978в, с. 25; 1980а, с. 180).

Этот «факт, совершенно исключительный по значению» (1978б, с. 62), явился предметом сверхдетального описания в очень своеобразном его видении Ларичевым (1976а, с. 20—25; повторение с еще большими подробностями— 1978б, с. 34—39). Настраивая читателя на то, что здесь «не остается сомнения» (1976а, с. 20, 25; 1980б, с. 39), что все «совершенно определенно», (1976а, с. 20), он усматривает в «мастерски моделированной скульптуре», отмечающей виртуозность и «превосходные художественные способности палеолитических обитателей Малой Сыи», множество деталей: то ли змеевидную, то ли клювовидную головку, «плечики», крыловидные передние ножки, «талию», задние ножки с особо «выписанными» выступами-коготками, подтреугольный хвост. Оказывается, что и фасетки на выпуклой поверхности артефакта заключали в себе некий замысел (передача ячеистой поверхности панциря), да к тому же в дальнейшем было сообщено, что вся «скульптура» окрашена черной краской (1978а, с. 108).

Однако все это никак не убеждает. Категоричность и многословие Ларичева производят обратный эффект, вызывая большие сомнения по естественно возникающему вопросу: изобразительное ли произведение эта самая «черепаха»? Много более вероятным представляется, что здесь объектом всех рассуждений является небольшое двусторонне обработанное орудие или мелкий сильно сработанный нуклеус леваллуазского типа, который в связи с его формой и называется иногда черепаховидным. Что же касается много более достоверных изображений черепах в искусстве верхнего палеолита, то таковые, вопреки уверенности Ларичева, на Западе открыты, по крайней мере, в трех случаях. Но они не имеют ничего общего с его образцом.

В статье Ларичева (1978а), вышедшей в следующем году, число «черепах» Малой Сыи резко умножается за счет трех «фигурных камней» (термин Ларичева; судя же даже по рисункам В. Жалковского — 1978а, с. 112, рис. 6, *1—3*, это всего лишь маловыразительные, бесформенные сколы) и одной сомнительной поделки из рога. Там же сообщается об изображениях мамонта и орла как господствующих наряду с черепахой в творческом репертуаре Малой Сыи, о дополнительных сюжетах лошади, льва, мчащегося быка, волка, хищных рыб. По Ларичеву, их предельно сложные, разнофигурные и совершенно необычные по способам связи композиции, не находящие аналогий в известном художественном наследии неоантропа, образуют особый разряд произведений — «космогонические камни». При их испол-

нении одновременно применялись многообразные технические приемы, также до сих пор не замеченные в культуре палеолита, — скульптурная и барельефная обработка твердых пород камня (до сих пор, за 120 лет палеолитоведения, лишь однажды была открыта достоверная кремневая фигурка медведя в раннемадленском горизонте Кап-Блан во Франции), моделирующие фигуру сколы, ювелирная точечная выбивка в малых формах, тончайшая гравировка на гальках (чем — алмазом? — спросим мы), многоцветная роспись по предварительно грунтованной поверхности.

В появившейся в том же году второй статье (1978б), да и в дальнейшем, три упомянутые выше «каменные черепахи» уже совсем не фигурируют, словно они и не предъявлялись науке как нечто бесспорное. Зато с обычной решительностью сообщается о «новинках», подтверждающих все предположения автора. Теперь это уже не отдельные фигурки, а «сложная барельефно-скульптурная композиция», где черепаха и щука «взаимно атакуют друг друга» (там же, с. 64; прилагаемый рисунок совершенно непонятен). Другой камень, по Ларичеву, передает особенно популярный сюжет — «борьбу орла с черепахой» (там же, с. 64—66, рис. 11), третий — борьбу черепахи с мамонтом» (там же, с. 66, 67). Особенно подчеркивается, что черепаха «определенно представляет одновременно и фаллическое изображение» (там же, с. 65сл). Воспроизведенный на рис. 12 и 13 камень, на наш взгляд, произвольно и загадочно определяемый как «скульптурное, фаллическое по характеру изображение черепахи», вероятнее всего, представляет один, да к тому же маловыразительный образец Lusus naturae («игры природы»). «Дальновидение» автора достигает того предела, когда он усматривает в одной из сцен на «космогоническом камне» «прежде всего своеобразный полный страсти половой акт» (там же, с. 66).

1979 год в публикационной деятельности Ларичева несколько необычен (только одна небольшая статья и газетная заметка). Зато последний, 1980 год отмечен особым обилием его изданий. Появились две пухлые статьи (1980б, в), статьи в журналах (в том числе в «Курьере» ЮНЕСКО) и в газетах, наконец, научно-популярная книга (1980а), весь пафос которой сконцентрирован на исключительном значении духовного феномена Малой Сыи. При этом нелишне отметить, что собственно научные и научно-популярные этюды В. Е. Ларичева отличаются друг от друга очень мало, а то и оказываются тождественными (бедность, а то и полное отсутствие аппарата и действительной аргументации, увлечение риторикой и т. п.). И в тех и в других налицо дефицит научной строгости в угоду авторской популярности у массового читателя.

Посылкой для большой, почти в три печатных листа, статьи о мамонтах в космогонии культуры Малой Сыи (1980б) послужили три «скульптурно-барельефных изображения», якобы предпамеренно обколотых и подправленных, несущих на себе тончайшую гравировку и следы красок на особой белой подгрунтовке. Один из этих «космогонических камней» — галька окремненного песчаника — в современном восприятии действительно несколько напоминает очертания передней части слона. Но приведенная документация не позволяет с нужной отчетливостью определить, какие дополнения (случайные или же преднамеренные) могли быть внесены в этот, по-видимому, внешне эффектный «шедевр» Lusus naturae. Трактовка другой гальки из черного кремнистого сланца (совмещение изображений мамонта и самки бизона «с раскрытым в реве ртом», за чем следует видеть половой акт,— там же, с. 186) малоубедительна. Наконец, «тщательное исследование» третьего образца (каменное орудие типа массивного скребла) привело Ларичева к заключению, что он представляет «исключительную ценность» (там же, с. 185). Это «скульптурно-барельефное изображение» его «поражает... поистине идеальной уравновешенностью и цельностью (там же, с. 175), «превосходно передает динамизм и экспрессивность гиганта (т. е. мамонта.— *Авторы письма*), навалившегося на огромную рептилию» (там же, с. 182), «он яростно „атакует" ее» (там же, с. 183), а у черепахи «ее широко раскрытый рот исторгает предсмертный крик» (там же). Но фотография этого камня (там же, с. 173, рис. 9) порождает слишком большие сомнения в достоверности и профессиональности таких заключений. А его графические воспроизведения в исполнении В. Жалковского, как и, очевидно, другие его рисунки, включают в себя немалую «аранжировку» предмета в духе данной ему Ларичевым дешифровки.

Так в кратком виде можно представить формирование Ларичевым источниковедческой базы по творчеству Малой Сыи, выражающему ее более чем своеобразный анимализм. При этом сначала у него тревогу вызывало то, что вторая основная тема верхнепалеолитического творчества (т. е. антропоморфный цикл) в этом ансамбле казалась отсутствующей. Однако вскоре случилось еще раз нечто фантастическое и сбылась «просто сказочная» мечта (1978ж) — было открыто сразу несколько представляющих «огромный общекультурный... интерес» реликвий (там же), которые позволили «взглянуть в лицо тому, кто жил на сибирской земле 34 000 лет назад!» (1978е). В камнях, которые, судя даже по рисункам В. Жалковского, являются отщепами, Ларичев с обычной для него императивностью предлагает видеть фотографически точные «индоевропейские черты» (1980 г., с. 15), первые, никогда до этого не открываемые «портретные изображения конкретных людей» (1978ж),

описывая их фигуры со всеми подробностями (человек с окрашенным охрой бородатым лицом, как «вставший на дыбы бизон», в костюме-балахоне то ли из шкуры, то ли из оперения орла; у другой фигуры особо отмечается головной убор в виде рогатой головы бизона или, в другом сообщении, головы орла с раскрытым клювом и т. д. и т. п.). В который раз повторяя подобно заклинанию утверждение, что значение этого открытия трудно переоценить, Ларичев совершенно убежден, что «антропологам теперь придется давать свои реконструкции древнейших людей с учетом особенностей портрета человека из Малой Сыи» (1978е).

Апогея же фантазия автора достигает при истолковании еще одного образца, также уникального, «удивительного по яркости и живости воплощения» (1980в, с. 46). В его видении галька серовато-желтого кварцита (скорее всего аморфный нуклеус с частично сохраненной желвачной коркой) — «первозданная по ясности» Великая Мать Прародительница (она же — рожающая совоголовая праматерь), сочетающаяся, с декларативными ссылками на полисемантизм, с множеством других экстравагантных образов (слившимися в половом акте — борьбе орлом и черепахой, огромной головой льва, быком и т. п.— там же, с. 33).

В этом случае пересказ Ларичева вообще невозможен (см. его краткое авторское резюме — 1980 г., с. 16, 17). Поэтому отметим лишь некоторые моменты, которые опять же «не вызывают сомнений» (1980в, с. 32, 33, 35, 46, 48) и тем абсолютно подтверждают «общую точность расшифровки» (там же, с. 48). Одна рука Прародительницы «заканчивается определенно человеческой ладонью с превосходно выделенными пятью пальцами», из которых выскальзывает «некое животное, очевидно, волкообразный хищник... с широко раскрытой пастью» (там же, с. 32). У нее же свисающий изо рта «чудовищный по размерам» и «сплошь исштрихованный» язык (он же — фаллос) передает фигуру распластанного в прыжке льва с широко раскрытой пастью. Конец этого языка с «вытянуто-овальной звездчатой выбоиной» (она же — пуп) направлен в сторону детородного органа (там же, с. 32, 36). Наблюдения автора, позволяющие ему даже различить «анальное отверстие фаллоса» у подобных «фигур» (там же, с. 36, 52), завершаются стандартными, переходящими из статьи в статью эстетическими оценками («динамичная выразительность скульптуры поразительна» и т. п.).

Так в очень кратком изложении, максимально приближенном к тексту В. Е. Ларичева, выглядит то, что он представляет как неоспоримые «факты» искусства Малой Сыи — «уникального для палеолита Земли» (1978б, с. 34). «удивительного по художественному совершенству и глубокого по смыслу» (там же, с. 69), позволяющему «впервые... со всей очевидностью и наглядностью представить идеи палеолитических охотников и собирателей в такой сфере первобытного мировоззрения, о которой до недавнего времени не приходилось даже мечтать» (там же, с. 62), передающему «величайшие достижения первобытного человеческого мышления» (там же, с. 60), ведущему к разгадке тайны психологии, мышления, концепции мира раннего Homo sapiens (там же, с. 69) и проливающему свет на «суть древнейшего искусства Запада, которое все еще остается непонятным» (1978ж).

Но нарисованная Ларичевым «подлинная философская грандиозность первобытной концепции мироздания» (1980б, с. 181), которой он- изничтожает бытующий «схематизм и однообразие» уже «исчерпавших себя концепций» (1980в, с. 28 29; 1980ж), не является для нас сейчас основной темой, заслуживая отдельного разбора. Его дешифровка, излагаемая в обычном для автора императивном наклонении (к примеру, лишь в одной статье многократно повторяются обороты «не вызывает сомнений», «бесспорным остается», «можно с уверенностью утверждать» и т. п., см. 1980б, с. 181—185, 190, 191, 195 и др.), неоправданно слита с описанием вещей, включена в него и, более того, обычно будучи тенденциозной, предвзято обуславливает то, что автор здесь увидит (сам он вскользь называет это «угадыванием» — 1980б, с. 186).

При этой операции Ларичев также не испытывает никаких затруднений. Называя свой прием «проецированием», «объяснением по аналогии», «осторожным (?!) экстраполированием», он попросту приписывает неоантропу Малой Сыи очень развитые и осложненные фантастические представления «населения Азиатского континента» от эпохи бронзы и вплоть до позднего средневековья, которые приводятся им, можно сказать, в сказочной форме (без анализа, да и почти без аппарата). В стремлении к внешней убедительности такого отождествления показателен следующий тактический ход автора. «К счастью», он находит «связующее звено» в неолитической культуре крашеной керамики, всячески подчеркивая, что она относится, как и Малая Сыя, к каменному веку. А то, что их разделяет, помимо всего прочего, около 30 000 лет (при принятии хронологии Ларичева), оказывается несущественным.

В общем всеми этими вольностями дискредитируется сам принцип археолого-исторического сопоставления, в каждом случае очень сложного, требующего строгого генетико-стадиального обоснования и оценки степени достоверности. Да и история в исполнении Ларичева перестает быть наукой и приобретает мифологический характер.

Но подобное фантазирование не так безобидно, как может показаться. Здесь с непостижимой легкостью отрицается глубокий историзм сознания, подчиненность

его развития биосоциальным закономерностям, более того, зачеркивается то фундаментальное представление о первобытном прогрессе, которое явилось итогом всего историко-материалистического познания седой древности. В этом плане Ларичев намного превзошел модные сейчас на Западе концепции неотомистов, утверждающих метафизическую вечность внеисторичного феномена сознания («палеопрорицательница» М. Кёпиг, космобиологизм Ф. Бурдье, модернизм З. Гидиона и др.).

Однако вернемся к вопросу, который теперь для нас наиболее важен. Вопреки элементарной логике, Ларичев настойчиво стремится ввести в науку свои итоговые идеи, одновременно подчеркивая, что его материалы пока находятся «на самой предварительной стадии изучения» (1978г; 1978д; 1980б, с. 165, 198 и др.). Мы бы даже сказали решительнее: изучение находок Малой Сыи по обязательной научной программе в печати еще вообще отражения не получило. Ее вещи в абсолютном смысле слова отстаются пока «вещами в себе». Следовательно, в данное время отсутствует та необходимая источниковедческая база, на которую только и могут опираться все последующие исследовательские операции (опыты семантического раскрытия и т. п.).

В. Е. Ларичевым не раз упоминаются лабораторно-технические исследования находок Малой Сыи, вплоть до их изучения под микроскопом. Каковы их результаты, переданные точным протоколом? Каков состав «белой пасты», использованной для грунтовки, и красок? Для ответа на все эти вопросы в многословных работах Ларичева не нашлось места.

Во всех публикациях Ларичева если исключить рисунки, называемые фотографиями (1980г), то удастся обнаружить всего шесть не совсем ясных и, по-видимому, сильно отретушированных фотографий. Еще меньшей документальностью обладают рисунки В. Жалковского, относительно которых Ларичев был вынужден сделать ряд оговорок (сначала они назывались черновыми зарисовками— 1977; отмечается схематичность и условное выделение таких деталей, как глаза,— 1978б, с. 65, 66; часть композиции порой опускается — 1980б, с. 165, 186). А насколько «подвижна» и субъективна предлагаемая этим автором и его художником сюжетная атрибуция, показывает, например, то, что сначала в одной находке они с полной определенностью увидели «скульптуру мамонта с изображением шаманской маски и хищника» (1977), а вскоре затем «скульптурное изображение мамонта и фигуру самки бизона» (1980б, с. 168—171) и «голову льва с двумя змеями над гривой» (1980а, с. 299; 1980д, с. 26).

В нашем восприятии в «шедеврах» Малой Сыи представлены как естественные «фигуры», так и предметы индустрии камня, символическое значение которых очень сомнительно. Надо начинать их источниковедческо-типологический анализ с полным использованием всех современных методик (трасология и др.) с самого начала, т. е. первично надо выделить бесспорные артефакты, отсеяв от них естественные камни, не задетые обработкой; затем эти артефакты подвергнуть анализу на предмет выявления их возможной изобразительной функции и лишь затем, если символы действительно будут обнаружены, поставить вопрос об отраженных в них сюжетах.

Историографически же идеи Ларичева о начале искусства не так новы, как он их представляет. Они достаточно явственно перекликаются с гипотезой середины XIX в., тогда оправданной общим состоянием знаний. Ее автор — великий Буше де Перт — видел в подправке «естественной скульптуры» первые акты творчества (1847 г.). Он также допускал, что отдельные предметы индустрии камня могли восприниматься троглодитами как изображения (1857 г.).

Идеи В. Е. Ларичева получают широкую рекламу в прессе как прочные истины, составляющие новое слово науки и колоссально обогащающие ее. Например, В. Чивилихин сообщает о важнейшем открытии наших дней, от которого «неподготовленный человек мог бы упасть в обморок»: на Белом Июсе (т. е. в Малой Сые) «о б н а р у ж е н а д р е в н е й ш а я ц и в и л и з а ц и я п л а н е т ы» (Роман-эссе «Память».— Наш современник, 1980, № 9, с. 10, 11). Корреспондентами подобные сообщения подаются и в виде единодушного мнения специалистов, к тому же проверенного с помощью ЭВМ и других точных методик (см., например, заметку «Древнейшая звездная карта».— Советский Союз, 1980, № 10).

В действительности сами специалисты, испытывая множество сомнений в состоятельности сенсации во всех ее аспектах, пока вынуждены воздержаться от конечных суждений по причине странной и даже противоестественной для всей практики науки.

Дело в том, что Ларичев с таким упорством утаивает от них уникумы Малой Сыи, так последовательно отказывается от деловых встреч, что это невольно напоминает обряд первобытного «избегания».

В числе достаточно многочисленных предшественников источниковедческих представлений Ларичева примечательна фигура «аматора древностей» в городе Ржеве в начале нашего века — П. Ф. Симпсона. Он видел во многих камнях, никак не сопричастных древнему творчеству, изображения и этим серьезно дискредитировал собранную им огромную коллекцию. Только доступ к его «картонам» был широко открыт, и он настоятельно предлагал свои «шедевры» на суд археологов

(в частности, на Археологическом съезде). Парадоксально то, что не Симпсон, а Ларичев — профессионал-археолог наших дней, ведущий все свои исследования на государственные средства,— позволяет себе занимать такую частнособственническую позицию.

Причины сокрытия находок заключаются в том, что Ларичев хорошо представляет те требования обстоятельной аргументации, которые будут ему предъявлены коллегами в соответствии с обязательными правилами науки. Поэтому совсем не случайны в его статьях некоторые «профилактические» меры — например, требование от тех, кто «разделяет традиционные представления об интеллекте первобытных охотников» (1978в, с. 27), «терпимости и взаимопонимания» к усилиям в «нетрадиционном истолковании» (1978б, с. 33). С той же целью назидания и с чересчур явным подтекстом Ларичевым была опубликована в 1980 г. в сборнике «Звери в камне» большая, но поверхностная и изобилующая погрешностями статья о М. де Саутуоле — герое науки и жертве Альтамирской трагедии. Весь этот опус звучит «как предостережение вершителям судеб ученых в науке, как призыв к терпимости... как обвинение категоричности, снобизма и величия...» (там же, с. 35).

Из контекста работ Ларичева явствует его представление о своей исследовательской исключительности. То, что его работы «подлинное событие» (1980г, с. 15), декларируется автором совершенно прямо. Так, из его «операции» с эпиграфом (взяты слова М. В. Келдыша) в одной из последних газетных статей непосредственно следует, что он связывает свою инициативу с актом современного «проникновения человеческого гения в глубочайшие тайны мира, величайшие проявления человеческого интеллекта», а в самом себе видит «пример борьбы во имя истины» (см. 1980ж). Всем этим Ларичев, вероятно, как ему кажется, ставит себя над научной обыденностью, чуть ли не претендуя на роль провидца. В реальности же, мы опасаемся, он оказывается вне науки — безбрежного простора ее исканий, обязательно сопряженных с высокой ответственностью и доказательностью.

Замалчивание археологами сложившегося положения недопустимо затянулось. Настоящее письмо было подготовлено год назад. Но опять же оно было задержано в надежде на ознакомление с подлинниками Малой Сыи.

Первый голос критики в адрес В. Е. Ларичева прозвучал в печати в начале текущего года. Он принадлежал ученому-естественнику, заведующему лабораторией геохронологии СО АН СССР Л. В. Фирсову, который с достойной прямотой заявил об ответственности Ларичева перед наукой, в частности за его абсурдные, по словам Фирсова, измышления в трижды опубликованной статье (1980з) о сложнейшем календаре палеолита для планет Солнечной системы (см. Л. В. Фирсов. Научная сенсация, заблуждение? — «За науку в Сибири» от 5.II.1981 г., с. 6). Еще существеннее уже упоминавшаяся машинописная работа (1 п. л. текста и 6 таблиц) Л. В. Фирсова, законченная им накануне преждевременной кончины. Эта статья посвящена разбору «звездной карты палеолита», которую В. Е. Ларичев усмотрел на боку еще одной, новой «черепахи» Малой Сыи (1980ж). Здесь Л. В. Фирсов, отметив с оправданным упреком археологам целую серию специальных вопросов (все типолого-техническое определение находки), в которые им полагалось бы внести полную ясность, с большой убедительностью показал, что «космическая реконструкция» Ларичева совершенно несостоятельна в свете точных историко-астрономических данных. Можно считать, что с публикацией статьи Л. В. Фирсова «звездная черепаха» пополнит собой ряд аналогичных анекдотов в истории науки. Но для снятия в ней подобной «опечатки», рожденной мгновенным взлетом фантазии В. Е. Ларичева, понадобился действительно большой, только негативный по направленности исследовательский труд.

Если же иметь в виду не отдельные этюды В. Е. Ларичева (например, астрономо-календарные), а все его публикации по Малой Сые в целом, то в распоряжении науки имеется более экономный и естественный путь — проверка и оценка их фактологической обоснованности выработанными в археологии методами и приемами. Проведением полного источниковедческого анализа, с которого и полагалось начинать введение материалов Малой Сыи в научный оборот, снялось бы то нелогичное положение, когда не автор идеи, а напротив, его критики вынуждены принимать на себя трудоемкие исследовательские операции.

Авторитетную экспертизу материалов Малой Сыи более откладывать нельзя, и потому, что в этой части отечественной археологии уже, вероятно, нанесен немалый ущерб, и потому, что В. Е. Ларичевым обещана (см. 1978б, с. 68; 1980б, с. 171, 184, 197; 1980в, с. 29; 1980г, с. 18) новая большая серия «специальных изданий». В производстве, наверное, находится и второе издание «Пещерных чародеев» (см. выходные данные 1980а). В этой ситуации действительно «трудно даже представить, чем могла еще поразить археолога Малая Сыя» (1976б, с. 3). Но уже давно пора заменить то, что «не снилось в самых фантастических снах» (1980а, с. 176) не такой внешне эффектной, но документальной научной достоверностью.

В красочном словесном творчестве В. Е. Ларичева представлено и торжественно звучащее заявление о «профессиональной ответственности перед святым делом по-

знания истины, совестью ученого...» (1978в, с. 27). Остается только пожелать, чтобы эти слова превратились в дело. В. Е. Ларичевым был явочно взят у науки очень большой аванс. И теперь она требует полного отчета.

Заслуженный деятель науки РСФСР
доктор исторических наук *М. П. Грязнов*

зав. кафедрой археологии Ленинградского университета
доктор исторических наук, профессор *А. Д. Столяр*
доктор исторических наук *А. Н. Рогачев*

Приложение

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЗНАКОМЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ С МАТЕРИАЛАМИ В. Е. ЛАРИЧЕВА

11—12 мая 1981 г. заведующий сектором палеолита ЛОИА АН СССР, доктор исторических наук В. П. Любин, старший научный сотрудник сектора палеолита ЛОИА, доктор исторических наук З. А. Абрамова и старший научный сотрудник-консультант сектора палеолита ЛОИА, доктор исторических наук, профессор П. И. Борисковский, прибывшие в Новосибирск по приглашению директора Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР акад. А. П. Окладникова и по поручению заведующего ЛОИА и коллектива сектора палеолита ЛОИА, внимательно ознакомились с каменными и костяными предметами, найденными доктором исторических наук В. Е. Ларичевым при раскопках палеолитического поселения Малая Сыя и хранящимися в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Предметы демонстрировались нам В. Е. Ларичевым, который давал тут же подробные пояснения. В необходимых случаях использовалась бинокулярная лупа.

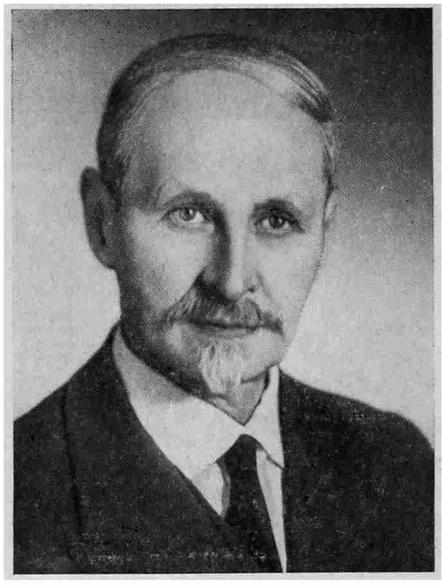
В результате этого обстоятельного ознакомления со всеми представленными нам каменными и костяными предметами мы — В. П. Любин, З. А. Абрамова, П. И. Борисковский — пришли к единодушному заключению, что ни один из показанных нам предметов, опубликованных В. Е. Ларичевым в ряде статей и книг (в частности, в книге «Пещерные чародеи» на с. 9, 21, 45, 73, 99, 155, 161, 165, 170, 175, 179, 185, 191, 196, 201, 205, 209, 213), не может быть признан в качестве произведения первобытного искусства. Ни в одном случае не были представлены ни гравированные рисунки, ни барельефы, ни скульптуры животных ледниковой эпохи и палеолитического человека, а также отличные от европейских изображения фантастических чудовищ (химеры, волкообразные хищники и т. д.) и композиции различных изображений (так называемые космогонические камни) и, наконец, признаки раскрашивания изображений. В действительности, во всех случаях мы имеем дело или со случайностями формы необработанных камней, или с особенностями структуры исходных пород, или со случайностями рельефа поверхностей или краев камней, подвергшихся первичной или вторичной обработке, не связанной с изобразительной деятельностью. Очертания же костяных предметов определялись случайностями их излома.

В заключение мы считаем необходимым отметить дух безоговорочного сотрудничества и благожелательности, которые проявил В. Е. Ларичев, работая с нами.

заведующий сектором палеолита
ЛОИА АН СССР, доктор исторических наук *Любин В. П.*

старший научный сотрудник сектора
палеолита ЛОИА АН СССР, доктор исторических наук *Абрамова З. А.*

старший научный сотрудник-консультант
сектора палеолита ЛОИА АН СССР, доктор
исторических наук, профессор *Борисковский П. И.*



ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА БЛАВАТСКОГО

10 ноября 1980 г. ушел из жизни выдающийся советский исследователь-антиковед, профессор, доктор искусствоведения Владимир Дмитриевич Блаватский. В. Д. Блаватский принадлежал к тому поколению ученых, чья юность совпала с величайшим поворотом в истории нашей страны — с Великой Октябрьской социалистической революцией. Именно это поколение создавало советскую историческую науку, вооруженную идеями марксизма-ленинизма, закладывало основы всех последующих успехов нашей науки.

В. Д. Блаватский родился 12 сентября 1899 г. в Петербурге, в 1917 г. он заканчивает с медалью 3-ю московскую гимназию и поступает в Московский университет. Годы учебы в университете совпадают со службой в Красной Армии (1919—1922 гг.), в 1923 г. он заканчивает факультет общественных наук Московского университета. 20-е годы были временем формирования В. Д. Блаватского как ученого. Он работает в Государственном музее изобразительных искусств, в Государственной академии художественных наук (позднее Академия искусствознания), принимает участие в ряде археологических экспедиций. К этому времени относятся первые его публикации, посвященные главным образом греческой вазописи. Важнейшими событиями этого периода жизни В. Д. Блаватского была учеба в аспирантуре РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) в 1925—1929 гг. и личное знакомство и участие в раскопках, проводившихся под руководством замечательного археолога, члена-корреспондента АН СССР Б. В. Фармаковского в Ольвии (в 1925—1926 гг.). РАНИОН был одним из тех научных учреждений, которые особенно много сделали для становления советской исторической науки как науки марксистской. Из стен РАНИОН, в частности, вышел ряд археологов, позднее ставших известными учеными: А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, М. М. Кобылина, А. П. Смирнов. В 1929 г. В. Д. Блаватский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Чернофигурные лекифы V в. до н. э. из эллинских городов Северного Причерноморья». Участие в раскопках в Ольвии открыло перед В. Д. Блаватским новые перспективы. Дело заключалось не только в практическом знакомстве с археологией, которая постепенно становится основным делом жизни ученого, но и в том, что его учителем в экспедиции был Б. В. Фармаковский, создавший новую методику археологического исследования города, методику, ориентированную на то, чтобы сделать результаты археологических раскопок материалом для исторических выводов. Влияние идей и личности Б. В. Фармаковского на В. Д. Блаватского было исключительно велико. В. Д. Блаватский всегда считал себя его учеником, он очень много сделал для того, чтобы идеи Б. В. Фармаковского получили сколь возможно более широкое распространение.

Важным этапом в жизни В. Д. Блаватского были 30-е годы. В эти годы он начинает работать сначала нештатным сотрудником, а затем старшим научным сотрудником ГАИМК (позднее ИИМК). На эти же годы приходится начало его преподавательской деятельности: в 1933—1936 гг. он доцент Института аспирантуры при Государственном Историческом музее, в 1935—1941 гг. доцент Института аспирантуры Академии архитектуры, с 1939 г.— доцент исторического и филологического факультетов МГУ. В 30-е годы В. Д. Блаватский проводит свои первые самостоятельные археологические экспедиции: в 1931, 1932, 1935 гг.— в Хараксе, 1933 г.— в Камыш-Буруне, 1934 г.— в Пантикапее, 1936—1940 гг.— в Фанагории. Наконец, в эти же годы выходят его первые книги: «Архитектура древнего Рима» (М., 1938), «Архитектура античного мира» (М., 1939), «Греческая

скульптура» (М., 1939). Тогда же В. Д. Блаватский упорно работал над темой, которую он считал основной в своей научной деятельности,— «Техника античной скульптуры».

С началом Великой Отечественной войны В. Д. Блаватский уходит в ополчение. Его служба в рядах Советской армии продолжается до января 1942 г., когда после тяжелой контузии он возвращается в Москву. В апреле 1943 г. В. Д. Блаватский защищает докторскую диссертацию на тему «Опыт изучения техники античной скульптуры», в том же году он становится профессором кафедры археологии МГУ. В 1944 г. он избирается заведующим только что созданным Сектором античной археологии ИИМК и членом-корреспондентом Академии архитектуры.

Последующие годы представляют собой время наивысшего подъема в творческой деятельности В. Д. Блаватского. Он руководит многочисленными экспедициями, давшими огромный новый фактический материал для изучения истории античного Причерноморья и Средиземноморья: 1945—1949, 1952—1958 гг.— исследования Пантикапея, 1950—1951 гг.— разведки на Керченском полуострове, 1950—1954 гг.— разведки и раскопки в Синдике (на Таманском полуострове), 1958—1960 гг.— работы в Аполлонии Иллирийской (Советско-Албанская экспедиция), 1957—1965 гг.— работы Подводной Азово-Черноморской экспедиции. Тогда же выходят в свет многочисленные работы В. Д. Блаватского, среди которых мы упомянем только монографии: «Искусство Северного Причерноморья античной эпохи» (М., 1947), «История античной расписной керамики» (М., 1953), «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1953), «Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1954), «Античная археология Северного Причерноморья» (М., 1961), «Открытие затонувшего мира» (совместно с Г. А. Кошеленко, М., 1963), «Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора» (М., 1964), «Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire» (совместно с Г. А. Кошеленко, Leiden, 1966), «Античная полевая археология» (М., 1967), «Природа и античное общество» (М., 1976).

Деятельность В. Д. Блаватского в эти годы приобретает широкое международное признание. В 1962 г. он избирается членом-корреспондентом Венгерского общества классических исследований, в 1964 г.— членом Международного совета подводной археологии, в 1966 г.— членом-корреспондентом Германского археологического института и Почетным членом Археологического общества Югославии, в 1975 г.— членом Почетного международного комитета Общества мифраистических исследований.

В. Д. Блаватский принимает участие в целом ряде самых представительных международных форумов, посвященных различным проблемам античной археологии, истории, искусства, филологии: 1958 г.— VII Международный конгресс классической археологии (Рим, Неаполь), 1960 г.— XI Международный конгресс исторических наук (Стокгольм), 1963 г.— VIII Международный конгресс классической археологии (Париж), 1964 г.— Международная конференция Eirene (Ленинград), 1965 г.— Конгресс классической филологии (Будапешт), 1969 г.— IX Международный конгресс классической археологии (Дамаск), 1970 г.— XIII Международный конгресс исторических наук (Москва), 1974 г.— Международная конференция Eirene (Дубровник), 1976 г.— Международная конференция Eirene (Ереван), 1978 г.— XI Международный конгресс классической археологии (Лондон) (на последних трех конгрессах В. Д. Блаватский участвовал заочно — не позволяло состояние здоровья). На всех этих конгрессах и конференциях В. Д. Блаватский выступал докладчиком, избирался членом почетных комитетов, руководил заседаниями. Его доклады всегда были посвящены сложным проблемам, выдвигавшиеся им положения были глубоко аргументированы. Особенно большое значение имеет доклад В. Д. Блаватского на XIII Международном конгрессе исторических наук «Древний Восток и античный мир», в котором ставились и решались самые основные вопросы истории рабовладельческой общественно-экономической формации.

Широкая и многогранная деятельность, огромная эрудиция, высочайший личный авторитет сделали В. Д. Блаватского признанным лидером советских антиковедов. С 1958 г. он являлся председателем Ассоциации антиковедов при Отделении истории АН СССР. В. Д. Блаватский был ученым, чрезвычайно много сделавшим для становления и развития советского антиковедения. Сейчас еще трудно оценить степень его влияния на эту отрасль науки. Одной из основных черт облика ученого было удивительное чувство нового, В. Д. Блаватский по самой своей природе был первооткрывателем, первопроходцем, раньше других осознающим насущные требования развития науки. Он первым осознал необходимость систематических исследований сельскохозяйственной хоры античных государств Причерноморья, ему же принадлежит честь создания и руководства первой подводной экспедицией. В. Д. Блаватский также был руководителем и первой советской зарубежной экспедиции.

Важнейшей особенностью научного творчества В. Д. Блаватского был его интегрирующий характер. Являясь в равной мере историком, археологом, искусствоведом, философом, В. Д. Блаватский мог рассматривать каждое крупное историческое явление во всем многообразии его проявлений и опосредствований. Только столь разносторонний ученый мог создать такие замечательные работы, как «Период протоэллинизма на Боспоре», «Древний Восток и античный мир», «Античный город»,

«Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора», где в рамках единой концепции анализировались все доступные изучению аспекты исторического явления. Эта разносторонность усиливала и доказательную силу аргументов ученого, поскольку он глубоко профессионально анализировал все категории источников. Историзм был основным научным принципом В. Д. Блаватского. Оставаясь по преимуществу археологом, он постоянно стремился сделать археологические материалы важнейшим историческим источником. Развив и углубив принципы Б. В. Фармаковского, В. Д. Блаватский особое внимание уделил чрезвычайно слабо исследованной проблеме — изучению собственно археологического слоя. Исходя из того, что собственно слой является основным носителем информации и что именно он гибнет в ходе раскопок, В. Д. Блаватский углубленно работает над этой важнейшей проблемой. Итогом его собственных многолетних раскопочных работ, широчайшего знакомства с отечественным и зарубежным опытом, глубоких размышлений стала книга «Античная полевая археология» — замечательное учебное пособие, верный советчик всех археологов-антиковедов.

В. Д. Блаватский был прирожденным учителем. Многолетняя преподавательская деятельность в МГУ, руководство аспирантами в Институте археологии сделали В. Д. Блаватского учителем большого отряда советских и зарубежных археологов, В. Д. Блаватский никогда не жалел ни времени, ни сил для этой работы. Щедро делясь своими огромными знаниями, бережно поддерживая каждый росток свежей новой мысли ученика, помогая преодолевать всяческие трудности, В. Д. Блаватский был истинным учителем, о котором только может мечтать начинающий ученый. Им была создана подлинная научная школа, сегодня практически все советские археологи-антиковеды в той или иной степени его ученики или ученики его учеников.

Велико было и обаяние личности В. Д. Блаватского. Бескорыстное служение науке, рыцарем которой он был, самоотверженность, принципиальность и в то же время удивительная человеческая мягкость всегда служили примером для его учеников и коллег. В. Д. Блаватский был ученым-гуманистом и ученым-патриотом, глубоко осознававшим великое значение защиты духовных ценностей, накопленных человечеством за тысячелетия его истории, понимавшим свою научную работу как акт служения своему народу.

В. Д. Блаватский пользовался огромным и непререкаемым авторитетом среди своих коллег. Знаком самого глубокого уважения к нему стали два сборника научных статей, изданных его друзьями, учениками и коллегами к сорока- и пятидесятилетию его научной деятельности («Культура античного мира», М., 1966; «История и культура античного мира», М., 1976). Научная, педагогическая и общественная деятельность ученого была высоко оценена партией и Советским правительством. Он был награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и семью медалями.

В. Д. Блаватский был подлинным создателем советской античной археологии, ее многолетним общепризнанным научным лидером, воспитателем нескольких поколений ученых. Его влияние на становление и развитие всего советского антиковедения было очень глубоким и серьезным. Память о замечательном советском ученом В. Д. Блаватском навсегда останется в сердцах всех знавших его.

Институт археологии АН СССР
Сектор античной археологии

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Архитектурное наследство
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГПИ — Воронежский гос. педагогический институт
ВДИ — Вестник древней истории
Вестн. МГУ — Вестник Московского гос. университета
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВИМК — Вестник мировой культуры
ВССА — Кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока. М.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДГС — Древности Геродотовой Скифии. СПб., вып. I, 1866; вып. II, 1872
ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЖС — Живая старина
ЗНОРАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии материальной культуры
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАО — Известия Русского археологического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття и Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
НиС — Нумизматика и сфрагистика
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ОРИМ — Отчет Русского Исторического музея
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР
ТКНОИМК — Труды Костромского научного общества по изучению местного края
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
ТНКРАИМК — Труды Нумизматической комиссии Российской академии истории материальной культуры
ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ЮОМО — Труды Южной областной мелиоративной организации. Одесса
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
Уч. зап. ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл
ХМ — Херсонесский музей
ХСб. — Херсонесский сборник. Севастополь

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских
ЭО — Этнографическое обозрение
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
ArA — Artibus Asiae
AJA — American Journal of Archaeology. Institute of America
AMitt.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AP — Archeologia Polski. Wroc'aw — Warszawa — Kraków — Gdańsk
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
BSOAS — Bulletin of the Schooll of Oriental (and African) Studies. University of London
EFR — École française de Rome
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
MADA — Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai. A serija
NH — Naturalis Historiae
P. W.— RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Real — Enciclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1981 ГОД

	№	стр.
Решения XXVI съезда КПСС и задачи советской археологической науки (Мунчаев Р. М.)	4	5
Абрамова З. А. Г. П. Сосновский (1899—1941) и проблемы палеолита Северной Азии	1	109
Абызова Е. Н. Кашинный сосуд из Старого Орхея	2	296
Акишев А. К., Байпаков К. М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара	4	229
Алешковский П. М., Чернов С. З. Археологический комментарий к берестяным грамотам № 550 и 568	2	291
Аль-Наджар Мухаммед. Памятники культуры ранней бронзы на территории Иордании (к вопросу о начале бронзового века в Палестине)	2	21
Аншлогов А. В. Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова	1	266
Аразова Р. Б. Об использовании битума в древнем Азербайджане	3	248
Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска	2	161
Бадер О. Н., Сериков Ю. Б. Гаринское палеолитическое местонахождение на Сосьве	3	242
Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента)	2	94
Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи	3	163
Белоцерковская В. И. Керамика некоторых поселений раннего железного века на верхней Упе	2	197
Бёттгер Б. Амфора с надписями из Танаиса	4	206
Бибиков С. Н. Ленинские идеи в археологической науке	4	281
Блаватский В. Д. Феодосия VI—IV вв. до н. э. и ее название	4	21
Борисковский П. И., Хлобыстин Л. П. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977; Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979	1	314
Бродянский Д. Л. Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э.— VIII в. н. э.) М., 1977	2	311
Буров Г. М. Фрагменты сапей с поселений Вис I и Вис II (I тысячелетие н. э.)	2	117
Бутин Ю. М. [Рец.]. Чосон Когохак Кэё (Очерки по археологии Кореи). Пхеньян, 1977	3	291
Васильев С. А. Jochim M. A. Hunter-gatherer subsistence and settlement. A predictive model. New York, 1976	3	300
Волкайте-Куликаускене Р., Лухтан А. Редкие монеты из Восточной Литвы	4	265
Воробьева Е. В. Рельеф с драконами из Галича	1	209
Гаджиев М. С. Глиняные котлы IV—VI вв. из Дербента	2	276
Георгиев П. П. К вопросу о древнерусских банях	1	100
Голенцов А. С., Петерс Б. Г. Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975—1977 гг.	2	207
Голубева Л. А. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—XI вв.	4	87
Голубева Л. А. XVI Всесоюзная конференция финноугроведов	4	287
Гопак В. Д., Заверняев Ф. М. Железные изделия Почепского селища	1	181
Гришин Ю. С. Закаменский клад медно-бронзовых изделий из Забайкалья	1	282
Грязнов М. П. Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976	1	318
Гуревич Ф. Д. Поливная керамика Новогрудского детинца	4	99

	№	стр.
Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки	3	130
Данилова Е. И., Корпусова В. Н. Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму	1	163
Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.)	3	218
Державин В. Л., Тихонов Б. Г. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье	3	252
Дзис-Райко Г. А., Черняков И. Т. Золотая чаша вылчетрыновского типа из Северо-Западного Причерноморья	1	151
Егоров В. Л. Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975	4	271
Железчиков Б. Ф., Пятых Г. Г. Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская область)	2	271
Жилин М. Г., Фролов А. С. Мезолитическая стоянка Ладыжино III (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.)	2	255
Журавлев А. П., Девятова Э. И., Врублевская Э. Л. Медные изделия стоянки Залавруга IV	4	247
Заверняев Ф. М. Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки	4	141
Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья	3	107
Зданович Г. Б., Плешаков А. А. Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья	3	258
Ильюков Л. С. Бронзовый топор из Прикубанья	2	264
Карышковский П. О. [Рец.]. Две книги советских нумизматов в английском переводе	3	297
Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры	2	57
Кашкин А. В. О гончарстве в Непале	4	238
Козенкова В. И. О границах западного варианта кобанской культуры	3	29
Козенкова В. И., Ложкин М. Н. Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани	4	196
Козловская В. И. [Рец.]. Hispania Antiqua. Revista de Historia Antigua. Universidad de Valladolid, 1976	1	324
Кольцов Л. В. Tarrête J. Le Montmorencien. X-e Supplement á «Gallia Préhistoire». Paris, 1977	2	307
Копейкина Л. В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке)	1	192
Кореневский С. Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии	1	277
Кореневский С. Н. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника	3	148
Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше	2	178
Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры	2	5
Красильников К. И., Руженко А. А. Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое	2	282
Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедопечья	4	110
Крис Х. И. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ	1	171
Кузнецов А. М. О работе археологического симпозиума XIV Тихоокеанского научного конгресса	3	309
Курбансахатов К. Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана	2	260
Курлов В. И. О реставрации Соловецкого Преображенского собора XVI века	1	88
Кызласов И. Л., Нащекин Н. В. Изваяние с енисейской надписью с озера Ачик-куль (Хакасия)	3	262
Лабутина И. К., Костючук Л. Я. Псковские берестяные грамоты № 3 и 4	1	66
Латышева В. А., Мещеряков В. Ф. Всесоюзная научная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии»	3	311
Левушкина С. В., Флициян Е. Химический состав металла кинжала из Вахшувара	1	287
Литичевский Г. С. Vallet G., Villard F., Auberson P. Mégara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaïque. EFR. Roma, 1976	4	274
Макаров Н. А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей	2	111
Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси	4	261

	№	стр.
Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма	3	268
Мамонтов В. И. Погребения эпохи бронзы Глазуновского курганного могильника	1	279
Мамонтов В. И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья	3	16
Масимов И. С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба	2	132
Матюхин А. Е., Григорьева Г. В. Технология изготовления пакопечников из позднепалеолитической стоянки Корпач	2	245
Мацкевой Л. Г. Новые мезолитические и неолитические поселения Краснодарского края	1	134
Медведев А. П. Сарматское погребение близ Воронежа	4	253
Медынцева А. А. Надпись-граффити из псковской церкви Покрова	3	233
Мелюкова А. И., Смирнова Г. И. Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хропологии скифской культуры»	1	329
Мирошина Т. В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э.	4	46
Михлин Б. Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г.	3	181
Монахов С. Ю. О штампах для клеймения херсонесских амфор	2	265
Мошкова М. Г. Комплекс паходок с ритоном из Уральской области	4	171
Недошивина Н. Г. Новлянские курганы	1	293
Немцева Н. Б. К вопросу о методике полевых археологических работ на памятниках зодчества Средней Азии	1	79
Немцева Н. Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда	4	126
Никитин В. И., Черняков И. Т. Курлозский клад эпохи поздней бронзы	2	151
Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье	1	42
Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана	4	186
Окладников А. П., Окладникова Е. А. [Рец.]. Новое исследование по петроглифам Дагестана	1	320
Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов	3	52
Островерхов А. С. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье	4	214
Отрешко В. М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья	1	27
Павлова К. В. Оборонительные сооружения городища Осовик	3	73
Паничева Л. Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка	3	274
Петренко В. П. Mugurevics Ē. Olinkalna un Lokstenes pilsnovodi (3—15 gs. arheologiskie pieminekli). Rīga, 1977	3	302
Посредников В. А. Большеларьякское городище	2	299
Пряхин А. Д., Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье	3	281
Пуцко В. Г. Каменный рельеф из киевских находок	2	223
Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения	3	285
Раевский Д. С. Куль-обские лучники	3	44
Ртвеладзе Э. В. Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар)	1	285
Рыбина Е. А. Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде	1	298
Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги)	3	66
Сарианиди В. И. Зеркала древней Бактрии	1	288
Седов В. В. Warnke D. Wieken an der Südlichen Ostseeküste. Berlin, 1977	3	306
Сергина Т. В. Поливная посуда из Смоленска	2	233
Сериков Ю. Б. Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полудепка I	1	261
Синюк А. Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона	4	8
Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешты — Лукашевка у с. Долиняны на Буковине (раскопки 1977—1978 гг.)	3	193
Сорокин А. Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера)	1	118
Сорокин А. Н. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера)	4	159
Станюкович А. К. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески)	1	57
Старостин П. Н., Хомутова Л. С. Железообработка у племен именьковской культуры	3	208
Татаринов С. И., Копыл А. Г. Дроповские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец	1	300
Татаринов О. И. Новые сосуды эпохи бронзы со знаками (Донбасс)	4	250
Тимофеев В. И., Филиппов А. К. Три изделия из рога северного оленя, найденные в Юго-Восточной Прибалтике	2	251

	№	стр.
Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв.	2	80
Третьяков В. П. Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры	3	5
Фахрутдинов Р. Г. Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.)	1	242
Федоров Б. Н. Пьедесталы надгроий с узкими высокими стелами (Херсонес. IV—III вв. до н. э.)	4	30
Фомичев Н. М. Джучидские монеты из Азова	1	219
Формозов А. А. К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века	1	312
Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века	3	97
Халимов Н. Б. Надгробие XIV века из Куня-Ургенча	2	298
Хожаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма	2	43
Чариков А. А. Статуя музыканта XII в.	2	289
Чернай И. Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища)	4	70
Черных Е. Н. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы	1	19
Шелов Д. Б. За высокое качество полевых археологических исследований	1	5
Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э.	2	31
Щукин М. Б. О симпозиуме «Проблемы вельбаркской культуры» в Слупске (Польша)	3	315
Юшко А. А. Монетные находки из раскопок Звенигорода Московского	1	307
Янин В. Л. К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» в Новгороде	3	85
Письмо в редакцию	4	289
Памяти Варвары Андреевны Ильинской	2	317
Памяти Юрия Владимировича Кухаренко	2	318
Памяти Константина Федоровича Смирнова	3	319
Памяти Владимира Дмитриевича Блаватского	4	296

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.07.81 Подписано к печати 25.09.81 Т-27501 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 95,6 тыс. Уч.-изд. л. 29,0 Бум. л. 9,5
Тираж 3569 экз. Зак. 641

Издательство «Наука», 103717, ГСП. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10